

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ «ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»**

На правах рукописи

САРАЕВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Л.Н. ГУМИЛЕВА И ЕГО ОЦЕНКИ В
ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

**Специальность 5.6.5 Историография, источниковедение,
методы исторического исследования**

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

**Научный руководитель:
кандидат исторических наук
Дробышев Юлий Иванович**

Москва – 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Наследие Л.Н. Гумилева: истоки идей, оценки и критика.....	45
1.1. Проблема «особого» взгляда Л.Н. Гумилева в науке и в восприятии научной среды.....	45
1.2. Внутренняя логика творчества Л.Н. Гумилева и место его теории в ряду историософских схем.....	83
1.3. Научный метод Л.Н. Гумилева: его истоки и проблема непонимания. .	116
Глава 2. Л.Н. Гумилев как историк-востоковед: формирование научных взглядов, ранние работы и дискуссии вокруг них.....	152
2.1. Начало научной деятельности Л.Н. Гумилева (1934–1960): научные контакты, оформление круга интересов, начало неприятия.....	152
2.2. Монография «Хунну» и обсуждение проблем ранней истории кочевников Центральной Азии.....	183
2.3. Монография «Хунны в Китае»: спор синологов и номадологов	217
Глава 3. Проблемы построения общей концепции этнокультурной истории Евразийских степей в работах Л.Н. Гумилева.....	260
3.1. Проблема этнокультурной преемственности в Евразии.....	260
3.2. Религиозный фактор в истории и культуре народов Евразии.....	294
3.3. Общетеоретические вопросы кочевниковедения.....	319
Заключение.....	355
Библиография.....	361
Приложение 1	398
Приложение 2.....	404
Приложение 3	409
Приложение 4	412

Введение

Актуальность. Изучение историко-культурного наследия кочевых народов Евразии долгое время оставалось предметом специального интереса небольшого числа путешественников, этнографов и востоковедов. Такой интерес всегда был экзотическим, неважно, смотрели ли на эти территории из Европы или из Китая¹. Между тем, для России история внутренней Евразии – это история ее собственной территории, а для народов, помимо русского, ее населяющих – история их прямых предков. Несмотря на то, что такой подход был впервые четко сформулирован еще в 20-е гг. XX в. («Евразийство»), общего признания он не нашел ни на родине, ни в среде русской эмиграции. Единение народов Советского Союза предполагалось лишь в будущем, тогда как прошлое России продолжало рассматриваться исходя из европоцентристской парадигмы.

Неудовлетворенность многих народов России и постсоветского пространства своим скромным местом в общем историческом нарративе уже в наше время породила огромное количество взаимно противоречивых национальных мифов, создаваемых в рамках складывавшихся национальных историографий (в бывших союзных республиках) и в рамках регионалистских подходов (внутри собственно Российской Федерации)². Разрешить спор за исторических предков представители национальных интеллигенций между собой не могли, почему и понадобилось обращаться за помощью в академические учреждения Москвы и Санкт-Петербурга³. В немалой степени это стимулировало

¹ McGovern W.M. *The Early Empires of Central Asia*. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1939. P. 1. Тойнби А.Дж. *Цивилизация перед судом истории*. – М.: Айрис-пресс, 2003. С. 123. Барфилд Т.Дж. *Опасная граница: кочевые империи и Китай*. – СПб.: Нестор-История, 2009. С. 36. Хоанг М. *Чингисхан*. – М.: Молодая гвардия, 2016. С. 30–32.

² Миллер А.И. *Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования*. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 17–35.

³ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. *Казахстан. Летопись трех тысячелетий*. – Алма-Ата: Рауан, 1992. Кычанов Е.И. *Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане*. 2-е изд., испр. и доп. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. *История татар с древнейших времен: в 7 т. Т.1 / [науч. ред. С.Г. Кляшторный; отв. ред. Р. А. Хакимов]*. – Казань: Рухият, 2002. Аналогичную роль для изучения прошлого Кыргызстана и Туркмении сыграл В.М. Массон, как собственными трудами, так и организационной работой по привлечению других специалистов.

развитие исследований политической истории, материальной и духовной культуры народов Евразии в самой Российской Федерации. При этом очевидная необходимость обобщения разнообразного материала натолкнулась на острый недостаток современной литературы.

Последнее обстоятельство представляется ключевым для понимания того значения, которое на постсоветском пространстве обрела фигура Л.Н. Гумилева (1912–1992). Опыт *целостного обобщения* истории кочевников Евразии *от древности до развитого средневековья* не ангажированной ни национальным нарративом, ни марксистской идеологией в русскоязычной историографии советского периода был представлен только трудами Л.Н. Гумилева. Поэтому неудивительно, что, даже по признанию критиков, «Л.Н. Гумилев – самый известный русский историк второй половины XX века»⁴. Еще одно высказывание, принадлежащее специалисту-кочевниковеду, помещает Гумилева в один ряд с основателями российской исторической науки: «Нет сейчас и лидеров в этой науке, какими были, скажем, В.О. Ключевский или С.М. Соловьев. Последним "властителем дум" в нашей стране, похоже, был Л.Н. Гумилев»⁵.

Исследования, посвященные личности и научному наследию Л.Н. Гумилева, появляются с завидным постоянством, причем география работ не ограничивается одной Россией. Наследие Л.Н. Гумилева актуально для ученых всего постсоветского пространства и в немалой степени для ученых Европы, Турции, Монголии, США. Работы Л.Н. Гумилева изданы в переводах на английский, французский, испанский, итальянский, польский, чешский, венгерский, турецкий, казахский языки.

См. Кутимов Ю.Г. Серия «Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана» // Записки восточного отделения российского археологического общества. Т. I (XXVI). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 525-528. Кирчо Л.Б. Слово о юбиляре // Проблемы культурогенеза и культурного наследия: сборник статей к 80-летию В.М. Масона. – СПб.: Инфо Ол, 2009. С. 5-7. Виноградов Ю.А. Монархические титулы в истории древней Греции // Там же. С. 117-128.

⁴ Флеров В.С., Флерова В.Е. Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // Хазары. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 202.

⁵ Пиков Г.Г. Запад знакомится с Востоком (Представления средневековых европейцев о восточных народах): учебное пособие. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 17.

По другую сторону от научного сообщества находится широкий круг читателей, который только и может сделать того или иного историка «самым известным». Книги Л.Н. Гумилева не только издаются, но и читаются, причем спрос на них за годы не ослабевает⁶.

Есть еще одна сторона, условно, «официальная», воспринимающая Л.Н. Гумилева как *символ*. Так, имя Л.Н. Гумилева присвоено Евразийскому национальному университету в столице Казахстана, а один из прежде безымянных пиков в казахстанской части Горного Алтая получил наименование «пик 90-летия Л.Н. Гумилева». В 2005 г. в центре Казани был установлен памятник Л.Н. Гумилеву. Памятник всей семье Гумилевых установлен в г. Бежецк Тверской области, вблизи которого находилось имение А.И. Гумилевой, матери Н.С. Гумилева. По инициативе и при финансовой поддержке Республики Татарстан в Санкт-Петербурге установлена памятная доска на доме, где жил Л.Н. Гумилев и в котором действует его мемориальный музей. Похоронен Л.Н. Гумилев на Никольском кладбище Александро-Невской лавры среди известных людей прошлого и современности, а в 2011 г. на средства Республики Татарстан на могиле было обновлено надгробие. Юбилейные торжества к 100-летию Л.Н. Гумилева в 2012 г. были отмечены появлением «улицы Льва Гумилева» в г. Элиста. В 2015 г. во дворе Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета и в 2016 г. в Горно-Алтайске (у здания государственного университета) были открыты очередные памятники Л.Н. Гумилеву. Один из самолетов авиакомпании «Аэрофлот» носит имя «L. Gumilev».

Очерченная картина может создать впечатление изученности и, в общем, не проблемного состояния научного наследия Л.Н. Гумилева. Однако всё намного сложнее. Например, накануне 100-летия Л.Н. Гумилева было даже предложено написать заново историю Центральной Азии, не учитывая ничего из его наследия⁷. Как верно на этот счет отметил А.Ю. Дворниченко, «возник

⁶ Верховцев Д.В. Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 79–101. С 85–87.

⁷ Кожин П.М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана. – М.: ИД «ФОРУМ», 2011. С. 283.

своего рода парадокс», когда широкое празднование столетия ученого, на самом деле, показало отсутствие «в современной России... должной оценки наследия "последнего евразийца"»⁸. Несмотря на то, что «Гумилев бьет все рекорды по изданиям своих трудов», по-прежнему в «"академической среде"», особенно среди историков (...естественно, и этнографов с археологами) отношение к нему несколько свысока и настороженное»⁹. Сам А.Ю. Дворниченко, как многолетний декан факультета, который некогда оканчивал и Гумилев (и там же защищал обе свои диссертации по истории), такое положение дел в отношении «своего универсанта»¹⁰ справедливым не считает.

Действительно, за три десятилетия, прошедших со смерти Л.Н. Гумилева, сформировался его образ, уже далекий от реальности. Так, для научного сообщества, в целом, есть три варианта восприятия Л.Н. Гумилева: в *первом* случае, при всех минусах, он признается выдающимся ученым; во *втором* – ему отводится скромная роль популяризатора истории евразийских степей и создателя спорной пассионарной теории; в *третьем* – любые его заслуги отрицаются.

Неизменность соотношения всех трех подходов подтвердила состоявшаяся в конце 2022 г. на страницах «Этнографического обозрения» дискуссия, одним из центральных персонажей которой оказался Л.Н. Гумилев. Примечательно, что академик В.А. Тишков, не отказываясь от прежнего своего отрицательного мнения о гумилевской теории этногенеза¹¹, тем не менее, подчеркнул значимость его работ по истории евразийских кочевников¹².

Несмотря на обилие литературы, посвященной Л.Н. Гумилеву, включая и защищенные диссертационные работы (в основном, философско-культуроло-

⁸ Дворниченко А.Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. – СПб.: Евразия, 2017. С. 299–300.

⁹ Там же. С. 300.

¹⁰ Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. 2-е изд. – СПб.: Евразия; М.: ИД КЛИО, 2017. С. 281.

¹¹ Тишков В.А. Реквием по этносу. – М.: Наука, 2003. С. 34.

¹² Алымов С.С., Перепелкин Л.С., Соколовский С.В., Тишков В.А., Шнирельман В.А., Верховцев Д.В. Этнос post-mortem: размышления и комментарии // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 102–131. С. 116.

гического характера и лишь одна – источниковедческого)¹³, комплексный, системный подход к наследию ученого на основе изучения его опубликованных работ, дискуссий вокруг них, документов его личного архива, материалов переписки, воспоминаний о нем до сих пор не предпринимался. Необходимость такого подхода несомненна, поскольку фигура Гумилева как важнейшего представителя русской историографии второй половины XX в. уже, очевидно, стала самостоятельным объектом изучения. Только при целостном подходе может быть правильно оценен весь объем накопленных частных исследований и ряда обобщений, а также выявлены вопросы, требующие дополнительной разработки, и намечена перспектива дальнейших исследований научного наследия Л.Н. Гумилева

Степень разработанности темы. Специально посвященных Л.Н. Гумилеву монографических работ относительно немного, зато во многих сотнях статей и книг затрагиваются отдельные аспекты его научного творчества или хотя бы упоминается его имя¹⁴. Широкий интерес к жизни и творчеству Л.Н. Гумилева нередко имеет негативную окраску: его изучают, чтобы опровергнуть, а опровергают нередко для того, чтобы, спекулируя на его популярности, сделать себе имя.

В результате появления подобных работ, а их, по меньшей мере, десятки, вокруг имени Л.Н. Гумилева образовался информационный шум, заслоняющий его собственные труды, препятствующий их адекватному восприятию. По

¹³ Ищенко Е.Н. Развитие Евразийской традиции в трудах Л.Н. Гумилева и современном евразийстве: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2004. Бондарев А.В. История и основные направления развития отечественных теоретических исследований культурогенеза: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01 / [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – Санкт-Петербург, 2008. Киркин М.А. Философско-историческое содержание теории этногенеза Л.Н. Гумилева: диссертация... кандидата философских наук: 09.00.03 / [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филос. фак.]. – М., 2011. Курцев Т.И. Принципы неоднородности и однородности в пассионарной концепции этногенеза: философско-культурологический анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 24.00.01 / [Место защиты: Казан. гос. ун-т культуры и искусств]. – Казань, 2015. Воронович А.В. Материалы личного архива Л.Н. Гумилева как исторический источник: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. – СПб., 2012.

¹⁴ Воронович А.В. Материалы к библиографии работ о Л.Н. Гумилеве // Л.Н. Гумилев: pro et contra. – СПб.: РХГА; НОКО, 2012. С. 861–909.

верному замечанию М.Б. Пиотровского, «у Льва Николаевича оппонентов в постсоветское время было не меньше, чем в советское. Его научная биография не делится на период советского запрета и постсоветской свободы»¹⁵.

Таким образом, имея дело с библиографией работ о Л.Н. Гумилеве необходимо, во-первых, ограничиться аспектом – историей и культурой народов внутренней Евразии (Центральной Азии); во-вторых, релевантные для избранной темы исследования целесообразно разделить на: 1) посвященные собственно Л.Н. Гумилеву – биографические (в этом случае аспект может быть выдержан лишь отчасти); 2) работы, в которых анализируются взгляды и концепции Л.Н. Гумилева в применении к избранной теме.

Первая попытка целостного описания жизни и творчества Л.Н. Гумилева принадлежит С.Б. Лаврову¹⁶. Научному наследию Л.Н. Гумилева посвящена только часть глав его книги, в которых автор пытается на основе разного рода документов установить обстоятельства вхождения Л.Н. Гумилева в науку и причины неизменных столкновений с коллегами, найти истоки и проанализировать содержание базовых идей Л.Н. Гумилева. При этом в работе с книгой С.Б. Лаврова имеется проблема. Ее два издания¹⁷ помимо различий в нумерации глав отличаются иногда содержательно. Поскольку первое издание подготовлено самим автором, во всех спорных случаях мы отдаем предпочтение именно ему.

Обстоятельная статья А.И. Куркчи¹⁸ (а также его предисловия и комментарии к изданиям работ Л.Н. Гумилева) дает общую оценку наследию Л.Н. Гумилева, раскрывает сюжеты, оставшиеся за пределами опубликованных работ; в ней впервые ставится вопрос о причинах изначального неприятия Л.Н. Гумилева востоковедной средой. Ценность работ А.И. Куркчи состоит в том, что ав-

¹⁵ Цит. по: Ахметшин Ш.К. Лев Николаевич Гумилев. – СПб.: Славия, 2011. С. 9.

¹⁶ Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. – М.: Сварог и К, 2000.

¹⁷ Второе, на основе которого переиздаются все последующие: Лавров С.Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. – М.: Айрис-пресс, 2003.

¹⁸ Куркчи А.И. Л.Н. Гумилев и его время // Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – М.: ДИ-ДИК, 1997. С. 23–78.

тор, близко знавший Л.Н. Гумилева не одно десятилетие, осведомлен во многих вопросах непосредственно «из первых рук».

Написанные по случаю 100-летнего юбилея ученого объемные, насыщенные фактами и размышлениями, снабженные подробными библиографиями статьи А.В. Бондарева ставят целью обобщить как магистральные идеи самого Л.Н. Гумилева, так и основные подходы и концептуальные проблемы, сложившиеся вокруг изучения его научного наследия¹⁹.

Несмотря на обобщенное название «Россия и Евразия», половина книги А.В. Логинова посвящена специально изложению (последовательному и весьма вдумчивому) и интерпретации взглядов Л.Н. Гумилева²⁰. По своему содержанию книга должна быть отнесена скорее к справочной или учебной литературе. Автор не скрывает некоторой компилятивности своего замысла, но и не дезинформирует на этот счет читателя.

Сборник «Лев Гумилев. Теория этногенеза: великое открытие или мистификация?» подготовлен последователем идей Гумилева – М.М. Зильбертом. В нем собраны как работы самого Гумилева, среди которых есть несколько ранее не издававшихся, так и критические отклики на них. Одна статья, опубликованная по рукописи, впервые вводит в научный оборот подробный аргументированный ответ Гумилева на критику писателя В. Чивилихина (по журнальной публикации глав его романа «Память»)²¹. Нельзя, однако, не отметить общую небрежность подготовки текстов, особенно обилие опечаток, что снижает ценность данного сборника в качестве справочного пособия.

¹⁹ Бондарев А.В. Личность и идейное наследие Л. Н. Гумилева: мифологемы восприятия и проблемы понимания // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2012. № 1. С. 195–223. Бондарев А.В. Феномен Л.Н. Гумилева // *Наследие Л.Н. Гумилёва и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы*. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2012. С. 44–69.

²⁰ Логинов А.В. Россия и Евразия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2013. С. 221–529.

²¹ Лев Гумилев. Теория этногенеза: великое открытие или мистификация? Сборник статей к 100-летию со дня рождения ученого / Сост. М. Зильберт. – М.: АСТ, 2013. С. 280–296. Необычное, учитывая контекст, название «Некоторые исторические аспекты социальной географии» вызвано, вероятно, спецификой издания, куда предполагалось направить статью. Согласно комментарию, текст предоставлен вдовой С.Б. Лаврова (Там же. С. 678).

К справочно-исследовательскому типу также следует отнести монографию С.Г. Павочки «Этнология Л.Н. Гумилева»²². Автором проработан внушительный комплекс литературы, подчас труднодоступной, в том числе малотиражные сборники 1980–1990-х гг., депонированные рукописи и диссертации. В этом смысле библиографический список монографии обладает самостоятельной ценностью. С другой стороны, на фоне глубокой проработки фактического материала особенно контрастно выглядит слабость аналитической части работы, а также нелогичность ее структуры: евразийство, русский космизм, натур-философия, «цивилизационный подход», постсоветская дискуссия о «примордиалистских» и «конструктивистских» концепциях этноса не только мало или совсем никак не связаны друг с другом, но и к «этнологии Л.Н. Гумилева» имеют весьма посредственное отношение, по крайней мере, ее не детерминируют.

Небольшая книга Т.Л. Фроловской «Евразийский лев»²³ чрезвычайно субъективна. Автора больше интересуют бытовые подробности жизни Л.Н. Гумилева, в то время как представления о его научных исследованиях не отличаются ни глубиной проработки, ни даже элементарным пониманием их содержания. О степени научной проработанности исследования можно судить по следующей фразе: «Гумилев в своей единственной жизни без вспомоществования нечистой силы, по своей воле, занимался раскопками на Пазырыкском кургане, в зрелом возрасте на дне Каспия искал и нашел Хазарию, а космосом, особенно ближним – биосферой, – интересовался с самых юных лет»²⁴.

Одну из ранних попыток дать общий обзор биографии и научного наследия Л.Н. Гумилева предпринял киевский независимый исследователь Н.И. Жарких (Микола Жарких). Работа «Жизнь и творчество Льва Гумилева», написанная на украинском языке, была доступна в электронном виде в сети Интернет с середины 2000-х гг., но, кажется, так и не обрела форму печатной книги. Автор, являясь безусловным сторонником Гумилева и в то же время стараясь

²² Павочка С.Г. Этнология Л.Н. Гумилева: истоки и сущность. – Гродно: ГГАУ, 2011.

²³ Фроловская Т. Евразийский лев. – Семипалатинск: Международный клуб Абая, 2003.

²⁴ Фроловская Т. Евразийский лев. С. 21.

демонстрировать некоторую долю беспристрастности, избрал, думается, не лучший способ аргументации: выявить все, как он полагает, слабые или сомнительные места в трудах Гумилева и показать их даже большую несостоятельность, чем это считали непосредственные критики, а затем по каждому такому сюжету резюмировать, что это не главное, чем наследие Гумилева ценно²⁵. Подобная демонстрация научного пуризма, как нередко случается, работает против самого критика. Например, Н.И. Жарких решил «уличить» Гумилева в неверном цитировании археолога-хазароведа М.Г. Магомедова: «Прежде всего, следует отметить, что раздражение – плохой советчик. Упрек Гумилева, что Магомедов якобы неправильно цитировал книгу "Древние тюрки" и не понимал написанного, неверен: я внимательно пересмотрел научный аппарат книги Магомедова и выяснил: работы Гумилева упоминаются на с. 18, 41, 52, 143, 181. В каждом случае речь идет о книге "Открытие Хазарии" и статьях о Хазарии, и ни разу не упомянута книга "Древние тюрки". Так что, Магомедов в свою очередь мог бы упрекнуть Гумилев в непонимании своего текста, и это было бы справедливо»²⁶.

Удивительным образом строгий критик не включил в свое понимание «научного аппарата» библиографию к книге М.Г. Магомедова, хотя в ней наряду с другими работами Гумилева присутствуют и «Древние тюрки»²⁷. Еще менее объяснимо, что на указанной самим Н.И. Жарких с. 181 первая и вторая ссылки – это именно «Древние тюрки». Чтобы это заметить, достаточно эту страницу просто открыть²⁸. Таким образом, проблема достоверности даже внешне объективной и убедительной критики наследия Гумилева вовсе не на-

²⁵ Прямая авторская формулировка в pdf-версии его исследования: Жарких М.І. Життя і творчість Льва Гумільова. – Київ, 2004 / URL: https://www.academia.edu/26710400/Життя_і_творчість_Льва_Гумільова (дата обращения: 27.07.2022). С. 149.

²⁶ Там же. С. 58. Перевод мой.

²⁷ Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. – М.: Наука, 1983. С. 219.

²⁸ С упоминанием себя на с. 181 Гумилев и полемизировал. См. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 49. Заочная полемика с М.Г. Магомедовым отразилась и в пометках в принадлежавшем Гумилеву экземпляре его книги (как на с. 181, так и на других, а также на вложенном в книгу листке с собственными замечаниями).

думанна. Впрочем, обилие придилок не отменяет наличия в исследовании Н.И. Жарких и ряда ценных наблюдений.

Малодостоверна написанная В.Н. Деминым для серии «Жизнь замечательных людей» биография Л.Н. Гумилева²⁹. У книги три принципиальных недостатка. 1) Приписывание Л.Н. Гумилеву паранаучных представлений, например: о славянстве гуннов, Гиперборее, о сакральных энергиях (с. 125, 146, 154–155, 198, 238–239). 2) Слабое понимание трудов Л.Н. Гумилева, приводящее к нелепым ошибкам: «...между 977 и 985 годами Хазария была оккупирована Хорезмом и принуждена вновь принять ислам. А *вскоре* (выделено мной. – А.С.) начались постоянные и сокрушительные атаки русских дружин..., в результате которых в 60-е годы X века Хазарский каганат был окончательно разгромлен» (с. 128). 3) Раскавыченные и никак по-другому не обозначенные цитаты из работ Л.Н. Гумилева, которые, если бы книга не была ему посвящена, можно было бы считать за плагиат. Так, на с. 179–180 обычным текстом даны цитаты из книг «Конец и вновь начало» и «Тысячелетие вокруг Каспия», а с. 200–203 занимает практически сплошная цитата из монографии «Этногенез и биосфера Земли».

Самая обстоятельная биографическая книга о Л.Н. Гумилеве написана историком и литературным критиком С.С. Беляковым. По жанру книга скорее близка беллетристике (при огромной библиографии отсутствует ссылочный аппарат), но одновременно она претендует на решение узловых проблем научного наследия Гумилева³⁰. Наиболее серьезный недостаток книги – наличие домыслов, выдаваемых автором за факты. Из их числа совершенно недопустимый – предположение о плагиате Гумилева в его ключевой востоковедной монографии «Древние тюрки». Некритично восприняв материалы переписки из архива ученого, автор пришел к выводу, что Гумилев присвоил труд своего коллеги М.Ф. Хвана, состоявший в реконструкции имен тюркских правителей

²⁹ Демин В.Н. Лев Гумилёв. – М.: Молодая гвардия, 2007. Далее ссылки на страницы даны в тексте.

³⁰ Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева. – М.: Астрель, 2012.

для приложения к «Древним тюркам»³¹. Это опровергается хотя бы наличием аналогичного аннотированного списка членов рода Ашина в защищенной в 1948 г. Гумилевым кандидатской диссертации³². С М.Ф. Хваном тогда он еще даже не был знаком.

К исследовательским биографиям, посвященным Л.Н. Гумилеву, примыкает книга И.Ю. Смирнова. По степени субъективности она не уступает работам Т.Л. Флоровской и С.С. Белякова. Несмотря на наличие глав и параграфов, книга И.Ю. Смирнова представляет скорее публикацию читательского дневника. Любые мысли автора следуют в ней хаотично, не подчиняясь какой-либо логике. Например, разделы о евразийстве Гумилева и о его взгляде на русско-ордынские отношения сменяются разделами об общении Гумилева с почвоведом и генетиками³³. Самостоятельное значение имеет лишь попытка автора на основе данных генетики дать новое объяснение механизма пассионарности, однако попытки биолога поправлять Гумилева по части востоковедения выглядят несерьезно³⁴.

³¹ Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева. С. 343. На самом деле, никакой тайны из соавторства М.Ф. Хвана в работе над древнетюркским ономастиком Гумилев не делал: «Работа по восстановлению имен проводилась мной совместно с китаистом М.Ф. Хваном, который устанавливал истинное звучание иероглифа для VI–VII вв. и его значение» (Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. С. 90–91).

³² Например: «Дуби – младший брат Шиби-хана и Чуло-хана. Перед вступлением на престол имел титул *Моходо-шада*. Вступил на престол... в 620 г. под именем *Хели-(Цзели)-хана*. Согласно Шаванну, он был сыном Чуло-хана; однако, это ошибка (см. Жюльен..., от<ец> Иакинф..., Грум-Гржимайло..., Дегинь...)» (Гумилев Л.Н. Подробная политическая история первого тюркского каганата. 546-659 гг. – Л., 1947. С. 233–234). Переплетенный машинописный экземпляр хранится в музее-квартире Л.Н. Гумилева. В «Древних тюрках» об этом правителе имеется примечание: «Новое китайское чтение имени "*Цзели*" принято Грум-Гржимайло. У Бичурина – *Хйели*, у Шаванна – *Ние-ли*, у Жюльена – *Кие-ли*... М.Ф. Хван предлагает читать Кат Иль-хан». См. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. С. 180. Как видно, вклад М.Ф. Хвана касался исключительно синологической части.

³³ Смирнов И.Ю. Взлеты и провалы в истории этносов. О жизни и творчестве Л.Н. Гумилева – взгляд из XXI в. – М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 68–80.

³⁴ Например: «Вторую книгу Гумилева – "Подвиг Бахрама Чубина (1962) – можно не принимать в расчет, потому что это чисто популярное произведение. Но упомянем ее ради курьеза: эта небольшая книжка в каталоге РГБ значится как "Подвиг Бахрама ЧубинЫ". То есть главного героя посмертно записали в украинцы, хотя он и был чистокровным персом». См. Смирнов И.Ю. Взлеты и провалы в истории этносов. С. 42. «Чисто популярное издание» представляет собой перевод отрывков из Шахнаме с фарси, осуществленный непосредственно Гумилевым (подробнее см. параграф 2.1), и называется именно «Подвиг Бахрама Чубинь». Очевидно, автор, не пожалев иронии в отношении как издания, так и составителей каталога РГБ, пожалел времени, чтобы ознакомиться с этой «небольшой книжкой»

В то же время в рамках специальных дисциплин (история³⁵, археология³⁶, тюркология³⁷, монголоведение³⁸, кочевниковедение³⁹, этнография⁴⁰) вышло немало работ, использующих наследие Л.Н. Гумилева без ярлыков и штампов, без необоснованной критики, но и без восхвалений.

Более всего объективное обращение к наследию Л.Н. Гумилева распространяется на комплекс его работ по проблемам этногенеза. Благодаря своей междисциплинарности они уже заняли прочное место в российской науке и культуре⁴¹. Даже при сохранении линии стойкого их отрицания в академической этнологии, они не будут забыты в этнологии университетской⁴². В

лично.

³⁵ Ващенко Э.Д. «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XX вв. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. Дмитриев В.А. Между Ираном и Византией: возникновение Тюркского каганата и внешнеполитическая ориентация алан в 50-е–70-е гг. VI в. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. – СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 510–516. Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры.

³⁶ Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. В библиотеке Л.Н. Гумилева экземпляр книги снабжен дарственными надписями от обоих авторов, свидетельствующими об их давнем знакомстве, также в книгу вложено письмо от Я.А. Федорова. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2009. Азбелев П.П. Древние кыргызы. Очерки истории и археологии / URL: <http://kronk.spb.ru/mono/mono.htm> (1.07.2014).

³⁷ Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М.: Наука, 1980. Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические памятники из Монголии. – М.: ИИИИ, 2008.

³⁸ Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). – Владивосток: Дальнаука, 1994.

³⁹ Фахрутдинов Р.Г. Кочевой мир средневековой Евразии (Обзор археолого-исторической литературы второй половины XX в.) // Татарская археология. 1998. №2. С. 25–46. Крадин Н.Н. Империя Хунну. Изд. 4-е, перераб. и доп. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2020. Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский и Великая степь. – СПб.: Евразия, 2023. Дашковский П.К., Васютин С.А. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.). – М.: ИВ РАН, 2014.

⁴⁰ Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. Шевченко Ю.Ю. Христианские пещерные святыни. Том 2. – СПб.: Наука, 2010. Павлинская Л.Р. Сибирь в контексте евразийской теории // Евразия: Этнос, ландшафт, культура. – СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 20–83. *Ее же*. Некоторые особенности формирования Российской империи // Сибирский сборник – 3. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 163–175.

⁴¹ Верховцев Д.В. Этнос post-mortem... С 89, 94.

⁴² Основы этнологии: Учебное пособие / Под ред. проф. В.В. Пименова. – М.: Изд-во МГУ, 2007. Бузин В.С. Пассионарная теория этноса Льва Николаевича Гумилева: Учеб. пособие. – СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2010. Этнология (Этнография): учебник для бака-

частности, как теоретические, так и историко-востоковедные аспекты наследия Л.Н. Гумилева находят применение в курсах региональной истории народов Поволжья⁴³.

Значительное число исследователей не скрывает настороженного или негативного отношения к Л.Н. Гумилеву. Для данной группы ограничимся лишь несколькими характерными примерами.

Критику Л.Н. Гумилева нередко связывают с именами Л.С. Клейна и В.А. Шнирельмана, посвятивших немало страниц в своих работах анализу его наследия. При этом Л.С. Клейна было бы неправильно записывать в число исследователей, однозначно отрицающих научную значимость наследия Гумилева. Так, если его определение Гумилева как «лукавого мифотворца»⁴⁴ нашло немало сторонников, то другие определения – как «известного ученого-археолога»⁴⁵ и «известного историка»⁴⁶ – остались фактически незамеченными в научной среде. Однако высказал их один и тот же автор.

Развенчиванию Л.Н. Гумилева как ученого ряд статей и монографий посвятил В.А. Шнирельман. Его неприятие связано с убеждением, что Л.Н. Гумилев являлся активным антисемитом, а значительная часть его наследия выстроена вокруг еврейского вопроса⁴⁷. Какую бы то ни было оригинальность и научную ценность этнологических и историко-востоковедных работ Л.Н. Гумилева В.А. Шнирельман отрицает, полагая, что Гумилев был способен только на заимствования и компиляцию.

лавров / под ред. В.А. Козьмина, В.С. Бузина. – М.: Издательство Юрайт, 2014.

⁴³ Тагиров Э.Р. Народ в пути. История Татарстана в контексте мировой цивилизации. – Казань: Магариф, 2008.

⁴⁴ Клейн Л.С. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Нева. 1992. №4. С. 228–246. С. 231. Клейн Л.С. Пассионарность – красивый миф / URL: <http://antropogenez.ru/interview/717/> (дата обращения: 15.04.2014). Семенов Ю.И. Философия истории. – М.: Современные тетради, 2003. С. 181.

⁴⁵ Клейн Л.С. Время в археологии. – СПб.: Евразия, 2014. С. 5, 96.

⁴⁶ Клейн Л.С. Феномен советской археологии. – СПб.: Фарн, 1993. С. 34, 49.

⁴⁷ Шнирельман В.А. Хазарский миф. – М.–Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2012. С. 52, 57, 59, 63–65. В литературе уже отмечалась надуманность этих построений. Ср. Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. С. 14, 283.

Попытка всеохватно-критического подхода к наследию Л.Н. Гумилева предпринята Л.А. Мосионжником⁴⁸. Развивая мнение Л.С. Клейна и В.А. Шнирельмана о расистско-нацистском характере отдельных воззрений Гумилева, Л.А. Мосионжник попытался подкрепить это на основе «количественного анализа», а результаты представил в целой серии таблиц⁴⁹. Набор критериев для этого анализа («расизм», «влияние ландшафта на культуру», «индугенция для избранных», «завышенная самооценка автора», «художественные определения» – всего тридцать пунктов) и состав участников (Л.Н. Гумилев, А. Розенберг, «Г. Вирт и "Ура Линда"», О. Шпенглер, Н.С. Трубецкой, В.Н. Дёмин (вне связи с авторством биографии Гумилева), А.Дж. Тойнби, Дж.Р.Р. Толкиен) вызвали недоумение даже у настроенного исключительно позитивно рецензента⁵⁰.

Однако проблема данного исследования заключается не в сравнительных таблицах, а в заданной установке, которая просто постулируется без всякой попытки логического обоснования. Л.А. Мосионжник подошел к наследию Гумилева не как к объекту исследования, а как к «мифу», который необходимо вывести за рамки собственно науки. Кроме того, он не объяснил, почему определенное число фактических или теоретических ошибок автоматически превращает наследие того или иного ученого в «миф», т.е. из науки, пусть даже и плохой, – в антинауку. Тем самым Л.А. Мосионжник лишь продолжил линию критиков культурно-исторических концепций, метод которых давно описан и, в свою очередь, подвергнут критике: «Поэтому когда мы называем какое-либо сочетание идей, облеченное в метафорическую форму, "мифом", это не избавляет нас от необходимости исследовать хотя бы социальную функцию этих идей, тем более если речь идет о теоретической концепции, в кото-

⁴⁸ Мосионжник Л.А. Технология исторического мифа. – СПб.: Нестор-История, 2012.

⁴⁹ Мосионжник Л.А. Технология исторического мифа. С. 314–327.

⁵⁰ Арутюнов С.А. Рец. на: Л.А. Мосионжник. Технология исторического мифа / Отв. ред. С.Е. Эрлих. СПб.: Нестор-История, 2012. 416 с. // Этнографическое обозрение. 2015. №1. С. 180–182. С. 181–182. Хотя это прямо не артикулируется, но сам факт появления рецензии на книгу, не имеющую прямого отношения к этнологии, в профильном издании объясняется только критикой в ней Гумилева. Тем самым, пусть и косвенно, признается принадлежность Гумилева к числу этнологов, что на словах, как правило, отрицается.

рой мифологическое содержание переосмысливается и от мифа остается только общая рамка, окаймляющая утверждения, допускающие научную проверку»⁵¹.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что честь открытия ряда направлений в изучении наследия Л.Н. Гумилева, несмотря на резко негативное отношение к нему, принадлежит именно его непримиримым критикам: В.А. Шнирельману и К.Г. Фрумкину⁵² (изучение круга чтения Гумилева, с целью вскрыть идейные истоки его концепций и взглядов), Л.А. Мосионжнику (изучение картографического наследия Гумилева), М. Ларюэль (вопрос о роли хронологических схем в работах Гумилева⁵³).

Отдельного рассмотрения заслуживают диссертации, полностью или в значительной степени посвященные Л.Н. Гумилеву или темам, напрямую затрагивающим его научное наследие.

Диссертация А.Д. Гомбожапова⁵⁴, несмотря на достаточную проработку критической литературы, в базовых выводах парадоксальна. Так, по мнению автора, «ошибки, сводящиеся к источниковедческой стороне, произвольной интерпретации некоторых событий истории..., а также имеющиеся фактические неточности» в работах Л.Н. Гумилева «не снижают их научной значимости, как крупных теоретико-обобщающих работ по истории кочевых народов Центральной Азии»⁵⁵. В другом месте говорится: «Анализ критических работ, посвященных трудам Л.Н. Гумилева..., подводит автора к выводу, что основные взгляды ученого... в целом согласуются с современными представления-

⁵¹ Киссель М.А. Джамбаттиста Вико. – М.: Мысль, 1980. С. 135.

⁵² Фрумкин К.Г. Пассионарность: приключения одной идеи. – М.: ЛКИ, 2008.

⁵³ Laruelle M. Lev Nikolaevič Gumilev (1912–1992): biologisme et eurasisme dans la pensée russe // *Revue des études slaves*. Т. 72, fasc. 1-2. 2000. P. 163–189. P. 169–170.

⁵⁴ Гомбожапов А.Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / [Место защиты: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН]. – Улан-Удэ, 2008.

⁵⁵ Гомбожапов А.Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2008. – 24 с. С. 11.

ми кочевниковедов... Раскрытие же ученым этнических процессов на основе его концепции этногенеза... не выдерживает критики»⁵⁶.

Со всем этим согласиться трудно: на зыбком фундаменте прочное здание теории не строится. Поэтому либо фундамент, в действительности, не настолько зыбок (обоснованию чего посвящена настоящая работа), либо теория не обладает декларируемой научной значимостью. Что в наследии Гумилева ценно, что – сомнительно, автор на основе анализа критики (без привлечения иных источников), в конечном счете, решить не смог.

В диссертации Р.Т. Ганиева, посвященной истории Восточно-тюркского каганата, отмечается, что специальной работы, по данной теме не существует⁵⁷. Самой близкой он называет работу Л.Н. Гумилева «Древние тюрки»: «Но даже в ней, несмотря на название, объектом изучения являются отнюдь не тюрки, а всемирная история в Центральной Азии с IV по X вв.»⁵⁸. Такая оговорка представляется не вполне корректной. Во-первых, упускается кандидатская диссертация Л.Н. Гумилева, полностью покрывающая тему Р.Т. Ганиева. Во-вторых, «Древние тюрки» опубликованы на основе докторской диссертации «Древние тюрки VI–VIII вв.», а это значительно уже «всемирной истории в Центральной Азии с IV по X вв.».

Диссертация Ю.И. Дробышева напрямую продолжает генеральную линию наследия Л.Н. Гумилева – изучение влияния природы на жизнь и историю кочевников Великой степи. По мнению Ю.И. Дробышева, «этот неординарный исследователь приобрел и восторженных поклонников, и не знающих снисхождения критиков. Его трактовка некоторых политических событий в Центральной Азии, основанная на устаревших и зачастую неточных переводах источников, действительно, не всегда может быть принята. Однако безусловной

⁵⁶ Там же. С. 20.

⁵⁷ Ганиев Р.Т. Восточно-тюркский каганат в Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине VI – первой половине VIII вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2006. С. 4. Под «Восточно-тюркским каганатом» автор понимает и восточную половину Первого тюркского каганата (546–603), и собственно Восточно-тюркский (603–630), и Второй тюркский каганаты (679–745).

⁵⁸ Ганиев Р.Т. Восточно-тюркский каганат в Южной Сибири и Центральной Азии...: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2006. – 219 с.: ил. С. 60–61.

заслугой Л.Н. Гумилева является то, что он наглядно показал важность географического фактора в истории этого региона...»⁵⁹. Приведенная характеристика – одна из наиболее объективных, но и она не свободна от сложившихся стереотипов о Л.Н. Гумилеве. Так, «устаревшими и неточными переводами» с середины XIX в. до 1970-х гг. пользовались абсолютно все историки, этнографы и археологи, не знавшие китайского языка (включая не только Г.Е. Грумм-Гржимайло, но и В.В. Бартольда и К.А. Инostrанцева).

Применительно к анализу работ Л.Н. Гумилева диссертация В.В. Тишина (в целом, блестящий опыт кочевниковедческой историографии) в значительной степени следует критической линии: «Кроме полного отсутствия методологической базы в построениях Л.Н. Гумилева, его работы отличает некритическое и поверхностное отношение к данным источников и избирательная подборка литературы. Его книга "Древние тюрки" представляет собой лишь пересказ переводов китайских текстов, выполненных Н.Я. Бичуриным, Э. Шаванном и Лю Мао-цай, она имеет значение лишь как попытка написания целостной истории древних тюрков в период VI–IX вв., но выводы и гипотезы Л.Н. Гумилева, в основном, не имели оснований, а в целом книга быстро устарела в связи с открытием в 60-е–70-е гг. XX в. новых источников»⁶⁰. Впрочем, факты положительных оценок Л.Н. Гумилева коллегами В.В. Тишин не замалчивает⁶¹.

Новейшая диссертация, связанная с именем Л.Н. Гумилева, рассматривает аспекты научности его наследия в сравнении с взглядами Э.С. Кульпина-Губайдуллина⁶². Однако общая оценка значимости работ Гумилева не содержит

⁵⁹ Дробышев Ю.И. История взаимодействия человека и природы в Центрально-Азиатских кочевых обществах раннего средневековья: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / [Место защиты: Ин-т востоковедения РАН]. – М., 2008. С. 26. *Его же*. Историография изучения этнической экологии монгольских кочевников Центральной Азии // *Mongolica-VIII*. СПб., 2008. С. 37–49. С. 42.

⁶⁰ Тишин В.В. Историография социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / [Место защиты: Ин-т востоковедения РАН]. – М., 2015. С. 114.

⁶¹ Тишин В.В. Историография социальной истории Тюркского каганата... С. 106–107.

⁶² Маслова Е.К. Социально-естественные подходы к истории: проблема определения научности знания на примере концепций Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / [Место защиты: Национальный исследовательский Томский

ни одного научного критерия и основана больше на эмоциональных эпитетах: «На фоне скучных, хотя и идейно выдержанных трудов большинства официальных историков, книги Гумилева ощущались глотком свежего воздуха, ворвавшимся в душную идейную атмосферу»⁶³.

К настоящему времени сложился внушительный класс работ, где имя Л.Н. Гумилева присутствует в качестве символа, но никак не влияет на их содержание. Самым характерным примером являются материалы конференций памяти ученого. Материалы юбилейных конференций к 100-летию Л.Н. Гумилева количественно превзошли все предшествующие⁶⁴, но не внесли принципиально нового в изучение его наследия. По-прежнему в статьях, затрагивающих аспекты этнокультурной истории Евразии, на Л.Н. Гумилева или почти нет ссылок, или нет совсем, а иногда при его упоминании даже утверждается нечто противоположное его взглядам⁶⁵. 110-летие ученого отмечено публикацией только одного сборника в Казахстане и, в целом, прошло значительно скромнее предшествующего юбилея⁶⁶.

Стереотип о непререкаемом авторитете Л.Н. Гумилева среди татарских и казахских историков опровергается при ближайшем рассмотрении их обобщающих работ, в которых Гумилеву отводится довольно скромное место. Так, в историографическом разделе коллективной «Истории Казахстана» Л.Н. Гумилеву на словах отдается дань уважения⁶⁷, но далее во всем томе на него не следует ни одной ссылки. В коллективном исследовании о мифологемах в изуче-

государственный университет]. – Томск, 2019.

⁶³ Маслова Е.К. Социоестественные подходы к истории... С. 180.

⁶⁴ Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки, эволюция, проблемы восприятия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012.

⁶⁵ Ушницкий В.В. Кыргызское великодержавие IX-X вв. // Научное наследие Л.Н. Гумилева... С. 228–231. Ср.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – М.: Наука, 1970. С. 66.

⁶⁶ XIX Евразийский форум в честь 110-летия Льва Гумилева провели в ЕНУ / URL: <https://old.enu.kz/ru/info/novosti-enu/68960/> (дата обращения: 12.12.2023). Программа форума не опубликована, сборник «Материалы XIX Международного Евразийского научного форума "Лев Гумилев и Великая степь: история и современность", 14.10.2022. Астана» мне недоступен.

⁶⁷ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. I. – Алматы: Атамур, 1996. С. 55.

нии истории Казахстана существование Л.Н. Гумилева как *историка-востоковеда* вовсе не замечено, вместо чего авторы сконцентрировались на нем как на «*мифотворце*», который якобы «внес свою лепту в сталинскую концепцию этноса»⁶⁸. Представленная авторами критика теории этногенеза заимствована из чужих работ⁶⁹, а на работы самого Л.Н. Гумилева ссылок нет.

В коллективной «Истории татар» Л.Н. Гумилеву дается более взвешенная, но все же весьма критическая оценка: «Особого упоминания заслуживают оригинальные труды Л.Н. Гумилева... Наиболее важные из них... не только провалили монополию официальной науки на трактовку истории Золотой Орды, ... но и аргументировано и последовательно отвергали современные политические оценки, навязываемые прошлому. Недаром труды "последнего евразийца", не лишенные, конечно, ошибок и концептуальных изъянов (особенно в анализе источников и теории этногенеза), вызвали откровенную ненависть, едва прикрытую академической научностью, со стороны официальной историографии...»⁷⁰.

В коллективной «Истории Калмыкии» при вполне положительных ссылках на хазароведческие исследования Гумилева⁷¹, фактически не нашли применения его монголоведческие работы. При том что помимо нередких упоминаний ойратов в своих общих трудах и статьях по кочевниковедению Гумилев посвятил пусть и небольшую, но специальную историографическую статью калмыкам⁷².

Определенный интерес к личности и взглядам Гумилева проявляют исследователи и за пределами постсоветского пространства. Впрочем, возможности зарубежной историографии в освоении научного наследия Гумилева не следует преувеличивать. Можно выделить две группы работ: 1) рецензии на труды

⁶⁸ Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 53.

⁶⁹ Там же. С. 53–56, 127–128.

⁷⁰ История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). – Казань, 2009. С. 31–32.

⁷¹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. – Элиста: Герел, 2009. С. 79, 719.

⁷² Гумилев Л.Н. Г.Е. Грумм-Гржимайло – историк монгольского и калмыцкого народов // Известия Всесоюзного географического общества. 1965. Т. 97. Вып. 5. С. 445–447.

Гумилева и довольно редкие ссылки на него в статьях и монографиях зарубежных авторов⁷³; 2) обобщающие научное наследие Гумилева исследования. Однако даже в первой группе (для второй – это аксиома) прослеживается линия восприятия трудов Гумилева как артефактов чуждой культуры, основное содержание которых вторично по отношению к внешней форме. Например, рецензенты, не сговариваясь, занимались подсчетом ссылок Гумилева на «западных» авторов⁷⁴. Одинаково Гумилева упрекали и в неупоминании кого-либо конкретного, причем зачастую вследствие своей же невнимательности⁷⁵. В одном случае рецензия представляет собой сплошное восклицание, по эмоциональности напоминающее запись в современном интернет-блоге⁷⁶. Ясно, что книга Гумилева равнодушным рецензента не оставила, но ничего вразумительного по ее поводу он сформулировать не смог. Так или иначе, содержательная сторона трудов Гумилева интересовала зарубежных рецензентов в последнюю очередь.

Большая часть посвященных Гумилеву западных работ имеет откровенно советологический уклон. Автор первой такой работы, еще ни слова не говоря о содержании взглядов Гумилева (с которыми знаком исключительно по переизданиям⁷⁷), облачает рассказ о них в рамку сугубо политической концепции о

⁷³ Ratchnevsky P. Genghis Khan: his life and legacy. – Oxford: Wiley-Blackwell, 1993. P. 58–59, 245.

⁷⁴ Aubin F. L'Asie Centrale Prémoderne. [Review of Drevnie Tjurki; Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-zeit (960-1028) (Asiatische Forschungen, Bd 24), by L. N. Gumilev & E. Pinks] // L'Année Sociologique. 1969. Vol. 20, pp. 285–286. Beckingham C. Searches for an Imaginary Kingdom. The legend of the kingdom of Prester John. By L.N. Gumilev. (Trans. R.E.F. Smith.) Pp. xix, 403, incl. 1 plate and 4 maps. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 (1988) (first publ. in Russian, 1970) // The Journal of Ecclesiastical History. 1989. Vol. 40. Iss. 2, pp. 306–307.

⁷⁵ Вопреки Ф. Обэн Гумилев упоминает А. фон Габен в «Древних тюрках» (с. 283), называя ее на немецкий манер «А. Габайн». Английский же рецензент, цитируя страницу «Поисков вымышленного царства» (в оригинальном издании это один разворот на с. 128–129), следующую за упоминанием Джувейни, этого упоминания не заметил. Чего не мог знать рецензент, – что ссылка на английский перевод Джувейни, в неиспользовании которого он упрекает Гумилева, имеется как раз в «Древних тюрках» (с. 384, 476).

⁷⁶ Morgan D. Searches for an imaginary kingdom. The legend of the kingdom of Prester John. By L.N. Gumilev, trans. by R.E.F. Smith, pp. xix, 403, front., illus., 4 maps. Cambridge, Cambridge University Press, 1987 // Journal of the Royal Asiatic Society. 1989. Vol. 121. Iss. 1, pp. 161–162.

⁷⁷ Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1991. С. 251.

«новых правых» – движении, якобы распространившемся среди интеллектуалов в Советском Союзе в 1970-е гг. Публикация же статей Гумилева – свидетельство «терпимости органов милиции» к этому движению⁷⁸. Поставив главной своей целью показать, как советская наука выживала под гнетом диалектического материализма⁷⁹, автор применительно к Гумилеву неожиданно прибегает к аргументу о неприятии его, как он считает, «расистских» идей «серьезными советскими марксистами» – сам академик Б.М. Кедров, во младенчестве «игравший на коленях у Ленина», выступил против этой концепции⁸⁰.

Только политической направленностью можно объяснить настойчивые попытки западных авторов выявить отрицательное отношение Гумилева к народам степной Евразии. Поскольку реального подтверждения этому в его текстах найти невозможно, все утверждения сводятся к бессмысленным утверждениям. Так, по мнению Марлен Ларюэль: «Гумилев – университетский специалист по кочевникам. Его тексты о номадах одновременно и очень фактологичны, и очень идеологизированы... Кочевники для него не конечная цель исследования, а этнографический материал...»⁸¹. Говоря об отношении к Гумилеву в Казахстане Ларюэль отмечает двойственный его характер, «поскольку многие местные исследователи равно обвиняют его в том, что за "фасадом евразийца" скрывался певец русского национализма»⁸².

Почти то же самое спустя два десятилетия (это подтверждает устойчивость стереотипного восприятия) высказала М.М. Балзер: «Теория "пассионарности" Льва Гумилева, далекая от того, чтобы относиться к нерусским в Евразии как к равноправным партнерам... выделяет русских как лидеров континента, превосходящих всех других в культурном развитии, и предупреждает, что только некоторые народы могут быть комплементарными друг другу в отно-

⁷⁸ Там же. С. 250.

⁷⁹ Там же. С. 4.

⁸⁰ Там же. С. 255–256.

⁸¹ Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого // Вестник Евразии / Acta Eurasica. 2001. №4 (15). С. 5–19. С. 14.

⁸² Laruelle M. L.N. Gumilev, une oeuvre contestée: réponse aux critiques de V. Ermolaev et A. Titov // Revue des études slaves. Т. 76, fasc. 4. 2005. Pp. 511–518. P. 515.

шении межэтнических браков. При внимательном чтении можно увидеть, что Гумилева отличало шовинистическое и иерархическое мировоззрение, не намного лучше, чем подход Коммунистической партии к нерусским как "младшим братьям"⁸³.

Своеобразный ответ на концепцию М. Ларюэль в рамках той же советологической парадигмы представил молодой чешский исследователь Михал Рацин⁸⁴. Он согласен с тем, что в Гумилеве видели большего евразийца, чем он на самом деле являлся. Причем в утверждении этого образа сыграли значительную роль критики – «русские националисты» В.А. Чивилихин и А.Г. Кузьмин. Но ни они, ни сторонники Гумилева из числа «националистов» (Ю.М. Бородай, В.В. Кожинов), ни неоевразийцы 1990-х гг. не поняли всей глубины идей Гумилева, который, отдавая дань евразийству, развивал собственные оригинальные идеи.

Наиболее крупным в смысле объема западным исследованием, посвященным Гумилеву, является книга американского географа Марка Бассина. Поскольку автор стажировался в СССР в 1980-е гг. (и даже лично встречался с Гумилевым⁸⁵), можно доверять тому, что все его русскоязычные ссылки не носят декоративного характера, и всю внушительную библиографию, занимающую сорок пять страниц, он действительно проработал. Тем досаднее признавать, что по набору тезисов книга Бассина не внесла ничего нового в сравнении с любой из статей М. Ларюэль. Более того, все основные идеи автора вынесены уже в заголовок книги, а ее основное содержание представляет лишь подводку из цитат к заранее заготовленным выводам, к которым Гумилев имеет самое косвенное отношение.

⁸³ Балзер М.М. Новый взгляд на евразийство: от Чингисхана до Льва Гумилёва // Антропология и этнология: современный взгляд. К 80-летию академика РАН В.А. Тишкова / отв. ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. – М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 388–400. С. 395.

⁸⁴ Racyň M. Šestisetleté výročí bitvy na Kulikovském poli: Rusofobie a eurasijsťví L.N. Gumileva v 80. letech 20. století // *Studia historica Brunensia*. 2021. Vol. 68. Iss. 2, pp. 261–275.

⁸⁵ Bassin M. *The Gumilev mystique: biopolitics, Eurasianism, and the construction of community in modern Russia*. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2016. P. 1–2. По признанию автора, встреча не задалась, но интерес к личности Гумилева остался.

Надо отдать автору должное, он честно предупреждает, что в наследии Гумилева будет изучать не то, что там действительно есть, а то, что ему хотелось бы там видеть. Например, «биополитику»: «Именно это оригинальное наследие биополитики как натуралистического понимания общественной и политической жизни я связываю с Гумилевым. Как мы увидим, вся его "теория этноса" основывалась на концептуализации этноса как биологического организма. Конечно, Гумилев не говорил о политическом государстве как таковом в подобных терминах; *на самом деле он, очевидно, настаивал на обратном* (выделено мной. – А.С.), что в этом отношении существует принципиальное различие между этносом и государством. Однако дело в том, что в российском контексте – советском не меньше, чем постсоветском – этничность сама по себе всегда была глубоко политизирована, так что феномен этноса и <стереотип> поведения, которые Гумилев пытался объяснить с помощью биологических принципов, были в действительности политическим феноменом и поведением. Биополитический подход Гумилева был и остается совершенно уникальным в России, и это один из важнейших факторов, обуславливающих восприятие его работ»⁸⁶.

Фактически все эти исследования складываются из нескольких малосвязанных составляющих. Во-первых, исследовательские гранты не дают на любую тему. Поэтому современные «советологи» ищут фигуры наиболее релевантные не для раскрытия тем, а для получения грантов. В этом смысле выбор Гумилева подтверждает его значимость, раз он более всего замечен при взгляде из-за рубежа. Однако Гумилев не был подобием Х. Маккиндера или З. Бжезинского, чьи статьи и монографии представляли собой лишь слегка закамуфлированное изложение политических стратегий. Хотя фигура Гумилева занимает определенное место в российской культуре и гуманитарной науке, но не при жизни, ни после смерти его идеи не определяли политику государства, и

⁸⁶ Ibid. P. 5–6. Обстоятельную рецензию на эту книгу представил С.С. Беляков, с основными оценками которого можно согласиться. Беляков С. Книга Марка Бассина о Льве Гумилеве // URL: <https://www.istorex.org/post/сергей-беляков-книга-марка-бассина-о-льве-гумилеве-рецензия> (дата обращения: 29.08.2023).

если на что-то влияли, то настолько опосредованно, что этим можно пренебречь. Но даже если бы все было именно так, все равно чисто методологически требовалось бы отделять историко-научные исследования Гумилева от «политико-идеологических». Вместо этого всё наследие Гумилева, включая письма и интервью, западные авторы пытаются выдать за нечто единое и политически ориентированное.

Таким образом, аналитический обзор существующих направлений в изучении историко-востоковедного наследия Л.Н. Гумилева позволяет определить объект и предмет исследования.

Объект исследования – научное наследие Л.Н. Гумилева и его критика.

Предмет исследования – концептуальные идеи и конкретно-исторические исследования Л.Н. Гумилева по истории народов Евразии и их критический анализ.

Цель исследования – создание объективной картины состояния научного наследия Л.Н. Гумилева на основе анализа его опубликованных работ, архивных данных и корпуса критики его трудов в профессиональной научной среде, начиная с 1930-х гг. и до настоящего времени. Выбор нижней хронологической границы обусловлен временем вхождения Л.Н. Гумилева в академическую науку (оформление научных интересов, первые научные труды, подготовка и защита кандидатской диссертации), верхняя граница – наши дни, когда споры вокруг наследия ученого по-прежнему не утихают.

Задачи исследования:

– изучение взаимоотношений Л.Н. Гумилева и научного сообщества 1930–начала 1990-х гг. для определения его места в академической науке, а также характера личностных симпатий и антипатий, наложивших отпечаток на восприятие его научных трудов;

– выявление истоков и эволюции концептуальных (исторических, методологических, мировоззренческих) идей Л.Н. Гумилева;

- анализ содержания конкретно-исторических работ Л.Н. Гумилева и изучение созданной им общей концепции политической, этнической, культурной истории Евразийских степей;
- анализ критики историко-востоковедных работ Л.Н. Гумилева – прижизненной, с его ответами на нее, и современного состояния критики;
- определение современного состояния значимости научного наследия Л.Н. Гумилева в рамках отечественной исторической науки.

Рабочая гипотеза исследования. В качестве рабочей гипотезы мы выдвигаем положение, согласно которому довольно настороженное отношение академического сообщества к Л.Н. Гумилеву обусловлено не столько собственно научными причинами (расхождение его позиций по целому ряду вопросов со взглядами его коллег), сколько вненаучными причинами и обстоятельствами (идеологические расхождения, специфическая ситуация внутри научной среды советского и постсоветского времени, борьба между различными научными направлениями и группами, особенности научного этикета). При этом следует признать, что научное наследие Л.Н. Гумилева в полной мере нормативно, то есть отвечает всем необходимым критериям научности знания, даже в том, что касается наличия ошибок («принцип фальсифицируемости»).

Источниковая база исследования. Главным источником настоящего исследования является научное наследие Л.Н. Гумилева. Оно огромно и разнопланово – более двухсот позиций в сводной библиографии⁸⁷, но самостоятельных книг, опубликованных при жизни Л.Н. Гумилева, всего одиннадцать⁸⁸.

Осмысливая логику развития своего научного творчества, Гумилев писал: «Для описания событий, происходивших в Восточной Евразии, была применена методика подачи по трем уровням. Самые мелкие детали... были описаны в

⁸⁷ Каримуллин А.Г. Лев Николаевич Гумилев. Библиографический указатель. – Казань, 1990. По понятной причине в указателе не отражены последние годы жизни Гумилева, когда его работы выходили с небывалой активностью.

⁸⁸ «Хунну», «Открытие Хазарии», «Древние тюрки», «Поиски вымышленного царства», «Хунны в Китае», «Старобурятская живопись», «Этногенез и биосфера Земли», «Древняя Русь и Великая степь», «География этноса в исторический период», «Тысячелетие вокруг Каспия», «От Руси до России».

статьях традиционными приемами исторического исследования. Этим статей – исторических, географических и археологических – пришлось написать более ста. Второй уровень – обобщение – дал жизнь пяти специальным монографиям (Хунну. М., 1960; Хунны в Китае. М., 1974; Древние тюрки. М., 1967; Поиски вымышленного царства. М., 1970; Открытие Хазарии. М., 1966). Все они были выполнены также традиционными приемами... Однако главная цель достигнута не была, ибо был оставлен без ответа вопрос: где "начала и концы"... Поэтому пришлось специально разобрать теорию происхождения и исчезновения этносов на фоне изменяющейся природной среды <ссылка: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989>. Только после этого появилась возможность перейти от описания истории к пониманию ее как ряда закономерных процессов биосферы и социосферы. <...> Тогда явилась необходимость в еще одной книге, а именно в этой самой, ныне предлагаемой читателю»⁸⁹.

Итак, Гумилев видел свое научное наследие состоящим из нескольких этапов и уровней: 1) частные исследования, выполненные в форме научных статей; 2) «традиционные» исторические монографии, обобщившие материал, накопленный в статьях; 3) построение собственной оригинальной теории этногенеза; 4) повторное обобщение исторического материала, уже на базе новой теории. Эта логика соответствует именно хронологии выхода из печати работ Гумилева, но не во всем совпадает с последовательностью формирования заложенных в них идей и концепций, что далее разбирается в настоящем исследовании.

Первые четыре из названных выше монографий составляют так называемую «Степную трилогию». Определение дано самим автором⁹⁰ и соответствует как трем традиционно выделяемым этапам истории кочевников Центральной Азии (последовательные эпохи смены господства в степях хуннов, древних тюрков и монголов), так и предполагаемому числу книг. «Степная трилогия» – главный собственно исторический труд Гумилева, *первая на русском языке по-*

⁸⁹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1992. С. 12.

⁹⁰ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 403. Его же. Хунны в Китае. С. 3. Его же. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 48.

*дробная история кочевых народов Великой евразийской степи*⁹¹. По независящим от автора причинам книга «Хунну» вышла в двух частях, что превратило трилогию в «тетралогию».

Безусловно, важно то, что целью этих книг было не просто связное изложение событий степной истории. Одним из главных замыслов Гумилева было также – обратить внимание образованных представителей тюркских и монгольских народов СССР на историю своих далеких предков, но непременно в связи с общевразийской (в то время – «общесоветской») историей⁹². Эта задача ясно осмысливалась автором, о чем свидетельствуют посвящения, которыми открываются «Древние тюрки» и «Поиски вымышленного царства»: «нашим братьям – тюркским народам Советского Союза» и «братскому монгольскому народу». Учитывая идеологический характер исторической литературы в советское время, нельзя недооценивать помещение этих, кажущихся ныне несколько наивными, коротких фраз на заглавные страницы монографий. Такие формулировки необходимо было согласовывать, причем, вероятно, не только с редакцией восточной литературы издательства «Наука», но и значительно выше. Что предварительная работа по обоснованию идеологической значимости выхода книг «степной трилогии» велась, подтверждает отзыв С.И. Руденко на рукопись «Древних тюрков», завершающийся следующими словами: «Книга... вполне заслуживает опубликования большим тиражом. Она нужна и полезна не только ученым... но и студентам, учителями, работникам тюр-

⁹¹ Этот факт признается даже собственно китаеводами. См.: Бань Гу. Хань шу («История Хань»): в 8 т. Т. 1. Хроники правления императоров (Ди цзи). Главы 1–6 / Пер. с китайского, коммент., вступит. ст. и прил. В.В. Башкеева и М.Ю. Ульянова. – М.: ИДВ РАН – Вост. лит., 2021. С. 19–20.

⁹² Аналогичные идеи высказывались в советское время и помимо Гумилева: «"Очерки <истории Средней Азии>" П.П. Иванова показали, что и после создания сводных трудов, посвященных отдельным народам Средней Азии... остается целесообразной и разработка истории народов Средней Азии в целом, именно в том плане, как это делал П.П. Иванов». Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1972. С. 460. Гумилев знал лично и автора цитаты (В.А. Ромодина) и, вероятно, П.П. Иванова, и следовал той традиции (ориентация на написание общих работ), которую усвоил в стенах Института востоковедения еще во второй половине 1930-х гг. (подробнее см. далее 2.1).

коязычных республик и всем интересующимся историей восточных окраин нашей Родины»⁹³.

Не менее сложная судьба у монографии «Этногенез и биосфера Земли» – главного теоретического труда Гумилева. Фактически существует два различных ее текста, на что мало обращается внимания в исследовательской и критической литературе⁹⁴. Текст, который Гумилев называл первым изданием этой монографии, был депонирован в трех выпусках во Всесоюзном институте научной и технической информации в 1979–1980 гг. Однако он значительно отличается по содержанию и структуре от одноименной монографии, опубликованной дважды при жизни автора (в 1989 и 1990 гг.)⁹⁵. Четвертый выпуск «Этногенеза и биосферы Земли», депонированный значительно позже (1987 г.), составил отдельную монографию – «Тысячелетие вокруг Каспия»⁹⁶. К сожалению, депонированный вариант «Этногенеза и биосферы Земли» по-прежнему в полной мере не введен в научный оборот и доступен лишь в частных коллекциях.

⁹³ «Отзыв на рукопись книги Л.Н. Гумилева "Древние тюрки. История, историческая география и палеоэтнография Срединной Азии на грани древности и средневековья"» (28.VII.1964), л. 4. Хранится в архиве музея-квартиры Л.Н. Гумилева. Машинопись на 4 листах, подпись и дата проставлены от руки с печатной расшифровкой «доктор, профессор С.И. Руденко». Примечателен обширный подзаголовок, не вошедший в печатное издание книги.

⁹⁴ В весьма информативной статье, посвященной истории издания «Этногенеза и биосферы Земли», этот вопрос даже не поставлен. См. Воронович А.В. История издания монографий Л.Н. Гумилева, посвященных пассионарной теории этногенеза // Новейшая история России. 2013. № 1(6). С. 34–47. Множество текстовых отличий между депонированным и опубликованным вариантами «Этногенеза...» продемонстрировал Я.И. Цукерник: <https://www.vostlit.info/Texts/rus16/Eugippius/N-03.DOC> (дата обращения: 5.06.2022). Почти без сокращений он процитировал крупные фрагменты, не вошедшие в конечный вариант монографии, а также привел собственную переписку с Гумилевым. Однако это не научная публикация, а любительский файл, размещенный в Интернете. Один пример отличия приводился и мной: Сараев А.С. С.Г. Кляшторный и Л.Н. Гумилев (по материалам музея-квартиры Л.Н. Гумилева и личным беседам с С.Г. Кляшторным) // Тюрко-монгольский мир: история и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения С.Г. Кляшторного. – М.: Наука–Восточная литература, 2019. С. 155–178. С. 174–175.

⁹⁵ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеиздат, 1990.

⁹⁶ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 21. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 4.

При жизни Гумилев успел подготовить и издать всего две научно-популярных работы: «География этноса в исторический период» (Л., 1990; во всех переизданиях книга называется «Конец и вновь начало») – собранные в книгу публичные лекции по теории этногенеза; «От Руси до России» (СПб., 1992) – изложение русской истории с евразийских позиций и с приложением теории этногенеза. К последней работе примыкает книга-диалог об истории и культуре Древней Руси в соавторстве с А.М. Панченко «Чтобы свеча не погасла» (М., 1990).

Отдельно следует назвать небольшой комплекс работ, связанных с исследованием культуры Востока: участие в составлении (предисловие, редакция переводов, примечания) сборника «Тибетские народные песни» (М., 1958); уже упоминавшаяся брошюра «Подвиг Бахрама Чубины» (издание Государственного Эрмитажа, Л., 1962) – стихотворный перевод с персидского фрагментов из «Шахнаме»; альбом «Старобурятская живопись» (М., 1975); очерк «Художественное наследие народов древнего Востока» – введение к книге для школьников «Искусство стран Востока» (М., 1986); брошюра «Из истории Евразии» (М., 1993).

Три изданных посмертно книги: «Ритмы Евразии» (М., 1993), «Этносфера: история людей и история природы» (М., 1993), «Черная легенда» (М., 1994) – объединили отобранные по тематическому принципу статьи, очерки и интервью Л.Н. Гумилева.

Помимо всего перечисленного Л.Н. Гумилеву принадлежит заслуга публикации части рукописного наследия Н.Я. Бичурина⁹⁷. Не считая переиздания знаменитого «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», это единственная за всё советское время успешная попытка опубликовать не изданные ни при жизни, ни посмертно труды основателя русского китаеведения⁹⁸.

⁹⁷ Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии / Сост. Л.Н. Гумилев и М.Ф. Хван. – Чебоксары: Чувгосиздат, 1960.

⁹⁸ Мясников В.С., Попова И.Ф. Никита Яковлевич Бичурин (о. Иакинф) – основатель отечественной научной синологии // «Первый альбом» о. Иакинфа (Н.Я.Бичурина). Исследования и комментарии. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2010. С. 13–14. Впрочем и

Особого внимания заслуживает вопрос о стиле большинства научных и научно-популярных работ Л.Н. Гумилева. Такие черты, как совмещение жанров, метафоричность языка, парадоксальность суждений, не были чужды даже собственно монографическим его трудам. Они и привлекали массового заинтересованного читателя.

Гумилев прекрасно осознавал секрет доступности и популярности своих работ и несколько раз прямо его формулировал: «Есть два способа изложения новой мысли. Один считается "академическим". <...> Не буду осуждать этот способ, хотя он мне представляется не столько "научным", сколько "научообразным". <...> Второй способ – это "забавный русский слог", т.е. простой разговорный язык. Нет научной идеи, которую нельзя было бы изложить ясно и кратко человеку со средним образованием, но, разумеется, тут необходимо применять литературные приемы: метафоры, гиперболы, эпитеты и даже вымышленные диалоги»⁹⁹.

Единого научно выверенного собрания работ Гумилева по-прежнему не существует. Ни одно из так называемых «собраний сочинений» не соответствует заявляемому статусу. Проблема заключается вовсе не в степени полноты этих изданий, а в качестве и даже в авторстве публикуемых в них текстов. Поскольку данный вопрос уже был детально рассмотрен в специальной статье¹⁰⁰, укажем лишь на самые главные моменты.

Во-первых, может быть, за исключением «Этногенеза и биосферы Земли» и «Поисков вымышленного царства», нет ни одного переиздания той или иной

здесь удалось не всё. Из письма Гумилева В.Н. Абросову от 27.02.1959 известно о плане подготовить к 1963 г. второй том с подробными комментариями, иероглифическим указателем и картами, т.е. аналогично тому III «Собрания сведений...». См. Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 148–149. Издание осуществлено не было.

⁹⁹ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. С. 6. «Вымышленные диалоги» не в смысле приписывания историческим деятелям никогда ими не сказанных фраз. Подобных примеров в работах Гумилева, на самом деле, не найти. Речь о диалогах в понимании Платона. Сама цитированная книга обрамлена двумя такими диалогами. Кроме них опубликованы еще два диалога – «Диалог об этнографии, древней и новой» (Тысячелетие вокруг Каспия. С. 114–118) о мнимой дикости гуннов и «Апокрифический диалог» («Нева». 1988. №3. С. 201–207; № 4. С. 195–201) о предвзятых мнениях, связанных с монголами и их завоеваниями.

¹⁰⁰ Сараев А.С. Какого Л.Н. Гумилева мы знаем? // Восток. 2016. №3. С. 96–115.

работы Гумилева, где текст не содержал бы не оговоренных издателем изменений (не опечаток, а осмысленного вмешательства в текст), отсутствующих в оригинальных изданиях. Иногда такие изменения незначительны и малозаметны, но, когда они переиздаются на протяжении двух десятилетий без сверки с исходным авторским текстом, это, без сомнения, создает серьезную проблему¹⁰¹.

Во-вторых, есть два полностью сфальсифицированных переиздания. Символично, что это переиздания первой и последней монографий Гумилева – «Хунну» (СПб., 1993) и «От Руси к России» (М., 1992) (именно «к», хотя впоследствии этот текст переиздавался и с предлогом «до»). В первом случае – это даже не «Хунну», а вольный конспект книги, дополненный чуждыми оригинальному тексту фрагментами¹⁰². Единственный условно положительный момент заключается в том, что данный текст более не переиздавался.

С «От Руси до/к России» ситуация обратная. Подлинный авторский вариант книги (с предлогом «до») издан лишь однажды – в 1992 г. в Санкт-Петербурге. Все без исключения переиздания независимо от предлога в названии повторяют изданный в том же 1992 г. (но уже после смерти Гумилева) в Москве «редакторский» вариант. «От Руси до России» и «От Руси к России» содержат тематически идентичные тексты, но написанные разными словами. Различия касаются не каждой страницы, но охватывают тексты обоих изданий полностью.

¹⁰¹ Приведенная выше цитата в ряде изданий выглядит так: «Самые мелкие... были описаны в *статье* (курсив мой. – А.С.) традиционными приемами исторического исследования. Этих статей... пришлось написать более ста. Второй уровень – обобщение – дал жизнь специальным монографиям...». Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. В 2-х книгах. Кн. 1 (1997) – М.: Институт ДИ–ДИК, 1997. С. 27. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: АСТ, 2002. С. 14. Разница, казалось бы, несущественна – «статьи» даны в единственном числе и опущено число («пять») монографий, но именно этот вариант текста чаще всего переиздается. Причем даже в этих искажениях встречаются разночтения. В самом раннем переиздании «статья» уже поставлена в единственном числе, но число «пять» еще на месте. См. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Товарищество Клышников–Комаров и К°, 1992. С. 3.

¹⁰² Судя по записи, оставленной Н.В. Гумилевой (вдовой ученого) в экземпляре этого издания, хранящемся в музее-квартире Л.Н. Гумилева, оно вызвало у нее негодование.

Из наиболее заметных отличий можно назвать наделавшее столько вреда репутации Гумилева утверждение о побратимстве Александра Невского и Сартака. Присутствует оно исключительно в московском издании: «В 1251 г. Александр приехал в Орду Батыея, подружился, а потом побратался с его сыном Сартаком, вследствие чего стал приемным сыном хана»¹⁰³. В петербургском издании говорится иное: «Князь поехал в ставку Батыея и подружился с его сыном Сартаком. Очевидно, и сам Батый вполне доверял Александру»¹⁰⁴. Мысль о побратимстве Александра и Сартака хотя и высказывалась Гумилевым неоднократно¹⁰⁵, но до конца 1980-х гг. оставалась практически незамеченной¹⁰⁶. Как видно, при подготовке новой книги сам автор считал необходимым скорректировать прежнюю позицию во избежание ненужной критики и не стал говорить о побратимстве. К сожалению, вопреки воле автора результат оказался противоположным, поскольку именно благодаря московскому изданию 1992 г. и всем последующим это мнение стало достоянием массового сознания.

Еще одна книга – «Конец и вновь начало» – отличается от прижизненного издания не только названием, но и структурой. В издательской аннотации оговорено, что «книга печатается по авторскому экземпляру рукописи с восстановлением множества купюр, сделанных цензурой издательства "Наука" при первом издании книги в 1990 г.»¹⁰⁷. Если даже всё это так, то, значит, текст не был профессионально отредактирован, что во многих случаях данного и всех последующих изданий дает о себе знать. Что действительно следовало восстановить при переиздании, – это отзыв Д.С. Лихачева на задней стороне пере-

¹⁰³ Гумилев Л.Н. От Руси к России. – М.: Экопрос, 1992. С. 127.

¹⁰⁴ Гумилев Л.Н. От Руси до России. – СПб.: Юна, 1992. С. 116.

¹⁰⁵ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 155, 201, 393. Гумилев Л.Н. С точки зрения Клио // Дружба народов. 1977. №2. С. 247–262. С. 257.

¹⁰⁶ Единственное упоминание: «...Сартак, как свидетельствуют армянские источники, был крещен по несторианскому обряду и являлся побратимом (анда) Александра Невского». См. Мункуев Н.Ц. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства... // Народы Азии и Африки. 1972. №1. С. 185–189. С. 186. Интересно, что Б.А. Рыбаков в своей разгромной рецензии на книгу на данное утверждение не обратил внимания.

¹⁰⁷ Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: Рольф, 2001. С. 4.

плета, который по необъяснимой причине был уже после печати всего тиража книги густо замазан черной краской на каждом ее экземпляре¹⁰⁸.

Из неизданных крупных работ Л.Н. Гумилева остается только его кандидатская диссертация «Подробная политическая история первого тюркского каганата. 546–659 гг.» (Л., 1947. 312 машинописных листов + 5 л. исторических карт), единственный экземпляр которой хранится в музее-квартире Л.Н. Гумилева в Санкт-Петербурге¹⁰⁹. По-видимому, именно об этом экземпляре говорится в переписке с Н.В. Варбанец. Находясь летом 1948 г. на раскопках Пазырыкских курганов, Гумилев просит у нее забрать у А.Ю. Якубовского диссертацию с отзывом и выслать напрямую в Горно-Алтайск на имя «зам. зав. отд. пропаганды и агитации Обкома ВКПб тов. Ситникова» (письмо от 13.07 и телеграмма от 14.07.1948). Из писем следует, что Гумилеву удалось договориться с местным издательством о публикации диссертации в виде книги (письмо от 04.06.1948), причем в переводе на литературный алтайский язык (письмо от 13.07). Н.В. Варбанец с отправкой диссертации медлила, и в письме от 26 июля Гумилев предупреждает, чтобы уже не высылала. Замысел с алтайским изданием так и не осуществился.

Помимо собственно трудов Л.Н. Гумилева в качестве источников использована их критика, а также близкие по тематике отечественные и зарубежные исследования. Также использована биографическая и мемуарная литература о Гумилеве, его переписка (в том числе неопубликованная) и другие архивные материалы, хранящиеся в музее-квартире Л.Н. Гумилева. В частности, упомянутая его кандидатская диссертация и лагерные рукописи, легшие в основу книг «Хунну» и «Хунны в Китае» и ряда статей.

¹⁰⁸ Неоспоримый случай грубого вмешательства в прижизненное издание Гумилева связан с монографией «Хунны в Китае». Со с. 259 в ней должны находиться Указатели. Однако в книге всего 260 страниц. Слово «Указатели», как впоследствии случится с отзывом Д.С. Лихачева, замазано в Содержании черной краской, но лишь по контуру, поэтому хорошо читается. Цензурой такое действие назвать сложно, но и никакой рациональности в нем нет.

¹⁰⁹ Что экземпляр единственный, косвенно подтверждает лагерная переписка Гумилева с матерью. См. «Милая, дорогая мамочка... – Дорогой мой сынок Левушка...» // Звезда. 2007. №8. С. 124 (письмо от 2 февраля 1951 г.), 131 (письмо от 20 июля 1952 г.).

Самостоятельным источником стала личная библиотека Л.Н. Гумилева. Хотя сохранилась она лишь фрагментарно, но и в таком виде она дает представление о круге чтения и источниках работ Гумилева. Дарственные надписи на книгах и оттисках статей – важное свидетельство личных контактов¹¹⁰. Причем некоторые из дарственных надписей оставлены самыми непримиримыми оппонентами Гумилева¹¹¹. Сам факт таких контактов невозможно было бы извлечь из печатной полемики с теми же авторами. Встречаются вложенными в книги и целые письма¹¹². Немало сведений дают маргиналии, оставленные Гумилевым при чтении книг и статей. В одном случае их оказалось настолько много, что они позволили восстановить в общих чертах содержание неопубликованной рецензии Гумилева на монографию А.Н. Бернштама «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок» (см. параграф 3.3).

К настоящему времени издан значительный массив источников об Л.Н. Гумилеве. Это, прежде всего, сборники воспоминаний, часть его переписки, фотоальбомы, в том числе с воспроизведением ряда архивных документов¹¹³.

¹¹⁰ И не только с авторами самих работ. Так, в библиотеке Гумилева хранится монография «Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland. Wiesbaden, 1965» Б. Шпулера с дарственной надписью А.А. Зимину от 17.11.1965. Вероятно, в одну из встреч А.А. Зимин эту книгу Гумилеву и подарил. Или монография «Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941» А.Н. Бернштама с дарственной надписью «М.И.», очевидно, М.И. Артамонову.

¹¹¹ Например, дарственная надпись А.Г. Кузьмина на статье «"Варяги" и "Русь" на Балтийском море» (Вопросы истории. 1970. №10): «Глубокоуважаемому Льву Николаевичу Гумилеву в память о "трудной" беседе. 5.V.71».

¹¹² От киргизского историка К.И. Петрова с просьбой выступить оппонентом на защите его диссертации в 1963 г., от археолога-кавказоведа Я.А. Федорова, от археолога Г.Б. Здановича с оповещением об открытии Аркаима, от филолога А.Н. Робинсона с поддержкой концепции Гумилева о «Слове о полку Игореве».

¹¹³ Вспоминая Л.Н. Гумилева. Воспоминания. Публикации. Исследования: [Сост. и комм. Воронович В.Н., Козырева М.Г.] – СПб.: Росток, 2003. «Живя в чужих словах...»: воспоминания о Л.Н. Гумилеве: [Сост., вступ. ст., коммент. В.Н. Вороновича, М.Г. Козыревой]. – СПб.: Росток, 2006. Лавров С.Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. – М.: Айрис-пресс, 2003. Л.Н. Гумилев: pro et contra [антология / вступ. статья Н.М. Дорошенко, И.Ф. Кефели; сост., коммент. Н.М. Дорошенко, И.Ф. Кефели; при участии А.В. Бондарева, А.В. Воронович, М.Г. Козыревой, А.Б. Панченко, О.В.Плебанек, А.С. Сараева]. – СПб.: РХГА; НОКО, 2012. Герштейн Э. Мемуары. – М.: Захаров, 2002. «И зачем нужно было столько лгать?» Письма Льва Гумилева к Наталье Варбанец из лагеря. 1950–1956: [сост. Т. Позднякова и М. Козырева]. – СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме–Агат, 2005. Переписка А.А. Ахматовой с Л.Н. Гумилевым // Звезда. 1994. № 4. С. 170–188. «Милая, дорогая мамочка... – Дорогой мой сынок Левушка...». Переписка Л.Н. Гумилева и А.А. Ахматовой (1950 – сер. 1954) // Звезда. 2007. №8. С. 122–148. Лев Николаевич Гумилев. Письма к матери брата, О.Н. Высотской, другу, В.Н. Абросову и брату, О.Н. Высотскому (1945–1991) / [сост. Г.М. Прохо-

Отдельно следует охарактеризовать группу источников, которую составляет массив критической литературы. Представляется целесообразным разделить критику по хронологическому принципу (в отношении ее объекта) – на прижизненную (1936–1992 гг.) и посмертную. Первая группа представлена опубликованными и неопубликованными рецензиями и отзывами на работы и рукописи Л.Н. Гумилева, а также публикациями или архивными записями стенограмм обсуждений работ. Наиболее массовую часть первой группы критических источников составляют упоминания Гумилева, как полемические так и сочувственные, в собственных монографиях или статьях исследователей. В какой-то степени эта группа источников объединяет оба выделенных периода, особенно в части современников Гумилева, продолжавших поддерживать его идеи или дискутировать с ним и после его смерти.

Важнейшей особенностью первого периода критики является включенность в него самого Л.Н. Гумилева. Он был непосредственным участником большинства обсуждений собственных работ и старался откликаться на печатную критику, хотя не всегда удавалось свой ответ опубликовать (часть таких откликов сохранилась в архиве ученого). Включенность автора имела и такую «теневую» сторону: за пределами страниц печатных дискуссий оставалось личное общение со многими критиками, личные споры, лишь малая часть которых находила отражение в переписке ученого или, например, в дарственных надписях на книгах и оттисках статей. Но эта личностная сторона неизбежно влияла на содержание печатной критики, и, по возможности, ее воздействие необходимо учитывать.

Второй хронологический период представлен многочисленными исследованиями, анализирующими наследие ученого как в целом, так и в какой-либо его части. Сюда входят и защищаемые по различным аспектам наследия Л.Н. Гумилева диссертации. Работы данного периода в значительной степени уже

ров]. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. Воронович А.В., Козырева М.Г. Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву. 1956 год // Геополитика и безопасность. 2008. №4. С. 86–101. Ахметшин Ш.К. Лев Николаевич Гумилев. – СПб.: Славия, 2011. «И все-таки я счастливый человек. . . .» Лев Гумилев. Фотолетопись. Фотографии и документы из собрания музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме: Каталог. – СПб., 2014.

рассмотрены в общем обзоре. Характерной чертой второго периода является не только возможность охватить наследие Гумилева во всей целостности, что было невозможно при его жизни, но также охватить всю предшествующую критику, т.е. осуществить критику критики. Подобные опыты уже имели место, особенно в диссертациях. Настоящее исследование также непосредственно примыкает к последнему типу работ.

Научная новизна исследования:

- Обосновывается оригинальность и важность историко-востоковедного наследия Л.Н. Гумилева, которое рассматривается в контексте не только своего содержания, но и восприятия научной средой сквозь призму отношения к автору.
- Впервые предпринята попытка реконструкции ранних идей Л.Н. Гумилева и сквозных тем его научного наследия, между которыми установлена связь.
- Впервые анализ наследия Л.Н. Гумилева проводится на комплексной основе
- с использованием как опубликованных работ и источников, так и документов, хранящихся в личном архиве ученого.
- Впервые вводятся в научный оборот такие источники, как маргиналии и дарственные надписи на книгах из личной библиотеки Л.Н. Гумилева, не публиковавшиеся материалы его кандидатской диссертации и других рукописей.

Теоретическая и методологическая основа исследования. В распоряжении современного исследователя научного наследия Л.Н. Гумилева есть важное методологическое преимущество, которым не обладали его коллеги. Это преимущество – *временная дистанция*. Под ней мы понимаем возможность ознакомиться с наследием Л.Н. Гумилева во всей его полноте; рассматривать его работы в любом порядке, а не в том, в каком они выходили, что дает возможность восстановить подлинную эволюцию взглядов ученого, в отличие от той, какой она представлялась его современникам. Равно теперь есть возможность проследить этапы критики работ Л.Н. Гумилева и, что особенно важно и интересно, эволюцию критики одних и тех же его оппонентов: увеличение или снижение ее накала, или же некое колебательное движение. Анали-

зируя критику, современную Л.Н. Гумилеву, необходимо всегда помнить о ее идеологической составляющей и учитывать конкретные обстоятельства. Наконец, у нас есть возможность проверить одновременно выводы Гумилева и аргументы его критиков на основе их сравнения с современными научными достижениями, как по части конкретных фактов, так и в общетеоретическом аспекте. Также мы можем оценить степень востребованности современной наукой наследия Л.Н. Гумилева. Все это позволяет максимально учесть все «за» и «против» в оценках его наследия. Необходимо оговориться, что в случаях полемики с работами авторов, критиковавших Л.Н. Гумилева, мы ни в коем случае не умаляем их собственные научные заслуги.

В работе используются следующие методы:

общетеоретические: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование;

общенаучные: *диалектический* метод, позволивший выявить сложный нелинейный характер развития взглядов Л.Н. Гумилева и одновременно неоднозначность их восприятия; *типологический* и *системный* методы, с помощью которых рассмотрено становление Л.Н. Гумилева как ученого во взаимодействии и взаимосвязи различных (личностных и научных) факторов и проведена систематизация существующих оценок и взглядов на его наследие; *научно-ведческие подходы* (К. Поппер, Т. Кун, П. Фейерабенд), благодаря которым осуществлена реконструкция логики научного творчества Л.Н. Гумилева, его взгляды и теории рассмотрены в общем контексте развития науки, что позволило поставить под сомнение представление об их формальной ненаучности («нефальсифицируемости») или каком-то «особенном» научном пути Л.Н. Гумилева;

общегуманитарные: приоритет источника, аналитико-описательный метод, метод сравнительно-исторического анализа, синхронический и диахронический анализ, ретроспективный анализ, метод критической истории (в понимании Л.Н. Гумилева и Р.Дж. Коллингвуда).

Мы опирались также на новое направление в российской этнологии, основанное Г.А. Комаровой, – «*антропологию академической жизни*»¹¹⁴. Цель этого направления – выявление этнологическими методами скрытых механизмов отношений внутри научной среды, ее неписанные правила, особенности научного этикета и этикета. В рамках данного подхода были проведены личные беседы с представителями важнейших направлений критики Л.Н. Гумилева: Ю.И. Семеновым и В.А. Шнирельманом (этнография и этнология), С.Г. Кляшторным (востоковедение, тюркология)¹¹⁵, Е.Е. Кузьминой (археология евразийских кочевников). Это позволило посмотреть на симпатии и антипатии по отношению к Л.Н. Гумилеву под другим углом – не только с научной, но и с личностной стороны. При этом *дезаксиологический подход* позволил избежать субъективности и оценочности в рассмотрении ключевых положений полемики Л.Н. Гумилева и его критиков.

Комплекс примененных в ходе работы методов позволил выявить своеобразие понимания научного наследия Л.Н. Гумилева в различных интерпретациях, а также понять специфику восприятия его личности в общем историко-культурном и общественно-политическом контексте середины – второй половины XX в.

Теоретическая и практическая значимость. В исследовании подняты важные теоретико-методологические проблемы как общенаучного уровня (роль личности в науке, проблема функционирования научных институций в разные периоды советской истории, проблемы научной дискуссии и вопрос о достоверности критики в гуманитарных науках, вопросы методологии научного исследования), так и в отношении конкретных научных дисциплин (историография истории кочевых народов Евразии, теория этноса, историография кочевниковедения, историография истории культуры кочевых народов Евразии, проблема научного наследия Л.Н. Гумилева и его коллег и оппонентов).

¹¹⁴ Антропология академической жизни: традиции и инновации. – М.: ИЭА РАН, 2013.

¹¹⁵ Сараев А.С. С.Г. Кляшторный и Л.Н. Гумилев (по материалам музея-квартиры Л.Н. Гумилева и личным беседам с С.Г. Кляшторным) // Тюрко-монгольский мир: история и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения С.Г. Кляшторного. – М.: Наука–Восточная литература, 2019. С. 155–178.

Материалы исследования могут быть использованы в университетских учебных курсах по Отечественной истории, Истории стран Азии и Африки, историографии, при написании энциклопедических статей и монографий.

Апробация исследования. Основные положения и выводы исследования изложены в двух десятках публикаций, из которых пять входят в перечень ВАК РФ. Результаты исследования были представлены в ходе целого ряда научных мероприятий:

1. III Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации» (Санкт-Петербург, 27–29 октября 2010 года).
2. Международная научная конференция «Евразийство Л.Н. Гумилева и мир народов Евразии: история, современность, перспектива» (1–4 октября 2011 г., Казань).
3. В рамках «Дней философии в Санкт-Петербурге–2011» (17–19 ноября 2011 г.): круглый стол «Идейное наследие Л.Н. Гумилева: pro et contra» (в преддверии 100-летия со дня рождения Л.Н. Гумилёва; Русская христианская гуманитарная академия); семинар «Евразийство: историософия, аксиология, идеология» (Санкт-Петербургский государственный университет).
4. Всероссийская научно-практическая конференция «Духовно-культурная консолидация народов России (к 1150-летию зарождения российской государственности)» (Чувашский государственный педагогический университет, Чебоксары, 20–22 апреля 2012 г.).
5. Конференции в рамках Международного научного Конгресса «Наследие Л.Н. Гумилева и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы», посвященного 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева (Санкт-Петербург, 1–5 октября 2012 г.): Круглый стол №3 «Культура народов Евразии: единство и многообразие» в рамках пленарного заседания (Санкт-Петербург, Таврический дворец); Международная научная конференция «Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки, эволюция, проблемы восприятия» (2–3 октября, Санкт-Петербургский государственный университет); Международный науч-

ный симпозиум «Ландшафт и этнос в исторической географии Евразии» (3 октября 2012 г., Русское географическое общество); Международная научная конференция молодых исследователей «Культура народов Евразии в наследии Л.Н. Гумилева: взаимосвязанность исторических судеб и перспективы развития» (4 октября 2012 г., Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена).

6. II Международная научная конференция «Наследие Л.Н. Гумилева и проблемы современной науки» (Казань, 31 октября – 2 ноября 2012 г., Казанский государственный университет культуры и искусств).

7. IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры» (Санкт-Петербург, 29–31 октября 2013 г. Секция «Культурогенез и социокультурная динамика: нелинейные процессы в культуре»).

8. Международная научная конференция памяти С.Г. Кляшторного (1928–2014) «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» (Санкт-Петербург, 16–17 февраля 2015 г., Институт восточных рукописей РАН).

9. Международная научно-практическая конференция XIII Фаизхановские чтения «Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии» (Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г.).

10. Международная научная конференция «Тюрко-монгольский мир: история и культура», посвященная 90-летию со дня рождения С.Г. Кляшторного (1928–2014) (Санкт-Петербург, 15–16 февраля 2018 г., Институт восточных рукописей РАН).

11. Четвертая международная научная конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014)» (Санкт-Петербург, 12–13 февраля 2020 г., Институт восточных рукописей РАН).

12. Пятая Международная научно-практическая конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти С.Г. Кляшторного (Санкт-Петербург, 20–21 февраля 2023 г., Институт восточных рукописей РАН).

Положения, выносимые на защиту:

I. В отношении Л.Н. Гумилева как ученого существует две реальности: официально-академическая и неофициальная, но также академическая. Примирить две эти реальности до сих пор не представлялось возможным. Первая представлена трудами самого Гумилева, которые публиковались академическим издательством «Наука» и неизменно под грифом АН СССР или Института востоковедения АН СССР. Статьи Гумилева выходили в ведущих профильных журналах. Гумилев – автор статей в Большой советской и Советской исторической энциклопедиях. Эти и прочие факты неопровержимо свидетельствуют о месте Л.Н. Гумилева в советской науке и признании научности его трудов на разных уровнях. В то же время мнение о Гумилеве в широкой научно-академической среде было различным, в том числе снисходительно-скептическим и даже резко отрицательным: на его труды писались разгромные рецензии, затем все шире распространилось их игнорирование, а если и упоминалось имя Гумилева, то зачастую без ссылок на конкретные его работы.

II. Л.Н. Гумилев – создатель первой связной и достаточно подробной истории внутренней Евразии (Центральной Азии, Великой степи) на русском языке. Это достижение, несмотря на значительное продвижение науки со времени выхода его основных монографий, не перекрыто до сих пор.

III. Труды Л.Н. Гумилева имеют большое значение для народов России, для представителей науки и культуры в национальных республиках. Исследования по региональной истории редко поднимаются с уровня локального дискурса до вовлечения в какой-то больший масштаб. Такая мозаичность сама по себе несет угрозу распада общероссийского нарратива на ряд не связанных между собой, часто противоречивых и взаимно конфликтных историй. В этом смысле труды Л.Н. Гумилева для многих представителей коренных народов России создают своеобразный мост, позволяющий подняться от своих этнических историй до общеевразийского уровня.

IV. Эвристический потенциал наследия Л.Н. Гумилева заключается в разработанной им системе частных методов ведения исторического исследования, а

также обоснованной им общенаучной методологии. Эта система, вызвавшая резкую критику со стороны современников (в силу ее несоотнесенности с официальной марксистской методологией), в постсоветское время принята многими исследователями и заключается в необходимости соизмерения масштаба темы или проблемы со способом ее исследования и затем изложения, что сформулировано метафорически как взгляды «с высоты птичьего полета» (всемирно-исторический подход), «с кургана» (собственно нарративная история), «из мышиной норы» (микроистория).

V. Безусловно, многое в работах Л.Н. Гумилева оказалось ошибочным или просто устарело. Однако даже когда труды Л.Н. Гумилева потеряют свою практическую значимость, они останутся важным элементом отечественной историографии, а общая концепция степной истории и отдельные частные идеи и выводы, несомненно, сохранят свою ценность и для будущих поколений исследователей.

Глава 1. Наследие Л.Н. Гумилева:

истоки идей, оценки и критика

1.1. Проблема «особого» взгляда Л.Н. Гумилева в науке и в восприятии научной среды

Лев Николаевич Гумилев для многих в научном мире – фигура одиозная. К нему, как ни к кому другому, принято относиться эмоционально: восхищаясь им и превознося; восхищаясь его талантом, но относясь с недоверием к фактической стороне его исследований; признавая его литературный или популяризаторский талант, при этом отвергая научность его работ; не признавая его ученым, считая его работы вредными, требуя их полного развенчания.

В определенной степени перечисленные оценки (за исключением последней) имеют под собой рациональные основания. Как сын двух главнейших поэтов Серебряного века, Гумилев рос в особой культурной среде начала XX в., которая сказала не только в формировании его литературного таланта, но и наложила отпечаток на многие черты его характера¹¹⁶. Одной из таких черт, вероятно, была парадоксальность мышления. Гумилев видел и обращал внимание на то, мимо чего проходили другие, или же на то, на что в условиях догматизма советской исторической науки обращать внимание не следовало. Нестандартность суждений и нередкие заходы за границы дозволенного, – всё это заведомо предопределило исходную долю настороженности в восприятии Гумилева со стороны коллег-ученых¹¹⁷.

Нельзя в этой связи не согласиться с мнением В.А. Бердинских, полагающего, что ученые-историки, выступающие с нестандартными идеями, «это –

¹¹⁶ Куркчи А.И. Последний сын Серебряного века // Живя в чужих словах. С. 499–518. Позднее интервью Гумилева с саморефлексией о том, какое наследие Серебряного века он пронес через всю жизнь.

¹¹⁷ В личных спорах и в публичных дискуссиях Гумилев также прибегал к разнообразной риторике, которая, хотя и не попадала на страницы печатных изданий (ныне об этом известно из материалов переписки и воспоминаний), но порой становилась одной из главных причин конфликтов с коллегами. Примеры этого разбираются ниже.

своеобразные забияки; инициаторы дискуссий, будоражащие научное сообщество. Историками такого типа в России XX века были профессора Б.А. Романов, А.А. Зимин и Л.Н. Гумилев. В определенном смысле все они – кто больше, кто меньше – были маргиналами в науке»¹¹⁸. Под «наукой» в данном случае понимается научное сообщество. Развивая свою мысль, автор приводит такие примеры: «Вспомним, что ни А.А. Зимин, ни Ю.М. Лотман так и не стали академиками; зато членом-корреспондентом Академии наук была, например, жена... академика Н.М. Дружинина – Е.И. Дружинина»¹¹⁹. И далее: «... помимо научного таланта и тогда... и теперь существенную роль в достижении высших научных званий играют другие качества», – а, значит, «ученые-революционеры (в хорошем смысле этого слова) шансов на большой успех не имеют»¹²⁰.

Отмеченная маргинализация ученых-новаторов сказывается на отношении к ним не столько коллег-современников, которые знают им действительную цену, сколько следующих поколений исследователей, воспринимающих за чистую монету (в силу доверия «авторитетам») мнения своих учителей и предшественников.

В полной мере описанный механизм непризнания «ученого-забияки» характеризует прижизненную и посмертную судьбу Л.Н. Гумилева, в отношении которого можно условно выделить три варианта восприятия: 1) *знать и принимать* в целом или разделять какие-то отдельные взгляды и концепции, включая даже их конструктивную критику; 2) *знать, не принимать* и либо жестко критиковать, либо показательно игнорировать; 3) *знать* только *понаслышке*, и, ссылаясь на чужое мнение, *не принимать* и, опираясь на очень ограниченное знание, тем не менее, активно критиковать.

П.Н. Савицкий, состоявший в научной и дружеской переписке с Л.Н. Гумилевым, в одном из писем (от 23 марта 1963 г.) предугадывал некоторые из

¹¹⁸ Бердинских В.А. Ремесло историка в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 83.

¹¹⁹ Там же. С. 125.

¹²⁰ Там же. С. 125.

перечисленных вариантов отношения к нему: «Скажу так: дискуссия вокруг ваших книг и статей принимает "мировые" размеры. Радоваться этому надо, а не огорчаться по поводу глупых или несправедливых высказываний оппонентов. "Пусть ругают, только бы не молчали", – таков закон научного успеха»¹²¹.

Именно с молчания, примеры которого необозримы и не всегда фиксируемы по объективной причине, начнем исследование причин неприятия Л.Н. Гумилева в научной среде. Сначала остановимся на таком своеобразном феномене, когда Гумилев прямо или, особенно, косвенно упоминается в том или ином исследовании, но при этом ссылки на его работы отсутствуют.

Начнем с целого сборника, одним из авторов которого мог бы (скорее, даже должен был) стать Л.Н. Гумилев. Уже одно название «Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным)», а также год и место издания – Ленинград, 1984 – как будто не оставляли шансов не привлечь Л.Н. Гумилева для участия в нем. Тем не менее, не только среди авторов не найти его фамилии, но также ни в одной из статей сборника нет ни его упоминания, ни ссылок на его работы. Это издание упомянуто здесь потому, что представляет собой, пожалуй, один из ранних и наиболее ярких случаев «кричащего замалчивания» Л.Н. Гумилева. При полном его игнорировании и в качестве возможного автора, и в ссылочном аппарате статей в приложенной к сборнику сводной библиографии по теме «природа и общество» (за 1960–1981 гг.) указано шесть его работ¹²² и нет ни одной – А.Д. Грача или Л.П. Потапова, отвечавших в сборнике за «тюрко-кочевническую» тематику¹²³. При этом, если можно найти какие-то причины не привлечения

¹²¹ Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву. 1963–1964 гг. // Геополитика и безопасность. 2010. №1. С. 80–107. С. 90.

¹²² Проблема взаимодействия общества и природы в советской философской, исторической, этнографической, антропологической и археологической литературе. Библиографический указатель (1960–1981 гг.) // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). – Л.: Наука, 1984. С. 231–261. С. 232–235.

¹²³ Грач А.Д. Центральная Азия – общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). – Л.: Наука, 1984. С. 113–125. Потапов Л.П. Географический фактор в традиционной культуре и быте тюркоязычных народов Алтае-Саянского региона // Там же. С. 126–143.

Гумилева в качестве автора¹²⁴, то трудно оправдать отсутствие на него хотя бы ссылок.

Рассмотрим далее ряд частных примеров замалчивания Л.Н. Гумилева.

Современный исследователь эпохи Чингисхана Р.П. Храпачевский, ссылаясь всего лишь на одну статью Гумилева¹²⁵, упрекает его в недостаточности аргументации реконструируемой им хронологии жизни Чингисхана¹²⁶. При этом Р.П. Храпачевский оставляет в стороне факт, что одновременно с критикуемой им статьей вышла монография¹²⁷, в которой Гумилев значительно подробнее осветил ту же проблему. Трудно поверить, что Р.П. Храпачевскому столь нашумевшая книга (см. параграф 1.3) осталась неизвестной. Что это не так, свидетельствует карта «Монгольские племена XI–XII вв.» на с. 47 его книги, заимствованная напрямую из «Поисков вымышленного царства» Гумилева без ссылки на источник. Все карты для монографий, вошедших в «степную

¹²⁴ Середина 1970-х – конец 1980-х гг. – время, когда Гумилева почти перестали печатать (по разным и не совсем ясным причинам). За 1984 г. вышло всего три его статьи, все – в малотиражных сборниках (Новосибирск и Ленинград). В архиве Л.Н. Гумилева сохранились разрозненные материалы за этот период: выписки из протоколов обсуждения статей, переписка с различными редколлегиями. Как правило, ничто из этого, в конечном счете, не приводило к публикациям. Учитывая тематику сборника 1984 г., в качестве примера более всего подходит история о неопубликовании статьи Гумилева «Экология и этнос». Рукопись под таким названием была сдана в 1979 г. для коллективной монографии по «глобальной экологии». В сохранившемся протоколе обсуждения «Группы философских проблем наук о Земле» от 11 декабря 1979 г. (рукописная стенограмма аккуратным почерком на пяти разнотипных листах с примечанием внизу пятого листа, оставленным «НВГ», по-видимому, Н.В. Гумилевой) красной нитью проходит мнение, что статья недостаточно философична и требует доработки именно в этом ключе. Из письма А.В. Кацуры от 1.06.1983 (один лист, исписанный с двух сторон красными чернилами), которому, согласно резолюции протокола 1979 г., было поручено помочь Гумилеву доработать статью, следует, что планируемый коллективный труд «застрял и вряд ли выйдет», а рукопись в последней своей редакции возвращается автору. Приведенные даты имеют принципиальное значение: обратиться составители сборника 1984 г. к Гумилеву, он мог бы подать уже готовую отредактированную статью. Причем ее недостаточная философичность для этногеографического сборника значения не имела.

¹²⁵ Гумилев Л.Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. – Изд. 2-е, перераб., доп. – М.: Наука, 1977. С. 484–502. Первое издание сборника вышло в 1970 г.

¹²⁶ Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. – М.: АСТ:ЛЮКС, 2005. – 557 с. С. 60.

¹²⁷ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). – М.: Наука, 1970.

трилогию», Гумилев составлял сам, и они отражают именно его взгляд на расположение племен в Центральной Азии в разные периоды истории¹²⁸.

Специалист по истории средневековых кочевников В.В. Трепавлов в очерке по истории Золотой Орды не раз упоминает Л.Н. Гумилева во вполне положительном ключе¹²⁹ и даже принимает его исторический метод (см. параграф 1.3), но при этом ни разу не ссылается ни на одну его работу. Аналогично ни одна книга или статья Гумилева не включена в библиографию, что сделано даже для единожды упомянутых авторов.

В ряде публикаций С.Г. Кляшторного процитирована статья И.В. Пьянкова (см. параграф 2.2) из юбилейного сборника к 90-летию Л.Н. Гумилева. Сборник называется «*Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии*». У С.Г. Кляшторного название сборника неизменно выглядит иначе: «Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии»¹³⁰.

В монографии археолога В.С. Флёрова, с чьей оценки Гумилева начинается наше исследование (см. Введение), его имя упоминается скорее нейтрально-скептически, чем резко отрицательно¹³¹. При этом ни одно из упоминаний не снабжено отсылкой на список литературы. В книге встречаются другие технические погрешности, но в таких случаях за именами авторов все равно следует ссылка¹³², пусть и не продублированная в библиографии. Подобного не скажешь о Гумилеве, за именем которого никаких ссылок не следует, что исключает возможность недосмотра со стороны автора или редактора книги.

¹²⁸ Разбор критики Р.П. Храпачевским указанной статьи Гумилева осуществлен мною ранее в: Сараев А.С. Образ Чингисхана в работах Л.Н. Гумилева и проблема методики научного исследования // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Сер.: Гум. и пед. науки. 2012. №1(73). Ч. 2. С. 148–154. С. 152–153.

¹²⁹ Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. – М.: Квадрига, 2010. С. 8, 26, 44.

¹³⁰ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 59–60. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 163–164.

¹³¹ Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2011. – 264 с. С. 84, 118, 198.

¹³² Например, в тексте есть ссылки на работу «(Седов В.В. 1989)», но в библиографии она отсутствует. См. Там же. С. 79–82. В библиографии нет и работы «(Свистун Г.Е. 2009)». См. Там же. С. 62–63.

На самом деле, для работ по хазарской тематике такая система упоминаний Л.Н. Гумилева (имя без ссылок или косвенные ссылки) не только не единична, а скорее закономерна, причем с очень давнего времени.

Так, еще в 1970 г., когда сам Гумилев по-прежнему активно разрабатывал хазарскую проблематику, в статье, связанной с проблемой колебаний уровня Каспийского моря, ее автор ссылается на предисловие М.И. Артамонова к «Открытию Хазарии», но не на саму эту книгу¹³³. Однако содержание предисловия заключалось именно в кратком пересказе подробно изложенной в самой книге историко-географической концепции, автором которой был не М.И. Артамонов, а исключительно Л.Н. Гумилев.

Аналогично А.В. Гадло в статье, посвященной проблеме выделения барсиллов среди средневековых тюркских народов Кавказа, ссылается на то же предисловие М.И. Артамонова, но опять не на саму книгу «Открытие Хазарии». В его случае, однако, это объяснимо непосредственным интересом к эволюции взглядов М.И. Артамонова на проблему происхождения хазар¹³⁴. Другое дело, что А.В. Гадло вообще не учитывает взглядов Гумилева на происхождение хазар и барсиллов, изложенных в «Открытии Хазарии». При этом он благодарит венгерского востоковеда К. Цегледи за указание ему на публикацию тибетского документа VIII в.¹³⁵, в котором упоминаются барсиллы, хотя данный документ уже был подробно проанализирован Гумилевым в статье, имеющей прямое отношение к исследуемой А.В. Гадло проблеме¹³⁶, и в монографии «Древние тюрки»¹³⁷, на которую А.В. Гадло неоднократно ссылался в других своих работах.

Встречается и обратное – когда авторский текст Л.Н. Гумилева маскируется именем М.И. Артамонова. Все подобные случаи связаны со ссылками на

¹³³ Абдуллаев Х.П. О Бешбармакском оборонительном сооружении в связи с колебанием уровня Каспийского моря // Советская археология. 1970. № 2. С. 256–260. С. 260.

¹³⁴ Гадло А.В. Этническая общность *барсиллы* // Историческая этнография: традиции и современность (Проблемы археологии и этнографии. Выпуск II). – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983. С. 89, 91 (прим. 43).

¹³⁵ Там же. С. 91 (прим. 35).

¹³⁶ Гумилев Л.Н. Соседи хазар // Страны и народы Востока. Вып. IV. – М.: Наука, 1965. С. 127–142. С. 130–131.

¹³⁷ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. С. 160–163.

монографию «История хазар», в которой Гумилев выступил не только ответственным редактором, но и автором ряда примечаний, представлявших, как правило, выдержки из тогда еще неопубликованных его работ. Помещая в свою книгу примечания, отмеченные инициалами «ЛГ», М.И. Артамонов, безусловно, разделял выраженные в них взгляды, но все же не становился их соавтором. Тем не менее, между «предположением Л.Н. Гумилева» (об этимологии названия «акациры») в «<книге> М.И. Артамонова», как об этом написал О. Мэнчен-Хелфен¹³⁸, и «двумя наиболее вероятными вариантами» этимологии этнонима «акацир», которые «приведены у М.И. Артамонова»¹³⁹, разница принципиальная. К тому же вариант этимологии, автором которого был Гумилев, А.Г. Фурасьевым отвергается (по совсем иной, нежели у О. Мэнчен-Хелфена, причине), что делает не упоминание имени Гумилева совсем уж необъяснимым.

Результат подобного использования работ Гумилева привел с течением времени к тому, что имя Гумилева стало противопоставляться его же собственным идеям и открытиям, поданным уже без его имени. Так, в современной публикации о находке раннесредневекового поселения в Астраханской области сообщается: «"В 60-е годы известный отечественный деятель науки Лев Николаевич Гумилев проводил исследования, опубликовал книгу "Открытие Хазарии" о том, что все находится под водой. На протяжении последних 50 лет так и считалось, что памятники найти невозможно", – пояснил он <доцент кафедры российской истории и документоведения НИУ "БелГУ" Владимир Сарапулкин>. Однако в 2019 году были обнаружены первые отложения, содержащие культурный слой Хазарского времени. Для подтверждения этих предположений было решено предпринять раскопки *поселения Бараний Бугор* (выделено мной. – А.С.) в Астраханской области...»¹⁴⁰.

¹³⁸ Maenchen-Helfen O. The World of the Huns: Studies in their history and culture: [ed. by Max Knight]. – Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1973. P. 434.

¹³⁹ Фурасьев А.Г. Акациры – соседи эстиев // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 39: материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти М.Б. Щукина посвящается. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 185–196. С. 192.

¹⁴⁰ На Волге археологи нашли древний заброшенный город // URL: <https://ria.ru/20220726/belgu-1805151488.html> (дата обращения 26.07.2022).

В данном случае уместно процитировать именно предисловие М.И. Артамонова: «Так как следов Итиля на исконных берегах Волги нет, он мог находиться только в долине этой реки... Коренные изменения в ней были связаны с великой трансгрессией Каспийского моря в XIII–XIV вв., когда долина была залита водой и заполнилась наносами, преобразовавшими ее облик и скрывшими почти все следы предшествующего обитания, в том числе и остатки Итиля. Только на так называемых *бэровских буграх* (курсив мой. – А.С.)... уцелели немногие памятники хазарского периода, доказывающие, что долина реки в это время действительно была обитаема. *Обнаружение и исследование этих памятников составляет большую заслугу Л.Н. Гумилева перед наукой*»¹⁴¹.

Если же не ограничиваться только предисловием М.И. Артамонова, а посмотреть саму книгу «Открытие Хазарии», в ней несложно найти подробное описание находок и на *Бараньем бугре* (с. 188), по оценкам Гумилева – «особенно замечательном» (с. 125 и рисунок на с. 124), на котором «поражает обилие подъемного материала и захоронений» (с. 187).

Таким образом, еще за шестьдесят лет до экспедиции Белгородского университета наличие внушительного числа археологических находок, в том числе хазарского времени, на Бараньем бугре в дельте Волге отметил как раз Л.Н. Гумилев.

Несмотря на сложившийся негативистский консенсус¹⁴², некоторые поволжские археологи (Самара, Волгоград, Астрахань), вероятно, вполне независимо друг от друга, решили перепроверить основные тезисы и выводы Гумилева, в том числе обращаясь к его отчетам о раскопках. Основной методологический посыл, которым они руководствовались, заключается в недопустимо-

¹⁴¹ Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. С. 3–4. Далее ссылки в тексте.

¹⁴² Например, Г.А. Федоров-Давыдов, описав богатое захоронение хазарского времени на Нижней Волге, посчитал нужным в качестве главного вывода указать на несостоятельность всего сделанного Гумилевым в изучении хазар: «Археологические материалы Л.Н. Гумилева по этой эпохе в Поволжье не имеют научного значения и ошибочны, как, например, его "открытие" Итиля около Селитренного городища, которое не подтвердилось. Поэтому-то так важен каждый достоверный археологический памятник хазарского времени в этом районе». См. Федоров-Давыдов Г.А. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1984. С. 80–94. С. 94.

сти игнорирования уже введенного в науку материала: Гумилев открыл совершенно определенные памятники, обнаружил реальные артефакты и погребения. Существование этих вещественных объектов невозможно отрицать, но именно это фактически происходило на протяжении ряда десятилетий¹⁴³.

Важнейший результат перепроверки собранных Гумилевым данных может показаться, учитывая всю критику, удивительным: по всей видимости, он действительно обнаружил погребения, которые допустимо считать этнически хазарскими, причем самым характерным их типом оказался тот самый «злополучный» барсил¹⁴⁴. Только были это могилы рядового населения, а не знати. Последние были открыты позже («памятники типа Соколовской балки») и противопоставлены находкам Гумилева совершенно искусственно¹⁴⁵.

Второй вывод, основанный на доисследовании нескольких из посещенных Гумилевым бэровских бугров, реабилитирует его как археолога-полевика: «...в работах ученого следует выделить главное: исследователь выбрал верный вектор поисков следов Хазарии в дельте Волги. Именно там, впоследствии, и были выявлены уникальные археологические объекты, к числу которых следует отнести и археологический памятник "Семибугры-1"»¹⁴⁶.

¹⁴³ Круглов Е.В. Погребение хазарского времени у с. Ильевка // Хазарский альманах. Т. 2. – Иерусалим-М.: Мосты культуры / Гешарим, 2004. С. 180–186. С. 180. Котеньков С.А., Соловьев Д.С. Маршрутами Л.Н. Гумилева. Новые хазарские памятники в дельте Волги // Степные миры в зеркале археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию ученого-археолога М.К. Хабдулиной. – Нур-Султан: ИП ARD-Print, 2022. С. 214–222. С. 218.

¹⁴⁴ Круглов Е.В. Хазары – поиск истины // Хазары (Евреи и славяне. Т. 16). – Иерусалим-М.: Мосты культуры/Гешарим, 2005. С. 427–457. С. 436, 454 (ссылки на Гумилева). Круглов Е.В. О «курганах с ровиками», погребениях типа «соколовской балки» и некоторых иных древностях хазарского времени (к постановке проблемы) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: Материалы III международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000). – М.: ГИМ, 2013. С. 74–83. С. 79. «Ошибка» Гумилева состояла лишь в неточной атрибуции, хотя близость хазар и барсилов он не отрицал и считал, что к X в. они слились в один народ. См. Гумилев Л.Н. Соседи хазар. С. 128–132.

¹⁴⁵ См. Круглов Е.В. Погребение хазарского времени у с. Ильевка // Хазарский альманах. Т. 2. – Иерусалим-М.: Мосты культуры / Гешарим, 2004. С. 180–186. С. 180, 183. Ср. Лифанов Н.А. Ранние тюрки в Среднем Поволжье (к вопросу об установлении хазарской власти в регионе) // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Т. 1. – СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 218–221. С. 220.

¹⁴⁶ Котеньков С.А., Соловьев Д.С. Маршрутами Л.Н. Гумилева. С. 218.

Третий вывод оспаривался менее других, но это не умаляет важности его подтверждения на новом материале: «Обнаруженные фрагменты керамики, датируемые IX–X вв., имеют прямые аналоги с керамикой салтово-маяцкой культуры этого периода. А "окатанность" поверхности керамики свидетельствует о том, что в результате подъема уровня Каспийского моря (не позднее X в.) дважды затапливались участки и околобугрового пространства, и подошвы бугра. Полученные материалы подтверждают теорию Л.Н. Гумилева о существовании "Хазарской Атлантиды" или "Прикаспийских Нидерландов". По мнению ученого, трансгрессия Каспийского моря в X в. привела к подъему уровня моря и многоводью Волги»¹⁴⁷.

Несмотря на то, что хазарская проблематика вобрала в себя значительное число эталонных приемов критики Гумилева, для достижения полноты картины ею ни в коем случае нельзя ограничиваться (хотя и к ней еще не раз придется вернуться). Не менее показательно использование метода критики Гумилева через «косвенные ссылки» в связи с исследованиями истории азиатских хуннов.

Так, один из ведущих специалистов по археологии хунну, С.С. Миняев, насколько можно судить по библиографиям его работ, труды Гумилева никогда напрямую не использовал, а имя Гумилева упоминал только как составную часть названия разгромной рецензии К.В. Васильева на монографию «Хунну»¹⁴⁸ или чуть менее критической – Л.И. Дума́на¹⁴⁹ (см. далее параграфы 2.1, 2.2).

¹⁴⁷ Котеньков С.А., Соловьев Д.С. Маршрутами Л.Н. Гумилева. С. 217. В другой статье той же группы авторов подчеркивается: «Проведенные исследования позволяют высказать некоторые предположения относительно залегания слоев хазарского времени в дельте Волге. Как и предполагал Л.Н. Гумилев, они, по большей части, перекрыты наносами...» (Са-рапулкин В.А., Соловьев Д.С., Котеньков С.А., Кравченко Э.Е. Поселения хазарского времени в дельте Волги // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 268. – М.: ИА РАН, 2022. С. 251).

¹⁴⁸ Миняев С.С. Дырестуйский могильник. 2-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПб-ГУ, 2007. С. 80, 107.

¹⁴⁹ Миняев С.С. Письменные источники о ранней истории сюнну // Археологические вести. Вып. 21. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 304–327. С. 306, 309, 320. Миняев С.С. Исследование Ван Говэя о ранней истории сюнну // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура (ЗВОРАО. Нов. сер. Т. III). – СПб.: Контраст, 2015. С. 390–394. С. 391, 394.

Аналогично поступает эпиграфист-тюрколог, специалист по археологии Южной Сибири И.Л. Кызласов. Разница лишь в том, что помимо рецензии К.В. Васильева он ссылается на публикацию стенограмм двух дискуссий по поводу монографии «Хунну» и самой этой рецензии¹⁵⁰ (см. параграфы 2.1 и 2.2). Лишь раз И.Л. Кызласов упомянул Гумилева как исследователя истории хуннов вне названия рецензии, но только чтобы отметить «особость» его взгляда: «Л.Н. Гумилев, со свойственным ему литературным талантом, именовал государство гуннов "родовой империей"»¹⁵¹.

Данное утверждение основано на известном стереотипе, что Гумилев занимался больше литературой, нежели наукой. Беда стереотипов в том, что они заранее способствуют формированию предвзятого отношения к чему угодно. Так и здесь, «родовая империя Хунну», действительно дань литературе, но не художественной, а научной. Дело в следующем.

Л.Н. Гумилев как историк, о чем подробнее говорится ниже (см. параграф 2.1), формировался в 1930-е гг. Будучи в то время студентом Ленинградского университета, он находился в самой гуще дискуссий по различным актуальным для раннесоветской историографии проблемам. Преподававшие тогда в университете В.В. Струве и Б.Д. Греков еще только начинали разрабатывать марксистскую основу для изучения древней истории и истории Руси. Тогда же в дискуссиях об общественном строе Руси стало модным заимствованное у Маркса словосочетание «империя Рюриковичей»: «...ставшее сейчас достаточно популярным место из "Секретной дипломатии XVIII в." Маркса, где он говорит о "норманском" или "готическом периоде" русской истории»¹⁵².

В упомянутых дискуссиях, в том числе при прямом участии В.В. Струве, с опорой на имя Маркса была создана схема пятичленного деления истории человечества, чего в трудах самого Маркса четко сформулировано не было¹⁵³.

¹⁵⁰ Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. – М.: Институт тюркологии, 2011. С. 15, 135.

¹⁵¹ Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. С. 136.

¹⁵² Греков Б.Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 9.

¹⁵³ В.Н. Никифоров, доказывая, что пятичленная схема выводима из *идей* Маркса, этим лишь подтвердил ее отсутствие в явной форме в его *трудах*. Также он показал, как схема конструировалась из разрозненных фраз из работ, рукописей и писем Маркса и Энгельса

Также Маркс не мог и помыслить о феодализме в Киевской Руси¹⁵⁴. Это, в общем, понимали многие историки, но Б.Д. Греков решительно боролся за «единственно правильную» трактовку цитаты Маркса¹⁵⁵. Очевидно, студент Гумилев относился к числу тех скептиков¹⁵⁶ (см. параграф 3.3), которые считали, что понятие «готические империи» характеризует еще родовую стадию развития. Их взгляды Б.Д. Греков характеризовал так: «В представлении Н.Л. Рубинштейна "*империя Рюриковичей*", или, что то же, "Киевское государство" – не период в истории нашей страны, соответствующий периоду существования в Западной Европе большого варварского государства... а лишь *переходный момент от родового общества к классовому феодальному...*»¹⁵⁷ (курсив мой. – А.С.).

Собственно, все элементы для «родовой империи Хунну» в приведенной цитате (пусть и в форме критики взглядов оппонента) имеются. Что это не просто догадка, подтверждает самая ранняя статья Гумилева (1935 г.), опубликованная, однако, лишь годом раньше «Хунну», где он прямо уподобляет кочевые империи «готическим»: «Варварские империи, которые Маркс называл "готическими", имели одну особенность, чрезвычайно важную для понимания их истории: такую империю было гораздо легче создать, чем сохранить в целости хоть сколько-нибудь продолжительное время»¹⁵⁸.

несколькими поколениями марксистов. См. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. Изд. 2-е. – М.: Наука, 1977. С. 124–127 (трудности перевода единственной фразы Маркса с перечислением способов производства), 182–186 (дискуссии 1920–1930-х гг. и значение в них работ Б.Д. Грекова и В.В. Струве).

¹⁵⁴ Наиболее известная дореволюционная концепция феодального строя в Древней Руси исходила вовсе не из идей Маркса, а из общих представлений о единстве исторического развития России и Запада. См. Павлов-Сильванский Н. Феодализм в Древней Руси. – Пг.: Прибой, 1924. С. 3 (предисловие М.Н. Покровского), 7–15.

¹⁵⁵ Греков Б.Д. Феодальные отношения... С. 10.

¹⁵⁶ В поэме, сочиненной во время своего первого заключения (1938–1943 гг.), Гумилев описывает хулиганское отношение студентов к идеологическим дисциплинам в университетском курсе: «У меня огромный чирей. / Не могу сидеть на парте, / На истмате, на истпарте...». См. Гумилев Л.Н. Посещение Асмодея (Осенняя сказка) // Петрополь–3. Альманах. – Л.: Союз кинематографистов СССР, «Аквилон», 1991. С. 71.

¹⁵⁷ Греков Б.Д. Киевская Русь. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 16.

¹⁵⁸ Гумилев Л.Н. Удельно-лествичная система у тюрков в VI–VIII вв. // Советская Этнография. 1959. №3. С. 11.

Таким образом, последний пример как нельзя лучше иллюстрирует остроумное высказывание С.Б. Лаврова: «Тут задумываешься: а так ли оригинален был Л.Н. <Гумилев> или это просто наше общее незнание классиков исторической науки "работает" на его исключительность...?»¹⁵⁹. Никакой литературности в обозначении объединения хуннов как «родовой империи» не было. Напротив, это прямое свидетельство знакомства Гумилева с обществоведческими дискуссиями 1930-х гг. и неприятия их догматизированного итога о непременно феодальном строе «варварских империй»¹⁶⁰.

Все перечисленные случаи примечательны замалчиванием работ Гумилева, которое заключается отнюдь не в простом отсутствии ссылок. Всё, как видно, сложнее. Это выводит нас на тему взаимоотношений Гумилева и научного сообщества, в первую очередь, Ленинграда, представителем которого был он сам. Гумилев стал «маргиналом» первоначально именно для ближайших коллег, и именно в их среде сформировались первые мифы о «не ученом Л.Н. Гумилеве» и его «особом взгляде». Следует оговориться, что мы не обвиняем каждого упоминаемого автора в преднамеренно предвзятом отношении к Гумилеву. Наша цель – вскрыть механизм формирования мифологем, связанных с его личностью и наследием.

Так, один из ранних истоков неприятия Гумилева мы можем уже сейчас уверенно назвать. Неприятие Гумилева в среде востоковедов и археологов явилось результатом его многолетнего противостояния с А.Н. Бернштамом. Если о начале их общения в 1930-е гг. известно только из поздних интервью Гумилева¹⁶¹, то о развитии дискуссии во второй половине 1940-х гг. известно из более близких событиям документов – лагерных писем Гумилева¹⁶². О двух последних столкновениях Гумилева и Бернштама известно также из писем, на

¹⁵⁹ Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. – М.: Сварог и К, 2000. С. 316.

¹⁶⁰ Что воззрения Гумилева на собственно древнерусскую государственность берут исток в работах и дискуссиях 1930-х гг., пронизательно, хотя только мимоходом, подметил А.Ю. Дворниченко. См. Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. С. 283.

¹⁶¹ Печатных – «Повода для ареста не давал», «Скажу Вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава...», киноинтервью – «Лев Гумилев в зеркале истории» (расшифровка в книге «Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. С. 9) и аудиоинтервью – «Автобиография. Воспоминания о родителях» и «Автонекролог» (расшифровки в книге «Лавров С.Б. Лев Гумилев: судьба и идеи. С. 11, 23).

этот раз синхронных их встречам (письма В.Н. Абросову от 06.06 и 05.08.1956)¹⁶³.

Хотя оба ученых были почти ровесниками, причем родившимися в один день¹⁶⁴, период их активной научной деятельности оказался разделенным десятилетиями: Бернштам умер в 1956 г., не дожив и до 50 лет, но оставив при этом обширное научное наследие и множество учеников; Гумилев в 1956 г. только вышел из своего последнего заключения и, хотя уже был кандидатом наук, имел всего одну напечатанную статью (об этом подробнее в 2.1). В результате, реальная печатная дискуссия состоялась не между Бернштамом и Гумилевым¹⁶⁵, а между последним и учениками первого: С.Г. Кляшторным, Ю.А. Заднепровским, С.С. Сорокиным и другими (см. параграфы 2.1, 2.2). При этом ниспровергателями идей Бернштама оказались в первую очередь его же ученики и коллеги¹⁶⁶ и лишь в последнюю очередь Гумилев (см. параграф 3.3). Однако спор между Гумилевым и Бернштамом странным образом не завершился

¹⁶² Письма А. Ахматовой от 04.01, 17.04.1953, 05.02, 02.06, 05.09, 19.09.1954, 03.04, 02.09.1955; В.Н. Абросову от 05.04, 15.05, 27.10.1955.

¹⁶³ В последний раз А.Н. Бернштам упомянут в письме В.Н. Абросову от 01.12.1956 (всего за полторы недели до смерти!) в связи выражением надежды «сдвинуть с мертвой точки» изучение истории кочевников и очистить ее от негативного влияния «Натаныча», как его нередко Гумилев именовал в переписке.

¹⁶⁴ А.Н. Бернштам родился 01.10.1910, Л.Н. Гумилев – 01.10.1912. На данное обстоятельство обратил внимание Ю.К. Ефремов. См.: Лавров С.Б. Лев Гумилев: судьба и идеи. С. 490; «Живя в чужих словах». С. 11.

¹⁶⁵ Более чем странно утверждение С.С. Белякова (Гумилев сын Гумилева. С. 498), что Гумилев «не чуждался этого "оружия" (обвинений в немарксизме. – А.С.) и применял его, например, против ненавистного Бернштама». При этом С.С. Беляков умолчал, что «обвинения» заключены в *частных* письмах Гумилева из *лагеря*. Зато о неблагоприятной стороне биографии А.Н. Бернштама, не чуравшегося в годы репрессий участия в идеологических проработках коллег, говорят его собственные ранние публикации и иные документальные свидетельства. См. Антология советской археологии. Т. III. С. 253. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. – М.: Знак, 2006. С. 54-55, 60-61, 106. Конечно, при этом научную работу одних и тех же людей в период сталинских репрессий нужно отделять от их «общественной» работы, иначе пришлось бы придать забвению слишком многое. Введение же этических оценок в спор именно между Бернштамом и Гумилевым, по меньшей мере, некорректно.

¹⁶⁶ Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – М.-Л.: 1952. С. 86-90. Кызласов Л.Р., Мерперт Н.Я. [рец. на:] А.Н. Бернштам. Очерк истории гуннов // Вестник древней истории. 1952. №1. С. 101–110. Обсуждение в Ученом совете ИИМК книги А.Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов» // Советская археология. Т. XVII. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 320–326. Шер Я.А. Памятники алтайско-орхонских тюрков на Тянь-Шане // Советская археология. 1963. №4. С. 158–166.

даже с уходом обоих ученых и получил вторую жизнь в историографии. Теперь на стороне Бернштама выступило подавляющее большинство исследователей.

Во вдумчивом анализе основных кочевниковедческих концепций XIX–XX вв., проделанном К.Г. Ахсановым, только посвященная Гумилеву часть сначала обрамлена легким скепсисом («одна из самых интересных и в то же время неоднозначных фигур русской историографии»), а в завершение и вовсе негативной оценкой, да еще в аспекте, не имеющем отношения к теме обзора¹⁶⁷. Взгляды других авторов не оценивались никак, при этом каждому была подобрана лестная характеристика¹⁶⁸. Контраст с отношением к Гумилеву особенно заметен, когда противоречивость взглядов Бернштама никак не проговаривается, хотя очевидна из самого содержания обзора.

Археологи, специализирующиеся на изучении евразийских степей, П.М. Кожин и Е.Н. Черных, в разное время одинаково сопоставили Гумилева и Бернштама в роли интерпретаторов наследия Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа). По мнению П.М. Кожина: «Исследованиями последних десятилетий многократно доказано, что попытки обработать исторический материал целиком, в тех же хронологических и этнографических пределах, какие избрал Н.Я. Бичурин, пока не привели к значительной переоценке общей картины исторического развития, данной русским востоковедом, ибо чаще всего эти попытки оказыва-

¹⁶⁷ «...наряду с доброжелательным тоном по отношению к тюркским народам в сочинениях Гумилева отчетливо прослеживается негативное отношение к исламу...». См. Ахсанов К. Историографический обзор // История татар с древнейших времен. Т.1. С. 28–29. Объяснение автора простое: ислам – «религия, которую исповедует подавляющее большинство тюркских народов». Он только не отмечает, что – народов современных, а не тех, о которых писал Гумилев и прочие упомянутые в обзоре авторы. Кроме того, неясно, где Гумилев высказывался *негативно* об исламе.

¹⁶⁸ С.П. Толстов – «крупный отечественный историк» (с. 26), А.Н. Бернштам – «известный отечественный тюрколог» (с. 27), Г.Е. Марков – «крупный отечественный кочевниковед» (с. 29), С.Г. Кляшторный – «крупный отечественный тюрколог» (с. 30), С.А. Плетнева – «крупный специалист по истории тюркских народов Восточной Европы» (с. 30). Неудачна только характеристика Е.И. Кычанова: «крупный специалист по китайским источникам, автор по истории средневековых тангутов и монголов» (с. 31). Заметим, что С.П. Толстов в ранних работах отрицал историчность пророка Мухаммеда. Ср. Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. – М.: Наука, 1966. С. 95.

лись односторонними и предвзятыми»¹⁶⁹. Ссылка при этом дана на две работы: «Хунны в Китае» Л.Н. Гумилева и «Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок» А.Н. Бернштама, – из чего следует, что П.М. Кожин относится скептически к обоим и в этом смысле ставит их на один уровень.

Е.Н. Черных проработал тот же сюжет более тщательно и несколько иначе расставил акценты, посвятив обоим исследователям специальный этюд «Отец Иакинф (Бичурин) и его наследники»¹⁷⁰. «Достойным» наследником в нем выступает Бернштам, а «недостойным» – Гумилев. Предупреждая возможное недоумение читателей, не нашедших упоминаний Гумилева в его книге до этого места, Е.Н. Черных сообщает, что не упоминал его намеренно по ряду причин. Так, во время своих экспедиций он не узнавал степи, описанные Гумилевым в книгах, а значит, тот не представлял, о чем пишет. Звучит несколько парадоксально, если учесть, что не уточняется, о каких степях идет речь и в каких книгах Гумилева описание не соответствует действительности. Далее: «Второй шок я испытал после внимательного чтения большинства работ Бичурина. В них я легко узнавал все, что пересказывал Гумилев своим читателям. Та бездонная "база данных" произведений о. Иакинфа приобретала порой характер важнейшего "костяка" гумилевских книг. Но опять же здесь было что-то не так. База "костяка" угадывалась легко, а вот его "мясная оболочка" во множестве случаев никак не вязалась с "костной" основой. Телеграфный стиль китайских источников в бичуринском переводе в изложении нашего автора почти повсеместно приближался по своему характеру к неожиданному *belle-lettres*. И по этой причине я предпочел бы именовать Л.Н. Гумилева не популяризатором творчества о. Иакинфа, но его, если так можно выразиться "беллетризатором"»¹⁷¹.

¹⁶⁹ Кожин П.М. Некоторые данные о древних культурных контактах Китая со внутренними районами Евразийского материка // Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (к 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Часть II. – М.: Наука, 1977. С. 24-41. С. 25.

¹⁷⁰ Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 511-522.

¹⁷¹ Там же. С. 516-517.

Как видно, противопоставление вклада Л.Н. Гумилева и А.Н. Бернштама в науку нами выбрано не случайно. Оно представляет собой своеобразную форму критики, когда вместо детального анализа содержания работ Гумилева с указанием их достижений и промахов некоторые специалисты-археологи и востоковеды предпочитают сослаться (опять же без дополнительной аргументации) на наличие аналогичных по тематике, но, видимо, более достойных работ Бернштама. В настоящее время подобный взгляд скорее норма, чем исключение. В качестве подтверждения приведем еще несколько примеров:

«К изучению истории орхонских уйгуров имеют прямое отношение исследования известного советского ученого А.Н. Бернштама, внесшего большой вклад в реконструкцию социально-экономической истории Восточно-тюркского каганата. Несколько позже события политической истории кочевых уйгуров были описаны в книге Л.Н. Гумилева "Древние тюрки"»¹⁷².

«При всех бесчисленных поправках, сделанных впоследствии многими авторами – от Гумилева до Кляшторного – бернштамовская диссертация («Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок» – А.С.) остается весьма крепким фундаментом, обязательным к внимательному изучению всяким, кто интересуется каким-либо аспектом древнетюркской истории и археологии»¹⁷³.

«Обобщающая монография А.Н. Бернштама на долгое время закрыла основные аспекты изучения общественно-политического устройства раннесредневековых тюрок... <...> На совершенно иных принципах основана известная книга Л.Н. Гумилева "Древние тюрки". Наибольшее внимание в работе уделено представлению перипетий политической истории тюрок... <...> В целом же, ...рассматриваемая книга почти не внесла нового в имеющиеся представления о специфике общественно-политического развития кочевников периода раннего средневековья»¹⁷⁴.

¹⁷² Камалов А.К. Древние уйгуры VIII-IX вв. – Алматы: Наш Мир, 2001. – 216 с. С. 15.

¹⁷³ Блог археолога П.П. Азбелева. URL: <http://centaurito.livejournal.com/129348.html> (дата обращения 27.03.2012).

¹⁷⁴ Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 9-11.

«Я не специалист ни по истории гуннов, ни по истории тюрков. Я крайне скептически отношусь к наделавшей столько шума теории пассионарности Л.Н. Гумилева (критику см., например: (Шнирельман, Панарин 2000); современную точку зрения на историю тюрков см. Кляшторный, Султанов 2009). Быть арбитром ни в каком споре я, естественно, не могу. Почему же в таком случае я пытаюсь... оценить место А.Н. Бернштама в нашей науке?»¹⁷⁵.

Если вернуться к выделенным выше типам восприятия Гумилева, то процитированные авторы должны, в основном, быть отнесены ко второму («знать, но не принимать»). В каждой из приведенных цитат значение трудов Гумилева признается, по крайней мере, меньшим в сравнении со сделанным Бернштамом.

Отношение цитированных авторов к Гумилеву и Бернштаму выражено больше в намеках. Приводимая же аргументация (либо в пользу Бернштама, либо против Гумилева) одинаково парадоксальна. Так, в первом фрагменте Бернштаму дается превосходная характеристика, а о Гумилеве говорится скупо¹⁷⁶, хотя в дальнейшем изложении Бернштам упоминается всего лишь дважды (причем в одном случае для критики) и ни разу в связи темой исследования – орхонскими уйгурами¹⁷⁷. Во втором фрагменте Гумилев представлен лишь подправляющим наследие Бернштама, пусть и наравне с С.Г. Кляшторным. В третьем – автор, с одной стороны, не нашел противоречий в устаревшей концепции Бернштама; с другой, вовсе не заметил новизны в книге Гумилева (подробнее см. параграф 3.3). В последнем фрагменте парадоксальность аргументации еще явственнее. «Наделавшая столько шума» теория Гумилева не имеет отношения к оценке вклада Бернштама ни в одну отрасль науки. Гумилев противопоставлял Бернштаму не пассионарную теорию, а свои работы по истории кочевников.

¹⁷⁵ Кузьмина Е.Е. А.Н. Бернштам и его место в истории Казахстана и Киргизии // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. – СПб: «Инфо-ол», 2010. – 326 с. С. 29.

¹⁷⁶ И в целом Гумилев упоминается лишь в тех случаях, когда с ним необходимо не согласиться. См. Камалов А.К. Древние уйгуры. С. 13, 29-30, 70, 81-82, 97, 150.

¹⁷⁷ Там же. С. 130, 135.

Все это еще более убеждает, что в рассматриваемых случаях мы имеем дело, скорее, с субъективными оценками.

Особая роль всеми авторами придается С.Г. Кляшторному, ученику и продолжателю идей А.Н. Бернштама¹⁷⁸. Если с Гумилевым наравне он упомянут лишь один раз (П.П. Азбелевым), то Е.Е. Кузьмина и Е.Н. Черных ссылаются на одну и ту же его совместную с Т.И. Султановым монографию, которая не содержит ни единого упоминания Гумилева (в совместной с Д.Г. Савиновым монографии упоминаний Гумилева достаточно, хотя и не в части С.Г. Кляшторного). Ссылки призваны показать отсутствие значимости работ Гумилева для современного востоковедения, тогда как многие идеи Бернштама в монографии получили развитие (например, тема «огуров»; см. параграф 3.1).

Рассмотренные примеры позволяют заключить, что в сознании некоторого числа востоковедов и археологов незримо присутствует дихотомия «Бернштам – Гумилев», в которой роль героя отведена первому, а антигероя – последнему. Это своеобразный миф, существующий по всем законам жанра.

Мифологем, связанных с именем Л.Н. Гумилева, немало, но те, что имеют отношение к науке, а не его личности, сводятся зачастую к одному, – как уже говорилось, признанию за его работами «особого» взгляда, порой граничащего с вымыслом, а для некоторых непримиримых критиков – прямой подтасовкой: «Лжеисторические работы выходят из-под пера... и людей, имеющих ученые степени и звания, в том числе и в области истории. Если не углубляться... в прошлое, то можно указать на многочисленные сочинения доктора исторических наук, профессора Льва Николаевича Гумилева. <...> В случае отсутствия подходящих фактов, они нередко создаются, как это можно видеть на примере сочинений Л.Н. Гумилева»¹⁷⁹. Далее автор развивает свою мысль, едва ли не

¹⁷⁸ В ряде интервью С.Г. Кляшторный особо подчеркивал, что он ученик А.Н. Бернштама. См. Кляшторный С.Г. О славянах Среднего Поволжья и о коллегах-славистах // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). – Самара, 2013. С. 67–72. С. 67. Сеницын А.А. О начале археологического пути Сергея Григорьевича Кляшторного // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура (ЗВОРАО. Нов. сер. Т. III). – СПб.: Контраст, 2015. С. 840–879. С. 848, 866.

¹⁷⁹ Семенов Ю.И. Философия истории. – М.: Современные тетради, 2003. С. 5–6.

сочувствуя Гумилеву: «Долгое время он занимался в основном кочевниками степей Евразии. И в этих его работах было множество натяжек, ни на чем не основанных положений. Но востоковеды, видя все это, щадили его. Л.Н. Гумилев был человеком, пострадавшим от власти, гонимым, и никому не хотелось присоединяться к гонителям. Однако полностью воздержаться от критики его построений они не могли»¹⁸⁰.

Круг вопросов, по которым исследователи отмечали особый взгляд Гумилева, далеко не ограничивается наиболее известной темой его исторического наследия – взаимоотношениями Руси и монголов. Особость взгляда на «татарское иго» признается и критиками, и сторонниками Гумилева. Анализ всей критики потребовал бы специального исследования¹⁸¹, поэтому на данной теме здесь мы останавливаться не будем, чтобы иметь возможность показать максимально широкий спектр иных проблем, по которым отмечался «особый взгляд» Гумилева.

Выше уже упоминалось о неоднозначности восприятия хазароведческих работ Гумилева – от игнорирования монографии «Открытие Хазарии» (при ссылке на предисловие М.И. Артамонова) до обвинений в антисемитизме за одну попытку анализа еврейско-хазарских отношений.

¹⁸⁰ Семенов Ю.И. Философия истории. С. 181–182.

¹⁸¹ Некоторым аспектам проблемы мы посвятили статью: Бондарев А.В., Сараев А.С. Русско-ордынские отношения в концепции Л.Н. Гумилева и интерпретации его критиков // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. – М.: ООО «Издательский дом „Медина“», 2017. С. 66–89.

Последнее обвинение из года в год обрастает библиографией¹⁸². Причем в части работ «антисемитизм» Гумилева уже подается как нечто очевидное. Другая часть представляет, по мнению самих авторов, объективные попытки разобраться в истоках антисемитизма Гумилева на основе выявления несостоятельности *фактологической* базы его работ по хазарской истории. Из этого следует вывод, что Гумилев намеренно фальсифицировал историю еврейско-хазарских отношений¹⁸³. Такой способ критики можно было бы принять, если бы он при этом не сочетался с внесением новых фактических ошибок¹⁸⁴.

¹⁸² Вот лишь некоторые работы: Дьяконов И.М. Огненный дьявол // Нева – 1991 – №4 – С. 225-228. Коренько В.А. Multum in parvo // Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. – Иерусалим-М.: Гешарим/Мосты культуры, 2001. Михеев В.К., Тортика А.А. Концепция истории Хазарского каганата Л.Н. Гумилева: опыт критического анализа / Материалы Восьмой Ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 1. – М., 2001. Михеев В.К., Тортика А.А. «Иудео-хазарский» период истории Хазарского каганата: к продолжению критического анализа концепции Л.Н. Гумилева // Хазарский альманах. Т. 2. – Иерусалим-М.: Мосты культуры/Гешарим, 2004. Михеев В.К., Тортика А.А. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории // Хазары (Евреи и славяне. Т. 16). – Иерусалим-М.: Мосты культуры/Гешарим, 2005. Флеров В.С., Флерова В.Е. Ук. соч. Клейн Л.С. Загадка Льва Гумилева // Троицкий Вариант-Наука – 2011 – №78 (10 мая) – С. 11. Шнирельман В.А. Хазарский миф. Идеология политического радикализма в России и ее истоки. – М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2012.

¹⁸³ Гумилев не выделял еврейско-хазарскую коллизию из общего ряда контактов кочевых и оседлых народов. Еще в письме П.Н. Савицкому от 19.12.1956, т.е. задолго до любых своих работ о хазарах, он уже сформулировал свою позицию: «...при учете факторов истории кочевников надо учитывать влияние соседей. Оно иногда очень сильно и всегда губительно. Это явление я предлагаю назвать "смещением" исторического процесса... Именно этим я объясняю недоразвитость кочевых государств и культур. На востоке так влияли китайцы, погубившие державы хуннскую и тюркскую. На западе ту же роль сыграли евреи в отношении хазар. Дело в том, что обращение хазар в юдаизм не имело места. Просто евреи, просочившись из Византии в Итиль, захватили... все видные должности и, опираясь на наемную, туркменскую, гвардию, установили в Хазарии деспотический режим...». См. Письма Л.Н. Гумилева П.Н. Савицкому. 1956 г. // Геополитика и безопасность. 2009. №1. С. 101–129.

¹⁸⁴ Например, В.К. Михеев и А.А. Тортика называют область Гилян на южном берегу Каспийского моря – «Гулям», а хазарское племя каваров/кабаров – «кабирами» (Михеев В.К., Тортика А.А. «Иудео-хазарский» период истории Хазарского каганата: к продолжению критического анализа концепции Л.Н. Гумилева // Хазарский альманах. Т. 2. С. 110, 115). Также в силу отсутствия показаний источников спорно утверждение В.А. Шнирельмана о купцах – этнических хазарах, противопоставленное концепции Гумилева о еврейских купцах-рахдонитах, обслуживавших международную торговлю в хазарский период (Шнирельман В.А. Хазарский миф. С. 13–14). Данные о последних многочисленны, и полемизировать можно лишь с интерпретацией, но не с самим существованием рахдонитов.

Отсюда неудивительно, почему Гумилеву нередко приписываются суждения¹⁸⁵, противоположные его действительным взглядам: о походе князя Олега на Царьград якобы по наущению хазарских евреев, тогда как Гумилев в принципе отрицал реальность этого похода¹⁸⁶; или мнение о росомонах как о «потомках сармат» (т.е. отождествление их с роксоланами), против чего Гумилев неоднократно высказывался, считая (впрочем, весьма осторожно) росомонов германцами¹⁸⁷.

Авторы последнего обобщающего исследования по истории хазар распространили критику концепции Гумилева на проблему их происхождения. По мнению авторов, среди существующих точек зрения «самой радикальной (и беспочвенной) является точка зрения Гумилева, который считает, что хазары – потомки древнего европеоидного населения Западной Евразии – никогда не жили в степях и не были кочевниками»¹⁸⁸.

Можно было бы предположить, что точка зрения Гумилева беспочвенна, но в чем выражается ее радикализм, непонятно. Например, В.С. Флёрв, взгляды которого авторы разделяют, пришел к аналогичному мнению: «Складывается впечатление, что в истории Хазарского каганата не было как такового отдельного исторического этапа кочевничества. <...> Вопрос о кочевничестве и его продолжительности в каганате требует в целом коренного пересмотра»¹⁸⁹. Вывод его исследования совершенно недвусмыслен: «Мы пришли к тому, что Хазарский каганат возникает как оседлое образование условно раннегосударственного типа, минуя стадию длительного кочевания с ее специфической экономикой...»¹⁹⁰. Не менее «радикально» сформулированное мнение можно встретить в работах С.А. Плетневой: «Давно уже развеян миф о кочевничестве хазар и их подданных. В степи открыты сотни поселений, остав-

¹⁸⁵ Михеев В.К., Тортика А.А. «Иудео-хазарский» период истории Хазарского каганата. С. 112–113.

¹⁸⁶ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 176–178.

¹⁸⁷ Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской дани // Русская литература. 1974. №3. С. 164–174. С. 169. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 53 (примечание 4). Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 123–124.

¹⁸⁸ Ивик О., Ключников В. Хазары. С. 53.

¹⁸⁹ Флёрв В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата... С. 216–217.

¹⁹⁰ Там же. С. 218.

ленных земледельческим населением, соорудившим крепкие дома, загоны для молодняка и другие надворные постройки»¹⁹¹.

В последнее время также появляется все больше оснований связывать происхождение хазар с местным, кавказским («древним европеоидным»), субстратом. Мысль эта высказывалась задолго до Гумилева, еще в XIX в., на основании только письменных источников¹⁹². Гумилев подвел под эту идею археологическую базу¹⁹³, а теперь появились данные, свидетельствующие о возможности сопоставления остатков хазарского языка с кавказскими¹⁹⁴.

Несмотря на приведенные мнения авторитетных хазароведов, несомненно, известные авторам, они почему-то доверяют только их критическим оцен-

¹⁹¹ Плетнева С.А. Хазары и Хазарский каганат // Хазары (Евреи и славяне. Т. 16.). С. 22.

¹⁹² Например: Saint-Martin V. Sur les Khazars // Nouvelles Annales des voyages – 1851 – Т. 2 (XXVI) – р. 129-168. Р. 132-136. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1882. С. 239-241. Ср. Меликсет-Бек Л.М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И.А. Орбели. – М.-Л.: Наука, 1960. С. 112-118.

¹⁹³ Гумилев Л.Н. От Руси до России. С. 34. *Его же*. Древняя Русь и Великая степь. С. 21, 48. К схожему мнению (вне анализа взглядов Гумилева) пришел Е.В. Круглов: «Вся проблема, пожалуй, заключается в том, что ко времени образования самостоятельных государственных образований и болгары, и хазары для Восточной Европы являлись коренным населением. Этническое формирование и тех и других относится к гуннской эпохе, но впитали в себя они и целый ряд элементов позднесарматской культуры». См. Круглов Е.В. Хазары – поиск истины. С. 444.

¹⁹⁴ Мудрак О.А. Ранние хазары с точки зрения этимологии // Хазары: миф и история. – Иерусалим-М.: Мосты культуры/Гешарим, 2011. С. 374–389 (особенно с. 384). Позже О.А. Мудрак подготовил масштабное исследование, посвященное восточноевропейской рунике в целом. См. Мудрак О.А. Основной корпус восточноевропейской руники // Хазарский альманах. Т. 15. – М., 2017. С. 296–416. По его мнению, подавляющая часть известных к настоящему времени надписей может быть прочитана по-осетински и в некоторых случаях по-чеченски. Выводы О.А. Мудрака и его методика вызвали критику и не были приняты коллегами (можно согласиться с В.В. Тишиным, что рискованно расшифровывать эпиграфические тексты, не учитывая контекст обнаружения и атрибуцию каждого конкретного памятника), но также нельзя не признать, что надежных чтений этих надписей на основе тюркских языков, несмотря на многочисленные попытки, по-прежнему нет. См. Тишин В.В. К методике прочтения памятников рунической письменности восточноевропейского ареала (на примере легенд серебряных дирхамов с руноподобными знаками) // Хазарский альманах. Т. 15. – М., 2017. С. 419–465. С. 419–420. Собственная попытка В.В. Тишина прочесть предположительно рунические легенды на нескольких, опять же предположительно, болгарских монетах покоится на стольких допущениях, что представляется не более доказательной, чем осетинско-нахская реконструкция критикуемого им О.А. Мудрака. Ср. Савельев А.В. О болгарском чтении восточноевропейской руники // Хазарский альманах. Т. 18. – М.: Индрик, 2021–2022. С. 171–193. Согласно А.В. Савельеву, ни одна из этимологий В.В. Тишина не может быть принята, если исходить из данных как современного чувашского языка, так и из корректно реконструируемых болгарских праформ.

кам Гумилева¹⁹⁵. Это тем более досадно, так как по вопросу происхождения хазар они предпочитают ориентироваться на действительно «особый» взгляд украинского археолога А.В. Комара¹⁹⁶. Между прочим, А.В. Комар пренебрежительно именуется провинциальную российскую историческую науку «школой Л.Н. Гумилева»¹⁹⁷, что не мешает ему в собственных разработках опираться на Гумилева (нередко без ссылок), а также использовать его специальную терминологию («абберация дальности»¹⁹⁸).

В вопросе происхождения хазар А.В. Комар действительно оригинален. Так, он всерьез предлагает этимологию *qaz-ag = «народ гусей», в то же время отмечая, что «у тюркских народов не сохранилось следов особого почитания гуся»¹⁹⁹. Затем, не оставляя эту версию, А.В. Комар положительно высказывается о другой: «хазар=хэзар» («тысяча» по-персидски). Так якобы назывались военные подразделения в обоих тюркских каганатах. Автора почему-то не смущает отсутствие данного термина в рунических текстах, китайских и византийских источниках о тюрках.

И первая, и вторая, и еще ряд предлагаемых А.В. Комаром этимологий основываются на «Древнетюркском словаре», одна лишь сверка с которым позволяет считать их все неоправданными. Так, слово qaz («гусь») зафиксировано в трех источниках – словаре Махмуда Кашгарского, «Кутадгу билиг»

¹⁹⁵ Ивик О., Ключников В. Хазары. С. 10.

¹⁹⁶ Там же. С. 46, 57–58.

¹⁹⁷ «... "школа Л.Н. Гумилева" породила целую "плеяду" историков (преимущественно преподавателей вузов), сконцентрировавшихся на описании этнополитических, социальных, культурных и т.п. общих аспектах, и полностью оставивших изучение самих источников "источникововедам". Задачи подобных работ обычно предполагают "реконструировать", "смоделировать", "предложить новый авторский взгляд", "опровергнуть схемы" и т.д. От мысли объявить все "дедуктивные" теоретические исследования пустой тратой времени, я, разумеется, далек, но все же позволю себе усомниться в практической ценности работ авторов, не прошедших на практике серьезной школы эмпирических исследований, не понявших ни самого источника, ни его эпохи "изнутри". Ведь какая бы ни была яркая и красивая упаковка у пластикового яблока – съесть его все равно невозможно!». См. Комар А.В. «Тайны Русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е.С. Галкиной) // RUTHENICA. Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. ІХ. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2010. С. 185–195. С. 195.

¹⁹⁸ Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. – Донецк: ДонНУ, 2006. С. 139 (здесь также о «школе Л.Н. Гумилева»), 150.

¹⁹⁹ Там же. С. 140.

Юсуфа Баласагунского и сутре «Золотой блеск» на древнеуйгурском языке (не ранее X в.)²⁰⁰. Два первых сочинения написаны практически одновременно (1070-е гг.) и на одном языке (караханидско-уйгурском)²⁰¹. Слово *hazar*, несмотря на уверенность А.В. Комара в принадлежности его «древнетюркскому языку», совершенно определенно обозначено в «Древнетюркском словаре» как заимствованное из персидского, причем зафиксировано лишь в *одном* источнике – сочинении Ахмеда Югнекского на том же караханидско-уйгурском языке, но написанном значительно позже (первая половина XIII в.) и дошедшем еще и в поздней копии (начало XVI в.)²⁰². Таким образом, очевидно, ни одна из этимологий не относится ни к эпохе рунических текстов, ни к их языку. Все упоминания предлагаемых А.В. Комаром слов удалены на века не только от времени возникновения Хазарского каганата, но даже от времени его падения²⁰³.

Приведенные факты позволяют говорить о том, что аргументация критиков работ Гумилева по истории хазар тоже небезупречна. Утверждение же об «особом» взгляде Гумилева на еврейско-хазарские отношения, происхождение хазар и характер их хозяйства ошибочно. В действительности, положения хазароведческих работ Гумилева не противоречат мнениям ученых, в чьих взглядах никто не усматривает ни ненаучности, ни антисемитизма (М.И. Артамонов, С.А. Плетнева, А.П. Новосельцев, Ф.С. Флёрв). Причем необходимо иметь в виду, что у каждого автора имелся собственный взгляд на историю ха-

²⁰⁰ Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. С. 439, XXVIII, XXXIV, XXXV (список сокращений к источникам).

²⁰¹ Рукописная книга в культуре народов Востока. Книга первая. – М.: ГРВЛ, 1987. С. 418–419.

²⁰² Древнетюркский словарь. С. 197, XXXI. Языки мира: Тюркские языки. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 64.

²⁰³ В.В. Бартольд уже около ста лет назад предостерегал от поиска подобного рода этимологий: «До сих пор считали возможным сблизать слова хуннов или других старых кочевых народов со словами современных турецких наречий, даже не ставя вопроса, могло ли данное слово в данной форме относиться к древнему периоду. В работах Ширатори, например, для объяснения титула правителей одного из народов, известия о котором относятся к времени нашей эры, привлекается среднеазиатское слово *бий* (здесь и далее курсив авторский. – А.С.), представляющее очень позднее видоизменение старого *бек* и не встречающееся нигде раньше XV в. Маркварт для объяснения китайских известий о народе телэ в Монголии думал привлечь слово *итиль* в смысле "река", тогда как это слово заимствовано из чувашского языка...». См. Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. С. 35–36.

зар, и не было, как и по-прежнему нет, единого мнения даже по самым общим вопросам хазароведения²⁰⁴.

Предвзятое отношение к любым взглядам Гумилева преследовало его в течение всей жизни. Проявилось оно еще задолго до того, как Гумилева можно было бы назвать, по терминологии В.А. Бердинских, «ученым-маргиналом». О причинах этого будет сказано особо (параграф 2.1), но нельзя не отметить, что впервые предвзятость в отношении Гумилева, с одной стороны, и взаимная противоречивость критиков, с другой, были блестяще показаны в статье С.И. Руденко, завершавшей дискуссию по первой книге Гумилева «Хунну».

По мнению С.И. Руденко, в форме, в какой критика представлена в первых рецензиях на книгу, она совершенно неприемлема, поскольку непонятно, какую из точек зрения следовало бы считать истинной. С.И. Руденко сравнил подходы рецензентов по нескольким вопросам и пришел к обоснованному заключению, что рядом с ними позиция Гумилева находится на совершенно равных основаниях и ничуть не менее научна. Например: «...противников в войне 822 г. <до н.э.> К. Васильев считает не хуннами, Л.И. Думан – хуннами, а Л.Н. Гумилев предками хуннов, но еще не хуннами. Налицо три равных и равноправных точки зрения, а не ошибка, которую следует просто исправить»²⁰⁵. Или еще: «К. Васильев делает упор на наличие у хуннов работорговли, отрицаемой Л.Н. Гумилевым, а Л.И. Думан считает порядок, установленный Модэ, военной демократией. <...> В то время как Л.Н. Гумилев и Л.И. Думан по существу усматривают у хуннов первобытно-общинную формацию, К. Васильев... считает, что общество хуннов было классовым ...»²⁰⁶.

²⁰⁴ Например, Г.Е. Афанасьев развивает свой оригинальный взгляд на историю и археологию Хазарии, неизменно оспариваемый В.С. Флеровым («Города» и «замки»... С. 116-119). При этом, излагая содержание взглядов Л.Н. Гумилева и С.А. Плетневой, он не называет одни научными, а другие – антинаучными, а преподносит их абсолютно наравне – как взгляды двух ученых, которые отличаются друг от друга и от его собственных взглядов. См. Афанасьев Г.Е. Где же была Хазария? // Достояние поколений – 2009 – № 2 (6) – С. 34-41. С. 36-37.

²⁰⁵ Руденко С.И. К вопросу об историческом синтезе. По поводу одной дискуссии // Доклады по этнографии (Географическое общество СССР) – 1965 – Вып. 1 (4). – С. 59-65. С. 63.

²⁰⁶ Там же. С. 63, 64.

Что позиция Гумилева даже в частных вопросах ничуть не менее обоснованна или, по крайней мере, не одинока, покажем на примере дискуссии о характере погребального обряда древних тюрков (тюркютов). Относительно точек зрения по этому вопросу В.А. Могильников писал: «Гипотезы о принадлежности труположений с конем тюркам-тугю придерживается Л.Р. Кызласов и ряд других исследователей, *воззрения которых расходятся только в деталях* (здесь и ниже выделено нами – А.С.)... Другие авторы... причисляют погребения с конем племенам теле. <...> Кроме того, существует еще *особое мнение* Л.Н. Гумилева, согласно которому тюрки-тугю не меняли своего погребального ритуала и на протяжении VI–VIII вв. придерживались обряда кремации с захоронением останков праха в оградках»²⁰⁷. Здесь Гумилев ни в чем не обвиняется, но его мнение противопоставляется мнениям всех других исследователей.

Искусственность выделения «особого мнения» становится очевидной при обращении к еще одной цитате: «Большинство исследователей (С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, С.И. Вайнштейн...) считают эти тюркские оградки сооружениями поминального характера. Другая группа исследователей (М.П. Грязнов, С.И. Руденко, Л.Н. Гумилев, А.А. Гаврилова) считает оградки погребениями с трупосожжением. Последняя точка зрения представляется нам *неправомерной...*»²⁰⁸. Автор этой цитаты, А.Д. Грач, как видно, не считает позицию Гумилева какой-то особой и объединяет ее с мнениями авторитетных археологов²⁰⁹. Но и сам А.Д. Грач, только на примере других памятников, считал древнетюркский погребальный обряд трупосожжением.

²⁰⁷ Степи Евразии в эпоху Средневековья. (Археология СССР). – М.: Наука, 1981. С. 31-32.

²⁰⁸ Грач А.Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. С. 207.

²⁰⁹ В архиве Л.Н. Гумилева хранится рецензия М.П. Грязнова на статью «Этногенез тюрков-тугю (тюркют)» (опубликована как: Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрков-тугю // Советская археология. 1959. №1. С. 105–114). По словам рецензента: «Автором дан новый археологический материал, большей частью им самим собранный, анализ которого позволил связать его и с письменными источниками и тем самым полнее осветить процесс этногенеза тюрков-тугю. Работа в этой ее части вполне заслуживает быть напечатанной...». Таким образом, «особый» взгляд Гумилева не просто сближается со взглядом М.П. Грязнова, но и поддержан им.

В.В. Волков, ведущий специалист по археологии Монголии, говоря о памятных комплексах древнетюркской знати, поместил Гумилева в следующий ряд исследователей: «До недавнего времени они нередко фигурировали как памятники погребальные даже в трудах таких известных специалистов, как М.П. Грязнов, Л.П. Потапов, Л.Н. Гумилев, С.И. Вайнштейн, С.Г. Кляшторный»²¹⁰. Занимавшийся той же проблемой Ю.И. Трифонов отмечал: «Наиболее же твердыми сторонниками точки зрения, согласно которой памятники данного типа (погребения с конем – А.С.) принадлежат не тюркам-тугю, а другим племенам, являются в настоящее время А.А. Гаврилова и Л.Н. Гумилев, занимающие... на этот вопрос особую позицию и в отношении погребального обряда тугю»²¹¹. При этом сам он более склонялся к «особой» позиции Гумилева.

В связи с темой древних тюрков приведем еще один пример помещения Гумилева в крайне показательный ряд исследователей. Японский тюрколог Масао Мори, анализируя различные трактовки фрагмента надписи Тоньюкука, писал: «Но даже после того как были выдвинуты эти новые теории, С.Г. Кляшторный и Л.Н. Гумилев продолжают придерживаться точки зрения Томсена, читая это имя как "Бёгю-каган" и отождествляя его с Поцзюем». И несколькими строками ниже: «В том, что это имя должно читаться как Бёгю-каган, автор данной статьи склонен согласиться с Томсеном, Цэнем, Кляшторным и Гумилевым, а не с Жиро, который читает его, как Бёг-каган»²¹². Завершает свою статью автор так: «Только в том, что Бёгю-каган не Поцзюй – сын Мочжо, автор настоящей статьи соглашается с Жиро и не согласен с Томсеном, Кляшторным и Гумилевым»²¹³. Не вдаваясь в вопрос полемики, тем более сам автор оставил его открытым, отметим главное для нас: не ангажированный в корпоративные противоречия в советской науке японский ученый рассмат-

²¹⁰ Волков В.В. Предисловие // Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Изд-во ГМВ, 1996. С. 4.

²¹¹ Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени // Тюркологический сборник 1972. – М.: Наука, 1973. С. 351-374. С. 359.

²¹² Мори М. Бёгю-каган и Поцзюй // *Turcologica* 1976. К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. – Л.: Наука, 1976. С. 284-290. С. 284. Порядок перечисления авторов обусловлен хронологией выхода их работ.

²¹³ Там же. С. 287.

ривает абсолютно на равных всех исследователей интересующего его вопроса, никак не выделяя «особый» взгляд именно Гумилева. И оказывается, Гумилев вполне может стоять в одном ряду с С.Г. Кляшторным, которого ему настойчиво противопоставляют многие критики (см. выше), и даже с самим В. Томсеном, расшифровавшим древнетюркскую руническую письменность.

Нередко взгляды Гумилева объявлялись особыми/ненаучными, даже если они оказывались едва ли не идентичными взглядам самого критика. Хороший пример – статья тюрколога И.Г. Добродомова, в которой он пытается дезавуировать научность исследования Гумилева. Так, большую статью Гумилева на двадцати пяти страницах «Монголы XIII в. и Слово о полку Игореве» он называет «заметкой»²¹⁴. Даже резко отрицательное отношение к взглядам А.А. Зимины позволяет И.Г. Добродомову считать их «концепцией», с которой «в непримиримом противоречии» находятся «вымыслы» Гумилева²¹⁵. По его мнению, Гумилев в «безосновательных выражениях» отвергает сопоставление *хинове* «Слова о полку Игореве» с *гуннами*. Сравним высказывания обоих исследователей:

И.Г. Добродомов	Л.Н. Гумилев
«Если с фонетической точки зрения это сопоставление и приемлемо, то оно противоречит историческим фактам. Достаточно обратиться лишь к "Повести временных лет"... в которой гунны совершенно не упоминаются; здесь содержится лишь упоминание легенды об аварах-обрах... Известно, что авары появились на месте гуннов еще в VI в. Представляется весьма проблематичным, чтобы гунны были известны лучше, чем авары-обры... Да и контекст, в котором употреблен этот загадочный термин ("хинова". – А.С.), противоречит такому объяснению» ²¹⁶ .	«Попытка подставить под слово "хин" этноним "хунны"... неприемлема ни с филологической стороны ("у" не переходит в "и"), ни с исторической: последние гунны – акациры – были уничтожены болгарскими племенами в 463 г. Кутургуров греческие писатели VI в. еще метафорически называют гуннами, но уже в VII в. это название исчезает. Даже венгров IX в. византийцы фигурально именовали "турками", и тем более название "гунны" не применялось к половцам и другим степнякам XI-XIII вв. Следовательно, в устах автора "Слова" название "хунн" невозможно ни как варваризм, ни как архаизм» ²¹⁷ .

Если отвлечься от разногласий по фонетике, историческая суть утверждений абсолютно идентична – *хинова/хины* «Слова о полку Игореве» никак не

²¹⁴ Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник–1975. – М.: Наука, 1978. С. 102–129. С. 106.

²¹⁵ Там же. С. 107 (примечание 15).

²¹⁶ Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе. С. 105.

²¹⁷ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 313 (примечание 15).

могут считаться гуннами. Далее, по мнению Гумилева, хины = «кины» – от названия империи Кинь (в современном китайском произношении «Цзинь» – «золотая»), т.е. это отряды чжурчжэней, включенные в монгольское войско после разгрома их империи Чингисханом и его преемниками. От Кинь/хин = «золотая» Гумилев, солидаризируясь с А.Ю. Якубовским²¹⁸, выводил происхождение названия «Золотая Орда»²¹⁹. Надо сказать, что в фонетической корректности сопоставления «Кинь/Цзинь» = «хин», не отказывая при этом взглядам Гумилева в научности, сомневался Н.Ц. Мункуев²²⁰. Другой китаевед, М.В. Воробьев, отнесся к этой идее и к возможности переноса названия «Золотая» с империи Цзинь на Золотую Орду весьма сочувственно²²¹.

По мнению И.Г. Добродомова, «хин» = «кун», т.е. соответствует одному из названий половцев (куны), имеющему цветовую этимологию «желтый». И далее: «Возможно, с калькированием половецкого наименования кун–куман связано возникновение... загадочного термина Золотая Орда... <...> В плане связи названия Золотой Орды с половцами особый интерес представляет замечание В.В. Бартольда: "...имя Кипчак было перенесено и на монгольское государство Золотой Орды"»²²².

И в этой части снова мнения обоих исследователей оказываются чрезвычайно близки. Однако И.Г. Добродомов напрасно вместо Гумилева записал в свои сторонники В.В. Бартольда, который имел в виду вовсе не цветовое значение слова «кипчак», а всего лишь одно из многочисленных наименований Золотой орды – «Кипчакское царство/ханство»²²³. Кроме того, И.Г. Добродомов приписал своему прямому предшественнику А.И. Пономареву²²⁴, перево-

²¹⁸ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 60.

²¹⁹ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 313-314.

²²⁰ Мункуев Н.Ц. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства... // Народы Азии и Африки. 1972. №1. С. 185–189. С. 188.

²²¹ Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь. – М.: Наука, 1983. С. 269.

²²² Добродомов И. Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе. С. 121.

²²³ Ср. название статьи, приводимое А.Ю. Якубовским «Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского Царства». Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. С. 104, 439.

²²⁴ А.И. Пономарев – тюрколог с необычной судьбой: стекольщик в дореволюционном Туркестане, офицер во время первой мировой войны, в 1930-е гг. и до смерти в блокадном Ле-

дившему «куман–кубан» как «половый/бледно-желтый», мнение А.И. Соболевского, которое тот принимал в смысле общего подхода, но не вывода, – что «половый» может означать «голубо-синий»²²⁵.

Итак, хотя и несколькими разными путями Л.Н. Гумилев и И.Г. Добродомов пришли, тем не менее, к схожим выводам. При этом, по количеству допущенных неточностей Гумилев далеко не превосходит своего критика. Получается, что ничего «особого» (ненаучного, бездоказательного) во взглядах Гумилева и в данном случае нет.

Написавший разгромную рецензию на посвященную «Слову о полку Игореве» XIII главу «Поисков вымышленного царства» академик Б.А. Рыбаков (см. далее параграф 1.3) в дальнейшем высказывался о Гумилеве куда сдержаннее: «Экзотическими определениями можно считать сопоставление всего "троянского" в "Слове о полку Игореве" с гомеровскими троянцами (П.П. Вяземский) и недавно возникшее мнение, что Троян – это христианская Троица (Л.Н. Гумилев). Отождествление Трояна с Бояном, сделанное в XIX в. Н.С. Тихонравовым, в наши дни отстаивает А. Югов»²²⁶. Ни одно из этих мнений Б.А. Рыбаков не признает, но и не считает их заслуживающими упоминания. Снова мнение Гумилева оказывается не чем-то исключительным в своей «особой ненаучности», а вполне сопоставимым со взглядами крупных филологов прошлого – князя П.П. Вяземского и Н.С. Тихонравова.

Можно впасть и в другую крайность, объявив взгляды Гумилева несколько не оригинальными, т.е. несамостоятельными, вторичными. Такое иногда происходит, и сомнению подвергается «особость» даже тех взглядов, за кото-

нинграде – бухгалтер Института востоковедения. См. Сергачев А.Ф. Пономарев Александр Иванович (1886–1942) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIX годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. II. Материалы по истории отечественного востоковедения. I. – М.: Наука, 1986. С. 48–49. Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1972. С. 449–450.

²²⁵ Добродомов И. Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе. С. 110. Видимо, доверившись мнению В.А. Гордлевского, неправильно понявшему основной вывод Пономарева. Ср. Гордлевский В.А. Что такое «босый волк»? // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1947. Т. VI. Вып. 4. С. 317–337. С. 321. Пономарев А. Куман–половцы // Вестник древней истории. 1940. №3–4. С. 366–370. С. 369.

²²⁶ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». – М.: Наука, 1972. С. 422–423.

рые Гумилева больше всего критиковали, – например, за отрицание извечной борьбы Руси и кочевников. По мнению О.В. Творогова, это и без Гумилева было общим местом: «<Гумилев> занимал особую позицию в освещении рус<ско>-тюрк<ских> отношений в средневековье, считая, в частности, что враждебность рус<ско>-половецких отношений преувеличена: упрек Г<умилева> может быть отнесен лишь к тем ученым или литераторам, которые действительно игнорируют как тесные родств<енные> связи рус<ских> князей с половцами, так и воен<ные> союзы с ними»²²⁷.

Мнение О.В. Творогова, однако, не уникально. Аналогичную позицию занял постоянный оппонент Гумилева В.Л. Егоров: «В последнее время проблему взаимоотношений Древней Руси со степью энергично разрабатывал Л.Н. Гумилев. Написанная им книга "Древняя Русь и Великая степь" не представляет собой систематического исследования заявленной темы. С одной стороны, в ней избирательно изложено то, что кажется автору важным, а с другой – пересказаны широко известные исторические факты с достаточной долей фантазии при их интерпретации»²²⁸. В позиции В.Л. Егорова интересна не столько общая оценка, совпадающая с высказанной О.В. Твороговым, сколько признание неполноты освещения «заявленной темы». Исследованию Гумилева В.Л. Егоров противопоставляет работу В.Т. Пашуто («Внешняя политика Древней Руси»), в которой «в хронологическом порядке изложена история отношений Руси с печенегами, торками, берендеями, бродниками, половцами». Если в представлении автора этот перечень племен отвечает полноте освещения, то его упрек в адрес Гумилева не оправдан. Об отношениях со всеми указанными и даже некоторыми другими кочевыми племенами в книге «Древняя Русь и Великая степь» говорится подробно.

В рамках того же подхода, очевидно, весьма популярного с 1990-х гг. в среде историков-русистов, предложено разделить вызванный трудами Гумиле-

²²⁷ Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. Т. 2. Г–И. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 73-75. См.: URL: <http://feb-web.ru/feb/slovenc/es/es2/es2-0731.htm> (дата обращения 28.02.2013).

²²⁸ Егоров В.Л. Русь и ее южные соседи в X–XIII веках // Отечественная история. 1994. № 6. С. 184–202. С. 185.

ва «искусственный» интерес к теме взаимодействия России и Востока, и некий подлинный, основания которого еще нужно раскрыть: «В научной литературе и публицистике сейчас наблюдается повышенное внимание к восточному компоненту российской цивилизации. Это вызвано несколькими причинами – популярностью евразийской концепции, интересом к трудам Л.Н. Гумилева... Но даже без этих *искусственных стимулов* (выделено мной. – А.С.) тема Золотой Орды и ордынского "следа" в русской истории представляется одной из первостепенных по значимости»²²⁹.

За оправдание набегов кочевников на Китай целями самозащиты Гумилева практически единогласно критиковали китаеведы (см. параграф 2.3). Но среди них нашелся один, А.Г. Малявкин, защищавший уже кочевников от Гумилева. Вопреки традиционным обвинениям Гумилева в невнимании к источникам А.Г. Малявкин полагал, что тот, напротив, полностью следовал китайским хроникам. Так, разбирая вопрос об обстоятельствах падения Восточно-тюркского каганата, А.Г. Малявкин эмоционально заметил: «Характеризуя деятельность Тай-цзуна, Л.Н. Гумилев пишет: "Это единство и тишина для покорных, отказавшихся от независимости племен и народов были той программой, ради которой совершались тяжелые походы и гибли бойцы как чужие, так и свои". Как здесь понимать слово "единство"...? Если "единство с империей" вождей разрозненных групп некогда единого народа, подвергнутого разгрому, и изменников, то за такое "единство" действительно боролся Тай-цзун. <...> Тай-цзун был великим государственным деятелем..., но идеализация его личности и деятельности не позволила автору здраво оценить политику танской правящей верхушки по отношению к "варварам"»²³⁰.

Еще явственнее, по мнению А.Г. Малявкина, «прокитайская» позиция Гумилева проявилась в его анализе ситуации после падения Западно-тюркского каганата: «В качестве примера приведу некоторые высказывания Л.Н. Гумиле-

²²⁹ Трепавлов В.В. Народы России в школьных учебниках по отечественной истории (до XX в.) // Отечественная история. 2003. №1. С. 114–120. С. 117.

²³⁰ Малявкин А.Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1980. С. 103-126. С. 114.

ва, который пытается интерпретировать события... в полном соответствии с духом китайских хроник и приходит к выводу о полной победе и установлении Танским государством контроля над землями западных тюрок. <...> Продолжение борьбы с завоеваниями Танского государства описывается им как "восстания"; при этом Л.Н. Гумилев недооценивает серьезность этой борьбы и преуменьшает ее значение. <...> Говоря о "бездарности" этих марионеточных правителей, Л.Н. Гумилев основывается только на свидетельстве Синь Тан-шу..., при этом он даже не пытается подойти к тексту критически и сопоставить его с другими»²³¹.

Вообще, критика А.Г. Малявкиным конкретных сюжетов в работах Л.Н. Гумилева заслуживает внимания. Это редкий пример критики профессиональной, но, даже принимая ее в целом, не следует преувеличивать ее масштабов. Те сюжеты, которые А.Г. Малявкин предельно скрупулезно рассмотрел на десятках страниц своих работ, в работах Гумилева занимают лишь абзацы²³². Разительное отличие подходов обоих авторов объясняется не тем, что один не утруждал себя анализом деталей, а другой, напротив, был внимателен к каждому факту, а тем, что изначально у них были разные цели.

Вклад Гумилева как автора обобщающих работ по истории кочевников Евразии, порой признаваемый даже противниками его теории этногенеза, некоторые специалисты деятельно игнорировали. Они не просто не ссылались на его работы или не упоминали его имени, о чем говорилось в начале параграфа; нет, они открыто заявляли об отсутствии в отечественной науке таких работ. По мнению С.А. Плетневой: «В настоящее время мы можем назвать только двух советских ученых, которые сделали попытку охватить... многовековую историю... племен и народов, кочевавших на... просторах Сибири и Европы.

²³¹ Малявкин А.Г. Марионетки из рода Ашина // Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. – М.: Наука, 1984. С. 138–155. С. 142–143.

²³² Близкие оценки работам А.Г. Малявкина даны Гумилевым и Л.С. Васильевым: «Попытка ввести в научный оборот большее количество подробностей увеличила калейдоскопичность, но не внесла ясности в проблему и ее значение» (Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 173); «Наиболее существенным недостатком работы является слабость ее обобщающе-аналитической и синтетической части. Огромный материал... явно нуждается в обстоятельном осмыслении в целом» (Васильев Л.С. Труды востоковедов Сибири // Народы Азии и Африки. 1977. №1. С. 159–163. С. 161).

Это С.В. Киселев... и М.И. Артамонов... <...> Работы других исследователей обыкновенно посвящены отдельным более или менее крупным проблемам... <...> В какой-то степени вопросы, поставленные или решенные в них, касаются всего степного населения... Тем не менее общего представления о кочевых и полукочевых народах степей за тысячелетний период раннего и развитого средневековья они, естественно, не дают»²³³.

Если бы это мнение было опубликовано не в 1981 г., а хотя бы полтора десятилетиями ранее, с ним можно было бы согласиться. Но уже к началу 1970-х гг. были изданы не только все тома «степной трилогии» Л.Н. Гумилева, целостно освещающие историю евразийских степей от III в. до н.э. до конца XIII в., но и практически все его специальные кочевниковедческие работы. Пожалуй, самое странное в этом замалчивании заключается в том, что в вышедшей вскоре монографии, посвященной эволюции общественного строя кочевников, С.А. Плетнева ни на кого так часто не ссылалась, как на Гумилева, причем всегда в положительном ключе²³⁴.

Видимо, несмотря на год издания, том «Археологии СССР» был подготовлен значительно раньше, когда еще были свежи воспоминания о дискуссии между С.А. Плетневой и Гумилевым, развернувшейся на рубеже 1960–1970-х гг. (см. параграф 3.3). В таком случае, эта кажущаяся непоследовательность С.А. Плетневой подтверждает сказанное выше о том, что в отношении коллег к работам Гумилева собственно научные причины играли далеко не главную роль.

Вышедшая в те же годы обобщающая работа по истории Восточной и Центральной Азии²³⁵ впервые после книг Гумилева (на это обратил внимание А.И. Куркчи²³⁶) содержала главы «Монголия», «Хунну», «Сяньби», «Южная

²³³ Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. С. 237.

²³⁴ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. – М.: Наука, 1982. Гумилев упомянут в тексте девять раз (с. 186–187, указатель), чаще любого другого автора. В примечаниях ссылок на Гумилева еще больше: три во Введении, шесть в главе 1, пять в главе 2, четыре в главе 3, по одной в главе 4 и Заключение, т.е. всего двадцать.

²³⁵ История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 1986.

²³⁶ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. С. 462.

Сибирь», «Тюрки, уйгуры, Восточный Туркестан». Но ни в одной из них имя Гумилева, как и во всей книге в целом, не упоминается. Подобно С.А. Плетневой, авторы указанных глав (М.В. Крюков, В.С. Таскин, Е.И. Кычанов, Л.Р. Кызласов) в других своих исследованиях, кто критически, кто иногда положительно, на Гумилева ссылались. Поэтому игнорирование Гумилева как автора работ по истории кочевников Евразии в двух указанных коллективных монографиях, вероятно, можно объяснить лишь в контексте его общего замалчивания с середины 1970-х до конца 1980-х гг. Но на одном из перечисленных авторов следует остановиться особо.

Л.Р. Кызласов, чьи интересы напрямую соприкасались с интересами Гумилева, на него за редким исключением²³⁷ не ссылавшийся, в последней своей работе писал: «"Пренебрежение ученых к степным народам задерживает развитие науки. Установлению правильных взглядов на роль этих "варваров" и на историю духовно-культурных заимствований мешают наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива...". Эти слова написаны Г.Н. Потаниным в конце XIX в. За прошедшее столетие качественного изменения в подходах исследователей к этому предмету, увы, так и не последовало»²³⁸.

Может показаться неоправданным утверждение, что отрицание какого-либо прогресса в освещении истории кочевников подразумевает несостоятельность вклада именно Гумилева. Безусловно, оно затрагивает и других коллег автора. Однако за неимением в отечественной науке иных сравнимых с трудами Гумилева по охвату работ по истории кочевников упрек Л.Р. Кызласова следует рассматривать как свидетельство непризнания, в первую очередь, все же Гумилева. Здесь мы в очередной раз сталкиваемся со своеобразным восприятием Гумилева, а не с объективной констатацией пробела в историографии, поскольку труды его были не только известны, но и активно использовались коллегами.

²³⁷ Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 135.

²³⁸ Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. – М.: Восточная литература, 2006. С. 142.

В качестве примера приведем сопоставительную таблицу. В первой колонке – текст из статьи Л.Р. Кызласова²³⁹, не содержащей упоминаний Гумилева. Во второй колонке – текст из «Древних тюрков» Гумилева. Номера страниц указаны в тексте после цитат.

Л.Р. Кызласов, 1997	Л.Н. Гумилев, 1967
<p>Подменять терминами «древние тюрки»... самоназвания всех древних тюркоязычных племен и народностей и их разнородных культур ненаучно. Древние тюрки – это та этническая группа, которая сама себя в VI–VII вв. называла народом тюрк («тюрк бодун»), и только культуру этого народа следует называть древнетюркской... На самом деле древние тюркоязычные племена и их языки существовали задолго до начала VI в., когда на страницах истории впервые появилась небольшая этническая группа, называвшая себя «тюрк». Судя по письменным источникам, группа эта в V в. и начале VI в. обитала на Южном Алтае (с. 24-25).</p>	<p>...происхождение тюркоязычия и возникновение народа, назвавшего себя «тюрк»/«тюркют», – явления совершенно разные. Языки, ныне называемые тюркскими, сложились в глубокой древности, а народ «тюркютов» возник в конце V в. вследствие этнического смешения в условиях лесостепного ландшафта... Алтай и его предгорий. ...к 546 г. они представляли ту целостность, которую принято называть древнетюркской народностью или тюркютами. А сама тюркоязычная среда в то время уже успела распространиться далеко на запад от Алтая, в страны, где жили гузы, канглы, или печенеги, древние болгары и гунны (с. 25).</p>
<p>...наиболее древние тюркоязычные племен... тюрками себя не называли и едва ли они знали это имя. Археологам предположительно известно, что в гунно-сарматское время, около рубежа н.э., тюркоязычными были этнические общности, имевшие различное происхождение... <...> Историкам известно также, что средневековые тюркоязычные народности и племена: уйгуры, азы, чики, кыргызы-хакасы... – тюрками себя не называли. Они имели различное происхождение; разные языки, наречия и диалекты внутри тюркской языковой семьи. <...> Только при взгляде со стороны, в арабской географической литературе IX–X вв. слово «тюрк» появляется как название группы народов и языков, а не название какого-либо одного народа или государства... (с. 25).</p>	<p>Слово «тюрк» за 1500 лет несколько раз меняло значение. В V в. тюрками... называлась орда, сплотившаяся вокруг князя Ашина и составившая... небольшой народ, говоривший уже по-тюркски. Но соседние народы, говорившие на том же языке, тюрками отнюдь не назывались. Арабы называли тюрками всех кочевников Средней и Центральной Азии без учета языка. (с. 24). Однако имя «тюрк» не исчезло. Больше того, оно распространилось на пол-Азии. <...> В дальнейшем этот термин... стал названием языковой семьи. Так сделались «тюрками» многие народы, никогда не входившие в великий каганат VI–VII вв. Некоторые из них были даже не монголоиды... Другие были злейшими врагами каганата... Третьи сложились раньше, чем сами древние тюрки... (с. 6).</p>
<p>...Первый Тюркский каганат. Это государство впервые объединило в середине VI в. все племена и народности, населявшие Великую степь Евразийского материка. Образование древнетюркского государства, на просторах от Китайской стены до Черного моря и от Аму-Дарьи до верховий Ишима,</p>	<p>Поскольку границы тюркского каганата в конце VI в. сомкнулись на западе с Византией, на юге с Персией и даже Индией, а на востоке с Китаем, то естественно, что перипетии истории этих стран... связаны с судьбами тюркской державы. Образование ее стало в какой-то мере переломным момен-</p>

²³⁹ Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для Восточной Европы // Татарская археология – 1997 – №1 – С. 24-31. Интересно, что статья помещена непосредственно за переизданной статьей Гумилева.

<p>привело также к широкому распространению по Европе тюркской речи (с. 24). <...> Значение Первого Тюркского каганата... состоит, в первую очередь, в том, что это государство в течение 80 лет служило прямым огромным мостом, соединившим далекие глубины Азии с Европой (с. 30).</p>	<p>том... потому что до сих пор средиземно-морская и дальневосточная культуры были разобщены, хотя и знали о существовании друг друга. <...> В этой ситуации тюрки не только играли роль посредников, но и одновременно развивали собственную культуру... (с. 5).</p>
<p>После крушения древнетюркского государства этническая группа с именем «тюрк» сохраняла и свои погребальные обычаи... и свое имя. По сообщению китайских хроник, «они удерживали свое имя» и «томились» под властью уйгуров. <...> Фахрэддин Мубаракшах в начале XIII в. также выделяет особое племя, называвшее себя «тюрк» <ссылка: См. Умняков И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха II ВДИ, 1938. – №7. – С. 115>. Не исключено, что термин «тюрк» сохранил свое этническое значение у каких-то осколков «тюрк бодуна» до современности. Возможно, это этнические группы «тюрк», до сих пор проживающие в Средней Азии <ссылка: Кармышева Б.Х. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков // СЭ, 1960. №1> (с. 26).</p>	<p>Среди племенных названий среднеазиатских тюрков, ныне входящих в состав узбеков... есть племенная единица с самоназванием «тюрк». <...> Б.Х. Кармышева полагает, что эти «тюрки» относятся к потомкам тюркских пришельцев... «возможно еще более ранних, чем предки карлуков». Вывод Б.Х. Кармышевой <...> вполне подтверждает наличие в Средней Азии VII–VIII вв. ...того самого племени, которое мы называем «тюркют». <...> И.И. Умняков, аннотируя «Историю Фахрэддина Мубаракшаха», приводит перечень упомянутых там тюркских племен, первое место в этом перечне занимает племя «тюрк». Умняков предполагает, что слово «тюрк» помимо коллективного названия тюрков в XII–XIII вв., «вероятно, и раньше служило также названием особого турецкого племени» (с. 151–152).</p>

Приведенное сравнение не имеет целью умалить выдающийся вклад Л.Р. Кызласова в изучение истории и культуры кочевников Евразии. Однако нельзя не признать, что подавать в конце 1990-х гг. как нечто новое давно известное, по меньшей мере, некорректно.

Итак, во всех рассмотренных примерах «особость» или «ненаучность» взглядов Л.Н. Гумилева постулируется, но не доказывается. При ближайшем рассмотрении приведенных точек зрения не находится реальных оснований для вынесения позиции Гумилева за скобки, ее всегда можно объединить со взглядами тех или иных исследователей или же она вовсе не отличается от позиции критикующего автора. Тогда закономерен вопрос: отличались ли взгляды Л.Н. Гумилева какой-либо оригинальностью? Уже исходя из рассмотренных примеров, можно ответить, что отличались, но не более чем взгляды его критиков друг от друга или чем взгляды одного исследователя от другого. Зачастую же мнения критиков оказывались вторичными по отношению к мнени-

ям Гумилева, а не наоборот, что подтверждается простым сравнением дат появления их работ. Противопоставление же «особого» мнения Гумилева «согласованному» мнению «большинства» археологов, востоковедов и других искусственно.

1.2. Внутренняя логика творчества Л.Н. Гумилева и место его теории в ряду историософских схем

Теорию этногенеза Л.Н. Гумилева часто воспринимают отдельно от его востоковедных исследований. Две стороны его научной деятельности как бы живут сами по себе (о «третьей» стороне см. параграф 3.3): говоря о Гумилеве-историке, только вскользь и не всегда положительно упоминаются его работы по этногенезу, а те, кто критикует пассионарную теорию этногенеза или, напротив, выступает в ее защиту, точно так же вскользь говорят о востоковедных работах Гумилева. Высказывается и такое мнение, что «если ранние работы Гумилева не выходят за рамки научных монографий, то более поздние труды базируются на разработанной им теории "этногенеза и пассионарности". История тюркских народов в этих работах служит лишь для иллюстрации достаточно спорной и противоречивой теории»²⁴⁰.

Наша позиция сводится к тому, что Гумилев создавал теорию этногенеза, не порывая с первой специальностью – востоковедением²⁴¹. Именно поэтому значительную долю объяснительной части его теории составляет материал из истории народов Азии. Логика научного творчества Л.Н. Гумилева, таким образом, предполагала построение прочного фундамента из конкретно-историче-

²⁴⁰ Ахсанов К. Историографический обзор // История татар с древнейших времен. Т. I. С. 29.

²⁴¹ С.Г. Кляшторный, один из старейших оппонентов Гумилева из числа востоковедов, признал это: «Свой путь в науку Л.Н. Гумилев начал с исследования древнетюркского мира степной Евразии». См. Кляшторный С.Г. Геополитическое пространство и социальная структура древнетюркского мира // Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки, эволюция, проблемы восприятия. С. 201–205. С. 201.

ских (востоковедных) работ и затем возведение на нем здания общеисторической теории этногенеза²⁴².

Именно так объяснял свой научный путь сам Гумилев (см. выше Введение). Например, предваряя книгу «Хунны в Китае», он писал: «Несмотря на то, что три книги («Степной трилогии» – А.С.) несколько отличаются друг от друга..., они составляют целостное описание средневековой степной культуры... Однако необходимость свести в единую систему крайне разнообразный материал, лежащий не только в сфере истории, но также в области географии и антропологии, потребовала от автора разработки некоторых частных вопросов теоретической этнографии или этнологии»²⁴³. В завершение этих слов автор, проработавший к тому моменту двенадцать лет на географическом факультете, тем не менее, идентифицирует себя как *историка*: «Автор трилогии – историк, и поэтому, будучи вынужден касаться смежных областей науки, он прибегал к советам специалистов»²⁴⁴.

В одной из последних своих книг Л.Н. Гумилев вернется к осмыслению пройденного пути, и позиция его не изменится: «...автору понадобилось почти на двадцать лет остановить востоковедческие студии, в результате чего появилась наука об этногенезе и биосфере Земли с ее принципами этнологического исследования»²⁴⁵.

Таким образом, мы видим ясное понимание Гумилевым своего места в науке, своих задач и способов их решения отнюдь не только в ретроспективном осмыслении, но и по ходу самого процесса, что свидетельствует о его постоянной саморефлексии. Если принять этот вывод, многое в научной биографии Л.Н. Гумилева уже не покажется случайным.

²⁴² Селиверстов С.В. «Свой среди чужих, чужой среди своих»: Л.Н. Гумилев на путях к евразийству в конце 1950-х – начале 1960-х годов // Международные исследования. Общество. Политика. Экономика. 2010. №3 (4). С. 20–29. С. 21–23. Сараев А.С. Внутренняя логика творчества Л.Н. Гумилева: проблемы восприятия и понимания // Научное творчество Л.Н. Гумилева и история народов Евразии. – Астана: Издательство ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 140–145.

²⁴³ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. – М.: Наука, 1974. С. 3.

²⁴⁴ Там же. С. 3.

²⁴⁵ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – Баку: Азернешр, 1991. С. 48.

Все это было сформулировано, опубликовано и доступно как сторонникам, так и критикам Гумилева, но чаще приходится сталкиваться с непониманием логики его научного творчества. Примером является объемная статья М.И. Чемерисской, претендующая на целостное рассмотрение научного наследия Л.Н. Гумилева. Ряд положений М.И. Чемерисской оказал определенное влияние на дальнейшую критику Гумилева:

М.И. Чемерисская, 1993²⁴⁶	Последующие интерпретации
Первую работу Л.Н. Гумилева... многие считают наиболее научной в его творческом наследии. Осмелюсь, однако, высказать предположение, что она наименее оригинальна среди других его работ. (С. 170)	Единственная книга, которая написана по законам жанра, – это самая ранняя его монография, «Хунну», но как раз она наименее оригинальна ²⁴⁷ .
Заслуга Л.Н. Гумилева, на мой взгляд, в разрушении старых схем: европоцентристского взгляда на историю человечества..., а также марксистского (скорее, псевдомарксистского) метода, получившего распространение в бывшем СССР. Достижения и неудачи в области собственно кочевниковедения пусть оценивают специалисты; важно, что исследователь обратился к темам, которым прежде уделяли недостаточно внимания. Сами ошибки Л.Н. Гумилева заставляли возражать ему, а значит, побуждали работать мысль историков в определенном направлении. (С. 180)	Величайшей заслугой ученого является его открытие для широкого круга читателей, и в первую очередь для школьников, огромного мира, простирающегося на восток от Руси. <...> Ученому удалось разрушить стереотипы восприятия дикого Востока не только обыденным сознанием, но и широкими научными кругами, пробить брешь в сугубо европоцентричном официальном взгляде на историю Руси-России. ...вот тот колоссальный комплекс проблем, изучение которого сегодня во многом определяется прямым или косвенным влиянием трудов Л.Н. Гумилева ²⁴⁸ .
Как и почему появилась павликианская химера на Балканах, автор объясняет очень подробно: соединились славяне и протобулгары, дальше – религиозная идея из Византии, и вот – химера как идеологическое выражение антисистемы. Но на Русской равнине жили и славяне, и финны, и те же болгары, и хазары (представители левантийского суперэтноса), и викинги действовали, а потом появились печенеги и половцы (центрально-	Почему тюрко-славянский симбиоз в Болгарии времен хана Аспаруха породил «химеру», а аналогичный симбиоз русских с татарами пошел Руси лишь на пользу? Почему Гумилев одновременно писал и о тесных дружеских симбиотических отношениях русских с печенегами и половцами, и о том, что смешение с половцами, ятвягами и волжскими финнами грозило русичам превращением в «этническую химеру»? На-

²⁴⁶ Чемерисская М.И. Лев Николаевич Гумилев и его научное наследие // Восток. 1993. №3. С. 165–181.

²⁴⁷ Иванов С.А. Лев Гумилев как феномен пассионарности // Неприкосновенный запас. 1998. № 1. С. 4–10. С. 9. Символическое значение статьи С.А. Иванова определяется далеко не только ее содержанием. Снабженная красноречивым «надзаголовком» (для всего раздела) «От какого наследства мы отказываемся» она открывает самый первый номер вновь создаваемого журнала, и это первая в нем статья.

²⁴⁸ Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. – М.: Аспект Пресс, 2001. С. 338.

азиатский суперэтнос). И религия была позаимствована из той же Византии, кстати через посредство тех же болгар – но ни антисистем, ни химер. Что же уберегало жителей Восточной Европы и что несоединяемое соединилось в Европе Центральной...?²⁴⁹

конец, почему гибельное воздействие «иудео-хазарской химеры» достигало в писаниях Гумилева едва ли не космического размаха, а вот контакты с «химерической» Золотой Ордой изображались им как благотворно влиявшие на развитие Руси?²⁵⁰

Главная мысль, которую можно вычлени́ть из рассуждений М.И. Чемерисской и ее последователей, удачно выражена одним из них: «Когда-то, оценивая евразийство... П.Н. Милюков сказал, что "то, что у них правильно, то не ново, а то, что ново, то неправильно". Эти слова в полной мере подходят и для творчества "последнего евразийца"»²⁵¹. Несмотря на остроумную формулировку, согласиться с таким толкованием логики научного творчества Гумилева и ценности его наследия нельзя. Как можно убедиться, историко-востоковедные работы Гумилева вообще оставлены в стороне («достижения и неудачи в области собственно кочевниковедения пусть оценивают специалисты»), а теория этногенеза изображена плодом воображения автора, возникшим из ниоткуда. Результат подобной редукции закономерен – от научного наследия Гумилева не остается ничего ценного.

По нашему мнению, мифологично не столько наследие Л.Н. Гумилева, сколько критика, которая создает вокруг него мифологемы (см. параграф 1.1), многообразие которых в отношении теории этногенеза можно очень условно свести к нескольким группам (отражены лишь основные тенденции критики):

1) *демонизация* (В.И. Козлов (в советское время), Л.С. Клейн, Г.С. Померанц, С.С. Аверинцев, В.А. Шнирельман, С.А. Иванов, М. Ларюэль, Л.А. Мосионж-ник) – представление теории этногенеза как исходно идеологической конструкции – расистской, фашистской, направленной на оправдание антисемитизма, делящей народы на развивающиеся (полноценные) и отсталые (неполноценные), оправдывающей тоталитарные режимы, соответственно, на-

²⁴⁹ Чемерисская М.И. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли... // Народы Азии и Африки. 1991. №4 С. 184–191. С. 190.

²⁵⁰ Шнирельман В.А., Панарин С.А. Лев Николаевич Гумилёв: основатель этнологии? // Вестник Евразии. 2000. №3. С. 5–37. С. 27.

²⁵¹ Шнирельман В.А. Введение // Этнографическое обозрение. 2006. №3. С. 3–7. С. 4.

цистскую агрессию против СССР (Козлов²⁵², В. Чивилихин²⁵³) и одновременно сталинские репрессии (Иванов²⁵⁴); сам Гумилев предстает в мягком варианте подобной критики как не выдержавшая истязаний жертва режима (Аверинцев²⁵⁵), а в жестком – как сознательный нацист (Шнирельман²⁵⁶) или бессознательный (Мосионжник);

2) «*фальшивка*» (В. Чивилихин, Ю.И. Семенов, В.И. Козлов, Г.Е. Марков, В.А. Якобсон, В.А. Кореняко, А.Й. Элез, К.Г. Фрумкин, И.М. Савельева, А.В. Полетаев) – «концепция»/«гипотеза» (для критиков этой группы ни в коем случае не «теория»²⁵⁷) Гумилева – не более чем компиляция из детерминистских (Чивилихин), историко-культурных (Семенов, Марков²⁵⁸) и культурно-психологических (Фрумкин²⁵⁹) теорий XVIII – начала XX вв., изначально устаревшая, хотя автор «претендовал на оригинальность»²⁶⁰, появившаяся «по ошибке»

²⁵² Мнение возникло впервые в полемических статьях В.И. Козлова еще в 1970-е гг. (Козлов В.И. О биолого-географической концепции этнической истории // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 72–85. С. 83) и затем вновь актуализировано на рубеже 1980–1990-х гг. (Козлов В.И. Пути околотнической пассионарности (о концепции этноса и этногенеза, предложенной Л.Н. Гумилевым) // Советская этнография. 1990. № 4. С. 94–110. С. 107).

²⁵³ Чивилихин В.А. Память. С. 627 (с цитатой В.И. Козлова), 638–639.

²⁵⁴ Иванов С.А. Взаимоотношения Руси и Степи в концепциях евразийцев и Льва Гумилева // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. – М.: Наука, 2001. С. 213–218. С. 217.

²⁵⁵ Аверинцев С.С. Опыт петербургской интеллигенции в советские годы – по личным впечатлениям // Новый мир. 2004. № 6. С. 116–123. С. 122.

²⁵⁶ Шнирельман В.А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. №3. С. 8–21. В статье «Гитлер» упомянут восемь раз, «Розенберг» – четыре раза, один раз «Гиммлер», слов с корнем «нацист» – семнадцать.

²⁵⁷ «Более фантазмагорическую концепцию этноса придумать, кажется, трудно...». См.: Козлов В.И. Проблематика «этничности» // Этнографическое обозрение. 1995. №4. С. 39–55. С. 42.

²⁵⁸ «Нельзя исключить того, что мысль Л. Фробениуса послужила отправной точкой для гипотезы Л.Н. Гумилева о "пассионарности"» (Марков Г.Е. Взлет и крушение теории – немецкая этнология на рубеже веков. Лео Фробениус // Этнографическое обозрение. 1998. №4. С. 140–151. С. 151); «Кстати сказать, едва ли без воздействия этих идей Ратцеля, Л.Н. Гумилевым была предложена более чем сомнительная концепция "пассионарности"...» (Марков Г.Е. Немецкая этнология. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. С. 59). О преемственности идей можно рассуждать и без предвзятости. Ср. Белков П.Л. Этнос и мифология. – СПб.: Наука, 2009. С. 171.

²⁵⁹ «Гумилев написал несколько страниц гипотетических размышлений – и прибавил к этому десять томов исторических иллюстраций» (орфография и пунктуация переданы в соответствии с оригиналом. – А.С.). См. Фрумкин К.Г. Пассионарность... С. 188.

²⁶⁰ По мнению В.А. Якобсона, Гумилев не более чем эпигон «теории» Шпенглера. См. История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй. – М.:

вследствие изоляции советской науки от мировой (Савельева и Полетаев); автора представляют как фальсификатора (Семенов), придумавшего пустую, но опасную «концепцию» в угоду личной популярности и ради больших гонораров за книги (Коренько, Элез²⁶¹);

3) *плагиат* – в научных и околонучных кругах нередко можно встретить мнение, будто Л.Н. Гумилев вовсе и не автор пассионарной теории, а позаимствовал ее у «солагерника-немца»²⁶² или некоего «учителя», погибшего вместе со всеми своими рукописями в блокаду²⁶³, или у С.М. Широкогорова (свой «плагиат» Гумилев будто намеренно прикрывал «уничтожительной» критикой в адрес последнего²⁶⁴); здесь роль Гумилева сводится в лучшем случае до популяризатора чужих идей, в худшем – до плагиатора.

4) *теория Гумилева совсем не оригинальна, но подход верный* – Гумилеву также подыскиваются предшественники (безусловно «превосходившие» его) от позднего средневековья (Ибн Халдун²⁶⁵) до начала XX в. (Ю.Н. Рерих²⁶⁶), но

Восточная литература, 2004. С. 41.

²⁶¹ Поскольку Гумилев не признавал в качестве этноопределяющего признака наличие общего языка, то он, по мнению А.И. Элеза, «не может быть назван этнологом» и поэтому: «Его положений мы касаемся лишь в той мере, в какой они связаны с ходом рассуждений, имеющим место в трудах собственно этнологов». Элез А.И. Критика этнологии. – М: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001. С. 6. Почему-то этих случаев оказалось кратко больше, чем для «собственно этнологов»: Гумилев назван более 170 раз, что уступает лишь В.И. Козлову, но превосходит Ю.В. Бромлея, «приложением» к которому Гумилев и значится.

²⁶² «Лев Николаевич услышал об этой теории в лагере от немецкого ученого. Они жили бок о бок и много разговаривали. Лев Николаевич потом все это осмыслил и опубликовал». См.: Алла Демидова: «Мне надо было все знать об Ахматовой» // Культура. № 47 (7455). 2–8 декабря 2004.

²⁶³ Личное сообщение археолога Е.Е. Кузьминой (27 октября 2010 г.) в ходе III Российского культурологического конгресса в г. Санкт-Петербург.

²⁶⁴ Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение – 2003 – № 3 – С. 100–119. С. 109. Даже оценку В.И. Козлова следует считать более объективной. Ср. «Широкогорова можно было бы считать "предтечей" одиозной концепции этноса, предложенной Л.Н. Гумилевым, ...но и Гумилев счел необходимым дистанцироваться от него вследствие "механического перенесения зоологических закономерностей на историю..."». Козлов В.И. Проблематика «этничности». С. 42.

²⁶⁵ «С нашей точки зрения, концепция пассионарности Гумилева ничего существенного не добавляет к теории асабии Ибн Халдуна». Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. Пер. с англ. Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2010. С. 85.

²⁶⁶ «Другим направлением, предложенным Ю.Н. Рерихом, было изучение психологии древних народов, особенно кочевников. Он попытался ответить на вопросы: что толкало кочевников на новые места... обладали ли древние центры цивилизации какой-то особой притягательной силой для них... Справедливости ради нужно заметить, что проблему эту Ю.Н.

при этом сами авторы разделяют циклический взгляд на историю²⁶⁷ и признают наличие силы, движущей народами²⁶⁸.

Объединяет представителей всех групп единодушие в признании Гумилева не ученым (по определению В.А. Шнирельмана, «мыслитель-маргинал Л.Н. Гумилев»²⁶⁹). А если Гумилев – не ученый, то и ставить задачу объективного изучения научного пути и понимания его логики совершенно не нужно. Но даже при таком раскладе остаются нерешенными два вопроса: 1) теория/гипотеза/концепция Гумилева оригинальна или нет?; 2) каковы были цели ее создания и такого настойчивого продвижения? Без этого не понять, кем был автор теории – «помешанной жертвой» режима, хитрым идеологом, тщеславным, алчущим гонораров сочинителем, банальным плагиатором или все же нормальным ученым?

Многие критики Гумилева посчитали достаточным для решения этих сложнейших вопросов своего собственного мнения. И если бы критика затрагивала только содержание теории, с таким подходом можно было бы согла-

Рерих попытался поставить и решить задолго до Л.Н. Гумилева, и материал для этого Юрий Николаевич по крупицам собирал из первоисточников». Воробьева-Десятовская М.И. Предисловие / Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. – Самара: Агни, 1999. С. 6.

²⁶⁷ «С этой, космологической (здесь и далее курсив мой. – А.С.), точки зрения цивилизация может быть определена как способ *негэнтропийной самоорганизации* больших социальных систем, обеспечивающих путем сознательного регулирования обмена веществ, деятельности и информации внутри системы и с окружающей природной средой их структурную устойчивость по отношению к внешним воздействиям и внутренним *флуктуациям*. Космологическая точка зрения на цивилизацию всегда сопутствовала социально-исторической. Однако между ними существовал разрыв... Идеи В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, И. Пригожина позволяют нащупать реальную связь между этими двумя уровнями бытия Вселенной» (Новикова Л.И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса // Цивилизации. Вып. 1. – М.: Наука, 1992. С. 9–26. С. 17). Со всей очевидностью статья вдохновлена идеями Гумилева, но он в ней ни разу не упомянут. Ср. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. С. 224–225 (энтропия, флуктуации, сопоставление теории систем и «концептуальных моделей глобальной истории»). Гумилев Л.Н. Биография научной теории, или автонекролог // Знамя. 1988. № 4. С. 202–216. С. 211–212 (В.И. Вернадский, флуктуации, негэнтропия). Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. С. 237–240 (В.И. Вернадский и И. Пригожин).

²⁶⁸ «...несмотря на серьезные дефекты, теория Гумилева содержит несколько интересных концепций, которые могут быть использованы при изучении исторической динамики». Турчин П.В. Историческая динамика. С. 83.

²⁶⁹ Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. – М.: Наука, 2007. С. 82–102. С. 83.

ситься. Но когда делаются конкретные догадки относительно истории создания теории и личной биографии ее автора, закономерно спросить, на какой источниковой базе основываются предположения: на личном знакомстве с автором или с теми, кто хорошо его знал, на опубликованных воспоминаниях или архивных материалах? Ведь такие обвинения, как плагиат или фашистский характер теории, слишком серьезны, чтобы основываться на случайных аналогиях или вольных интерпретациях.

Заметим, нас интересует именно внешняя, науковедческая сторона вопроса, а не степень внутренней «фальсифицируемости» теории этногенеза. Поставим задачу так: если удастся хотя бы косвенно подтвердить появление слова «пассионарность» в 1939 г., то версия с плагиатом отпадает и одновременно подтверждается оригинальность ключевого понятия теории.

Даже самый ранний вариант версии плагиата предполагает заимствование Гумилевым «пассионарности» у некоего «учителя», погибшего со своими бумагами в блокаду. Однако с осени 1939 г. по осень 1945 г. Гумилева в Ленинграде не было, а у этого «учителя» оставалось еще минимум два года до осени 1941 г., чтобы кому-нибудь другому о «пассионарности» сообщить. Но таких сведений нет. Если же подлинным автором был «солагерник-немец», и встреча его с Гумилевым произошла в Норильске (октябрь 1939 – март 1943 г.), то факт открытия «пассионарности» в тюремной камере *весной* 1939 г. также исключает заимствование.

О том, как создавалась теория, известно из многочисленных интервью Л.Н. Гумилева. С.Б. Лавров, естественно не предполагавший ни плагиата, ни фашистской направленности теории, тем не менее, считал историю о возникновении слова «пассионарность» мистификацией на том основании, что «она звучит по-разному в разных рассказах и воспоминаниях»²⁷⁰. Вывод подкреплён отрывками лишь из двух интервью: «Повода для ареста не давал» (Аврора. 1990. №11) и «Я не был одинок...» (Ленинградская правда. 30 декабря 1990;

²⁷⁰ Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. – М.: Сварог и К, 2000. С. 70 (Изд. 2-е. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 112). Интересно, что в первом издании эта история названа «мифом», во втором (уже посмертном) – «легендой».

причем это интервью цитируется без ссылки). Приведя еще несколько цитат о влиянии на Гумилева В.И. Вернадского, С.Б. Лавров заключает: «Итак, все почти что встало на свои места. Правда, остается непонятным, что же пришло в голову Л.Н. тогда в Крестах: идея пассионарности или его схема этногенеза. Ни то, ни другое – отвечу я. <...> Конечно, то, что было "открыто" в 40-х годах в Крестах, было лишь направлением поиска»²⁷¹.

Строго судить автора за малообоснованный вывод мы не можем, поскольку задача его книги была намного шире анализа пассионарной теории. Однако благодаря сомнению такого авторитетного исследователя критики получили важную опору в доказательствах несостоятельности теории. Получается, что вся основная работа по ее созданию заняла у Гумилева не более двух лет – с 1965 г., когда он прочел книгу Вернадского «Химическое строение биосферы и ее окружения», до 1967 г., когда вышла его первая программная статья по этногенезу («О термине "этнос"»). Как тут не усмотреть попытку прикрыть плагиат?

Однако противоречие во взглядах С.Б. Лаврова заключается уже в названии последней статьи, содержащем примечание: «Доложено на заседании Отделения этнографии 17 февраля 1966 г.». Опубликованная в том же сборнике статья «Этнос как явление» доложена «на заседании Отделения этнографии 19 мая 1966 г.». Таким образом, если принять вывод С.Б. Лаврова, что основные положения теории этногенеза сформулированы не ранее 1965 г., то промежуток ее создания должен быть сужен до года или даже нескольких месяцев²⁷².

Если на время отбросить версию плагиата, то напрашивается обратный вывод: мистификацией была не история об озарении в «Крестах», а утверждение Гумилева о решающем значении для его теории книги В.И. Вернадского. Скорость выхода его основных статей по этногенезу красноречиво свидетель-

²⁷¹ Лавров С.Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. – М.: Айрис-пресс, 2003. С. 113.

²⁷² Серия статей с общим заголовком «Ландшафт и этнос» начала выходить еще в 1964 г. Если первые две статьи были посвящены поиску следов хазар в низовьях Волги и на Тереке, то третья (Гумилев Л.Н. По поводу предмета исторической географии // Вестник ЛГУ – 1965 – №18, вып. 3) содержит уже основные постулаты, развитые в названных статьях 1967 года. Там уже упоминается В.И. Вернадский.

ствуем о многолетней подготовительной работе. И все же во избежание скоропалительных выводов попробуем заново рассмотреть содержание рассказа Гумилева о появлении слова «пассионарность».

Чтобы не сравнивать всё со всем, необходим некий эталонный рассказ. Опасность любого интервью заключается как в вероятности собственной оговорки интервьюируемого, так и в возможности его неправильного понимания и последующего искажения текста. Поэтому множеству интервью стоит предпочесть текст, написанный самим автором. Такой текст есть и называется «Биография научной теории, или автонекролог»²⁷³. Написан он с целью раскрыть «тайны мастерства», которые бывают неспособны постичь биографы, больше описывающие житейские дразги, а не глубинные творческие процессы (с. 202). В «Автонекрологе» нет последовательного изложения событий, но мы попытаемся на основе цитат отсюда восстановить этапы появления пассионарной теории.

Гумилев намеренно акцентировал внимание читателя на развитии своей идеи, избегая отвлекающих биографических подробностей. Тюремное заключение он описывал так: «В 1938–1939 гг. автор, имея много незанятого времени, стал продумывать исторические процессы разных государств и больших культурных целостностей...» (с. 205). Замечание интересно тем, что косвенно указывает на причину, побудившую автора к размышлению – желание найти альтернативу Марксу.

В одном из интервью Гумилев вспоминал, как, отталкиваясь именно от мысли о неубедительности «классовой борьбы», сделал первый шаг в сторону собственной теории: «...и я стал думать, почему же совершаются все исторические явления? Из-за чего? Мне стало приходиться в голову: если была классовая борьба, то почему одни феодалы боролись против других с помощью своих крестьян, а те с помощью своих. Не получается что-то. Столетняя война – не классовая»²⁷⁴.

²⁷³ Гумилев Л.Н. Биография научной теории, или автонекролог // Знамя. 1988. № 4. С. 202–216. Далее ссылки в тексте.

Подтверждение нормальности подобного вольнодумства для молодого интеллектуала в 1930-е гг. (а не умудренного «учителя») находим в работе современного автора: «Дневники и воспоминания представителей молодого поколения, которое получало образование в середине 30-х гг. ...свидетельствуют о том, что для них далеко не все было просто и понятно, и тем, кто смел думать, а еще иногда и записывать свои мысли, было ясно, что теория условна и навязана... <...> Надо полагать, сомнения были и не только по линии "правильно ли поняты мной Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин", но и по линии "нужно ли вообще их правильное понимание"»²⁷⁵.

Так, по-видимому, полагал и Гумилев, о чем свидетельствует начало его главной теоретической монографии: «За время обучения в университете и в аспирантуре будущему автору нередко внушается мысль, что его задача – выписать как можно больше цитат из источников, сложить их... и сделать вывод: в древности были рабовладельцы и рабы. Рабовладельцы были плохие, но им было хорошо; рабы были хорошие, но им было плохо. <...> Все это, конечно, правильно, но <...> это не объясняет, например, почему одни армии одерживали победы, а другие терпели поражения, и отчего одни страны усиливались, а другие слабели»²⁷⁶. В дальнейшем сомнения во всеохватности марксизма лягут в основу не только теории этногенеза, но и оригинальной методологии Л.Н. Гумилева (об этом см. 1.3).

В «Автонекрологе» о появлении «пассионарности» Гумилев сообщает: «Это слово вместе с его внутренним смыслом и многообещающим содержанием в марте 1939 г.*²⁷⁷ проникло в мозг автора как удар молнии. Откуда оно взя-

²⁷⁴ Биография научной теории // Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: Рольф, 2001. С. 7. Примечательно, что именно к данному интервью (Там же. С. 8) в недавнее время обратился М.Б. Пиотровский для раскрытия концепции эрмитажной выставки, посвященной Александру Македонскому: «У Льва Николаевича Гумилева есть воспоминания, как он создавал свою теорию пассионарности. В лагере на нарах он размышлял о том, зачем Александр Македонский отправился в Индию. Рационального экономического объяснения этому походу Македонского нет. Тут и возникла теория пассионарности». См. Пиотровский М. Музейные спутники меняют орбиты // Санкт-Петербургские ведомости. 1 марта 2023. С. 3.

²⁷⁵ Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. – М.: Красанд, 2013. С. 308.

²⁷⁶ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 14–15.

²⁷⁷ Крупные примечания, сами содержащие внутри себя определенное количество ссылок и примечаний, вынесены в основной текст и помечены звездочкой (в соответствии с их чис-

лось – неизвестно, но для чего оно, как им пользоваться и что оно может дать для исторических работ, было вполне понятно...» (с. 213). И далее очень важный фрагмент: «Непонятно было лишь то, как возникают сами пассионарии и чем они отличаются от своих соплеменников. Друг биолог, тоже студент²⁷⁸, подсказал слово: "мутация". А ведь и верно! Только – это микромутация... Человек остается самим собой, но ведет себя по-другому. <...> Если бы автор не осознал всего этого еще в 1939 г., ему в голову не пришло бы искать объяснений в концепциях Бергаланфи и Вернадского (выделено мной. – А.С.), казалось бы не касающихся истории» (с. 214).

*Трудно проверить точность даты (март 1939 г.). Т.А. Шумовский, арабист, сокурсник и сокамерник Гумилева, на вопрос, слышал ли он от Гумилева во время их общего заключения о пассионарности, отвечал отрицательно²⁷⁹. Как ни странно, это скорее подтверждает дату. Известно, что в одних и тех же камерах Гумилева и Шумовского держали во время следствия с 26 сентября²⁸⁰ по начало декабря 1938 г., после чего их вместе отправили на строительство Беломорканала²⁸¹. В конце января 1939 г. их вернули в Ленинград на переследствие, о чем Шумовский вспоминает: «Ленинград, 7 февраля 1939 г. Вновь "Кресты". Нас развели по камерам»²⁸². Видимо поместили их в разные камеры, поскольку из дальнейшего повествования Гумилев на какое-то время исчезает. 6 апреля 1939 г. Шумовского перевели в Дом Предварительного Заключения, а когда вернули в Кресты, то поместили в одиночную камеру без соседей²⁸³. О Гумилеве Шумовский упоминает, только когда говорит о новых приговорах, данных ему и его друзьям-сокурсникам²⁸⁴. Из этого можно сделать вывод, что во время второго следствия они больше не виделись; во всяком случае, не сидели вместе и не могли уже, как за полгода до этого, обсуждать научные проблемы. Но именно в этот промежуток Гумилеву пришла в голову идея пассионарности.

Итак, из «Автонекролога» мы знаем, что слово «пассионарность» возникло в 1939 г. как результат долгих раздумий автора. Поиск природы пассионарности в биологии Гумилев начал тогда же, но совсем не под влиянием идей Вернадского. Более того, в нескольких интервью называется *другое* имя, с которым связана вторая часть рассказа о возникновении пассионарной теории,

лом внутри параграфа).

²⁷⁸ Николай Давиденков, проходивший по одному с Гумилевым делу, но освобожденный в июне 1939 г. См.: Калядина С.А. Фрагменты «дела ленинградской студенческой террористической организации» // Репрессированная наука. Выпуск 2. – СПб.: Наука, 1994. С. 193–199.

²⁷⁹ Под арабским парусом // Аргументы и факты–Петербург. 23 апреля 2003 (№ 17(506)).

²⁸⁰ Шумовский Т.А. Свет с Востока. С. 84.

²⁸¹ Там же. С. 92-93. «Живя в чужих словах...». С. 100-101.

²⁸² Шумовский Т.А. Свет с Востока. С. 101.

²⁸³ Там же. С. 102-103.

²⁸⁴ Там же. С. 108. «Живя в чужих словах...». С. 109.

пожалуй, наиболее известная, – про солнечный луч, упавший на пол камеры. Описывается это так: «...я понял, что у людей существует особое качество. Я не знал еще, что это такое, я назвал его "пассионарностью" – стремлением к иллюзорным целям. <...> Тогда, а это был 39-й год, я еще не мог понять, что это такое. В 50-м году, когда я снова сидел в одиночке в Лефортове, мне из тюремной библиотеки выдали книгу Тимирязева "Жизнь растений". Там была изложена тимирязевская теория фотосинтеза. Гуманитарии таких книг обычно не читают, но в тех условиях я прочел ее всю. ...Из окна камеры – редкий случай! – на каменный пол падал узкий луч солнечного света. И я понял – то, что я нашел и описал для себя в истории, есть проявление флуктуаций энергии. <...> Только в 60-х годах... я понял, что это и есть описанная Вернадским биохимическая энергия живого вещества»²⁸⁵. Именно из-за этой истории С.Б. Лавров считал весь рассказ мистификацией. Однако зачем Гумилеву бы понадобилось сочинять про Тимирязева?

Таким образом выстраивается линия биологизации понятия «пассионарность»: 1) друг-студент, подсказавший Гумилеву слово «мутация» (1939 г.); 2) «Жизнь растения» К.А. Тимирязева (1950 г.), позволившая связать пассионарность с энергией; 3) знакомство с книгой В.И. Вернадского «Химическое строение биосферы и ее окружения» (1965 г.).

Теперь можно ответить на первый вопрос: нет ничего, что объективно свидетельствовало бы против «эталонной» версии самого Гумилева о появлении у него идеи «пассионарности», и есть немало косвенных данных, эту версию подтверждающих.

Нерешенным пока остается второй вопрос – о цели создания теории (помимо общего мотива несогласия с догматическим марксизмом) и обстоятельствах ее обнародования.

Ныне, благодаря стараниям Г.М. Прохорова, доступны неоспоримые аутентичные свидетельства создания Гумилевым теории этногенеза задолго до выхода первых статей на эту тему. Пожалуй, самое главное – опубликовано

²⁸⁵ История – наука естественная, или визит к профессору Гумилеву // Сельская молодежь. 1988. № 2. С. 44–49. Цит. по: Гумилев Л.Н. Чтобы свеча не погасла. С. 27.

наиболее раннее упоминание термина «пассионарность». В лагерном письме В.Н. Абросову от 21 июля 1955 г. Гумилев говорит о «пассионарном напряжении» и, что самое поразительное, приводит его уровни так, как это будет впоследствии изображено на известной схеме «Изменение пассионарного напряжения этнической системы», неоднократно приводимой им в книгах и статьях²⁸⁶.

Казалось бы, все эти воззрения, изложенные очень поздно (только в 1980-е гг.), являлись результатом общения Гумилева с физиками, биологами и другими представителями естественных наук в 1960–1970-е гг., попыткой вырваться из круга гуманитариев, встретивших теорию в штыки. С опубликованием этого письма схема рухнет вместе со своим основанием. Все идеи, развитые Гумилевым в главах XXIV (Пассионарное напряжение), XXVII (Поле в системе), XXVIII (Природа пассионарности), XXIX (Пассионарность и сфера сознания) монографии «Этногенез и биосфера Земли» присутствуют в концентрированном виде в письме 1955 г., за три десятилетия до своей публикации.

Также в письме от 21.07.1955 назван, опять же до В.И. Вернадского, некий «профессор Глебов» как источник концепции полей. Контекст его упоминания следующий: «Монизм следует понимать лишь как единообразие мира, а если так, то физические и психические законы одни и те же. Значит, нет разницы между материей и духом и самый тезис существования материи бессмыслица. Есть только существование, в многообразных формах, материальной, энергетической, сознательной и т.д. Но существовать не значит быть воспринимаемым. Это понятно, но что это значит? Дело, видимо, в том, что силовые линии поля вибрируют, т.е. колеблются в определенном ритме, определенном для каждого поля. Этот ритм и есть основа поддержания стабильности поля, он-то и есть существование. Итак, говоря поэтически, в основе мира лежит музыка сфер. <...> Идеи проф. Глебова, как видишь, опережают западную науку, и тебе рекомендую отнестись к ним внимательно и не спешить с оценкой»²⁸⁷.

²⁸⁶ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 92.

²⁸⁷ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 92–93. По свидетельству В.Н. Абросова, «после возвращения с фронта первым увлечением Льва Николаевича была Людмила Николаевна

Из одного этого фрагмента следует, что поиски физической и биологической природы пассионарности не были вынужденным шагом Гумилева и диктовались вовсе не «модой» на физику и генетику (после ее реабилитации как науки в 1960-е гг.). Причины и истоки этих воззрений лежат значительно глубже (как хронологически, так и концептуально) и пока совершенно не исследованы.

Космические лучи, за которые так любят критиковать Гумилева, появляются также в этой переписке. В письме В.Н. Абросову от 24 сентября 1955 г., обсуждая мысли Л.С. Берга об эволюции, Гумилев замечает: «Дело, мне кажется, в том, что причина мутаций лежит в вариациях облучений зародыша, а такие имеют место в зависимости от космических лучей и распада радиоак-

Глебова» (Там же. С. 26). Отношения эти долго не продлились, причем в попытках их сохранить участвовала и сестра последней – художница Т.Н. Глебова. Таким образом, сомнений, что это за «Глебовы» не остается. Т.Н. и Л.Н. Глебовы – дочери Николая Николаевича Глебова, до 1917 г. члена Госсовета и центрального комитета кадетской партии. Глебов был дружен с князем Д.И. Шаховским и переписывался с В.И. Вернадским (URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Глебов,_Николай_Николаевич (дата обращения: 30.05.2022)). Шаховской Д.И. Письма к И.М. Гревсу / Публ. и комм. А.А. Златопольской // Философский век. Альманах. Вып. 26. История идей в России: материалы и исследования. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. С. 146–254. С. 238. Вернадский В.И. Дневники. 1926–1934. – М.: Наука, 2001. С. 202). Глебов делился с Вернадским своими философскими идеями. Однако Вернадский относился к ним скептически, отмечая, что философия Глебова «неудобочитаема из-за языка» и «представляется слишком абстрактной, чтобы в нее войти» (Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941. Книга 1. 1935–1938. – М.: Наука, 2006. С. 60). Подготовленная Глебовым в 1930-е гг. работа «Рабочая гипотеза дифференциального творчества во Вселенной» не была опубликована. Однако в архиве В.И. Вернадского сохранилась машинопись статьи Глебова «Астрономическая абберация и гипотеза мирового эфира» (АРАН. Фонд 518. Опись 5. Д. 31. URL: http://www.ras.ru/vivernadskyarchive/7_actview.aspx?id=3518 (дата обращения: 30.05.2022)). Из текста статьи следует, что «абберацию» Глебов понимал в стандартном физическом значении. Не был Глебов и профессором. Но все же сама эта терминология позволяет предположить косвенную связь с Гумилевым, который применял термин «абберация» уже в лагерной рукописи книги «Хунну» (см. параграф 2.3). Глебов действительно умер в блокаду (31.12.1941), что как будто бы подтверждает апокрифическую версию о погибшем в блокаду «учителе». Однако данных о возможном знакомстве Гумилева с Глебовым до марта 1938 г. нет (после это было бы невозможно). С другой стороны, Л.Н. Глебова вполне могла рассказать Гумилеву об идеях своего отца и познакомить с какими-нибудь из сохранившихся после блокады его рукописями. Во всяком случае, предположение о тождестве «профессора Глебова» из лагерного письма и Н.Н. Глебова позволяет увязать, очевидно, неточные мемуарные сообщения о присвоении Гумилевым термина «пассионарность» с действительно имеющимися фактами, подтверждающими раннее возникновение пассионарной теории и ее исходную естественнонаучную основу.

тивных элементов литосферы»²⁸⁸. Остановимся коротко на этом вопросе, поскольку, по мнению В.А. Кореняко, он «обнаруживает такой уровень дилетантизма Л.Н. Гумилева, который, возможно, в другое время или в ином обществе навсегда похоронил бы репутацию ученого»²⁸⁹. Даже без этого свидетельства из письма 1955 г., которым критик в 2006 г. располагать не мог, достаточно обратиться к постоянно цитируемой Гумилевым книге В.И. Вернадского, где на первых же страницах говорится: «...и все же мы в геологии... непрерывно, реально сталкиваемся с энергетическим и материальным проявлением Млечного Пути... и материально-энергетическими, невидимыми глазу и сознательно человеком не ощущаемыми проникающими *космическими излучениями*»²⁹⁰.

Вопрос, как видно, состоит в другом: как и откуда Гумилев узнал о космических лучах за, по меньшей мере, *десять лет* до прочтения книги Вернадского?

Благодаря публикации лагерных писем получают полное подтверждение и обретают новую ценность воспоминания солагерника Гумилева А.Ф. Савченко: «Для Льва Николаевича эти семь лагерных лет были, повторяю, временем интенсивной работы над своей пассионарной теорией. Собственно, задумал ее он раньше, до лагеря, но именно теперь он ее разрабатывал, уточнял, детализировал... <...> Я прочитал этот капитальный труд с изложением пассионарной теории ("Этногенез и биосфера Земли"). В нем пятьсот страниц, и я готов засвидетельствовать: все, что там написано, уже было обдумано, обговорено и пропущено через сито критических высказываний в эти самые лагерные годы»²⁹¹.

²⁸⁸ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 99.

²⁸⁹ Кореняко В.А. К критике концепции Л.Н. Гумилева // Этнографическое обозрение – 2006 – №3. С. 32.

²⁹⁰ Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М.: Наука, 2001. С. 20.

²⁹¹ Живя в чужих словах... С. 159-160. Для С.С. Беякова слова Савченко по-прежнему остаются вопросом веры: «Поверить в это невозможно» (Гумилев сын Гумилева. С. 262). Как мы показали, они вполне проверяются.

И все же, к чему собирался применять Гумилев свою теорию? Собирались ли он ей оправдывать расизм или антисемитизм, в чем не сомневаются многие критики?

Как ни покажется странным, с самого начала теория этногенеза предназначалась для объяснения ритмов истории кочевников. В письме В.Н. Абросову от 7 февраля 1956 г. Гумилев высказывает «свои наблюдения и соображения об этногенезе Азии в аспекте палеогеографии», в которых уже сформулированы основные принципы связи этноса и ландшафта и механизма этногенеза: «Формирование новых народов происходит не повсеместно, а в нескольких определенных районах. <...> Процесс этногенеза – это слияние двух и более компонентов в новый, причем от прежних не остается ничего. В других случаях возможна любая метизация, с обратным процессом раскола гибридов на исходные формы... В равнинных ландшафтах... возникали *ксении* – механические смешения разных компонентов; в горных наблюдается устойчивость архаических форм... <...> Итак, мы можем констатировать, что одним из условий этногенеза должно быть сочетание разных ландшафтов, двух и более»²⁹².

Французская исследовательница М. Ларюэль отстаивает идею, что Гумилев сформулировал свою теорию лишь после смерти П.Н. Савицкого, усвоив определенные термины, но исказив их в духе «биологического детерминизма»²⁹³. Приведенный отрывок из *опубликованного* письма не оставляет этому предположению никаких шансов. Более того, со своей теорией Гумилев начинает знакомить пражского адресата уже в одном из первых писем (от 19.12.1956). В ответ (01.01.1957) Савицкий напишет: «Я думаю, что Вы сделали правильно, исключив "географическую" главу из состава "Истории Срединной Азии". В Ваших мыслях о "географическом факторе" слишком много самостоятельных моментов, и они, думается мне, переобременили бы книгу. Я чувствую и вижу, что мыслей и наблюдений... у Вас достаточно для

²⁹² Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 109-110.

²⁹³ Laruelle M. Histoire d'une usurpation intellectuelle: L.N. Gumilev, «le dernier des eurasistes»? Analyse des oppositions entre L.N. Gumilev et P.N. Savickij // Revue des études slaves. T. 73, fasc. 2-3, 2001. Pp. 449–459. P. 453, 458. Русский перевод: Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность... С. 10, 15–16.

того, чтобы они составили особую... книгу!». Название книги Савицкий предлагает такое – «Этногенез и географический фактор». Вот, пожалуй, что Гумилев действительно принял от него для своей, уже вполне сложившейся, теории.

Эта переписка ставит нас перед поразительным фактом: то, что составило впоследствии самостоятельную теорию этногенеза, изначально задумывалось Гумилевым в качестве теоретической части «Степной трилогии» («Истории Срединной Азии»), а конкретно ее первого тома «Хунну», полностью подготовленного в лагере²⁹⁴. Тут необходимо разграничить понятия «пассионарность» и «пассионарная теория». Первое появилось в 1939 г., но от слова до создания полноценной теории прошло немало лет. К 1955 г. мы видим теорию во вполне завершенном виде, хотя, вероятно, ее оформление произошло раньше.

Получается, что *Гумилев работал над историей кочевников и теорией этногенеза в изначальной связи, и разделение обеих сторон его творчества на два этапа – искусственное* (подробнее см. параграф 3.2). Осуществлено оно было самим автором – вынужденно и по целому ряду причин (от идеологических до чисто технических).

Этим выводом, основанным на документальных источниках, мы, однако, не более чем подтверждаем то, что и так давно было известно. На последних страницах «Автонекролога» Гумилев объяснил, почему долго не публиковал свою теорию и что, написав на ее основе первые свои работы, затем «перевел» их на язык, понятный коллегам: «Теперь закономерно спросить автора: почему он, владея такими... понятиями, как "этногенез" и "пассионарность", тридцать лет не публиковал своих открытий? Использовал ли он свои знания или молчал, чтобы избежать столкновений с коллегами? Автор свои мысли использо-

²⁹⁴ В этом свете наполняются конкретным содержанием и подтверждают наш вывод, казалось бы, общие рассуждения А.И. Куркчи о значении первой книги Гумилева для всего его наследия: «Смысл работ Л.Н. Гумилева по хуннологии состоит в том, что развив на примере хунну концепцию этногенеза..., он впоследствии в работе "Этногенез и биосфера Земли" отработал модель этнической истории кочевых и оседлых народов». См.: Гумилев Л.Н. История народа хунну: В 2-х кн. Кн. 1. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. С. 13.

вал эгоистично: он написал кандидатскую и докторскую диссертации по историческим наукам..., решив "алгебраически" очень трудные задачи, а потом перевел их на тривиальный "арифметический" язык, чтобы не шокировать членов ученого совета истфака. <...> Публиковать новую методiku следует только тогда, когда каждый тезис может быть убедительно аргументирован. Интуиция автора никого не убеждает...»²⁹⁵.

Определение взаимосвязанности всего наследия Гумилева, тем не менее, не исчерпывает вопрос о его целях при создании пассионарной теории. Так, по мнению, В.А. Шнирельмана, разрабатывая свою теорию, Гумилев ориентировался на Гитлера, Розенберга и других фашистских лидеров и идеологов. Как бы это ни звучало само по себе²⁹⁶, вопрос об идейных предшественниках Гумилева требует своего разрешения. Несмотря на скудость прямых и косвенных сведений о круге чтения и общения молодого Льва Гумилева (см. также параграф 2.1), два имени мы можем уже сейчас уверенно назвать. В отличие от фашистских деятелей, эти имена не будут несколько шокирующими: свои первые шаги по разработке теории этногенеза Гумилев делал, опираясь на монголоведа Б.Я. Владимирцова и на путешественника, естествоиспытателя и историка Г.Е. Грумм-Гржимайло. Их имена названы самим Гумилевым при разных обстоятельствах²⁹⁷.

Так, имя Б.Я. Владимирцова встречается в самом начале монографии «Этногенез и биосфера Земли»: «Все перечисленные вопросы целиком относятся к избранной нами теме – внезапному усилению того или иного народа и последующему его исчезновению. Яркий пример тому – монголы XII–XVII вв., но и другие народы подчинялись той же закономерности. Покойный академик Б.Я. Владимирцов четко сформулировал проблему: "Я хочу понять, как и почему

²⁹⁵ Гумилев Л.Н. Биография научной теории... С. 215.

²⁹⁶ К сожалению, критик не ставит необходимого и очевидного вопроса, где сотрудник библиотеки Эрмитажа, затем географического факультета ЛГУ мог познакомиться с идеями фашистских идеологов, а, главное, зачем?

²⁹⁷ Подробнее см.: Сараев А.С. Востоковедные корни теории этногенеза Л.Н. Гумилева и логика его научного творчества // Вестник КазГУКИ. 2014. №4-1. С. 19–23.

все это произошло?", но ответа не дал, как и другие исследователи. Но мы снова и снова возвращаемся к этому сюжету...»²⁹⁸.

Почему для описания феномена пассионарности Гумилеву был важен именно этот вопрос? Для ответа обратимся к итоговой работе Б.Я. Владимирцова, в которой имеется крайне интересный пассаж: «Если в большинстве новых государств, возникших в процессе разложения монгольской империи, сами монголы исчезли как этнографическая величина, то они вошли в состав вновь сложившихся тюркских народностей... А далее на восток... монголы сохранились и продолжали свою "histoire passionnante"»²⁹⁹.

Мы далеки от того, чтобы на основании одной фразы считать Б.Я. Владимирцова автором термина «пассионарность». Но какая-то связь здесь, несомненно, имеется, иначе Гумилев не поставил бы на второй странице своего главного теоретического труда имя Б.Я. Владимирцова даже раньше В.И. Вернадского и многих других.

С Г.Е. Грумм-Гржимайло все проще и сложнее одновременно. Проще, потому что Гумилев опирался на него в большинстве своих историко-востоковедных работ. Сложнее, потому что в работах по теории этногенеза его взгляды использованы сравнительно мало. Это даже дало основание В.А. Шнирельману высказать мнение, будто «в работах Гумилева трудно найти имя Грумм-Гржимайло», хотя «там без труда обнаруживаются заимствования из его труда»³⁰⁰. В действительности же, Гумилев только специальных статей посвятил ему четыре. Г.Е. Грумм-Гржимайло был предшественником историко-географического и историко-этнологического подходов Гумилева³⁰¹, и надо сказать, что создателем науки об этногенезе Гумилев назвал его впервые в неопубликованном введении к будущей статье «Динлинская проблема», поначалу входившей в рукопись «Хунну»: «Только детальное сопоставление историко-этногра-

²⁹⁸ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 15.

²⁹⁹ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 3.

³⁰⁰ Шнирельман В.А. Хазарский миф. С. 66.

³⁰¹ Гумилев Л.Н. Г.Е. Грумм-Гржимайло и рождение науки об этногенезе // Природа – 1976 – №5 – С. 112-121.

фической карты древности с современной дает нам понять, что в долине Хуанхэ за 3000 лет произошло не меньше изменений, чем в долине Сены или Дунай. Изучение этих изменений составляет содержание новой науки – этногенеза, главного завоевания советской этнографической науки. Впервые проблема становления китайского и хуннского народов из разных этнических субстратов была поставлена Гр.Еф. Грумм-Гржимайло...»³⁰².

Такой представляется логика научного творчества Л.Н. Гумилева по его работам, воспоминаниям и письмам и рукописям. Построение теории и написание конкретно-исторических работ шли в его научном творчестве рука об руку. Это не противоречит тезису о востоковедном характере теории этногенеза. Просто теория переросла свой первоначальный замысел введения к работе по истории народов Центральной Азии, чему способствовало чрезвычайно емкое понятие «пассионарность», появление которого вполне достоверно может быть отнесено к марту 1939 г. Реконструированный нами научный путь Гумилева совсем не похож на хаотическое бросание из темы в тему, равно ни на одну из предложенных критиками версий – плагиатора или фашиствующего интеллектуала. Перед нами биография ученого, который вопреки трагическим жизненным обстоятельствам сумел воплотить свои идеи в соответствии с задуманным еще в юности замыслом.

Исследование внутренних и внешних связей теории этногенеза нельзя ни в коем случае считать завершенным, даже если представленная логика научного пути ее автора верна. Даже в рамках поставленных выше задач, признавая конкретные обвинения Гумилева в плагиате или фашизме надуманными, мы не ответили, почему возникла сама эта разносторонняя критика теории, которая ставит под сомнение не только ее ценность, но и новизну.

Утверждения, что Гумилев что-либо у кого-либо заимствовал обычно подаются в качестве доказательств неоригинальности/компилятивности его теории/концепции. Получается, что критики отказывают Гумилеву в праве на

³⁰² Гумилев Л.Н. Древняя история Серединой Азии. Интерлюдия. Среди неясного и нерешенного. Ди и динлины. – Февраль 1955. §«Бой с тенью», л. 1.

предшественников. Это выглядит странным, поскольку изучение истоков идей того или иного мыслителя или школы, из которой вышел ученый, является естественным методом истории науки, а поиск предшественников помогает лучше понять взгляды ученого, но никак не обвинить его в несамостоятельности. Если бы нам удалось найти примеры научных биографий, типологически сходных с биографией Гумилева, это перевело бы вопрос об оригинальности его теории в иную плоскость: на первый план вышел бы вопрос не об оригинальности теории, а о закономерности ее появления.

Многие ученые, как «гуманитарии», так и «естественники», достигнув определенного возраста и признания, переходят от частных исследований к обобщениям, резюмирующим их собственный вклад в область исследований и/или подводящим итоги исследований в той или иной области науки. Именно в этом ключе оправданно сравнение Л.Н. Гумилева с А.Дж. Тойнби, который пришел к исследованию цивилизаций как антиковед и специалист по международным отношениям. Не менее оправданным будет сравнение Л.Н. Гумилева и с его отечественными коллегами: И.М. Дьяконовым, Л.С. Васильевым, Л.Б. Алаевым и Ю.И. Семеновым. Три первых, подобно Гумилеву, перешли от востоковедных тем к всемирно-историческим обобщениям, последний пришел к тому же из теоретической этнографии³⁰³.

Сравним, что авторы рассказывают о проделанном научном пути (курсив мой. – А.С.):

«Всю свою жизнь я занимался социально-экономической историей древнего мира, а в последние годы – и его социальной психологией. В результате выработалась концепция хода исторического процесса от палеолита до конца древнего мира... <...> Получился краткий очерк всей истории человечества, со вполне определенными механизмами фазовых периодов»³⁰⁴.

³⁰³ В рассмотрение не включены авторы, подходящие по критерию соответствия логики научного пути, но либо на Гумилева не ссылавшиеся (китаеведы В.Н. Никифоров, В.П. Илюшечкин), либо, напротив, развивавшие отдельные положения его теории (ассириолог В.А. Белявский, африканист Ю.М. Кобищанов, археолог В.М. Массон, антиковед Ю.В. Андреев). Таким образом, мы сосредоточились на исследователях, которых можно отнести к числу оппонентов Гумилева, что представляется наиболее репрезентативным.

³⁰⁴ Дьяконов И.М. Пути истории. С. 3.

«В своей жизни я сделал три открытия и выдвинул одну концепцию и хочу рассказать об их судьбе. <...> Если перечисленные выше открытия я считаю бесспорными... то концепция феодализма как общественного строя статусом истины не обладает»³⁰⁵.

«У меня было две темы: как возникают народы и история... степных народов, – и я на обе эти темы все, что хотел, написал. Мне восемьдесят лет, и *за жизнь я сделал три открытия*: в 1939 году – пассионарности, в 1950-м – что пассионарность – энергия, и в 1965-м – что это биологическая энергия...»³⁰⁶.

Сходство отдельных фраз показательное, но и в целом высказывания близки по форме. Их независимость друг от друга не подлежит сомнению, что позволяет установить типологическое сходство не только мыслей авторов по поводу их концепций, но и тех научных путей, которые привели к их созданию.

Мы возвращаемся, таким образом, к выводу предыдущего параграфа о часто надуманной «особости» Л.Н. Гумилева. Параллельно аналогичный путь от исследования конкретных исторических тем до построения общих историософских схем прошли многие его коллеги. Возникает вопрос, как воспринимать историософские работы этих авторов: 1) как нечто чуждое их основным занятиям, как плод увлечения, или 2) как органическое продолжение, закономерный итог многолетних исследований, как попытку их обобщить? Судя по приведенным высказываниям, авторы в отношении себя отдают предпочтение второму варианту. Если же проанализировать их взаимную критику, то в отношении коллег каждый из них всякий раз склоняется к первому варианту.

И.М. Дьяконов опубликовал свою историософскую концепцию в последние годы жизни и в дискуссиях по ней не участвовал, что, конечно, не уберегло его от критики³⁰⁷.

О Л.С. Васильеве Ю.И. Семенов сказал следующее: «В действительности же, конечно, это было... отходом от взгляда на историю человечества как на

³⁰⁵ Л.Б. Алаев: община в его жизни. С. 6.

³⁰⁶ Лев Николаевич Гумилев. Письма... [сост. Г.М. Прохоров] – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. С. 373.

³⁰⁷ Семенов Ю.И. Философия истории. С. 150.

единый процесс... Недаром же Л.С. Васильев, который в свое время всячески доказывал, что признание многолинейности развития ни в малейшей степени не расходится с марксистским взглядом на историю, в последующем... выступил как ярый противник теории общественно-экономических формаций и вообще материалистического понимания истории»³⁰⁸.

Л.Б. Алаев отнесся к антимарксизму Л.С. Васильева с долей иронии, считая его несколько запоздавшим³⁰⁹. Разделяя некоторые теоретические взгляды Ю.И. Семенова, Л.Б. Алаев все же на первое место поставил его основную специализацию: «Как бы ни относиться к концепциям Ю.И. Семенова, никто не будет отрицать его энциклопедическую образованность в части сведений о первобытных и раннеклассовых обществах»³¹⁰. Причины же настороженности коллег к его концепциям Л.Б. Алаев объяснял так: «Ю.И. Семенов строил историософскую схему, опираясь на "всего Маркса". Но весь Маркс был никому не нужен, и Семенов долго ходил с клеймом "путаника"»³¹¹.

О взглядах Ю.И. Семенова однажды высказался даже Л.Н. Гумилев: «Этот термин <социальный организм> введен в науку Ю.И. Семеновым и привился несмотря на то, что это метафора. Под "организмами" им понимаются устойчивые государственно-культурные образования, переживающие формации, в которых они сложились, а не уподобление общества организму, как у Ф. Ратцеля и Г. Спенсера»³¹².

Наконец, Л.С. Васильев критиковал Л.Б. Алаева за непонимание своей концепции: «...понятие "власть-собственность" не имеет прямой связи с марксистским представлением об "эксплуатации трудящихся"; оно много глубже и серьезнее, нежели это представляется Алаеву, который оперирует им довольно легкомысленно и часто невпопад»³¹³.

³⁰⁸ Там же. С. 142–143.

³⁰⁹ Алаев Л.Б. Всеобщая история от Леонида Сергеевича // Восток. 2009. № 2. С. 209–220.

³¹⁰ Алаев Л.Б. Две новейшие концепции истории Востока и мира (О.Е. Непомнин versus Л.С. Васильев) // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 1. С. 67–83. С. 70.

³¹¹ Л.Б. Алаев: община в его жизни. – М.: Восточная литература, 2000. С.11.

³¹² Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. С. 255.

³¹³ Васильев Л.С. Феномен феодализма // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 148–161. С. 152.

Если о резко отрицательных взглядах Ю.И. Семенова на теорию Гумилева уже говорилось³¹⁴, того же нельзя сказать о трех других исследователях. И.М. Дьяконов и Л.С. Васильев, критикуя отдельные работы Гумилева³¹⁵, восприняли идею «пассионарности»³¹⁶. Л.Б. Алаев, не оппонировав Гумилеву в печати, сыграл роль в задержке издания краткого изложения его теории³¹⁷, но позже, однако, сам привлек его к участию в коллективном исследовании, а итоговую

³¹⁴ В личной беседе с автором диссертации (23.03.2010) на вопрос, почему он не признает Гумилева, Ю.И. Семенов ответил: «С Гумилевым спорить невозможно. Помню, как-то разговаривал с ним, и спрашиваю: "Лев Николаевич, но ведь Ваша теория противоречит фактам!" – а он отвечает: "Юрий Иванович, какое мне дело до фактов?! Концепция какова!"". Напрашивается сравнение ответа с остроумным замечанием В.Ф. Одоевского: «Вот теория автора; ложная или истинная – это не его дело» (Русские ночи. – Л.: Наука, 1975. С. 8).

³¹⁵ Васильев Л.С. Природа и история в книге Л.Н. Гумилева с точки зрения синолога // Природа – 1976 – №4 – С. 154-156. Дьяконов И.М. «Огненный дьявол» // Нева – 1992 – № 4 – С. 225-228.

³¹⁶ Васильев Л.С. История Востока: в 2 тт. Т. 1. – М.: Высшая школа, 1993. С. 377, 387, 396, 482–483. Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука, 1994. С. 12, 356.

³¹⁷ Копия машинописи (на 14 л.) хранится в архиве музея-квартиры Л.Н. Гумилева и содержит оставленные Гумилевым при чтении маргиналии. Сама рецензия на рукопись Гумилева «Феномен этноса в истории (вместо введения)» ныне опубликована: Алаев Л.Б. Проблематика истории Востока. Изд. 2-е, испр. – М.: ЛЕНАНД, 2020. С. 211–218. Однако это именно документ эпохи, и его нельзя воспринимать отдельно от основного текста книги Л.Б. Алаева. Формальная роль внутреннего рецензента до некоторой степени сместила фокус его внимания с анализа концептуальных идей Гумилева на поиск частных изъянов, необходимых к исправлению. При этом отмеченная рецензентом нечеткость определения этноса – отражение фундаментальной проблемы, а не недостаток конкретно исследования Гумилева. И в целом, даже при условии справедливости большинства замечаний рецензента, важно учитывать, что небольшая рукопись на 7 печатных листах вряд ли во всей полноте отражала концептуальные идеи Гумилева (поздний расширенный вариант рукописи составил книгу «Конец и вновь начало»). Главное, теоретические взгляды Л.Б. Алаева с 1973 г. прошли значительную эволюцию (о лежащей на тексте рецензии печати времени предупреждает сам автор; с. 210), а возможность их откровенного выражения уже с рубежа 1980–1990-х гг. не имела формальных препятствий. В итоге, вне помещенной в главу о цивилизациях рецензии на Гумилева Л.Б. Алаев высказывает немало сходных идей или, по крайней мере, ставит ряд аналогичных вопросов: об «абберациях» (выражаясь гумилевским термином) в восприятии исследователями первобытной эпохи (глава третья), о том, что современные «первобытные» народы вовсе не первобытны (с. 83–84), о том, что возникновение государства вовсе не связано с классовым членением общества (параграф 3 главы третьей), о необходимости разграничения исторической и этнологической методик (и о недопустимости подмены их друг другом; с. 76–80), о необходимости поиска движущей силы в истории (с. 51, 84, 117–121) и разных подходах к всемирно-историческому и циклическому восприятию исторического процесса (параграфы 5–9 главы четвертой). К сожалению, Гумилеву за одним исключением (с. 120) не нашлось места в этих главах, и его взгляды представлены как нечто отдельное от магистральных линий развития всемирно- и культурно-исторических концепций. При последовательном изучении книги Л.Б. Алаева эта мнимая «отдельность» снимается сама собой.

публикацию («Типы общественных отношений на Востоке в средние века», М., 1982) снабдил дарственной надписью: «Дорогому Льву Николаевичу с благодарностью за участие. 29.IX.1982. Алаев».

В одном из последних своих интервью Л.С. Васильев высказался о Гумилеве тепло, хотя и с долей критики: «А в XIX веке китайская империя подошла к концу. Между прочим, конец империи это тоже важный момент во всей истории человечества. Ни одна империя не бывает бесконечной. Были у нас попытки, – наиболее яркая попытка это Лев Николаевич Гумилев. Царствие ему небесное! Хороший историк, но с закидонами. Вот он, например, выработывал схему, что государство и национальность данная существует примерно 1200 лет. Ну получилось у него так, вот он так посчитал». На замечание ведущего, что «у китайцев-то не так», Л.С. Васильев ответил: «Ну, не знал он Китай, Китаем он мало занимался, хотя именно с Китаем ему приходилось иметь дело, поскольку очень много из кочевых народов, которых он изучал, прежде всего и больше всего как раз на Китай и нападали»³¹⁸.

Для академика В.А. Тишкова концепции Ю.И. Семенова, академика В.П. Алексеева и Гумилева выглядят теперь однопорядковыми, без какой-либо подчеркнутой «ненаучности» в отношении последнего: «Конструктивизм помог выяснить еще одну фундаментальную проблему – безосновательные претензии на универсальность феномена этноса для всего человечества... "Этногенез" В.П. Алексеева и мир "социоров" Ю.И. Семенова не ведал исключений: теория претендовала на всеобщность человеческой эволюции. <...> Таким образом, этносы – это вечные и всеохватные социальные коалиции людей. Хотя Л.Н. Гумилев отводил определенный жизненный путь для каждого из этносов... но ни одного примера такого заверченного жизненного пути им не было названо...»³¹⁹.

³¹⁸ Радиопрограмма «Цена революции» (14.06.2015). URL: <https://echo.msk.ru/programs/cenarobedy/1564630-echo> (дата обращения: 14.03.2018; сайт, как и сама радиостанция «Эхо Москвы», с весны 2022 г. более не действует). Цитата из беседы дана по аудиозаписи, текст расшифровки на сайте был искажен.

³¹⁹ Тишков В.А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведцу Андрею Владимировичу Головнёву) // Этнография. 2023. 1 (19). С. 6–25. С. 14.

Приведенные высказывания позволяют сделать ряд выводов: с одной стороны, авторы отмечают высокую эрудицию друг друга (в области специализации каждого); с другой, они находят массу поводов для критики, как концептуальной, так и по частностям. При этом несомненно, что каждый считает истинной свою собственную концепцию, а в остальных находит ценными лишь детали или же не находит ничего ценного.

Во взглядах И.М. Дьяконова, Л.С. Васильева, Л.Б. Алаева, Ю.И. Семенова выделяется общая черта – все они исходят из недостаточной проработанности отдельных аспектов теории Маркса и предлагают взамен свои концепции всемирно-исторического процесса. Однако отталкиваются они все равно от марксизма и формационного подхода к истории (представления о процессе истории как о смене пяти общественно-экономических формаций), которого, по справедливому замечанию И.М. Дьяконова, у Маркса не было, а оформился он в ходе дискуссий советских историков и обществоведов в первой половине 1930-х гг.³²⁰ (см. 1.1).

Как показано выше, отправной точкой размышлений Гумилева также было несогласие с начавшимися насаждаться идеями Маркса. В этом и заключается *принципиальное типологическое сходство* между Гумилевым и названными авторами и одновременно *принципиальное отличие*: отправная точка исследований (неудовлетворенность марксизмом) и логика научного пути (от конкретных работ по основной специализации к обобщающим концепциям) были одинаковы, но результаты (сами концепции) и обстоятельства их обнародования различны. Последнее во многом обусловило резкое неприятие Гумилева лично и его работ академической средой, хотя объективно и его биография, и его наследие вписывались в общую парадигму советской науки.

Именно догматической критике теория Гумилева изначально подверглась, а дальше уже работала инерция неприятия, вылившаяся в целую историографию (см. выше). Поскольку И.М. Дьяконов, Л.С. Васильев, Л.Б. Алаев, Ю.И. Семенов в полной мере обнародовали свои взгляды только в 1990-е гг., ника-

³²⁰ Дьяконов И.М. Пути истории. С. 6–9.

кого коллективного осуждения они могли не опасаться. Но и ажиотажа, которым была встречена теория Гумилева, их концепции, в связи с установившимся в гуманитарных науках плюрализмом подходов, уже не могли вызвать.

Плюрализм не сыграл положительной роли и в академическом признании теории Гумилева. Так, даже в начале 2000-х гг. ассириолог и друг И.М. Дьяконова В.А. Якобсон писал: «...от советских времен осталась и все еще жива страсть к "простым и ясным, все сразу объясняющим" теориям, примером которых могут послужить все еще очень популярные среди дилетантов теории Л.Н. Гумилева. Они уже неоднократно анализировались специалистами, неизменно приходившими к выводам об их полной несостоятельности...»³²¹.

Приведенная цитата отражает, в первую очередь, корпоративную солидарность академических ученых. В подтверждение этому приведем воспоминание Л.Б. Алаева о защите диссертации в Ленинградском отделении Института востоковедения. Будучи оппонентом, он защищал соискательницу от ее же коллег: «Один за другим выступали мэтры Ленинградской востоковедной исторической школы – О.Г. Большаков, В.А. Якобсон, Л.Н. Меньшиков и сам И.М. Дьяконов... <...> Я недооценил ленинградскую солидарность»³²².

Применительно к Гумилеву то же утверждал А.И. Куркчи: «Концептуальная основа автора осложняется полемичностью научного истеблишмента того времени, связанного круговой порукой объяснять этнические и этнологические в целом проблемы исключительно социальными условиями»³²³.

В силу этой солидарности «своим» прощались и свободомыслие, и отдельные неточности. Вопрос о фактических ошибках имеет и другую сторону. В отношении Гумилева нередко действует принцип, когда научность теории ставится в зависимость от фактических ошибок в иллюстрирующих объяснениях. В отношении других авторов выявление ошибки или неточности решающим в определении научности их взглядов не становится. Например, И.М.

³²¹ История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй. С. 35.

³²² Л.Б. Алаев: община в его жизни. С. 252.

³²³ Куркчи А.И. Человек и природа в научном наследии Л.Н. Гумилева. С. 117.

Дьяконов последним «татарским набегом» на Русь считает поход Тохтамыша³²⁴. Вопреки уверенности В.А. Якобсона в отсутствии фактических ошибок в книге «Пути истории»³²⁵, таковая здесь налицо. Но правда и в том, что эта ошибка не опровергает концепцию автора так же, как не влияет на концепцию «вызова-и-ответа» ошибочное отнесение Тойнби полинезийцев к европеоидам³²⁶. А ведь именно такого рода неточности зачастую приводятся в доказательство ошибочности теории Гумилева³²⁷.

Каким вообще фактам историософская теория/концепция может противоречить? Теория, если она самодостаточна, должна противоречить другим теориям. Исторические факты всегда при этом одни, поскольку для иллюстраций своих теорий авторы стараются брать наиболее известные и наименее противоречивые примеры. Еще более ста лет назад это было подмечено П.Л. Лавровым: «Возьмем несколько историков, с одинаковым знанием фактов, но из которых один придает более значения личной инициативе...; другой убежден в том, что экономические интересы лежат в основе как всех исторических событий, так и... обычаев...; для третьего степень развития государственной жизни есть единственное мерило прогресса... Каждый из них распределяет одни и те же известные всем им факты в различную перспективу: при этом иногда один умалчивает совсем, как о ничтожной детали, о факте, которому другой придает первостепенную важность...»³²⁸.

Аналогичное мнение, которое читается практически как продолжение предыдущего, высказал Л.Б. Алаев: «...если другой исследователь возьмет ту

³²⁴ Дьяконов И.М. Пути истории. С. 113.

³²⁵ Якобсон В.А. Игорь Михайлович Дьяконов – историк // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Т. I. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. С. 507.

³²⁶ Тойнби А.Дж. Постыжение истории. 2-е изд. – М: Айрис-пресс, 2002. С. 106, 589 (комментарий).

³²⁷ На выявлении неточностей и ошибок и последующем их разборе с целью доказать «анти-профессионализм» Гумилева во многом построена монография Л.А. Мосионжника. Ср. Мосионжник Л.А. Технология исторического мифа. – СПб.: Нестор-История, 2012. С. 219–227, 236–241.

³²⁸ Арнольди С.С. Задачи понимания истории. – М.: Издание М. Ковалевского, 1898. С. 94. Ср. Черняк В.С. Теория научного факта // Природа. 1986. №3. С. 83-91. С. 86 (исторический пример), 91 (общий вывод).

же руду и проделает тот же доменный процесс, и получит иной результат, то... мы получим не новую точку зрения взамен старой, а две точки зрения, в принципе равноценные, хотя мы можем придать им большую или меньшую ценность в зависимости уже от нашего мнения»³²⁹.

Из приведенных цитат следует, что объективного критерия для предпочтения той или иной теории нет, и преобладание какой-либо одной зависит не только от научных достоинств, но и от числа ее сторонников. Значит, теория или концепция не опровергается единичными фактами, а соответствует их сумме в целом или нет. В таком качестве, пока она сохраняет эвристичность, она признается. В противном случае, она будет даже не опровергнута, а замещена другой теорией или концепцией³³⁰.

С другой стороны, теория/концепция для того и создается, чтобы как-то с фактами работать. Р.Дж. Коллингвуд утверждал, что достоверность исторической схемы «не только не основывается на фактических данных, она сама служит тем пробным камнем, с помощью которого мы решаем, являются ли так называемые факты истинными»³³¹.

Относительно Гумилева то же удачно сформулировано Д.С. Лихачевым: «Спорить с Л.Н. Гумилевым по частностям мне не хочется: в его концепции все они имеют подчиненный характер. Л.Н. Гумилев строит широкую картину, и ее нужно *принимать или не принимать как целое*»³³². Еще полнее эту идею развернул востоковед-тюрколог К.А. Жуков: «В целом теория Гумилева представляет собой удачную попытку междисциплинарного синтеза и... не слишком страдает от неизбежных... упущений и неточностей частного порядка.

³²⁹ Алаев Л.Б. Проблематика истории Востока. С. 11.

³³⁰ «Как правило, господствующая парадигмальная концепция "обрастает" защитным поясом гипотез и менее общих теорий, позволяющих оградить ее от контраргументов. Но так или иначе... объяснить смену парадигм только рациональными аргументами нельзя». Гранин Ю.Д. Этносы, национальное государство и формирование российской нации. – М.: ИФ РАН, 2007. С. 53-54.

³³¹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. С. 233.

³³² Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1989. С. 7.

Опровергнуть такую теорию можно лишь другой общей теорией, сравнимой с гумилевской по глубине и охвату»³³³.

Единодушного отрицания историками и востоковедами-профессионалами теории Гумилева, очевидно, нет, но это не снимает полярности ее оценок, отсутствующей в отношении других рассмотренных здесь авторов. В этой связи вернемся к одной из главных проблем параграфа – новизне теории этногенеза.

Надо сказать, что Гумилев застал начало дискуссии о новизне своих взглядов и успел откликнуться на нее. В первом случае он ответил на критику статьи К.П. Иванова (возможно, совместную с ним самим³³⁴), в которой утверждалось, что именно официальная этнография заимствует у Гумилева, а не наоборот: «Я.Г. Машбиц и К.В. Чистов утверждают, что концепция Л.Н. Гумилева и Ю.В. Бромлея, которую они сами считают уже теорией, тривиальна и повторяет работы С.М. Широкогорова и П.И. Кушнера на том основании, что эти авторы тоже употребляли слово "этнос". К этому сводится спор. Отмечу, что слово "этнос" встречается у Гомера (Илиада), царя Давида (Псалтырь) и у Аристотеля, но у них оно так же, как у многих других авторов, не дефинировано, а определения Кушнера и Широкогорова не те, которые приняты у Гумилева–Бромлея»³³⁵.

Представляется конструктивной позиция С.Б. Лаврова: «Может быть, каждая из идей – составных частей его теории была и не совсем нова..., но вместе, "в связке" они были сведены впервые»³³⁶. Впечатление новизны возникло и у части ленинградских этнографов: «Нельзя сказать, что я "уверовал", но возможность другого подхода в объяснении многих явлений подкупала. <...> Не возникало у меня никаких сомнений в правильности и многих других

³³³ Жуков К.А. Восточный вопрос в историческо-социальной концепции К.Н. Леонтьева. – СПб.: Алетейя, 2006. С. 210.

³³⁴ Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. – М., 2000. С. 329-330. Ср.: Вспоминая Л.Н. Гумилева... С. 244.

³³⁵ Гумилев Л.Н. По поводу теории этногенеза // Известия ВГО – 1987 – Т. 119, вып. 3 – С. 285.

³³⁶ Лавров С.Б. Ук. соч. С. 330. По неясным причинам данный раздел во втором издании значительно сокращен.

положений теории Л.Н. Гумилева, идущих вразрез с общепринятыми в советской этнографии...»³³⁷.

Высказано даже мнение, что Гумилев был в большей степени этнографом, чем Ю.В. Бромлей: «...расхождение между Л.Н. Гумилевым и Ю.В. Бромлеем является, скорее, вопросом последовательности в отдельных высказываниях, а отчасти вопросом взаимоотношения между этнографией и нарративной историей. <...> Особое внимание Л.Н. Гумилева к географии... является знаком того, что он выступал *как этнограф в большей степени*, чем Ю.В. Бромлей. Спор между Л.Н. Гумилевым и Ю.В. Бромлеем во многом был спором между этнографом... и историком, для которого моделью служили исследования по истории европейских национальных движений»³³⁸.

В заключение процитируем Г.С. Померанца, востоковеда и коллегу упомянутых здесь авторов, также размышлявшего над проблемами мировой истории и не менее критично относившегося к Гумилеву. Однако он видел логику его научного творчества: «...можно проследить чисто научную логику, по которой развивалась и складывалась эта теория. Гумилев – тюрколог, он много занимался историей племенных движений, потрясавших мир. Его теория этносов распространяет племенные нормы на динамику цивилизаций. <...> Она хорошо описывает ситуацию, возникшую в Сумгаите и Баку. Марксистский язык деформирует материал, гумилевский здесь на месте»³³⁹.

Таким образом, можно констатировать, что Л.Н. Гумилев не только начал свою научную деятельность как востоковед, но им же оставался, когда разрабатывал теорию этногенеза. Поэтому некорректно противопоставление его специальных исследований по истории степи его же работам по этногенезу и поздним обобщающим работам («Тысячелетие вокруг Каспия», «Древняя Русь и Великая степь», «От Руси до России»), в которых осуществлен синтез пер-

³³⁷ Бузин В.С. Пассионарная теория этноса Льва Николаевича Гумилева. С. 5. Ср. Белков П.Л. Этнос и мифология. Элементарные структуры этнографии. – СПб.: Наука, 2009. С. 167.

³³⁸ Белков П.Л. Этнос и мифология. С. 184.

³³⁹ Померанц Г.С. Выход из транса. – М.: Юрист, 1995. С. 357.

вых и вторых. Несмотря на трудную и трагическую биографию, научный путь Гумилева выглядит логичным и закономерным, что само по себе лишает веса сомнения в самостоятельности его теории. Не меньшее значение имеет установленное нами типологическое сходство между теорией этногенеза Гумилева и всемирно-историческими концепциями И.М. Дьяконова, Ю.И. Семенова, Л.С. Васильева и Л.Б. Алаева. Перечисленные авторы прошли сходные научные пути (от частных востоковедных исследований к обобщающим теориям и концепциям) и рассматривали, в результате, созданные историософские схемы как закономерный итог своих специальных занятий. Эвристичность теории/концепции определяется не наличием/отсутствием противоречий в фактах, а теоретическим базисом, вокруг которого те или иные факты выстраиваются. Поэтому продуктивным представляется такой подход, который учитывает ценные наработки из разных схем в зависимости от направленности того или иного исследования.

Оппонировали Гумилеву по части теории этногенеза в первую очередь историки и востоковеды (Ю.В. Бромлей, Ю.И. Семенов, В.И. Козлов – именно историки, работавшие в Институте этнографии). Как ни странно, философы, призванные по долгу охранять чистоту марксизма, Гумилева всегда поддерживали, утверждая, что его теория марксизму не противоречит. Видные сотрудники Института философии (А.В. Гулыга и Ю.М. Бородай) писали положительные рецензии на монографию «Этногенез и биосфера Земли»³⁴⁰. Защищенную в качестве докторской диссертации *по географии* ее первыми поддержали также философы, а не географы³⁴¹.

³⁴⁰ Вспоминая Л.Н. Гумилева... С. 240.

³⁴¹ На философском семинаре географического факультета // Вестник Ленинградского университета. №24, вып. 4 (Геология, география). 1975. С. 145–151. С. 147.

1.3. Научный метод Л.Н. Гумилева: его истоки и проблема непонимания

Обосновывая в предшествующих разделах нормативность ряда ключевых исторических концепций Л.Н. Гумилева и вполне стандартный характер его научного пути, мы не стремились доказать отсутствие у его идей и работ оригинальности. Они действительно особы, но не в том смысле, какой обычно вкладывают в это критики. Как удачно отметил К.А. Жуков, даже неангажированные критики «ставят ему в вину лишь неакадемизм, антиевропеизм и тюркофильство»³⁴². Не очень уместная в данном случае частица «лишь» объясняется контекстом, в котором до приведенной фразы рассматривались уже совсем не нейтральные обвинения в фашизме и расизме. На наш взгляд, не стиль и не направленность сделали труды Л.Н. Гумилева «особыми», хотя, возможно, современникам в первую очередь бросалось в глаза именно это.

Гумилев, как показано в предыдущем параграфе, создал своими трудами не набор единичных концепций, а новую научную парадигму, в которой и частные разработки, и теоретические взгляды составляют единое целое. В рамках марксистской или позитивистской методологии создать принципиально новое понимание истории и культуры было невозможно³⁴³. Хотя Гумилев не отрицал эти подходы и порой прибегал к ним, он сформулировал и применял в большинстве своих трудов *оригинальную методологию*. Именно она сделала его труды действительно особыми, позволила достичь таких результатов, с которыми по-прежнему считают нужным спорить.

К сожалению, в историографии постоянно смешиваются представления Л.Н. Гумилева об *историческом процессе* и его взгляды на *методологию* исто-

³⁴² Жуков К.А. Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева. С. 210.

³⁴³ С полной откровенностью это признал в конце 1980-х гг. И.М. Дьяконов: «При рассмотрении процесса истории моему поколению были свойственны известные систематические ошибки. Например, несмотря на неоднократные предупреждения авторитетных мыслителей, что развитие происходит не прямолинейно, а по значительно более сложным динамическим законам, мы в прошлом поддавались позитивистской иллюзии, будто движение исторического процесса есть постоянное, пусть не равномерное, а скачкообразное, но все-таки постоянное совершенствование общества». См. Дьяконов И. История эмоций? // Знание — сила. 1988. №5. С. 36–42. С. 37.

рии. Отсюда возникают упоминания о его «евразийской методологии», под чем понимается, однако, теория этногенеза³⁴⁴. С полной уверенностью можно сказать, что всё это *три* различные стороны теоретических взглядов Гумилева. Никакой «евразийской методологии» Гумилев не применял. Как таковое, Евразийство оказало небольшое влияние на теорию этногенеза и вовсе не имело ничего общего с применяемой Гумилевым методикой исторического исследования³⁴⁵.

В настоящем параграфе будут рассмотрены *методика исторических работ* Л.Н. Гумилева и его *общеисторическая методология*.

Общим местом стало утверждение о крайне вольном обращении Гумилева с источниками. В поздней публикации Д.С. Лихачев даже назвал Гумилева «талантливейшим историком-фантастом евразийцем»³⁴⁶. Другой филолог-русист, Я.С. Лурье, считал, что Гумилев «начисто отвергает всякое источниковедение»³⁴⁷. На конкретных примерах он старался показать несостоятельность метода Гумилева: «Хотя, согласно летописи, "варяги и хазары были злейшими врагами, а никак не союзниками", Гумилев предпочитал "не верить летописцу". <...> Экстраординарность этих исторических повествований заключалась в том, что они опирались не на какие-либо, хотя бы косвенные, упо-

³⁴⁴ Иванов С.А. Взаимоотношения Руси и Степи в концепциях евразийцев и Льва Гумилева. С. 213. Автор некритично воспринял мнение Э. Герштейн о связи пассионарности с идеями евразийцев (Герштейн Э. Мемуары. С. 443). Даже в диссертации А.Д. Гомбожапова все методологические установки Гумилева сведены к евразийству.

³⁴⁵ В интервью Гумилев подтвердил, что принимает основные установки евразийцев, но подчеркнул, что «Георгию Владимировичу Вернадскому, как историку, очень не хватало усвоения идей своего отца». См. Гумилев Л.Н. Меня называют евразийцем // Наш современник. 1991. №1. С. 132–141. С. 132. Ermolaev V., Titov A. История нескольких заблуждений // Revue des études slaves. 2005. Т. 76, fasc. 4. P. 499–510.

³⁴⁶ Лихачев Д.С. Раздумья о России. – СПб.: Logos, 2004. С. 629. Это позднее признание Д.С. Лихачева нельзя рассматривать изолированно от других его высказываний о Гумилеве. Прекрасная статья о диалоге-дискуссии между Д.С. Лихачевым и Гумилевым написана Ю.В. Зобниным и А.С. Запесоцким, к выводам которой мы присоединяемся: Нам ясен долгий путь? Дмитрий Лихачев и Лев Гумилев: дискуссия продолжается... // Невское время. 2007. 2 февраля. С. 12. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/1924_166_lih_gum.pdf (дата обращения 12.11.2023). Запесоцкий А.С. Дмитрий Лихачев – великий русский культуролог. – СПб.: СПбГУП, 2007. С. 72–90.

³⁴⁷ Лурье Я.С. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилева // Звезда. 1994. №10. С. 167–177. С. 169.

минания о "хазарском иге"... но на полное отсутствие таких упоминаний»³⁴⁸. Как и многие, смешивая этнологию и евразийство, Я.С. Лурье приходил к заключению: «...на совершенно иных принципах были основаны работы Л.Н. Гумилева, исходявшего из своей теории "этногенеза". Во многом эта теория была сходна с построениями "евразийцев", но гораздо решительнее расходилась с источниками... Так, походы Батыя он считал "набегом" или "кавалерийским рейдом", незначительно уменьшившим "русский военный потенциал"...»³⁴⁹. При чем здесь теория этногенеза, не поясняется.

Жестко критиковал не только подход Гумилева к источникам, но и к научной литературе Б.А. Рыбаков: «К своим предшественникам автор относится очень высокомерно, считая, что он не обязан давать ни характеристики источников, ни обзора научной литературы вопроса, ибо из тысяч мышей нельзя сделать одной лошади"... Здесь "мыши" – труды исследователей предшествующих лет, а "лошадь" – книга самого Л.Н. Гумилева»³⁵⁰.

Попытки интерпретации взятых вне контекста высказываний Гумилева о методе работы с научной литературой, вообще, стали отдельным направлением критики: «Столь же выборочно у Л.Н. Гумилева и использование научной литературы. Критика результатов исследований предшественников, не подтверждающих его концепцию, строится весьма своеобразно: "Оспаривать эту версию можно либо путем скрупулезной проверки деталей источников, либо путем противопоставления собственной версии... Второй путь лучше"»³⁵¹. Чтобы убедиться в недобросовестном цитировании, продолжим цитату на ме-

³⁴⁸ Лурье Я.С. Россия Древняя и Россия Новая. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 95–96.

³⁴⁹ Там же. С. 124.

³⁵⁰ Рыбаков Б.А. О преодолении самообмана // Вопросы истории. 1971. №3. С. 153. Чтобы понять, соответствует ли данное толкование авторскому, необходимо привести исходную цитату: «Книга... написана, и сам автор смотрит на нее с нескрываемым удивлением: сколь многого в ней нет. Нет, прежде всего, полного подбора источников и их исчерпывающей характеристики. А ведь если бы таковая была, то ни для чего другого не осталось бы места и получилась бы совсем другая книга... <...> Очень мало использована литература вопроса. Библиография по всем затронутым темам могла бы вылиться в список многих сотен статей и книг. Но из тысяч мышей нельзя сделать одной лошади. Критерий достоверности находится не в словах, а в фактах, т.е. в исторических событиях, в их связи и последовательности, а то и другое в книге есть» (Гумилев Л.Н. Поиски... С. 381).

³⁵¹ Петров А.Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. №3. С. 36–59. С. 44.

сте оставленного критиком многоточия: «...собственной версии, в которой эти детали получают истолкование без гипотез и натяжек (курсив мой. – А.С.). Второй путь лучше»³⁵².

Очевидно, смысл и первого, и второго раскритикованных фрагментов из работ Гумилева заключается в том, что автор видит свою работу не в составлении максимально полной библиографии, а в собственном анализе проблемы. На самом деле, подобные высказывания обычны, когда автор стремится изложить собственную концепцию, а не сделать ряд поправок к уже имеющимся. В этом смысле находим прямую аналогию в словах А.А. Зими́на: «В предлагаемой вниманию читателя книге нет общего историографического очерка. Уж очень много в нашей литературе писалось о тех, кто осмысливал ход объединительного процесса на Руси. Это, однако, не означает, что автор игнорирует сделанное учеными в течение последних двух с лишним столетий...»³⁵³.

Приведенных примеров достаточно для подтверждения тезиса о недостаточном понимании критиками сути методологии Л.Н. Гумилева. Чтобы разобраться, насколько обоснованы их упреки, охарактеризуем и сам исторический метод Л.Н. Гумилева, и способы доведения информации о нем до коллег.

Методика исторических работ (историческая критика). Впервые Л.Н. Гумилев изложил свои методологические взгляды в печати в статье «Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии»³⁵⁴. Поданы они были как бы «между делом», в качестве введения к историко-географической концепции (см. ниже параграф 3.3). В итоге, несмотря на три страницы сплошного убористого текста, оригинальная историческая методология осталась незамеченной, хотя сама статья вызвала немало откликов, в основном, положительных³⁵⁵.

³⁵² Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 25.

³⁵³ Зимин А.А. Витязь на распутье. – М.: Мысль, 1991. С. 6.

³⁵⁴ Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. №1. С. 53–66. С. 54–57.

³⁵⁵ Приведем лишь некоторые ссылки на эту статью: Андрианов Б.А.[В.] Некоторые замечания по поводу статьи Л.Н. Гумилева... // История СССР. 1968. №1. С. 233–234. Семевский Б.Н. В редакцию журнала «История СССР» // История СССР. 1968. №1. С. 235. Шасколь-

Невнимание к одному из ключевых аспектов статьи заставило Гумилева вскоре вернуться к обоснованию своей методологии³⁵⁶. В новой статье («Место исторической географии в востоковедных исследованиях») он не просто повторил прежнюю аргументацию, а развил ее и придал изложению более структурированную форму. И снова коллеги обратили внимание не на то, на что статья направлена, а, как и в первом случае, на историко-географическую концепцию³⁵⁷ и на иллюстративную часть, которую только и подвергли критике³⁵⁸.

Тем не менее, несмотря на неудачу донесения до коллег части своих идей, уже в этих статьях Гумилев представил в целом свои основные методологические принципы.

Однако прежде чем анализировать сами эти принципы, необходимо снова заострить внимание на биографическом аспекте изучения научного наследия Гумилева. Без внимания к его личной биографии, особенно к раннему этапу становления Гумилева как ученого (см. также далее 2.1), невозможно правильное понимание истоков и эволюции основных его идей.

ский И.П. Историческая география // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. I. – Л.: Наука, 1968. С. 103. Шевеленко А.Я. Природный фактор и европейское общество V–X вв. // Вопросы истории. 1969. №10. С. 88–105. С. 88–89. Косарев М.Ф. О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири // Советская археология. 1972. №4. С. 19–27. С. 20. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы в Азии // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. С. 103. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М.: Наука, 1975. С. 85. Хазанов А.М. Социальная история скифов. – М.: Наука, 1975. С. 10, 14. Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия. – М.: Наука, 1977. С. 109. Во всех указанных работах (даже в монографии Л.Н. Пушкарева) принимается во внимание исключительно историко-географическая концепция Гумилева. Лишь в одной статье удалось найти ссылку на археологический аспект предложенной Гумилевым методологии: Эрлих В.А. Взаимоотношение человека и природы в бронзовом веке на территории Западной Сибири (обзор литературы) // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. С. 126.

³⁵⁶ Гумилев Л.Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // Народы Азии и Африки. 1970. № 1. С. 85–94. С. 91–94. История публикации этой статьи в форме анекдота рассказана африканистом А.К. Жолковским (Живя в чужих словах... С. 435–437).

³⁵⁷ Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. – Л.: Наука, 1987. С. 197. Исключение – статья младшего коллеги и друга Гумилева А.Н. Зелинского, в которой говорится: «Методической проблеме условного масштаба или заданной степени приближения в исторических и востоковедных исследованиях посвящена специальная статья Л.Н. Гумилева». См. Зелинский А.Н. Кушаны и махаяна // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. – М.: Наука, 1975. С. 223.

³⁵⁸ Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. С. 23–24.

Выше было показано, насколько обращение к лагерным рукописям Гумилева меняет устоявшиеся представления о возникновении его теории этногенеза. В этой ситуации первые его статьи 1960-х гг. по вопросам теории этноса предстают не началом разработки проблемы, как это выглядело для современников, а итогом почти тридцатилетних размышлений. Именно в этом проявилась подмеченная критиками манера Гумилева постулировать некоторые идеи, а не логически или фактологически их обосновывать. Хотя и это не совсем так, но доля правды в наблюдении присутствует – Гумилев излагал уже давно продуманное, подчас опуская промежуточные этапы, когда-то описанные им в лагерных рукописях³⁵⁹ и даже обсужденные в переписке с коллегами и друзьями (с В.Н. Абросовым, П.Н. Савицким, Б.С. Кузиным).

Всё то же характерно для методологической стороны взглядов Л.Н. Гумилева. Публикации 1960-х – начала 1970-х гг. явились итоговыми формулировками идей, самая ранняя письменная фиксация которых, что уже не удивительно, нашла место в лагерной рукописи будущей книги «Хунну». Но и там уже далеко не начинающий ученый³⁶⁰ записывал выводы, к которым пришел в результате размышлений и споров в предшествующие десятилетия³⁶¹.

Вероятно, как и в случае с несогласием с насаждавшейся в 1930-е гг. марксистской схемой классовой борьбы, когда студент Гумилев начал размышлять об иных способах объяснения исторического процесса, в результате чего пришел к формулированию идеи о пассионарности; так и в вопросе о предмете и методе исторической науки он сразу не мог довольствоваться исто-

³⁵⁹ Не зная о раннем (рукописном) этапе существования теории этногенеза, В.С. Бузин (Пассионарная теория этноса Льва Николаевича Гумилева. С. 3–4) верно описал проблему понимания ее логики на примере сравнения упомянутых ранних статей и, казалось бы, «итоговой» для теории монографии «Этногенез и биосфера Земли». На самом деле, как будет показано ниже (3.1), она в ряде своих частей даже архаичнее (и анахроничнее), чем предваряющие её статьи.

³⁶⁰ В 1955 г., находясь в заключении, Гумилев был 43-летним кандидатом исторических наук.

³⁶¹ Рукопись (не датирована): «История Серединной Азии в Средние века». Глава «Перипл Ханьхая (песчаного моря)». В частности, в главе говорится об опасностях различных «аббераций» (л. 12 – о несогласии с Марром), выведен принцип учета «масштаба исследуемой проблемы», сформулировано понятие «логики событий» (л. 21: метод отслаивания фактов, сообщаемых в источниках, от личных мнений авторов источников), приведена методологическая цепь («сбор материала», «критическая проверка», «анализ», «синтез»), а «критерием

рическим материализмом, в 1930-е гг. еще и деформированным господствующим в гуманитарных науках «марризмом» («палеонтология языка», «яфетическая теория», «новое учение о языке»). Тогда Гумилев и стал, как теоретически, так и эмпирическим путем – в своих ранних работах, от которых мало что сохранилось (см. ниже 3.1), нащупывать те способы обоснования исторического факта, поиска истины (и определения того, что может, вообще, называться «истиной»), которые бы соответствовали адекватному, *не искаженному марксистской или марристской догмами* описанию исторического процесса. Суть метода он уже тогда определил как «установление логики событий».

В качестве подтверждения столь ранних истоков основных представлений Л.Н. Гумилева об историческом методе можно привести характеристику, данную ему, еще студенту, академиком Е.В. Тарле. В разговоре с В.Н. Абросовым весной 1945 г. Анна Ахматова вспоминала: «Советов (не иметь детей – А.С.) мы с Николаем Степановичем не приняли. И что же мы видим? Евгений Викторович Тарле Лёвой очень доволен. Он говорил мне, что в России не чаще чем через 10 лет появляется один студент на страну с такими выдающимися способностями к истории, как у Лёвы»³⁶². В этой оценке явно речь шла о каких-то общих качествах юного Льва Гумилева как будущего историка, поскольку конкретные его и академика Е.В. Тарле интересы ни в какой части не смыкались.

Таким образом, методологические взгляды Л.Н. Гумилева, появившиеся как бы из ниоткуда в статьях рубежа 1960-х – 1970-х гг., на самом деле, прошли длительный путь своего формирования, начиная с первой половины 1930-

правильности вывода будет соответствие его наблюдаемым явлениям» (л. 17). Один из тезисов представляет парафраз «принципа неопределенности»: «...чем больше индивидуальная особенность явления, тем меньше его классификационная общность и наоборот. Это определяет принципиальную неточность любого нашего суждения» (л. 18), – что в очередной раз подтверждает ранний, никак не связанный с модой 1960-х гг., интерес Гумилева к естественным наукам. Из всей главы в книгу «Хунну» попал лишь один фрагмент (лл. 4а–9), легший в основу параграфа «О древнекитайской методике исторического повествования» (Гумилев Л.Н. Хунну. С. 59–62).

³⁶² Прохоров Г.М. О письмах Льва Николаевича Гумилева к матери брата, к другу и к брату // Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 15.

х гг. и, по меньшей мере, к середине 1950-х гг. были в основном уже сформулированы³⁶³.

Самое раннее обнародование методологических взглядов (из-за задержки в печати не самая ранняя публикация) связано с выступлением Гумилева в прениях по докладу Б.Ф. Поршнева «Мыслима ли история одной страны?», которое состоялось 25 ноября 1964 г. на заседании сектора методологии истории Института истории АН СССР³⁶⁴. Об этом докладе много лет спустя Гумилев вспоминал: «В современной советской историософии сформулированы два тезиса, на первый взгляд исключают друг друга "Мыслима ли история одной страны", с ответом "нет", и "Всемирная история существовала не всегда!" – с вопросом "а когда?". <...> Однако оба эти тезиса правильны и совместимы»³⁶⁵. В обсуждении доклада Б.Ф. Поршнева Гумилев предельно ясно обозначил свои методологические позиции³⁶⁶.

³⁶³ Характерное суждение из критической заметки В.А. Шнирельмана: «По сути, своих оригинальных идей у него почти что не было. Но, чтобы это понять, нужно хорошо знать историографию проблемы. Известно, что Гумилев сутками просиживал в Государственной публичной исторической библиотеке, где читал массу *старой литературы XIX – начала XX вв.* (курсив мой. – А.С.), откуда и брал многие свои идеи» (Алымов С.С. и др. Этнос *post-mortem*... С. 120). Цитата примечательна не только «москвациентризмом» (конечно же, «просиживал сутками» Гумилев не в Исторической библиотеке в Москве, а в библиотеках Ленинграда – Публичной, Географического общества и Академии наук), но и анахроничным восприятием биографии Гумилева. Называть «старой» литературу XIX – начала XX вв. естественно в 2022 г. Однако любая ныне старая книга когда-то таковой не была. Так, для 1930-х гг. даже издания конца XIX в. сложно отнести к категории совсем уж «старых». Например, монография В.А. Шнирельмана «Происхождение скотоводства» издана в 1980 г., т.е. те же четыре десятилетия назад, что и книги над которыми Гумилев сидел в середине 1930-х гг. До 1936 г. был жив О. Шпенглер, книгу которого Гумилев еще при жизни автора мог читать, бывая в гостях у Э. Герштейн или у Мандельштамов, «зачитавших» у последней «Закат Европы» (Герштейн Э. Мемуары. С. 711–712). Главная на протяжении десятилетий для Гумилева книга по истории степи на русском языке «Западная Монголия и Урянхайский край» (т. II) Г.Е. Грумм-Гржимайло и вовсе вышла только в 1926 г. Таким образом, взгляды Гумилева в 1930-е гг. формировались на основе *недавней* и *новейшей* для *своего времени* литературы. И вот этот *фактор времени* при анализе научного наследия Гумилева никогда нельзя забывать.

³⁶⁴ Поршнев Б.Ф. Мыслима ли история одной страны? // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения / отв. ред. М.Я. Гефтер. – М.: Наука, 1969. С. 301–316.

³⁶⁵ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 28.

³⁶⁶ Из выступлений при обсуждении доклада Б.Ф. Поршнева // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения / отв. ред. М.Я. Гефтер. – М.: Наука, 1969. С. 317–325.

Приведем наиболее важные фрагменты выступления (номера страниц указаны в тексте):

«Во второй половине XX в. потребность в использовании точных данных истории выросла необычайно, но методика исследования осталась в ряде отношений на уровне XVIII в.³⁶⁷ Развилось стремление к предельному сужению темы, чтобы описать предмет как можно обстоятельнее. При этом... опускается необходимая привязка того или иного факта к ходу истории на широкой площади. <...> ...древний автор писал для людей своего времени, имевших иную систему ассоциаций, и, значит, улавливавших из текста совсем не то, что может вычитать современный ученый. <...> Филологическая критика не спасает, ибо она ставит целью лишь установление того, что говорил древний автор, а не того, что было на самом деле; историческая критика... позволяет лишь уточнить детали события, но не уяснить его место, и тем более значение, во всемирной истории. Значит ли это, однако, что историческими данными вообще пользоваться нельзя? Ни в коем случае! Можно и следует, но с обязательным учетом ряда обстоятельств. Прежде всего за основу следует брать не публикацию источников, а канву событий, отслоенных и очищенных от первичного изложения. Только тогда становится ясна соразмерность фактов, когда они сведены в причинно-следственный ряд *в одном масштабе* (выделено автором – А.С.). При этом также исключается тенденциозность источника и его малая осведомленность. Вместе с тем появляется возможность находить "белые пятна" в истории и заполнять их при помощи метода интерполяции. Если исходить из неоспоримого (с. 323) положения, что сходные причины дают однотипные следствия, то, обнаруживая следствие, можно восстановить причину³⁶⁸. Это бывает необходимым, если источник о ней умолчал или вовсе

³⁶⁷ Через двадцать лет Гумилев писал о том же подробнее: «В начале XIX в. во всей Европе историография вступила в фазу зрелости, при которой критический подход к накопленным сведениям сменяет эрудитскую школу, характерную для XVII–XVIII вв. Так, во Франции Огюстен Тьерри опередил не только ... аббата Лебо, но и своего брата Амедея, написавшего историю гуннов, состоящую из списка событий, извлеченных из трудов древних авторов, а потому ныне потерявшую значение» (Гумилев Л.Н. Трагедия на Каспии и Повесть временных лет // Литература и искусство в системе культуры. – М.: Наука, 1988. С. 116).

³⁶⁸ Это положение соответствует концепции «общих законов». Ср. Гемпель К. Мотивы и «охватывающие законы» в историческом объяснении // Философия и методология истории.

утрачен. Даже при этих, на первый взгляд безнадежных, обстоятельствах можно начать целенаправленные поиски причин событий, до сих пор остававшихся необъясненными (с. 324). Особо остро стоит вопрос о пользовании библиографией. В XX в. поток информации идет столь мощной струей, что совместить чтение старой и новой литературы по широкой теме невозможно. Выход надо искать в подражании точным наукам, где обычно опускается история вопроса, а тема разрабатывается на основе последних обобщающих работ³⁶⁹ (с. 325)».

Таким образом, разработанная Гумилевым методика исторических исследований сводилась к следующему: отслаивать факты, приводимые в источниках, от авторских оценок и проводить исследование на основе комплексного подхода с учетом многих факторов (в противовес традиционному «погружению» в источник). Реконструированная таким способом логика событий может противоречить конкретному источнику, но, вероятно, будет ближе к действительности. Последнее положение объяснялось Гумилевым так: в случае упоминания в каком-либо источнике цифр (численность населения и войска, площадь территорий, расстояния) их принято проверять, и, как правило, они редко подтверждаются, потому что понятия точности в древности не соответствовали современным. Понятно, что мнения летописцев проверить труднее, чем приводимые ими цифры, но если последние зачастую фантастичны, то вряд ли это свидетельствует в пользу достоверности первых.

Интересно, что Б.Ф. Поршнев откликнулся на один из приведенных Гумилевым в ходе выступления примеров: «Недавно историком Л.Н. Гумилевым была указана важная причина слабости русской армии у Смоленска (в войне 1632–1634 гг. – А.С.): противоречия между ногайцами-мусульманами и калмыками (джунгарами)-буддистами; эти распри уводят нас далеко в недра ази-

– М.: Прогресс, 1977. С. 72–93. Книга есть в библиотеке Гумилева, но дата ее выхода исключает возможность любых заимствований, и можно лишь говорить о конвергенции взглядов советского историка и германо-американского философа.

³⁶⁹ Это и есть источник будущей метафоры о «мышях и лошади».

атских владений Московского государства»³⁷⁰. Экземпляр книги, откуда взята эта цитата, хранящийся в библиотеке Л.Н. Гумилева, имеет знаковую дарственную надпись: «Льву Николаевичу Гумилеву в знак большой, от души – разума, симпатии – на память о наших разных встречах. Б. Поршневу. 12.XI.70».

Вслед за названными публикациями Гумилев выпустил монографию «Поиски вымышленного царства», в которой свел в единую систему высказанные ранее частные и общие методологические принципы. В предисловии к книге С.И. Руденко коснулся авторского метода: «В смысле быстроты получения надежного результата он относится к существующим методам, как алгебра к арифметике. Для того чтобы обычными методами достичь того, что сделано в данной книге, пришлось бы написать минимум четыре монографии, доступные только узкому кругу специалистов, и затратить на это всю жизнь. <...> Он вкратце может быть охарактеризован как применение исторической дедукции к накопленному материалу в отличие от общепринятого индуктивного метода»³⁷¹.

Уже обращалось внимание на сходство методологических взглядов Гумилева и одного из виднейших английских философов XX в. Р.Дж. Коллингвуда. Первым это отметил С.Б. Лавров, но свое наблюдение не развил, хотя сформулировал главное: Гумилев выступал против того же, что и Коллингвуд, – чрезмерного доверия источникам и конструирования истории на их некритичном восприятии³⁷². Н.М. Дорошенко, также верно отметившая сходство взглядов обоих, пришла к ошибочному заключению, что «Л.Н. Гумилев в силу известных причин не читал Коллингвуда (по крайней мере, в его списках литературы данный автор не значится) и, следовательно, не зная его "логики", он самостоятельно пришел к проблемному методу»³⁷³. На самом деле книга Коллингвуда

³⁷⁰ Поршневу Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. – М.: Наука, 1970. – 390 с. С. 337.

³⁷¹ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 6.

³⁷² Лавров С.Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. – М.: Айрис-пресс, 2003. С. 289.

³⁷³ Дорошенко Н.М. О методологическом наследии Л.Н. Гумилева // Петербургские исследования. Альманах – 2010 – № 2 – С. 190-212. С. 192.

по-прежнему находится в домашней библиотеке Гумилева. Другое дело, что ее единственное русское издание вышло в 1980 г.³⁷⁴, т.е. значительно позже основных публикаций Гумилева о методе.

Однако полностью исключить раннее знакомство Гумилева с идеями Коллингвуда нельзя. Например, что-то он мог почерпнуть из монографии И.С. Кона, хотя основной упор в ней сделан на критику философско-исторической концепции Коллингвуда, а его методологические взгляды практически не освещены³⁷⁵. Философские взгляды Коллингвуда также анализировались А.С. Богомоловым³⁷⁶. Кроме того, Гумилев был хорошо знаком с М.А. Кисселем – советским исследователем творчества Коллингвуда, при участии которого вышел перевод «Идеи истории»³⁷⁷.

Все это говорит в пользу того, что Гумилев о Коллингвуде, по крайней мере, знал и имел какое-то представление о его взглядах еще до выхода на русском языке его книги. Но поскольку полноценно познакомиться с методологическими взглядами Коллингвуда до 1980 г. Гумилев не мог, к схожим идеям он пришел действительно независимо. Методологические взгляды Гумилева, таким образом, можно считать вполне оригинальными.

Схождения между Гумилевым и Коллингвудом поразительны – от высказываний, близких по логике и смыслу до близких текстуально. Мы сопоставили фрагменты из книг и статей Гумилева с наиболее близкими, по нашему мнению, местами книги Коллингвуда. В результате, получилась таблица. По

³⁷⁴ Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории. Автобиография.* – М.: Наука, 1980.

³⁷⁵ Кон И.С. *Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли.* – М.: Соцэкгиз, 1959. С. 166–171. Книга снабжена дарственной надписью («Глубокоуважаемому Льву Николаевичу Гумилеву от автора <Подпись> 10.XII-59») и, как видно, была в распоряжении Гумилева задолго даже до выступления по докладу Б.Ф. Поршнева.

³⁷⁶ Богомолов А.С. *Английская буржуазная философия XX века.* – М.: Мысль, 1973. С. 94–102. Дарственная надпись: «Льву Николаевичу Гумилеву с глубоким уважением от автора. А. Богомолов. 20.VI-76».

³⁷⁷ В библиотеке Гумилева хранится книга М.А. Кисселя «Судьба старой дилеммы» (М.: Мысль, 1974) с необычной дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Льву Николаевичу – живому наследнику великой традиции на добрую память. М. Киссель. 24/II.1975». Контакты Гумилева на протяжении десятилетий (что подтверждают приведенные даты дарственных надписей) с философами Ленинграда и Москвы примечательны сами по себе. Тем более удивительно, что они никак не отражены во многочисленных воспоминаниях о Гумилеве и не затронуты ни в одной из его биографий (не считая упоминаний об общении с А.В. Гулыгой и Ю.М. Бородаем).

причине значительного объема она вынесена в Приложение (приложение 1), но ее следует рассматривать как интегральную часть данного параграфа.

Кратко суммируем выводы, сделанные на основе сопоставления. Первое принципиальное сходство обнаруживается в критике компилятивного историкования или «метода ножниц и клея», представляющего «донаучную форму истории»³⁷⁸. Коллингвуд так объяснял его возникновение: «...мировая история не могла быть создана на основе свидетельств непосредственных очевидцев событий, поэтому требовался новый метод, а именно компиляция. Было необходимо сконструировать лоскутную историю, материалы для которой брались у "авторитетов"... Это то, что я называю историческим методом "ножниц и клея". Он состоит в извлечении требуемого материала у писателей, труды которых не могут быть проверены..., потому что очевидцы событий, принимавшие участие в создании их трудов, уже умерли. <...> Но к нему вообще нельзя было обращаться, не будучи уверенным, что тот или иной авторитет является хорошим историком»³⁷⁹.

О том же писал Гумилев еще до начала широкого обоснования своего метода: «Подход, основанный на буквальном восприятии текста, неправилен принципиально. Сообщения разных авторов, даже очевидцев, никогда не могут совпасть: один замечает одно и суммирует прочее, другой – наоборот. К тому же описания составлялись по памяти, много лет спустя, с разными целями и разными настроениями. Расхождения неизбежны, а истина может быть установлена путем исторической критики и анализа ситуации в целом, а не путем сличения фраз и грамматических форм источника»³⁸⁰.

Вторая черта, сближающая обоих, – уподобление работы историка детективу, который, не принимая на веру никакие показания источников, должен устраивать им «допрос». Гумилев предложил для «допроса» четыре пункта:

³⁷⁸ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. С. 138.

³⁷⁹ Там же. С. 34.

³⁸⁰ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 334.

«Итак, методическая цепь четырехчленна: 1) как (написано)? 2) что (было на самом деле)? 3) почему (произошло именно так)? и 4) что к чему?»³⁸¹.

Вообще, сравнение с детективом не уникально и приходило на ум и другим крупным историкам³⁸². Это не значит, что кто-то у кого-то аналогию с детективом заимствовал. Близость примеров – результат общности мыслей авторов, в разное время и независимо ставивших перед собой одну и ту же задачу, заключающуюся в поиске более объективного критерия, чем простое цитирование источника. По Гумилеву, критерием истинности, должна стать отслоенная от мнений древних авторов логика событий. Коллингвуд, в свою очередь, утверждал, что при отрицании логики событий изучение истории вообще невозможно: «Если временной ряд – просто совокупность несвязанных событий, мы никогда не смогли бы доказывать от настоящего к прошлому»³⁸³.

Третья черта, объединяющая взгляды Гумилева и Коллингвуда, – попытка сблизить методы истории с методами естественных наук. Хотя Коллингвуд говорил об автономии и самодостаточности истории, не нуждающейся в заимствованиях из других областей знания, а Гумилев настаивал на выделении из истории этнологии, пользующейся естественнонаучными методами, сопоставление высказываний обоих доказывает, что противоречие здесь мнимое. Это же подтверждает М.А. Киссель: «...как это ни может показаться странным..., Коллингвуд подчеркивает общность логико-методологической процедуры в естествознании и исторической науке. Поскольку история является наукой, ее

³⁸¹ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 17.

³⁸² Блок М. Апология истории. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1986. С. 30, 38–39 (о задавании вопросов), 47. Кон И.С. Философский идеализм. С. 192 (рассматриваются взгляды П. Гардинера, также сравнивавшего историка со следователем). Интересно, что на эту страницу Гумилев ссылался, но по другому поводу. Ср. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. С. 256, 352. Почти одновременно с выходом «Поисков вымышленного царства» В.Л. Янин в предисловии к научно-популярной книге археолога М.Х. Алешковского также заметил, что «историческое исследование сродни следствию» (Алешковский М.Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. – М.: Наука, 1971. С. 6), а сам автор посвятил одну из глав проблеме сознательных умолчаний в источниках. Гумилева неизменно упрекают за «додумывание» фактов, отсутствующих в источнике, но вот что писал его младший коллега по Эрмитажу: «Важно исследовать не только то, о чем летопись говорит, но и то, о чем она молчит и молчит иногда довольно упорно, несмотря на показания других источников...» (Там же. С. 83). Книга есть в личной библиотеке Гумилева.

³⁸³ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории... С. 106.

методология совпадает с методологией естествознания. <...> На эту тему Коллингвуд высказывался неоднократно и совершенно недвусмысленно. Логическая природа метода в обоих случаях одинакова»³⁸⁴.

В борьбе с «донаучными» методами изучения истории Коллингвуд и Гумилев имели известного предшественника – итальянского историка и философа Бенедетто Кроче. Иногда Коллингвуда не совсем справедливо называют его последователем³⁸⁵. Но если это и рассматривалось в советское время как недостаток, поскольку борьба с крочеевством считалась «насушной задачей итальянских марксистов»³⁸⁶, то теперь для этого нет никаких оснований. То, что Коллингвуд называл «ножницами и клеем», а Гумилев – «преодолением филологии», у Кроче обозначается понятием «филологическая история»: «Филологическая история сводится к слиянию многих книг или их частей в новую книгу, то есть к процессу, который в нашем языке определяется термином "компиляция"»³⁸⁷.

Кроче признавал за компиляциями (у Гумилева «сводная историческая литература») определенную пользу: «...они избавляют от труда перерывать горы книг, – однако никакой исторической мысли не содержат». Метод таких работ не позволяет считать их чем-то большим, чем простой копией источников: «...история, построенная на обращении с источниками как с вещью, и есть ни что иное, как переписывание источников с дополнениями, сокращениями или изменениями..., с упорядочением цитат, что иной раз выражает стремление к точности..., а чаще – желание убедить себя и других в том, что... процитированный документ и есть твердая почва истины».

Стоит, однако, обратить внимание на то, что именно Гумилев изначально понимал под «филологической историей». Здесь истоки были иными, нежели у Кроче или Коллингвуда. Под «филологической историей» на этапе формиро-

³⁸⁴ Киссель М.А. Р.Дж. Коллингвуд – историк и философ // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. С. 454.

³⁸⁵ Киссель М.А. Р.Дж. Коллингвуд – историк и философ. С. 421. Кон И.С. Философский идеализм. С. 166.

³⁸⁶ Там же. С. 165-166.

³⁸⁷ Кроче Б. Теория и история историографии. – М., 1998. С. 18. Все цитаты далее взяты с этой же страницы.

вания своих методологических взглядов Гумилев понимал, в первую очередь, «марризм», от неприятия которого, как уже говорилось, он во многом исходил. По причине потери актуальности дискуссии положения о неприятии «марризма» не вошли в публикации Гумилева, но они присутствуют в рукописях. Приведем один характерный фрагмент из будущей статьи об эфталитах³⁸⁸, частично перечеркнутый самим автором: «Слово, выдернутое из контекста, и историческая персона, оторванная от времени и места, вот причины заблуждений, характерных для школы Н.Я. Марра. Я предпринял этот экскурс для того, чтобы указать будущим востоковедам на опасность увлечения лингвистическим методом. Читая новое слово в тексте, нужно думать не столько, как оно звучит, а что оно значит»³⁸⁹.

Гумилев был уверен, что его метод не будет принят³⁹⁰, когда писал: «Спешу договорить, дабы предупредить возможную – нет, неизбежную – критику, основанную на неполном понимании моего подхода. Я не против повторения переводов старинных текстов, даже больше – я за него, но считаю непозволительной роскошью не отдавать себе отчета в том, что именно может принести такая, очень большая и сложная работа»³⁹¹. В конце книги он излагает возражения, высказанные приятелем-филологом после выхода одной из предваряющих книгу статей, и свои ответы на них. Если этим собеседником Гумилева был и не Я.С. Лурье³⁹², то, во всяком случае, ученый, стоящий на тех же позициях.

³⁸⁸ То, что вошло в публикацию с цитируемой страницы рукописи: Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник древней истории. 1959. № 1. С. 133.

³⁸⁹ «Гумилев Л. Древняя история Серединной Азии. Интерлюдия <первоначальное название «Опыт истории Хунну. Часть I. Глава II» зачеркнуто>. Среди неясного и нерешенного. Ди и динлины. Февраль 1955». Параграф «Загадочный народ», л. 35а.

³⁹⁰ И был прав. Ср. Шнирельман В.А., Панарин С.А. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? С. 7–12. Примечательно, что раздел статьи, красноречиво озаглавленный «Гумилев и источники: "отслоение фактов" вместо научной критики», не содержит упоминаний о том, где именно эта методика «отслоения» была Гумилевым представлена. Во всей статье, в принципе, нет ни единой ссылки на «Поиски вымышленного царства».

³⁹¹ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 17.

³⁹² Судя по язвительной реакции, Я.С. Лурье распознал себя в неназванном оппоненте Гумилева: Лурье Я.С. К истории одной дискуссии // История СССР. 1990. №4. С. 128–132. С. 130, 132 (примечание 11).

Вопреки аксиоматическому убеждению критиков Гумилев нигде не отвергал источниковедения. Напротив, он предлагал очень тонкую методику работы с источниками, более сложную, чем простое их цитирование. Она была продемонстрирована Гумилевым на примере анализа «Тайной истории монголов»; но ни ее саму, ни ее результаты отечественные востоковеды фактически не заметили³⁹³, тогда как в мировой науке именно эта часть «Поисков вымышленного царства» была воспринята с большим интересом³⁹⁴.

Общеисторическая методология. Не только обнажением проблемы преодоления филологии в историческом исследовании Гумилев встал наравне с классиками исторической методологии. По сравнению со своими выдающимися предшественниками Гумилев сделал существенный шаг, предложив выход из спора с «филологической историей».

Гумилев предложил «панорамную» методику исторического исследования: «Но прежде чем излагать историю страны или народа, надо увидеть ее самому, а смотреть тоже можно по-разному: *с птичьего полета, с вершины холма, из мышиной норы* (выделено нами – А.С.). В каждом случае мы что-то

³⁹³ В рецензии на английский перевод книги специально отмечалось: «Любопытно, однако, что доступная по-русски еще с 1970 г. она нечасто цитировалась. Возможно, ее появление на английском языке изменит это». См. Golden P.B. Review of 'L.N. Gumilev. Searches for an imaginary kingdom...' // *The Journal of Asian Studies* 1990. №49, pp. 121–122. Только после смерти Гумилева его исследования «Тайной истории» были учтены в общем обзоре работ. См. Кляшторный С.Г., Яцковская К.Н. Предисловие // *Mongolica: К 750-летию сокровенного сказания.* – М.: Восточная литература, 1993. С. 4. В том же сборнике отмечается, что Гумилевым дан «очень и интересный и важный подход историка к изучению "Юань-чао би-ши"», «впервые ставится вопрос о достоверности этого сочинения, о том, какова была цель его написания, чьи интересы выражал его автор». См. Яхонтова Н.С. История изучения «Юань-чао би-ши» в России и СССР // *Mongolica* ... С. 23-24.

³⁹⁴ Так, венгерский востоковед Дьёрдь Кара в рецензии на английский перевод «Тайной истории монголов» как об общем месте упоминает, что, «по словам Льва Гумилева», эта эпическая хроника является «политическим памфлетом». См. Kara Gy. Review of Igor De Rachewiltz 'The Secret History of the Mongols' // *The Journal of Asian Studies*. 2005. №64. Pp. 742–744. P. 742. Автор перевода, монголовед из Австралии Игорь де Рахевилц, считал взгляд Гумилева на «Тайную историю» «всесторонним и пронизательным» («thorough and perceptive»). См. Rachewiltz Igor de. *The secret history of the Mongols: a Mongolian epic chronicle of the thirteenth century.* T. I. – Leiden-Boston: Brill, 2004. P. XXXIX. Нелишне отметить, что три названных зарубежных исследователя были связаны с русской культурой (Д. Кара одно время работал в Ленинградском отделении Института востоковедения, П. Голден и И. де Рахевилц – потомки выходцев из дореволюционной России), и в восприятии текстов Гумилева им не требовался дополнительный смысловой перевод, чего иным их западным коллегам явно не доставало.

заметим, а что-то упустим, но совместить все три уровня рассмотрения невозможно. Следовательно, приходится выбирать тот, который нам нужен в данный момент»³⁹⁵. Сочетание этих трех уровней/масштабов рассмотрения проблемы, по мнению Гумилева, позволит не впасть в мелочеведение, «при котором теряется сам предмет исследования».

Предшественники Гумилева также исходили из общих посылок, которые должны предшествовать изучению темы. Так, Коллингвуд говорил об «априорном воображении» как о некоем общем представлении о предмете, без которого было бы невозможно находить связи между событиями³⁹⁶. Конкретные возражения против «мелочеведения», которое Коллингвуд называл «атомарным подходом», сводились к тому, что оно дает только сумму фактов, а не научное знание³⁹⁷.

Марк Блок предлагал нечто подобное панорамной методике Гумилева, но только во временном аспекте. По его мнению, изучать тему «от истоков» неправильно, поскольку это предполагает исходить из, как правило, неизвестного³⁹⁸. Блок предложил идти от достоверно известного, что зачастую совпадает с более близкими нам эпохами. Блок использовал аналогию с киноплёнкой, в которой лучше всего сохранился последний кадр, поэтому ее и приходится раскручивать в обратную сторону. При достоверном знании результатов, отыскать их причины куда легче. В этом и заключается *дедуктивный метод* познания истории, следуя которому историк исходит из имеющийся перед ним картины, в которой уточняет детали и связи между событиями. Порок противоположного ему, индуктивного, метода в том, что, отказываясь от построения общей схемы и подбирая каждый новый факт по отдельности, никогда нельзя быть уверенным, что следующий факт не перевернет или не обесмыслит представления, основанные на предыдущих*.

*Биограф Гумилева, С.С. Беляков, выступающий зачастую на стороне критики, сочувственно отзываясь о «конкретно-историческом методе» К.В. Васильева (автора разгромной ре-

³⁹⁵ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С 19.

³⁹⁶ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории... С. 229-231.

³⁹⁷ Там же. С. 286.

³⁹⁸ Блок М. Апология истории. С. 28-29.

цензии на «Хунну»), в котором тот якобы следовал примеру выдающегося египтолога Ю.Я. Перепелкина, утверждавшего: «Я историк, а не социолог. <...> Когда я вижу на фресках египетских пирамид изображения петухов и не вижу изображений кур, то я и пишу лишь о петуховодстве»³⁹⁹. Это, конечно, не «конкретно-исторический метод», а доведенный до крайности позитивизм. Однако следует учесть, что цитата передана через вторые руки⁴⁰⁰. Мы не знаем, воспринимал ли сам К.В. Васильев эти слова буквально, но можно усомниться, что Ю.Я. Перепелкин вкладывал в эту шутку «конкретно-историческое» содержание⁴⁰¹. Скорее всего в его высказывании отразилось нежелание теоретизировать относительно характера социального строя Древнего Египта, в наличии в котором развитого рабовладения он сомневался⁴⁰². Что касается собственно исторического метода Ю.Я. Перепелкина, есть все основания сблизить его с методом Гумилева. В научно-популярной книге «Тайна золотого гроба» (есть и в библиотеке Гумилева) он, основываясь лишь на косвенных данных, доказал существование побочной жены Эхнатона. Но уже на следующий год после выхода книги в ФРГ были опубликованы «сотни изображений и надписей... Эти... памятники самым непосредственным образом касались Кэйе – соперницы царицы Нефр-эт. Обычно подобная ситуация означает для специалиста трагедию, ибо новый обильный археологический материал рушит как карточный домик его построения. В случае с Юрием Яковлевичем этого не произошло. Изображения и надписи из Шмуна не только не опровергли ни одной страницы из "Тайны золотого гроба", но, наоборот, подтверждали правильность написанного»⁴⁰³. Это и есть подлинное мастерство историка, заполнившего «белое пятно» без фактических данных, появление которых догадку полностью подтвердило. С позиций «петуховодства» подобное открытие было бы невозможно.

Крупный вклад Гумилева в науковедение состоит в том, что он предложил *новую общегуманитарную методологию*. Необходимость ее обосновывалась так: «Горько сказать, но большая часть бесплодных споров происходила оттого, что исторические процессы хотели видеть одним глазом с уменьшением, допустим, в 1000 раз, а другим – с увеличением примерно в 850 раз, просто душно полагая, что таким образом будет достигнуто какое-то среднее искомое приближение. Не отсюда ли многовековой спор между методиками, школами, подходами и т.д.»⁴⁰⁴. Для решения проблемы нахождения нужного масштаба исследования Гумилев предложил рассмотреть пять уровней приближения к изучению прошлого, каждый из которых предполагал свой предмет и метод исследования.

³⁹⁹ Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева. С. 335.

⁴⁰⁰ С.С. Беляков на источник не ссылается, а он следующий: Степугина Т.В. Предисловие // Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. – М.: Восточная литература, 1998. С. 11.

⁴⁰¹ Хотя о петухах он действительно писал, но решить, что первично, шутка или текст, не представляется возможным. См.: Перепелкин Ю.Я. История Древнего Египта. – СПб.: «Летний Сад» – «Нева», 2000. С. 247.

⁴⁰² Вассоевич А.Л. О Юрии Яковлевиче Перепелкине и его научных открытиях // Перепелкин Ю.Я. История Древнего Египта. С. 25–27.

⁴⁰³ Там же. С. 53–54.

⁴⁰⁴ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 20. Далее ссылки в тексте.

Используя приближение №1, писал Гумилев, «мы увидим огромную спираль – путь исторического развития. Нижний ее конец теряется в... пещерах, где высокие смуглые люди делили тушу мамонта... <...> Верхний конец уходит в будущее... Наша письменная история – всего один виток этой гигантской спирали» (с. 20). Это самый общий уровень – «достояние всемирно-исторической методики. Культурно-историческая школа по отношению к этим закономерностям бессильна. Она просто их не замечает...» (с. 21). Законной сферой последней будет приближение №2: «Сразу пропадет спираль и останется только один ее виток длиной около 5 тыс. лет, который будет восприниматься как прямая линия. Но эта линия прерывиста, как будто она состоит из переплетения разноцветных нитей, концы которых заходят друг за друга. Это те самые исторические культуры, которые то и дело сменяют друг друга, веками сосуществуя на поверхности планеты» (там же).

Сферу применения всемирно-исторических концепций Гумилев очерчивал так: «В первом приближении мы наблюдаем три нити... общечеловеческого развития: демографический взрыв, технический прогресс и смену социально-экономических формаций» (с. 20). Отличие культурно-исторических концепций в следующем: «Тут уж нельзя говорить об одном процессе. Наоборот, наблюдается переплетение разных процессов с инерционной кривой развития: быстрый подъем, короткая стабилизация в зените и постепенный упадок...» (с. 21). Таким образом, «вкусное» предпочтение первой или второй школы бессмысленно – они *не взаимозаменяемы*. Выбор одной из них диктуется лишь масштабом предметной области исследования. Значит, они находятся не в противостоянии, а, напротив, дополняют друг друга. Борьба между ними (кроме прочих обстоятельств) объясняется попытками распространения той или другой на чуждую сферу или масштаб.

Следующие три приближения дают значительно более детальные образы. Приближение №3 отвечает на вопрос Б.Ф. Поршнева «мыслима ли история одной страны?», между прочим, поставленный, пусть и не в такой четкой форме, еще Тойнби. Последний в поисках единицы отсчета для своей теории показал

на примере Англии невозможность познания истории одной европейской страны изолированно от других европейских стран. Гумилев же писал: «Сдвинем рычаг историоскопа на приближение №3 и увидим только одну культуру, переживающую свою юность, зрелость и старость. Перед нами предстанет картина социальной борьбы. <...> Но каждая культура будет видна отдельно, все остальные окажутся для нее только фоном, объясняющим отдельные события политической истории, но не собственные ее ритмы» (с. 22).

Приближение №4 применимо для конкретных событий: «...мы увидим уже не всю историю культуры как целого, а только отдельную эпоху. Социальные противоречия станут расплывчаты, а отчетливы и выпуклы характеры и судьбы отдельных людей. <...> Фоном станет эпоха, которую рассматривали в предыдущем приближении как основную и конечную цель изучения» (там же). Наконец, приближение №5 выходит, за пределы собственно истории: «...в поле зрения оказывается один человек. <...> Если этот человек Пушкин – возникнет пушкиноведение, если Шекспир – шекспириология. Но здесь история смыкается с биографическим жанром и перестает быть сама собой» (там же).

В итоге, «шкала приближений» Гумилева снимает противоречие не только между глобальными концепциями (всемирно-исторической и цивилизационной), но и между «научной» и «филологической» историями. Область применения последней – пятый уровень. Все споры между ее представителями и представителями других областей истории имеют одну и ту же причину – несоответствие притязаний заданному масштабу. «Филологическая история» в принципе отрицает два первых приближения и стремится занять три остальных, что при ее методике невозможно. Несоответствие используемого метода масштабу темы Гумилев охарактеризовал аллегорически: «Вряд ли целесообразно наблюдать звездное небо в микроскоп» (с. 61).

Этого не осознавал Коллингвуд, когда утверждал, что широкие обобщения ничего не дают для понимания конкретного факта, и потому доказывал их бессмысленность⁴⁰⁵. Главным их недостатком он считал «экстраполяцию зако-

⁴⁰⁵ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории... С. 212.

номерностей»: «Любая достаточно большая подборка фактов... обнаруживала изобилие всякого рода закономерностей, а экстраполяция этих закономерностей в отдаленное прошлое, о котором было известно очень мало, и в будущее, о котором вообще ничего не было известно, давала представителю "научной" истории как раз то чувство собственного могущества, в котором ему отказывала история клея и ножниц»⁴⁰⁶.

На это, критикуя не самого Коллингвуда, а других западных философов, выступавших против обобщений, Гумилев замечал: «При сборе первичных сведений степень точности мала, но при прослеживании долго идущего процесса случайные ошибки взаимно компенсируются, благодаря чему можно получить описание, удовлетворяющее практической задаче – пониманию эпохи»⁴⁰⁷. Для преодоления экстраполяций Гумилев предлагал учитывать «абerrации» – близости и дальности. Смысл первой в том, что близкие по времени события в силу большого числа известных подробностей заслоняют целостную картину. Вторая абerrация заключается в ошибочном представлении, «что время... в прошлом, шло медленнее, чем сейчас»⁴⁰⁸, отчего возникла концепция ускоряющегося времени.

Пять приближений к изучаемому предмету или теме, предложенных Гумилевым, имеют *общегуманитарный* характер и не в одинаковой степени применимы к истории. Для конкретного исторического исследования наиболее плодотворным Гумилев считал сочетание трех промежуточных приближений: 2,5 («с высоты птичьего полета»), 3,5 («с вершины холма или кургана»), 4,5 («из мышиной норы»). Сочетание этих уровней объединяет и упорядочивает в единую иерархию методов филологическую критику, политическую историю, цивилизационный и всемирно-исторический подходы.

Итак, Л.Н. Гумилевым сделано методологическое открытие, которое заключается в том, что исследователю необходимо соизмерять масштаб изучаемой проблемы с используемыми методами. Во избежание абerrаций избран-

⁴⁰⁶ Там же. С. 252.

⁴⁰⁷ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. С. 353.

⁴⁰⁸ Там же. С. 347-348.

ный масштаб необходимо максимально выдерживать, иначе одно событие (проблема, аспект) окажется незаслуженно преувеличено, другое, напротив, – приуменьшено. Это открытие представляет истинную, а не пиррову победу над мелочеведением, что с сожалением констатировал М.А. Киссель для предложенного Коллингвудом метода «про-игрывания» мыслей⁴⁰⁹.

Рассмотрев в начале параграфа примеры отрицательного и предвзятого отношения к методологии Л.Н. Гумилева, необходимо в завершение сказать о положительных примерах ее восприятия. Они немногочисленны и довольно-таки избирательны. Так, из всего богатого теоретико-методологического комплекса идей только сочетание трех уровней рассмотрения проблемы было принято на вооружение рядом историков.

Археолог Д.Г. Савинов цитирует фрагмент из «Поисков вымышленного царства», где предлагается сочетание указанных трех уровней, после чего заключает: «Нечто подобное нам хотелось применить и при рассмотрении оленных камней»⁴¹⁰, – т.е. сугубо археологической проблемы, что доказывает определенную универсальность метода.

Специалист по истории средневековой Руси Н.С. Борисов пишет: «В этом историческом контексте – "с птичьего полета", как сказал бы Л.Н. Гумилев, – мы и должны рассматривать набег татар из Большой Орды на Алексин в июне 1492 года»⁴¹¹. Он снова прибегает к трем уровням обобщения, когда подробнее касается проблемы отношений Руси и Орды.

В.В. Трепавлов в уже упоминавшемся очерке о Золотой Орде (см. параграф 1.1) предлагает посмотреть на русско-татарские отношения по методу Гумилева с разных приближений. Он критикует традиционную историографию, изучавшую проблему только «из мышиной норы» – вне широкого исторического контекста. Следуя данному методу, В.В. Трепавлов предлагает поднять-

⁴⁰⁹ Киссель М.А. Р.Дж. Коллингвуд – историк и философ // Коллингвуд Р.Дж. Ук. соч. С. 449-450.

⁴¹⁰ Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 208 с. С. 167.

⁴¹¹ Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. – М.: Молодая гвардия, 2004. С. 95.

ся на курган и «взмыть на высоту птичьего полета» над Евразией XIII в. В итоге, он приходит к схожему с Гумилевым выводу, что нет смысла выделять Русь среди других покоренных монголами стран. Она была в таком же положении части Монгольской империи, как Уйгурия, страна енисейских кыргызов, Румский султанат (часть Анатолии) или Грузия⁴¹².

Даже медиевист, специалист по позднесредневековой Франции П.Ю. Уваров говорит о трех подходах к написанию истории близко к прямому цитированию Гумилева: «Историю можно писать, глядя на мир из мышиной норы, с кургана и с высоты птичьего полета. Все три взгляда в равной степени достойны и незаменимы. В идеале хорошо бы каждому историку хоть раз в жизни попробовать себя в каждом из этих жанров. Это не всегда возможно, но чрезвычайно полезно. На каждом уровне рассмотрения становятся очевидными свои специфические цепочки связей. Из норы больше видны отдельные люди, их желания и страсти, ошибки, успехи и случайности в их жизни. Взгляд с кургана предписывает абстрагироваться от субъективного и случайного и поискать "серьезные" причины: экономические процессы, борьбу социальных групп, политических тенденций и идеологий. С высоты птичьего полета более важными кажутся взаимодействия и связи между регионами, по-другому видится диалектика игры необходимого и случайного, уникального и всеобщего. Долгое время "взгляд с кургана" преобладал в нашей профессии»⁴¹³. Несколько удивляет, что приведенный фрагмент не снабжен ни ссылкой на «Поиски вымышленного царства», ни хотя бы просто упоминанием Гумилева как автора данной методологической концепции⁴¹⁴. В других работах и интервью П.Ю. Ува-

⁴¹² Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. – М.: Квадрига, 2010. С. 8.

⁴¹³ Уваров П.Ю. Мир накануне раннего Нового времени. – СПб.: Евразия, 2022. С. 10. Кроме того, этот же текст дан в качестве аннотации (с. 4) и вынесен на заднюю крышку переплета, что говорит о концептуальном его значении для автора книги.

⁴¹⁴ Названная П.Ю. Уваровым (Там же. С. 13) в качестве эталонной в смысле применения перечисленных подходов книга И.В. Можейко «1185 год» со всей очевидностью сама была вдохновлена «Поисками вымышленного царства». В книге И.В. Можейко нет ни ссылок, ни библиографии, а большинство коллег, на чьи работы опирался автор, указываются в тексте лишь суммарно как «ученые», «исследователи», «археологи». Однако не только в общем замысле, но и в части рассказа о Чингисхане следование И.В. Можейко Гумилеву несомненно. Ср. Можейко И.В. 1185 год. Восток – Запад. – М.: Наука, 1989. С. 123–124.

ров имя Гумилева называет⁴¹⁵ и, более того, указывает именно на «Поиски вымышленного царства» как на одну из определяющих в своем становлении как ученого книгу⁴¹⁶.

Благодаря хорошим отношениям Гумилева с философами, как академическими, так и университетскими, выход «Поисков вымышленного царства» был встречен обзором в журнале «Вопросы философии». В нем отмечается новизна разработанной Гумилевым исторической методикой: «Свое исследование... автор считает экспериментальным и ведет при помощи собственной методикой. Установление канвы достоверных фактов и логики событий позволяет, как он полагает, представить этнокультурное становление в более ясном виде и уяснить мировую причинно-следственную связь. Такой подход, считает автор, расширит наш исторический кругозор, уточнит исторические представления, даст возможность точнее понимать источники, заполнит хронологические провалы, расширит возможности исторической критики. В книге обосновывается разработанная автором методика, вместе с тем книга является и опытом ее применения...»⁴¹⁷.

Известный советский философ А.В. Гулыга в двух своих работах по философии истории дал высокую оценку «Поискам...», в частности, «стереоскопической методике» исторического исследования⁴¹⁸. Характеризуя книгу в целом, он писал: «Здесь и скрупулезное источниковедческое исследование, и увлекательное описание военных походов, фундаментальные сведения из исторической географии, философские размышления и даже попытка дать новую датировку "Слова о полку Игореве". <...> Яркая по языку, необычная по кон-

⁴¹⁵ Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 273 (указатель). Примечательно, что в книге, посвященной медиевистике, Гумилев упоминается равное число раз с Жоржем Дюби и чаще Жанны д'Арк.

⁴¹⁶ «На меня сильно повлияли книги, которые я читал в детстве. Я бы выделил три основных. <...> А когда я учился в старших классах, то прочитал книгу Льва Гумилева "В поисках вымышленного царства". После этого я даже захотел стать монголоведом. Но так и не решился поступать на востоковедение...». См. Прямая речь: Павел Уваров. Историк Павел Уваров о любимых книгах, пути к профессии и образе Средневековья // URL: <https://postnauka.ru/talks/64678> (дата обращения 10.08.2022).

⁴¹⁷ Критика и библиография // Вопросы философии. 1971. №1. С. 158.

⁴¹⁸ Гулыга А.В. Эстетика истории. – М.: Наука, 1974. С. 20. Книга подписана: «Льву Николаевичу Гумилеву в знак уважения и симпатии. 28.VIII-74. Арс. Гулыга».

цепции и по композиции книга Л. Гумилева... не укладывается ни в один из принятых в современной научной литературе жанров»⁴¹⁹.

Важно то, что разработанную Гумилевым методологию оценили именно философы. Если бы она была логически противоречива или отрицала основы господствовавшего в советской науке диалектического материализма, то они бы это непременно отметили, подобно филологам и историкам, за редким исключением, методологию Гумилева не понявшим. В таком случае, в чем причина, с одной стороны, ее одобрения, с другой, единодушие в ее отрицании?

На наш взгляд, причину неприятия удачно вскрыл и точно описал механизм полемики с Гумилевым автор единственной положительной рецензии на монографию «Древняя Русь и Великая степь» Р.Е. Котов: «Источниковеды нередко упрекают Гумилева в некорректном, по их мнению, подходе к источникам. Впрочем, полемика в данном случае как бы ведется на разных языках. Гумилев стремится осуществить гипотетическую реконструкцию конкретных исторических сюжетов, а оппоненты упрекают его в том, что он хочет выйти за рамки той скудной информации, которая содержится в узком круге имеющихся письменных источников (ср. выше с позицией М.Х. Алешковского. – А.С.). Гумилев пытается преодолеть однобокость последних при помощи системного подхода, научной дедукции..., а его убеждают в том..., что недопустимо введение в эти науки <гуманитарные> "построений, не вытекающих с необходимостью из материала источников". Цепь предложенных им гипотез... объявляется "гиполептической системой" (системой догадок). Из нее выхватываются отдельные частные звенья, которые подвергаются "критическому анализу", а затем "уничтожаются" с использованием тех самых источников, недостаточность которых как раз и пытается преодолеть Гумилев»⁴²⁰.

Именно в разговоре «на разных языках» кроется причина негативного отношения к методологии, предложенной Гумилевым, вместе с тем и к работам,

⁴¹⁹ Гулыга А.В. Искусство истории. – М.: Современник, 1980. «Льву Николаевичу Гумилеву с неизменным уважением и искренней симпатией. <нрзб.> XI.81».

⁴²⁰ Котов Р.Е. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Древняя Русь и Великая степь... // Вопросы истории. 1991. №4-5. С. 189–192. С. 190–191.

написанным на ее основе. Но одним разговором на разных языках не объяснить механизм «опровержения» Гумилева.

Для ответа пригодится определение, данное Коллингвудом понятию *критик* – «человек, который хочет и может самостоятельно воспроизвести работу чьей-нибудь мысли, чтобы убедиться, была ли она хорошо проделана»⁴²¹. Коллингвуд проводит четкую грань между критиком и *скептиком*: «...который не желает этим заниматься, и так как вы не в силах заставить человека думать, как лошадь – пить, то в нашем распоряжении нет способов доказать скептику, что определенная мыслительная работа проделана хорошо и, следовательно, нет оснований принимать близко к сердцу его замечания» (там же).

Пользуясь данным определением, нетрудно предположить, что оппонентами Гумилева выступали зачастую именно *скептики*, не желавшие ни во что вникать. Таким образом, проблема восприятия работ Гумилева коллегами заключалась не столько в «разговоре на разных языках», сколько в нежелании, в принципе, разговаривать.

Показательный пример «*скептического подхода*», который далее мы подробно рассмотрим, – библиография, выросшая вокруг «заметки» польского слависта Анджея Поппэ. Фактически это не более чем краткая аннотация на «Поиски вымышленного царства», причем, как и в рецензии Б.А. Рыбакова, не на всю книгу, а на всё ту же главу XIII. В данном случае это легко объяснимо: «заметка» помещена в ряду кратких обзоров новейших, на начало 1970-х гг., исследований «Слова о полку Игореве». Напечатан текст по-немецки, причем технически весьма небрежно. Прочитируем его полностью (перевод мой. – А.С.):

«В книге, преимущественно повествующей о предыстории и истории возникновения империи Чингисхана, 13-я глава посвящена русской истории 12–13 вв. и особенно Слову о полку Игореве. Оно представлено как сочинение антиисторианской и антикочевнической направленности и как памфлет против коллаборационизма Александра Невского с монголами и датировано 1249–1252

⁴²¹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории... С. 240.

гг. Ранее автор уже высказывал свою точку зрения в ротапринтном <докладе>: Гумилев, Л.Н.: Монголы XII в. и Слово о полку Игореве... Это занимательное повествование <<hübsche Plauderei>> про путешествие в вымышленные страны, "перфектологический" (в оригинале тоже в кавычках «perfektologischer». – А.С.) роман, принятый Б.А. Рыбаковым всерьез и резко раскритикованный в полемической статье: Rybakov, В.А.: Opredelenie samoobmana... (должно быть «О преодолении...». – А.С.)»⁴²².

Насколько приведенный текст репрезентативен в качестве аргументированной критики взглядов Гумилева, говорить не приходится. Это не более чем набор из нескольких библиографических ссылок с краткими авторскими репликами. Тем не менее, «заметка» дала почву для самых широких выводов. Первым ввел ее в оборот Я.С. Лурье: «Беллетристический характер творчества Гумилева отметил уже при появлении его книги "Поиски вымышленного царства" один из виднейших исследователей Киевской Руси профессор А. Поппэ. Возражая Б. Рыбакову, принявшему "слишком всерьез" и осудившему эту книгу, Поппэ охарактеризовал ее как "красивую болтовню (hübsche Plauderei) о странствованиях по вымышленным землям, некий "перфектологический" роман". По мнению польского историка, этот "перфектологический", т.е. обращенный к прошлому, роман так же фантастичен, как и "футурологические" романы, повествующие о будущем. Этой характеристикой можно было и ограничиться, если бы не одно обстоятельство. Книги Гумилева издаются, пропагандируются и широко читаются...»⁴²³.

Как нетрудно убедиться, сверившись с оригиналом «заметки», столь чуткий к неукоснительному следованию букве источника Я.С. Лурье, тем не менее, допустил здесь целый ряд вольностей: выбрал для «hübsche Plauderei» максимально негативный вариант перевода («красивая болтовня»), приписал автору «заметки» характеристику «перфектологического романа» как «фантастического» и сравнение его с «футурологической» литературой, «повествую-

⁴²² Russia mediaevalis. Т. 1. – München, 1973. S. 220.

⁴²³ Лурье Я.С. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилева // Звезда. 1994. №10. С. 167–177. С. 176.

щей о будущем». Самое важное, – Я.С. Лурье распространил единичную оценку, данную исключительно концепции о датировании «Слова о полку Игореве» XIII веком, на всё научное творчество Л.Н. Гумилева.

Трудно судить, насколько корректен перевод «перфектологический» как «обращенный к прошлому». Слово «perfektologischer» – очевидный неологизм. В словарях его нет, поиск в Интернете не дает никаких результатов кроме непосредственно ссылки на текст А. Поппэ. Со значением «прошлое» можно, разве что, связать грамматическую категорию «перфект», но тогда это был бы роман не об «историческом прошлом» (по-немецки «Vergangenheit»), а о «прошедшем времени глагола». С другой стороны, у немецкого прилагательного «perfekt», как и у английского «perfect» и французского «parfait», имеются значения «идеальный», «отличный», «превосходный». Тогда смысл «perfektologischer» становится уже не отрицательным и даже не ироничным, а скорее положительным. «Превосходный роман» в устах филолога не может звучать как оскорбление. Почему бы не предположить, что именно такое значение вложил польский профессор в свой неологизм?

Однако закономерен даже не этот вопрос, а другой: стоит ли вообще эта «заметка» какого-либо специального комментария? Это сугубо частная оценка, не подкрепленная никакой аргументацией, еще и малопонятная. Сомнительно даже, чтобы она имела хоть какое-то значение для своего автора.

В действительности, как видно, большое значение имела для Я.С. Лурье монография «Поиски вымышленного царства». Как говорилось выше, очень вероятно, что воображаемым оппонентом-филологом из заключительной части книги был именно он. Только этим можно объяснить, почему Я.С. Лурье десятилетиями искал поводов вернуться к полемике с Гумилевым, состоявшейся на рубеже 1960–1970-х гг.

На самом деле, доктору филологических наук, сотруднику академического Института русской литературы («Пушкинского Дома») ничего не стоило называть книгу Гумилева каким угодно романом, не ссылаясь ни на чей мнимый авторитет. «Виднейших исследователей Киевской Руси» немало и за предела-

ми Польши, а Гумилев никогда не претендовал на звание историка Руси. При этом в фундаментальной «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"», изданной тем же Институтом русской литературы, специально посвященная Гумилеву статья есть (см. параграф 1.1), а вот статьи о таком исследователе «Слова», как Анджей Поппэ, там нет⁴²⁴. Поэтому ценность мнения А. Поппэ о книге Гумилева, по меньшей мере, не выше мнения самого Я.С. Лурье.

Однако почему-то Я.С. Лурье требовался союзник, на которого можно было бы сослаться. Интересно, что Д.С. Лихачев (ср. с приведенной выше его характеристикой Гумилева как «историка-фантаста») на эту роль не подходил. Нельзя не учитывать, что взгляды Гумилева на «Слово» обсуждались его коллегами и оппонентами не только в печати. Я.С. Лурье не мог не знать о каких-то иных высказываниях Д.С. Лихачева, которые не позволяли привлечь авторитет последнего для опровержения взглядов Гумилева. Об одном таком высказывании свидетельствовал и сам Гумилев: «Кстати, от предложенной мною датировки "Слова о полку Игореве" – 1249–1252 гг. (Л.Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства, М., 1970, с. 341) я не отказываюсь, ибо против моих соображений никаких научных доводов приведено не было. На заседании отделения этнографии ГО <Географического общества СССР> по этому поводу в 1972 г. академик Д.С. Лихачев с кафедры признал мою датировку "научной и по степени вероятности равноценной своей"»⁴²⁵. Если Я.С. Лурье знал об этой позиции Д.С. Лихачева, привлекать его авторитет для опровержения Гумилева было бы странно. Зато «хлесткость» оценки А. Поппэ явно напрашивалась на цитирование.

Между тем, совершенно идентичное мнение высказывалось еще десятилетием ранее. Разумеется, оно не могло касаться концепции Гумилева. Критикуя также «неортодоксальную» концепцию о «Слове о полку Игореве», выдвину-

⁴²⁴ Анджей Поппэ, без сомнения, видный специалист по истории и культуре Древней Руси, но главным образом – в изучении ранней русской церкви. См. Назаренко А.В. Памяти Анджея Поппэ (12 июля 1926 – 31 января 2019) опыт лирико-аналитического некролога // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 1(79). С. 183–194.

⁴²⁵ Гумилев Л.Н. Миф и действительность (Южная Сибирь и Древняя Русь в XI–XIII вв.) // Проблемы реконструкций в этнографии. – Новосибирск, 1984. С. 5–24. С. 22.

тую А.А. Зиминим (речь шла о датировании произведения XVIII веком), академик М.Н. Тихомиров заключал: «Нужно теперь остановиться на последних пунктах тезисов, говорящих о предполагаемом авторе "Слова о полку Игореве". Скажем прямо, что эти тезисы не могут быть рассматриваемы с научной точки зрения. *Это своеобразный исторический роман, принимающий иногда даже загадочную детективную форму* (курсив мой. – А.С.)»⁴²⁶.

М.Н. Тихомиров, хотя и не филолог-славист, но в 1940–1960-е гг. был едва ли не самым авторитетным палеографом и специалистом по рукописному наследию Древней Руси. Это именно тот авторитет, на которого и следовало бы сослаться. Однако проблема здесь в объекте высказывания – «историческим романом» названа работа не Л.Н. Гумилева, а А.А. Зимины, который был ближайшим другом Я.С. Лурье⁴²⁷. Вот, как обозначал он свою позицию в личном письме А.А. Зимину: «Как и прежде, я настаиваю на строгом разделении двух вопросов: *Ваше право ставить проблему датировки "Слова полку Игореве" бесспорно* (выделено мной. – А.С.), и всякие вненаучные аргументы и хамство по Вашему адресу должно решительно отвергать <...> Из этого, однако, вовсе не вытекает необходимость согласия с Вами по существу самой датировки»⁴²⁸.

Понятно, что просто использовать цитату М.Н. Тихомирова для характеристики Гумилева, перенеся ее с А.А. Зимины, было бы рискованно, поскольку это автоматически поставило бы в один ряд «не-ученого» и «беллетриста» с ученым и покойным другом. Но именно в самой этой цитате об «историческом романе», вероятно, кроется причина, почему Я.С. Лурье обратился к буквально идентичной оценке Анджея Поппэ.

⁴²⁶ Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII вв. – М.: Наука, 1968. С. 420.

⁴²⁷ При этом Л.Н. Гумилева и А.А. Зимины также связывали хорошие отношения: «Дружескую помощь автору оказали в процессе создания этой работы... Л.Н. Гумилев (Ленинград), ...Я.С. Лурье (Ленинград)...» (Зимин А.А. Слово о полку Игореве. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 13).

⁴²⁸ История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступительная статья, составление, подготовка текстов и комментарии Л.В. Соколовой. – СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 61.

Нетрудно допустить, что сам А. Поппэ знал статью М.Н. Тихомирова и перевел на немецкий его оценку концепции А.А. Зимина как «исторического романа» (это единственное, что спасает толкование «perfektologischer» как «обращенный к прошлому»), но применил эту оценку уже к взглядам Гумилева. Так что, заимствование из статьи М.Н. Тихомирова могло произойти дважды.

Однако если обо всей этой подоплеке знал Я.С. Лурье, то что говорить о тех, кто основывался исключительно на информации уже из третьих и даже четвертых рук?

Так, Ю.И. Семенов фактически воспроизводит фрагмент статьи Я.С. Лурье, но с рядом модификаций: «Своеобразно среагировал на книгу Л.Н. Гумилева польский медиевист Анджей Поппе. Он охарактеризовал ее как "красивую трепатню" ..., как "перфектологический" (от "перфект" – прошлое) роман, не имеющий никакого отношения к исторической науке. Поэтому его удивило, что Б.А. Рыбаков принял эту книгу "всерьез" и вступил с ее автором в научную полемику»⁴²⁹. Модификаций здесь, как видно, три: «болтовня» заменена на «трепатню», уже как факт приводится значение «перфект» = «прошлое», а А. Поппэ приписано утверждение, что книга Гумилева «не имеет отношения к исторической науке».

Л.А. Мосионжник, признавшись (в отличие от Ю.И. Семенова, ссылающегося на первоисточник, которого явно не видел), что судит уже о целой «статье» (!) А. Поппэ по пересказу Я.С. Лурье и Ю.И. Семенова, также не удержался от добавления к ней чего-нибудь от себя: «Со своей стороны, крупный польский историк Древней Руси профессор А. Поппе воспринял книгу Гумилёва как роман в стиле исторической *fantasy*»⁴³⁰. Очевидно, «стиль исторической *fantasy*» – авторский вариант «перевода» «перфектологического романа».

Биограф Гумилева С.С. Беляков, будучи уверен, что понимает значение словосочетания «перфектологический роман», назвал так отдельную главку

⁴²⁹ Семенов Ю.И. Философия истории. С. 182.

⁴³⁰ Мосионжник Л.А. Исторический миф Л.Н. Гумилева. С. 305.

своей книги, в которой на трех страницах после цитаты из Я.С. Лурье размышляет на тему «историк и писатель»⁴³¹.

Таким образом, брошенная мимоходом в западногерманском славистическом журнале оценка «Поисков вымышленного царства», не аргументированная ничем кроме личного мнения своего автора и потенциально не переводимая без его участия, породила вокруг себя целую библиографию, где каждый следующий автор опирался на искаженный каждым предыдущим ее пересказ. Оригинальный текст аннотации А. Поппэ видел один лишь Я.С. Лурье, и он же первым дал его интерпретацию, породившую все остальные.

Проведенный анализ методологических взглядов Л.Н. Гумилева не подтверждает распространенного убеждения в том, что Гумилев – не историк, что он не использовал источники и вместо этого выдумывал факты. На самом деле, вольного обращения с фактами Гумилев не допускал. Напротив, им была разработана и многократно применена строгая последовательная методика. Ее содержание (историческая критика, отслаивание фактов от мнений авторов источников, панорамное рассмотрение проблем) находит параллели среди передовых концепций европейских историков и философов XX в. (Б. Кроче, Р.Дж. Коллингвуд, М. Блок, К. Гемпель).

Необходимость выработки собственных методологических подходов была осознана Гумилевым еще в студенческие годы, когда он столкнулся с неприменимостью официально насаждаемого с 1930-х гг. исторического материализма, еще и деформированного применительно к древней истории и археологии «новым учением о языке» Н.Я. Марра.

В общеметодологических взглядах Гумилев пошел дальше своих предшественников, предложив универсальную иерархию из пяти уровней приближений к предмету исследования, которая снимает противоречие между формационным и цивилизационным подходами, между «научной» историей и историей «ножниц и клея»/«филологической» историей (в терминах Кроче и Коллингвуд-

⁴³¹ Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева. С. 400–403.

да). Главное, необходимо всегда учитывать масштаб проблемы и изучать ее с помощью соразмерного подхода.

Л.Н. Гумилев – редкий пример советского историка, который изложил свои методологические взгляды и одновременно своими конкретно-историческими работами продемонстрировал их реальное применение. Таким образом, он получил тот самый «фальсифицируемый» результат, в отсутствии которого его упрекают многие критики («скептики»). Среди предшественников Гумилева, изучавших историю народов Центральной Азии и Великой степи, разве что, В.В. Бартольд уделял в своих трудах немало места проблемам методологии исторического исследования⁴³². Среди старших и младших коллег Гумилева таковых просто не было (списки и обзоры источников, имеющиеся в большинстве исторических трудов, сами по себе ничего не говорят о методике работы авторов).

Труды Л.Н. Гумилева соответствовали методологическим стандартам мировой науки. Не случайно монография «Поиски вымышленного царства», содержащая наиболее полное изложение авторской методологии, была переведена на английский язык и издана в Кембридже. В предисловии к английскому изданию с большим пониманием сути исследования говорится: «Но мы думаем, что практически каждый читатель найдет проделанный Гумилевым анализ внутренней динамики степных народов... наиболее убедительным из до сих пор произведенных, а его реконструкцию действительности, скрывающейся за легендой о христианском царстве в Центральной Азии, завораживающим фрагментом детективной работы»⁴³³.

⁴³² Он даже сетовал, что немецкие издатели его курса по истории востоковедения опустили две первые главы, где изложены основные методологические принципы, по причине «их "слишком общего" содержания». Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. – Л.: ЛИЖВЯ, 1925. С. III. Несмотря на то, что второе русское издание вышло в советское время, эти главы, не содержащие ничего марксистского, Бартольд в нем воспроизвел. Впрочем, «ритуальную» ссылку с упоминанием Маркса (без изложения его взглядов) пришлось ставить уже тогда. См. Там же. С. 35.

⁴³³ Gumilev Lev N. Searches for an imaginary kingdom: the legend of the kingdom of Prester John. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. XII.

Суммируем выводы настоящей главы:

1. Л.Н. Гумилеву зачастую приписывается «особый», нетрадиционный взгляд на те или иные научные проблемы. В рассмотренных случаях выделения такого «особого» взгляда обнаружилось, что вынесение мнения Гумилева за рамки любой традиции или школы – мнимое. Как правило, его позицию можно соотнести с мнениями других авторитетных ученых. Отрицание какого-либо мнения только потому, что его разделял Гумилев, порой приводит к курьезным выводам, что показано на примере хазароведческих исследований. Кроме того, поставлен вопрос об «особом» (предвзятом) отношении к Гумилеву, цель которого – маргинализировать его научное наследие. Истоки этой предвзятости мы попытались наметить в дискуссии Л.Н. Гумилева и А.Н. Бернштама, продолженной после смерти последнего его учениками, а после смерти Гумилева – с ним заочно. Особенность «дискуссии» в том, что научная аргументация не имеет в ней решающей силы, а сводится к выставлению оценок: Бернштам – выдающийся ученый, Гумилев – нет.

2. Логика научного творчества Л.Н. Гумилева зачастую представлялась неадекватно: ранний Гумилев – историк-востоковед, поздний – теоретик этногенеза. К этому с разных сторон добавляются евразийство и изучение древней русской истории. Однако к настоящему времени накопилась критическая масса фактов (воспоминания о Гумилеве и его переписка), которые вкупе с давно известными интервью Гумилева и его основными работами, представшими теперь в новом свете, заставляют пересмотреть данную схему. Нами установлено, что теория этногенеза разрабатывалась Гумилевым одновременно с его востоковедными исследованиями, являясь изначально их теоретической основой и в то же время – итогом первичных исторических обобщений. В этой связи мы пересмотрели все ранее выдвигавшиеся предположения об истоках пассионарной теории. С одной стороны, мнения авторов сами исключают друг друга; с другой, они крайне редко опираются на факты, даже те, которые были известны до публикации документальных источников. Это позволило не анализировать каждую концепцию, а предложить ту, которую выдвигал сам Гу-

милев. На мысли об этногенезе и пассионарности его навели беседы с монголоведом Б.Я. Владимирцовым и путешественником Г.Е. Грумм-Гржимайло и изучение их основных трудов.

Логика научного творчества Гумилева не является чем-то уникальным. Точно такой же путь от частных исследований до глобальных обобщений прошли многие коллеги Гумилева, создававшие собственные историософские концепции. На их примере показана не только однотипность научного пути представителей одного поколения ученых, но и невозможность принимать их взаимную критику друг друга и солидарную – Гумилева – как объективную. В современном науковедении сложился принцип, согласно которому опровергать одну теорию, исходя из парадигмы другой, методологически неверно, поскольку независимые теории не могут не противоречить друг другу. Предпочсть ту или иную теорию можно только субъективно, что в действительности и происходит.

3. Причины общего непонимания и неприятия трудов Л.Н. Гумилева заключаются в непонимании коллегами применявшейся им методологии. Историческая методика Гумилева сближается с лучшими западными образцами Б. Кроче, Р.Дж. Коллингвуда, М. Блока, К. Гемпеля. Она базируется на строгих логических принципах и позволяет при овладении ею выйти за пределы недосказанности источников и их недостаточности. Основанные на этой методике работы Гумилева выполнены на уровне мировых стандартов своего времени. В них нет вольного обращения с фактами или их выдумывания, а есть реконструкция картины событий, выходящая за пределы источниковедения (истории «ножниц и клея», по Коллингвуду; «филологической истории», по Кроче). Методика не была по большей части принята научной средой. При этом работы Гумилева не столько опровергались, сколько мифологизировались. Критики («скептики») порой сами выдумывали за него мнения, приписывали их ему и опровергали. В результате сложилось ощущение полной научной несостоятельности и метода Гумилева, и его работ, что под собой не имеет действительного основания.

Глава 2. Л.Н. Гумилев как историк-востоковед: формирование научных взглядов, ранние работы и дискуссии вокруг них

2.1. Начало научной деятельности Л.Н. Гумилева (1934–1960): научные контакты, оформление круга интересов, начало неприятия

В настоящем параграфе основное внимание будет сосредоточено на формировании Л.Н. Гумилева как ученого, причем не только в плане научного мышления, о чем уже много говорилось в предыдущей главе, но и в социальном плане. Будет предпринята попытка реконструировать положение Гумилева в научном сообществе на ранних этапах его научной биографии, известной по источникам лишь фрагментарно.

Л.Н. Гумилев на склоне лет так осмысливал задачу, поставленную перед собой в юности: «Еще на первом курсе истфака автору пришла в голову мысль заполнить лакуну во Всемирной истории, написав историю народов, живших между культурными регионами: Западной Европой, Левантом (Ближним Востоком) и Китаем (Дальним Востоком). Задача оказалась сверхсложной...»⁴³⁴.

Первая, точно зафиксированная, дата в жизни Гумилева, связанная с изучением истории кочевников, – 5 декабря 1935 г. В этот день, по его собственному признанию, была начата книга «Древние тюрки», и «с тех пор она неоднократно переделывалась и пополнялась»⁴³⁵. Вскоре имя Льва Гумилева стало известно научному миру: в 1937 г., будучи студентом второго курса исторического факультета, он сделал доклад в Институте востоковедения, посвященный обоснованию наличия у древних тюрков удельно-лествичной системы

⁴³⁴ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 11. Ср. с высказыванием, приведенным в параграфе 1.2.

⁴³⁵ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. С. 3.

управления и престолонаследия⁴³⁶. Случай в науке далеко не частый: на рукопись студента сослался его профессор – М.И. Артамонов⁴³⁷.

Как видно, начало научной деятельности Гумилева было многообещающим, замыслы – амбициозными, но суждено им было сбыться не скоро. Год спустя в его жизни начинается время ужаса и страданий: с 1938 по 1942 г. он в качестве заключенного работает на стройках Беломорканала и Норильского горно-металлургического комбината; в 1944 г. идет добровольцем на фронт и участвует во взятии Берлина; в 1949 г. его снова арестовывают. За семь лет последнего заключения Гумилев не прекращал научных занятий, и, выйдя на свободу в мае 1956 г., имел при себе два чемодана с рукописями будущих книг и статей.

Таким образом, ранний период научной биографии Л.Н. Гумилева занимает два десятилетия – с середины 1930-х гг. по середину 1950-х гг. О нем меньше всего известно, но он важнее всего, поскольку именно тогда закладывались основные идеи и концепции (см. выше параграф 1.2), тогда устанавливались основные научные связи, к сожалению, не всегда дружеские (см. выше 1.1). Как будет показано далее, тогда же были написаны многие тексты, которые будут публиковаться частями или полностью вплоть до конца 1980-х гг.

Когда в 1960 г. была опубликована монография «Хунну», немедленных откликов на нее не последовало. Незадолго до ее выхода в письме В.Н. Аброзову Гумилев писал: «...прошла вторая корректура "Хуннов". Обещают тираж в конце апреля. Уже сейчас на меня коллеги косятся, а вот какая волна зависти

⁴³⁶ Каримуллин А.Г. Лев Николаевич Гумилев. Библиографический указатель. – Казань, 1990. С. 3. Гумилев Л. «История требует справедливости...» // Альманах библиофила. Вып. 24. Книга Монголии. – М.: Книга, 1988. С. 343-344. В интервью 1990 г. «Законы времени» Гумилев упоминает обстоятельства написания статьи: «Меня стали вышибать из университета и вышибли на втором курсе. Я занимался целую зиму один, ходил в библиотеку, читал книги и написал свою первую статью. Она называлась "Удельно-лестничная система у тюрок VI–VIII вв."». См. Гумилев Л.Н. Всем нам завещана Россия. – М.: Айрис-пресс, 2012. С. 190. Речь идет о зиме 1935-1936 гг., когда после ареста осенью 1935 г. Гумилева исключили из университета.

⁴³⁷ Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. – Л.: ОГИЗ, 1937. С. 73.

и злословия поднимется, когда книга выйдет, – подумать боязно»⁴³⁸. Три месяца спустя он описывает первую реакцию: «"Хунну" оказалось плевром на раскаленной плите. Кругом шип. Не могу пожаловаться на невнимание, ни на то, что книга прошла незамеченной. Пока шипят за спиной, примерно так: "Возмутительно, но я выступать не буду". Это разумно: ведь для открытого выступления кроме эмоций требуется знание предмета, а нападки на слог и стиль – бессмысленны. <...> Но посмотрим, что будет осенью, когда прочтут и успеют написать рецензии»⁴³⁹.

Комплекс причин, приведших к неприятию научным сообществом первой изданной монографии Гумилева, имел разные истоки, часть которых была разобрана выше (см. 1.1). Однако они не исчерпываются одним только конфликтом с А.Н. Бернштамом. Попутно, в том числе при подготовке рукописи «Хунну» к печати, возникали и другие проблемы, так же по большей части вненаучного плана. Их выявлению и анализу посвящен настоящий параграф.

Рецензия на «Хунну» появилась на следующий год по выходу книги и была полностью разгромной. Приведем для примера два отрывка: «В отличие от других авторов, Л.Н. Гумилев использовал не оригинальный текст древнекитайских хроник, а лишь отдельные переводы из них... Естественно, что данное обстоятельство определило общий характер рецензируемой книги, содержащей скорее систематический пересказ..., нежели самостоятельное исследование»⁴⁴⁰. «Как уже отмечалось..., книга Л.Н. Гумилева не вносит ничего принципиально нового в современную историографию древней Центральной Азии. В то же время присущие ей недостатки таковы, что в значительной мере ограничивают перспективы ее использования в качестве вводного курса или же справочного пособия по данной теме»⁴⁴¹.

В последнее время на эту безапелляционную оценку живо откликнулся С.С. Беляков (о восприятии им метода К.В. Васильева см. параграф 1.3), «ре-

⁴³⁸ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 163. Письмо от 21 марта 1960 г.

⁴³⁹ Там же. С. 165-166. Письмо от 22 июня 1960 г.

⁴⁴⁰ Васильев К.В. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Хунну, Срединная Азия в древние времена, М., ИВЛ, 1960, 291 стр. // Вестник древней истории. 1961. №2. С. 120–124. С. 120

⁴⁴¹ Там же. С. 124.

шив» в двух фразах сложнейшую проблему. Отметив, что К.В. Васильев и другие участники дискуссии (о которой ниже) «судили автора "Хунну" чересчур строго» он заключает: «Первая книга Гумилева, при всех ее недостатках, показала, что ее создатель обладает редким даром настоящего историка. Ему не хватало только двух качеств: знания восточных языков и способности критически посмотреть на собственные выводы»⁴⁴². Общая логика рассуждений С.С. Белякова ведет к тому, что Гумилев действительно не был профессионалом в той области, которой решил заниматься, с чем, естественно, не могли мириться коллеги.

Отметим по этому поводу несколько, казалось бы, очевидных обстоятельств: к моменту выхода первой книги Гумилеву было 47 лет, он являлся уже 12 лет кандидатом исторических наук, а через полгода после этой разгромной рецензии стал доктором наук. Как неоднократно подчеркивал в рецензиях на поздние работы Гумилева Д.С. Лихачев, «автор – не мальчик в науке»⁴⁴³. Готовил он свою первую книгу долго и тщательно, о чем ниже.

Перечисленные факты подводят к вопросу: неужели в первой книге Гумилева не нашлось ничего нового и оригинального, а автор на каждом шагу спотыкался из-за незнания фактов и непонимания связей между ними? Можно сформулировать проще: был ли в достаточной степени автор «Хунну» подготовлен к написанию подобного труда? Для ответа на эти вопросы необходимо ретроспективно рассмотреть «бесписьменный» (до выхода «Хунну») период существования Л.Н. Гумилева в востоковедении.

Появление интереса Гумилева к истории евразийских степей относится к рубежу 1920–1930-х гг., когда он переехал из Бежецка в Ленинград. Еще до поступления в университет молодой человек успел столкнуться с Востоком, с его живыми образами: в ходе экспедиций на Саяны (1931 г.), Памир (1932 г.), в Крым (1933 г.)⁴⁴⁴.

⁴⁴² Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева. С. 336.

⁴⁴³ Вспоминая Л.Н. Гумилева... С. 340, 343.

⁴⁴⁴ Куркчи А.И. Л.Н. Гумилев и его время // Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – М., 1997. С. 31. Живя в чужих словах... С. 601 (хронология жизни Л.Н. Гумилева). Дашкова А.А. Лев Гумилев, начало 30-х // Там же. С. 71-77. Лавров С.Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи.

В.А. Шнирельман заметил, что Гумилев как этнолог, не проведя ни одного полевого сезона, имел лишь опыт лагерного общения с людьми разных национальностей и наблюдения за ними⁴⁴⁵. Очевидно, он не учел опыта указанных реальных экспедиций Гумилева. Причем в начале 1930-х гг. и затем, в 1943–1944 гг. (в Туруханском крае), Гумилев наблюдал людей и их обычаи, еще мало затронутые советизацией. В этом смысле ему повезло куда больше, чем этнографам, изучавшим быт северных и среднеазиатских народов в последующие десятилетия.

В университет Гумилеву удалось поступить только в 1934 г. (в 22 года), что совпало с возрождением специального исторического образования в СССР. О первом университетском опыте научной дискуссии он рассказывал так: «...когда я еще только поступил на первый курс..., меня уже тогда интересовала история Центральной Азии. Со мной согласился поговорить "заслуженный деятель киргизской науки" Александр Натанович Бернштам, который начал разговор с предостережений, сказав, что самое вредное учение по этому вопросу сформулировано "евразийством", теоретиками белоэмигрантского направления, которые говорят, будто настоящие евразийцы, то есть кочевники, отличались двумя качествами – военной храбростью и безусловной верностью. И на этих принципах... они создавали великие монархии. Я ответил, что мне это, как ни странно, очень нравится и мне кажется, что это сказано очень умно и дельно. В ответ я услышал: "У вас мозги набекрень. Очевидно, вы – такой же, как и они". Сказав так, он пошел писать на меня донос. Вот с этого и началось мое знакомство с евразийством и с научным работником Бернштамом....»⁴⁴⁶.

О студенте Гумилеве были и другие мнения. Л.К. Чуковская в своих «Записках об Анне Ахматовой» (датировано 22 февраля 1939 г.) вспоминала: «Лева уже писал собственные научные работы, овладел языками. Он спросил

– М.: Айрис-пресс, 2003. С. 99-103.

⁴⁴⁵ Шнирельман В.А. Введение. С. 3–4.

⁴⁴⁶ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. С. 23. См. также выше параграф 1.1.

однажды у своего профессора: верно ли то-то и то-то? Профессор ответил: раз вы так думаете, значит верно...»⁴⁴⁷.

Этим профессором мог быть и М.И. Артамонов, раз он смело ссылался на своего студента. Из статьи, основанной на том докладе, мы узнаём любопытные детали и о других научных контактах студента Гумилева, причем они хорошо увязаны хронологически: Гумилев брал по отдельным вопросам консультации у китаиста А.А. Штукина (арестован в июле 1938 г., после отбывания срока вернулся тяжело больным) и у выдающегося тюрколога А.Н. Самойловича (арестован в октябре 1937 г., 13.02.1938 расстрелян)⁴⁴⁸.

Среди преподавателей Гумилева были лучшие ученые своего времени. Сохранилась студенческая зачетка, по которой легко определить его интересы. По предметам, связанным с древней историей, оценки самые высокие, по идеологическим – низкие (некоторые подписи неразборчивы): История доклассового общества («хорошо»), История древнего Востока («очень хорошо», подпись «В. Струве»), История Греции («отлично», «С. Лурье»), История СССР («отлично», «Б. Греков»), История политэкономии («удовл.»), Диалектический и исторический материализм («хорошо»), История средних веков («отлично», «О.Л. Вайнштейн»), Новая история («отлично», «Е. Тарле»), Новая история (1830–1870) («удовлетв.», «А.И. Молок»), отметка о прохождении практики в Манычской археологической экспедиции ГАИМК («очень хорошо», «Артамонов»)⁴⁴⁹.

Из своих профессоров Гумилев особенно выделял китаеоведа Н.В. Кюнера, который руководил его дипломной работой и которому он много лет спустя посвятил книгу «Старобурятская живопись». А у крупнейшего специалиста по Древнему Востоку, академика В.В. Струве, Гумилев занимался на дому. Там

⁴⁴⁷ Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. Т. I. 1938-1941. – М.: Книга, 1989. С. 12.

⁴⁴⁸ Гумилев Л.Н. Удельно-лествичная система у тюрков в VI–VIII вв. // Советская Этнография. 1959. №3. С. 11–25. С. 12, 20. Об А.А. Штукине см.: Люди и судьбы. С. 429–430. Об А.Н. Самойловиче см.: Там же. С. 340–341.

⁴⁴⁹ Приводим по фотографиям из архива Л.Н. Гумилева. Несколько оценок упоминает С.Б. Лавров (Лев Гумилев. судьба и идеи. С. 75), но датирует экзамены 1946 г. Однако в зачетке даты расположены между январем 1935 и июнем 1937 г. Отсутствуют как раз экзамены за два последних курса, которые Гумилев сдавал, вернувшись после лагеря и войны.

он познакомился (осень 1934 г.) с будущим арабистом Т.А. Шумовским, с которым его затем арестовали по одному делу (1938 г.).

В посвящении к «Древним тюркам» среди прочих Гумилев называет своего «замечательного предшественника и друга Г.Е. Грумм-Гржимайло»⁴⁵⁰. По этому поводу С.Б. Лавров недоумевал: «Мне неясно здесь одно: когда Л.Н. мог встречаться и тем более подружиться с Г.Е., которому в ту пору (30-е гг.) было за 70?»⁴⁵¹. И действительно в известных публикациях и письмах о встречах с Г.Е. Грумм-Гржимайло Гумилев нигде не рассказывал, но упоминание о нем как о друге не могло быть бравадой. Хронологически их знакомство допустимо: Грумм-Гржимайло умер 3 марта 1936 г., когда Гумилев учился уже на втором курсе. Кроме того, имеется свидетельство А.И. Куркчи, что в начале 1930-х гг. Грумм-Гржимайло стал собеседником и наставником молодого Гумилева. Их встречи происходили, по выражению самого Гумилева, «на фоне природы» – на скамеечке Владимирского проспекта или при непродолжительных прогулках⁴⁵². Грумм-Гржимайло в последние годы жизни сильно болел и выходить далеко не мог.

С.Б. Лавров также указывает, что одно из первых поздравлений в связи присуждением степени доктора наук Гумилеву пришло от сына путешественника – А.Г. Грумм-Гржимайло⁴⁵³. Об общении с последним свидетельств достаточно. Так, хранящаяся в библиотеке Гумилева книга «Дела и дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло (путешественника и географа)» (М., 1947), снабжена дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Льву Николаевичу Гумилеву от автора. 9/IX.1948». Эта надпись, едва ли не самая ранняя из сохра-

⁴⁵⁰ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К», 1993. С. 3. В первом издании он назван только «предшественником». Вероятно, фрагмент был восстановлен по рукописи (возможно, при участии А.И. Куркчи), что, к сожалению, никак не оговаривается. Во всяком случае, в посвящении (независимо от издания список персон идентичен) Гумилев не упоминает никого, кого бы не знал лично: «Я на всю жизнь *сохраню память о тех, кто помог мне в свое время* выполнить работу...» (курсив мой. – А.С.). См. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. С. 3. Поэтому странно, чтобы Г.Е. Грумм-Гржимайло оказался единственным исключением.

⁴⁵¹ Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. С. 378 (примеч. 157). В издании 2003 г. данного примечания нет.

⁴⁵² Гумилев Л.Н. Древние тюрки. В 2-х книгах. Кн. 1. – М.: ДИ-ДИК, 1999. С. 16.

⁴⁵³ Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. – М.: Сварог и К, 2000. С. 184-185.

нившихся, косвенно подтверждает личное знакомство Гумилева и со старшим Грумм-Гржимайло. В письме В.Н. Абросову от 03.01.1957 (всего через полгода после освобождения из лагеря) имеется такое замечание: «Грум-Гржимайло просит статью о востоковедных заслугах его отца. Они огромны...»⁴⁵⁴. Впоследствии Гумилев стал соавтором некролога А.Г. Грумм-Гржимайло⁴⁵⁵.

Уже из приведенного перечня учителей и наставников молодого Льва Гумилева можно представить, какое образование он получил. Гумилев получал высокие оценки у крупнейших ученых своего времени, а некоторые из них (Е.В. Тарле, В.В. Струве, М.И. Артамонов), высоко оценивали его и за пределами университетских стен. В первой половине 1930-х гг. Гумилев успел познакомиться с виднейшими представителями дореволюционного востоковедения: монголоведом Б.Я. Владимирцовым (см. параграф 1.2), путешественником Г.Е. Грумм-Гржимайло, тюркологом А.Н. Самойловичем, – что позволило ему приобщиться к этой замечательной, но уходящей традиции.

В последующий период, названный С.Б. Лавровым «первой Голгофой» (1938–1945 гг.), Гумилев не потерял научной формы и смог через семь лет перерыва в занятиях сходу сдать экзамены за последние полтора курса университета, выпускные и кандидатские экзамены. В восторге от продемонстрированного Гумилевым уровня подготовки был академик И.Ю. Крачковский. Б.В. Томашевский передавал его слова, что «весь ученый синклит университета, собранный на экзамен Гумилева, не мог тягаться с ним в знаниях»⁴⁵⁶.

Сдав экзамены, Гумилев спешно поступает в аспирантуру Института Востоковедения АН СССР. По мнению Л.А. Вознесенского, он предчувствовал вероятность скорого ареста, поэтому спешил поступить в аспирантуру и защититься⁴⁵⁷. Ходатайствовал о принятии Гумилева в аспирантуру профессор Н.В.

⁴⁵⁴ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 130.

⁴⁵⁵ Гумилев Л.Н., Смолянинова Л.А. А.Г. Грумм-Гржимайло – научная и общественная деятельность // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1969. Т. 101, №3. С. 244–248.

⁴⁵⁶ Томашевская З.Б. «Я – как петербургская тумба» // Об Анне Ахматовой: стихи, эссе, воспоминания, письма. – Л.: Лениздат, 1989. – 574 с. С. 437-438.

⁴⁵⁷ Вознесенский Л.А. «Можно я буду отвечать стихами?» // Живя в чужих словах... С. 175. Похожие ощущения описаны М.Л. Козыревой. См. Козырева М.Л. Лев и Птица // Живя в чужих словах... С. 149-150.

Кюннер, выразивший согласие стать его руководителем. 23 марта 1946 г. Гумилев был туда зачислен, но официальным руководителем ему назначили академика С.А. Козина⁴⁵⁸, известного своим переводом «Сокровенного сказания монголов». Затем среди руководителей Гумилева значатся С.П. Толстов (директор Института этнографии АН СССР), и А.К. Боровков, крупный тюрколог.

В 1946–1947 гг. аспирант Гумилев занимался в Иранском кабинете Института востоковедения⁴⁵⁹. Тема диссертации «Подробная политическая история первого тюркского каганата. 546–659 гг.» предполагала параллельное изучение тюркских, китайских, византийских, персидских источников. Однако основной упор был сделан Гумилевым на выяснение взаимоотношений тюрков и Сасанидского Ирана, а в качестве филологической части работы им были переведены фрагменты из персидских источников о Гератской битве 589 г. и герое-полководце Бахраме Чубине. Этой теме посвящена четвертая глава диссертации (с. 74-93), а сами переводы даны в приложении (с. 275-298).

Среди крупных ученых, с которыми общался Гумилев в эти годы, помимо уже названных, были востоковеды А.Ю. Якубовский и И.П. Петрушевский⁴⁶⁰, антрополог Г.Ф. Дебец, археолог А.П. Окладников. Об общении с последними двумя и С.П. Толстовым можно узнать из письма Гумилева к матери от 18 ноября 1955 г.: «...очень бы хотелось получить еще <научные книги>... Языки я не забыл, прочту по франц<узски> и по-английски. ...обратись за советом к людям знающим. Напр<имер> в Институт Этнографии..., где работает Георгий Францевич Дебец. Да и у самого Толстого Сергея Павловича можешь по-

⁴⁵⁸ Решетов А.М. Наказание без преступления: из биографии Л.Н. Гумилева 1930-1956 гг. // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. С. 25.

⁴⁵⁹ Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1972. С. 369. Вероятно, этим временем следует датировать спор Гумилева об этносе и языке с директором кабинета – А.А. Фрейманом. См. Гумилев Л.Н. География этноса... С. 11. Если это так, то перед нами важное свидетельство того, что Гумилев свою теорию продумывал и обсуждал еще до второго лагерного срока.

⁴⁶⁰ А.Ю. Якубовского Гумилев воспринимал как равного. В письме А. Ахматовой из лагеря (от 3.04.1955), комментируя ходатайство В.В. Струве в Прокуратуру (См. Ахметшин Ш.К. Лев Николаевич Гумилев. С. 246-247), Гумилев заметил: «То, что Вас.Вас. <Струве> написал, что я могу заменить Якубовского (умер в 1953 г. – А.С.) приятно, но отнюдь не лестно. Я и 5 лет назад был сильнее его, как историк Востока, а теперь и подавно. Сильнее меня только сам Вас.Вас. и Петрушевский – этих мне не догнать» (там же, с. 209).

просить для меня оттиски по указанным темам, только сей последний – муж зело важный, а первый очень любезный... А в Ленинграде надо попросить... Окладникова Алексея Павловича, он простой и приятный человек»⁴⁶¹. О споре с С.П. Толстовым Гумилев рассказывает в письме П.Н. Савицкому от 19 декабря 1956 г.: «По поводу Вашего сомнения в правоте моей концепции о пайкендских событиях я приведу Вам мой личный спор с С.П. Толстовым в его директорском кабинете. Он высказывал те же сомнения...»⁴⁶².

В 1946–1949 гг. Гумилев каждый сезон участвовал в археологических экспедициях: Юго-Подольской, под руководством М.И. Артамонова (1946–1947 гг.); Горно-Алтайской, под руководством С.И. Руденко (1948 г.); Саркельской, под руководством М.И. Артамонова (1949 г.)⁴⁶³. С тех времен зародилась его дружба с С.И. Руденко, продлившаяся до самой смерти последнего. На книгах и оттисках статей, опубликованных по результатам экспедиции, С.И. Руденко оставит впоследствии дарственные надписи характерного содержания: «Льву Николаевичу Гумилеву на память о наших совместных работах на Алтае. С. Руденко. 27. IV. 59» (статья «The mythological eagle, gryphon, the winged lion and the wolf in the art of Northern Nomads // *Artibus Asiae* – 1958 – Vol. XXI, 2»); «Дорогому Льву Николаевичу Гумилеву на память о наших совместных работах на Пазырыке. <подпись> 13/X.1960» на книге «Культура населения Центрального Алтая в скифское время» (М.-Л., 1960); «Дорогому Льву Николаевичу Гумилеву на память о наших общих раскопках на Алтае. С. Руденко» на

⁴⁶¹ Опубликовано в: Ахметшин Ш.К. Лев Николаевич Гумилев. – СПб.: Славия, 2011. С. 309. Книга Г.Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР» (М.-Л., 1948), на которую Гумилев неоднократно ссылался, имеет дарственную надпись: «Льву Николаевичу Гумилеву с дружеским рукопожатием. Автор».

⁴⁶² Письма Л.Н. Гумилева П.Н. Савицкому. 1956 г. // Геополитика и безопасность – 2009 – №1 – С. 101–129. Спор в письме не датирован, но мы относим его к 1940-м гг. по двум причинам: 1) на момент написания письма прошло всего полгода с освобождения Гумилева, и он вряд ли успел лично подискутировать с С.П. Толстовым; 2) содержание спора соответствует главе 3 («Распря восьмидесятых годов») диссертации Гумилева и Экскурсу II («Тирания Аброя») вышедшей в 1948 г. книги Толстова «Древний Хорезм». Хотя С.П. Толстов руководил кандидатской диссертацией Гумилева, на него впоследствии никогда не ссылался. Тем не менее, по упоминаниям Толстова Гумилевым можно утверждать, что, даже polemизируя с ним, Гумилев сохранял к нему доброе отношение. Ср. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 163, 210-211, 579.

⁴⁶³ Куркчи А.И. Л.Н. Гумилев и его время... С. 33-35. Живя в чужих словах... С. 602-603.

альбоме «Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. Из оледенелых курганов Горного Алтая» (М.: Искусство, 1968).

В то же время Гумилеву радоваться было нечему. В результате известного постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» его в декабре 1947 г. отчислили из аспирантуры с формулировкой «несоответствие филологической подготовки избранной специальности»⁴⁶⁴. По собственным воспоминаниям Гумилева, «несоответствие действительно было – требовалось два языка, а я сдал пять»^{465*}.

*В связи с этим событием сочинил бурный конфликт между Гумилевым и его руководителями – С.А. Козиным и А.К. Боровковым – и встал на сторону последних С.С. Беляков. Биограф полагает, что не за постановление Жданова Гумилева выгнали из аспирантуры. Поскольку рассуждения С.С. Белякова уже подверглись убедительной критике, приведем ее фрагмент: «...стремление подвергнуть ревизии господствующую точку зрения, опирающуюся на воспоминания самого Гумилева, приводит к парадоксальным результатам. Ну, например, Гумилев считал, что его выгнали из аспирантуры... "из-за мамы". <...> Гумилевская версия... никем не оспаривалась, кроме Белякова. "Между Ждановским постановлением и отчислением Гумилева прошли год и четыре месяца. Медленно же доходила воля партии и правительства до академического института!" (с. 203) – иронизирует биограф и выдвигает другую версию. В институте тон задавали ученые дореволюционной школы, востоковеды-полиглоты..., ибо "востоковедение – это в первую очередь филология и лишь затем – история" (с. 204). <...> Гумилев же, рассуждает биограф, плохо владел тюркскими языками, не знал древнемонгольского, маньчжурского, китайского – то есть тех языков, которые требовались для написания диссертации о кочевниках Центральной Азии. "Как мог Боровков относиться к такому аспиранту?" (с. 206). Зададим встречный вопрос: а что, когда Гумилева принимали в аспирантуру весной 1946-го, его филологическую подготовку не выяснили? И когда принимали экзамены – она тоже не обнаружилась? <...> Беляков делает акцент на официальной формулировке: Гумилева отчислили "как не соответствующего по своей филологической подготовке избранной специальности". Вот уж чему не следует доверять, так это подобного рода документам»⁴⁶⁶.

Таким образом, вся конструкция С.С. Белякова основана на домыслах. Во-первых, версия отчисления «за маму» подтверждена самой А. Ахматовой: «...сына ...начали гнать из аспирантуры Ак<адемии> н<аук> (под руководством Боровкова и Козина), причем было ясно, что беда во мне»⁴⁶⁷. Во-вторых, красочно описывая недостатки «филологической подготовки» Гумилева, С.С. Беляков преувеличил единственное свидетельство о конфликте и умолчал о его реальной причине. Отзыв М.И. Артамонова для прокуратуры вполне ясно говорит о ней: «Л.Н. Гумилев никогда не был сторонником теории Н.Я. Марра и никогда не упускал случая вступить в полемику с марристами... Особенно острыми были столкновения Л.Н. Гумилева с его официальным руководителем акад. Козиным и с проф. А.Н. Бернштамом,

⁴⁶⁴ Решетов А.М. Наказание без преступления: из биографии Л.Н. Гумилева 1930-1956 гг. С. 25-26.

⁴⁶⁵ Гумилев Л.Н. Автонекролог // Лавров С.Б. Лев Гумилев: судьба и идеи. С. 22.

⁴⁶⁶ Латынина А. «Почему между народами были и будут кровавые скандалы» // Новый мир. 2013. №3. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2013/3/pochemu-mezhdu-narodami-byli-i-budut-krovavye-skandaly.html (дата обращения: 1.07.2023).

⁴⁶⁷ Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). – Москва – Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. С. 265.

которых он неоднократно уличал в грубых фактических ошибках. Я сам, увлекаясь теорией Н.Я. Марра, неоднократно вступал в теоретические споры с Л.Н. Гумилевым...»⁴⁶⁸. С.С. Беляков, цитируя отзыв с места, где говорится о спорах Гумилева с «маститыми» (без имен) учеными, заканчивает на «фактических ошибках», опуская всё, что касается «марризма» (Гумилев сын Гумилева. С. 207–208). В результате, получилось, что под «маститыми учеными» М.И. Артамонов понимал С.А. Козина и А.Н. Бернштама, но это не так. Их он причислил к «марристам». Неприятие «марризма» в конце 1940-х гг. еще очень мягко могло быть названо «несоответствием филологической подготовки», поскольку, по мнению М.И. Артамонова, полемика с марристами создала Гумилеву «репутацию человека с антисоветской направленностью».

Диссертация на момент отчисления была написана (всего за полтора года) и на нее получены положительные отзывы: от члена-корреспондента АН СССР А.Ю. Якубовского, профессоров И.П. Петрушевского, Н.В. Кюнера, М.И. Артамонова.

Находясь в лагере, Гумилев в письме к Н.В. Варбанец (от 08.08.1955) вспоминал слова А.Ю. Якубовского на своей защите: «Помнишь, что сказал Юрьич <А.Ю. Якубовский> на защите: "Из кучи хлама сделана связная история за 100 лет" ...»⁴⁶⁹. В отзыве на подготовленную Гумилевым к печати (в «издании ИИМК и в "Известиях" Казахской Академии Наук, как полностью, так и в виде отдельных статей») рукопись диссертации А.Ю. Якубовский писал: «Работа является первым сводным трудом по истории первого тюркского каганата. Автор с большой тщательностью использовал разнообразные источники: китайские, персидские, византийские, армянские и др. Часть этих источников проработана автором в подлинниках, а другая – в хорошо проверенных переводах. Привлечены автором и археологические материалы. <...> ...книга Л.Н. Гумилева восполнит большой недочет в нашей восточной исторической литературе, и не только дает нужные материалы в сводном виде по истории первого тюркского каганата, чего мы еще не имеем ни в советской, ни тем более в зарубежной литературе, но и четко рисует политическую обстановку в столетие 546–657 гг.»⁴⁷⁰.

⁴⁶⁸ Вспоминая Л.Н. Гумилева. С. 333-334.

⁴⁶⁹ «И зачем нужно было столько лгать?» Письма Л. Гумилева к Н. Варбанец из лагеря. 1950-1956: [сост. Т. Позднякова и М. Козырева]. – СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме – Агат, 2005. С. 111.

⁴⁷⁰ Машинопись на двух листах (не датирована) с личной подписью А.Ю. Якубовского хранится в архиве музея-квартиры Л.Н. Гумилева. Отзыв, поданный А.Ю. Якубовским в дис-

Отзыв И.П. Петрушевского (24.10.1947), составлен, что важно, еще до отчисления Гумилева из аспирантуры. В нем так же ясно отмечены достоинства исследования: «Работа, предложенная автором в качестве диссертации... производит впечатление серьезной исследовательской работы, основанной на тщательном изучении большого числа источников и исследовательской литературы. Автор представил сводный труд по политической истории первого Тюркского каганата – иначе говоря, автором выполнена задача, которая до настоящего времени оставалась в научной литературе невыполненной, причем задача была весьма нелегкая, в виду необходимости сопоставления и критического изучения отрывочных и часто противоречивых известий о тюрках, разбросанных в самых разнообразных источниках... <...> Несомненной заслугой автора является составление... синхронистических и генеалогических таблиц с обширными примечаниями... Одни только эти приложения, вместе с историческими картами, являются значительным вкладом в недостаточно разработанную до сих пор историю Тюркского каганата»⁴⁷¹.

По мнению рецензента, диссертация уже могла быть допущена к защите «после литературной правки, пополнения научного аппарата и внесения указанных выше исправлений»⁴⁷². Все было учтено. Рукой Гумилева внизу последнего листа отзыва сделана приписка: «Рекомендованные исправления внесены». Заметим, оба востоковеда не высказали ни слова о «несоответствии филологической подготовки».

Защититься Гумилеву на историческом факультете разрешил ректор Ленинградского университета А.А. Вознесенский. О том, как проходила защита

сертационный совет Ленинградского университета, опубликован Р.Ш. Ганелиным. Местами текстуально совпадая с цитированным, он несколько более критичен, но зато более детален, а общая оценка работы Гумилева неизменно положительна. См. Ганелин Р.Ш. Две страницы из жизнеописания Л.Н. Гумилева // Новейшая история России. 2013. №1. С. 7–33. С. 14–16.

⁴⁷¹ Машинопись на пяти листах с личной подписью И.П. Петрушевского и датой 24 октября 1947 г. (Ленинград) хранится в архиве музея-квартиры Л.Н. Гумилева. Факсимиле отзыва опубликовано: Ганелин Р.Ш. Две страницы из жизнеописания Л.Н. Гумилева. С. 28–33.

⁴⁷² Некоторая сдержанность И.П. Петрушевского привела С.Б. Лаврова (Лев Гумилев. Судьба и идеи. С. 186) к ошибочному заключению, что отзыв отражает ситуацию, «когда на истфаке шла "игра" – то ли допускать, то ли не допускать» Гумилева к защите. В 1947 г. вопрос о защите на истфаке даже не ставился.

(28.12.1948), сохранилось немало свидетельств. Приведем одно из них: «Вначале Лев прочитал свой перевод кусочка из "Шах-наме" – бой Бахрама с Хосровом. <...> Дальше оппоненты стали возражать. <...> Он так мастерски отражал все их возражения, что казался Сирано де Бержераком...»⁴⁷³.

А.Н. Бернштам (по словам Р.Ш. Ганелина, давший высокую оценку дипломной работе Гумилева⁴⁷⁴) на защите выступил с шестнадцатью возражениями, обвинив Гумилева, в частности, в немарксизме и незнании восточных языков. В ответ Гумилев заговорил по-персидски, затем, когда Бернштам не ответил, по-тюркски, но он снова не ответил. В итоге, 15 голосов было «за» и один «против»⁴⁷⁵. Однако свидетельство о присуждении степени пришло на имя Гумилева, когда он был снова в заключении (арест произошел 06.11.1949).

Кроме диссертации можно доподлинно установить еще ряд работ, подготовленных Гумилевым до момента ареста осенью 1949 г., – на основе их упоминаний в переписке или по сохранившимся отзывам на эти работы:

- 1) Статья об удельно-лествичной системе древних тюрков – первая научная работа Гумилева, написана в 1935–1936 гг.⁴⁷⁶, но опубликована лишь в 1959 г.⁴⁷⁷
- 2) «Статуэтки воинов из Туюк-Мазара» – дипломная работа Л.Н. Гумилева, единственная опубликованная в этот период (см. приложение 2)⁴⁷⁸.
- 3) «Отравленные стрелы у монголов» – упоминается в «Отзыве о научной работе аспиранта Л.Н. Гумилева» за подписью М.И. Артамонова от 02.06.1947⁴⁷⁹

⁴⁷³ Козырева М.Л. Лев и Птица // Живя в чужих словах... С. 148-149.

⁴⁷⁴ Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. – СПб.: Нестор-История, 2004. С. 56.

⁴⁷⁵ «Биография научной теории» // Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: Рольф, 2001. С. 9–10.

⁴⁷⁶ Вероятно, от этой статьи Гумилев отсчитывал начало работы над монографией «Древние тюрки»: «Эта книга была начата 5 декабря 1935 г.» (Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 3).

⁴⁷⁷ Гумилев Л.Н. Удельно-лествичная система у тюрков в VI–VIII вв. // Советская этнография. 1959. №3. С. 11–25.

⁴⁷⁸ Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туюк-Мазара // Сборник МАЭ. Т. XII. – М.-Л., 1949. С. 232–253.

⁴⁷⁹ Факсимиле отзыва: Ганелин Р.Ш. Две страницы из жизнеописания Л.Н. Гумилева. С. 17–19. С. 17. Нет сомнений, что статья легла в основу параграфа «Хиновские стрелы» монографии «Поиски вымышленного царства» (с. 315–318). Неясно только, отталкивался ли Гумилев уже в 1940-е гг. от загадочного словосочетания «хиновская стрелка» в «Слове о полку Игореве» или связал оба этих сюжета (отравленные стрелы и «хиновские стрелы») только в середине 1960-х гг., когда вышла статья «Монголы XIII в. и "Слово о полку Игореве»

- 4) «Проблемы жанра "Сокровенного сказания"» – упоминается в «Отзыве...» М.И. Артамонова, причем с характеристикой, которая не оставляет сомнений в том, что это именно за работа: «Это <"Сокровенное сказание">, по мнению автора, памфлет, вышедший из кругов военной оппозиции, направленный против абсолютизма и персонально против Елюй-Чуцая...»⁴⁸⁰.
- 5) «Маздеизм в Монголии» – сохранился отзыв Н.В. Кюнера от 03.01.1947⁴⁸¹.
- 6) «Пайкендская трагедия» – упоминается в «Отзыве...» М.И. Артамонова от 02.06.1947 и в письме Л.Н. Гумилева П.Н. Савицкому от 19 декабря 1956 г.⁴⁸²
- 7) «Исчезнувшие племена долины р. Или» – опубликована ли она в Известиях ВГО (№8, 1949) Л.Н. Гумилев просит узнать В.Н. Абросова в письмах ему из лагеря (от 09.02 и 03.03.1955)⁴⁸³.
- 8) «Бахрам Чубин» – по собственному свидетельству Гумилева, статья писалась в «сумасшедшем доме», где он работал библиотекарем с февраля по май 1948 г.⁴⁸⁴

ве"» (Доклады по этнографии. Вып. 2. 1966. С. 5–80), переработанная затем в главу для «Поисков вымышленного царства».

⁴⁸⁰ Ганелин Р.Ш. Две страницы из жизнеописания Л.Н. Гумилева. С. 18. Статья опубликована дважды: Гумилев Л.Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, 1970, С. 484–502. С. 495 («памфлет»), 498 (направленность против Елюя Чуцая). Любопытный анахронизм, присутствующий даже в издании 1977 г., косвенно указывает на время, когда уже в новом виде статья была подготовлена к печати – начало 1960-х гг.: «Вопрос о степени достоверности сведений "Тайной истории монголов" следовало бы решить монголистам, филологам. Однако за последние 20 лет, истекших с выхода в свет перевода С.А. Козина (1941 г. – А.С.), эта проблема даже не ставилась» (Там же. С. 500).

⁴⁸¹ Опубликовано через 21 год: Гумилев Л.Н. Древне-монгольская религия // Геогр. общество СССР. Доклады отделений и комиссий. Вып. 5: Этнография. – Л., 1968. С. 31–38.

⁴⁸² См. выше фрагмент из письма П.Н. Савицкому, где Гумилев сообщает о споре с С.П. Толстовым в его «директорском кабинете». Материал, несомненно, использован в статье: Гумилев Л.Н. Великая распря в первом тюркском каганате в свете византийских источников // Византийский временник. Т. XX. 1961. С. 75–89.

⁴⁸³ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 70, 73. Вероятно, или сам Гумилев допустил опisku, или произошла ошибка при расшифровке рукописного текста письма, потому что «Известия ВГО» выходили раз в два месяца, и речь могла идти только о последнем выпуске за 1949 г. под номером 6. Сама статья была напечатана в 1961 г.: Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. Вып. II. – М.: Наука, 1961. С. 103–111.

⁴⁸⁴ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 167. Письмо В.Н. Абросову (август 1960 г.). Статья опубликована в: Гумилев Л.Н. Бахрам Чубин (опыт критики источников) // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 228–241.

9) «Буддийская иконография Агинского Дацана (Опыт расшифровки древне-тибетского пиктографического письма)» – статья писалась для одного из изданий Кунсткамеры и связана с работой Гумилева по составлению описи коллекции Агинского Дацана⁴⁸⁵. На статью имеются положительные отзывы китаеведов Б.И. Панкратова и Н.В. Кюнера (датирован 19.09.1949). В письме к Э. Герштейн (от 12.06.1955) Гумилев удивляется: «Да откуда вдруг выплыла моя работа о тибетской пиктографии?»⁴⁸⁶. Она поясняет, что «оттиск» привезла А.А. Ахматова из Москвы. Иных свидетельств, как и самой изданной до 1955 г. статьи, нет. Возможно, статья действительно была набрана, но не опубликована, а оттиск этого набора сохранился.

10) «Этногенез теленгитов» – в письме П.Н. Савицкому (от 18.11.1956) Гумилев называет эту работу «монографией», написанной после Горно-Алтайской экспедиции. Видимо, работа была составлена из части диссертации и дополнена экспедиционными наблюдениями 1948 г.⁴⁸⁷

По приведенному перечню можно представить, насколько разнообразны были интересы Л.Н. Гумилева в 1930–1940-е гг. Перечисленные работы писались помимо диссертации (и стихов, среди которых несколько поэм об эпохе Чингисхана⁴⁸⁸), поэтому нельзя не удивляться работоспособности автора, учи-

⁴⁸⁵ Задержку в печати Гумилев связывал с позицией Л.П. Потапова (Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 167). Опубликовано: Гумилев Л.Н. Легенда и действительность в древней истории Тибета // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3. С. 103–113. Составленная Гумилевым опись по-прежнему хранится в Отделе учета Кунсткамеры как действующий документ: «Опись 4698. Регистратор Гумилев, время регистрации 1947 г.».

⁴⁸⁶ Герштейн Э. Мемуары. – М.: Захаров, 2002. С. 501.

⁴⁸⁷ В рецензии М.И. Артамонова на подготовленную для печати рукопись диссертации говорится: «...<автору> убедительно удалось показать, что потомки древних тюрок... вплоть до настоящего времени обитают в Южном Алтае (телесы-теленгиты)». Цит. по: Лавров С.Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. С. 190–191. О сборе материалов о теленгитах во время Горно-Алтайской экспедиции Гумилев сообщал Н.В. Варбанец (письмо от 20.06.1948): «...по вечерам и воскресеньям ищу тюрок и уже нашел. В большую тетрадь вписываю наблюдения и впечатления, в виде очерков, вернее эскизов». Опубликовано: Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрок-тугю // Советская археология. 1959. № 1. С. 105–114. В письме от 11.05.1959 П.Н. Савицкий, имея в виду «Этногенез теленгитов», замечает: «В "Алтайской ветви" кое-что было мне знакомо из Вашей статьи, присланной в рукописи. Но есть и новое» (Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву. 1958–1959 гг. // Геополитика и безопасность. 2009. №2-3. С. 129–159).

⁴⁸⁸ Точно датированное (по письму, адресованному В.Б. Шкловскому, от 17.02.1945) факсимиле трагедии в стихах «Смерть князя Джамуги» опубликовано в: Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 37–54.

тывая неблагоприятные жизненные условия, в которых он находился. Если бы не новый арест, то к концу 1949 г., получив кандидатскую степень, Гумилев был бы вполне успешным историком-востоковедом, имеющим десяток статей и одну монографию. Его имя значилось бы среди участников экспедиций, раскапывавших Саркел и Пазырыкские курганы, что дало бы основание быть причисленным и к числу археологов.

Все пошло совсем не так. Гумилев, конечно, защитился, но пользы от того ему в лагере не было никакой. Он имел массу написанных работ, но до 1959 г. всего одну опубликованную. Об участии Гумилева в раскопках знали все. Как свидетельствуют дарственные надписи, С.И. Руденко воспринимал его далеко не как рядового участника экспедиции, но упоминать ученого, находящегося в лагере, в выходивших в то время публикациях было невозможно.

Есть еще одно интересное свидетельство, показывающее, какое место занимал Гумилев в межлагерный период: в 1949 г. у него уже была подопечная аспирантка. В одном из первых писем после освобождения он сообщает о ней другу: «Моя бывшая аспирантка Лида еще не защитила диссертацию. Я ее прочел и нашел в ней фактических ошибок в 4 раза меньше, чем у Натаныча <А.Н. Бернштама>. Она остановилась в своем научном развитии на осени 1949 г. Это лучше, чем деградация. В общем, защититься она сможет...»⁴⁸⁹. Вряд ли Гумилев ею руководил официально, потому что до лагеря не успел получить свидетельство о степени кандидата наук.

О том, что это за «Лида» можно было бы гадать, если бы не одна случайная находка. В библиотеке музея-квартиры Гумилева в книге Л.Л. Викторовой «Монголы» (М., 1980) имеется дарственная надпись: «Льву Николаевичу с искренней благодарностью за бескорыстную помощь бестолковой аспирантке в 1949 г. Л. Викторова». Значит, аспиранткой «Лидой» была Лидия Леонидовна Викторова – выдающийся этнограф-монголовед. Диссертация, которую она защитила в 1961 г., называлась «Ранний этап этногенеза монголов»⁴⁹⁰.

⁴⁸⁹ Письмо В.Н. Абросову от 29 июня 1956 г. Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 120.

⁴⁹⁰ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 101.

Итак, ко времени выхода своей первой книги Л.Н. Гумилев был не только не новичком в науке, но и сложившимся опытным ученым. Нельзя забывать, что, если бы его диссертация не обладала значительной научной ценностью, он никогда бы не получил степени кандидата наук. Еще не изданные работы Гумилева были высоко оценены и рекомендованы к печати крупнейшими востоковедами и археологами. Значит, и монография «Хунну» не должна была быть некачественной (что, разумеется, не исключает отдельных недостатков). «Историю Хунну» Гумилев, не надеясь выйти живым из лагеря, задумывал в качестве посмертной докторской диссертации⁴⁹¹. Свою задачу он определял так: «Если мне удастся завершить мою работу, то это будет переворот в исторической науке... Для науки будет открыта новая область, у фантазии будет выдернута из-под ног почва и на месте "белого пятна" появятся стройные контуры событий раннего средневековья в Азии»⁴⁹².

По письмам из лагеря можно установить этапы и характер работы, проделанной за годы заключения. В письме Н.В. Варбанец (от 08.08.1955) Гумилев описывает масштаб своего исследования: «Случилось так, что выкраивается время и место, и хунны, уйгуры, кара-кипчаки из контуров и теней постепенно превращаются в фигуры и иногда даже наливаются кровью, хотя еще не говорят, но иногда бормочут. <...> Теперь уже сделано за 1000 лет от н.э. и кое-что за 1000 лет до н.э.»⁴⁹³. Стиль своей книги Гумилев характеризовал так (письмо от 17.08.1955): «Местами это помесь Момсена с Майн Ридом, но я убежден, что история должна быть интересной, а не скучной. Этот тезис мне доставил в свое время немало неприятностей, но я решил плевать на шипение коллег – я сам знаю, что хорошо. А эрудиции хватает, не придерутся» (с. 113). Через месяц Гумилев сообщает о продвижении своей работы (письмо от 29.09.1955): «Думаю, что работы мне еще месяца на 3-4, а там и людям показать будет не

⁴⁹¹ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 85. Письмо В.Н. Абросову от 03.06.1955.

⁴⁹² Там же. С. 75. Из письма В.Н. Абросову от 15.03.1955. Напомним (см. параграфы 1.2, 1.3), что составной частью рукописи «Хунну» в то время были разделы по теории этногенеза и методике исторического исследования, т.е. всё, что будет опубликовано отдельно и много позднее «Хунну».

⁴⁹³ «И зачем нужно было столько лгать?» С. 111. Далее ссылки на номера страниц в тексте.

стыдно. Но, конечно, только показать, ибо без столичных библиотек никак не обойтись» (с. 117). Последнее как нельзя лучше характеризует понимание Гумилевым своих возможностей в условиях заключения и серьезности предстоящей работы по доведению черновых текстов до того момента, когда их можно будет не просто «показать», а направить в печать.

Не пройдет и двух недель, как Гумилев напишет (08.10.1955), что его работа «готова и годится к защите, а с малой доработкой и к печати» (с. 120), но уточнит при этом: «Конечно, там многого не хватает, но взять пособий негде. А то, что можно было достать, выжато досуха. Она 3 года наполняла мою жизнь, это целый период и вот наступил конец» (с. 123).

Также Гумилев рассказывает о составлении исторических карт Центральной Азии (письмо от 21.11.1955), которые будут позже напечатаны в его книгах: «Сделать историческую карту адски трудно, но когда сделаешь, чувствуешь восторг. <...> Меня несколько беспокоит, что у меня наверняка будут расхождения с Klarproth'ом и Parker'ом и с самим Грумм-Грижмайло; надо будет выяснять кто прав и почему. Но в моих картах нет одного существенного недостатка: легкомыслия и связанной с ним поспешности. Каждую границу проверяю, но м<ожет> б<ыть> у тех есть дополн<ительный> материал. Вот в чем штука...» (с. 129).

Из писем Эмме Герштейн узнаем не менее интересные подробности. Так, к научным исследованиям Гумилева проявил интерес академик Н.И. Конрад. Он хотел привлечь Гумилева к написанию разделов о хуннах для «Всемирной истории»⁴⁹⁴. Гумилеву удалось переслать 30 тетрадей рукописи Э. Герштейн, а она передала их академику Конраду. Указание, что со всем этим делать, Гумилев дает в письме (октябрь 1955 г.): «... "Древнюю Историю Срединной Азии" прошу при мамином участии перепечатать на машинке в 4 экземплярах и хранить как докторскую диссертацию. <...> На случай моей смерти, завещаю передать свое сочинение в Академию Наук, на предмет дополнения, редактирования и опубликования, с присвоением мне докторской степени посмертно.

⁴⁹⁴ Герштейн Э. Мемуары. С. 505-506.

... "История" может быть показана проф. Конраду и, при сокращении, использована для "Всеобщей истории"..."⁴⁹⁵. Э. Герштейн в точности выполнила просьбу: «Перепечатав на машинке, я отнесла ее Конраду. С какой нежностью он держал в руках, как будто взвешивал каждую, четыре красные папки, в которые я вложила рукопись!»⁴⁹⁶.

К сожалению, опубликовать сокращенный текст рукописи во «Всемирной истории» не удалось; почему, точно неизвестно⁴⁹⁷. Малообоснованным представляется мнение С.С. Белякова, что причина в «концептуальной несогласии двух ученых»⁴⁹⁸. Добрые контакты Гумилева с Н.И. Конрадом продолжались и позже⁴⁹⁹. Кроме того, автором раздела об азиатских гуннах, в томе II, куда только и могли попасть материалы Гумилева, был совсем не Н.И. Конрад, а антиковед О.В. Кудрявцев⁵⁰⁰.

О том, как проходили доработка и редактирование «Хунну» после освобождения Гумилева есть не менее интересные свидетельства. В письме к матери (от 11.06.1957) читаем: «В Москве я был 1 час 30 мин. За это время успел познакомиться с С.В. Киселева и дать ему рукопись на окончательный просмотр. Он обещал ее прислать тебе – я дал адрес». С.В. Киселев был ведущим специалистом по археологии Южной Сибири и Монголии. Его монографию «Древняя история Южной Сибири» (М., 1951) Гумилев внимательно изучал еще в лагере, снабжая отдельные места своими пометками и примечаниями, а затем неоднократно на нее ссылаясь. За полгода до выхода книги (письмо от 29.11.1959) Гумилев напишет А.А. Ахматовой: «Недели через две, видимо, приеду в Москву, чтобы принять участие в доработке "Хуннов", по замечаниям Симоновской». Л.В. Симоновская – специалист по средневековому Китаю. Именно ее ранее рекомендовал в редакторы будущих «Древних тюрок» Н.И.

⁴⁹⁵ Там же. С. 512-513

⁴⁹⁶ Цит. по: Конрад Н.И. Неопубликованные работы. Письма. – М.: РОССПЭН, 1996. С. 507.

⁴⁹⁷ Герштейн Э. Мемуары. С. 505.

⁴⁹⁸ Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева. С. 260.

⁴⁹⁹ Сохранилось несколько писем (Конрад Н.И. Неопубликованные работы. С. 324). Также Н.И. Конрад рекомендовал к скорейшей публикации рукопись первой части будущих «Древних тюрок».

⁵⁰⁰ Всемирная история. Т. II. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1956. С. 15-16.

Конрад⁵⁰¹. На рукопись «Хунну» были получены положительные отзывы (с рядом замечаний) А.П. Окладникова (опубликован нами в: Л.Н. Гумилев: Pro et contra) и В.В. Струве. Казалось бы, после такой тщательной подготовки должно было выйти значительное исследование о первой кочевой империи. Однако книге было отказано во всякой научности.

Рецензия К.В. Васильева – лишь начало борьбы за «Хунну». Возмущен ее тоном и выводами был не только автор, но и многие его коллеги. В результате, 26 сентября и 18 декабря 1961 г. прошли обсуждения книги и рецензии на нее в Библиотеке Государственного Эрмитажа и в Ленинградском Отделении Института народов Азии (ИНА)⁵⁰². Сотрудники Эрмитажа выступили на стороне Гумилева, своего коллеги, а все сотрудники ИНА, соответственно, – К.В. Васильева. Из их числа лишь один академик В.В. Струве пытался защитить Гумилева, своего бывшего студента, книгу которого он рекомендовал в печать. По его мнению, книга написана живо, содержит новые установки и оценки и, несмотря на отдельные недостатки, не может быть вычеркнута из списка научной литературы⁵⁰³.

В чем была причина единодушного неприятия первой книги Гумилева самими разными его коллегами, не совсем ясно. Отмечаемая Гумилевым еще в лагерных письмах, зависть коллег к его легкому стилю и способности обобщать сложный материал может быть лишь одной из причин. О наличии некоей личностной подоплеки можно судить по письму Гумилева В.Н. Абросову. В нем он сообщает, что вскоре после появления публикации обсуждения «Хунну» встретил трех востоковедов, с которыми прежде не имел трений: «Так они еле кланяются, и дикую злобу я ощутил всем телом. <...> Я очень до-

⁵⁰¹ Двусторонний машинописный лист с обращением И.Н. Конрада на имя директора Института востоковедения академика Таджикской АН Б.Г. Гафурова, хранится в архиве музея квартиры Л.Н. Гумилева. Работе дана высокая оценка, предложено ее издать после редактирования под руководством китаеведа Л.В. Симоновской и тюрколога А.Ф. Миллера. Документ не датирован, но, видимо, составлен между 1956 и 1958 гг. В 1956 г. Б.Г. Гафуров возглавил Институт, а в 1958 г. стал членом-корреспондентом АН СССР. И.Н. Конрад в 1958 г. стал уже академиком, тогда как бумага подписана им еще в звании члена-корреспондента.

⁵⁰² В Государственном Эрмитаже и Ленинградском Отделении Института народов Азии АН СССР // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 202–210.

⁵⁰³ Там же. С. 204–205.

волен этой публикацией, но сомневаюсь, чтобы они снова стали на меня кидаться. Теперь они убедились, что это не так просто и легко, даже когда число на их стороне»⁵⁰⁴.

В письмах Гумилева можно найти указание еще на одну, может быть, более важную причину. Так, в письме О.Н. Высотскому (сводному брату) от 16 февраля 1958 г. Гумилев пишет: «Дело в том, что директор ИВАНa ненавидит директора Эрмитажа, и этого оказалось достаточно, чтобы отвергнуть мою книгу. На меня удручающе подействовало хамство и цинизм, с которым долг перед Наукой принесен в жертву личным, даже не интересам, а счетам»⁵⁰⁵. Директором Ленинградского отделения Института востоковедения был академик И.А. Орбели, а директором Эрмитажа – М.И. Артамонов.

Случилось так, что на протяжении многих лет М.И. Артамонов шел по пятам И.А. Орбели, сменяя его на различных организационных должностях. Сначала коллектив Института истории материальной культуры предпочел после неудачного руководства Орбели выбрать на его место Артамонова (1939 г.)⁵⁰⁶. Затем то же самое произошло в Эрмитаже (1951 г.). Как отмечает И.М. Дьяконов, Орбели «пришлось снять с поста директора Эрмитажа, так как там он поссорился со всей остальной администрацией и не пускал к себе в кабинет даже заведующих секторами»⁵⁰⁷. Через несколько лет он возглавил Ленинградское отделение ИВАНa.

Из самых различных воспоминаний известно, что академик Орбели имел крутой, «феодалный», нрав. Так, Б.Б. Пиотровский писал: «И.А. Орбели был своеобразным директором, с пережитками "феодалной идеологии". Он руководил Эрмитажем сверхсамодержавно, что не раз критиковалось в прессе...»⁵⁰⁸. По его мнению, «стиль руководства Орбели уже не соответствовал времени. Для него Эрмитаж был настолько с ним слит, что он все главные

⁵⁰⁴ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 182. Письмо от 12 сентября 1962 г.

⁵⁰⁵ Там же. С. 235.

⁵⁰⁶ Антология советской археологии. (1930-е годы). Т. II. – М., 1995. С. 8.

⁵⁰⁷ Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. С. 733.

⁵⁰⁸ Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. – СПб.: Наука, 1995. С. 253.

вопросы решал единолично»⁵⁰⁹. Т.А. Шумовский, заставший Орбели уже на посту директора института, отметил схожие черты его характера: «...руководя сложными научными коллективами, он, иногда слишком властный, подчас несправедливый в малом, всегда последовательно и принципиально защищал интересы и честь советской науки»⁵¹⁰.

Нет ничего удивительного в том, что личная неприязнь И.А. Орбели к М.И. Артамонову проецировалась на его ученика. Это отношение хорошо иллюстрирует письмо к В.Н. Абросову (от 12.01.1960), в котором Гумилев сетует на поведение своего друга и коллеги М.Ф. Хвана: «Не казал глаз 3 месяца. <... > ...но потом проговорился – боялся дружбой со мной рассердить Орбели. Знаешь, мне сейчас просто противно»⁵¹¹.

Вся проблема состояла в том, что Гумилев намеревался издать «Хунну» с грифом Института востоковедения, точнее предложение поступило из самого института: «...я получил 2 предложения дать книгу, причем второе исходило от Института Востоковедения. Я дал обе: одну в Москву – ту, что писал в 1946–1949 гг. (кандидатскую диссертацию – А.С.)..., а вторую представил в ИВАН – это "История Хунну"...»⁵¹². Когда книгу приняли (декабрь 1957 г.), Гумилев восторженно сообщает: «... "Хунны" взяли ИВАН!!! Обсуждение прошло так хорошо, что я даже не ждал. Лучше защиты. Книга представлена к печати, Артамонов – редактор...»⁵¹³. Эти строки интересны тем, что во многом опровергают характер дальнейшей критики книги. Ведь в конце 1957 г. книгу одобряли и рекомендовали в печать те же сотрудники института, которые в 1961 г. пытались ее полностью дискредитировать.

Из недатированного (и неопубликованного) письма Гумилева к матери видно, что события развивались не в лучшую сторону: «Но дело обстоит так: Ленинградский ИВАН обманул меня, но уличить его нельзя, т.к. договоренность была на словах. Поэтому любой скандал или конфликт обернется против

⁵⁰⁹ Там же. С. 263-264.

⁵¹⁰ Шумовский Т.А. У моря арабистики. – М.: Наука, 1975. С. 333-334.

⁵¹¹ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 161.

⁵¹² Там же. С. 133. Письмо В.Н. Абросову от 11.06.1957.

⁵¹³ Там же. С. 136.

меня. С Орбели я ничего требовать не могу, т.к. он заявляет, что все обсуждения шли без его ведома. Это ложь, но ее не разоблачишь. Однако остаются отзывы рецензентов и протокол тюрко-монгольского сектора. <...> Таким образом, ты видишь, что вся судьба рукописи зависит от доброй воли руководства Института, а конфликты доброй воле не способствуют». Нетрудно найти в этом фрагменте параллель с письмом О.Н. Высотскому. Ему же (письмо от 08.04.1958) Гумилев пишет следующее: «После вышеописанных неприятностей я принял вид глубокого отчаяния, чем вполне удовлетворил моих завистников и усыпил их, а сам отправился к академику с работой и всеми отзывами и первый раз в жизни попросил у него покровительства. Он сначала не понял, подумав, что я хлопочу о снисхождении, но когда сообразил, что работа моя безупречна, то обрадовался, ибо надо хлопотать за правду, что с ними бывает не часто. Короче говоря: он представил работу непосредственно в Издательство...»⁵¹⁴. Имя академика не названо, но судя по всему это был именно Орбели, поскольку монография все-таки вышла с грифом Института востоковедения АН СССР.

Значит, уговорить Орбели Гумилеву в 1958 г. все-таки удалось. Но изменило ли это ту самую личностную подоплеку? По всей видимости, нет. Ведь М.Ф. Хван даже в начале 1960 г. боялся рассердить И.А. Орбели дружбой с Гумилевым, за которым стоял ответственный редактор «Хунну» – М.И. Артамонов. Нетрудно предположить, что все последующие удары по книге были направлены не только против автора, но и в не меньшей степени против ее редактора. Однако это противостояние не помешало Гумилеву поучаствовать в 1960 г. в сборнике в честь И.А. Орбели, причем со статьей, посвященной хуннам⁵¹⁵. Так или иначе, обстоятельства подготовки «Хунну» и последующая дискуссия представляют запутанный клубок противоречий, в которых, по-видимому, личностная составляющая перекрывала научную.

⁵¹⁴ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 236.

⁵¹⁵ Гумилев Л.Н. Таласская битва 36 г. до н.э. // Исследования по истории культуры народов Востока: Сборник в честь академика И.А. Орбели. – М.-Л.: Наука, 1960. С. 161-166.

Среди причин неприятия «Хунну» есть еще одна, вероятно, ставшая катализатором всех перечисленных антипатий. Вспомним, что «История Хунну» задумывалась в лагере в качестве «посмертной докторской диссертации», но после освобождения защита стала вполне реальной. И теперь Гумилеву всеми способами пытались воспрепятствовать стать доктором наук.

Вот что Гумилев писал О.Н. Высотскому на этапе подготовки книги к печати (04.09.1959): «Через месяц вернусь в Москву, где буду править "Хунну" с редактором... Но это не докторская, ибо меня заставили сократить работу на 1/3 и только тогда приняли. Скоро защитить докторскую не удастся из-за бешеного сопротивления коллег»⁵¹⁶. Не менее любопытен отрывок из воспоминаний: «... "Хунну" приняли во вновь образованное издательство "Востокиздат". Боже, что началось после ее выхода в свет! На меня накинулись "как тигр на капусту". Весь этот нажим на книгу был предпринят для того, чтобы помешать мне защитить докторскую диссертацию. Но тут я применил хитрый обходной маневр. Они сосредоточились на первой книге, а я взял и втихомолку подготовил другую работу – "Древние тюрки" и защитил ее»⁵¹⁷.

Кому мешало получение Гумилевым докторской степени? Рациональное объяснение найти затруднительно. Мы полагаем наиболее правдоподобной, несмотря на некоторую туманность изложения, «психологическую» версию А.И. Куркчи: «Начинающий, по мнению многих..., Л.Н. должен был на волне... оттепели влиться в дружную когорту... востоковедов-историков... <...> Однако если учесть, насколько была спаяна когорта людей в востоковедческих и этнографических науках, вышедших опаленными, но невредимыми и уцелевшими из 30–40-х годов..., то будет понятна реакция... на новоявленного гениального человека. Он для многих стал олицетворением перемен..., которых не желали случайные люди на ниве науки и культуры»⁵¹⁸.

⁵¹⁶ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 240.

⁵¹⁷ Биография научной теории // Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. С. 10.

⁵¹⁸ Куркчи А.И. Л.Н. Гумилев и его время / Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства, 1997. С. 41-42.

Положение, описанное А.И. Куркчи, подтверждается показаниями противоположной стороны. В 1956–1960 гг. в Ленинграде сложилась сложная поколенческая ситуация, осторожно описанная Е.Д. Бертельсом: «Решить проблему кадров в Ленинграде в ту пору было нелегко. В силу определенных исторических обстоятельств представителей среднего поколения почти не осталось, а единицы старшего поколения уже работали в других учреждениях. Из-за трудностей распределения востоковедов к 1956 г. в Ленинграде скопилось значительное количество выпускников Восточного факультета ЛГУ. Они стремились к научной работе, но вынуждены были работать не по специальности»⁵¹⁹. Решающую роль сыграла позиция И.А. Орбели по кадровому вопросу: «И.А. Орбели решил пойти на известный риск – брать в отделение молодежь. Пусть она будет неопытна, без ученых степеней и званий, но будет обладать ценными качествами – молодостью и энтузиазмом. И.А. Орбели рассчитывал, что под руководством старших коллег молодые востоковеды в короткий срок овладеют знаниями, обретут опыт научной работы»⁵²⁰.

Таким образом, для выживших после репрессий представителей среднего поколения, к каковым относились Л.Н. Гумилев, М.Ф. Хван и Т.А. Шумовский, вернувшиеся в один 1956 год в Ленинград, как будто и не оставалось места. Показательно, что Т.А. Шумовский, *филолог-арабист*, будучи зачисленным И.А. Орбели в штат института, тем не менее, не встретил теплого отношения младших коллег. Причем даже для языковеда неприятие объяснялось недостаточной «филологической подготовкой», но одновременно названа и другая причина: «возвращение в арабистику после многих лет лагерей и ссылок»⁵²¹.

За научной полемикой явно просматривается «конфликт интересов». Востоковеды «среднего поколения», Гумилев и Шумовский, в 1956–1960 гг. каза-

⁵¹⁹ Азиатский музей – Ленинградское отделение... С. 70.

⁵²⁰ Там же. С. 71. Ср. Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. С. 733-734.

⁵²¹ Большаков О.Г. Профессор А.Б. Халидов. Взгляд из Арабского кабинета // Петербургское востоковедение. Вып. 10. – СПб., 2002. С. 553-558. С. 555. Ср. Очерки истории арабской культуры. – М.: Наука, 1982. С. 361. Только очерк Т.А. Шумовского снабжен редакторским примечанием (того же О.Г. Большакова), поправляющим автора.

лись младшим коллегам людьми из другой эпохи, для которых в новых условиях с трудом находилось место и далеко не из-за степени их филологической подготовленности.

Осмелимся предположить, что не каждый участник обсуждения «Хунну» из числа критиков осознавал, на какую цель он работает, вероятно, полагая, что руководствуется собственными мотивами. Однако «синергетическое» действие критики отрицать невозможно. «Хунны» не стали докторской диссертацией Гумилева.

Хронологически подготовка к защите и сама защита переплелись с обсуждениями «Хунну». Описанная Гумилевым в письмах нервная обстановка вполне соответствует версии А.И. Куркчи. Так, 29 июня 1961 г. Гумилев пишет: «Моя диссертация обсуждалась 9 мая. 50 эрмитажных востоковедов и археологов дружно не явились... Все прошло крайне благополучно, но на ученом совете... был поднят вопрос: "почему не высказался отдел Востока?" Директор <М.И. Артамонов> ответил, что отдел Востока своим отсутствием показал, что не имеет к теме никакого касательства. Востоковеды заверещали, но этот писк произвел лишь юмористическое впечатление...»⁵²². Н.И. Казакевич вспоминает, что во время обсуждения на Гумилева «особо рьяно» нападал С.Г. Кляшторный. Присутствовал он и на защите, которая состоялась в Ленинградском университете 26 ноября 1961 г. (через два месяца после первой дискуссии по «Хунну»), но там уже не выступал⁵²³.

За месяц до защиты Гумилев пишет В.Н. Абросову (30.10.1961): «Я никогда не видел, но и не мог вообразить той волны ненависти, которая встретила объявление о моей защите. В Москве то же, что в Ленинграде. Казалось бы, какое им дело, но, например, вчера один старый знакомый и бывший друг заявил, что он не будет читать моих работ»⁵²⁴. Наконец, вскоре после защиты

⁵²² Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 172.

⁵²³ Казакевич Н.И. Фрагмент воспоминаний // Живя в чужих словах... С. 210.

⁵²⁴ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 175. Это мог быть А.М. Мандельштам – археолог и востоковед, проходивший одновременно с Гумилевым аспирантуру у А.Ю. Якубовского (см. Беленицкий А.М., Заднепровский Ю.А. Памяти Анатолия Максимилиановича Мандельштама // Советская археология – 1984 – №4 – С. 315). По сообщению Е.Е. Кузьминой, он и Гумилев были дружны в конце 1940-х гг., а поссорились именно из-за «Хунну».

Гумилев пишет (5.12.1961): «60% востоковедов перестали мне кланяться и, по слухам, собрались выступить на защите с протестом, но в решительный момент испарились, и защита прошла без сучка без задоринки. <...> Но зато теперь потечет поток доносов в ВАК. Впрочем, меня это не беспокоит»⁵²⁵. Ожесточение коллег в связи с защитой, как видно, – не выдумка.

В завершение необходимо сказать о формальных результатах борьбы за «Хунну». Тактически противники Гумилева проиграли: сначала им не удалось помешать выходу книги, затем они просчитались с объектом критики и, в результате, не смогли воспрепятствовать защите докторской диссертации. Сама попытка развенчания «Хунну» не достигла желаемого результата. Однако в долгосрочной перспективе победа была за противниками Гумилева. Разгромная рецензия на «Хунну» останется навсегда: ею пользуются специалисты, порой без обращения к самой книге «Хунну» (параграф 1.1), и в дальнейшем на нее еще будут ссылаться. Сомнение, посеянное в научной среде и затем подогреваемое участниками дискуссии, вылилось в перманентное недоверие к Гумилеву, в работах которого будто одна ошибка следует за другой, а ценность работ лишь в литературности изложения. Причем последствия сказались в большей степени на докторской диссертации – «Древних тюрках», выход которых отдельной книгой был проигнорирован научной печатью⁵²⁶. Ссылки на монографию в исследовательской литературе появлялись лишь спорадически⁵²⁷.

Причиной стал отказ Гумилева внести какие-то рекомендованные А.М. Мандельштамом правки в конечный вариант рукописи. После этого решено было попросту книгу игнорировать.

⁵²⁵ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 176. Ср. Гумилев Л.Н. Автонекролог // Лавров С.Б. Лев Гумилев: судьба и идеи. С. 25-26.

⁵²⁶ Единственная заметка появилась в литературном журнале: Афанасьев В. [Рец. на:] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. «Наука». М. 1967. 504 стр. // Новый мир. 1967. №11. С. 284–285.

⁵²⁷ Это не относится к официальным обзорам, в которых «Древние тюрки» неизменно упоминались. См.: Кляшторный С.Г., Ромодин В.А. Изучение истории тюркских народов в АН СССР // Тюркологический сборник 1970. – М.: Наука, 1970. С. 162. Советская историческая энциклопедия. Т. 14. – М., 1973. Стб., 628 («Тюркология», автор – А.Н. Кононов), 632 («Тюркский каганат», автор – С.Г. Кляшторный). Большая советская энциклопедия. Т. 24, кн. II. СССР. – М.: Советская энциклопедия, 1977. С. 189 (стб. 541). Исхаков Г.М., Кляшторный С.Г., Решетов А.М., Рахимов Т.Р. Достижения советских ученых в историко-этнографическом изучении уйгуров // Актуальные проблемы советского уйгуроведения: Материалы I Республиканской уйгуроведческой конференции. – Алма-Ата: Наука, 1983. С. 34–42. С. 37, 40. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. –

Образ Гумилева как авторитетного историка-востоковеда, который мог бы оформиться к концу 1940-х гг. или к началу 1960-х гг., из-за длительного заключения (1949–1956) и полемики вокруг книги «Хунну» (начало 1960-х гг.), в сознании коллег так окончательно и не утвердился. Тем не менее, кое-что, указывающее на формирование этого образа, сохранилось.

По дарственным надписям на книгах из личной библиотеки Гумилева можно проследить некоторые его научные контакты⁵²⁸. Для широкого круга коллег, конечно, заметнее были его упоминания в научной литературе первой половины 1960-х гг. Они не столь многочисленны, как в последующие годы, но зато Гумилев в них фигурирует именно как специалист. В 1960 г. В.А. Лившиц ссылается еще на рукопись книги «Древние тюрки»⁵²⁹. Тюрколог И.В. Стеблева снабдила свою работу примечанием: «История тюрков VI–VIII вв. нами излагается по работам: В.В. Бартольд...<...>; А.Н. Бернштам...; Л.Н. Гумилев, Великая распря в Первом тюркском каганате...»⁵³⁰. В монографии, посвященной раннетюркской культуре Алтая, А.А. Гаврилова уже вступила с Гумилевым в полемику относительно судьбы тюркютов на Алтае, но также ссылалась на него и нейтрально⁵³¹. Одновременно Гумилев был упомянут в томе «Народы Восточной Азии» академической серии «Народы мира»⁵³². Тюрколог Д.И. Тихонов впервые после М.И. Артамонова анализировал взгляды Гумиле-

М.: Наука, 1983. С. 282.

⁵²⁸ В.А. Ромодин подписал т. II совместной с В.М. Масоном «Истории Афганистана» (М., 1965): «Дорогому Льву Николаевичу на добрую память. Декабрь 1965. В. Ромодин. <Номер телефона>». Дарственная надпись И.П. Петрушевского на монографии «Ислам в Иране» (Л., 1966): «Глубокоуважаемому Льву Николаевичу Гумилеву от автора на добрую память, с пожеланием новых творческих успехов. И. Петрушевский. 15.X.1967». Проходивший в одно время с Гумилевым аспирантуру Салих Закиров подписал свою работу «Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом» (М., 1966): «Глубокоуважаемому Льву Николаевичу от автора. 23.XI.66. Закиров».

⁵²⁹ Лившиц В.А. Согдийский посол в Чаче // Советская этнография – 1960 – № 2 – С. 92–109. С. 100.

⁵³⁰ Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI–VIII веков. – М.: Наука, 1965. С. 51. Также ссылки на с. 62, 144–145.

⁵³¹ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ... – М.-Л.: Наука, 1965. С. 17, 20, 102.

⁵³² Народы Восточной Азии. – М.-Л.: Наука, 1965. С. 710. В связи с проблемой идентификации аваров и жужаней. Правда, вышла двусмысленность: Л.Н. Гумилев эту идентификацию отрицал, что не оговорено. Тем не менее, судя по содержанию раздела о народах Монголии, его автор, Л.Л. Викторова, не только в этом упоминании, но и в изложении истории хуннов и тюрков учла работы Гумилева – своего бывшего научного консультанта.

ва на социальное устройство древних тюрок⁵³³. Монография З.В. Удальцовой интересна тем, что дает пример положительной оценки профессионалом-византинистом исследований Гумилева в области изучения византийских источников по истории кочевников⁵³⁴. Показательны ссылки на Гумилева как на ираниста, каковым он был по востоковедной специализации. И.П. Петрушевский в статье «Бахрам Чубин» Советской исторической энциклопедии включил работу Гумилева в список литературы, состоящий всего из трех наименований⁵³⁵. На эту же работу ссылается одноименная статья в международной *Encyclopædia Iranica*⁵³⁶. Эту и другие работы Гумилева, касающиеся позднего Сасанидского Ирана и его отношений с тюрками, использовал А.И. Колесников⁵³⁷. Переводы Гумилева из «Шахнаме», опубликованные отдельной брошюрой («Подвиг Бахрама Чубины»), и специальные исследования на эту тему нашли отклик у иранистов-филологов, готовивших академическое издание «Шахнаме»⁵³⁸. М.Б. Пиотровский написал о той маленькой брошюре: «В Эрмитаже он <Гумилев> написал и опубликовал в 1962 году работу о Бахраме Чубине..., иранском герое-правителе. Эта работа представляется мне блестящим образцом подхода к истории, которая делает труды Гумилева столь увлекательными для широкой публики. Ее основа и источник – прекрасный авторский перевод текстов из великого "Шах-намэ"»⁵³⁹.

Подведем итоги. Войдя в науку в начале 1930-х гг., Л.Н. Гумилев успел частично усвоить традиции дореволюционного востоковедения через посред-

⁵³³ Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X-XIV вв. – М.-Л.: Наука, 1966. С. 185–186, 267 (библиография). По двум наиболее ранним статьям.

⁵³⁴ Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. – М.: Наука, 1974. С. 123, 268–269, 272.

⁵³⁵ Советская историческая энциклопедия. Т. 2. – М., 1962. Стб., 175–176. Этот факт с удовольствием отметил П.Н. Савицкий в письме от 17.02.1963. Однако он был возмущен ошибкой в инициалах: «А.Н. Гумилев».

⁵³⁶ Bahrām VI Šōbīn // URL: <https://iranicaonline.org/articles/bahram-06> (дата обращения 12.12.2022).

⁵³⁷ Колесников А.И. Иран в начале VII в. // Палестинский сборник. Вып. 22. – Л.: Наука, 1970. С. 8, 53, 96.

⁵³⁸ Фирдоуси. Шахнаме. Т. VI. – М.: Наука, 1989. С. 625, 626, 627, 628. Комментарии Л. Лахути.

⁵³⁹ Цит. по: Ахметшин Ш.К. Лев Николаевич Гумилев. С. 9.

ство Б.Я. Владимирцова, Г.Е. Грумм-Гржимайло, А.Н. Самойловича. В университете его учителями были такие выдающиеся историки и востоковеды, как В.В. Струве, Б.Д. Греков, Е.В. Тарле, Н.В. Кюнер. Профессор М.И. Артамонов первым сослался (1937 г.) на Гумилева в научной литературе. Из востоковедов, историков, археологов, у которых Гумилев учился или с которыми общался в годы аспирантуры, нужно назвать И.Ю. Крачковского, В.М. Алексеева, А.Ю. Якубовского, С.И. Руденко, И.П. Петрушевского, С.П. Толстова. Таким образом, получив образование у крупнейших специалистов, имея сформировавшиеся научные интересы, Гумилев должен был занять подобающее место в науке уже в конце 1940-х гг., когда защитил кандидатскую диссертацию. О реальности этого говорит наличие у Гумилева в 1949 г. подопечной аспирантки – Л.Л. Викторовой.

Семилетний срок заключения перечеркнул в научно-общественном положении Гумилева все, что было им наработано к концу 1940-х гг. К 1960 году когда-то признанный лучшими востоковедами старшего поколения 48-летний кандидат наук вдруг стал «новичком». Мы выявили три возможные причины кампании против книги «Хунну»: 1) влияние прежних интриг и конфликтов, когда Гумилеву пытались помешать защититься, исключив его из аспирантуры; 2) плохие отношения М.И. Артамонова, редактора книги, с И.А. Орбели, директором ЛО ИВАН, под грифом которого книга выходила; 3) стремление не допустить защиту докторской диссертации, поскольку по возвращении из лагеря Гумилев оказался ненужным конкурентом для молодых востоковедов. На создание отрицательного отношения к Гумилеву повлиял и А.Н. Бернштам (см. параграф 1.1), но только косвенно (в 1956 г. он умер), через своих бывших учеников, участвовавших в дискуссии.

2.2. Монография «Хунну» и обсуждение проблем ранней истории кочевников Центральной Азии

Когда Л.Н. Гумилев готовил к выходу «Историю Хунну», он предполагал, что книга вызовет нападки коллег, о чем сообщал в письмах своим адресатам. Когда он писал в лагере «Опыт истории Хунну» (название со временем менялось), то одной из целей ставил дать альтернативу «бездарной», по его мнению, работе А.Н. Бернштама «Очерк истории гуннов»⁵⁴⁰. И все же книга, вышедшая, в итоге, под лаконичным, но выразительным названием «Хунну» (с подзаголовком «Срединная Азия в древние времена»), писалась не для дискуссии с коллегами и не в качестве альтернативы другим исследованиям. Если первоначально, как мы показали, она должна была стать примером применения авторской теории этногенеза к истории конкретного этноса – хуннов – и авторской же исторической методики, то по мере ее подготовки и замысел, и структура менялись (последняя не всегда по воле автора). В конечном счете, монография «Хунну» стала первым специальным критическим в отношении источников исследованием истории хуннов. Автор поставил главной целью «выяснение того места, которое хунны занимали во всемирной истории как создатели самостоятельной, хотя и недоразвившейся культуры»⁵⁴¹. Именно с этой позиции, на наш взгляд, следует рассматривать содержательную сторону дискуссии по книге и тематически близким к ней статьям. Что автор внес, руководствуясь поставленной перед собой целью, нового в историю древней Срединной Азии и насколько справедливы конкретные замечания (в отличие от общей их направленности, рассмотренной выше) к содержанию его книги?

⁵⁴⁰ Вспоминая Л.Н. Гумилева... С. 219.

⁵⁴¹ Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 10.

В выступлении С.Г. Кляшторного на дискуссии в Эрмитаже книга «Хунну» названа «хорошим пересказом переводов Бичурина и Мак-Говерна», «при этом более полным, чем в книге А.Н. Бернштама»⁵⁴². Хочется обратить внимание на само сравнение книги Гумилева с «Ранными империями Центральной Азии» У.М. Макговерна. Можно представить, что типологическое сходство действительно имело место, поскольку помимо С.Г. Кляшторного оно казалось вероятным и английскому тюркологу сэру Джерарду Клосону⁵⁴³. Однако последнему это сходство отнюдь не представлялось минусом книги Гумилева. Во-первых, исследование Макговерна стало на Западе к тому времени классическим, и выход новой работы на ту же тему, написанной с учетом последних достижений русскоязычной науки и не без внимания к работам на европейских языках, не мог не приветствоваться. Во-вторых, Дж. Клосон воспринимал «Хунну» как самостоятельное исследование, хотя и похожее на книгу Макговерна, но далеко не ее пересказ.

Из замечания Дж. Клосона можно сделать вывод, что «Ранние империи...» вызвали на Западе схожую с «Хуннами» дискуссию. В этой книге также находили ошибки и упрекали автора в неакадемическом стиле («*unscholarly fashion*»). По этому поводу Дж. Клосон заключил, что, безусловно, книга Макговерна содержит ошибки, но он был бы удивлен, если бы она оказалась в этом уникальна. Неакадемичность изложения, по мнению Клосона, скорее кажущаяся, нежели действительная, дала возможность яснее и последовательнее изложить материал. Таким образом, параллель с обсуждением «Хунну» напрашивается сама собой. Главное же достоинство «Хунну», отмечаемое Клосоном, – соединение сведений из китайских источников с результатами ар-

⁵⁴² В Государственном Эрмитаже... // Вестник древней истории. – 1962 – № 3 – С. 202-210. С. 206.

⁵⁴³ Clauson G. Turkish and Mongolian studies. – London, 1962. P. 7–8. Когда Дж. Клосон успел познакомиться с «Хунну»? Вариант, собственно, один – на Международном конгрессе востоковедов 1960 г. в Москве. В письме В.Н. Абророву (август 1960 г.) Гумилев отмечает: «"Хунну" разошлись полностью. На конгрессе их расхватывали и специально просили у меня. Они поехали во все страны...» (Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 166). В библиотеке Гумилева хранится отпечаток статьи Дж. Клосона и К.Э. Босворта («*al-Xwarazmi on the peoples of Central Asia*», 1965) с дарственной надписью: «L.N. Gumilyov with the author's compliments and thanks. Gerard Clauson».

хеологических исследований. Считая некоторые вопросы по-прежнему открытыми, он признавал, что именно книга Гумилева положила начало работам в этом направлении.

Ранее многие исследования освещали историю хуннов лишь обзорно, в рамках более широких тем, как, например, у В.В. Бартольда, или с вниманием к нескольким частным аспектам без достаточно проработанной общей картины истории, как у Г.Е. Грумм-Гржимайло. А.Н. Бернштам, сделавший немало в археологии Средней Азии, попытался на основе своих находок реконструировать процесс сложения европейских гуннов. Однако его главный вывод (вместе с ним и вся реконструкция), что Кенкольский могильник принадлежал гуннам и был этапным на их на пути хуннов из Азии в Европу не подтвердился⁵⁴⁴.

Пожалуй, лучшая характеристика «Хунну» дана в рецензии Г.В. Вернадского, изданной на русском языке в США (цитируем по оттиску из библиотеки Л.Н. Гумилева): «Книга Гумилева написана талантливо. Гумилев чувствует и природу и людей. Очень удачны его описания пустыни... Не забывает Гумилев и значения северных лесов – "таежного моря". Насыщенная фактами различного порядка – военно-политического, социального, культурного и экономического – книга Гумилева по необходимости составлена в сжатом стиле. Тем не менее, его краткие характеристики многих из описываемых им исторических деятелей, а также и социальных сдвигов и человеческих отношений, ярки и вдумчивы. Данные письменных источников, где это возможно, подкрепляются свидетельством археологических раскопок. Один из примеров ма-

⁵⁴⁴ Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // Краткие сообщения института истории материальной культуры – Вып. 64 – 1956 – С. 3-14. Заднепровский Ю.А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э. – V в. н. э. // Страны и народы Востока. Вып. X. – М.: Наука, 1971. С. 27-36. Мандельштам А.М. К восточным аспектам истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана // Краткие сообщения института археологии – Вып. 154 – 1978. – С. 19-25. С. 24. Горбунова Н. Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии // Советская археология – 1991 – №3 – С. 20-30. С. 27-28. Массон В.М. Культурогенез Древней Центральной Азии. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2006. С. 224-225. В указанных работах катакомбные могильники (в том числе Кенкольский) связываются не с хуннами, а с сарматами или юэчжами.

стерской смычки данных истории и археологии в труде Гумилева – его описание посмертной судьбы хуннского шаньюя Учжюлю...»⁵⁴⁵.

Всего в одном абзаце рецензенту удалось предельно кратко и четко охватить содержание и суть книги. В этой связи П.Н. Савицкий писал Г.В. Вернадскому: «Возвращаюсь к Вашей рецензии. Как много интереснейших фактов Вы включили в немногие строки. Как ярко и полно осветили великое научное дело Льва Николаевича... Какие замечательные данные и указания Вы извлекли из "Хунну"...»⁵⁴⁶.

Через год после рецензии К.В. Васильева появились еще две рецензии. Выше (параграф 1.1) мы цитировали статью С.И. Руденко, в которой автор сравнивает все три друг с другом и с самой книгой. Повторять аргументацию С.И. Руденко не имеет смысла, поэтому сфокусируем внимание на нескольких не затронутых им аспектах.

Рецензию Л.И. Думана⁵⁴⁷ нельзя назвать отрицательной. По мнению П.Н. Савицкого (письмо от 27.04.1963), в ней «немало "щегольства"», т.е. напускной учености, «хотя и более зрячего, чем у К.В. Васильева». При чтении рецензии действительно создается впечатление искусственно нагнетаемой критичности.

Наряду с критикой Л.И. Думан в ряде случаев вполне объективно определяет значение «Хунну»: «...появление книги Л.Н. Гумилева, охватывающей всю историю хуннов... не может не вызвать интереса. <...> События внутренней жизни этого племени... освещаются Л.Н. Гумилевым на фоне истории китайского и других народов, что облегчает понимание вопросов внутренней и внешнеполитической деятельности хунну. Автор правильно отмечает, что история хунну не является придатком истории Китая... <...> Книга написана хорошим языком, читается с интересом, хотя, на наш взгляд, местами перегруже-

⁵⁴⁵ Вернадский Г. Из древней истории Евразии. Хунну // Новый журнал. 1960. № 62. С. 273–283. С. 282.

⁵⁴⁶ Копия приложена П.Н. Савицким к письму Гумилеву от 24 февраля 1961 г.

⁵⁴⁷ Думан Л.И. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Хунну, Срединная Азия в древние времена...// Народы Азии и Африки – 1962. №3. С. 196–199.

на мелкими деталями...»⁵⁴⁸. Есть и другие положительные моменты. Таким образом, несмотря на критику, выход «Хуннов» Л.И. Думан оценивал положительно, не считал книгу неоригинальной и не вносящей ничего нового.

Рецензия М.В. Воробьева предельно кратко освещает содержание «Хунну» по главам. Автор держится беспристрастно и лишь изредка выражает еле заметное сомнение в правильности трактовок Гумилева. В заключение он объясняет, что намеренно избегал указаний на мелкие упущения и ошибки, поскольку важнее было показать, что Гумилев «создал вполне оригинальную и нужную работу по древней истории Срединной Азии»⁵⁴⁹.

Е.И. Кычанов, свидетельствуя, что М.В. Воробьев многие годы поддерживал с Гумилевым дружеские отношения и что-то даже из его подходов заимствовал (особенно в плане теории этноса), тем не менее, замечает: «...хотя, что греха таить, он, возможно, как и многие востоковеды и историки не разделял всех суждений и взглядов Л.Н. Гумилева»⁵⁵⁰. Последнее нормально и естественно для науки: «не разделять всех взглядов» не значит «отрицать всё».

И в дальнейшем М.В. Воробьев сохранял уважительное отношение к Гумилеву, даже один раз отнес его к числу «видных ученых»⁵⁵¹. В своей последней обобщающей работе по истории Дальнего Востока он также неоднократно и без прямой критики ссылался на основные, включая «Хунну»⁵⁵², монографии «степной трилогии», показывая тем самым взвешенный подход к научному наследию Гумилева: использовать то, что ценно, не акцентируя излишне внимание на ошибках или промахах.

⁵⁴⁸ Там же. С. 196–197.

⁵⁴⁹ Воробьев М.В. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Хунну, Срединная Азия в древние времена... // Народы Азии и Африки. 1962. №3. С. 199–201. С. 201.

⁵⁵⁰ Кычанов Е.И. М.В. Воробьев – Ученый // Памяти профессора Михаила Васильевича Воробьева: К 10-летию со дня кончины. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 25. О дискуссии, имевшей, вероятно, дружеский характер непосредственно говорит дарственная надпись самого М.В. Воробьева на монографии «Чжурчжэни и государство Цзинь» (М., 1975): «Глубокоуважаемому Льву Николаевичу Гумилеву как материал для будущих научных споров. Автор. 8/X 76».

⁵⁵¹ Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь. С. 227.

⁵⁵² Воробьев М.В. Маньчжурия и восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток: Дальнаука, 1994. С. 194, 364 (библиография). Приношу искреннюю благодарность Ю.И. Дробышеву за возможность ознакомиться с этим малодоступным изданием.

Еще одна рецензия на «Хунну» принадлежит другу и младшему коллеге Гумилева А.Н. Зелинскому⁵⁵³. В ней также основное место занимает краткое изложение содержания книги. «Очень четкая и ценная рецензия. – Пишет П.Н. Савицкий (письмо от 19.11.1962). – Безусловно, способствует (и при этом в очень удачной форме!) популяризации основных идей и выводов Вашей замечательной книги. Особенно существенным кажется мне изложение историко-экономических заключений Вашего труда...».

Тираж сборника никак не мог способствовать желаемой популяризации выводов книги. Тем не менее, у рецензии есть важное преимущество. Оно заключается во внимании к особенностям исторического метода Гумилева. А.Н. Зелинский очень верно отмечает такие составляющие метода, как пространственный охват, избегание рассматривать исторические события изолированно и «вообще рассмотрение азиатской истории в тесной связи с этногенезом населяющих ее народов – один из существенных методологических приемов автора» (с. 56-57). По мнению рецензента, диалектическая составляющая метода заключается в рассмотрении хуннской истории в развитии, в отказе от идеи однонаправленности отношений хуннов с Китаем и статичности кочевого общества (с. 58, 60, 63), а совершенное владение методом интерполяции источников позволило автору книги положительно решить вопрос происхождения европейских гуннов от хунну (с. 61).

К общей оценке «Хунну» прибавим мнение С.И. Руденко: «...потребность в работах обобщающих, дающих результаты проделанных исследований, особенно велика. В частности, составление летописи событий по истории хуннов потребовало от Л.Н. Гумилева ряда лет упорно труда. Летопись эта, сведенная в синхронистическую таблицу..., составляет полезный справочник, весьма удобный для восприятия и использования. Ни одному историку, занимающемуся смежной темой, например, археологией хуннов или их социальным строем, нет нужды повторять уже проделанную Л.Н. Гумилевым работу»⁵⁵⁴. И,

⁵⁵³ Зелинский А.Н. Книга Л.Н. Гумилева «Хунну» // Материалы по этнографии. Вып. 2. – Л., 1962. С. 54–63.

⁵⁵⁴ Руденко С.И. К вопросу об историческом синтезе. С. 65.

по крайней мере, одно прямое подтверждение следования данной рекомендации найти удалось – в монографии археолога-сибироведа Т.Н. Троицкой: «Здесь и в последующих местах даты и расселение племен даны согласно работе Л.Н. Гумилева "Хунну"»⁵⁵⁵.

Впрочем, многие археологи, специализирующиеся на изучении памятников хунну, проигнорировали книгу Гумилева (С.И. Вайнштейн⁵⁵⁶, М.И. Рижский⁵⁵⁷, А.В. Давыдова⁵⁵⁸). В то же время было бы ошибкой считать, что такая позиция воспринималась одобрительно всеми коллегами. Игнорирование «Хунну» поначалу вызывало даже удивление и специально отмечалось в научной печати. Так, Ю.С. Гришин в рецензии на научно-популярную книгу М.И. Рижского, имея в виду «Хунну», заметил: «Основным недостатком этой главы является то, что она, отрицая связь гуннов с предшествующим населением культуры плиточных могил, отражает только одну точку зрения. Объективности ради следует, хотя бы кратко, информировать читателя и о наиболее известных в науке взглядах других исследователей»⁵⁵⁹.

В двух рецензиях на первый том «Истории Сибири» их авторы, вероятно, не сговариваясь, солидарно сделали замечание к разделу М.И. Рижского о гуннах Забайкалья: «Известное завершение процесс классообразования в кочевом

⁵⁵⁵ Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. С. 46.

⁵⁵⁶ Ср. История Тувы. Т. I. – М.: Наука, 1964. С. 35–54, 381–384 (примечания). Однозначно утверждать, что здесь имело место полное игнорирование, нельзя, поскольку Гумилев все же упомянут во Введении (с. 16), которое к тому же писалось отнюдь не симпатизировавшим ему Л.П. Потаповым. Тем не менее, далее во всем томе ссылок на Гумилева нет. Интересно, что в год выхода «Истории Тувы» С.И. Вайнштейн подписал Гумилеву свою монографию «Тувинцы-тоджинцы» (М., 1961): «Дорогому Льву Николаевичу с глубоким уважением. 7.IX.64. Автор». В конечном счете, во втором издании «Истории Тувы» С.И. Вайнштейн сослался уже и на «Хунну», и на «Хуннов в Китае». См. История Тувы. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Наука, 2001. С. 336.

⁵⁵⁷ Ср. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I. Древняя Сибирь. – Л.: Наука, 1968. С. 242–253.

⁵⁵⁸ Ср. Давыдова А.В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. Л.: 1975. С. 141–145. О личных контактах между Гумилевым и А.В. Давыдовой свидетельствует отпечаток статьи «Davydova A.V. The Ivolga gorodishce // Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1968» с дарственной надписью: «Льву Николаевичу на добрую память. 5.XII.69. А. Давыдова».

⁵⁵⁹ Гришин Ю.С. [Рец. на:] М.И. Рижский. Из глубины веков... // Советская археология. 1971. №1. С. 304–305.

обществе нашел со времени сложения гуннского объединения, которое... могло быть охарактеризовано и более полно. Обращает на себя внимание, что автором соответствующего раздела не использованы работы Л.Н. Гумилева»⁵⁶⁰; «Материалы по... истории гуннов Забайкалья, оживляемые конкретными цитатами из письменных источников..., следовало бы дополнить постановкой вопроса о происхождении гуннов, а также расширить рамки изложения... <...> Заметим в этой связи, что следовало бы привлечь и новейшие изыскания Л.Н. Гумилева»⁵⁶¹.

Переходя к рассмотрению конкретных вопросов истории Центральной Азии, необходимо оговориться, что рассматриваться будут исключительно аспекты, которые изучал Л.Н. Гумилев и по которым с ним развернулась полемика. Дискуссия, вызванная появлением книги «Хунну», затронула далеко не всё ее содержание. Поднятые в ходе двух обсуждений и в рецензиях проблемы сосредоточились вокруг всего нескольких тем: 1) право историка пользоваться источниками в переводах; 2) происхождение хуннов; 3) динлинская проблема; 4) социальный строй и организация государства хуннов; 5) историческая география Срединной Азии.

Проблема переводов. Участники дискуссии, выступавшие на стороне Гумилева, единогласно возразили, что историк имеет полное право опираться на переводы, если они надежны и выверены. Таковые по истории хуннов к 1960 г. имелись, на чем сошлись в своих рецензиях китаеведы Л.И. Думан и М.В. Воробьев.

Л.Н. Гумилев, даже вне всякой связи с дискуссией, настаивал, что знание языка того или иного источника не уберегает от его непонимания. В экземпляре книги С.Е. Малова «Енисейская письменность тюрков» им когда-то была подчеркнута фраза: «Я придерживаюсь того, что сначала тюрколог-языковед, используя точно текст памятника, дает его перевод, согласный с тюркским

⁵⁶⁰ Борисковский П.И., Гурина Н.Н., Массон В.М. [Рец. на:] История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968 // Советская археология. 1974. №4. С. 285–290. С. 288–289.

⁵⁶¹ Хлобыстина М.Д. [Рец. на:] История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968 // Советская археология. 1974. №4. С. 290–303. С. 297.

синтаксисом и грамматикой, после чего историк может пользоваться этим памятником для своих исторических построений»⁵⁶². Эту фразу Гумилев процитировал в одной из последних своих монографий, добавив: «Автор этих строк вполне согласен с великим тюркологом. Историк и географ имеют право уточнять значения титулов и географических названий, которые в "Древнетюркском словаре" (Л., 1969) вообще не переведены. Например: "Болчу – название реки" (С. 112). Где эта река? Как называется теперь? В каком атласе ее можно найти? Филологу это неважно! Поэтому филологически правильный перевод – это сырье, требующее обработки»⁵⁶³.

Позиция Гумилева отвергается не всеми филологами. Например, тюрколог Д.М. Насилов в рецензии на новый перевод енисейских рунических памятников цитирует как само высказывание академика С.Е. Малова, так и комментарий Гумилева, и заключает: «Итак, оба ученых справедливо отдают предпочтение филологически выверенному переводу специалиста-языковеда. А таких квалифицированных переводов енисейских рунических текстов как раз было выполнено за это время слишком мало...»⁵⁶⁴. Нелишним будет и мнение К.А. Инностранцева, ираниста, автора основополагающего историографического труда «Хунны и гунны», в самом начале которого поднимается та же проблема: «Прежде чем приняться за исследование источников, мы сочли необходимым решить, насколько эта задача возможна для незнакомого с китайским языком, и пришли к тому убеждению, что решение ее не связано с непосредственным изучением китайских источников»⁵⁶⁵.

М.И. Артамонов в своем выступлении в Эрмитаже, защищая право историка пользоваться переводами, подчеркивал, что неизвестно, будут ли новые переводы лучше старых⁵⁶⁶. Надо сказать, что в 1961 г. у М.И. Артамонова был свой интерес: вот-вот должна была выйти его обобщающая итоговая работа по

⁵⁶² Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 88.

⁵⁶³ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 121.

⁵⁶⁴ Насилов Д.М. [Рец. на:] И.В. Кормушин. Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования... // Вопросы языкознания – 2000 – №3 – С. 122-126. С. 122.

⁵⁶⁵ Инностранцев К.А. Хунну и гунны. 2-е изд. – Л.: Труды тюркологического семинария I, 1926. – 156 с. С. 1.

⁵⁶⁶ В Государственном Эрмитаже... // Вестник древней истории – 1962 – № 3. С. 205.

хазарам (под редакцией и с примечаниями Л.Н. Гумилева), исторический материал которой также целиком был основан на переводах как с латинского и греческого, так и самых разных восточных языков. Учитывая, что публикация дискуссии по «Хунну» появилась лишь через год после самих обсуждений, когда «История хазар» уже вышла, то, неудивительно, почему в рецензии⁵⁶⁷ на нее С.А. Плетнева так много места уделила проблеме переводов: «Естественно, что нет ни одного историка, который мог бы пользоваться всеми источниками в подлинниках. <...> В связи с этим перед историком постоянно стоит дилемма – можно или нет пользоваться ныне существующими переводами... Любое исследование, в котором широко используются переведенные письменные источники, всегда встречается резкой критикой лингвистов... Причем, как правило, основным аргументом этой критики является категорическое заявление, что все до сих пор существовавшие переводы безнадежно устарели и потому сильно искажают действительный смысл повествования. По-видимому, боязнь критики, неуверенность в точности переводов и надежда, что в конце концов абсолютно правильные... переводы все же появятся в изданиях, и были причинами того, что никто до последнего времени... не брался за написание полного исторического свода о народах юго-восточной Европы в IV–X вв. <...> Книга М. И. Артамонова "История хазар" и есть то "теоретическое исследование", в котором автор обобщил все имеющиеся у нас по этой проблеме сведения» (с. 279-280) И далее: «Повторяю, что считаю каждого историка и, в частности М.И. Артамонова, имеющим полное право пользоваться переводными источниками, строить на них свои выводы и выдвигать более или менее близкие к истине гипотезы» (с. 281).

За рассуждениями С.А. Плетневой с большой вероятностью следует видеть желание предупредить новую дискуссию, уже напрямую против М.И. Артамонова. Причем эта тема оставалась актуальной и после. Так, о работах А.В. Гадло говорится почти то же самое: «Видимо, подобно своему учителю М.И.

⁵⁶⁷ Плетнева С.А. [Рец. на:] Артамонов М.И. История хазар... // Советская археология – 1963 – №3 – С. 279-283. Ссылки на номера страниц даются в тексте.

Артамонову, ученый не знал восточных языков, но так же, как и он пользовался прекрасными переводами...»⁵⁶⁸

Что касается точности новых переводов, то и здесь все далеко не однозначно. Переводы В.С. Таскина действительно содержали различные поправки и уточнения к переводам Бичурина и основанным на них работам А.Н. Бернштама, С.И. Руденко и Л.Н. Гумилева. Однако не все поправки были одобрены коллегами-китаеводами. Например, с сомнением В.С. Таскина в возможности разделения кавалерии хуннов по четырем мастям лошадей (вороные, белые, серые и рыжие)⁵⁶⁹ не согласился Е.И. Кычанов: «В данном случае мы вслед за Л.Н. Гумилевым допускаем возможность такого комплектования конского состава армии, поскольку разделение конных армий по масти коней имелось, например, позже у тибетцев»⁵⁷⁰. В другом месте Е.И. Кычанов снова предпочел перевод Бичурина⁵⁷¹.

Мы никоим образом не пытаемся принизить большей частью безупречные переводы В.С. Таскина, а хотим только обратить внимание на вариативность решения отдельных вопросов. Вывод, сделанный в свое время на основе старых переводов, как видно, не обязательно будет поколеблен новыми.

Вопрос о происхождении хуннов донныне является дискуссионным. Так, Н.Н. Крадин отмечает его усложненность из-за многообразия точек зрения, основанных на недостаточном материале. Видимо поэтому сам он избегает четкой формулировки, предлагая ряд тезисов, суммирующих различные взгляды

⁵⁶⁸ Дворниченко А.Ю. Александр Вильямович Гадло (1937–2002) – исследователь древностей Крыма и Кавказа // Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. – СПб.: Изд-во СПб-ГУ, 2004. С. 3-20. С. 7.

⁵⁶⁹ Гумилев Л.Н. Хунну. С. 65. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. – М.: Наука, 1968. С. 41, 137.

⁵⁷⁰ Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. С. 35. В конце XIX в. Э. Паркер, самостоятельно переведивший китайские источники, писал: «... это было весьма красочное зрелище, если верить текстам, которые гласят, что белые, серые, черные и гнедые кони собрались в четыре соединения по одному на каждую сторону света». См.: Паркер Э. Татары. История возникновения великого народа. С. 22.

⁵⁷¹ Кычанов Е.И. Ук. соч. С. 30. Речь идет о том, что у хуннов человек, привезший семье с поля боя тело убитого родственника, получает за это его имущество. В.С. Таскин же перевел: «всё имущество его семьи».

ды. Вывод сводится к тому, что ядро хуннов сформировалось среди «северных варваров» эпохи «пяти борющихся царств» (V–III вв. до н.э.)⁵⁷².

Позиция Л.Н. Гумилева кратко выражена в словаре этнонимов в конце его монографии: «Хунны – народ, сложившийся из осколков родов ди, китайских эмигрантов племени ся и монголоидных племен, обитавших в степи по краям Гоби»⁵⁷³. Близкая формулировка дана в статьях «Хунну» Большой Советской и Советской Исторической энциклопедий, написанных также Гумилевым: «Хунну – тюркоязычный кочевой народ, сложившийся в Центр. Азии в нач[але] 1-го тыс. до н.э. из монголоидных аборигенов и европеоидных выходцев из Сев[ерного] Китая (ди)». В археологическом аспекте ранний этап сложения предков хуннов Гумилев связывал с карасукской и шиверской культурами Южной Сибири (конец II тыс. до н.э.)⁵⁷⁴, а предшествовавшей их выходу на арену истории он считал культуру плиточных могил Монголии⁵⁷⁵. Вся эта атрибуция вызвала острую дискуссию.

К.В. Васильев отверг оба предположения Гумилева – как о возникновении карасукской культуры из смешения аборигенов Южной Сибири с племенами ди, так и о преемстве хуннов племенам культуры плиточных могил⁵⁷⁶. С.И. Руденко, анализируя различия в погребальном обряде и антропологическом типе, отрицал возможность происхождения хуннов от племен культуры плиточных могил⁵⁷⁷, но с Гумилевым специально не полемизировал. Н.Л. Членова, уже в связи с мнением Гумилева, писала, что его точка зрения не подтверждается ни археологическим, ни антропологическим материалом⁵⁷⁸. М.И. Артамонов в

⁵⁷² Крадин Н.Н. Империя Хунну. С. 30-32.

⁵⁷³ Гумилев Л.Н. Хунну. С. 251.

⁵⁷⁴ Там же. С. 25, 35-36.

⁵⁷⁵ Там же. С. 46-48.

⁵⁷⁶ Васильев К.В. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Хунну... // Вестник древней истории – 1961 – №2. С. 123-124.

⁵⁷⁷ Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 111.

⁵⁷⁸ Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – 493 с. С. 294.

поздней работе, изданной посмертно, приводит мнение Гумилева о карасукской культуре, но вопрос ее происхождения оставляет открытым⁵⁷⁹.

Ю.С. Гришин, перечисляя мнения исследователей об этнической атрибуции культуры плиточных могил, позицию Гумилева рассматривал наравне с другими: «...А.П. Окладников и Н.Н. Диков относили их к тюркской группе народов. Г.Н. Румянцев... и В.В. Волков считали их монголоязычными. Следует отметить и мнение Л.Н. Гумилева, который... счел возможным определить культуру плиточных могил Забайкалья как "ранний этап самостоятельной хуннской культуры". К сожалению, исследованные антропологические материалы пока единичны и по ним трудно делать определенные выводы...»⁵⁸⁰.

В оценке П.Б. Коновалова проявилась отмеченная выше (параграф 1.1) позиция, заключающаяся в прощении А.Н. Берштаму неточностей и ошибок и, напротив, в строгом их предъявлении Гумилеву: «Хотя в книге А.Н. Бернштама недостаточно использован археологический материал, устарели трактовки некоторых явлений, в целом она является удачной попыткой связать археологические данные с письменными источниками, и невозможно назвать ее шагом назад в хуннологии, как это сделал Л.Н. Гумилев»⁵⁸¹. И далее: «Экскурсы Л.Н. Гумилева в археологию... в связи с историей хунну иногда поверхностны и страдают, на наш взгляд, произвольной трактовкой...»⁵⁸².

Похожее мнение, хотя и с благожелательных позиций, высказано Д.Г. Савиновым: «Археологические материалы в исследованиях Л.Н. Гумилева, блестящего знатока... письменных источников, занимают подчиненное место. Однако они использовались им в подтверждение той или иной концепции: в одних случаях в очень широком плане и приблизительно (о неолитическом прибайкальском компоненте истоков хуннской культуры... или о значении антро-

⁵⁷⁹ Артамонов М.И. Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. С. 117-118.

⁵⁸⁰ Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. – Москва: Наука, 1975. С. 18.

⁵⁸¹ Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. С. 14-15.

⁵⁸² Там же. С. 18.

пологического типа афанасьевской культуры в решении "динлинской проблемы"); в других – достаточно точно и убедительно, на грани "откровения"⁵⁸³.

Н.В. Полосьмак, напротив, склоняется в сторону мнения Гумилева. Отмечая, что «ранняя история сюнну... остается пока загадкой, на которую не дают прямого ответа ни письменные, ни археологические источники», она не соглашается с С.С. Миняевым, помещающим прародину хуннов в Юго-Западной Маньчжурии⁵⁸⁴. Со ссылкой на Гумилева и ряд других исследователей, Н.В. Полосьмак указывает: «Другим субстратом представляется культура плиточных могил, частичное вхождение населения которого в состав сюнну достаточно аргументировано» (см. приложение 2)⁵⁸⁵.

В работах коллектива сибирских археологов при участии Н.В. Полосьмак с помощью современных естественнонаучных методов в последние годы установлены широкие этногенетические связи хунну. И снова исследователи обратились к, казалось бы, устаревшему и оспоренному К.В. Васильевым фрагменту книги Гумилева: «Обосновывая возможность существования письменности у хунну, Л.Н. Гумилев ссылается на свидетельство... китайского посольства, посетившего... Фунан (на территории совр[еменной] Камбоджи): письменность фунанцев, которые использовали индийский шрифт, напоминает письменность хунну. <...> С учетом тесных контактов хунну с населением бассейна Тарима, где было распространено индийское письмо, эта точка зрения как гипотеза... имеет полное право на существование»⁵⁸⁶. На основе изучения ДНК исследователи сделали вывод: «Полученные нами результаты свидетельствуют о существовании у населения хунну Забайкалья не только культурных, но и

⁵⁸³ Савинов Д.Г. Особенности культурогенеза в условиях горных систем (алтайская модель) // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. С. 232–236.

⁵⁸⁴ Полосьмак Н.В. Некоторые аналоги погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. С. 101-102.

⁵⁸⁵ Там же. С. 104.

⁵⁸⁶ Чижишева Т.А., Полосьмак Н.В., Волков П.В. Одонтологический материал из кургана №20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии – 2009 – № 3 – С. 145-151. С. 150.

генетических связей с населением Передней и Южной Азии»⁵⁸⁷. Анализ ДНК показал, что в составе хуннов присутствовало по крайней мере три различных компонента: «собственно центральноазиатский...; связанный с Юго-Восточной Азией; переднеазиатский»⁵⁸⁸. Это в значительной мере согласуется с тем, что писал Гумилев в 1960 г., основываясь только на письменных источниках.

По языку Гумилев считал хуннов тюрками⁵⁸⁹. Китаеведы, обычно скептически относящиеся к работам Гумилева, по поводу этого мнения писали: «Один из советских специалистов по истории сюнну, Л.Н. Гумилев, присоединился к теории тюркоязычности сюнну»⁵⁹⁰. А В.А. Могильников, который, напомним, выделял «особый» взгляд Гумилева на характер погребений древних тюрков (параграф 1.1.), по вопросу языка хуннов включил его в перечень «большинства авторов», считающих их язык тюркским⁵⁹¹.

Динлинская проблема накопила обширную библиографию. Однако нас интересуют в первую очередь взгляды Гумилева и его предшественника Г.Е. Грумм-Гржимайло⁵⁹². Последний и является автором «динлинской гипотезы», согласно которой в древности в Восточной Азии была широко распространена белая раса, известная китайским источникам под общим именем «динлин», а многие цивилизационные достижения, традиционно приписываемые китайцам, были творением рук динлинов. В некоторой степени гипотеза подтвердилась благодаря раскопкам на юге Восточной Сибири, обнаружившим, что в древности ее населяли представители европеоидной расы.

⁵⁸⁷ Пилипенко А.С., Полосьмак Н.В., Коновалов П.Б., Журавлев А.А. Генофонд митохондриальной ДНК хунну Забайкалья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 222-225. С. 224.

⁵⁸⁸ Там же. С. 225.

⁵⁸⁹ Гумилев Л.Н. Хунну. С. 48-49 («О языке хуннов»).

⁵⁹⁰ Древние китайцы в эпоху централизованных империй / М.В. Крюков, Л.С. Переломов, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров; [Отв. ред. Л. С. Переломов, Н. Н. Чебоксаров]. – М.: Наука, 1983. – 415 с.: ил. С. 58.

⁵⁹¹ Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. С. 273.

⁵⁹² Грумм-Гржимайло Г.Е. Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми? – СПб., 1899. *Его же*. Белокурая раса в Средней Азии. – СПб., 1909. *Его же*. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. – Л., 1926. С. 1-78. Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // Изв. ВГО – 1959 – Т. 91, № 1 – С. 17-26. *Его же*. Хунну. С. 11-41.

Вскоре после освобождения из лагеря Гумилев выступил с докладом, изданным затем отдельной статьей, в котором пересматривал некоторые положения гипотезы Грумм-Гржимайло. Он разделил проблему на две части: 1) европеоиды в древности действительно жили в Восточной Азии, но 2) это был не один народ, а по крайней мере две разные группы племен – жуны и ди, жившие в Северном и Западном Китае, и динлины, жившие на юге Сибири. Первые частично смешались с китайцами, частично – с хуннами (см. выше), жуны вошли также в состав тибетцев, а большинство ди стали предками племен теле, из которых вышли раннесредневековые уйгуры. Динлины также частично смешались с хуннами, но в основном их потомками можно считать енисейских кыргызов и кыпчаков. Свидетельства, которые можно трактовать как указания на европеоидность уйгуров, кыргызов и кыпчаков, имеются в письменных источниках, присутствуют визуально на средневековых фресках и подтверждаются антропологическими исследованиями.

В рецензии на «Хунну» К.В. Васильев, не оспаривая историчность жунов, ди и динлинов, заявляет, что в оригинальных источниках нет никаких данных об их внешнем облике⁵⁹³. Отверг он и принятое Гумилевым отождествление цзюешэ китайских источников и кыпчаков и то, что динлины сходят с исторической арены во II-III вв.

В статье И.В. Пьянкова из сборника к 90-летию Гумилева приведены те же аргументы, хотя и поданные в новом ракурсе. Автор не отрицает наличие европеоидного элемента в древнем населении Монголии и Восточной Сибири, но связывает его с гяньгунями (предками кыргызов), а динлинов, напротив, считает монголоидами⁵⁹⁴, от которых осталась культура плиточных могил⁵⁹⁵. И.В. Пьянков оспаривает исчезновение динлинов к III в. на том основании, что «дили», «теле», «чилэ», «гаогюй» идентичны динлинам, а упоминаются в источниках и после III в. В этом И.В. Пьянков допускает противоречие, очерчи-

⁵⁹³ Васильев К.В. Ук. соч. С. 122. В Государственном Эрмитаже... С. 204, 208.

⁵⁹⁴ Пьянков И.В. Еще раз к вопросу о динлинах // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. С. 200.

⁵⁹⁵ Там же. С. 202.

вая область обитания динлинов восточными отрогами Монгольского Алтая и Хангаем, а их потомками называет шивэй, которые жили еще восточнее – в Приамурье. Но племена теле населяли северо-запад Китая и Джунгарию, и только с середины VI в. оказались в Монголии, перемещенные туда покорившими их тюрками.

Считая вопрос происхождения динлинов решенным, И.В. Пьянков в следующей статье лишь сослался на предыдущую⁵⁹⁶, добавив, что авторами «мифа о белокурых динлинах» были Г.Е. Грумм-Гржимайло и Л.Н. Гумилев⁵⁹⁷. В новой статье нарисована картина экспансии «красных ди»/дили/динлинов во II вв. до н.э. от Центральной Монголии до центрального Казахстана, а на севере – до Забайкалья и верховьев Енисея, но совершенно упущена империя Хунну, существовавшая на тех же территориях в то же самое время. Однако по ряду выводов И.В. Пьянков скорее подтвердил высказанное Гумилевым. Так, карасукская культура представлена как результат инфильтрации в Южную Сибирь жунонских племен⁵⁹⁸, а для И.В. Пьянкова жуны и ди идентичны. Жунов он считает тибетскими племенами⁵⁹⁹, а Гумилев предполагал, что древние тибетцы сложились из кянов/цянов и жунов. Отличие позиций ученых всегда в одном: определение монголоидности и европеоидности племен в концепциях Гумилева и Пьянкова ровно противоположно.

Объединение жунов, ди и дунху не является общепризнанным. Антиковед Л.А. Ельницкий, специально занимавшийся этой темой, писал (со ссылкой на Гумилева): «Вероятно, эти племенные объединения не были однородны в этническом отношении: дунху – монголы, остальные – нет»⁶⁰⁰.

⁵⁹⁶ Пьянков И.В. Жуны и ди, аримаспы и амазонки // Записки восточного отделения российского археологического общества. Т. II (XXVII). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. С. 223.

⁵⁹⁷ Там же. С. 232 (прим. 27).

⁵⁹⁸ Там же. С. 226.

⁵⁹⁹ Там же. С. 229-230. Основные концептуальные идеи И.В. Пьянкова заимствовал у чешского сиолога Я. Прушека, который, между прочим, на «Хунну» сослался. Он склонялся к мнению Гумилева о нетождественности ди и динлинов, а также напрямую не опровергал европеоидность последних. См. Průšek J. Chinese statelets and the northern barbarians in the period 1400-300 B.C. – Dordrecht: D. Reidel Publishing, 1971. P. 84.

⁶⁰⁰ Ельницкий Л.А. Скифия Евразийских степей. – Новосибирск: Наука, 1977. С. 181. Экземпляр книги есть в библиотеке Гумилева с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому

Менее категоричны в своих оценках археологи. Так, Н.Л. Членова, относя сведения о динлинах к таштыкской культуре (начало нашей эры) писала: «В недавнее время Л.Н. Гумилев, пересматривая гипотезу Г.Е. Грум-Гржимайло в свете новых... материалов и исходя из того, что... носители тагарской культуры были потомками носителей афанасьевской культуры, даже распространил имя "динлины" на носителей афанасьевской культуры»⁶⁰¹. Тем не менее, она согласилась с мнением Гумилева, что «слово "динлин", вероятно, было полисеманлично и имело нарицательное значение вместе с этнонимическим».

Скептически отнеся к отождествлению динлинов с афанасьевцами и Д.Г. Савинов, связав их с племенами тагарской культуры, предшествовавшей таштыкской. Подобно Н.Л. Членовой он принял общую позицию Гумилева: «Л.Н. Гумилев, подводя в 1959 г. итоги изучению динлинской проблемы, пришел к выводу, что, "вероятно, слово "динлин" было полисемантическим и имело нарицательное значение вместе с этнонимическим", обозначая население северной периферии хуннских владений»⁶⁰². Также он принял мнение Гумилева о тождестве цзюешэ и кыпчаков⁶⁰³, но позже перешел на точку зрения С.Г. Кляшторного⁶⁰⁴.

Авторы коллективной монографии о древних китайцах приняли мнение Н.Л. Членовой о таштыкской принадлежности динлинов, считая их расовый тип смешанным, но никак не чисто монголоидным. Не различая ди и динлинов, они, подобно К.В. Васильеву, полагали, что последние в III в. переселяются из Минусинской котловины в Северный Китай, где активно участвуют в событиях «смутной эпохи» III–VI вв.⁶⁰⁵

Льву Николаевичу Гумилеву от автора. 9/1. 78. Подпись».

⁶⁰¹ Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. С. 221.

⁶⁰² Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 12. Книга имеется в библиотеке Гумилева, и он на нее ссылался. См. также: Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: КемГУ, 1994. – 215 с. С. 8-9.

⁶⁰³ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. С. 17-18.

⁶⁰⁴ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 281-282. См. подробнее ниже (3.3).

⁶⁰⁵ Древние китайцы в эпоху централизованных империй. С. 63.

В ряде работ исследовала динлинскую проблему китаевед Л.А. Боровкова. В одной она просто отмечает, что этой проблемой занимались Г.Е. Грумм-Гржимайло и Л.Н. Гумилев⁶⁰⁶, в другой – подробно анализирует их взгляды. Принимая положение Гумилева, что «динлины не ди» – народы, расово сходные, но не идентичные, Л.А. Боровкова пытается разобраться, почему китайцы часто смешивали их. В результате, она приходит к выводу, что хунны и сяньби, воевавшие в предшествующий период своей истории с динлинами, «переселившись в Северный Китай и обнаружив здесь народ, по облику подобный знакомым им динлинам, стали его называть динлинами»⁶⁰⁷. Она настаивает именно на переносе этнонима через посредство хуннов, отрицая факт переселения динлинов на юг. Вопреки И.В. Пьянкову, Л.А. Боровкова не считает случайными цветовые характеристики племен ди. Этим, по ее мнению, китайцы подчеркивали их расовое отличие от себя.

Несмотря на включение в библиографию многих работ Гумилева, Э.А. Новгородова цитирует те же фрагменты двух работ («Динлинская проблема» и «Хунну»), что и другие авторы. Изложив содержание последних, она заключает, что «именно археологические данные из Западной Монголии противоречат этой версии»⁶⁰⁸. При этом, по ее мнению, «многие положения Г.Е. Грумм-Гржимайло интересны, полезны и до сих пор». Сама Э.А. Новгородова связывает динлинов либо с карасукской, либо с тагарской культурой.

Казахский историк С.М. Ахинжанов принял основные положения динлинской гипотезы в трактовке Гумилева⁶⁰⁹. Особенно ему импонировало предположение, что кюеше-кыпчаки в древности принадлежали к андроновской культуре, хотя он и отметил невозможность пока это доказать⁶¹⁰. Но, как представляется, сам Гумилев впоследствии оставил эту свою точку зрения: не отказываясь от отождествления кыпчаков с западными динлинами, об их связи с

⁶⁰⁶ Боровкова Л.А. Царства «западного края» во II-I веках до н.э. – М.: Ин-т востоковедения РАН, Крафт+, 2001. С. 25-26.

⁶⁰⁷ Боровкова Л.А. Проблема местоположения царства Гаочан. – М.: Наука, 1992. С. 66.

⁶⁰⁸ Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. С. 313.

⁶⁰⁹ Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы: Гылым, 1995. – 296 с. С. 80.

⁶¹⁰ Там же. С. 85.

андроновцами он больше нигде не писал. В целом, ряд положений статьи 1959 г., написанной еще в лагере, Гумилев пересмотрел уже в «Хунну»⁶¹¹, не говоря о последующих работах⁶¹². Однако С.М. Ахинжанов не сослался ни на какую другую работу Гумилева несмотря на то, что книга его писалась уже в конце 1980-х гг.

В рамках концепции Грумм-Гржимайло и Гумилева раннюю историю кыпчаков рассматривали калмыцкий историк Б.С. Санджиев и узбекский – К.Ш. Шаниязов. Они приняли отождествление кюеше и кыпчаков и со ссылками на Гумилева писали о происхождении кыпчаков от динлинов⁶¹³.

Приведенное многообразие мнений о происхождении хуннов и участия в их этногенезе тех или иных соседних племен свидетельствует о нерешенности этой ключевой проблемы. Нет единодушия и в оценках взглядов Гумилева. Это, как минимум, дает право рассматривать его позицию наравне с другими.

Вопросы социального строя хуннов будут рассмотрены ниже в рамках более общей темы (параграф 3.3), а пока перейдем к проблемам исторической географии.

Историческая география Центральной Азии. Свои представления о границах государств и размещении народов Центральной Азии Гумилев основывал на источниках, к которым подходил критически. Полученные данные он накладывал на контурную карту (см. выше письмо Н. Варбанец), а результат можно видеть в большинстве его книг. Тем не менее, как к самим картам, так и к историко-географическим выводам в работах Гумилева нередко появляются довольно жесткие упреки даже в работах последнего времени.

⁶¹¹ Гумилев Л.Н. Хунну. С. 23–24. Об андроновской культуре говорится уже как об арийской.

⁶¹² «"Тагарцы" обрели свое историческое имя – динлины...». Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 85.

⁶¹³ Санджиев Б.С. Племена, обитавшие в степях Дешт-и-Кыпчака и на территории нынешней Калмыкии в XI–XII вв. // Записки. Вып. I. – Элиста: Калмыцкий НИИ языка, литературы и истории, 1960. С. 85. Сборник имеет дарственную надпись: «Уважаемому Льву Николаевичу Гумилеву в знак моей признательности за советы и помощь. От Санджиева Б.С. Элиста, 1961 г.». Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. – Ташкент: «Фан», 1974. С. 31 сл.

Специально посвященный развенчанию Гумилева как историко-географа раздел большой статьи Л.А. Мосионжника завершается констатацией: «Если историк и географ настолько не в ладах с картой...»⁶¹⁴ (многоочие авторское). Автор никак не аргументирует, почему любая взятая им для сравнения с гумилевской карта будет правильнее последней. Кроме того, любой схематизм границ и даже явные полиграфические накладки трактуются Л.А. Мосионжником как авторские ошибки. Таких он отметил немало (см. параграф 3.2 и приложения 3 и 4), но сейчас из их числа рассмотрим проблему расположения «варварских» племен к северу от китайских царств⁶¹⁵.

При оценке современного состояния проблемы исторической географии Центральной Азии необходимо учитывать, что разные исследователи составляли карты для разных периодов, поэтому неодинаковое положение племени или государства может свидетельствовать не о расхождении мнений, а лишь о разных этапах истории этого государства или племени. Если, например, сравнить карту «Распространение племен в Срединной Азии около VII в. до н.э.» из книги «Хунну» (с. 26), вызвавшую острую критику Л.А. Мосионжника, и данными раздела (с. 37-39), который она иллюстрирует, с исследованиями А.А. Ковалева, специально изучавшего проблему расположения племен к северу от Китая, то в целом обнаружится сходство, а различия будут связаны как с действительным уточнением местоположения племен, так и с иным периодом (IV-III в. до н.э.), для которого составлена карта⁶¹⁶. Еще одна статья А.А. Ковалева, специально посвященная проблеме размещения северных племен эпохи

⁶¹⁴ Мосионжник Л.А. Исторический миф Л.Н. Гумилева... С. 341.

⁶¹⁵ Оценка карт «Хунну», данная М.В. Воробьевым, также критична, но не в отношении автора: «Карт мало, они одноцветные и слепые, границы размещения племен и государств не указаны, а они могут быть обозначены вполне достоверно, во всяком случае более точно, чем границы княжеств и племен в древнейшем Китае... Впрочем, этот упрек следует отнести не к автору, а к издательству» (Воробьев М.В. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Хунну... С. 201. Вероятно, рецензент, упрекая издательство, был лучше осведомлен об обстоятельствах подготовки книги. Это подтверждает отзыв М.И. Артамонова еще на рукопись «Хунну», в котором говорится об «атласе из 15 карт, выполненных в цвете». См.: Л.Н. Гумилев: pro et contra... С. 223.

⁶¹⁶ Карта доступна в Интернете: <http://otval.spb.ru/library/kovalov-aa-2002-map.pdf> (дата обращения: 12.12.2022).

«борющихся царств», к сожалению, картой не снабжена⁶¹⁷. Тем не менее, судя по описаниям, положение племен лоуфань⁶¹⁸, баянь, хуннов и юэчжей⁶¹⁹ совпадает в обеих интерпретациях. Два первых племени размещены обоими авторами на территории, ограниченной излучиной Хуанхэ (Ордос), хунны – на север от них, юэчжи – на запад. Племя линьху Гумилев также помещал в северной части Ордоса, с чем А.А. Ковалев спорит (хотя на Гумилева нигде не ссылается) и помещает их восточнее⁶²⁰.

Еще один исследователь, В.В. Логинов, посвятил специальную статью изучению вопроса о месте главной ставки шаньюя. О позиции Гумилева он высказался довольно резко: «Л.Н. Гумилев, в своей большой работе, посвященной хуннам, не нашел для ставки шаньюя и пары строчек, лишь вскользь заметив, что она была кочевой столицей, свободно перемещавшейся по просторам монгольских степей, подобно столице монголов, допустив, таким образом, двойную ошибку»⁶²¹. Несправедливость этого упрека усугубляется следующей фразой: «К сожалению, и Т.Дж. Барфилд, и Н.Н. Крадин, детально исследовавшие политическую и социальную структуру общества хунну, также обошли молчанием эту проблему». В чем же тогда Гумилев, располагавший куда меньшей источниковой базой (особенно археологической), виноват в сравнении с современными авторитетными кочевниковедами?

Что касается «двойной ошибки», то страница «Хунну», на которую ссылается автор, не содержит ничего про ставку шаньюя: на ней заканчивается раздел «Знатные роды» и начинается «Система чинов»⁶²². Даже допуская наличие опечатки в ссылке, все равно и на соседних страницах нельзя ничего найти про

⁶¹⁷ Ковалев А.А. Локализация народов VI-III вв. до н.э. на северных границах китайских государств // Записки ИИМК РАН. №3. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 181-202.

⁶¹⁸ Там же. С. 192-194.

⁶¹⁹ Там же. С. 198. Ковалев А.А. Происхождение сюнну... С. 176, 177 (карта).

⁶²⁰ Там же. С. 180.

⁶²¹ Логинов В.В. Локализация ставки хуннского шаньюя // Общество и государство в Китае: Т. XLII, ч. 3. – М.: ИВ РАН, 2012. С. 53-64. URL: http://www.synologia.ru/a/Локализация_ставки_хуннского_шаньюя (дата обращения: 18.08.2013).

⁶²² По изданию: Гумилев Л.Н. История народа хунну: 2-х книгах. Кн. 1. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. С. 86.

ставку шаньюя. Используя полнотекстовый поиск по книге «Хунну», несложно установить, что слово «ставка» упоминается лишь в связи с событиями политической истории, но ни разу специально не характеризуется.

Откуда тогда взялась приписанное Гумилеву мнение о ставке шаньюя как «кочевой столице»? Из тех работ, на которые ссылается В.В. Логинов, наиболее близкий по смыслу фрагмент содержится в «Собрании сведений...» Н.Я. Бичурина. Там в примечании к упоминанию «Шаньюевой орды» говорится: «Орда есть монгольское слово Ордо, значит местопребывание, ставка Хана. <...> Мы приняли употребление слова Ордо, для отличения кочевой столицы от столиц оседлых владений...»⁶²³. О локализации ставки шаньюя в районе будущей монгольской столицы говорится в другом примечании (к слову «Каракум»): «Под Хангаем по левую сторону Орхона, где и Чингис-хан утвердил свое местопребывание. Здесь же и хунны имели главное пребывание...»⁶²⁴.

Комплекс проблем, связанных с юэчжами, Гумилев решал очень подробно. Он исходил из предположения С.И. Руденко, что погребенные в Пазырыкских курганах являются восточными иранцами, известными китайцам как юэчжи*. Китайские источники помещают их в «ганьсуйском коридоре» – пустынной степи Алашань – между Ордосом (на востоке) и городом Хами (на западе). Однако там же помещался и другой народ – усунь, позднее переселившиеся в Семиречье (между Балхашем и Иссык-Кулем). Пытаясь разрешить эту проблему, Гумилев предположил, что юэчжи и усунь господствовали в Ганьсу по очереди: сначала юэчжи (IV в. до н.э.) покорили усуней; а хунны, разгромив и прогнав юэчжей на запад, также переселили усуней на западную окраину своих владений.

Родиной юэчжей Гумилев считал Джунгарию⁶²⁵, относя их предков археологически к андроновской культуре. Миграцию юэчжей он связывал с измене-

⁶²³ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 49.

⁶²⁴ Там же. С. 56.

⁶²⁵ Гумилев Л.Н. Хунну. С. 39–40, 69–71.

ниями климата⁶²⁶, когда повышенное увлажнение позволило им пересечь с запада (в статье опечатка «на запад») сузившуюся пустыню. Однако в схватке за степи победили хунны, прогнав юэчжей в Среднюю Азию, где те создали Кушанскую империю.

Позже, опираясь на статью американского китаевода Б. Лауфера, Гумилев уточнил свою концепцию. Лауфер восстановил с древнекитайского произношение названия юэчжей как «согды», а последние, как известно, в древности и средние века жили в Средней Азии. Гумилев сделал вывод, что юэчжи оттуда и происходили, а на Южный Алтай и в Джунгарию были вытеснены в легендарную эпоху войн персов и туров (т.е. среднеазиатских иранцев), затем: «На границу Китая они попали вследствие того, что их экспансия дошла до Хуанхэ, а отброшенные хуннами, они вернулись на свою родину, где и навели порядок, покончив с последствиями македонского завоевания»⁶²⁷.

*В рукописи «История Серединной Азии в связи с историей сопредельных стран»⁶²⁸ имеются интересные подробности того, как Гумилев разрабатывал вопрос об этногенезе древних ираноязычных народов. Он вступил в заочную полемику с С.И. Руденко относительно датировки и атрибуции Пазырыкских курганов. На основании присутствия в них китайских вещей Гумилев не считал возможным датировать курганы ранее II в. до н.э., полагая, что до династии Хань контактов между Китаем и Алтаем не было. Ошибка С.И. Руденко (№3; следуя нумерации рукописи), по мнению Гумилева, возникла от незнания китайской истории⁶²⁹.

Интересно, что работа над этим фрагментом нашла отражение в переписке с матерью. В письме от 5.02.1954 читаем: «...благодарю тебя за посылку и книгу Руденко. Я ее прочел с удовольствием и даже сообразил, как можно уточнить датировку. Дело в том, что Сергей Иванович представления не имеет о Китае, а я здесь прослушал курс древней истории и философии Китая от ученого китайца и... могу утверждать, что эти курганы насыпаны не в V в. до н. э., а в III в. н. э.»⁶³⁰. Вероятно, в письме присутствует описка, потому что далее в рукописи наиболее ранние 1-й и 2-й курганы датированы III в. до н.э., поскольку в них китайских вещей не обнаружено⁶³¹. Заметим, что тогда Гумилев еще не связывал пазырыкцев с юэчжами, хотя тех и других выводил из Средней Азии.

⁶²⁶ Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности // Вестник Ленинградского университета. Серия «География». 1966. № 6. С. 69–70.

⁶²⁷ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 72. *Его же*. Хунны в Китае. – М.: Наука, 1974. С. 8.

⁶²⁸ Часть I, глава IV «Среди неясного и нерешенного. Скифия и Туран».

⁶²⁹ §«Ледяная могила», л. 18. На обратной стороне карандашом написано: «Обосновать ошибку №3 или указать источники». Ошибка С.И. Руденко №1 заключалась, по Гумилеву, в признании пазырыкцев коренным населением; №2 – в мнении, что «стилистическое сходство означает одновременность вещей». Гумилев это оспаривал, полагая, что стили могут переживать исторические эпохи.

⁶³⁰ «Милая, дорогая мамочка...» // Звезда – 2007 – №8. С. 142.

⁶³¹ §«Туран и Скифия», л.13 об.– л.14.

Параграфы указанной главы писались в разное время и не лишены противоречий: то говорится об отличии туранской и скифо-динлинской культур (к последней отнесены и пазырыкцы)⁶³², то Алтай объявляется периферией именно туранской культуры⁶³³, юэчжи сначала отождествляются с массагетами⁶³⁴, затем с тохарами⁶³⁵, затем то и другое опровергается⁶³⁶, по-разному определяется происхождение усуней, которые считаются то потомками племен ди, изначально тюркоязычными, как и хунны⁶³⁷, то смешанными с юэчжами и саками, но все равно тюркоязычными⁶³⁸. Однако общий взгляд на пазырыкскую культуру ясен. Гумилев считал ее занесенной на Алтай из Средней Азии в III в. до н.э., когда кочевники скифского круга вынуждены были бежать от наступавших сарматов и хуннов и спасти свои ценности. Там они оказались в относительной изоляции и спокойствии⁶³⁹. Возможно на подобный вывод повлияла аналогия с причерноморскими скифами, укрывшимися от сарматов в Крыму. Этнически пазырыкцев Гумилев связывал тогда с Кангюем.

Ко времени выхода «Хунну» большинство приведенных положений было Гумилевым оставлено, и сама глава в целом в книгу не вошла (ее следы заметны лишь в примечаниях). Так, оказалось, что вещи из Китая периода Чжаньго (V-III вв. до н.э.) на Алтай попадали (главным образом, из царства Чу)⁶⁴⁰. Гумилев принял датировку Пазырыкских курганов IV веком до н.э., в чем не оставил сомнений радиоуглеродный анализ вещей, и связал погребенных в них с юэчжами⁶⁴¹. Однако поиск их корней в Средней Азии оказался верным.

Экскурс предпринят нами с целью показать, что Гумилев приходил к своим выводам не сразу и не вдруг, а в ходе долгой кропотливой работы, и мог отказываться от первоначальных мнений или сильно их пересматривать. Главное, *не подтвердившиеся гипотезы в свои труды он просто не включал.*

Единственный ученый, имевший схожие взгляды на юэчжийскую проблему и даже выступивший с поправкой к лингвистическим реконструкциям Лауфера, был друг и соавтор Гумилева по ряду статей тибетолог Б.И. Кузнецов⁶⁴².

⁶³² § «Туран и Канг», «Туран и Скифия», л. 13 об.

⁶³³ § «Стерегищие золото грифы», л. 17.

⁶³⁴ § «Этногенез» пункт «а) Палеоантропология», л. 3.

⁶³⁵ Там же, пункт «б) Языки и народы», л. 5.

⁶³⁶ Примечание на том же листе, что оба отождествления не более чем гипотезы, и его обороте («обосновать гипотезу юэчжи=тохары»). Также § «Массагеты и Саки» и «Юэчжи и тохары» (последний не завершен).

⁶³⁷ «Интерлюдия (первоначальное название «Опыт истории Хунну. Часть I. Глава II» зачеркнуто). Среди неясного и нерешенного. Ди и динлины», л. 13-14. § «Золотой осадок», л. 26, 28.

⁶³⁸ Пункт «б) Языки и народы», л. 6.

⁶³⁹ § «Ледяная могила», л. 21, «Туран и Скифия», л. 13-14.

⁶⁴⁰ Лубо-Лесниченко Е.И. Пазырык и Западный Меридиональный путь // Страны и народы Востока. Вып. XXV. – М.: ГРВЛ, 1987. – С. 233-248.

⁶⁴¹ О сложностях датировки (и обоснование ранней даты – вторая половина V в. до н.э.) см.: Марсадолов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // Археологический сборник. 25. – Л.: Искусство, 1984. С. 90–98. Позднее мнения исследователей склонялись скорее к омоложению курганов – не ранее рубежа IV–III вв. до н.э. (по большей части III в. до н.э.). Ср. Чугунов К.В. Датировка Больших Пазырыкских курганов – новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. I. Барнаул: АлтГУ, 1993. С. 167–169. Так что, в лагерных рукописях и письмах Гумилев оказался, вероятно, даже более прав, чем он сам впоследствии считал.

⁶⁴² Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. (История религии бон). – СПб.: Евразия, 1998. – 352 с. С. 270-282. *Его же.* Бон и маздаизм. – СПб.: Евразия, 2001. – 224 с. С. 150-152, 188

Схему истории юэчжей он представляет точно так же, обращая внимание на резкое исчезновение памятников пазырыкской культуры на Алтае, связываемое им с миграцией юэчжей в район пустыни Алашань. Произношение «юэчжи» Б.И. Кузнецов восстанавливает как «го-ти», а «Гау» – древнее название Согдианы⁶⁴³. Так или иначе, их согдийское происхождение подтверждается.

С.Г. Кляшторный оставил данную концепцию без внимания. В ранней работе он отнес юэчжей и усуней к автохтонам Пиньляна и Хэси и назвал общепринятой тохарскую принадлежность юэчжей⁶⁴⁴, а в своей последней монографии он, суммировав множество мнений, так и не пришел к одному определенному⁶⁴⁵. Согласившись с мнением С.И. Руденко о восточноиранских корнях юэчжей, С.Г. Кляшторный, однако, не отказался от отождествления их с тохарами, считая юэчжей «многоплеменным объединением»⁶⁴⁶.

Е.И. Кычанов в новом издании монографии по культуре Тибета не обошел и тему юэчжей. Говоря об антропологической смешанности тибетцев он, со ссылками на Гумилева⁶⁴⁷ и Р.А. Стейна, писал: «Индоевропейцами могли быть и ассимилированные цынами остатки племен юэчжи, которых иногда даже отождествляют с согдийцами, древним ираноязычным населением Средней Азии»⁶⁴⁸. В переиздание другой своей монографии он также включил раздел о юэчжах, в котором сослался, однако, уже на С.Г. Кляшторного⁶⁴⁹.

(поправка к мнению Лауфера).

⁶⁴³ Там же. С. 150.

⁶⁴⁴ Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 560 с. С. 155. Расширенный вариант монографии 1964 г.

⁶⁴⁵ Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. С. 114-117.

⁶⁴⁶ Там же. С. 118.

⁶⁴⁷ Ссылка на работу: Гумилев Л.Н. С.И. Руденко и современная этнография аридной зоны Евразийского континента // Этнография народов СССР – Л.: ГО СССР (Отделение этнографии), 1971. С. 6-14. С. 11-12.

⁶⁴⁸ Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги Страны снегов. 2-е изд. – СПб., 2006. С. 37-38.

⁶⁴⁹ Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств... С. 50.

Разработка Гумилевым юэчжийской проблемы не была оставлена без внимания авторами международного проекта «История цивилизаций Центральной Азии». В списках литературы к главам о хуннах и юэчжах значится книга «Хунну»⁶⁵⁰. Примечателен и еще один факт. Ссылки на Гумилева можно найти только во втором томе издания, несмотря на то, что последующие тома, посвященные эпохе средневековья, по тематике даже ближе его работам. Это не вызовет удивления, если учесть, что авторский состав второго тома во многом представлен зарубежными авторами⁶⁵¹, к Гумилеву беспристрастными, а в написании третьего и четвертого томов приняли широкое участие сотрудники академических учреждений Москвы, Ленинграда и республик Средней Азии⁶⁵².

Напротив, при анализе советскими антиковедами текста Геродота позиция Гумилева по юэчжам (отрицание их связи с массагетами⁶⁵³) была учтена⁶⁵⁴. О последних в словаре этнонимов к «Хунну» Гумилев заключил: «Массагеты – не существовали». Б.Я. Ставиский, выступавший в дискуссии в Эрмитаже на стороне Гумилева, назвал это «достаточно выразительным примечанием», вы-

⁶⁵⁰ History of civilizations of Central Asia. Vol. II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250. – Paris: UNESCO Publishing, 1994. P. 156, 523, 525.

⁶⁵¹ Глава о хунну – Н. Ишжамц (Монголия); о юэчжах – К. Еноки (Япония), З. Хайдари (Афганистан), Г.Е. Кошеленко; о кочевниках Казахстана и Средней Азии – Ю.А. Заднепровский, критиковавший «Хунну» на втором обсуждении. Он включил в библиографию 5 работ Бернштама (*ibid.*, p. 551) и ни одной Гумилева.

⁶⁵² History of civilizations of Central Asia. Vol. III. The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750. – Paris: UNESCO Publishing, 1996. History of civilizations of Central Asia. Vol. IV. The age of achievement: A.D. 750 to the end of the fifteenth century. Part I. – Paris: UNESCO Publishing, 1998. Из зарубежных авторов лишь Д. Синор (США) и Ш. Бира (Монголия) не упомянули Гумилева. Однако в изложении Д. Синором (Vol. II, p. 330–334) истории первого тюркского каганата (события «великой распри», отождествление автора письма императору Маврикию с каганом Тарду) и в вопросах ономастики (признание нетюркскими имен ряда каганов) заметно влияние работ Гумилева.

⁶⁵³ Гипотеза С.П. Толстова. В «Хунну» (с. 40) коротко отмечено, что она принята не всеми учеными, тогда как в рукописи есть отдельный параграф «Массагеты и саки». От него в книге осталось всего несколько строк в словаре этнонимов (с. 250), где приведена расшифровка К.В. Тревер: массагеты = «Большая сакская орда». Далее по рукописи: «Однако если в Средней Азии кочевали только саки, которых китайские географы... с юэчжами не смешивали, то очевидно, что юэчжи особый народ, а не восточная ветвь "массагетов"».

⁶⁵⁴ Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. – М.: Наука, 1982. С. 183.

званным раздражением от «бесчисленных гипотез и недостаточности достоверных данных» о древних этносах Средней Азии⁶⁵⁵.

К юэчжийской проблеме примыкает как вообще в историографии, так и в работах Гумилева, связанных с историей хуннов, эфталитская – проблема происхождения и первоначальной локализации этого народа, создавшего в V–VI вв. империю на стыке Центральной, Средней и Южной Азии. В эфталитской проблеме еще более чем в юэчжийской переплелись вопросы исторической географии и этнографии.

Основных вопроса два: откуда пришли эфталиты в Среднюю Азию: с северо-запада, из приаральских степей, или с северо-востока, из Центральной Азии; какого они были происхождения: тюрко-монгольского (П. Пелльо, Р. Груссе, Ф. Альтхейм) или восточноиранского (Р. Гиршман, А.М. Мандельштам)? Вокруг этих вопросов сформировалось множество точек зрения, в том числе промежуточных. Проблема осложнялась и вариативностью наименований народа в источниках: эфталиты, йе-да, абдель, хайталь, белые гунны. Уже сами по себе эти названия дали толчок различным гипотезам. Не вдаваясь в перечисление, рассмотрим только взгляды Гумилева и их оценки.

Гумилев не присоединился ни к одной из версий, выдвинув свою. Эфталитов он считал не кочевниками, а горцами Памира и Гиндукуша. Он предположил, что эфталиты происходят от упомянутых выше «белых ди» (бади) – европеоидного народа, жившего в Западном Китае, но изгнанного оттуда в VII в. до н.э., куда неизвестно. Поскольку родственные им «красные ди» (чиди) вошли в состав хуннов, возможно эта отдаленная связь и повлияла на название «белые гунны». От «бади» Гумилев также производил название «Бадахшан»⁶⁵⁶. Однако позже он был склонен относить эфталитов непосредственно к ирано-

⁶⁵⁵ Ставиский Б.Я. Между Памиром и Каспием. – М.: Наука, 1966. С. 100. Книга имеет дарственную надпись: «Дорогому Льву Николаевичу Гумилеву, с уважением, на добрую память. Москва июнь 1966 г. Б. Ставиский».

⁶⁵⁶ Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник древней истории – 1959 – № 1 – С. 129-140.

язычным народам, близким согдам и юэчжам⁶⁵⁷, и в целом к «туранской культуре»⁶⁵⁸.

Среди специалистов были те, кто игнорировал работы Гумилева по эфталитам⁶⁵⁹, те, кто, напротив, относился к ним положительно, и те, кто принимал их частично и частично критиковал. Так, разбирая эфталитскую проблему, Б.Г. Гафуров писал: «Выводы К. Еноки сводились к следующему: а) первоначальная родина эфталитов находилась близ восточной окраины Бадахшана; б) их культура содержала некоторые иранские элементы. Аналогичную идею о происхождении эфталитов из Бадахшана развивает Л.Н. Гумилев, не прибавивший новых аргументов к концепции К. Еноки»⁶⁶⁰. Однако об этом раньше высказался сам Гумилев: «Считаю своим долгом отметить, что к сходному выводу пришел японский ученый К. Еноки. Его работа стала мне известна после завершения данной статьи и доклада, прочитанного в ОЗВ Гос. Эрмитажа»⁶⁶¹.

Упомянутый доклад был прочитан в конце ноября 1956 г., о чем Гумилев сообщил В.Н. Абросову в письме: «Я прочел доклад о происхождении эфталитов. Опроверг все существующие точки зрения... и сам не был опровергнут. Работу рекомендовали к печати. Думаю послать в "Вестник Древней Истории"»⁶⁶². Причем рекомендация была получена от Н.В. Пигулевской, ведущего специалиста по источникам (кроме китайских), связанным с эфталитской проблемой, положительной отзыв которой сохранился в архиве музея-квартиры Гумилева. Таким образом, сказанное Гумилевым в примечании к статье подтверждается документально.

Не последнюю роль в вопросе о первенстве сыграло то, что выводы Еноки Б.Г. Гафуров использовал как подтверждение «бадахшанской» гипотезы

⁶⁵⁷ Гумилев Л.Н. Эфталиты – горцы или степняки? // Вестник древней истории – 1967 – №3 – С. 91-99. С. 92.

⁶⁵⁸ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 46, 380.

⁶⁵⁹ Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. – М.: Наука, 1985. С. 690. Авторы ссылаются на Ю.В. Ганковского и Б.Г. Гафурова. Собственное их мнение (совпадающее с мнением Р. Груссе) заключается в признании участия азиатских гуннов в этногенезе эфталитов (с. 420-421).

⁶⁶⁰ Гафуров Б.Г. Таджики. 2-е изд. Т. I. – Душанбе: ИРФОН, 1989. С. 263.

⁶⁶¹ Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. С. 140.

⁶⁶² Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 128. Письмо от 1 декабря 1956 г.

происхождения эфталитов, высказанной А.Н. Бернштамом⁶⁶³. Правда, эта гипотеза соседствовала в его труде еще с несколькими взаимоисключающими гипотезами (эфталиты – потомки кушан-юэчжей, они же – смесь среднеазиатских гуннов с массагетами, к которой добавились гунны из Европы и жужани из Центральной Азии, называвшиеся аварами⁶⁶⁴), разобраться в которых нелегко. Важно другое: подтверждать какую-либо гипотезу Бернштама цитатами из Гумилева было никак нельзя.

Встречаются и более положительные оценки. В первую очередь выделим работы С.К. Кабанова, археологическое изучение которым эфталитского периода в истории Средней Азии удачно совпало по времени с выходом главной статьи Гумилева об эфталитах. Он называет работы Еноки и Гумилева «почти одновременными» и принимает в целом концепцию последнего о происхождении эфталитов от племен ди⁶⁶⁵. Не менее решительно С.К. Кабанов поддержал выводы Гумилева о предшествовавших эфталитам кидаритах, совпавшие с его собственными выводами. По его мнению, «дополнительное рассмотрение вопроса» о локализации столицы кидаритов «вряд ли нужно после опубликования статьи Л.Н. Гумилева "Эфталиты и их соседи в IV веке"»⁶⁶⁶.

Приведем еще ряд оценок специалистами работ Гумилева об эфталитах. Ю.В. Ганковский, несмотря на то, что склонялся к отождествлению эфталитов и хионитов, тем не менее, рассматривал возможность их сложения в Бадахшане, ссылаясь при этом на Гумилева и Еноки⁶⁶⁷. Е.М. Медведев назвал северо-восточный Афганистан «наиболее вероятной областью первоначального обитания эфталитов», опять со ссылкой на этих же авторов⁶⁶⁸. В одной из по-

⁶⁶³ Гафуров Б.Г. Таджики. С. 262-263.

⁶⁶⁴ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. – Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1951. С. 190-191.

⁶⁶⁵ Кабанов С.К. Нахшебские монеты V–VI вв. // Вестник древней истории – 1961 – № 1 – С. 137-144. С. 143.

⁶⁶⁶ Кабанов С.К. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III–VI вв. // Советская Археология – 1963 – № 1 – С. 219-230. С. 229. См. также: Его же. Поздние кушаны в Нахшебе // Вестник древней истории – 1973 – № 3 – С. 159-171. С. 168.

⁶⁶⁷ Ганковский Ю.В. Народы Пакистана. – М.: Наука, 1964. – 278 с. С. 82.

⁶⁶⁸ Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий. – М.: Наука, 1978. С. 68, 265.

следних своих работ Б.Я. Ставиский упоминает всего две концепции происхождения эфталитов – их родства с хионитами (ссылка на Р. Гиршмана) и их автохтонности на Памире (ссылка на Гумилева)⁶⁶⁹. Американский иранист Р. Фрай, рассматривая эфталитов как смешанный из горцев Памира и гуннов народ, также ссылается только на две работы: статьи Еноки (1959) и Гумилева (1967)⁶⁷⁰.

Центральноазиатскую гипотезу поддержала Л.А. Боровкова, считающая, что значительная «протяженность державы кочевников эфталитов предполагает их многочисленность», но никакие данные «не дают ни малейшего основания предполагать существование... сколько-нибудь многочисленного населения в этом горном узле, который, как полагал Л.Н. Гумилев, стал для эфталитского народа "источником мощи и цитаделью его культуры"». На основании этого она признала «безосновательной гипотезу Л.Н. Гумилева, К. Еноки и Б.И. Маршака, согласно которой эфталиты были выходцами из... Западного Припамирья, немногочисленными, но воинственными»⁶⁷¹. В первую очередь отметим не несогласие Л.А. Боровковой с «бадахшанской гипотезой», а то, что первенство в ее выработке она отдает Гумилеву. Вопросы демографии рассматриваются нами ниже (параграфы 2.3 и 3.3), но представляется, что ни численность кочевников, ни численность горцев равно никогда не была высокой. Если же говорить о примерах широких завоеваний горцев, то они в Южной Азии известны: империя Гуридов в конце XII в. и империя Дуррани в середине XVIII в.

Последний вопрос, связанный с исторической географией, затронутый в ходе дискуссии по «Хунну» – местонахождение царства Кангюй.

Некоторые исследователи наполняли *географическое* название «Кангюй», известное только в китайской передаче, *этническим* содержанием⁶⁷². Гумилев,

⁶⁶⁹ Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев. – М.: Изд. РГГУ, 2002. С. 279.

⁶⁷⁰ Frye R.N. The heritage of Central Asia. – Princeton: Markus Wiener Publishers, 1998. P. 176-177, 182.

⁶⁷¹ Боровкова Л.А. Народы Средней Азии III-VI веков. – М. Институт востоковедения РАН, 2008. С. 74.

⁶⁷² История Казахской ССР. Т. I. – Алма-Ата: Наука, 1977. С. 291, 284-320.

напротив, употреблял его только в значении страны: «Кангюй находился в холмистой степи Восточного Казахстана, между озером Балхаш и Иртышом. От Средней Азии, или Турана, его отделяли бесплодная степь Бет-Пак-Дала и пески Муюнкум. На востоке он примыкал к Тарбагатаю, на западе граничил с государством Яньцай, т.е. аланами»⁶⁷³; «Царство Кангюй, расположенное... от Тарбагатая до среднего течения Сырдарьи»⁶⁷⁴.

Нейтральная версия локализации малоизвестной страны вызвала, однако, оживленную полемику. Так, Ю.А. Заднепровский на обсуждении «Хунну» в Институте народов Азии заявил: «Полнейший разнобой в локализации Кангюя показывает, что Л.Н. Гумилев не знает литературы вопроса и высказывает нередко необоснованные суждения. <...> ...ошибки Л.Н. Гумилева не случайны: они свидетельствуют о небрежности, граничащей с незнанием источников и литературы... Книга Л.Н. Гумилева – не историческое сочинение, а историческая повесть...»⁶⁷⁵.

Что понимал под «разнобоем» Ю.А. Заднепровский, неясно? В приведенных цитатах из разных работ Гумилева Кангюй локализован вполне однозначно. Правда, на картах в «Хунну» границы Кангюя не показаны, но по подписям понятно, где он находился. В «Открытии Хазарии» же напечатана карта «Евразия около 80 г. н.э.», возможно предполагавшаяся для «Хунну»⁶⁷⁶, уже с указанием границ Кангюя.

Собственная версия Ю.А. Заднепровского, высказанная вскоре после полемики с Гумилевым, была не вполне определенной. В рецензии на монографию С.Г. Кляшторного, согласившись с критикой последним взглядов С.П. Толстова и А.Н. Бернштама, Ю.А. Заднепровский заметил, что своего мнения автор не высказал. Поэтому он предложил свою версию: «...нельзя ли предположить, что для раннего этапа вполне оправдана локализация владений Кан-

⁶⁷³ Гумилев Л.Н. Хунну. С. 166. *Его же*. Таласская битва 36 г. до н.э. С. 162.

⁶⁷⁴ Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. С. 60.

⁶⁷⁵ В Государственном Эрмитаже... // Вестник древней истории – 1962 – № 3. С. 209.

⁶⁷⁶ Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. С. 91. Все варианты карт см. в *Приложении 2*.

гюй в бассейне Сыр-Дарьи (гипотеза А.Н. Бернштама), а в период возросшей мощи... в междуречье Аму- и Сыр-Дарьи (гипотеза С.П. Толстова)»⁶⁷⁷.

Впрочем, много позже версию Гумилева Ю.А. Заднепровский характеризовал уже вполне нейтрально: «...оригинальное, но слабо аргументированное мнение Л.Н. Гумилева о местонахождении Кангюй в степях Восточного Казахстана, между оз. Балхаш и Иртышом...»⁶⁷⁸.

В свою очередь, Гумилев о взглядах С.Г. Кляшторного писал: «Кангюй локализуется на среднем течении Сыр-Дарьи. По поводу локализации Кангюя есть еще две точки зрения. С одной из них – Кангюй-Хорезм (гипотеза С.П. Толстова – А.С.) – автор расправляется беспощадно, вторую – Кангюй располагался в Восточном Казахстане и Сыр-Дарьинские оазисы были его западной окраиной (мнение самого Гумилева – А.С.) – автор вообще не упоминает, хотя только она объясняет, где Кангюй мог граничить с Хунну»⁶⁷⁹.

Против последнего утверждения с критикой выступила Б.И. Вайнберг. По ее мнению, источники не дают оснований считать, что Кангюй граничил с Хунну. При этом она неточно передала мнение Гумилева, который будто бы помещал Кангюй в степях Центрального Казахстана на север от Балхаша⁶⁸⁰. По ее собственной интерпретации Кангюй занимал земли от Северо-Восточного Прикаспия до Давани (Ферганы), а центр его располагался в Северо-Восточ-

⁶⁷⁷ Заднепровский Ю.А. [Рец. на:] С.Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964 // Народы Азии и Африки – 1965 – № 6. С. 175.

⁶⁷⁸ Заднепровский Ю.А. Древние кочевники в Центральной Азии. СПб., 1997. С. 49.

⁶⁷⁹ Гумилев Л.Н. // Народы Азии и Африки – 1965 – № 6. С. 178. В «Хунну» о версии С.П. Толстова Гумилев ограничился фразой: «Кангюй вопреки мнению С.П. Толстова находился в Восточном Казахстане» (с. 39). В рукописи же он приводил куда более подробную аргументацию. Так, отсутствие упоминаний Кангюя в античных сочинениях свидетельствовало, по Гумилеву, не о том, что греки называли Кангюй Хорезмом, а о том, что ни одно греческое владение с ним не граничило. Знание фарси позволило Гумилеву установить ошибочность приводимых С.П. Толстовым топонимических данных. Незнание же китайцев о Хорезме Гумилев трактовал как доказательство отсутствия самостоятельности этой области. Вывод его такой: «Итак, Хорезм не Кангюй и греки свободно могли прозевать наличие кочевой державы, с которой их не связывали никакие интересы; а самостоятельного Хорезма в III в. до н.э. – III в. н.э. не было, и С.П. Толстов открыл лишь парфянские провинциальные города, которые он описал под псевдонимом "античного периода древнехорезмийской цивилизации"». («История Серединной Азии». Ч. I, гл. IV §«Грустные мысли»).

⁶⁸⁰ Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. – М.: Восточная литература, 1999. С. 268.

ном Приаралье (низовья Сырдарья)⁶⁸¹. Это мнение, как и мнение Ю.А. Заднепровского, наталкивается на историческое противоречие: о Кангюе китайские источники сообщают в том числе в связи с битвой 36 г. до н.э. между китайцами и хуннами в Таласской долине. Если следовать гипотезе Б.И. Вайнберг, Таласская долина никак не могла бы входить в состав Кангюя, поскольку расположена северо-восточнее Ферганы.

Свое мнение о локализации Кангюя высказала и Л.А. Боровкова: «Имеющиеся... географические сведения о Канцзюй, не всегда ясные, иногда противоречивые, все же позволили... выяснить, что его граница с Усунь проходила немного восточнее оз. Иссык-куль, что его столица Битянь находилась в глубине царства в районе нынешнего г. Джамбул, что на запад одно из подвластных ему владений простиралось примерно до района Ташкента. <...> ...владения Канцзюй на севере начинались значительно южнее Аральского моря, на юге доходили до Большого Юэчжи, занимавшего земли к северу от р. Гуйшуй (р. Сырдарья), а с востока на запад простирались вдоль караванного пути от восточного берега оз. Иссык-куль примерно до Ташкента»⁶⁸².

Гипотеза Л.А. Боровковой ближе, чем остальные, к гумилевской. Впрочем, такая локализация сдвигает владения усуней на восток, за Иссык-Куль, вопреки традиционному их размещению между Иссык-Кулем и Балхашем, подтвержденному и археологически.

Итак, нами рассмотрены вопросы, поднятые в монографии «Хунну» и близких ей по времени выхода и тематике статьях, которые вызвали как полемические, так и положительные отклики. Не повторяя каждого частного вывода, можно заключить, что в научной литературе нет ни однозначного отрицания взглядов Гумилева, ни полного с ними согласия. Но даже за полемикой, особенно современной, стоит важное обстоятельство: если с Гумилевым спорят, значит, его работы по древней истории Азии, т.е. самые ранние из опубликованных, остаются по-прежнему актуальными.

⁶⁸¹ Там же. С. 267.

⁶⁸² Боровкова Л.А. Царства «западного края» во II-I веках до н.э. С. 294-295.

Еще одно обстоятельство, связанное с дискуссиями по «Хунну», было отмечено М.И. Артамоновым: даже если все высказанные оппонентами частные замечания справедливы, они «не исчерпывают содержания книги и не дают основания для ее общей неблагоприятной оценки». Также С.И. Руденко в итоговой статье подчеркнул, что в ходе дискуссий «были затронуты не столько выводы Л.Н. Гумилева, сколько примененный им метод исследования, постановка проблем и подход к составлению исторического повествования о бесписьменных народах». С мнением двух выдающихся специалистов по истории и археологии евразийских кочевников трудно спорить. Основное содержание «Хунну» – подробное изложение истории хуннов, анализ внутреннего устройства их державы, причины ее кризиса и распада, судьба ее осколков, ранее никем не осуществленное и потому представляющее основной вклад автора, – осталось за пределами дискуссий. Поскольку же в изложении событийной канвы хуннской истории даже авторами, игнорирующими полностью⁶⁸³ или частично⁶⁸⁴ работы Гумилева, нет ничего принципиально отличного от уже написанного в «Хунну», постольку эта монография навсегда останется первым и, видимо, вполне удачным опытом реконструкции в отечественной науке истории «Срединной Азии в древние времена».

2.3. Монография «Хунны в Китае»: спор синологов и номадологов

Противостояние Л.Н. Гумилева и его коллег мы рассматривали сначала в *историко-биографическом* аспекте (параграфы 1.1 и 2.1), затем в *общенаучном* (1.2 и 1.3) и *фактологическом* (2.2). Но мы еще не затронули самую, пожалуй, глубинную причину неприятия его трудов, которая, вероятно, осталась бы и при более благоприятных биографических обстоятельствах – *отношение к предмету исследования*. Напомним, что целью Гумилева было не только написание истории евразийских кочевников, но и оправдание их перед историей с

⁶⁸³ Миняев С.С. Сюнну // Исчезнувшие народы. – М.: Наука, 1988. С. 113-125.

⁶⁸⁴ История татар: в 7 т. Т. I. С. 127-128, 132-138.

попутным опровержением европоцентристского подхода. В этом аспекте логично представить, что даже не будь рецензии К.В. Васильева на «Хунну» и последовавших дискуссий, негативное отношение, пусть и более взвешенное, к этой и другим его работам сохранилось бы. Причина тому – направленность автора, выражаясь словами одного из критиков (см. 1.3), смотреть на историю «с точки зрения интересов Степи». Именно это обстоятельство, помимо прочих, обусловило сдержанную реакцию китаеведов на основные историко-востоковедные работы Гумилева. В данном параграфе мы рассмотрим влияние исходных позиций относительно предмета исследования (кочевники и Китай) на взаимное восприятие обеими сторонами (Гумилева и китаеведов) работ друг друга.

Вступая в некоторое противоречие со структурой предыдущих параграфов, начнем с примеров, представляющих современный результат отмеченного противостояния. Мы имеем в виду издания масштабных концептуальных работ двух американских авторов: «Восхождение Запада» У. Мак-Нила и «Опасную границу» Т.Дж. Барфилда.

Первое представляет собой очередной пример всемирно-исторической концепции развития человеческих обществ, которое, по логике автора, имеет своим итогом современный западный мир. Для обоснования своей концепции поэтапного и многолинейного «восхождения к Западу» У. Мак-Нил дает потрясающую по временному и пространственному охвату схему мировой истории, не обходя вниманием и отношения кочевников Великой степи с земледельческими цивилизациями. Хотя идея автора принципиально не соотносима с теоретическими взглядами Гумилева, но в одном из фрагментов пронизательный ум исследователя вплотную подходит к объяснению феномена пассионарности. Не находя объективной причины, почему Иран в парфянскую и сасанидскую эпохи успешно сдерживал натиск кочевников Турана, а в исламскую терпел поражения, Мак-Нил заключает: «Этот факт нельзя объяснить изменениями в технике ведения войны... Причина, очевидно, состояла в том, что

воинственные помещики и дворяне иранских приграничных областей... утратили свой воинский пыл. <...> Изменившийся стиль жизни иранского дворянства доносит до нас персидская поэзия X в. и последующих столетий, поэзия, которой присущи эlegantность и утонченность, но отнюдь не воинский дух»⁶⁸⁵. Однако редактором перевода русское издание книги позиционируется парадоксально: она «должна сослужить хорошую службу *в качестве антидота* (выделено мной. – А.С.) на... книги Льва Гумилева: вполне трезвый взгляд на роль Великой Степи, причем без всякой мистики, подобной "вспышкам пассионарности"...»⁶⁸⁶.

Анализируя концепцию второго из указанных авторов, Т.Дж. Барфилда, Е.И. Кычанов⁶⁸⁷ справедливо отметил, что она не только не нова для кочевниковедения, как отечественного (с. 305–306), так и западного (с. 46, 313, 316), но и просто представляет «шаг назад» в сравнении с достижениями отечественной науки (с. 314). Своих коллег, следующих Барфилду, Е.И. Кычанов резко охарактеризовал как «отечественных подражателей» (с. 48). Однако почему-то в предшественники концепции Барфилда, согласно которой «государствоподобные» объединения кочевников возникают только как подражание оседлым государствам, был записан Гумилев (с. 48). Почему так получилось, мы разберем ниже (параграф 3.3). Сейчас же отметим, что Гумилев действительно был в чем-то предшественником Барфилда, хотя и не в том, в чем предполагал Е.И. Кычанов.

Вот, например, что пишет Барфилд в своем предисловии: «Хотя автор данной работы во многом полагается именно на эти <китайские> источники, он все же делает попытку исследовать взаимодействие между Внутренней Азией и Китаем, *с точки зрения обитателей степи* (выделено мной. –

⁶⁸⁵ Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. 2-е изд., стер. – Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2013. С. 638–639. Ср. Гумилев Л.Н. География этноса... С. 214–217. («Угасание Ирана».)

⁶⁸⁶ Мак-Нил У. Восхождение Запада. С. 8.

⁶⁸⁷ Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем... Ссылки на номера страниц даются в тексте.

А.С.)»⁶⁸⁸ (с. 6). Далее автор признается: «Я не синолог, но существует более чем столетняя традиция переводов этих повествований об иноземных народах из династийных хроник на западные языки... <...> целью их авторов было намерение сделать эти тексты доступными для тех, кто не занимается китаистикой...»⁶⁸⁹ (с. 7).

Уже в этих фрагментах фактически заключено основное содержание дискуссии между Гумилевым и китаеоведами, а основные претензии в «тюрко- и монголофилии» и неиспользовании источников в оригинале сходу Барфилдом отводятся как несущественные для его целей – дать объяснительную концепцию отношений кочевников и Китая.

На этом совпадения не заканчиваются. Авторское Введение начинается с вполне «гумилевских» мыслей: о недостаточном теоретическом осмыслении накопленных фактов по истории кочевников, чему мешает узкая специализация исследователей и проблематика большинства работ, «ограниченная переводами исторических текстов..., вопросами лингвистики, истории искусства и вопросами идентификации мест обитания известных по историческим источникам племен»⁶⁹⁰ (с. 32-33). Далее Барфилд переходит к самой проблеме контакта кочевников и Китая: «На протяжении более 2000 лет кочевые народы степи враждовали с крупнейшим в мире аграрным государством и при этом не были включены в его состав и не восприняли его культуру. <...> Эти коневоды-кочевники не просто отвергали китайские культуру и идеологию, но и упрямо отказывались видеть в них какую-либо ценность...» (с. 33-34)⁶⁹¹.

⁶⁸⁸ Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / Пер. с англ. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова; науч. ред. и предисл. Д.В. Рухлядева. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. Ссылки на номера страниц даются в тексте.

⁶⁸⁹ Барфилд признает, что переводы не всегда «годятся для исследования ряда сложных проблем лингвистики и географии» (с. 7), поэтому он вынужден был просить специалистов сверить приводимые цитаты с первоисточниками. Напомним, ту же помощь Гумилеву в разные годы оказывали знакомые китаеведы: А.А. Штукин, В.А. Вельгус (см. Гумилев Л.Н. Хунну. С. 139), М.Ф. Хван.

⁶⁹⁰ Ср. «Но не все вопросы истории Внутренней Азии были в поле зрения Грумм-Гржимайло, который интересовался преимущественно исторической географией, палеоэтнографией и некоторыми вопросами хронологии». Гумилев Л.Н. Хунну. С. 9.

⁶⁹¹ Ср. «Не менее примечательно общее для всех народов Центральной Азии неприятие китайской культуры. Тюрки имели свою собственную идеологическую систему, которую они

Следующая черта сходства – отношение к источникам и китаеведам. Барфилд, подобно Гумилеву, отмечает тенденциозность первых и некритичное восприятие источников вторыми: «Негативное отношение к некитайским народам со стороны конфуцианских ученых... придавало этим памятникам тенденциозный характер. <...> Хотя предвзятость этих источников очевидна, она часто некритично увековечивалась в современной науке... Например, исследователи, посвятившие всю свою жизнь изучению... Китая, настолько глубоко погружались в классическую литературу этой страны, что часто неосознанно впитывали и усваивали ее ценности и картину мира. Внимательные и критически настроенные в пределах собственно китайской культурной сферы, они обычно писали о других народах, "варварах", которые угрожали их цивилизации, уже с точки зрения китайцев...» (с. 36).

Наконец, в изложении истории хунно-китайских отношений нетрудно найти черты сходства, как концептуального, так и содержательного, но еще более примечательна форма очерка, в который, подобно «Хунну», включены генеалогические таблицы шаньюев (с. 91, 140) и словарь этнонимов (с. 143). Впрочем, эта конструкция единообразна и характерна для всех глав книги. Если Барфилду в момент работы над книгой и было известно имя Гумилева, то, возможно, лишь по упоминаниям в англоязычных работах. Ссылки на дореволюционных и советских ученых (В.В. Бартольд, Б.Я. Владимирцов, Э.М. Мурзаев), имеющиеся в его книге, даны по изданиям их работ на европейских языках.

Конечно, приведенный пример с двумя переводными изданиями – еще не вся реальность бытования в профильной для востоковедного наследия Гумилева сфере науки его идей. Прямо или косвенно они были усвоены. Рассмотрим еще два примера.

Статья Гумилева о характере хунно-китайских отношений была для своего времени программной⁶⁹². В ней Гумилев попытался непредвзято подойти к интересам обеих сторон, показав хуннов не только как жадных грабителей, а отчетливо противопоставляли китайской». Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 42.

китайцев – не только как безобидных жертв (с. 410). Гумилев так резюмировал цели шаньюя Модэ в войне с Китаем: 1) установить «естественную границу»; 2) добиться получения из Китая (в виде «подарков») тех продуктов, которых не могла дать хуннам степь; 3) шаньюю необходим был статус равного китайскому императору, чтобы воздействовать на своих подданных, чего Модэ также добился. Получив все, Модэ заключил с империей Хань мир, но не учел, что не только его родственники, но и остальные хунны хотели получить доступ к предметам роскоши. С их настойчивым желанием были вынуждены считаться наследники Модэ, продолжившие набеги (с. 414-415). Однако никакими набегами нельзя было удовлетворить потребность в продуктах земледельческой цивилизации, поэтому хуннам и простым китайцам «хотелось наладить прямой обмен на приграничных пунктах, но тогда доходы ушли бы из казны китайского правительства... Это противоречие не могло разрешиться без войны, и она не заставила себя ждать» (с. 416). Причем инициатором войны стал уже Китай. Общий вывод статьи такой: «...не хуннское "варварство", а отрыв правящей верхушки Ханьской империи от народа и его интересов стимулировал кровавые войны, закончившиеся разгромом хуннского народа и падением династии Хань» (с. 417).

Спустя сорок лет те же вопросы затронул в обширной статье Н.Н. Крадин⁶⁹³, развив многие высказанные Гумилевым идеи: 1) о месте земледелия в хозяйстве Хунну, которым занимались покоренные племена, пленники или перебежчики из Китая, но не сами хунны (с. 151); 2) о значении приграничной торговли и манипуляции ею со стороны китайских властей (с. 144-146). 3) об общей направленности хунно-китайских отношений: «Стабильность Хуннской и иных степных империй напрямую зависела от умения высшей власти получать шелк, земледельческие продукты, ремесленные изделия и изысканные драгоценности с оседлых территорий. Поскольку эта продукция не могла

⁶⁹² Гумилев Л.Н. Хунно-китайская война III-II вв. до н.э. // Древний мир. Сборник статей академику В.В. Струве. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. Ссылки на номера страниц даются в тексте.

⁶⁹³ Крадин Н.Н. Структура и общественная природа Хуннской империи // Вестник древней истории – №4 – 2003 – С. 137-159. Далее ссылки в тексте.

производиться в условиях скотоводческого хозяйства, получать ее силой или вымогательством было первоочередной обязанностью правителя... Будучи единственным посредником между Китаем и степью, правитель хуннского общества контролировал перераспределение получаемой из Китая добычи, тем самым, усиливая свою собственную власть. Это позволяло ему сохранять власть и одновременно поддерживать империю...» (с. 147).

Н.Н. Крадин не просто ссылается на работы Гумилева, отмечая их существование, но и часто опирается на его мнения и выводы. Однако другие исследователи далеко не всегда подчеркивают приоритет Гумилева в решении тех или иных проблем.

С.Г. Кляшторный, например, воспроизводит схему распада империи Хунну предельно близко к изложенной Гумилевым⁶⁹⁴, но не упоминает в этой связи разработки последнего: хунны в конце I в. разделились на несколько ветвей, одна из которых (северные хунны) откочевала в западные степи и в результате смешения с уграми дала начало европейским гуннам⁶⁹⁵. Именно со ссылкой на С.Г. Кляшторного пишет о распаде империи Хунну и сложении гуннов Е.И. Кычанов⁶⁹⁶, хотя ранее он при этом ссылался на Гумилева⁶⁹⁷. Излагая историю европейских гуннов, В.П. Никоноров ссылается на целый ряд ученых, среди которых Гумилев, автор концепции, оказался лишь на третьем месте⁶⁹⁸.

⁶⁹⁴ Гумилев Л.Н. Хунну. С. 240–248.

⁶⁹⁵ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 33–35, 37. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей С. 85–87, 89–90. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата... С. 130, 134–135. Впервые текст в виде лекции был опубликован в 1982 г.: Кляшторный С.Г. Гуннская держава на Востоке (III–IV в. н.э.) // История древнего мира. [Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой.] Кн. 3: Упадок древних обществ. – М.: Наука, 1982. С. 170–181. Издание в целом лишено справочного аппарата, что и предопределило отсутствие ссылок на работы Гумилева о связи хунну и гуннов.

⁶⁹⁶ Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем... С. 49.

⁶⁹⁷ «Впоследствии судьба этого народа (ху, хуннов – по Л.Н. Гумилеву) сложилась так, что часть гуннов перекочевала на Запад, в Приуралье, и в I–IV вв. н.э. они трансформировались и, ассимилировав другие народности, докатились до Европы...» (Кычанов Е.И. Властители Азии. – М.: Восточная литература, 2004. С. 104).

⁶⁹⁸ Никоноров В.П. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // Записки восточного отделения российского археологического общества. Т. I (XXVI). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 221–323. С. 227.

Приоритета Гумилева в данном вопросе придерживается Н.Н. Крадин⁶⁹⁹. В недавно изданной, но готовой к печати еще в 1980 г., монографии кавказоведа Л.Г. Нечаевой при сопоставлении взглядов А.Н. Бернштама и Гумилева на этапы миграции хуннов и сложение гуннов автор однозначно встает на сторону последнего и приводит дополнительно в подтверждение конкретные археологические данные⁷⁰⁰.

Итак, работы западных исследователей, прямо или косвенно противопоставляемые работам Гумилева, ни концептуально, ни содержательно их не превосходят. Многие идеи Гумилева об отношениях кочевников и Китая так или иначе оказались усвоенными в отечественной науке. Но это в очень малой степени способствовало устранению скептически настроенного отношения к самому Гумилеву. Чтобы понять, что привело к такой неоднозначности оценок его работ, необходимо рассмотреть предысторию их создания и историю их критики.

Выше (параграф 2.1) мы уже осветили коллизии с возвращением востоковедов среднего поколения из лагерей в середине–второй половине 1950-х гг. Им приходилось как-то обустраиваться в сложившихся за время их отсутствия научно-организационных реалиях. Мест и должностей для всех не хватало, и за возникавшими то и дело научными дискуссиями нередко скрывалась корпоративная борьба. В самой этой ситуации нет ничего оригинального. Другое дело, что за годы сложилась стойкая тенденция объяснять дискуссии тех лет исключительно объективно-научными причинами, что реальную картину искажает.

Вскоре в дискуссиях об отношениях кочевников и Китая возникла еще одна сторона, тяготеющая в критике к первым оппонентам Гумилева, но как уже сказано, в своих оценках от них независимая. Это широкий слой китаеве-

⁶⁹⁹ Крадин Н.Н. Современные проблемы хуннологии // Гумилев Л.Н. История народа хунну: В 2-х книгах. Кн. 1. С. 441–442. Всемирная история: в 6 т. Т. 2. – М.: Наука, 2012. С. 77.

⁷⁰⁰ Нечаева Л.Г. Происхождение осетин (по данным погребальных сооружений) / ред. Л.И. Лавров; сост. А.А. Чижова. – СПб.: Росток, 2021. С. 102–106.

дов-профессионалов, в котором выделялась одна группа, о которой следует сказать особо.

Случилось так, что возвращение востоковедов из лагерей совпало с возвращением на родину из Северо-Восточного Китая русского населения, связанного с Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД). Большая часть этих людей владела на бытовом уровне китайским языком, а некоторые и вовсе были специалистами-китаеводами, причем высочайшего уровня.

В чем мог состоять источник их конфликта с Гумилевым, видно из аналогичной ситуации, в которую примерно в те же годы чуть не попал Ж.-П. Ру: «Я поступил в Школу восточных языков, где познакомился с Луи Массиньоном, ставшим затем моим научным руководителем. Луи сказал, что Франция скоро потеряет свои колонии в Северной Африке и что вернутся многие люди, владеющие арабским в совершенстве. Поэтому он советовал мне предпочесть арабскому какой-нибудь другой язык, в изучении которого я мог бы более отличаться. Вот почему я начал изучать турецкий»⁷⁰¹.

У Гумилева подобного выбора не было; не было ни времени, ни возможности что-то изменить, хотя он явно об этом задумывался, когда перед самым освобождением из лагеря писал Э. Герштейн: «Если бы можно было начать жизнь сначала, я учил бы китайский, а не персидский язык»⁷⁰².

О полемике с Гумилевым одного из представителей харбинских китаеведов, А.Г. Малявкиным, уже говорилось (1.1). Ее неровный характер был впервые отмечен Ю.И. Дробышевым, который не без удивления обнаружил, что А.Г. Малявкин, «постоянный оппонент Л.Н. Гумилева», соглашался с ним в вопросе о роли манихейства в судьбе Уйгурского каганата⁷⁰³. Дело, однако, в том, что постоянным оппонентом Гумилева А.Г. Малявкин и не был. При хро-

⁷⁰¹ URL: http://www.nonfiction.fr/article-847-arts_de_lislam_un_entretien_avec_jean_paul_roux.htm (дата обращения: 15.10.2013).

⁷⁰² Герштейн Э. Мемуары. С. 540. Письмо от 26.04.1956.

⁷⁰³ Дробышев Ю.И. История взаимодействия человека и природы в Центрально-Азиатских кочевых обществах раннего средневековья: диссертация ...кандидата исторических наук: 07.00.03 / [Место защиты: Ин-т востоковедения РАН]. – М., 2008. С. 123. Ср. аналогичное определение А.Г. Малявкина как «постоянного оппонента» Л.Н. Гумилева: Азбелев П.П. Об инновациях IX в. в южносибирских культурах // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 6. Горно-Алтайск, 2007. С. 106–115. С. 109.

нологическом рассмотрении работ последнего невольно бросается в глаза всё нарастающая критичность оценок Гумилева: от вполне сочувственных⁷⁰⁴ через умеренно-критические⁷⁰⁵ до граничащих с придирками⁷⁰⁶.

Естественным объяснением подобной эволюции можно было бы считать всё большее погружение А.Г. Малявкина в общие для него и Гумилева темы, в результате чего ему становилась очевидной несостоятельность суждений Гумилева. Однако принятию этого мешает следующее: 1) А.Г. Малявкин к началу 1970-х гг.⁷⁰⁷ был далеко не начинающим исследователем, чтобы критиковать коллег только ради собственного утверждения. Причем поддерживал Гумилева он именно в ранних работах, когда следовало бы ожидать критики, а критиковал в поздних, когда утверждаться ни перед кем не было нужно. 2)

⁷⁰⁴ Малявкин А.Г. Уйгуры и тибетцы в Ганьсу во 2-ой пол. IX в. // Центральная Азия и Тибет. Материалы к конференции. – Новосибирск: Наука, 1972. С. 78–83. *Его же*. К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата // Известия СО АН СССР. 1972. №1. С. 29–35. С. 30. *Его же*. Китай и уйгуры в 840–848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск: Наука, 1975. С. 65–82. С. 66, 81.

⁷⁰⁵ *Его же*. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1980. С. 108–114, 119–122.

⁷⁰⁶ *Его же*. Уйгурские государства в IX–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1983. С. 23–24, 49, 147, 184–185, 207–208, 242–243, 273. *Его же*. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. – Новосибирск: Наука, 1992. В 1972 г. А.Г. Малявкин, критикуя коллег, включая и Гумилева, последнего фактически оправдывал: «Очень интересно рассмотреть вопрос о проникновении уйгуров в район к западу от гор Алашань. <...> Л.Н. Гумилев также не совсем четко представляет положение в этом районе. Правда, при этом пишет, что политическая история уйгуров в конце IX и начале X вв. туманна и неясна» (Уйгуры и тибетцы в Ганьсу... С. 79). В 1992 г. отношение уже иное: «К сожалению, Л.Н. Гумилев не уточняет, на основании каких источников... он пишет о бегстве тюрок... в Тогон и о реакции на это со стороны Тибета» (Борьба Тибета... С. 46). На самом деле, Гумилев уточнял: «Интерпретация событий, чтение имен... оригинальны и базируются на специальных статьях автора... На эти работы ссылки не даются» (Древние тюрки. С. 105). На одну из этих статей (Гумилев Л.Н. Величие и падение Древнего Тибета. С. 159) А.Г. Малявкин ссылается, а там как раз указан источник, в неупоминании которого он Гумилева упрекнул. Там же Гумилевым дана ссылка на другую свою статью, в которой разъясняется его позиция относительно первого контакта тюрок и тибетцев: «Так я понимаю сообщение Ладакской хроники о покорении царем Намри "труку", т.е. тюрок...» (Гумилев Л.Н. Биография тюркского хана...С. 76). А.Г. Малявкин не заметил идентичности мнения Гумилева и цитированного им ранее факта (Борьба Тибета... С. 16) по книге Е.И. Кычанова и Л.С. Савицкого (Люди и боги страны снегов. С. 33), что до 607 г. армия царя Намри «на севере доходила до владений тюрок». Причем авторы, говоря об этом, также ни на что не ссылались, а А.Г. Малявкин, тем не менее, утверждает: «Эта информация была получена авторами уже из тибетских источников».

⁷⁰⁷ Родился в 1917 г. См.: Таскина Е.П. Русский Харбин. – М.: Изд-во Моск. Ун-та; «ЧеРо», 1998. С. 248.

Объектами поддержки и критики А.Г. Малявкина были одни и те же работы Гумилева.

Причина столь требовательно критического отношения станет понятнее, если обратиться к мнению еще одного «харбинца», В.С. Таскина, о котором писал И.С. Смирнов: «Казалось, важным и интересным для него был только сам процесс понимания китайского текста, а все дальнейшее только зряшная трата времени и сил. <...> С похожим безразличием относился В.С. <Таскин> к разного рода историческим умозрениям... Собственную задачу он видел в максимально честном взаимоотношении с китайскими источниками; занимавшегося сходными научными сюжетами Л.Н. Гумилева упрекал не за теоретические построения как таковые, а за отсутствие под ними прочного фундамента в виде китайских текстов»⁷⁰⁸.

Подобными соображениями, вероятно, руководствовался и А.Г. Малявкин. На это указывает чрезвычайно схожее с только что приведенным воспоминание А.Г. Конопацкого, бывшего до разговора с А.Г. Малявкиным поклонником Гумилева: «Об этой книге («Хунны в Китае» – А.С.) и о концепции Гумилева я решил поговорить с А.Г. Малявкиным, синологом и крупнейшим специалистом по истории уйгуров. Выслушав меня, Малявкин сказал: "Вы знаете, к науке это не имеет отношения. Это беллетристика и притом плохая. Гумилев, возможно, читал очень плохой французский пересказ некоторых китайских летописей. Но этого, как вы понимаете, недостаточно, чтобы выстраивать такие исторические полотна"»⁷⁰⁹.

⁷⁰⁸ Смирнов И.С. Летним утром на берегу реки Истры вспоминаю Всеволода Сергеевича // Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Вост. лит., 2003. С. 565.

⁷⁰⁹ Конопацкий А.К. Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии. Книга вторая. – М.: АИРО-XXI, Новый хронограф, 2009. С. 7. Насколько был искренним А.Г. Малявкин? Ведь в то же самое время (1975 г.) он на «Хуннов в Китае» ссылался совсем не как на беллетристику: «В истории Китая известен любопытный факт добровольно-принудительной ассимиляции, которую проводила правящая верхушка сяньбийцев. <...> Тобаские феодалы... не хотели отказываться от своих привилегий и имущественных прав, и тогда они приняли решение породниться с китайскими феодалами, чтобы раствориться в ханьской среде и таким путем сохранить свои должности и поместья. <...> Л.Н. Гумилев в недавно вышедшей книге объясняет этот акт только политическими соображениями, необходимостью мобилизации всего населения страны для борьбы против Южного Китая. В частности, он пишет...». Малявкин А.Г. Китай и уйгуры в 840–848 гг. С. 80–81

Из приведенных цитат следует, что причина несогласия обоих китаеведов-харбинцев с Гумилевым *концептуально-методологическая*: иной взгляд на изучаемую проблему и иной подход к источникам (филологический; см. параграфы 1.3). Впрочем, и этот вывод до конца не раскрывает причины нарастания придирчивости А.Г. Малявкина в отношении к Гумилеву.

Таким образом, даже без окутанной интригами дискуссии по книге «Хунну» столкновение с китаеводами при продолжении Гумилевым той же тематики было неизбежным. Оно осложнилось появлением ряда высококлассных специалистов, вернувшихся из Китая и занимавшихся той же темой. Отношения кочевников и Китая они изучали как источниковеды-филологи и искренне не понимали, как без достаточной, по их мнению, базы Гумилев приходил к своим, далеко не всегда ошибочным или сомнительным, выводам.

Для дальнейшего рассмотрения сформулируем два тезиса: 1) недостаточная языковая подготовка не препятствовала Гумилеву профессионально интерпретировать сведения, полученные из переводов китайских источников; 2) китаеведы относились к работам Гумилева серьезно, и, критикуя их, не отрицали положительных сторон.

Первую позицию поясним на примере единственной работы Гумилева, посвященной собственно Китаю, которая, несмотря на появление в малотиражном непрофильном издании⁷¹⁰, была замечена и оценена специалистами. Главным ее источником стал роман «Троецарствие», который «китайцы знают... как мы "Войну и Мир"»⁷¹¹. Роман Гумилеву в лагерь прислала мать, и в письмах к ней он делился впечатлениями: «Очень обрадовало меня "Троецарствие": именно такую книгу я хотел получить. Я же прочел ее дважды, с карандашом в руках и неоднократно обсудил с друзьями китайцами»⁷¹². Характери-

(примечание 87). Цитатой из «Хуннов в Китае» примечание завершается. Никакой критики далее там нет.

⁷¹⁰ Гумилев Л.Н. Троецарствие в Китае // Геогр. об-во СССР. Доклады отделений и комиссий. Вып. 5: Этнография. – Л., 1968. С. 108–127.

⁷¹¹ Ахметшин Ш.К. Лев Николаевич Гумилев. С. 282. Из письма А. Ахматовой (август 1954 г.).

⁷¹² Ахметшин Ш.К. Ук. соч. С. 282. Начало августа 1954 г. Ранее (письмо от 02.06.1954) он писал, что мечтает прочесть роман, так как он относится к той же эпохе, что и поздние хунны (III в.).

зовал роман Гумилев так: «Замечательно "Троецарствие", как по замыслу, так и по выполнению. Оно ценно и как исторический источник, – хотя необходим очень критический подход, – и как источник по этнопсихологии. Я извлек из него больше, чем видят в нем сами китайцы, и они за это на меня надулись»⁷¹³.

От дискуссий с солагерниками-китайцами остались и прямые свидетельства – два письма Гумилеву. Одно – прощальное от Чан Чжу (21.12.1954), где он выражает глубокое сожаление, что более не придется побеседовать об истории и философии. В другом, подписанном Сяо Хуаном – «длинным гибким бамбуком»⁷¹⁴ (20.12.1954, т.е. письма получены друг за другом), дана характеристика романа и его героев глазами китайца. Адресант выражает недовольство качеством русского перевода романа и излагает свою точку зрения на те моменты, в которых не согласен с Гумилевым. По его мнению, к трактовке образа Чжугэ Ляна Гумилев подошел «по-марксистски», рассматривая всякую вещь исходя из интереса, и доверился приукрашенному изложению автора романа, не соответствующему источнику.

Именно за последнее китайцы на Гумилева и «надулись»: «Но мы, китайцы, всегда отходим от интереса, мы гордимся своим долгом, честью, верой. Вы оскорбляли китайцев. Чжугэ Лян человек возвышенный и верно преданный Лю Бэю и его сыну. У Чжугэ Ляна нет ни капли собственных выгод. Ему не нужна слава или интерес, как Вы полагаете»⁷¹⁵. Сяо Хуан останавливается и на других персонажах. В конце письма он, подобно Чан Чжу, выражает сожаление, что не может вместе с Гумилевым читать роман и дать ему более глубокий анализ. Но и этого письма хватило, чтобы Гумилев в опубликованной статье изобразил Чжугэ Ляна в целом положительно.

⁷¹³ Ахметшин Ш.К. Ук. соч. С. 291. Письмо от 9.01.1955. Использование Гумилевым понятия «этнопсихология» в твердо датированном лагерном письме подтверждает ранние истоки основных положений теории этногенеза.

⁷¹⁴ Об одном из солагерников (Чен Чжу) вспоминает А.Ф. Савченко (Живя в чужих словах... С. 161), причем расшифровывает имя как «Золотой бамбук», но оговаривается, что помнит это неточно.

⁷¹⁵ Письмо написано без соблюдения правил орфографии и пунктуации. У некоторых слов другим почерком и цветом чернил надписаны окончания.

Таким образом, статья о троецарствии – плод долгих и глубоких размышлений Гумилева. Незамеченной, как уже говорилось, она не осталась. Так, Г.С. Померанц, критически настроенный в отношении теории этногенеза, ставил статью о троецарствии выше последней: «Понимаете, когда он <Л.Н. Гумилев> описывает троецарствие в Китае, то за этим чувствуешь какую-то историю, а его концепция этносов, в которой и школа импрессионистов – тоже этнос – это уже ни в какие ворота...»⁷¹⁶.

Что касается проблемы занятия китайской (в аспекте отношений Китая с кочевниками) историей некитаистом, то такой удачный пример есть – это Рене Груссе. О нем его младший коллега, китаевед Вадим Елисеев, писал: «...его имя останется особенно связанным с его гуманистическим наследием, которое значительно обогатило наше восприятие Востока. Глубоко укорененный в национальную почву, *не зная ни одного восточного языка* (выделено мной. – А.С.), Груссе смог, однако, проникнуть во все азиатские тонкости, благодаря исключительным умственным способностям»⁷¹⁷. С переводами Груссе помогали коллеги. В результате, по мнению Елисеева, ему «удалось сделать доступными высокоученые труды таких востоковедов, как Массиньон, Пельо, Масперо, Массе, Рену, которые он синтезировал при поддержке и под контролем тех же авторов, чьи работы использовал»⁷¹⁸. Еще один младший коллега Груссе, Д.

⁷¹⁶ <http://igrunov.ru/cat/vchk-cat-names/pomerants/lect/1257405245.html> / «Григорий Померанц о людях и идеях 1950-х – 1960-х». Беседы с Вячеславом Игруновым и Николаем Митрохиным (кон. 1980-х или нач. 90-х). Есть еще одна, крайне лапидарная, оценка статьи: «Вторая статья Л.Н. Гумилева, "Троецарствие в Китае", страдает теми же недостатками». См. Гаген-Торн Н.И. [Рец. на:] Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Этнография. Выпуск 5, 1968, 200 стр. // Советская этнография. 1971. №1. С. 154–156. С. 156. Недостатки статьи Гумилева «Древнемонгольская религия», перечисленные в предшествующем абзаце на той же странице, следующие: «Представляется, что на девяти страницах вообще невозможно решить такую сложную проблему, как определение конкретной религии и установление ее связей с другими религиозными концепциями». Однако в статье «Троецарствие в Китае» в формате сборника не девять, а девятнадцать страниц, известия Плано Карпини в ней не критикуются, концепция мирового древа не разбирается, тема шаманизма не затрагивается. О сугубо личной подоплеке конфликта между Гумилевым и Гаген-Торн, развернувшегося в стенах Географического общества, свидетельствует, пусть и несколько туманно, М.М. Кралин. См. Кралин М.М. Мои воспоминания о Льве Николаевиче Гумилеве // Живя в чужих словах... С. 443–453. С. 443–444.

⁷¹⁷ Encyclopædia Universalis. Vol. 26 (Thesaurus). Deligne – Kuyper. – Paris, 2002. P. 1984.

⁷¹⁸ Ibid. Ср. Grousset R. Histoire de l'Extrême-Orient. P. a. Среди тех, кому принесены благодарности: П. Пельо, С. Леви, А. Масперо; выходцы из России – В. Голубев и Сергей Елисеев.

Синор, дополнил сказанное В. Елисеевым: «Работоспособность Груссе была поразительной, но за этим стоял очень необычный метод собирания точной информации: он расспрашивал своих коллег. <...> это были Масперо, Гранэ, Сильвен Леви, Массиньон... и многие другие в дополнение к вздымающейся, почти сверхчеловеческой личности Поля Пельо. Сотрудничество между ним и Груссе было очень тесным. ...модель общения была предельно простой: Груссе задавал вопросы и Пельо на них отвечал... Но Груссе отличался большим усердием, задавая их чаще и с большей проницательностью, старательно записывая ответы... в крошечную записную книжку. Все о ней знали, и не было никакой возможности ее избежать. На каждом собрании, приеме, докладе Груссе доставал ее из кармана»⁷¹⁹. Считая лучшей характеристикой личности Груссе определение «француз», Синор отмечал, что тот не знал даже и русского языка⁷²⁰. Тем не менее, это не помешало ему создать признанные во всем мире труды по истории Востока, благодаря отмечаемой Синором экстраординарной способности к анализу и синтезу, способности получать из огромной массы фактов новое знание, ничего общего не имеющее с компиляцией.

Хотя Гумилев (по описанным причинам) встречал меньше понимания среди коллег, он также по возможности старался консультироваться с ними.

Переходя ко второму нашему тезису, сразу отметим, что основное внимание будет сосредоточено на книге «Хунны в Китае», логическом продолжении «Хунну».

Уже говорилось (см. 2.1), что опубликование «Хунну» в двух книгах поначалу и не предполагалось. Вспомним, как сетовал Гумилев в письме брату, что «Хунну» урезали на треть. О причинах отказа он сообщил в другом письме, но уже В.Н. Абросову: «...в Востокиздате отказались печатать продолжение "Хуннов", намекнув, что со второй частью мои милые друзья из ИВАН

ев, отец Вадима Елисеева.

⁷¹⁹ Grousset R. Conqueror of the World. – New York: The Orion Press, 1966. P. xii-xiii.

⁷²⁰ Ibid., p. xiv.

устроят волынку почище первой. Что ж, бездарники делают все, что могут»⁷²¹. В результате, издание было задержано на 14 лет.

Наличие «недосказанности» в «Хунну» отмечено в одно из рецензий: «К сожалению, в книге отсутствует изложение заключительного этапа истории хуннов – периода "пяти варваров" ("у-ху" – IV–V вв.), без чего история хуннов выглядит незавершенной»⁷²². По словам самого автора, книга вышла в искаленном виде: без указателей и со значительными купюрами⁷²³. На записке, вложенной в экземпляр книги с дарственной надписью («Моей единственной жене Наталье»), Гумилев перечислил разделы, не вошедшие в книгу: «Выкинуты разделы, посвященные Средней Азии и Сибири, концепция гетерохронности климатических колебаний и сокращено до минимума описание кризиса в Китае – в III в. – троецарствия. "Пролог" – есть, а "эпилога" – нет. "Эпилог" – необходим для уяснения связи эпох, которая до сих пор не описана как механизм этногенеза. Они оба – рамки, в которой смотрится картина». Напомним также, что не была напечатана небольшая книга «Феномен этноса в истории», предполагавшаяся в качестве этнологического введения к «Хуннам в Китае».

Однако задержка в печати дала Гумилеву возможность применить этнологическую методiku, частично опубликованную к началу 1970-х гг., уже внутри книги. Лагерная рукопись позволяет понять, как проходила правка текста. Так, параграф «Что было-бы...»⁷²⁴, вошедший не в «Хунну», а в «Хуннов в Китае», подтверждает факт одновременной готовности обеих частей книги. В опубликованном варианте он включен в Пролог (в параграф «Прошлое»)⁷²⁵. Помимо

⁷²¹ Лев Николаевич Гумилев. Письма... С. 168. Письмо В.Н. Абросову от 11.10.1960.

⁷²² Воробьев М.В. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Хунну... // Народы Азии и Африки – 1962 – №3. С. 200.

⁷²³ Гумилев Л.Н. Автонекролог // Лавров С.Б. Лев Гумилев: судьба и идеи. С. 27. Гумилева Н.В. Воспоминания // Там же. С. 473.

⁷²⁴ Рукопись: Гумилев Л. Древняя история Серединой Азии <зачеркнуто «Опыт истории Хунну»>. Часть III. Глава I. Осколки. III век. Июнь–август 1954. Параграф «Что было-бы...». Лл. 17–21.

⁷²⁵ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 17–19. Совпадение номеров страниц рукописи и печатной книги случайно. В рукописи каждая глава имеет собственную нумерацию, а в книге порядок частей рукописи во многом перемешан.

стилистики изменения коснулись терминологии: «общество» заменено на «этнос», вместо «историка» появился «этнолог», вместо «ментальности» – «этническая доминанта», вместо «стадии» – «фаза». Редактирование, как видно, было направлено на «этнологизацию» текста, между прочим, в полном соответствии с первоначальным замыслом книги (см. 1.2)⁷²⁶.

Сокращение материала также удалось превратить в достоинство. На передний план вышла основная тема книги – судьба переселившихся во II-III вв. н.э. в Китай хуннов и судьба самого Китая. Гумилеву удалось так мастерски изобразить весь драматизм коллизии III-V вв. в долине Хуанхэ, что перед глазами читателя развернулась настоящая историческая пьеса. Не последнюю роль в ней играет экспрессивное оглавление: «Пролог. – I. Тление – II. Вспышка – III. Костер – IV. Пожар – V. Накал – VI. Полымя – VII. Три цвета пламени – VIII. Зарево – IX. Огни гаснут – X. Угли остывают – XI. Пепел».

В опубликованной ныне «Авторецензии», Гумилев подвел итоги многолетней борьбе за выход «Хуннов в Китае»: «Жесткая редакционная правка преобразила первоначальный текст. <...> Однако при этих сокращениях книга не пострадала, а выиграла за счет компактности. Исторические и географические параллели даны через отсылочные сноски. Повествование идет логично и напряженно, чем держит интерес читателя. <...> Короче говоря, новый образ книги радует сердце автора, который готов защищать свои выводы против любых оппонентов и рецензентов...»⁷²⁷.

Таким образом, итог оказался весьма парадоксальным. Если первоначально Гумилев собирался изложить завершающий период истории хуннов на широком историко-географическом фоне, для чего были написаны главы по истории Сибири и Средней Азии, глава о троецарствии, раздел с концепцией гете-

⁷²⁶ Впрочем, терминов теории этногенеза и в рукописном тексте немало. Говорится, например, о «хуннской цивилизации» в значении конкретной (для хуннов не наступившей) стадии этногенеза (лл. 18–19). Следующей стадией названа «обскурация» – «постепенное забвение традиций и бессмысленная борьба <зачеркнуто "общества"> за прозябание» (л. 19). Этнологическая часть параграфа вошла, местами дословно, в параграф «Гунны III–V вв.» монографии «Этногенез и биосфера Земли» (Л.: Гидрометеиздат, 1990. С. 217–219). См. далее 3.1.

⁷²⁷ Гумилев Л.Н. Хунну. Хунны в Китае. – М.: Айрис-Пресс, 2003. С. 5-6.

рохронности⁷²⁸, то в сокращенной до минимума книге осталась только история царств, созданных в IV–V вв. «варварами» на севере Китая. В результате, китаеведам пришлось признать, что «Хунны в Китае» – «единственная на русском языке монография об этнических взаимоотношениях на севере Китая в первой половине I тысячелетия н.э.»⁷²⁹.

Основная часть книги нареканий со стороны китаеведов не вызвала. Критика, как и в дискуссии по «Хунну», сосредоточилась вокруг нескольких проблем: источники, концепция средневекового китайского этногенеза и проблема демографии, происхождение групп «северных варваров» и причина их миграций (о последней см. 3.3), общая оценка периода.

Источники. Ю.И. Семенов в качестве обобщающей характеристики непрофессионализма Гумилева привел цитату: «Китаисты, например, отмечая ошибочность его построений, связывали это с "органическими дефектами источниковедческой базы его исследований". В частности, они указывали, что основными использованными источниками являются у Л.Н. Гумилева такие материалы, которые в действительности "представляются второстепенными в общей совокупности источников, имеющихся сегодня..."»⁷³⁰.

Цитата взята Ю.И. Семеновым из той же монографии⁷³¹, откуда мы привели характеристику «Хуннов в Китае» как единственного исследования по целому периоду китайской истории.

Подчеркнем в очередной раз, что выход в 1974 г. «Хуннов в Китае» ничего не говорит о дате написания основного текста, который был готов уже в середине 1950-х гг. Значит, книга вполне соответствовала уровню источниковой базы своего времени, очерченной для 50–70-х гг. XX в. авторами указанной

⁷²⁸ Пропали ли эти тексты, неизвестно. По утверждению М.Г. Козыревой (личное сообщение), создателя музея-квартиры Л.Н. Гумилева, он старался так или иначе опубликовать всё, что написал. Подтверждение тому – глава о троецарствии, не вошедшая ни в «Хунну», ни в «Хуннов в Китае», но напечатанная в виде отдельной статьи. Поэтому допустимо предположить, что исключенные из «Хуннов в Китае» главы могли быть использованы Гумилевым в поздних работах – «Из истории Евразии» и «Тысячелетие вокруг Каспия» (см. 3.1).

⁷²⁹ Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979. – 328 с. С. 7.

⁷³⁰ Семенов Ю.И. Философия истории. С. 181-182.

⁷³¹ Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге средних веков. С. 8.

коллективной монографии⁷³². Однако еще до выхода последней на «Хуннов в Китае» была опубликована рецензия, во многом предвосхитившая всю последующую критику⁷³³.

Автор рецензии, неоднократно упоминавшийся китаевед Л.С. Васильев, так оценивал источниковую базу книги: «Оставив в стороне всю сложность и многогранность проблематики, связанной с историей раннесредневекового Китая и ролью в ней нашествий кочевников, игнорируя львиную долю историографии вопроса, он <Л.Н. Гумилев> уделяет основное внимание изложению своих генеральных конструкций, опирающихся лишь на самое внешнее, во многом поверхностное знакомство с некоторыми компиляциями переводов китайских исторических текстов» (с. 155). Далее, по мнению Л.С. Васильева, Гумилев не владеет научной методикой: «Метод исследования Л.Н. Гумилева целиком игнорирует среднюю часть (антитезис – А.С.) триады, связывая мнение прямо с выводом... <...> Никакой многозначности – в лучшем случае рассуждения на тему о том, что при иной раскладке сил события могли пойти иначе (но опять-таки по строго детерминированному пути...))» (с. 155–156).

Однако в той же рецензии мы находим высказывания и совсем иного рода: «Л.Н. Гумилев много и плодотворно работает над изучением кочевых обществ Великой степи. Его книги и статьи... хорошо известны как специалистам, так и большому кругу читателей... Работы Л.Н. Гумилева интересны... Книги его никогда не залеживаются на полках магазинов – более того, их нелегко достать» (с. 154). В книгах Гумилева, по мнению рецензента, привлекает не только язык: «...гораздо больше привлекает остро поставленная проблематика, весьма неожиданные... головокружительные повороты мысли, своеобразно отобранные и нарочито поставленные акценты, умение вести остросюжетное повествование, да еще в сочетании со столь не свойственными академическим изданиям метафорическими заголовками...» (там же).

⁷³² Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге средних веков. С. 8-11.

⁷³³ Васильев Л.С. Природа и история в книге Л.Н. Гумилева с точки зрения синолога // Природа. 1976. №4. С. 154–156. Далее ссылки на рецензию даны в тексте в скобках после цитат.

Еще одна оценка напоминает данную В. Елисеевым характеристику Р. Груссе: «Л.Н. Гумилев – мастер исторического синтеза, обладающий редким даром интуиции... Это качество в науке бесценно. Но только тогда, когда оно опирается на достаточно серьезный фундамент строго научных фактов...» (с. 155). Далее Л.С. Васильев несколько смягчает свой вывод: «Это отнюдь не означает, что все в построениях Л.Н. Гумилева сомнительно и недостоверно. Как раз напротив, очень многое схвачено вполне точно... и в принципе соответствует тому, как это реально протекало (...если верить... сообщениям китайских источников, еще почти не подвергавшихся специальному анализу и критическому осмыслению)» (с. 156).

Последнее высказывание принципиально для поставленной нами проблемы. Несмотря на концептуально-методологическое несогласие по ряду проблем Л.С. Васильев подтвердил важнейшее достоинство Гумилева как исследователя – чувствовать и понимать историю. Важно и то, что Л.С. Васильев, отметив недостаточность источниковой базы «Хуннов в Китае», честно признал, что источники по истории Китая III–V вв. недостаточно разработаны в науке в целом, а не исключительно Гумилевым. Если же сравнить источники, использованные Груссе и Гумилевым, то результат будет все же в пользу последнего⁷³⁴.

Проблемы средневекового китайского этногенеза. Принципиальным было расхождение между Гумилевым и китаеводами по вопросу об этногенезе. По мнению Гумилева, в ходе событий III–V вв. на месте древнекитайского этноса возникло два новых – северный (в результате смешения с хуннами и сяньби) и южный (в результате смешения с коренным населением территорий к югу от Янцзы). Эту идею Гумилев проводил не только в «Хуннах в Китае», но и в двух других книгах «Степной трилогии» – «Древних тюрках» (где предложено именовать северных китайцев «табгачами», как называли их древние

⁷³⁴ Среди использованных обоими авторами источников есть и общие, как например, исследования американского (русского происхождения) китаевода П. Будберга и переводы Л. Вигера. См. Grousset R. L'Empire des steppes. 6^e ed. – Paris: Payot, 2001. P. 95–103. Grousset R. Histoire de l'Extrême-Orient. T.1. P. 247–249.

тюрки) и «Поисках вымышленного царства». Затем идея была развита в поздних монографиях – «Этногенез и биосфера Земли» и «Тысячелетие вокруг Каспия»⁷³⁵.

Концепцию двух средневековых китайских этносов Гумилев обосновывал данными демографии, согласно которым за период III–V вв. Китай обезлюдел (с 56 до 7 млн. чел.), но к началу VII в. восстановил близкую к прежней численность населения⁷³⁶. Понятно, что помимо потомков древних китайцев в состав возрожденного этноса вошли представители «варваров» Севера и Юга. Именно поэтому Гумилев полагал, что образовался не один средневековый китайский этнос, а два. По его мнению, иллюзию преемственности китайцев разных эпох создавала «иероглифическая письменность и гуманитарная образованность»⁷³⁷, а также, выражаясь не гумилевским термином, геополитика: «...это были новые этносы (северные и южные китайцы – А.С.), с новым стереотипом поведения, с новыми идеалами..., несмотря на то, что характер ландшафта диктовал людям формы хозяйства, сходные с прежними, а этническое окружение вынуждало императоров династий Суй и Тан относиться к тюркам примерно так же, как ханьцы относились к хуннам»⁷³⁸.

Эта концепция вызвала резкую критику со стороны китаеведов. Л.С. Васильев писал: «...если средневековый (скажем, танский) этнос и отличался от ханьского, то уж никак не по стереотипам поведения, вкусам, навыкам или потребностям. Все это осталось практически тем же, хотя и добавилось нечто новое»⁷³⁹. В этом «новом», по мнению Л.С. Васильева, именно влиянием кочевников можно пренебречь, а само «новое» проявилось «за счет воздействия иных культурных традиций (например, буддизма)».

⁷³⁵ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 233, 235. *Его же*. Древние тюрки. С. 9-10, 169, 171, 176–177, 271. *Его же*. Поиски вымышленного царства. С. 36-37, 40–42. *Его же*. Этногенез и биосфера Земли. С. 141–143, 162–63, 207–208, 409. *Его же*. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 54–55, 153–154, 283–284 (таблица фаз этногенеза).

⁷³⁶ *Его же*. Хунны в Китае. С. 232-233. Данные на конец VI в. (11 млн. чел.) и на начало VII в. (46 млн. чел.) Гумилев считает неточными, но, по его мнению, они, так или иначе, указывают на существенный прирост.

⁷³⁷ *Его же*. Этногенез и биосфера Земли. С. 63.

⁷³⁸ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 233.

⁷³⁹ Васильев Л.С. Природа и история в книге Л.Н. Гумилева... С. 156.

Однако если сравнить с тем, что еще Гумилев писал о специфике средневекового северокитайского этноса, то отличие позиции Л.С. Васильева станет уже не столь очевидным: «...оставшиеся в живых (китайцы, хунны, сяньби – А.С.) в VI в. внезапно объединились в новый этнос, называвшийся тогда табгач..., употреблявший китайский язык... и принявший иноземную идеологию – буддизм»⁷⁴⁰. Различие, как видно, в подходе, а не в фактах. Если для Л.С. Васильева перечисленные черты, как старые, так и новые, свидетельствуют о непрерывном развитии китайского этноса, то для Гумилева это не более чем «камуфляж», когда новые явления сохраняют старые названия. Свой аргумент Гумилев усилил сравнением: «Но это новый цикл этногенеза, относящийся к Древнему Китаю, как Византия – к Древнему Риму»⁷⁴¹. И еще: «В плане этнологии китайцы этого периода относятся к древним китайцам, как итальянцы – к римлянам или французы – к галлам. ...на берегах Хуанхэ создан новый народ, который мы называем тем же словом, что и старый. Но не надо переносить дефекты нашей терминологии на предмет исследования, тем более что слово "китайцы" – условный термин, появившийся в XII в.»⁷⁴².

На предложение Гумилева называть средневековый северокитайский этнос «табгач» М.В. Крюковым и соавторами правильно указано, что «табгач» тюркских рунических текстов никогда не было самоназванием китайцев: так их называли тюрки. Возможно, что само это слово заимствовано тюрками у согдийцев⁷⁴³. Но если и так, то непонятно, как это опровергает концепцию Гумилева, хорошо осознававшего условность предложенного им термина: «...потомки тобасцев были в числе обиженных суйским режимом. Они давно уже перестали быть тобасцами, но в VII в. еще не стали китайцами... Тюрки называли эту народность "табгач", и я считаю полезным принять такой термин»⁷⁴⁴.

Суть данного возражения может быть не до конца понятной, если не обратиться к теоретическим взглядам М.В. Крюкова. По его мнению, для иденти-

⁷⁴⁰ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 143.

⁷⁴¹ Там же.

⁷⁴² Там же. С. 207–208.

⁷⁴³ Крюков М.В. и др. Китайский этнос в средние века. С. 277.

⁷⁴⁴ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 169.

фикации этносов принципиально использование исключительно самоназваний. Причем их сходство уже само по себе свидетельствует о родстве, если не тождестве, субэтнических групп в составе разных этносов. М.В. Крюков даже предложил на одном этом основании перегруппировать ряд признанных этносов: объединить в один этнос тубаларов (субэтнос алтайцев), тофаларов и тувинцев («тувалар»); шорцев (в составе хакасов) и собственно шорцев. С другой стороны, М.В. Крюков полагал ошибочным выделение в качестве самостоятельных таких этносов, чьи предки когда-то в прошлом имели общее название (например, выделение черкесов и кабардинцев из состава адыгов)⁷⁴⁵.

Данная позиция была подвергнута аргументированной критике в ходе дискуссии такими специалистами, как С.А. Арутюнов («с порога отметить экзоэтноним было бы неверно»), Ю.В. Бромлей («экзоэтнонимы (даже "ошибочные") со временем могут оказать "обратное" воздействие на самосознание этноса»), С.И. Брук («механистический, неисторический подход»)⁷⁴⁶. Таким образом, на теоретическом уровне, пусть и косвенно, мнение Гумилева о возможности выделения этноса по экзоэтнониму оказалось поддержанным ведущими советскими этнографами, притом неизменно ему оппонировавшими.

Показательно, что вне критики Гумилева М.В. Крюков и соавторы утверждали следующее: «...исчезнув с исторической арены, сяньбийцы не только вошли в число *физических предков китайцев* (выделено мной. – А.С.) позднейшего времени, но и способствовали трансформации древнекитайской культуры...»⁷⁴⁷. Хотя позже они снова подчеркнули свое несогласие с Гумилевым: «Мы не располагаем фактами, которые позволили утверждать, что VI в. ...на территории Китая существовало два самостоятельных этноса, возникших на основе древнекитайского»⁷⁴⁸, – но в то же время предложили компромиссное решение, согласно которому в ходе смутной эпохи сложилось два *субэтноса*

⁷⁴⁵ Крюков М.В. Этнос и субэтнос // Расы и народы. Вып. 18. – М.: Наука, 1988. С. 5–21. С. 13–16.

⁷⁴⁶ Дискуссия по статье М.В. Крюкова // Расы и народы. Вып. 18. С. 22–49. С. 30, 36, 37–38.

⁷⁴⁷ Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге средних веков. С. 97.

⁷⁴⁸ Там же. С. 279–280.

китайцев, имевших тенденцию к дальнейшему обособлению, но не успевших превратиться в самостоятельные этносы.

Вполне взвешенной выглядит позиция В.С. Таскина. Подробно цитируя положения работ М.В. Крюкова и Гумилева, он допускает, что «возможно, Л.Н. Гумилев и прав», но принимает мнение об «органических дефектах историкоэтнографической базы его исследования», из-за чего «вывод о появлении нового северокитайского общества повисает в воздухе». В.С. Таскин солидаризируется с М.В. Крюковым в том, что происходил «процесс ассимиляции, приведший к значительным сдвигам в китайском этносе», но, по его мнению, «ставить вопрос о возникновении нового северокитайского этноса слишком поспешно»⁷⁴⁹.

Напрямую мнение Гумилева поддержала археолог Е.И. Деревянко: «...40 тысяч гуннов, захвативших весь Северный Китай, не смогли длительное время удерживать занятую территорию. Часть китайцев ушла на юг и смешалась с племенами мань, создав южнокитайский этнос, а часть поглотила гуннов, растворив их в своей среде»⁷⁵⁰.

С близких к Гумилеву позиций подошел к пониманию этнической трансформации Китая в III–VI вв. А.А. Бокщанин⁷⁵¹: «В III–VI вв. Китай переживает кардинальные, имевшие далеко идущие последствия, перемены в своем этническом развитии... Войны и вторжения иноземных племен вызывали шедший своеобразными волнами отток и перемещение населения, смешение и противоборство этнических групп и культур. Масштабы отмеченного перемещения и смешения... были столь значительны, что могут быть сопоставлены с происшедшим тогда же великим переселением народов». А.А. Бокщанин полагает, что процесс смешения не был односторонним: «Китайское население в ходе него также органически впитывало приносимые пришельцами обычаи и культуру, приобретая отличное от прежнего этническое качество». И далее:

⁷⁴⁹ Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1: Сюнну. – М.: Наука, 1989. С. 8–10.

⁷⁵⁰ Деревянко Е.И. Племена Приамурья. I тыс. н.э. – Новосибирск: Наука, 1981. С. 6 (цитата), 280 (ссылка).

⁷⁵¹ История Востока. Т. 2. Восток в средние века. С. 78–79.

«Политическое разграничение и длительные войны между Севером и Югом способствовали сложению и закреплению существенных различий в жизни населения той и другой части страны, что усугублялось и разностью природно-хозяйственных условий». Главный же вывод подтверждает и даже подкрепляет мнение Гумилева: «Все это приводило к закреплению... взаимной обособленности. Знаменательно, что северяне называли жителями Срединного государства (т.е. китайцами) лишь себя, а южан именовали "людьми У" ...»⁷⁵².

Этногенез и демография. М.В. Крюков и его соавторы нашли, однако, более весомый аргумент против концепции северокитайского этноса. Они подвергли сомнению достоверность и правильность интерпретации приводимых Гумилевым демографических данных, на основании которых он выстроил схему динамики этнической истории Китая. Для опровержения Гумилева авторы привлекли исследование китаеведа Г. Биленстейна, которое представляется вполне обоснованным. Согласно Биленстейну, часть древних источников содержит результаты переписи всего населения Китая, а в других перечислены только налогоплательщики, что и создает путаницу в выводах исследователей⁷⁵³.

Однако цифры, которыми оперировал Гумилев, не выдуманы. В работе над этой темой он опирался на единственное на тот момент исследование по демографии Китая, вышедшее еще в середине XIX в., и где уже ставился вопрос о причине резких скачков в показателях численности населения, особенно в периоды смут. Приводя для Троецарствия предельно низкое число в 7,5 млн. чел., автор исследования, И. Захаров, подчеркивал, что туда входят мужчины и женщины всех классов населения, от чиновников до простолюдинов⁷⁵⁴. Однако более реальными Захаров считал данные на 280 г. (16 млн. чел.), поскольку в смутное время далеко не все население могло быть учтено. Э. Пар-

⁷⁵² Там же. С. 79. «Хунны в Китае» включены в библиографию (Там же. С. 659).

⁷⁵³ Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге средних веков. С. 62–63.

⁷⁵⁴ Захаров И. Историческое обозрение народонаселения Китая // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. I. – СПб., 1852. С. 274.

кер также сомневался, не могли ли в данных переписей III–IV вв. указываться только налогоплательщики⁷⁵⁵.

Таким образом, версия о частичной недостоверности данных переписей не нова и была известна Гумилеву. Еще в 1960 г. со ссылкой на И. Захарова он писал: «Но объединенный Китай был тенью прежнего: население с 50 млн. человек упало до 7,5 млн., *подлежащих переписи* (выделено мной. – А.С.)»⁷⁵⁶. Что в источниках указано число налогоплательщиков, Гумилев повторил со ссылкой на первую работу еще до выхода «Хуннов в Китае»⁷⁵⁷. Но и значительно позже, приводя по Захарову число китайцев эпохи Хань (59,5 млн.) и сравнивая с числом хуннов (300 тыс.), Гумилев уточнял: «Цифры нельзя воспринимать буквально, но соотношения их выдержаны, по-видимому, правильно»⁷⁵⁸.

Мы согласны с тем, что механическое использование данных переписей искажает картину динамики роста населения Китая⁷⁵⁹. Но будет ли оправданным списывание всякой ценности для этнической диагностики данных демографии? И так ли уж невероятны все приводимые в источниках резкие скачки и спады численности населения Китая? Создается впечатление, что весь экскурс исследования по демографии был предпринят М.В. Крюковым и его соавторами лишь с целью дезавуировать выводы Гумилева⁷⁶⁰.

Представляется, например, парадоксальным мнение авторов со ссылкой на Б. Урланиса и «устное сообщение Дж. Росмана», что годовой прирост населения, превышающий 1% (как было в Китае в XVII–XIX вв.), указывает на необходимость критически рассмотреть исходные данные⁷⁶¹. Если говорить о

⁷⁵⁵ Паркер Э. Татары. С. 82. Parker E.H. A Thousand Years of the Tartars, p. 109.

⁷⁵⁶ Гумилев Л.Н. Китайская хронографическая терминология в трудах Н.Я. Бичурина на фоне всемирной истории // Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. С. 658.

⁷⁵⁷ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 37.

⁷⁵⁸ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 76 (примечание).

⁷⁵⁹ Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге средних веков. С. 68.

⁷⁶⁰ Весь очерк о демографии построен в форме полемики с Гумилевым. Того же мнения о цели очерка придерживается рецензент книги: Джарылгасинова Р.Ш. [Рец. на:] М.В. Крюков, В.В. Малявин, М.В. Софронов. Китайский этнос на пороге средних веков... // Советская этнография. 1981. №1. С. 176–179. С. 177.

⁷⁶¹ Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге средних веков. С. 62.

методологии, то критически необходимо рассматривать любые данные. Неоспоримый факт состоит в том, что Китай – самая населенная страна планеты. Если же распространить годовой прирост в 1% на все эпохи его истории, то будет непонятно, откуда при очевидных (пусть даже и не таких больших) потерях в нем сложилось колоссальное по численности население. Выводы Б. Урланиса о причинах роста населения Европы, связанных лишь с экономическим развитием при переходе от феодализма к капитализму, вряд ли годятся⁷⁶². Иначе Римскую, Персидскую и Ханьскую империи нужно было бы признать капиталистическими государствами, ведь именно в них зафиксирована наибольшая численность населения для эпохи поздней древности.

Аналогия между эпохами «у-ху» в Китае и великим переселением народов в Европе помимо хронологического соответствия имеет и более глубокие основания. При сравнении не только конкретных событий, но и демографии, уже не покажется невероятным свидетельство о резком снижении численности населения Китая. Так, обезлюдение Римской империи (следовательно, и значительной части Европы) к V в. общеизвестно и не подвергается сомнению, как и то, что в результате нового демографического роста произошло не возрождение римлян, галлов и других, а возникновение новых этносов.

Не менее известные примеры свидетельствуют о возможности большего прироста населения, чем 1% в год. Так, с 1719 по 1897 г. население России выросло с 15,7 млн. до 128,2 млн., т.е. в 8 раз за 180 лет, а если продолжить верхнюю границу до 1913 г. (165,7 млн.), это даст увеличение в 10,5 раз за неполных два века⁷⁶³. Причем число собственно русских с 1719 (11,1 млн.) по 1897 г. (55,6 млн.) выросло в 5 раз, а к 1917 г. (76,7 млн.) почти в 7 раз⁷⁶⁴. За один

⁷⁶² Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления). – М.: ОГИЗ, 1941. С. 388. Данные таблицы «Рост населения в связи со сменой общественных формаций» (для феодализма – 0,09% в год (1000-1500), для «эпохи первоначального накопления капитала» (1500-1800) – 0,22, для «промышленного капитализма» – 0,69 (1800-1900), для «империализма» (1900-1940) – 0,64) отражают динамику роста населения в Европе за тысячу лет, но вряд ли оправдана увязка цифр со сменой «формаций» хотя бы потому, что границы самих формаций выделены очень условно и скорее подогнаны под показатели роста населения.

⁷⁶³ Народы России: энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 479 с.: ил. С. 17.

⁷⁶⁴ Там же. С. 25.

XVIII в. население России более чем удвоилось, тогда как во Франции оно увеличилось всего на треть (с 21,5 до 30 млн.)⁷⁶⁵. Нынешнее население Франции (63 млн., из которых 6 млн. – недавние иммигранты) лишь вдвое превышает население на 1810 г. (30,3 млн.). Таким образом, ссылки на Европу сами по себе ничего не доказывают и не опровергают. Разные периоды в истории одного и того же региона показывают как резкое увеличение населения, так и плавный, едва заметный его рост, а также периоды резкого спада.

Заметим, что не все китаеведы отрицали факт высокой убыли населения в III–V вв. В вышедшей одновременно с книгой Гумилева коллективной истории Китая о последствиях Троецарствия говорится: «В течение одного столетия, если верить историческим записям, численность населения сократилась с 50–56 млн. до 16 с лишним млн.»⁷⁶⁶. В современной академической истории Китая приводятся те же, что и у Гумилева, цифры: на 2 г. н.э. – 59,6 млн. чел., на начало Младшей династии Хань – 21 млн.; хотя увеличение населения к концу I в. до 53 млн. объясняется восстановлением государства и увеличением числа налогоплательщиков⁷⁶⁷.

В.С. Таскин, увязывая проблемы демографии и этногенеза, рассматривал первую не с той точки зрения, указаны ли в источниках налогоплательщики или всё население, а с той, насколько точно фиксировались в III–IV вв. данные переписей (по его мнению, не точно). Полемизируя с Гумилевым, его позицию В.С. Таскин полностью не отвергал: «Вопрос о численности китайского населения имеет важное значение, ибо он связан с историей развития китайского этноса. Л.Н. Гумилев, основываясь на якобы имевшем место резком сокращении численности населения, делает отсюда и другой важный вывод, утверждая, что новая популяция уже не была продолжением старой, ханьской. Он пишет: "Ведь население Северного Китая сложилось из хунно-сяньбийско-ки-

⁷⁶⁵ Hélié J. *Petit atlas historique des Temps modernes*. 2e éd. – Paris: Armand Colin, 2007. P. 122–123. Примерно тот же порядок и для других европейских стран. Ср.: Урланис Ц.Б. Ук. соч. С. 414–415.

⁷⁶⁶ История Китая с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 1974. – 535 с. С. 52.

⁷⁶⁷ Бокщанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В. История Китая: древность, средневековье, новое время. – М.: Восточная литература, 2010. – 599 с.: ил. С. 68.

тайских, а Южного – из ханьско-маньских метисов. По сути дела, это были новые этносы...". Вряд ли можно безоговорочно согласиться с этим утверждением...»⁷⁶⁸.

Важным представляется современное исследование исторической демографии Китая, которое во многом подтверждает выводы Гумилева, хотя его книга (в отличие от монографии М.В. Крюкова и соавторов) и оставлена авторами без внимания⁷⁶⁹. Авторы исследования, приводя данные источников о резкой убыли и стремительном росте населения Китая, не считают, однако, фантастическим прирост в 2% в год. По их мнению, он отражает «нормальный темп роста доиндустриального аграрного населения в условиях достаточной обеспеченности ресурсами и политической стабильности»⁷⁷⁰. Приводимое ими сравнение с арабскими странами, население которых в XX в. росло более чем на 4% в год, еще более подкрепляет построенную Гумилевым в «Хуннах в Китае» (схема на с. 232) демографическую модель.

Демография и этногенез – процессы нетождественные. Однако нельзя не признать, что Гумилев нащупал определенную связь между ними. Ни природные условия, ни стадия общественного развития сами по себе не играют решающей роли как факторы роста, поскольку он происходит в тех же районах, где до того были века стагнации. Гумилев приводил по этому поводу пример славян, распространившихся (как бы из ниоткуда) за короткий срок по Центральной и Восточной Европе⁷⁷¹. Значит, именно новый активный (пассионарный) этнос стремительно увеличивает свою численность, а в случае потерь быстро ее восстанавливает.

⁷⁶⁸ Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. 4. Ди и цяны / Пер. с кит., предисл. и коммент. В.С. Таскина. – М.: Восточная литература, 2012. С. 19-20.

⁷⁶⁹ Коротаев А.В. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны / А.В. Коротаев, А.С. Малков, Д.А. Халтурина. – М.: КомКнига, 2005. С. 177–183.

⁷⁷⁰ Там же. С. 179. Не о том ли писал Гумилев: «...это опять-таки результат естественного прироста, характерного для земледельческих стран с мягким климатом»? (Хунны в Китае. С. 233.) Или: «Детей у китайцев женщины рожали ежегодно, и каждая женщина производила, следовательно, 15-20 детей, а в благодатном климате кормить их было чем». Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. С. 119–120.

⁷⁷¹ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. С. 48–49.

Проблемы этнической атрибуции кочевых племен III-V вв. Рене Груссе, не вдаваясь в анализ происхождения того или иного племени, главными действующими силами эпохи III–V вв. считал хуннов, различные объединения сяньби (мююны, тоба) и тангутов, которых также считал монголоязычными⁷⁷².

Г.Е. Грумм-Гржимайло, напротив, детально рассматривал гипотезы происхождения каждого этноса и его этнонима. Основными участниками событий он также считал различные сяньбийские племена, хуннов и динлинов, смешивая, однако, последних с ди⁷⁷³.

Приведем еще мнение Н.И. Конрада из III тома «Всемирной истории» (к работе над которым, напомним, он хотел привлечь Гумилева): «В IV в. наиболее сильными из племен, обитавших на северной и западной границах Китая, были гунны, тибето-тангуты и сяньбийцы. Именно эти племена и стали вторгаться в Китай. Вопрос об этническом происхождении этих племен наукой окончательно не решен. Например, гуннов одни исследователи относят к племенам монгольского этнического корня, другие – к тюркам; сяньбийцев относят и к маньчжуро-тунгусской группе и монгольской и т.д.»⁷⁷⁴.

Л.Н. Гумилев в начале своей монографии писал: «...сами китайцы при составлении истории IV века... объединили 29 племен в 5 племенных групп: хунны, цзелу (кулы), сяньби, тангуты (ди) и тибетцы-цянь (кян)»⁷⁷⁵. В перечислении М.В. Крюкова и соавторов список выглядит иначе: сяньби, сюнну, цяны, ди, динлины, цзе⁷⁷⁶. Разницу заметить нетрудно. В списке Гумилева нет, например, *динлинов*. Это было отмечено еще К.В. Васильевым, считавшим их активными участниками событий III-V вв.⁷⁷⁷ Гумилев же утверждал, что динлины теряют в это время самостоятельное политическое значение⁷⁷⁸, что напомним, поддержала Л.А. Боровкова. Интересно, что вопреки перечислению в

⁷⁷² Grousset R. Histoire de l'Extrême-Orient. T.1, p. 248–250.

⁷⁷³ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. С. 141-170.

⁷⁷⁴ Всемирная история. Т. III. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957. С. 28.

⁷⁷⁵ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 7.

⁷⁷⁶ Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге средних веков. С. 71.

⁷⁷⁷ В Государственном Эрмитаже и Ленинградском Отделении... // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 204.

⁷⁷⁸ Там же. С. 209, 206. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 30.

ряду других племен динлины не указаны на карте в монографии М.В. Крюкова и соавторов.

Вопрос о *ди*, с которыми нередко смешивают динлинов, также далек от разрешения. По мнению В.С. Таскина, «этническое происхождение дисцев не совсем ясно»⁷⁷⁹. Отождествление Гумилевым *ди* и *дансянов/тангутов* он назвал «крайне сомнительным» и противоречащим источникам, которые «относят дансянов и дисцев к различным этническим группам». Причем первые упоминаются только с V в., когда вторые уже сходят с исторической сцены⁷⁸⁰. С этим нельзя не согласиться. Однако В.С. Таскин неточно передал мнение Гумилева, который специально оговаривал: «... "тангут" – это средневековое монгольское название минягов, одного из племен *ди*. Теперь оно... перенесено на кочевых тибетцев Амдо и Кама... Однако этноним "тангут" употребляется правильно в цитируемой нами научной литературе, и потому мы вынуждены его сохранить и использовать»⁷⁸¹.

Гумилев относил язык *ди*, как и язык тангутов/«ми» («миняг» – неточная форма), к тибето-бирманской группе, но при этом в соответствии с «динлинской гипотезой» считал их европеоидами. Именно в этом пункте и следует говорить о недоработанности вопроса о *ди*. Признавая *ди* предками хуннов, «красных *ди*» («чи-*ди*») предками теле, «белых *ди*» («бай-*ди*») – эфталитов, Гумилев так и оставил необъясненным вопрос об их соотношении с *ди*/«тангутами», создавшими в 350 г. империю Ранняя Цинь. По смыслу упоминания в «Хуннах в Китае»⁷⁸² и ранее в «Хунну»⁷⁸³ Гумилев считал их этнически не связанными. Упоминаемые в «Древних тюрках» тангуты («настоящие», создатели Си Ся) с уйгурами также не связываются, но уже с полным основанием, поскольку прямыми потомками *ди* они не были⁷⁸⁴. Зато об уйгурах определенно

⁷⁷⁹ Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. 4. Ди и цяны. С. 6.

⁷⁸⁰ Там же. С. 7–8.

⁷⁸¹ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 30-31.

⁷⁸² Там же. С. 117, 132-133.

⁷⁸³ См. в «Словаре этнонимов» (с. 249-251): гаогюй, дансяны, ди, дили, жуны, тангуты, уйгуры.

⁷⁸⁴ Гумилев Л.Н. Поиски... С. 87–88. Тангуты названы «смешанным из осколков многих пограничных племен населением Ордоса и Алашаня», которых возглавили тибетоязычные миняги. О «дансянах» (китайское название минягов) говорится, что Грумм-Гржимайло «счита-

говорится как о потомках «красных ди»⁷⁸⁵. Таким образом, в «Степной трилогии» существуют две почти независимые линии: ди (тюркоязычные) – предки хуннов и уйгуров (эфталитов, при этом, тюрками по языку Гумилев не считал); ди (тибетоязычные) – участники смутной эпохи, часть которых, возможно, вошла в состав средневековых тангутов. Вынести за скобки обеих версий можно только мнение о европеоидности ди, хотя на тангутов/ми Гумилев и это не распространял⁷⁸⁶.

Дискуссионна проблема идентификации *цзе* – создателей империи Младшая (Поздняя) Чжао. Позиция Гумилева сводилась к следующему: «Другим большим племенем были цзелу, обитавшие на берегах реки Хэйшуй. Это племя образовалось из хуннских "рабов", освободившихся при распаде хуннского общества (25–85 гг.). Основными занятиями их были скотоводство и охота. <...> Слово "цзелу" произносилось в древности "qul", что на современных тюркских языках означает "раб". <...> Хунны во времена своего могущества принимали к себе эмигрантов из Ханьской империи... Эти пришельцы жили среди хуннов, но не становились членами родов... Общность социального положения и исторической судьбы спаяла разноплеменных эмигрантов... Кулы объяснялись друг с другом по-хуннски и по этнолингвистическому признаку должны были быть причислены к хуннам»⁷⁸⁷.

М.В. Крюков и соавторы пишут о цзе: «Большинство современных исследователей считает цзе выходцами с территории Средней Азии, на среднекитайской равнине они оказались вместе с сюнну»⁷⁸⁸. С.Г. Кляшторный считает

ет в числе их предков народ ди». Там же. С. 75.

⁷⁸⁵ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 181.

⁷⁸⁶ Вероятно, эту некоторую непоследовательность позиции следует отнести на счет отголоска концепции, не вошедшей в полном виде ни в одну из публикаций Гумилева. Представлена она лишь в рукописи книги «Хунну». Согласно ей, единого предка у тюркских народов не было, а сами тюркские языки – результат выработки койне для общения ранних степных народов, в том числе ди. Главным следом существования этой концепции является помещенная в приложении к книге «Хунну» (с. 285), но никак не прокомментированная «Схема генеалогического древа тюрков до V в. н.э.». Подробнее см.: Сараев А.С. Происхождение тюркоязычия в представлении историков-кочевниковедов середины – второй половины XX в. *В печати*.

⁷⁸⁷ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 28.

⁷⁸⁸ Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге средних веков. С. 72.

цзе одним из юечжийских племен, на основании чего отвергает мнение о смешанном европеоидно-монголоидном типе хуннов, поскольку на последних часто переносили данные источников о внешности цзе⁷⁸⁹.

В.С. Таскин, специально исследовавший вопрос о цзе, писал: «Что же за народ были цзесцы, каково их этническое происхождение? Вопрос отнюдь не праздный, поскольку в советской исторической литературе на него нет четкого ответа»⁷⁹⁰. Так, по его мнению, М.В. Крюков говорит о цзе слишком кратко, не касаясь их этногенеза. Позиции Гумилева В.С. Таскин отдает в какой-то мере должное, считая ее более подробно обоснованной, но все равно и ее считает ошибочной.

Ошибка Гумилева, по мнению В.С. Таскина, связана «с неправильным прочтением французской транскрипции в работах западных авторов. Такие случаи в работах Л.Н. Гумилева не редкость. <...> Точно так же и в нашем случае Э. Шаванн (на перевод которого ссылается Гумилев при отождествлении *цзелу* с *цзе* – А.С.) говорит не о цзе, а о цзы, или цзылу, о "которых имеются сведения в источниках"»⁷⁹¹. В.С. Таскин считает, что «Л.Н. Гумилев принимает цзелу за этноним и утверждает, что слово, якобы произносившееся как *qul* и означающее в современных тюркских языках "раб", в VI–VIII вв. имело совсем другое значение: "иноплеменный"». Приведя свидетельства источников, он заключает: «Если сравнить данные Нань Ци-шу с утверждениями Л.Н. Гумилева, оказывается, что цзы, или цзылу, – это не этноним, а слова, означающие на языке варваров "раб". Этнонимом же является слово хэнань..., возникшее в связи с тем, что бежавшие сюннуские рабы осели на землях к югу от Хуанхэ»⁷⁹².

Выше мы достаточно подробно процитировали фрагмент из «Хуннов в Китае», из которого ясно, что Гумилев не считал «цзелу» этнонимом и утверждал ровно то же, что и В.С. Таскин. Единственное отличие заключается в

⁷⁸⁹ Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. С. 153.

⁷⁹⁰ Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 2: Цзе. / Пер. с кит. В.С. Таскина. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 255 с. С. 5.

⁷⁹¹ Там же.

⁷⁹² Там же. С. 5-6.

том, что Гумилев сопоставил это слово с тюркским «qul» (раб), что, в общем, закономерно, поскольку и сам В.С. Таскин отстаивал тюркоязычность хуннов, рабами которых были цзылу.

И все же неправильная передача транскрипции действительно имела место. По нашему мнению, она должна быть полностью отнесена на счет редактора книги, не отметившего эту неточность. Дело в том, что в других работах Гумилева, как до, так и после выхода «Хуннов в Китае», употребляется правильная транскрипция. Например: «Такого разноплеменного населения в державе хуннов скопилось так много, что они образовали самостоятельную этническую единицу, которую китайские историки считали племенем "цзылу"»⁷⁹³. Или совсем коротко: «...даже цзылу (помесь различных племен)»⁷⁹⁴. Из цитаты понятно, что «цзылу» Гумилев принимает лишь как условное наименование этнической группы. Еще в одной книге можно найти оба варианта транскрипции, причем на соседних страницах: «...китайцами, перебежавшими к хуннам (цзылу)» и «кулы (совр. кит. – цзелу)»⁷⁹⁵. Правда, во втором случае Гумилев цитирует свой же текст из «Хуннов в Китае». Это лишь показывает, что он не придавал особого значения транскрипции, основывая свою гипотезу (цзылу/цзелу = цзе) не на произношении, а на сведениях о том, что первоначально кулы были хуннскими рабами смешанного происхождения. Источник сообщал, что словом «tseu» (*цзы*) на языке хуннов называ-

⁷⁹³ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – М.: Наука, 1970. С. 38.

⁷⁹⁴ Гумилев Л.Н. Троецарствие в Китае // Гумилев Л.Н. История народа хунну: В 2-х кн. Кн. 1. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. С. 287.

⁷⁹⁵ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 97, 100.

ются рабы⁷⁹⁶. В соответствии с этим Гумилев подобрал самое близкое по звучанию и смыслу тюркское слово «кул» (раб).

С частью возражений В.С. Таскина, таким образом, согласиться нельзя. Но главного его аргумента мы еще не коснулись. В.С. Таскин вообще не считал возможным отождествлять цзылу («рабов»)/«хэнаньцев» с цзе: «Никаких данных, свидетельствующих об участии хэнаньцев в событиях, происходивших в Северном Китае при династиях Ранняя и Поздняя Чжао, в источниках не приводится»⁷⁹⁷. Взамен В.С. Таскин выдвигает гипотезу, согласно которой цзе – одно из хуннских кочевий, связанное с южным шаньюем Цянцзюем (Гумилев называет его Кянькюем), правившем в конце II в. н.э. И далее: «Следовательно, этноним цзе связан с названием местности Цзеши..., и, таким образом, цзе – это лишь географическое определение, а не самоназвание кочевья»⁷⁹⁸. Но раз цзе – лишь отдельная группа хуннов, то их обычаи и внешний вид ничем не должны отличаться от остальных хуннов. Это совсем не так, что В.С. Таскин признает, отмечая европеоидность цзе: «Характерными внешними признаками цзесцев были глубоко посаженные глаза, густые бороды и высокие носы»⁷⁹⁹. М.В. Крюков также приводил сведения об их особых обрядах: «... Ши Лэ ввел у себя в государстве закон, предписывавший сжигать усопших "в соответствии с традициями этого народа"»⁸⁰⁰.

Из приведенных точек зрения следует, что проблема идентификации цзе не должна решаться однолинейно: либо ветвь юэчжей (С.Г. Кляшторный) или

⁷⁹⁶ Chavannes Ed. Le pays d'Occident d'après le Wei Lio // T'oung Pao. 1905. Série II. Vol. VI. P. 520–571. Вероятно, перевод Гумилев цитировал по А.Н. Бернштаму (Очерк истории гуннов. С. 60), так как повторил ту же описку в датах побега цзылу от хуннов. У Бернштама и Гумилева это 25–85 гг., хотя Шаванн дает 25–55 гг. (Ibid. P. 525). Напомним, основной текст «Хунну» писался в лагере, где получить иностранный журнал 1905 г. было куда труднее, чем новую книгу Бернштама, что подтверждает Гумилев в письме к матери от 02.09.1955: «Достал... "гуннов" Бернштама...» (Ахметшин Ш.К. Ук. соч. С. 307). Однако Бернштам дал верную транскрипцию, но ошибочно отнес цзылу к *предкам* хуннов вопреки их упоминанию в I в. н.э. Значит, написание «цзелу» и объяснение их связи с хуннами Гумилев не заимствовал у Бернштама. По-видимому, он все-таки позже сверялся с изданием Шаванна для уточнения сути сообщения о цзылу, но при этом неверно транскрибировал «tseu» и не исправил дату (с 85 г. на 55 г. н.э.).

⁷⁹⁷ Материалы по истории кочевых народов... Вып. 2. С. 6.

⁷⁹⁸ Там же. С. 7.

⁷⁹⁹ Там же. С. 16.

⁸⁰⁰ Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге средних веков. С. 72.

каких-то других среднеазиатских племен (М.В. Крюков и соавторы), либо кочевье хуннов (В.С. Таскин). В первом случае не решена проблема связи цзе с хуннами, несомненная по данным источников. Во втором случае отбрасываются все данные, свидетельствующее о явном отличии цзе во внешности и обычаях от хуннов. Таким образом, даже приняв за факт нетождественность цзылу/кулов и цзе, вряд ли правильно отказываться от гипотезы Гумилева о смешанном происхождении цзе как разнородного населения державы Хунну. В таком случае учитываются оба обстоятельства: тесная связь с хуннами при отличии внешности и обычаев.

Последнее по времени сводное академическое издание по истории Китая приводит все указанные точки зрения (включая отождествление цзе с бывшими рабами хуннов) как равноправные, что подтверждает как отсутствие действительного прогресса в решении вопроса о цзе/цзылу, так и сохраняющуюся за позицией Гумилева определенную значимость⁸⁰¹.

Общая оценка эпохи. Свой взгляд на эпоху Гумилев разворачивал в «Хуннах в Китае» постепенно (ссылки в тексте): «Пусть не покажутся читателю нарочитыми... названия глав. События IV века в обобщенном виде и в самом деле напоминают разгорающееся пламя...» (с. 88); «Оглянемся назад, на описанные три века. Невольно напрашивается мысль, что они нарисованы слишком мрачными и темными тонами. Неужели же за столь долгий период не было места для радости созидания...? Это кажется невероятным, однако вспомним, что это была эпоха долгого и неотвратимого упадка...» (с. 232); «... мрачные столетия в истории столь же закономерны, как и расцветы культур, и золотые осени цивилизаций. Иногда это болезни роста, иногда – тяжелые спазмы кризисов, а иногда – противоестественные совмещения разнородных элементов. Именно последнее наблюдаем мы...» (с. 148–149).

⁸⁰¹ История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. Т. III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907) / отв. ред. И.Ф. Попова, М.Е. Кравцова. – М.: Наука – Восточная литература, 2014. С. 73, 914 (работы Л.Н. Гумилева о хуннах в библиографии).

По мнению М.В. Крюкова и его соавторов, «подобные утверждения выглядят сейчас безнадежным анахронизмом. Достаточно открыть любой курс истории китайской мысли, литературы, искусства, чтобы увидеть, сколь многим культура Китая обязана "смутному времени" III-VI вв. ...оно ознаменовалось не только замечательными достижениями поэзии, литературной мысли..., но и важными открытиями в области химии, медицины, математики...»⁸⁰². Тем не менее, в китаеведении есть не менее мрачные оценки эпохи III-V вв., и на одну такую ссылался Гумилев⁸⁰³.

Здесь снова напрашивается аналогия с синхронными событиями в Европе, отмечаемая разными авторами. Э. Паркер еще в конце XIX в. сравнивал события в Китае и Европе: «В это время... между тунгусами, хунну, тибетцами и китайцами разгорелась борьба за преимущество на севере. Можно провести аналогию с периодом, когда остроготы, визиготы, вандалы и другие племена набросились на Римскую империю, подвергли ее столицу разграблению и основали варварские династии...»⁸⁰⁴.

Переселение народов не принято называть светлым временем в истории Европы, хотя оно тоже было «эпохой интенсивного и плодотворного этнического развития», каковым смутное время в Китае определили М.В. Крюков и соавторы. Более того, они сами проводят параллель с Европой: «Именно потому, что "великое переселение народов" заставило древних китайцев пережить этот период перерождения и изменения, между ними и современными китайцами, говоря словами К.А. Харнского*, мы обнаруживаем сегодня примерно такие же качественные различия, как между древними римлянами и современными итальянцами»⁸⁰⁵.

*Слова этого замечательного дальневосточного китаеведа, репрессированного в 1937 г.⁸⁰⁶, заслуживают более развернутой цитаты: «А можно ли рассматривать более чем четырехтысячелетнюю историю Китая, как единый непрерывный процесс? Пишущий эти строки пола-

⁸⁰² Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге средних веков. С. 7.

⁸⁰³ История Китая с древнейших времен.... – М., 1974. С. 55, 58. История Востока. Т. 2. С. 71. То же: Бокщанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В. История Китая... С. 106. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 88.

⁸⁰⁴ Паркер Э. Татары. С. 82. Parker E.H. A Thousand Years of the Tartars, p. 109.

⁸⁰⁵ Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге средних веков. С. 3-4.

⁸⁰⁶ Люди и судьбы. С. 394–395.

гает, что нет, – невозможно, как невозможно нечто подобное и в отношении равновеликой с Китаем Европы⁸⁰⁷... <...> Перерыв в истории Европы был несомненно. <...> Перерыв в развитии... был и в Китае. Этот перерыв определенно отделяет историю древнего Китая от позднейшей его истории. Известная преемственность между двумя этими историями есть несомненно... Но единого, целостного исторического процесса нет ни там, ни здесь. История древнего Китая и история нового Китая – два обособленных процесса, связанных между собой лишь некоторой преемственностью идеологии. Древний Китай, Китай династий Чжоу, Цинь и Хань... умер так же, как умерли античные государства, как умер Египет, как умерло Вавилонское царство. Современные китайцы в такой же степени молодой народ, как французы – потомки галлов и римлян, как испанцы, как итальянцы, современные греки или британцы»⁸⁰⁸. Нет никаких данных, что Гумилев мог быть знаком с работами К. Харнского, но тем интереснее, насколько много сближает обоих авторов в понимании логики китайской истории.

Проблема подхода к истории взаимоотношений кочевников и китайцев в восприятии кочевниковедов и китаеведов здесь раскрывается в полной мере. Дело в том, что оппоненты Гумилева в разных случаях вкладывали в понятие «Китай» разное значение: говоря о смуте и войнах, они имели в виду всю территорию бывшей империи Хань, а рассматривая достижения культуры, – за редким исключением, только юг Китая, который на протяжении всех трех веков был намного стабильнее севера, сохраняя имперские традиции.

Напрашивается сравнение с ранней Византией, представлявшей прочное по сравнению с варварскими королевствами образование, сохранявшей римскую культуру и, подобно империи Цзинь, стремившейся к возвращению утраченных территорий. Если понимать историю Европы раннего средневековья как историю Византии, то этот период будет казаться временем расцвета. Но именно поэтому во избежание подмены понятий историю Европы и историю Византии принято рассматривать отдельно, не распространяя достижения культуры последней на всю прежнюю территорию Римской империи.

В таком ракурсе критика *китаеводами* исследования *кочевниковеда* Л.Н. Гумилева за невнимание к собственно китайским делам (в частности, к культуре), к тому, что происходило в империи Цзинь и Лю-Сун, была бы равносильна критике *византинистами* какого-нибудь *медиевиста*, который, занимаясь

⁸⁰⁷ Ср. «...общеизвестное слово "Китай" таксономически соответствует таким понятиям, как "Европа" или "Левант"... , а не таким, как "Франция" или "Болгария"». Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 208.

⁸⁰⁸ Харнский К.А. Китай с древнейших времен до наших дней. – Хабаровск–Владивосток, 1927. С. 38–39.

готами и лангобардами, освещал бы подробно их конфликты с Византией, но не касался бы культуры и науки последней, отмечая, что VI в. был темным временем в истории *Европы*, но его при этом пытались бы опровергнуть тем, что для *Византии* это было время расцвета и наивысшего могущества. Таким образом, изучение истории кочевников на территории Китая не равнозначно истории Китая, о чем Гумилев сделал специальную оговорку⁸⁰⁹.

Его подход был благосклонно встречен, между прочим, рядом византинистов. Так, М.Я. Сюзюмов использовал мысль Гумилева для объяснения случившегося со многими варварскими племенами Европы: «"Хунны победили китайцев, но перестали быть хуннами" – цитирует автор Гумилева. – Подобно этому можно сказать, что те германцы, которые завоевали Западно-Римскую империю, перестали быть германцами»⁸¹⁰. Исследователь Я.И. Цукерник по аналогии с описанным Гумилевым механизмом сложения цзылу/кулов и орды жужаней из разноплеменных групп «рабов» попытался объяснить происхождение «скамаров», упоминающихся в ряде позднеантичных источников⁸¹¹.

М.В. Крюков и соавторы, прямо не ссылаясь на Гумилева, фактически разделили его взгляд на судьбу хуннов: «...сюннуский этнос оказался разделенным на две части; обе они прекратили свое существование в середине 1 тысячелетия: первая – будучи дезинтегрирована в ходе этнических процессов на территории Северного Китая, другая – растворившись в составе складывавшихся этнических общностей раннего европейского средневековья»⁸¹².

⁸⁰⁹ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 7.

⁸¹⁰ Сюзюмов М.Я. Проблемы асинхронного развития в древности. (К постановке проблемы) // Античная древность и средние века. Вып. 13. – Свердловск, 1976. С. 42, 48. Интересно, что и сам Гумилев писал о том же: «...римская культура исчезла, а вместе с ней исчезли с этнической карты мира влюбленные в эту культуру мужественные и сильные готы». См. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 144.

⁸¹¹ URL: <http://www.vostlit.info/haupt-Dateien/index-Dateien/E.phtml?id=2046> (дата обращения: 15.12.2022). Ссылки на документы: Евгиппий. «Монография. Часть 1». С. 95-97; «Послесловие. Часть 3». С. 475-476).

⁸¹² Крюков М.В. и др. Китайский этнос на пороге... С. 274. Ср.: Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 199-202.

Рассмотрев круг вопросов, затронутых критикой условно китаеведческих работ Гумилева, мы возвращаемся к первоначальному тезису. Основных выводов два:

1) Несоответствие подходов к теме отношений кочевников и Китая действительно имело место, но подчас декларируемое. Несмотря на то, что в изданных в последние годы переводах работ западных ученых фактически повторяется взгляд, впервые высказанный в отечественной науке Л.Н. Гумилевым, признания его приоритета и заслуг не произошло. Рассмотренный материал заставляет признать, что вне формулирования китаеведами своего отношения к работам Гумилева они нередко приходили к схожим с ним взглядам. При этом не менее разительно отличие во взглядах на роль кочевников самих китаеведов, поэтому противопоставлять их, с одной стороны, и Гумилева, с другой, представляется неправильным. В этом более чем вековом споре звучит множество равноправных голосов.

2) Сосредоточившись вокруг частных и даже ряда общих вопросов, критика, как и в случае с «Хунну», не затронула основную (событийную) часть «Хуннов в Китае». Однако в отличие от критики «Хунну» вопрос о неоригинальности «Хуннов в Китае» не только не ставился, но и, напротив, полезность книги как первой сводки материала по истории Китая III–VI вв. подчеркивалась и даже приветствовалась. Так, Л.С. Васильев в своей рецензии признал книгу не просто восполняющей пробел в историографии, но и рекомендовал ее китаеведам для первоначального ознакомления с темой. И действительно, «Хунны в Китае» включены во многие специальные библиографии: в академическую «Историю Востока»⁸¹³, в справочник Л.Р. Концевича⁸¹⁴, в новую академическую «Всемирную историю»⁸¹⁵, в общую историю Китая В.Н. Никифоро-

⁸¹³ История Востока. Т. 2.: Восток в средние века. – М.: Восточная литература, 1999. С. 659. Как и две другие книги «степной трилогии»: «Поиски вымышленного царства» (там же) и «Древние тюрки» (с. 657).

⁸¹⁴ Концевич Л.Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии: Addenda. – М.: Вост. лит., 2011. С. 54.

⁸¹⁵ Всемирная история: в 6 т. Т. 2. – М.: Наука, 2012. С. 86–91. «Хунны в Китае» в библиографии отсутствуют, но сравним два отрывка. Первый из работы Л.Н. Гумилева: «Ближайшими сподвижниками Лю Юаня стали два талантливых полководца, Лю Яо и Ши Лэ. Лю Яо происходил из рода шаньюев, был прекрасно образован и начитан в истории, фило-

ва⁸¹⁶, в специальные монографии М.Е. Кравцовой⁸¹⁷ и Ю.В. Чудодеева⁸¹⁸, во все выпуски переводов по истории кочевников в Китае III–V вв. В.С. Таскина⁸¹⁹.

Суммируем выводы настоящей главы.

Для понимания причин дискуссии начала 1960-х гг. между Л.Н. Гумилевым и востоковедами оказалось необходимым определить положение, занимаемое Гумилевым в науке в предшествующий период. В силу жизненных обстоятельств, этот период оказался разделенным 13-ю годами лагерей. Первая его часть (1930–1938 гг.) связана с формированием у Гумилева осознанного интереса к Центральной Азии, обучением в университете у лучших представителей науки своего времени, первыми научными работами и контактами с классиками отечественного востоковедения. Во второй период (1945–1949 гг.) произошло утверждение Гумилева в историко-востоковедной науке, участие в трех археологических экспедициях, защита диссертации, выход первой статьи и написание многих других, наконец, оформление личностных симпатий и антипатий, которые сыграют роль в дискуссии 1960-х гг. По возвращении из заключения в 1956 г. Гумилев из вполне признанного ученого оказался в положении новичка несмотря на степень кандидата наук и солидный, хотя и практически не опубликованный, научный багаж. Мы пришли к выводу, что корпо-

софии и литературе. Вместе с тем он был силен, вынослив, храбр... <...> Ши Лэ был сын неизвестных родителей... В детстве он принадлежал к числу кулов и добывал свой хлеб, батрача на китайских помещиков, а затем был схвачен... и продан в рабство... Не стерпев обиды, Ши Лэ бежал, присоединился к шайке разбойников, затем возглавил их...» (Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 50). Второй отрывок из указанного тома «Всемирной истории»: «Ближайшими сподвижниками Лю Юаня стали два талантливых полководца – Лю Яо и Ши Лэ. Первый происходил из рода шаньюев, и китайская образованность сочеталась в нем с силой и храбростью. Второй, низкородный выходец из племени цзе <выше уточнялось «... цзе (кулы – букв. рабы)» – А.С.>, ранее зависимого от хунну, был продан в рабство. Бежав, он собрал шайку разбойников, с которой присоединился к Лю Юаню» (с. 87). Таким образом, использование книги Гумилева в соответствующем разделе очевидно.

⁸¹⁶ Никифоров В.Н. Очерк истории Китая. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. С. 153.

⁸¹⁷ Кравцова М.Е. Поэзия вечного просветления. Китайская лирика второй половины V – начала VI века. – СПб.: Наука, 2001. С. 291.

⁸¹⁸ Чудодеев Ю.В. Крах монархии в Китае. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 392 с.: ил. С. 387.

⁸¹⁹ Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв.: Вып. 2. Цзе. – М.: Наука, 1990. С. 208. Вып. 3. Мужуны. – М.: Наука, 1992. С. 368. Вып. 4. Ди и цяны. – М.: Восточная литература, 2012. С. 447.

ративное неприятие Гумилева, начиная с этого времени, имело в первую очередь вненаучные причины, как ведомственные (нежелание допустить защиты докторской диссертации и возможности претендовать на место в академическом институте), так и чисто субъективные (например, конфликт Гумилева с А.Н. Бернштамом, продолженный учениками последнего). Последующий анализ восприятия и оценок первых монографий и статей Гумилева по истории и культуре Центральной Азии подтвердил наш вывод:

1. Восприятие этих работ не было беспристрастным. Концепция последовательного обобщающего рассмотрения истории кочевников, в целом, и множество частных выводов были отвергнуты одними востоковедами и археологами и поддержаны другими. Однако все четыре тома «степной трилогии» («Хунну», «Хунны в Китае», «Древние тюрки», «Поиски вымышленного царства») и «Открытие Хазарии» (всего пять монографий) вышли под грифом Института Востоковедения/Института народов Азии и Академии наук СССР. Одно это должно поставить под сомнение утверждения о ненаучности работ Гумилева или даже их посредственности, учитывая, что получал он эти грифы, не будучи никогда сотрудником академического учреждения.

2. Разбор содержания дискуссий, конкретных вопросов и общих оценок работ Л.Н. Гумилева о хуннах показывает отсутствие в них недиспутабельных для своего времени ошибок, а не подтвердившиеся гипотезы и выводы есть в работах едва ли не любого ученого. Даже по частным вопросам позиция Гумилева зачастую оказывалась одной из возможных или даже наиболее предпочтительной, что показало сравнение с работами современных исследователей.

3. В особый вопрос мы выделили восприятие работ Гумилева китаеводами. На их резкую критику обычно ссылаются в качестве доказательства несостоятельности всего наследия Гумилева. Мы показали, что расхождение во взглядах и подходах Гумилева и китаеведов имело место, но различия нельзя абсолютизировать. Рецензии китаеведов на монографии Гумилева имеют разную тональность: от резко отрицательной до вполне сочувственной. Причем наблюдается своеобразная географическая закономерность: в первую очередь

именно ленинградские китаеведы Б.И. Панкратов, Л.Н. Меньшиков, В.М. Штейн, К.В. Васильев, Ю.Л. Кроль сначала подвергли критике работы Гумилева, а впоследствии, даже занимаясь смежной тематикой, предпочли их не упоминать. Исключения из этого ряда объяснимы: М.Ф. Хван и В.А. Вельгус – бывшие, как и Гумилев, заключенные лагерей; М.В. Воробьев – приятель Гумилева; Е.И. Кычанов специализировался не на Китае, а на истории и культуре Центральной Азии по китайским источникам, и близость тематик обеспечила большее понимание между ним и Гумилевым. Совсем иное отношение к трудам Гумилева у московских китаеведов (Л.И. Думан (по происхождению ленинградец), Л.С. Васильев, М.В. Крюков, Н.Ц. Мункуев, Л.А. Боровкова), не ангажированных в корпоративные конфликты ленинградцев. Их подход не исключал критики, но был более взвешенным, а иногда и комплиментарным к Гумилеву. Причем списать последнее на личное дружеское отношение уже нельзя. Наконец, отдельно мы рассмотрели критику Гумилева харбинскими китаеведами (А.Г. Малявкин, В.С. Таскин; Р.В. Вяткин – представитель дальневосточной школы китаеведения). Их позиция была объективно строгой, иногда даже придирчивой (поздние работы А.Г. Малявкина), но никогда – полностью отрицающей научную ценность работ Гумилева.

Глава 3. Проблемы построения общей концепции этнокультурной истории Евразийских степей в работах Л.Н. Гумилева

3.1. Проблема этнокультурной преемственности в Евразии

В число наших задач не входил пересказ содержания работ Л.Н. Гумилева. Мы пытались по мере возможности исследовать истоки ряда основополагающих идей ученого и причины часто отмечаемой особенности его взглядов (глава 1). Пытаясь понять и объяснить причины резкого тона дискуссий по историко-востоковедным работам Гумилева, мы не могли не касаться их содержания. Это позволило нам определить, что Гумилев был не только педантичен в теоретизировании (1.2, 1.3), но и на практике применял свои идеи и методы, достигая значительных результатов (2.2, 2.3).

В настоящей главе мы, однако, по большей части будем именно пересказывать идеи Гумилева. Но это будут не те идеи, которые «лежат на поверхности» его трудов: теория этногенеза или история евразийских кочевников со всеми ее составляющими. Это будут идеи и концепции иного рода – «сквозные» для всего научного наследия Гумилева; идеи, которые он никогда не оставлял, но которые, как правило, оказывались в тени дискуссий. Благодаря именно этим «скрытым» темам о наследии Гумилева можно говорить как о чем-то цельном, и именно эти идеи легли в основу его общей концепции этно-, культуро- и политогенеза в Евразии. Поскольку указанные идеи не всегда выражены явно, нам в ряде случаев пришлось прибегать не только к их пересказу, но и к реконструкции, что всегда оговаривается.

Наш обзор начнем с выяснения ряда общих вопросов и понятий.

Один из скептически настроенных авторов задался вопросом: «Взглянем, например, на карту II из "Поисков вымышленного царства" – "Срединная Азия в XII в.". Почему-то эта *Срединная* (курсив автора – А.С.) Азия не включает

Среднюю Азию, зато в нее входят Китай и Корея: ее рамки – от Ферганской долины до Уссури и от Байкала до Куньмина»⁸²⁰.

В приведенной цитате поднят существенный вопрос об объекте большинства исследований Л.Н. Гумилева. Правда, для ответа критику достаточно было бы заглянуть в несколько крупных словарей или поискать специальные исследования по географической номенклатуре⁸²¹, но раз вопрос поднят, это дает нам повод для его уточнения.

Центральная, Внутренняя, Срединная Азия – синонимичные понятия. Они соответствуют английским Inner («внутренняя») и Innermost/inmost («глубинная») Asia, французскому la Haute Asie («высокая»)⁸²².

Английское «Central Asia» и французское «l'Asie Centrale» в постсоветское время стали калькироваться в средствах массовой информации и даже в научной литературе как «Центральная Азия», создавая тем самым терминологическую путаницу, хотя они в точности соответствуют понятию «*Средняя Азия*» в границах бывшего СССР. Русские путешественники и востоковеды до начала XX вв. (Н.Я. Бичурин, В.В. Бартольд, Г.Е. Грумм-Гржимайло⁸²³) пользовались термином «Средняя Азия», имея в виду преимущественно восточную часть *Внутренней* Азии (т.е. собственно «Центральную Азию»). Для западной

⁸²⁰ Мосионжник Л.А. Исторический миф Л.Н. Гумилева. С. 334. *Его же*. Технология исторического мифа. С. 236.

⁸²¹ Большая советская энциклопедия. Т. 60. Холангит–Цянь. – М., 1934. Стб. 482-487 («Центральная Азия»). Автор: В.А. Обручев. Приведена карта). Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 46. Фусе–Цуруга. – М., 1957. С. 527 («Центральная Азия»); т. 40. Сокирки–Стилопоры, 1957. С. 374 («Средняя Азия»). Шпринцин А.Г. Обозначения топонимов «Средняя Азия» и «Центральная Азия» в различных языках // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. – М.: Наука, 1976. С. 281-287. Учтены все основные словарные определения.

⁸²² По определению П. Пельо, этот регион составляют Монголия, Китайский Туркестан и Тибет. См.: Pelliot P. La Haute Asie, p. 1–3. О. Латтимор обозначил Внутреннюю Азию как «сердцевинную землю, чьи воды не стекают в мировой океан», и считал ее западной границей Каспий. См.: Lattimore O. Studies in frontier history, p. 501. Оба взгляда восходят к определениям, данным в XIX в. А. фон Гумбольдтом и Рихтгофеном. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXI (61). – СПб., 1900. С. 351 («Средняя Азия (Центральная Азия)»).

⁸²³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. С. LVI. Бартольд В.В. Сочинения: в IX т. Т. V. – М.: Наука, 1968. С. 19, 253. Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. II. – СПб., 1899. С. V-VI (Средняя Азия), 2 (Внутренняя Азия). С. 11-16. *Его же*. Описание путешествия в Западный Китай. – М.: ОГИЗ, 1948. С. 11 (Центральная Азия), 16 (Средняя Азия).

части последней был еще особый термин – Туркестан, включавший как Среднюю Азию, так и китайскую провинцию Синьцзян («Восточный Туркестан»)⁸²⁴.

Понятие «Срединная Азия», вероятно, имело хождение уже в начале XX в., поскольку в 1920-е гг. его предложил применять в историко-культурном значении М.И. Ростовцев⁸²⁵. Свое понимание термина Л.Н. Гумилев дал еще в рукописи «Хунну»: «Срединная Азия (именно так. – А.С.) – скорее историческое чем чисто географическое понятие. Мы будем так называть область происхождения и распространения специфической культуры, равно непохожей на Восток и Запад. <...> ...в Срединную Азию входят, кроме Центральной Азии, западная Маньчжурия, южная Сибирь, Киргизия и восточные районы Казахстана...». Далее, уже в соответствии с историко-культурным принципом, уточнялось: «...но распространяясь, срединно-азиатская культура охватывала Среднюю Азию..., Тибет и Восточную Европу до Венгрии включительно»⁸²⁶.

Жаль, что это определение не вошло книгу «Хунну». Но, видимо, ни у редакторов в издательстве, допустивших в печать подзаголовки «История Срединной Азии в древности», ни у коллег Гумилева понятие «Срединная Азия» вопросов не вызывало⁸²⁷.

«Срединная Азия» не совсем тождественна другому понятию – «Великая степь» – в географическом плане, но чрезвычайно близка ему в значении историко-культурном. Великая степь представляет *однородную* по ландшафту территорию, протянувшуюся в широтном направлении через весь Евразийский материк. Срединная Азия, напротив, включает *различные* по природно-ландшафтным характеристикам области, сопряженные географически и потому имеющие общую историю. Если попытаться отыскать, когда впервые Гумилев

⁸²⁴ Подробнее о разграничении терминов см.: Дробышев Ю.И. Человек и природа... С. 19–38, 53–54.

⁸²⁵ «Я бы предложил поэтому имя: срединно-азиатская группа <древностей>. <...>. Именно срединно-азиатская, а не средне-азиатская, так как последнее слишком определенно географически». См. Ростовцев М.И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // СКУОКА. – СПб.: Фарн, 1993. С. 58.

⁸²⁶ Гумилев Л.Н. Древняя история Срединной Азии. Гл. I. Страна, не открытая до конца. Январь 1953 г. Параграф «Срединная Азия и ее место в мировой истории», л. 3.

⁸²⁷ Ср. Окладников А.П., Ларичев В.Е. Предисловие // Центральная Азия и Тибет... С. 9-11.

употребил понятие «Великая степь», то из опубликованных работ мы должны отдать предпочтение статье «Удельно-лествичная система у тюрков», написанной, напомним, еще в 1935-1936 гг.: «...воссозданная им <Кутлугом> держава быстро распространилась на восточную половину Великой Степи»⁸²⁸. Из твердо датированных источников первым будет кандидатская диссертация, в самом начале которой при описании политической карты Азии 40-х гг. VI в. говорится: «Не лучше дело обстояло в великой степи...»⁸²⁹. Хотя, по мнению С.Г. Кляшторного, понятие «Великая степь» введено Рене Груссе⁸³⁰, несомненно, в русскоязычной историографии оно утвердилось под влиянием работ Гумилева.

Наконец, важнейшее понятие, охватывающее все названные географические области, – «Евразия». Ранее всего это слово, причем сразу в историко-культурном значении, употреблено Гумилевым в 1949 г. в его первой опубликованной статье. Исследуемые в ней статуэтки конных и пеших воинов, по мнению автора, являются «памятниками евразийской культуры». И далее: «Наличие аналогий в среде евразийских народов окончательно удостоверило бы нас, что оригиналы наших статуэток не принадлежат к китайской культуре» (см. приложение 2)⁸³¹.

Таким образом, вряд ли можно сомневаться, что Гумилев стал проводником идей евразийства в советском кочевниковедении еще даже до личного (в переписке) знакомства с П.Н. Савицким и Г.В. Вернадским. До его работ понятие «Евразия» (как и его производные) вне сугубо географического смысла в отечественной науке не использовалось.

Свое концептуальное понимание «Евразии» Гумилев определяет на тех же страницах рукописи «Хунну», что мы цитировали выше. «Евразию» он

⁸²⁸ Гумилев Л.Н. Удельно-лествичная система у тюрков в VI-VIII вв. // Советская Этнография – 1959 – №3. С. 19.

⁸²⁹ Гумилев Л.Н. Подробная политическая история первого тюркского каганата. 546-659 гг. – Л., 1947. С. 7.

⁸³⁰ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи... С. 9. Полнотекстовый поиск по «L'empire des steppes» Груссе не дает никакого аналога «Великой степи». Упомянутая единоразы «grande steppe du Balkhach» (р. 587), вряд ли может быть признана таковым аналогом. Однако Груссе использует понятие «евразийская степь» (р. 17).

⁸³¹ Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туяк-Мазара. С. 249.

рассматривал сразу в двух значениях: в широком, как «огромную область степей и лесов» (между Европой и Китаем), которая «распадается на несколько зон: лесная, причерноморская, Средняя Азия..., Центральная Азия и Манчжурия...»; и узком, историко-культурном, как «степи Восточной Европы и прилегающие лесные районы», где развивались скифская, угорская и славянская культуры. При этом «Серединная Азия» в «Евразию» в узком смысле им еще не включалась.

Ни широкое, ни узкое определение «Евразии» в опубликованный текст «Хунну» не вошло. Развернутую характеристику понятия Гумилев дал только в поздних работах, причем остановился именно на широком значении, включив в понятие «Евразии» и Срединную Азию. Например, монография «Древняя Русь и Великая степь» содержит следующее примечание: «Евразией в данной работе называется внутренняя часть континента, в основном степь между Карпатами и Маньчжурией, представляющая этнокультурную целостность»⁸³². В очерке «Из истории Евразии» говорится: «Евразией в историко-культурном смысле термина мы считаем только ту часть континента, которая лежит между Китаем, горными цепями Тибета и... Европой»⁸³³. В «Тысячелетии вокруг Каспия»: «...колоссальная территория между Западной Европой и Китаем, страна с оригинальной природой, разнообразным населением и неповторимой культурой – Евразия...»⁸³⁴. Наконец, в последней подготовленной Гумилевым книге «От Руси до России»: «Говоря "Евразия", мы имеем в виду не только огромный континент, но и суперэтнос с тем же названием, расположенный в центре его»⁸³⁵. Из приведенных цитат следует, что за десятилетия с первого развернутого определения термина в рукописи понимание Гумилевым «Евразии» сильно не менялось.

⁸³² Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1989. – 764 с. С. 41 (примечание).

⁸³³ Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. – М.: Искусство, 1993. – 79 с. С. 15.

⁸³⁴ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – Баку: Азернешр, 1991. С. 5.

⁸³⁵ Гумилев Л.Н. От Руси до России. – СПб.: Юна, 1992. С. 255. В остальных изданиях это звучит иначе: «Здесь под Евразией понимается не только огромный континент, но и сформировавшийся в центре его суперэтнос с тем же названием». См.: Гумилев Л.Н. От Руси до России. – М.: Экспрос, 1992. С. 296. Мы, однако, отдаем предпочтение первому изданию, причины чего оговаривали во Введении.

Все рассмотренные историко-географические понятия, основополагающие для наследия Гумилева, приводят нас к двум выводам: 1) они сформировались у Гумилева очень рано, и даже без подробной характеристики в ранних работах всегда имплицитно предполагались, что подтверждает материал рукописей; 2) содержание этих географических понятий позволяет поместить концептуальный подход Гумилева к истории народов Евразии как бы посередине между дореволюционным востоковедением и географией, с одной стороны, и классическим Евразийством, с другой.

Поскольку первые упоминания «Срединной Азии», «Великой степи», «Евразии» датируются 1936–1955 гг. (т.е. до вступления Гумилева в переписку с П.Н. Савицким), следует признать, что эти термины Гумилев у евразийцев не заимствовал. Позже произошла лишь конвергенция его идей с евразийцами.

Оригинальность концептуальных идей Гумилева подтверждается еще и обратным по сравнению с евразийцами путем его идейной эволюции. Евразийцы исходили из современного им положения России, которое осмысляли в контексте ее геоисторического положения: двигались от России после Октябрьской революции к скифам и хуннам. Гумилев же первоначально изучал только историю евразийских степных народов (от хуннов до монголов), следуя вполне традиционной для русского и западного востоковедения схеме. Однако закончил свою историю Евразии Гумилев уже не ойратами и казахами (как Груссе) или современными монголами (как Грумм-Гржимайло), а русскими, взявшими с XV в. инициативу объединения Евразии на себя. Сам он объяснял свою концепцию так: «Этот континент за исторически обозримый период объединялся три раза. Сначала его объединили тюрки... На смену тюркам пришли из Сибири монголы... Затем, после периода полного распада и дезинтеграции, инициативу взяла на себя Россия... Новая держава выступила, таким образом, наследницей Тюркского каганата и Монгольского улуса»⁸³⁶.

Таким образом, Гумилев не сразу пришел к пониманию историко-культурного единства Евразии, но не в том, что касается единства истории

⁸³⁶ Гумилев Л.Н. От Руси до России. С. 255.

степей (что не ново), а именно в продолжении «степной» традиции русскими. Эта последняя идея позволила протянуть нить истории от империи Хунну до Российской империи.

О том, как складывалось такое понимание, можно судить из письма П.Н. Савицкого (от 10.02.1964). Ранее, в не дошедшем до нас письме, Гумилев, видимо, выразил желание довести, подобно Р. Груссе, историю степи до XVIII–XIX вв., на что Савицкий отвечал: «Цель же нашей научной работы... – это создание или построение "картины-системы". Под этим понятием я подразумеваю объединение многого, иногда бесконечно многого – в одном, но емком, собрании разбросанного воедино, точнейшее определение (по Вашему слову) "что к чему". <...> Мне кажется, что понятие "картины-системы"... родственно и Вашему методу. А как раз оно... отличает Вас от "крота" Груссе! Не завидуйте ему в том, что он довел историю кочевников до XIX в., а Ваши перспективы ведут, пока что, всего-навсего до XIV в. В науке истории важно не то, сколько веков "отдубасил" данный историк, а то, как он это сделал!».

Здесь любопытно упоминание метода Гумилева, который Савицкий ставил выше метода «крота Груссе». Главное же состоит в том, что Гумилев внял советам старшего коллеги и выстроил последовательную историю степей, доведя ее до момента слияния кочевой и оседлой культур в рамках Российского государства. Конкретные сюжеты кочевниковедческих работ и аспекты их критики были рассмотрены в предыдущей главе. Сейчас же остановимся на той самой «картине-схеме», какой она представляется на основе изучения всей суммы монографий и статей Л.Н. Гумилева.

Нельзя утверждать, что вопрос об этнокультурной преемственности в Евразии – центральный в научном наследии Л.Н. Гумилева. Скорее, напротив, учитывая объем посвященных ему страниц, его логично отнести к разряду периферийных. Это, однако, нисколько не умаляет его важности, в первую очередь, мировоззренческой, что прекрасно понимал сам Гумилев. Несмотря на редкие параграфы или даже только отдельные мысли в его статьях и книгах, хотя бы как-то касающиеся преемственности эпох в степи, проблема не отпус-

кала внимание Гумилева до самых последних дней его жизни. Работа «Ритмы Евразии», материал для которой Гумилев начал наговаривать в больнице под запись своему ученику В.А. Мичурину⁸³⁷, неопровержимо свидетельствует о его желании обобщить некоторые свои мысли в очерке, который должен был связать политические, социальные, экологические аспекты истории степей с культурными. Несмотря на то, что точку в задуманной работе Гумилев поставить не успел, мы можем по сумме опубликованных работ и ранним рукописям восстановить эволюцию его взглядов на тему преемственности в степи.

Подобно противопоставлению социальной организации кочевников и земледельцев, Гумилев настаивал на самобытности и оригинальности кочевой культуры и несводимости ее к стандартам западной, китайской или персидской культур. Полагая, что история культуры и этническая история лежат в разных плоскостях, а культурогенез нетождествен этногенезу, Гумилев, тем не менее, образование этноса и сложение оригинальной этнической культуры связывал с одним и тем же пусковым моментом – пассионарным толчком⁸³⁸. По его мнению, в истории Великой степи произошло три таких толчка, давших начало трем большим эпохам: XI в. до н.э. – скифский, III в. до н.э. – хунно-сарматский, XI в. – монголо-чжурчжэньский. Соответственно, родоначальниками кочевой культуры как таковой являлись племена скифского круга – наследники андроновской археологической культуры. С ними Гумилев связывал появление характерного для ранних кочевников «звериного стиля» в декоративном искусстве, который пережил своих создателей. Будучи воспринят сарматами, юэчжами и хуннами, он продолжал существовать даже тогда, когда сами скифы ушли в историю, причем не без содействия двух первых этносов, которые, по сути, и уничтожили скифов (первые – в Причерноморье, вторые – в Средней Азии). В данном случае культурная преемственность совпала с разрывом традиций этнической и политической.

⁸³⁷ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. – СПб.: Кристалл, 2003. С. 196 (вводное замечание В.А. Мичурина).

⁸³⁸ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – Баку: Азернешр, 1991. С. 35.

Вопрос о том, была ли у хуннов собственная высокая культура, Гумилев назвал «большим вопросом»⁸³⁹. С одной стороны, достижения их бытовой культуры не подлежат сомнению: «X[унны] в Азии, в отличие от гуннов в Европе, считались наиболее культурными среди прочих кочевых племен»⁸⁴⁰. Они «на заре своего существования были не лучше и не хуже, чем, скажем, франки, готы, арабы, славяне и древние греки»⁸⁴¹. Основным культурным (в самом широком смысле) достижением хуннов являлось освоение степных пространств Монголии, поскольку «ранее великая степь, как море, разделяла обитаемые лесостепные полосы: южносибирскую и северокитайскую»⁸⁴². С другой стороны, хунны, по мнению Гумилева, не дожили до создания собственной цивилизации (инерционной фазы этногенеза), когда «начинают выкристаллизовываться формы искусства, философии, законности и даже комфорта»⁸⁴³. Хуннский эпос, если он и был, в памяти потомков не сохранился: «А ведь в степи могли бы создаться поэмы – патетичнее Илиады, мифы – фантастичнее Эдды, рассказы – не хуже 1001 ночи»⁸⁴⁴.

О влиянии соседей на хуннов позиция Гумилева оставалась неизменной на протяжении многих десятилетий. В одной из ранних, но опубликованных лишь сравнительно недавно, его работ, в частности, говорится: «В эпоху расцвета хуннской державы хунны получали большое количество китайских товаров, но не заимствовали китайской культуры, чуждой их быту и психическому складу. Единственное свидетельство о хуннской письменности, которая до нас не дошла, указывает на ее индийское происхождение. Предметы искусства... носят следы скифских, иранских и даже эллинских влияний...»⁸⁴⁵. В конце жизни Гумилев писал о том же: «Раскопки царского погребения в Ноин-уле...

⁸³⁹ Там же. С. 81-84.

⁸⁴⁰ Гумилев Л.Н. Хунну // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. – М., 1973. Стб. 687.

⁸⁴¹ Гумилев Л.Н. Хунну. С. 97.

⁸⁴² Там же. С. 96.

⁸⁴³ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 18. Всё это было уже в рукописи, в параграфе «Что было-бы...» (см. выше).

⁸⁴⁴ Там же. С. 18. Ср.: Гумилев Л.Н. Хунну. С. 98.

⁸⁴⁵ Гумилев Л.Н., Крюкова Т.А., Хван М.Ф. Китайские письма на чувашской рубахе // Чувашский гуманитарный вестник – 2006 – №1 – С. 171-189. С. 180. Выход статьи намечался в «Ученых записках ЧНИИ» за 1963 г.

показали, что для тела хунны брали китайские и бактрийские ткани, ханьские зеркала, просо и рис, а для души – предметы скифского "звериного стиля"..."⁸⁴⁶. Взаимодействие предков хуннов с предками китайцев Гумилев предполагал лишь для эпохи Шан (II тыс. до н.э.), после чего с утверждением в Китае династии Чжоу (XI в. до н.э.) их пути окончательно разошлись. Свою позицию он резюмировал следующим образом: «Не менее примечательно общее для всех народов Центральной Азии неприятие китайской культуры»⁸⁴⁷.

Оценивая искусство трех больших степных этносов, предшествовавших монголам и в какой-то мере родственных, Гумилев ставил на первое место хуннов, за ними – половцев и лишь затем древних тюрков: «Вместе с усложнением социальной структуры идет снижение эстетического уровня. Искусство тюркютов – надгробные статуи, хотя и эффектны, но и по выдумке, и по исполнению несравнимы с хуннскими предметами "звериного стиля". Тюркютское искусство уступает даже куманскому, т.е. половецкому, сохранившему в европейской части Великой степи»⁸⁴⁸. Эволюции, таким образом, не получается, но равно нет и регресса. Процессы культурного развития, сменявшиеся периодами упадка, не шли поступательно. При этом необходимо учитывать менявшееся окружение, т.е. возможные источники влияния. И именно в вопросе о культурной преемственности между хуннами и тюрками проявились наиболее отчетливо сама проблема наличия степной традиции и, в не меньшей степени, непростая эволюция концептуальных представлений самого Гумилева.

Роль тюрков в истории степи Гумилев поначалу рассматривал изолированно от их предшественников. В своей первой печатной статье, представлявшей переработанную дипломную работу⁸⁴⁹, он писал: «История тюрков начинается с 430-х годов VI в. (так в оригинале; имеются в виду «40-е гг.» VI в. – А.С.),

⁸⁴⁶ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 82.

⁸⁴⁷ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 42.

⁸⁴⁸ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 147. Того же мнения придерживался Г.А. Федоров-Давыдов, считавший главными художественными отличиями половецких каменных баб (в сравнении с древнетюркскими статуями) разнообразие высеченных на них деталей одежды, украшений, главное, их объемность. См.: Федоров-Давыдов Г.А. Курганы, идолы, монеты. – М.: Наука, 1967. С. 37–38.

⁸⁴⁹ Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: Рольф, 2001. С. 9.

когда в Китае впервые появилось посольство этого народа»⁸⁵⁰. Предшествующий период Гумилев называет «тюркской доисторией»: «...мы должны обратиться к тюркской доистории, т.е. к V в. В 439 г. один из пограничных кочевых князей Ашина бежал к жуань-жуаням и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал для них железо. С добыванием железа связаны и легенды о происхождении тюрков»⁸⁵¹. Весь же период господства тюрков в степи Гумилев тогда рассматривал как законченный процесс: «Удивительно другое: что тюрки сумели продержаться 60 лет (тюрки второго каганата – А.С.), прежде чем были разбиты и физически истреблены теми племенами, для которых они в продолжение двухсот лет были источником страха, оскорблений и обид»⁸⁵².

В своей кандидатской диссертации начало тюркской истории Гумилев рассматривает аналогично, называя ее первой датой 545 г.⁸⁵³ Он специально оговаривает, что, поскольку работа посвящена реконструкции политической истории древних тюрков, то вопросы их культуры и социального строя в ней специально не рассматриваются. Тем не менее, Гумилев делает ряд интересных заключений. Считая тюрков происходящими от «скрещения алтайских горцев с алашаньскими степняками», он утверждает, что на момент своего выхода на арену истории «тюрки не были народом диким, но культура их была своеобразна и мало походила на культуру народов оседлых. Тюрки не строили высоких зданий, не составляли библиотек, не разводили садов; но они создали победоносную армию и великолепно продуманную систему управления, так как их стихией была война» (с. 13). Следствием создания тюрками мировой империи являлось, пусть и на короткое время, установление безопасности во всей степи. В результате, «средиземноморские культурные влияния достигли Дальнего Востока, и наложенный ими отпечаток в значительной мере опреде-

⁸⁵⁰ Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туяк-Мазара // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XII. С. 240.

⁸⁵¹ Там же. С. 241.

⁸⁵² Там же. С. 242.

⁸⁵³ Гумилев Л.Н. Подробная политическая история первого тюркского каганата. 546-659 гг. – Л., 1947. С. 24. Далее номера страниц в тексте.

лил интеллектуальную жизнь азиатского средневековья» (с. 16). Здесь имеется в виду распространение религий среди кочевников – христианства и манихейства, – чему Гумилев позже уделит немало места в монографиях «степной трилогии» и в специальных статьях (см. следующий параграф).

Наконец, общий вывод диссертации объединял приведенные положения: «Высокое развитие военной техники позволило кочевникам не только сохранять свою независимость, но впоследствии снова стать господами положения и создать небывалую еще в мире империю – державу Чингис-хана. Можно с уверенностью сказать, что с *VI* века начинается расцвет кочевой культуры, которая до тех пор была в младенческом состоянии (здесь и далее курсив мой. – А.С.); что только с *VI* века начинается подлинное общение Востока и Запада в широких масштабах, и только в *VI* веке кочевое государство становится равным соперником для мировых держав своего времени – причем не на десяток-другой лет, как случалось и раньше, а на целую эпоху» (с. 161).

Эти строки писались около 1947 г., поэтому нетрудно заметить некоторое противоречие между их содержанием и мнением Гумилева относительно места хуннов в истории кочевой культуры. Однако книга «Хунну» появилась почти полтора десятилетия спустя, и выводы кандидатской диссертации оказались, в результате, скорректированными в докторской диссертации, переработанный текст которой и составил монографию «Древние тюрки».

Характер изменений виден уже по первым страницам монографии, где повторен ряд общих положений из кандидатской диссертации, но в несколько ином виде. Так, говорится, что до создания тюркской державы средиземноморская и дальневосточная культуры хотя и знали о существовании друг друга, но были разобщены. Тюрки в новых условиях «не только играли роль посредников, но и одновременно развивали собственную культуру... Эта особенная степная культура имела древние традиции и глубокие корни, но известна нам в значительно меньшей степени, чем культура оседлых стран»⁸⁵⁴. Гумилев более не утверждал, что культура кочевников до тюрков находилась в «младенческом

⁸⁵⁴ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. С. 5.

состоянии», но по-прежнему считал, что «древние тюрки наиболее ярко превратили в жизнь те начала степной культуры, которые зрели еще в хуннское время и находились в состоянии анабиоза в безвременье III-V вв.»⁸⁵⁵. В общем, направление изменений понятно: при работе над кандидатской диссертацией хунны еще не находились в поле зрения Гумилева, и только после обстоятельной проработки их истории перед ним отчетливо встал факт, что тюрки появились не на пустом месте и имели не менее значимых предшественников.

Однако Гумилев специально подчеркивал различие между хуннами и тюрками, считая ошибочным мнение о повторяемости каждым новым кочевым объединением пути предшествующих, «хотя их способ производства – кочевое скотоводство – действительно является наиболее устойчивой формой хозяйства, почти не поддающейся усовершенствованию. Но формы быта, учреждения, политика и место в мировой истории у хуннов и древних тюрков совершенно различны, как были различны их судьбы»⁸⁵⁶. В завершающей же «степную трилогию» монографии Гумилев напишет, что великий тюркский каганат был державой «значительно более могущественной, чем Хунну»⁸⁵⁷.

Принципиально новым, однако, было не признание превосходства тюрков над хуннами. Оно как раз полностью соответствовало выводам кандидатской диссертации. Новое заключалось в развитии в «Древних тюрках» положения о двух разрывах культурной традиции: «Тюрки исчисляли свое существование от начала мира, но они полагали, что мир не так уж стар. <...> ...начало мира датируется точно началом VI в. н.э. Значит, мир существует всего 200 лет. Здесь прежде всего нужно отметить, что хуннская традиция в Срединной Азии прервалась. Тюрки, потомки хуннов, ничего не знали о своих предках, так же как монголы Чингисхана ничего не знали о тюрках. История Срединной Азии не может быть нам понятна, если мы не учтем *двух разрывов традиции*: между

⁸⁵⁵ Там же. С. 6.

⁸⁵⁶ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 4. Помимо общих соображений здесь подразумевается несогласие с концепцией О. Прицака об универсальной модели возникновения и распада кочевых империй.

⁸⁵⁷ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 41.

Хунну и тюркским каганатом и между каганатом и империей Чингисхана. В перерывах лежат периоды *обскурации* (выделено мной. – А.С.)»⁸⁵⁸.

Таким образом, тюркский период в ранних работах Гумилева предстает законченным и отделенным от предшествующего (хуннского) и последующего (монгольского) эпохами смут и раздробленности, т.е. фазами этнической обскурации.

Последний термин относится уже к теории этногенеза, публикацией статей по которой Гумилев особенно интенсивно занялся с середины 1960-х годов. Однако за исключением этого слова никакие иные положения теории в «Древних тюрках» отражения не нашли. Зато в вышедших через семь лет «Хуннах в Китае» свою теорию Гумилев применял достаточно широко. Там, например, довольно подробно говорится о периоде обскурации в степи в III–V вв. и завершении к этому времени цикла хуннского этногенеза.

Увеличение доли теории этногенеза к 1974 г. в собственно исторической работе Гумилева не должно вызывать удивления, если учесть, что в этом же году проходила защита его второй докторской диссертации (по географии) под названием «Этногенез и биосфера Земли». Однако изучение рукописей будущих книг «Хунну» и «Хунны в Китае» заставляет в корне пересмотреть это кажущееся логичным представление. Выход в предшествующее десятилетие основных статей по этногенезу позволил Гумилеву опубликовать в «Хуннах в Китае» то, что изначально присутствовало в рукописи, а в некоторых случаях даже усилить элемент теории в изданной книге (см. выше параграфы 1.2. и 2.3)⁸⁵⁹. В частности, в рукописи «Хуннов в Китае» говорится: «Вот этот процесс – увеличение числа прохвостов и преобладание их – есть процесс обскурации. Само собой понятно, что 300-летняя обскурация оборвала живую традицию и китайской, и хуннской культуры и повела к образованию таких

⁸⁵⁸ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 340. Кроме того, об эпохе Чингисхана говорится, что «это новая эпоха с иной спецификой и иным ритмом, и для понимания ее нужен новый ключ» (с. 402). Это положение останется неизменным и во всех поздних работах Гумилева.

⁸⁵⁹ Рукопись: Гумилев Л.Н. История Серединной в связи с историей сопредельных стран. Ч. III, гл. III «Отблески. V век» (на титульном листе дата: январь 1955 г.), лл. 25–26 (параграф «Красное и синее»).

уродливых форм, как напр[имер] Жужань. <...> ...новый толчок процесса этногенеза произошел именно на Алтае...: там объявились голубые тюрки, народ смешанной крови, но оригинальной ментальности». Вся глава завершается так: «В Азии снова начался процесс этногенеза, т.к. в это самое время (рубеж V–VI вв. – А.С.) в Алтайских горах сложились в народ тюрки, в долине Брампутры – тибетцы, а в Китае началось национальное возрождение, давшее великолепную средневековую культуру династий Суй и Тан»⁸⁶⁰. Таким образом, следовало бы удивляться не присутствию слова «обскурация» в «Древних тюрках», а, напротив, столь малому применению теории этногенеза в монографии, поскольку в рукописях книг «степной трилогии» все это уже было.

Впрочем, присутствовавший еще в ранних рукописях взгляд на характер ритма кочевой культуры Евразии, пусть даже и без специальной терминологии, нашел свое место в совместной статье Гумилева и И. Эрдеи: «Этот последний регион уже 3000 лет является местом становления конно-кочевой культуры или, точнее, ряда культур: скифской, хуннской, древнетюркской и монгольской, связанных между собою так же, как эллино-римская культура Западной Европы связана с романо-германской культурой... Во всемирно-историческом процессе... эти культуры представляются ступенями, в плане этногенеза – "квантами" процесса, разделенными мятежными эпохами, когда культурная традиция прерывалась. Точно такие "пустые" или "темные" (дословный перевод слова «обскурация» – А.С.) периоды лежат между эпохами державы Хунну и Вечного тюркского эля (III–V вв.), падением Уйгурского ханства и созданием монгольского улуса (IX–XI вв.)»⁸⁶¹.

Первые статьи Гумилева по теории этноса только развивают этот взгляд. Тюрки упоминаются уже во вводной статье «О термине "этнос"» (1967, на основе доклада 1966 г.), но, правда, лишь в связи с историей их этнонима⁸⁶². Более подробно о них говорится в статье «Этнос и категория времени» (1970,

⁸⁶⁰ Там же, л. 30 (§«Пепел»).

⁸⁶¹ Гумилев Л.Н., Эрдели И. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века // Народы Азии и Африки 1969. № 3. С. 78–87. С. 79.

⁸⁶² Гумилев Л.Н. О термине «этнос» // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 3: Этнография. Л., 1967. С. 3–17. С. 9.

на основе доклада 1967 г.), где фиксируется изменение отношения тюрков к счету времени и на этом основании устанавливается начало активной фазы их этногенеза. Так, тюрки по сообщениям китайских хроник в VI в. отмечали смену времен года «только по зелени травы». Затем, судя по орхонским надписям I пол. VIII в., они заимствовали китайский 12-летний циклический календарь, связав его с собственной «живой хронологией» (в эпитафии Кюль-тегина сказано, что умер он 47 лет от роду в год овцы), что свидетельствует об усложнении их мироощущения⁸⁶³.

В программной статье «Этногенез и этносфера» (1970), впервые резюмировавшей и выставлявшей на широкое обсуждение все главные положения теории этногенеза, древние тюрки приводятся в качестве примера этногенеза, ход которого был нарушен и остановлен посторонним вмешательством. Начало их этногенеза, как и во всех предшествовавших работах автора, отнесено к переселению в 439 г. орды Ашина на Монгольский Алтай. «Фаза исторического становления» (позже названа «фазой подъема») тюрков продолжалась до середины VI в., когда они вышли на мировую арену. «Фаза исторического существования» (позже разделена на фазу надлома и фазу инерции) пришлась на эпоху первого и второго каганатов (552–745 гг.), после чего тюрки, побежденные коалицией из уйгуров, карлуков, басмалов и войск империи Тан, исчезают как этнос⁸⁶⁴. До «фазы исторического упадка» (обскурации), как видно из данной статьи, они не доживают. Эта интерпретация была подтверждена еще один раз в статье «Этнология и историческая география» (1972). Этногенез тюркютов, а также средневековых китайцев и тибетцев, в ней отсчитывается от пассионарного толчка VI в. Его незавершенность объясняется разгромом тюрков уйгурами в середине VIII в. Этногенез последних также оказался деформирован столетие спустя в результате победы над ними кыргызов. Уйгуры бежали из степи в оазисы Туркестана, где растворились среди местного оседлого населения, оставив им только свое имя.

⁸⁶³ Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР 1970. Вып. 15: Этнография. С. 143–157. С. 145–146.

⁸⁶⁴ Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. №2. С. 43–50. С. 45–46.

Вся эта схема была пересмотрена Гумилевым в поздних работах. Изменение его взглядов произошло не одномоментно, а шло поэтапно и не без «анахронизмов», которые, если найти им объяснение, крайне важны для выявления самих этапов. Но прежде отметим еще раз, что Гумилев никогда не отрицал *этнической* преемственности между тюрками и хуннами, усматривая лишь разрывы традиции *культурной*. Не отрицал он и самостоятельности собственно тюркского этноса – от его рождения в середине V – начале VI в. до гибели к середине VIII в.

Изменение взглядов заключалось в том, что в поздних работах Гумилев перестал рассматривать тюркский этногенез как законченный и изолированный. Свою окончательную позицию он сформулировал так: «Рассеянные потомки хуннов и сяньбийцев были геноносителями, и их пассионарность сплавила отдельные популяции (субэтноты)... в новые оригинальные, не очень похожие на своих предков этноты. И даже если последние исчезли, как гунны или тюркюты, в стихии степной войны или вытеснялись на окраины вековыми засухами..., цепь превращений не прерывалась до тех пор, пока шел прогресс этногенеза и сохранялся пассионарный генофонд. Менялась и фаза этногенеза. Вот почему непрерывная линия этнокультурной динамики "хуннского" (степного) суперэтноты в отличие от всех прочих состоит из последовательности сменяющих друг друга этносов, а не названий эпох или династий»⁸⁶⁵.

Таким образом, хуннский этногенез, прерванный трагическим сочетанием политических и природных коллизий, продолжился в тюрках, а затем в сменявших их уйгурах. Согласно этой интерпретации, вся тюркская эпоха представляла собой фазу инерции «хуннского этногенеза», а время господства в монгольских степях уйгуров – фазу обскурации. «Последними хуннами» Гумилев называл тюрк-шато, создавших на развалинах империи Тан собственное царство, вскоре, однако, павшее. С этим событием Гумилев связывал завершение «хуннского этногенеза»: «Таким образом, исторический период хуннского этногенеза продолжался 1188 лет (209 г. до н.э. – 979 г. н.э.), но к

⁸⁶⁵ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 146.

этому числу надо прибавить инкубационный период – около 150 лет – и время существования, которое метафорически назовем "посмертным", ибо конец этноса не означает физической гибели его членов, а только распад системы, забвение традиции и возможность для уцелевших особей войти в состав других этносистем»⁸⁶⁶.

Теперь зададимся вопросом: имеем ли мы в этой последней интерпретации ритмов этногенеза в степи дело с противоречием поздних работ Гумилева ранним? По нашему мнению, нет. Скорее, мы должны говорить о сложном пути развития научной мысли. Логика научного творчества Л.Н. Гумилева не может быть изображена в виде прямой линии; она циклична. Об этом свидетельствует фрагмент его монографии «Этногенез и биосфера Земли».

Так, идея, высказанная еще в рукописи книги «Хунну», оказалась напечатанной много десятилетий спустя: «...азиатские понятия термина "народ" и европейское его понимание различны. В самой Азии этническое единство воспринимается по-разному, и если даже мы отбросим Левант и Индию с Индокитаем..., то все же останутся три различных понимания: китайское, иранское и кочевническое. При этом последнее варьируется особенно сильно в зависимости от эпохи. В хуннское время оно не такое, как в уйгурское или монгольское». И далее: «Чтобы считаться хунном, надо было стать членом рода, но войти в род можно было путем брака или повелением шаньюя... Наследники хуннов, тюркюты, стали инкорпорировать целые племена. На базе восприятия возникли смешанные племенные союзы, например казахи, якуты и т.п. У монголов, вообще весьма близких к тюркам и хуннам, получила преобладание орда, т.е. группа людей, объединенных дисциплиной и руководством. Тут не требовалось ни происхождения, ни языка, ни вероисповедания...»⁸⁶⁷.

Эти строки, напечатанные впервые только в 1989 г., без изменений воспроизводят уже упомянутую лагерную рукопись первой половины 1950-х гг., являясь, по сути, промежуточным этапом, повлиявшим, с одной стороны, на

⁸⁶⁶ Там же. С. 184–185.

⁸⁶⁷ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. С. 63–64. Текст соответствует лл. 23–25 главы «Перипл Ханьхая» (параграф «Способ исследования»). Об этой главе см. выше 1.2.

выводы «Древних тюрков», но еще больше на последнюю интерпретацию из «Тысячелетия вокруг Каспия». Это особенно видно из продолжения мысли автора, не включенного ни в один опубликованный текст: «Интересующая нас хуннская культура, с начала своего развития (середина III в. до н.э.) до конца, вернее перелома (II в. н.э.), граничила с двумя весьма непохожими на нее культурами – китайской и туранской... Несмотря на это, хунны устояли в неравной борьбе, сохранив основные черты своей ментальности и передав их своим потомкам – тюркам и монголам»⁸⁶⁸.

Итак, по нашему мнению, *ранняя* идея о несоизмеримости европейского и азиатского понятия «народ», а азиатских понятий еще и между собой, нашла отражение в *поздней* интерпретации линии истории степи от III в. до н.э. до X в. как условно хуннского этногенеза, представлявшего череду сменявших друг друга этносов, а не фаз жизни какого-нибудь одного. Осколки распавшегося этноса входили в состав нового, изменяя лишь название, но сохраняя общую для кочевников «ментальность». Видимо здесь нет противоречия и с положением о разрывах культурной традиции, поскольку ментальность (термин, который Гумилев употреблял в рукописях 1950-х гг., но до 1980-х гг. остерегался использовать в печатных работах) в понимании автора выражалась в характере мироощущения, т.е. в убеждении соседних народов, «что они не одно и то же», выражавшемся в формуле «мы – не они»⁸⁶⁹, а культура, хотя и связана с ментальностью, но более подвержена изменениям и внешним влияниям.

Вот и объяснение части «анахронизмов» в поздних работах Гумилева – в них нашли место важные для автора его ранние мысли, опубликовать которые в свое время он, видимо, не имел возможности. Несмотря на то, что книга «Этногенез и биосфера Земли» вышла только 1989 г., в ней отразились не только конечные представления Гумилева, но и взгляды, характерные для разных пе-

⁸⁶⁸ Там же. Л. 26.

⁸⁶⁹ Гумилев Л.Н. История Серединной в связи с историей сопредельных стран. Ч. I, гл. IV «Среди неясного и нерешенного. Скифия и Туран» (параграф «Туран и Канг»); Ч. III, гл. III «Отблески. V век», лл. 25–26 (параграф «Красное и синее»): «Ментальность – ритм психической жизни данного народа». Например, причина несовместимости китайской и хуннской культур объясняется различием их ментальностей.

риодов его научного творчества. Например, он по-прежнему писал о двух разрывах традиции: «... между хуннами и тюрками, тюрками и монголами лежали века безвременья, когда степь заселяли реликтовые этносы»⁸⁷⁰. Специальный параграф, посвященный гуннам, описывает их и их азиатских предков как уже немолодой этнос и, в общем, вне связи с тюрками⁸⁷¹. Наконец, еще в одном месте книги представление об этапах этнокультурной истории степи дается в полном соответствии с логикой, лежащей в основе «степной трилогии»: «В Великой степи за исторический период этногенез начинался трижды: в V–IV вв. до н.э. им были затронуты хунны <ссылка на «Хунну»>; в V–VI вв. н.э. – тюрки и уйгуры <<Древние тюрки»>; в XII в. – монголы <<Поиски вымышленного царства»>, а рядом, в сунгарийской тайге, – маньчжуры. Все эти обновляемые этносы были потомками аборигенов...»⁸⁷². Хотя мысль о единой основе степных этносов здесь выдержана, но она по-прежнему соседствует с представлением о трех (без учета скифов) витках этногенеза в степи.

Поскольку мы уже знаем, что Гумилев не окончил размышлять над проблемой преемственности и после депонирования книги «Этногенез и биосфера Земли» в конце 1970-х гг., то наличие «анахронизмов» в ее опубликованном лишь через 10 лет тексте и еще нескольких работах указывает на вторую их причину – хронологический разрыв между написанием Гумилевым отдельных работ и их опубликованием.

В определении того, как это изменение происходило, поможет анализ «анахронизмов», попавших в вышедшую двумя годами ранее «Этногенеза и биосферы Земли» статью о влиянии на кочевников климата и изданный посмертно очерк об искусстве кочевников на фоне их истории⁸⁷³. Обе работы содержат идентичные фрагменты о трех изолированных циклах этногенеза в сте-

⁸⁷⁰ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. С. 252.

⁸⁷¹ Там же. С. 217–219.

⁸⁷² Там же. С. 427.

⁸⁷³ Гумилев Л.Н. Люди и природа Великой степи (Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников) // Вопросы истории – 1987 – №1 – С. 64–77. *Его же*. Из истории Евразии. – М.: Искусство, 1993.

пи⁸⁷⁴, причем начало хуннского отнесено к IX в. до н.э. (в соответствии с монографией «Хунну»), а конец его падает на время существования их державы (209 г. до н.э. – 93 г. н.э.). Второй подъем кочевых этносов связывается с тюрками и уйгурами, третий – с чжурчжэнями и монголами. Все это соответствует как схеме, положенной в основу «степной трилогии», так и рассмотренным статьям по теории этногенеза и обобщившей их монографии «Этногенез и биосфера Земли» и, казалось бы, дает основание признать взгляды автора путаными и непоследовательными.

Однако материалы из архива Л.Н. Гумилева, часть которых была опубликована⁸⁷⁵, проливают свет на обстоятельства выхода (точнее, задержки выхода) в 1970–1980-е гг. целого ряда работ, в том числе интересующей нас статьи. Еще в 1978 г. она была заказана главным редактором «Вопросов истории», и, видимо, предполагалась автором в качестве итоговой в его цикле о влиянии климата на взлеты и падения кочевых империй (см. параграф 3.3). Статья была своевременно сдана, отредактирована и набрана, но задержана на стадии верстки в 1979 г.⁸⁷⁶ Лишь в конце 1987 г. после письменной жалобы автора в ЦК КПСС (на имя А.И. Лукьянова) на многочисленные отказы в публикации его работ, пролежав в редакции 9 лет, она была опубликована⁸⁷⁷. В архиве Л.Н. Гумилева сохранился также один из вариантов верстки, на первой странице которого рукой автора чернилами написано «Печатать запрещено 3.IX.1979. Л. Гумилев», ниже идет черта, под которой уже шариковой ручкой «В<опросы>И<стории>. 1987, №12 – годится»⁸⁷⁸.

Об очерке «Из истории Евразии» таких точных данных нет. Он был опубликован уже посмертно, но сдан в набор еще при жизни Л.Н. Гумилева

⁸⁷⁴ Гумилев Л.Н. Люди и природа Великой степи. С. 64-65. *Его же*. Из истории Евразии. С. 16-17.

⁸⁷⁵ Гумилев Л.Н. Справка «Механизм зажима публикаций Л.Н. Гумилева, доктора исторических наук с 1961 г., за период с 1975 по 1985 г.» // Вспоминая Л.Н. Гумилева... С. 237-245.

⁸⁷⁶ Там же. С. 238.

⁸⁷⁷ Там же. С. 255.

⁸⁷⁸ На той же странице карандашом сделано важное примечание: «22 ссылки вставлены редактором и не имеют отношения к делу. *Подпись*». На всех страницах верстки они вычеркнуты и заменены на первоначальные.

(09.03.1992)⁸⁷⁹. Самые поздние работы, упомянутые в очерке, относятся к 1989 г. По нашему мнению, ссылки на них следует считать добавленными не в момент написания очерка, а скорее при подготовке его к печати. Дело в том, что помимо ссылок на издание «Этногенеза и биосферы Земли» 1989 г. (с. 19, 32), в нем есть ссылка на депонированный в 1979 г. текст работы (с. 24), и будь очерк написан после 1989 г., такого разнобоя не должно было бы быть. Из работ других авторов самая поздняя относится к 1981 г. (с. 23), и это не может не вызывать удивления, если, конечно, не считать, что Гумилев за незаполненный ссылками период в 8 лет не прочитал ни одной новой работы. Наконец, сам автор, определяя место, выражаясь словами С.Б. Лаврова⁸⁸⁰, этой «выжимки» по истории Евразии, писал: «С 1930 г. по сие время он <автор> собирал материал и писал о деяниях хуннов, тюрков, хазар и монголов. Его труд вылился в создание "Степной трилогии"... Статьи выполняли роль камней...; книги были стенами, а настоящий очерк – кровля, венчающая *полувековую* (курсив в цитате мой. – А.С.) работу» (с. 19).

Для 1989 г. (и тем более 1992 г.) такое признание автора само по себе анахронично, поскольку тогда уже вышли его более значительные работы. Однако выделенные в цитате хронологические отметки указывают примерно на 1980 г. как на время написания очерка, и если это так, то все встает на свои места. Тогда Гумилев еще не предполагал, что ему удастся самому издать «Тысячелетие вокруг Каспия», которое полностью перекроет данный очерк.

«Из истории Евразии», таким образом, является работой, действительно завершавшей долгий период осмысления Гумилевым степной истории, в которой он еще писал в духе своих предшествующих работ про «...три больших степных этноса, разделенных обрывами культурно-исторической традиции» (с. 75). Вполне возможно, что в результате работы над очерком Гумилев и при-

⁸⁷⁹ Предисловие В.Ю. Ермолаева (с. 3-14), содержащее ретроспективу научного пути Гумилева, написано явно о живом человеке, причем последняя дата в нем – 1990 г. (с. 3), а последней вышедшей книгой автора названа «Древняя Русь и Великая степь» (с. 11). Здесь и далее ссылки на очерк даются в круглых скобках в тексте.

⁸⁸⁰ Лавров С.Б. Судьба и идеи. С. 194–195 (по первому изд.), с. 241 (2-е и последующие изд.).

шел к необходимости (условно, к середине 1980-х гг.) пересмотреть этот свой взгляд, поскольку помимо текстуальной близости со статьей 1978 г. многое его роднит с более поздними работами, в том числе с книгой «География этноса в исторический период», вышедшей без существенных задержек в 1990 г.

Эта последняя книга (в авторском названии – «Конец и вновь начало»), представляющая собой научно-популярное изложение теории этногенеза, является ключевой для понимания того, как сформировался у Гумилева его окончательный взгляд на этапы этнической истории степи и проблему преемственности в кочевой культуре. Поскольку книга создана на основе цикла лекций, читавшегося автором в 1970–1980-е гг. во множестве аудиторий страны, то наличие в ней некоторого числа повторов (например, дважды, хотя в разных аспектах, повествуется о крестовых походах) не должно вызывать удивления.

Самое для нас важное, что в книге до конца не нивелированы разные этапы осмысления автором проблемы преемственности между хуннами и тюрками. Первым в ней посвящен один параграф («Хуннский вариант»), вторым – два («Забывтое прошлое» и «В сердце Азии»), и еще в одном («Ганский (табгачский) вариант») факты истории тюрков даны как иллюстрация отношений средневековых китайцев с соседями. Во всех этих параграфах нет концептуального противоречия и последовательно проводится идея о степном (хуннском) суперэтносе, стадиями которого были эпохи существования отдельных этносов: хуннов и сяньби (подъем и акматическая фазы), хуннов в Северном Китае и жужаней (надлом), тюрков и уйгуров (инерционная фаза и обскурация), половцев (гомеостаз).

Тем не менее, содержание параграфов несколько избыточно по отношению друг к другу. Так, например, трижды сходным образом описывается природа степей⁸⁸¹, трижды, пусть и в разных аспектах, дается канва политической истории древних тюрков⁸⁸², дважды дано объяснение причин распада великого

⁸⁸¹ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. С. 71, 169, 190–191.

⁸⁸² Там же. С. 76, 78, 80; 170–171; 191–193.

каганата на западный и восточный⁸⁸³, дважды приводится даже одна и та же цитата из китайского источника, что силами покоренных племен теле «тюрки геройствовали в пустынях севера»⁸⁸⁴.

Интереснее всего выяснить соотношение двух посвященных специально тюркам параграфов. Второй («В сердце Азии») описывает тюркскую эпоху (546–747 гг.) как «инерционную фазу в Великой степи», но при этом самих тюрков – как заверченный этногенез. Текстуально он очень близок параграфу «Инерционная фаза. "Тюркский Вечный эль"» очерка «Из истории Евразии» (с. 53-57). Первый же («Забывтое прошлое»), хотя и расположен всего двадцатью страницами ранее, рассматривает политическую и этническую историю тюрков как этап этногенеза хуннского суперэтноса, являясь тем самым предшественником соответствующих параграфов в «Тысячелетии вокруг Каспия». В нем впервые устанавливается непосредственная связь между хуннами и тюрками, тюрками и последующими носителями их этнонима – тюркоязычными народами средневековья, которых, несмотря на внешнее несходство, «не покинуло ощущение единства»; т.е. этническая история хуннского суперэтноса доводится до логического конца. Гумилев по-новому интерпретирует содержание генеалогических легенд тюрков. Он связал образ израненного хуннского царевича, брошенного в болото и спасенного волчицей (от их союза и произошли тюрки), с остатками гуннов, в результате поражений после смерти Аттилы бежавших обратно на Алтай. Туда же бежали, но уже их северо-западного Китая, в 439 г. последние хунны и сяньби под предводительством Ашина. Таким образом, обе ветви хуннского народа должны были участвовать в этногенезе тюрков (тюркютов), а глухая память о предках сохранилась в легендах⁸⁸⁵.

⁸⁸³ Там же. С. 76, 193. Причем в первом случае внимание обращается на различие в культуре и быте кочевников западной и восточной части степи, во втором – на природные различия и их влияние на формы социальной организации кочевников в обеих половинах степи.

⁸⁸⁴ Там же. С. 170, 191-192.

⁸⁸⁵ Это, однако, не совершенно новая интерпретация, а развитие идей, высказанных еще в «Древних тюрках»: «Первая легенда любопытна тем, что она знает об "отрасли дома Хунну от Западного края на запад", т.е. о державе Аттилы. <...> Итак, согласно этой легенде, алтайские тюрки-тукю (тюркют) происходят от западных гуннов, но не прямо, а мистически, через посредство волчицы...» (с. 23). В другом месте книги Гумилев предположил, что это могли быть хунны, задержавшиеся на Алтае по пути на запад: «Весьма возможно, что тут

Фактически оба параграфа представляют самостоятельные и, вероятно, одновременные очерки на одну и ту же тему, а не последовательное изложение одной. Соединить их в непротиворечивую версию автору удалось в последней своей обобщающей монографии «Тысячелетие вокруг Каспия», из которой мы уже цитировали общее выражение новой концепции. Эта работа является попыткой автора заново свести многие свои идеи и предположения с целью дать на новом уровне осмысления (с учетом теории этногенеза) краткую историю степи до начала монгольской эпохи⁸⁸⁶.

Не должно, в таком случае, показаться странным, что местами в этой своей книге Гумилев полемизирует не с другими авторами, а со своими прежними взглядами. Предполагая ранее уничтожение большей части хуннов на Западе и Востоке около II пол. V в.⁸⁸⁷, теперь он поправляет себя самого: «...гуннов никто не уничтожал. Был не геноцид, а рассеяние (дисперсия) с последующим преобразованием поведенческих стереотипов. Иными словами, потомки разбитых гуннов вошли в состав болгар и антов (славян), поволжских угров, что породило этнос чувашей, и прикавказских аланов... Таким образом, потомки гуннов уцелели в достаточном числе, но этническая система распалась, так как оборвались связи и традиции. Это и есть конец этноса»⁸⁸⁸. Однако было бы несправедливым не сказать, что Гумилев и ранее писал не о полном истреблении хуннов, замечая, что часть их «нашла для себя возможности существования в рамках других этнических целостностей»⁸⁸⁹. Так что поправка касалась не фактологической, а этнологической интерпретации истории хуннов.

В новой интерпретации исчезновение хуннского этноса для степного суперэтноса, в целом, не означало завершения этногенеза. Поэтому, возвращаясь к анализу древнетюркских генеалогических легенд, Гумилев констатирует,

мы имеем отражение древнего события – ухода северных хуннов после поражения 93 г. через Тарбагатайские проходы и оседания части их в пределах Алтая...» (с. 81). Как видно, в итоге, он остановился на первой версии.

⁸⁸⁶ Факсимиле авторской аннотации: Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: АСТ, 2002. С. 6.

⁸⁸⁷ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 199-202.

⁸⁸⁸ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 141-142.

⁸⁸⁹ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 202. В этой фразе мы видим прообраз нового взгляда.

что западные и восточные хунны могли знать друг о друге, а тюрки все-таки не забыли о своих предках. Более того, он попытался, пожалуй, впервые в историографии, объяснить причину далеких западных походов тюркютов, сравнимых по масштабу с монгольскими завоеваниями: «...при полной политической раздробленности идейное единство хуннов и гуннов сохранялось, этническая традиция... была не нарушена и, наконец, западный поход Истеми-хана в 555 г. был идейно связан с хуннскими миграциями II в., т.е. 400 лет между этими двумя походами были не провалом в этнической памяти, а поводом для преодоления исторической несправедливости...»⁸⁹⁰. Вывод из этого следующий: «Тюркский период был продолжением хуннского, хотя социальные формы изменились...» (там же). Вот и ответ на вопрос, поставленный выше, в начале раздела. Преемственность между хуннами и тюрками заключалась, по мысли Гумилева, не в традиции материальной, а в традиции, условно, духовной культуры, – они существовали в рамках единого витка этногенеза в степи.

В книге «Древняя Русь и Великая степь», представляющей прямое продолжение замысла «Тысячелетия вокруг Каспия», Гумилев так резюмировал свою позицию о трех различных эпохах в степи: «Переломные эпохи не выдумка. В Великой степи их было три... Первой эпохой, самой древней и потому расплывчатой, надо считать XI–X вв. до н.э. Тогда появились скифы и возник Древний Китай. Вторая эпоха – III в. до н.э. Эту мощную вспышку этногенеза можно проследить до излета, т.е. до полной потери инерции... Третья вспышка – монгольский взлет XII в. Инерция его еще не иссякла. Монголы живут и творят, свидетельство чему – их искусство»⁸⁹¹. По поводу преемственности между монголами и их предшественниками Гумилев заключает: «Монголы не были продолжением хуннов и тюрков ни в генетическом, ни в этнокультурном аспекте. Общее у них было только в этноландшафтном аспекте – лесостепь и степь, что определяло особенности их хозяйства. Но этнический взлет их был связан с новым пассионарным толчком»⁸⁹². Кроме того, он приво-

⁸⁹⁰ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 145.

⁸⁹¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 516.

⁸⁹² Там же. С. 386.

дит интересное наблюдение о культурной памяти монголов: «Поэтому-то монголы, встретившиеся только с одним этносом древней культуры – енисейскими кыргызами, приписали им все сарматские, скифские и хуннские каменные курганы (корумы), назвав их "киргизскими могилами" (кыргыз ур). Но реального смысла это название не несло, являясь синонимом понятия "древние". Кое-что из элементов старинной культуры попало к монголам через полузабытые предания или заимствования...»⁸⁹³.

Итак, конечная интерпретация предполагала лишь *один разрыв* культурной традиции в степи – между хунно-тюркским суперэтносом и монголами: после гибели Уйгурского каганата степь обезлюдела (вероятно, вследствие засухи X в.), и тогда «история этой замечательной культуры оказалась забытой»⁸⁹⁴. До этого прослеживается определенная преемственность культурной традиции между скифским и хунно-тюркским суперэтносом через сохранившиеся памятники искусства («звериный стиль», каменные человеческие изваяния). Вообще, степь знала три отдельных витка этногенеза, тогда как линии культурной традиции были более протяженными, а жизнь политических образований, напротив, была более короткой. Таким образом, налицо различие ритмов этногенеза и культуригенеза, на которые нередко оказывал влияние природный фактор.

Что касается оценок, то понятно, что исследователи не всегда замечали эволюцию взглядов Л.Н. Гумилева на преемственность в степи, но и нельзя сказать, что эта тема в наследии была полностью проигнорирована.

Единственный автор, обративший внимание на тему этнокультурной преемственности в степи в наследии Л.Н. Гумилева, В.В. Трепавлов, коснулся нескольких ее аспектов. Так, одним только хуннским наследием, по его мнению, «не объяснить распространение гегемонии [тюркского] каганата до

⁸⁹³ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. С. 171. Любопытно отметить, что Тянь-шаньские киргизы (о связи их с енисейскими кыргызами существуют самые разные точки зрения), напротив, называли древнетюркские каменные изваяния «калмыцкими камнями» («калмак таш»). См.: Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. С. 70.

⁸⁹⁴ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. С. 171.

Причерноморья, т.е. далеко за пределы бывшей территории хуннов»⁸⁹⁵. Видимо, В.В. Трепавлов не учел предположение, сделанное Гумилевым в «Тысячелетии вокруг Каспия», о связи между тюрками не только с хунну, но и европейскими гуннами. При этом В.В. Трепавлов обосновывал преемственность между тюрками и монголами, как в политической организации, так и в сфере культуры, например, в чрезвычайно важной для кочевников семантике цветов. Подобно Гумилеву, он полагает, что эта преемственность явилась результатом не прямого взаимодействия с тюрками, исчезнувшими задолго до выхода монголов на историческую арену, а была следствием контактов с близкими тюркам по культуре уйгурами и кыргызами⁸⁹⁶.

Интересно, что в другой работе В.В. Трепавлов высказал противоположное суждение: «Время от времени встречаются утверждения об отсутствии (полном или частичном) преемственности в развитии кочевых государств. По мнению Л.Н. Гумилева, "тюрки, потомки хуннов, ничего не знали о своих предках, так же как монголы Чингис-хана ничего не знали о тюрках. <...>". Следовательно, игнорируются в качестве носителей традиции и сяньби, и жу-жани, и все народы, господствовавшие в степи на протяжении IX–XII вв.»⁸⁹⁷. На самом же деле, Гумилев, основываясь на своей, совместной с В.Н. Абросовым, концепции колебаний климата, не игнорировал, а отрицал факт господства кого-либо в степи в III–IV и X–XI вв.

Археолог П.П. Азбелев в дискуссии с автором настоящей диссертации⁸⁹⁸ высказался скептически о поздних работах Гумилева, включая «Тысячелетие вокруг Каспия», мотивируя скепсис тем, что Гумилев с конца 1970-х гг. перестал следить за специальной литературой по хуннам и тюркам, и потому чего-то нового сказать уже не мог. Отчасти это справедливое замечание, но лишь в том смысле, что Гумилев переключился на иные периоды и темы в собственно исторических изысканиях – историю монголов и Руси и их контактов. И все

⁸⁹⁵ Трепавлов В.В. Государственный строй... С. 122 (примечание 49).

⁸⁹⁶ Там же. С. 46-47, 122 (примечание 50).

⁸⁹⁷ Трепавлов В.В. Традиции государственности в кочевых империях // *Mongolica: К 750-летию сокровенного сказания*. – М.: Восточная литература, 1993. С. 182.

⁸⁹⁸ URL : <http://centaurito.livejournal.com/129348.html#t1841476> (дата обращения: 18.08.2013).

же, если судить не только по ссылкам в поздних работах, но и по личной библиотеке Гумилева, востоковедные и археологические работы 1970–1980-х и даже начала 1990-х гг. там имелись.

Самое важное заключается в том, что П.П. Азбелев выдвинул типологически и в определенной мере содержательно схожую концепцию культурной преемственности между тюрками и хуннами. С одной стороны, он следует Д.Г. Савинову в том, что культура древних тюрков сложилась на базе «местных "скифского" и "хуннского" этнокультурных субстратов»⁸⁹⁹. С другой, анализируя генеалогические легенды и внешние связи тюрков, устанавливаемые по археологическому материалу, он пришел к мнению об участии в тюркютском этногенезе неких групп западных кочевников. Более того: «Эти контингенты были активным экстрактом своих родных социумов... и они резко отличались по, условно и образно говоря, "пассионарности" от аборигенного населения <Восточного Туркестана и Алтая>...»⁹⁰⁰.

Не оставил П.П. Азбелев без внимания и вопрос о причинах западной экспансии тюркютов: «...стремление тюрков на запад в известной степени было для них... не только экспансией..., но и возвращением к своим древним корням, своего рода "реконкистой" мифологической и частично реальной прародины»⁹⁰¹. Нам неизвестно, пришел ли П.П. Азбелев к своему выводу совершенно самостоятельно или какая-то дальняя ассоциация с «Тысячелетием вокруг Каспия» все же была, но своими исследованиями он невольно подтвердил выводы именно *позднего* Гумилева.

Проблему преемственности политической организации в степи в нескольких работах последних лет рассматривал С.Г. Кляшторный. В одной из них он процитировал тот же фрагмент «Древних тюрков», что и В.В. Трепавлов, после чего заключил: «И если бы был прав Л.Н. Гумилев..., то казалось бы очень странным развитие и усиление в каганатах тех же форм власти государства,

⁸⁹⁹ Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. – СПб., 2010. С. 31.

⁹⁰⁰ Там же. С. 32.

⁹⁰¹ Там же. С. 42.

что и в гуннской державе»⁹⁰². Таким образом, С.Г. Кляшторный также не обратил внимания на скорректированную Гумилевым в поздних работах позицию. Но еще интереснее, что здесь мы сталкиваемся с эволюцией взглядов самого С.Г. Кляшторного на проблему преемственности в степи. В ранних работах он выводил номенклатуру тюркских чинов из иранских языков⁹⁰³ и настаивал на тесных тюрко-согдийских связях. Но и Гумилев в одной из ранних статей утверждал то же самое: «Что же касается титулов..., то они скорее заимствованы тюрками у эфталитов, чем наоборот, так как с тюркского языка они не читаются. Возможно, что эфталиты в свою очередь заимствовали титулатуру у кушан»⁹⁰⁴. Напомним, что предков кушан – юэчжей – Гумилев считал по происхождению согдами. Более того, еще в ряде работ С.Г. Кляшторный утверждал, как и Гумилев в «Древних тюрках», что «не гунны, а наследовавшие им и генетические связанные с ними тюркские племена оказали решающее влияние на формирование специфических для Центральной Азии хозяйственных типов, политических общностей и культурных традиций»⁹⁰⁵. Сходство *концептуальных* взглядов обоих авторов налицо.

О преемственности между монголами и всеми предшествующими кочевыми этносами было высказано и полностью противоположное Гумилеву суждение. Его старший коллега и неизменный оппонент И.Я. Златкин полагал: «...несомненно, что монгольский этнос начал свое историческое развитие не на голом месте, что он был наследником и продолжателем культурно-исторических достижений своих предшественников, что его собственная история представляет собой лишь этап – вероятно, последний, завершающий – в еди-

⁹⁰² Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. – М., 2011. С. 111-112.

⁹⁰³ Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина) // Новое в советской археологии. – М.: Наука, 1965. С. 280. *Его же*. История Центральной Азии и памятники рунического письма. С. 157-159.

⁹⁰⁴ Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в VI в. // Вестник древней истории – 1959 – №1 – С. 129-140. С. 132.

⁹⁰⁵ Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб.: Наука, 2006. С. 72-73. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 10.

ном объективно-историческом процессе перехода разноязычного кочевого скотоводческого населения Монголии от первобытнообщинного строя к победе феодализма, от догосударственных политических образований к классовому феодальному государству, созданному Чингис-ханом»⁹⁰⁶. В другом месте эта мысль была продолжена: «Параллельно процессу феодализации развивался также сложный процесс этногенеза, в ходе которого старые родовые и племенные группы сливались, образуя новые, более обширные этнические общности... Монгольские степи явились очагом, где зародились и получили свое развитие многие современные нам тюркоязычные и монголоязычные народы и нации Азии...»⁹⁰⁷.

Археолог В.А. Коренько «при всем уважении к Л.Н. Гумилеву» не согласился с его мнением о преемственности хуннского звериного стиля от скифского: «Вся совокупность анималистических изображений хуннской эпохи... говорит о том, что искусство скифо-сибирского звериного стиля для хунну не было ни импортом, ни следствием влияния, ни результатом чужеземного "обаяния" (аллюзия к приводимой автором цитате Гумилева – А.С.). Наряду с другими кочевыми этносами хунну создали свой вариант звериного стиля»⁹⁰⁸. Фактически В.А. Коренько выразил этим свою приверженность полицентрической гипотезе происхождения звериного стиля. Однако среди специалистов по искусству кочевников более распространен взгляд, согласно которому, несмотря на различные варианты, звериный стиль возник в одном месте⁹⁰⁹. Значит, хунны все-таки могли и позаимствовать его сюжеты у своих ираноязычных со-

⁹⁰⁶ Златкин И.Я. Борис Яковлевич Владимирцов – историк // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. – М.: Восточная литература, 2002. С. 13-48. С. 35. Статья написана в 1960-е гг.

⁹⁰⁷ История стран Азии и Африки в средние века. – М.: Изд-во Московского университета, 1968. С. 163-164.

⁹⁰⁸ Коренько В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. – М.: Вост. литература, 2002. С. 149.

⁹⁰⁹ О гипотезах см.: Черников С.С. Загадка золотого кургана. С. 110–140. Переводчикова В.Е. Язык звериных образов. – М.: Восточная литература, 1994. С. 111–113. Сошлемся также на личное сообщение Е.Е. Кузьминой (от 27.10.2010), отстаивавшей моноцентрическую концепцию возникновения степного искусства.

седей, что совсем не исключает их творческой переработки (см. приложение 2).

На анализ генеалогических легенд древних тюрков в работах Гумилева обратил внимание сибирский кочевниковед С.П. Нестеров. Ссылаясь на монографию «Хунны в Китае», он пишет о переселении 500 семейств Ашина на Алтай, но почему-то считает, что еще до их прихода там сформировалось объединение «Тюрк»⁹¹⁰. Затем, снова в соответствии со взглядами Гумилева, он отмечает, что к середине VI в. род Ашина возглавил тюрков, и они «вышли на широкую историческую арену». Эта цепь рассуждений завершается выводом, который представляется нам нелогичным: «Мнение Л.Н. Гумилева о том, что генеалогические легенды тюрков являются обоснованием права рода Ашина на исключительное положение с вышеприведенных позиций (т.е. также гумилевских. – А.С.) не выдерживает критики»⁹¹¹. Но какой критики?

С.П. Нестеров считает, что первая легенда «откровенно говорит о приходе Асянь-шада на Алтай, чужеродности рода Ашина для алтайских племен» (с. 100). Однако в ней утверждается как раз обратное: волчица после убийства спасенного ею хуннского мальчика бежала в «горы, лежащие от Гаочана на северо-запад»⁹¹², где и родила Ашину. Лишь по прошествии нескольких поколений из пещеры вышел «некто Асянь-ше... и признал себя вассалом жужаньского хана». Значит, сам Асянь-шад и еще несколько поколений до него, начиная с Ашины, должны были (по легенде) уже жить на Алтае. Вторая легенда,

⁹¹⁰ Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. С. 99–100 (текст), 136–137 (примечания 44 и 49). Автор ошибочно ставит тире между страницами «Хуннов в Китае»: «с. 180–235», тогда как надо: «с. 180, 235». На первой из указанных страниц Гумилев ссылается на свою монографию «Древние тюрки», с которой Нестеров полемизирует. Предположение о формировании объединения «тюрк» на Алтае ранее появления там носителей названия «ашина» поддержано В.В. Тишиным. См.: Тишин В.В. К проблеме ранних тюрко-иранских и тюрко-монгольских связей // Восток. 2012. №2. С. 23–33. С. 29.

⁹¹¹ Нестеров С.П. Ук. соч. С. 100. Автор воспроизводит без кавычек следующий фрагмент «Древних тюрков» (с. 23): «Для обеих несколько разнящихся легенд характерно то, что в них нет никакого намека на историческое событие – переход орды Ашина из Ганьсу. Поэтому, надо думать, легенды возникли на Алтае и, может быть, были созданы специально для того, чтобы обосновать права пришельцев на исключительное положение».

⁹¹² Легенды (с. 98) передаются в изложении Н.Я. Бичурина (Собрание сведений... С. 220–222).

по мнению С.П. Нестерова, вышла из среды местной алтайской знати и была призвана показать ее роль в формировании тюрков (с. 100). Для этого в нее были специально введены сюжеты из преданий рода Ашина, чтобы объяснить причину главенства последнего среди местных племен (по легенде Ашина одержал победу над своими братьями, став тем самым главным в роду).

Из приведенного следует, что если относительно первой легенды С.П. Нестеров просто ошибается, то в анализе второй он придерживается аналогичному Гумилеву мнения вопреки утверждению, что его анализ генеалогических легенд «не выдерживает критики». Причем между монографиями Гумилева – «Хунны в Китае», на которую С.П. Нестеров опирается, и «Древние тюрки», которую он критикует, – никаких противоречий нет.

Завершим обзор мнений словами Н.В. Кочешкова, свидетельствующими как о понимании важности проблемы культурной преемственности, так и, несмотря на краткость упоминания, о признании вклада в ее изучение Л.Н. Гумилева, имя которого поставлено вторым в ряду авторитетных этнографов: «Взаимосвязь и взаимодействие этноса и культуры – одна из интереснейших проблем исторической этнографии, исследующей в числе других аспектов культуру и искусство в различных обществах. Эта проблема уже поднималась и частично рассматривалась применительно к тюрко-монгольским кочевникам в работах Л.П. Потапова, Л.Н. Гумилева, К.В. Вяткиной, Л.Л. Викторовой, Н.Л. Жуковской, С.И. Вайнштейна и др.»⁹¹³. Немаловажно и то, что автор сослался именно на очерк «Из истории Евразии» как на работу Гумилева по данной проблеме. Значит, запоздалое опубликование очерка все-таки имело смысл, и он был замечен.

Реконструированная эволюция представлений Л.Н. Гумилева является гипотетической, хотя и основывается во многом на документальных свидетельствах. Не исключено, что какие-либо не учтенные нами документы заставят

⁹¹³ Кочешков Н.В. Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры: проблемы историко-культурных связей на материале народного декоративного искусства XIX-XX вв. – СПб.: Наука, 1997. С. 106, 164 (примечание 2).

внести поправки в предложенную здесь схему. Однако в свете имеющихся фактов можно считать доказанным, что непоследовательности или путанности взглядов Гумилева не было: просто их эволюция оказалась намного сложнее, но и интереснее. Это показал анализ «анахронизмов» в его поздних работах. Нами уже была отмечена их двоякая природа: это, во-первых, фрагменты рукописей, включить которые в печатные тексты ранее не было возможности; во-вторых, это встречающиеся в ряде поздних работ фрагменты, отражающие уже оставленный автором ко времени их выхода взгляд. И если первый пример «анахронизмов» объясним и никак не обнаруживается без знакомства с рукописями Гумилева, то второй – очевиден даже при простом сравнении синхронных текстов поздних работ. Однако обстоятельства выхода работ Гумилева после 1970 г. таковы, что снимают с него возможные упреки в неспособности согласовать собственные взгляды или нежелании уведомить читателя об изменении. Случилось так, что пересмотр взглядов пришелся на то время, когда Гумилева перестали печатать, а когда работы снова начали издавать, они вышли единым потоком, хотя в одних уже содержался новый взгляд, а в других обосновывался «прежний» (на момент написания он таковым, конечно, не был). По всей видимости, автор просто не успевал согласовывать в выходящих одна за другой работах все детали, если учесть что только монографий за 1989–1991 гг. вышло четыре и готовилась еще пятая («От Руси до России»). В редких случаях, когда работы Гумилева появлялись в нормальной последовательности, он оговаривал в них изменение того или иного своего взгляда⁹¹⁴ или объяснял причины, побудившие его заново рассмотреть целую тему⁹¹⁵, или же, как в случае с публикацией словаря терминов теории этногенеза, объяснял, почему этого не произошло раньше⁹¹⁶.

⁹¹⁴ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 107 (примечание 19).

⁹¹⁵ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 390.

⁹¹⁶ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 297.

3.2. Религиозный фактор в истории и культуре народов Евразии

Представленная по работам Л.Н. Гумилева проблема культурной преемственности в истории евразийских степей может показаться игрой в слова, поскольку не был дан четкий ответ на вопрос: по каким конкретно чертам культуры она определяется? К числу таковых Гумилев в разных случаях относил искусство, институты власти, историческую память (определяемую по сохранившимся легендам), но всего этого было явно недостаточно, иначе бы он постоянно не возвращался к данной проблеме.

Логично было бы предположить, что культурные разрывы связаны со сменой этносов. И мы показали, что оформление конечного взгляда Гумилева на преемственность в степи связано с попыткой описать ее историю на основе теории этногенеза. Однако Гумилев понимал и прямо утверждал, что ритмы этногенеза и культурогенеза не совпадают. Хотя зарождение оригинальной культуры и связано с возникновением нового этноса, но дальше культура живет уже своим ритмом и нередко переживает породивший ее этнос.

Именно в случаях смены этносов на одной и той же территории встает в полный рост проблема преемственности. Например, тюрки и уйгуры имели общую культуру, и с возникновением на месте второго тюркского каганата Уйгурского каганата никаких существенных изменений не произошло⁹¹⁷. Однако с падением последнего в степи возник явный вакуум, с чем Гумилев и связывал гибель традиции хуннского суперэтноса. Эта мысль, повторенная Гумилевым во многих работах, в одной из них получила интересное развитие: «Опустевшие после ухода уйгуров на юг степи постепенно заселились монголо-

⁹¹⁷ Ср.: «Единство общественного устройства, этнокультурное родство и сходство политической организации всех трех государств (Тюркского, Уйгурского, Кыргызского – А.С.) позволяет рассматривать время их существования... как относительно цельный историко-культурный период». Кляшторный С.Г. Социальная стратификация и ее связь с имущественным статусом в древнетюркских племенных сообществах Центральной Азии // Восточная Европа в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто и чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. – М., 2013. С. 127-128.

язычными племенами. Культурная традиция на время оборвалась, но как только восстановился кое-какой порядок, несторианство буквально затопило Центральную Азию»⁹¹⁸.

Таким образом Гумилев ввел в изучение проблемы культурной преемственности недостающий фактор – религиозный. Его значение определялось так: «Что нам даст изучение религиозных движений вместо разбора социально-экономических отношений...? Даст много, ибо идеологические системы не что иное, как индикатор глубинных процессов – экономических, социальных и этногенетических. Фантастические мифологемы – пена на воде, но по пене мы определяем глубину реки и скорость течения. Конечно, это окольный путь. А что делать, если прямой непроходим из-за отсутствия сведений?»⁹¹⁹ Но как, изучая вероисповедания, добыть исторические сведения? Подобное понимание религии требовало особого подхода, и он был Гумилевым сформулирован: «При рассмотрении религии в историческом аспекте важны не психологические основы религиозности, а символ веры..., т.е. принцип историко-культурной классификации»⁹²⁰.

Значит, историку важны не обрядовые детали, а выяснение направленности культа. Из этого вытекает цель введения фактора религии в изучение истории культуры кочевников: «...установить существовавшие культурные связи и дать объяснение доселе непонятым историческим явлениям»⁹²¹. Так, если для понимания ритма кочевой культуры изнутри необходимо было уяснить характер преемственности между эпохами степной истории, то уже для понимания места кочевой культуры среди других культур Евразии понадобилось установить характер связей тюрков и монголов с близкими и дальними соседями. Никакие из перечисленных выше черт культуры не были бы столь надежны, как религиозные представления, схожесть которых у разных народов позволила

⁹¹⁸ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 48.

⁹¹⁹ Там же. С. 51.

⁹²⁰ Там же. С. 281.

⁹²¹ Там же.

бы говорить о близости духовной, о действительном культурном взаимодействии.

Определяя роль религии в историческом процессе, Гумилев писал: «Говоря о роли церкви в этнической истории, необходимо отметить три ее ипостаси: религиозную, социальную и ментальную. 1) В аспекте религии церковь – хранительница догматов, место теологических прений и носительница традиции. <...> 2) В социальном аспекте место мечтателей занимают прелаты и ересиархи. <...> Социальная ипостась обеспечивала устойчивость религиозного сознания, сохраняя Учение в книгах и картинах или, точнее, в библиотеках и музеях, без которых культура была бы недолговечна. 3) В эмоциональном аспекте каждая религия – форма определенного мироощущения. Ведь кроме ума и тела есть чувство, то самое, которое создает положительную или отрицательную комплиментарность»⁹²².

Введением принципа «комплиментарности», т.е. «безотчетной симпатии» (равно и антипатии) между представителями соседних этносов Гумилев поставил на новый уровень цивилизационные классификации, создававшиеся и до (Шпенглер и Тойнби) и после (Хантингтон) него⁹²³. Зачастую религиозный фактор в них брался в качестве константы, тогда как понятие «этнос» вовсе отсутствовало. Гумилев же, рассматривая религию как переменную величину, объединил ее с этническим фактором на основе принципа комплиментарности: «Тюрко-монголы дружили с православным миром: Византией и ее спутниками – славянами. Ссорились с китайскими националистами и по мере сил помогали империи Тан... С мусульманами тюрки уживались, хотя это и вело к образованию химерных султанатов... Зато агрессию католической романо-германской Европы тюрки остановили...»⁹²⁴

⁹²² Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 552. Номера пунктов добавлены нами.

⁹²³ Р.Дж. Коллингвуд, на глазах которого появились работы Шпенглера и Тойнби, отнесся к ним скептически, а используемые в них классификации считал ненужной калькой с естественных наук. См. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. С. 251-253. По его мнению, для историка достаточно установить и объяснить единичный факт (с. 212).

⁹²⁴ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 383.

Причем для культурного взаимодействия, по мысли Гумилева, не имело решающего значения отношение друг/враг в смысле политическом. Показателен пример крестоносцев. Представлявшие западную христианскую цивилизацию, они на протяжении двухсот лет находились в состоянии войны с мусульманской цивилизацией, и в то же время «жадно впитывали ее культуру, хотя, казалось бы, именно они должны были быть злейшими врагами мусульман. <...> Запад проиграл войну в Палестине, но обогатил свою духовную культуру, расширил свои горизонты, вышел из войны с прибылью»⁹²⁵. Сказанное отрицает теорию столкновения цивилизаций, разделенных по религиям (С. Хантингтон), поскольку политические конфликты, действительно происходящие между разными суперэтнсами, не исключают их культурных контактов (например, в форме заимствований). Значит, комплиментарность «не зависит от государственной целесообразности, экономической конъюнктуры или от характера идеологической системы»⁹²⁶.

Наглядно применение историко-культурной (суперэтнической) классификации было продемонстрировано Гумилевым в картах к книге «Поиски вымышленного царства» (особенно III «Распространение религий в середине XII в.» и IV «Распад монгольского улуса»)*. Утверждая это, мы ничего не додумываем за автора, который совершенно ясно видел свою цель: «Главная задача предлагаемой схемы в том, чтобы уяснить характер и последовательность этнической трансформации, происшедшей в Средней Азии с VIII по XIV в., и установить роль конфессионального принципа в этнической интеграции на фоне истории Азии»⁹²⁷.

Содержание карт проясняет идею Гумилева о том, что суперэтнсы не существуют изолированно и постоянно контактируют между собой. В результате, нередко в течение нескольких лет радикально менялся не только политический, но и культурный ландшафт Евразии. В тексте книги квинтэссенция

⁹²⁵ Там же. С. 358.

⁹²⁶ Там же. С. 382.

⁹²⁷ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 349-362 (фраза разорвана синхронической таблицей).

многоаспектного представления Гумилева об этнокультурной динамике выражена в следующем отрывке: «Часто такие общины (религиозные в степи – А.С.) совпадали с определенными территориально-политическими образованиями. Например, буддистов тянуло в Тангут или в Кидань, а христиан – к уйгурам или шато. С течением времени инкорпорация изменила состав этнической группы до неузнаваемости. Потому-то, когда мы сравниваем этнографическую карту Азии IX в. с картой XIII в., то первое, что бросается в глаза, – это их несходство. Конечно, за истекшие 300 лет имели место и переселения племен, но это касалось только северных окраин Великой степи, а этническая трансформация ее массива произошла за счет исторической судьбы...»⁹²⁸.

* На эти составленные Гумилевым карты удивительно похожи по тематике и исполнению карты из последнего прижизненного издания знаменитой работы Тойнби⁹²⁹. На картах Тойнби показано распространение религий в Евразии и Северной Африке в те же периоды, что и у Гумилева. Совпадают и некоторые детали: империя чжурчжэней названа «Kin» (именно на таком произношении настаивал Гумилев), хотя принятые англоязычные транслитерации – «Jin» и «Chin»; на карте Монгольской империи Белая орда помещена в Восточном Казахстане и Сибири (как и Гумилева на карте IV), хотя имеются и другие варианты ее расположения. В указателе (р. 563) значится, что карты составлены Ханни Бэйли (Hanni Bailey) и основаны на содержании книги. Вполне возможно, что сходжение с Гумилевым тут случайное. Тогда необходимо было бы признать, что Гумилев не только идейно и методологически соответствовал современному ему уровню западной науки, но и не отставал в плане составления и оформления книг. Не случайно «Поиски вымышленного царства» по достоинству были оценены именно в англо-американской научной среде. Кроме того, нельзя совсем исключать, что составленные Гумилевым карты могли оказать влияние на карты из книги Тойнби, вышедшей все-таки двумя годами позже. Ведь если бы оригинальное издание книги не имело резонанса среди западных ученых, вряд ли бы появился ее перевод на английский. Выше уже говорилось, что Л.А. Мосионжник⁹³⁰ усмотрел в картах из книг Гумилева лишь набор неточностей и ошибок, часть которых, если не усматривать в этом априорного непрофессионализма автора (а Мосионжник именно это пытается доказать), происходит от некачественного набора, а другая представляет чистую спекуляцию – критик как бы не замечает схематичности карт и «искренне» удивляется неточности показанных границ. Мосионжник (с. 341) укоряет Гумилева даже в том, что он не исправил «ошибки» в вышедшем уже после его смерти пиратском издании книги, имеющем также произвольно измененное заглавие⁹³¹.

⁹²⁸ Там же. С. 52.

⁹²⁹ Toynbee A. A study of history. A new edition revised and abridged by the author and Jane Caplan. – London: Oxford University Press and Thames and Hudson Ltd., 1972. P. 518-519 (The distribution of the Judaic religions (в понимании Тойнби – христианство и ислам) circa AD 1200); 520-521 (Successor-states of the T'ang and Abbasid Empires, AD 1175); 522-523 (The Mongol Empire circa AD 1310). Карта «The T'ang Empire, the Abbasid Caliphate, the East Roman and the Carolingian Empires» (р. 512-513) очень напоминает карту «Срединная Азия в середине IX в.» из «Древних тюрок» (с. 370). Карты представлены в Приложении 4.

⁹³⁰ Мосионжник Л.А. Исторический миф Л.Н. Гумилёва: технология создания. С. 334–338.

Теперь мы можем ответить на поставленный выше вопрос: были ли у Гумилева критерии для определения культурной преемственности в степи и не являлось ли это простым гаданием? Как видно по приведенным цитатам перед нами стройная система взглядов и методологических установок, позволившая, во-первых, реконструировать религиозные представления кочевников во все периоды степной истории (от хуннов до монголов); во-вторых, связать распространение религий и различных культов в степи с явлением более высокого порядка – контактами между степным и окружавшими его суперэтнсами; в-третьих, установить, что именно религиозный фактор в определенные периоды являлся решающим для культурной и этнической трансформации населения степи. Это, конечно, не означает, что Гумилев разрешил все проблемы и загадки в сфере изучения духовной культуры кочевников, и что все его выводы безусловно верны. Наша цель состоит в другом: не доказывать правоту/ошибочность реконструкций Гумилева, а показать, что все они основаны на ясно сформулированной им методике *исторического изучения религии*. Как будет показано ниже, именно непонимание методологической стороны не позволило многим исследователям адекватно оценить взгляды Гумилева на природу верований кочевников и влияние, которое на них оказали мировые религии. Но прежде чем разбирать оценки, необходимо кратко изложить выводы, к которым пришел Гумилев.

Чрезвычайно, на наш взгляд, важным, но не понятым услышанным большинством критиков является предложение Гумилева разделить понятия *религия* и *верования*: «Если мы всюду будем применять термин "религия", то невольно объединим под этим понятием множество предметов несходных и разнотипных. Поэтому, исключительно для удобства пользования термином, я буду... называть религиями только теистические системы, а для всей совокупности концепций и мировоззрений применю широкий термин – "верования"»⁹³². В результате наблюдений за обрядовой стороной от исследо-

⁹³¹ Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. – М.: Товарищество Клышников, Комаров и К°, 1992.

⁹³² Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 289.

вателей, по мнению Гумилева, нередко ускользало главное – определение сути веры («Какому Богу веруешь?»). Именно ответ на этот вопрос он считал ключевым в применении принципа историко-культурной классификации⁹³³.

С другой стороны, комментируя схожесть быта кочевников во все периоды их истории, Гумилев объяснял это следствием сочетания однообразных природных условий, в которых сложилась не менее однообразная для огромных пространств система кочевого хозяйства. Сюда же он относил и элементы обыденного сознания: приметы, суеверия и поклонение различным духам. Рассматривая «демонологию» как средство адаптации населения к конкретной территории (болезни зачастую зависят от природно-климатических условий региона, что люди с мифологическим сознанием объясняли воздействием духов местности), Гумилев полагал, что она «не может быть проповедана этносу, живущему в ином ландшафтном регионе, и, следовательно, для проблемы межэтнических контактов не актуальна»⁹³⁴. Общность представлений степных этносов о «нижнем мире» свидетельствует, таким образом, не столько о культурной, сколько о географической преемственности.

Применительно к внешним воздействиям так сложилось, что наиболее мощное влияние на религиозные представления тюрко-монгольских народов оказали древние иранцы. Об этом Гумилев писал: «...в древности эти народы имели религии: иногда оригинальный дуализм..., а иногда заимствованные у проповедников. Хормуста – подарен уйгурам манихеями, Митра пришел от сакков к монголам, Уч Ыдук (Троица) – наследие несториан. <...> ... манихейство, гонимое в Иране, Римской и Китайской империях и в раннехристианских общинах, нашло приют у кочевых уйгуров и оставило следы на Алтае и в Забайкалье. Высшее божество сохранило свое имя – Хормуста (отнюдь не Агурамазда), что в сочетании с другими деталями указывает на конгениальность древних иранцев и древних тюрков»⁹³⁵.

⁹³³ Там же. С. 281, 286. Ср.: «Когда заходит речь о религии, то ставятся два вопроса: во что веруешь и как веруешь?». Гумилев Л.Н. Хунну. С. 98.

⁹³⁴ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 361.

⁹³⁵ Там же. С. 360, 381.

Из приведенной цитаты также следует, что контакты суперэтносов могли быть не прямыми, а опосредованными. Распространение в степи именно неортодоксальных течений развитых религий (митраизм – ответвление зороастризма, несторианство – христианства, манихейство – причудливая смесь последних) Гумилев объяснял тем, что кочевники стремились «противопоставить китайским культурным влияниям нечто весомое и равноценное буддизму»⁹³⁶, т.е. заимствования происходили по принципу «от противного». Несториане и манихеи, гонимые у себя на родине, к середине IX в. оказались вне закона и в Китае⁹³⁷. Бежать, кроме как в степь, им было некуда. Но поскольку прямого контакта у кочевников Центральной Азии с Византией не было, а тех, кто проповедовал среди них христианство «в самой Византии считали еретиками», то, по мнению Гумилева, «распространение христианства в степи было не "культурным влиянием", а пересадкой идейных ценностей»⁹³⁸.

В отличие от манихейства и несторианства культ Митры исповедовали и непосредственные западные соседи тюрок и монголов – ираноязычные кочевники Великой степи, поэтому его влияние прослеживается дольше остальных: «Несмотря на восприимчивость степняков к эстетическим и религиозным канонам соседей, они сохраняли общую демонографию и культ Митры, охранителя клятв, карающего обман и ложь. Его проповедовали в Центральной Азии согдийцы-юэчжи в IV веке до н.э. Этот культ прослеживается с глубокой древности до XVI века, когда восточная часть Степи была обращена в буддизм, а западная – в ислам. Но и тогда народные верования продолжали существовать»⁹³⁹.

Изучение одного из важнейших таких верований – шаманизма, – составило самостоятельную тему в научном наследии Гумилева. О его раннем интересе к шаманизму свидетельствуют подробная библиография на эту тему 1932 г.

⁹³⁶ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 233.

⁹³⁷ Там же. С. 48-49.

⁹³⁸ Там же. С. 50.

⁹³⁹ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 14.

и оттиск статьи 1935 г.⁹⁴⁰, по-прежнему хранящиеся в его библиотеке. Имел Гумилев возможность и личного общения с шаманами: во время работы в качестве геолога в Туруханском крае в 1944 г. и в лагере в первой половине 1950-х гг. Поэтому неудивительно, что еще до выхода большинства своих печатных работ Гумилев в письме П.Н. Савицкому (от 08.11.1958) подробно изложил свои уже вполне оформившиеся свои мысли о шаманизме, а также общий взгляд на историю религий в Центральной Азии:

«В Сибири нет единого шаманского культа, а есть четыре, причем это принципиально разные религиозные системы.

I. Угорская, где духам нет поклонения, а есть приручение их и использование – это скорее магия, но с привлечением экстаза.

II. Тунгусская – где духам поклоняются, но не считают их высшими существами. Теоретически это оформляется через Теофию Трех равноценных миров: высшего, среднего (нашего) и низшего. Эти миры для шамана имманентны, для чего есть теория "шаманского дерева", проросшего все три сферы. По этому "древу" шаман общается с жителями верхнего и нижнего мира. Они для людей духи, а люди духи для них. Эта *оригинальная натурфилософия* (здесь и ниже выделено мной. – А.С.) лишена теистического оттенка.

III. Буряты имеют политеистическую систему; божества называются "Тенгрии", буквально: небесные. Наблюдается влияние иранского культа, видимо, манихейства, т.к. главное божество носит название "Хормуста". Это не Ормузд, а именно Хормузда из манихейского пантеона, выступающий как борец против "Мрака"... Элементы дуализма прослеживаются в древнемонгольской религии, но они восходят не к Ирану, а к

IV. алтайскому шаманству, вернее культу, где служитель именуется кам. Это дуализм, но в нем не борьба "Начал", а гармоническая их связь. Верхний Бог – Ульгень, букв<ально> Мертвец, – добр и воздействует на людей при помощи своего свирепого подземного брата – Эрлика. <...>

⁹⁴⁰ Попов А.А. Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства Северо-Азиатских народов – Л.: НИИ Ассоциация ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1932. Зеленин Д.К. Идеология сибирского шаманства // Известия АН СССР – 1935 – С. 709-743.

Вот эта последняя система имеет сходство с тибетским боном. Там тоже дуализм, с той лишь разницей, что "Земное Начало" – женское божество... Монгольская дочингисовская религия XII в. является средним звеном между Тибетом и Алтаем. Там земля – женское начало...

Но самое интересное, что удалось проследить время и причины этой связи. В VIII-IX вв. Тибет заявил претензию на мировую гегемонию. Против него ополчились китайцы, уйгуры и арабы...

Тибетцы нашли союзников в карлуках и енисейских кыргызах. Сношения их отмечены не только в китайских хрониках, но и в енисейских надписях. *А где есть военный союз, там и обмен мыслями.* Самый термин "кам" отмечен лишь с VIII века. Затем, привезенные Ю.Н. Рерихом зарисовки очень прояснили вопрос. Оказывается, бонские "Знаки Гэсера" на скалах в Амдо в точности воспроизводят наскальные писаницы в Саяно-Алтае. Итак, можно сказать, что алтайский дуализм развился под влиянием тибетской мысли. Сказалась она и на древнемонгольской религии, но тут ей оказала сопротивление манихейская идеология...

Вот тут важно не спутать тибетский дуализм с иранским. В последнем идет непримиримая борьба двух начал, вместо взаимопомощи.

Манихейские воззрения пронизали всю Азию...».

В этом письме есть многое из того, о чем уже говорилось выше со ссылкой на печатные работы Гумилева. И это не удивительно, поскольку переписка с Савицким давала Гумилеву возможность впервые систематизировать накопившиеся за многие годы мысли, которые, пройдя через дружескую критику адресата, находили место на страницах статей и книг.

Так было у примера с нганасанами, к аналогии с религией которых Гумилев прибегнул для объяснения почитания солнца древними тюрками. Нганасаны подобно тюркам обожествляли небо, связывая с ним создание вселенной. Кроме неба они почитали солнце, которое «руководит созданным миром; лучи солнца – нити, посредством которых духи растений сообщаются с солнцем. Такой вариант солярного культа в достаточной степени оригинален, чтобы ис-

ключить смешение его с другими разновидностями сибирского шаманства»⁹⁴¹. Гумилев полагал, что схожесть представлений может быть не случайной и, вероятно, отражает дальние связи предков обоих этносов. По одной из версий родиной самодийских народов были Саяны, откуда они оказались постепенно вытесненными на Крайний Север. Находясь там в относительной изоляции, нганасаны смогли сохранить древний культ, черты которого у их бывших соседей (алтайских тюрков) зафиксированы лишь китайскими летописями.

Видимо, следуя пожеланию П.Н. Савицкого, Гумилев в «Древних тюрках» уже напрямую не связывал с манихейским влиянием почитание нганасанами света⁹⁴², а указал только на типологическое сходство культов: «Единственная аналогичная доктрина наблюдается в манихействе, но тут имеет место несомненная конвергенция, а не генетическая связь». Однако на влиянии манихейства на алтайских тюрков Гумилев продолжал настаивать, поскольку это подтверждается не только косвенными наблюдениями: «...поклонение "Духу неба"... сохранилось до начала XX в., хотя претерпело значительную метаморфозу. Дух неба получил (у алтайцев – А.С.) персидское название Кудай (бог) и впоследствии отождествился с христианским богом, отличным от самого высшего из шаманских духов Ульгения»⁹⁴³.

Гумилев, как видно, не отрицал шаманизма ни нганасанов, ни алтайцев, ни других сибирских народов, но доказывал, что в VI-VIII вв. шаманизм еще не затронул древних тюрков, а войдя в культ монголов, в XII-XIII вв. еще не повлиял на основу их древней религии.

Интересно сравнить взгляды Гумилева и Л.Р. Кызласова по вопросу о древнетюркском шаманизме. В очередной раз мы обнаруживаем текстуальное сходство (при условии, что Гумилев писал намного раньше), хотя и иного рода, чем рассмотренное выше (параграф 1.1.):

⁹⁴¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 79.

⁹⁴² «Я же позволяю себе спросить: не было ли здесь именно взаимодействия, роста двух родственных, но в определенном смысле независимых друг от друга явлений? Ведь подобная "конвергенция" часто встречается в истории. "Теория влияний" не всегда правильно разъясняет дело» (письмо П.Н. Савицкого от 25.12.1958).

⁹⁴³ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 80.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 85-86.

Кызласов Л.Р. О шаманизме древнейших тюрков // Советская археология – 1990 – №3. С. 261.

Менандр включил в повествование о посольстве Земарха к тюркютскому хану (568 г.) заслуживающее нашего внимания описание очистительного превентивного колдовства. *«Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, пришед к Земарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, склади их вместе, потом развели огонь сучьями дерева Ливана, шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажею. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня, между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Земарха через пламя и этим, казалось, они и самих себя очищали. Лишь после огненного очищения Земарх был допущен к хану».*

Наиболее ранние сведения о профессиональном шаманизме у южносибирских народов... относятся к VI-VIII вв. Об этом сообщает в описании путешествия византийского посла Зимарха к кагану тюркок-тугю на Алтай в 568 г. известный историк Менандр Протектор: *«Некоторые люди из этого племени..., о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастья, пришед к Зимарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, склади их вместе; потом развели огонь сучьями дерева Ливана (кедра. – Л.К.), шептали на скифском языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан (бубен. – Л.К.) над поклажею. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Зимарха через пламя, и этим, казалось, они и самих себя очищали».*

Каково бы ни было происхождение этого верования у тюрков и монголов VI-XII вв., все дело сводится к симпатической магии, а отнюдь не к вызыванию духов-помощников, т.е., употребляя тюркютскую терминологию, мы здесь видим не кама (шамана), а ядачи (колдуна).

Китайская хроника Синь-Таншу (XI в.) в сообщении о древних хакасах VII-VIII вв. рассказывает: «Жертву духам приносят в поле. Для жертвоприношений нет определенного времени. Шаманов называют гань (кам)». Так впервые в письменных источниках появилось, в китайской транскрипции, тюркоязычное наименование шамана – «кам»...

На первый взгляд здесь мы наблюдаем элементы камлания: исступление, удары в бубен (тимпан), но при пристальном рассмотрении эта мысль отпадает. В самом деле, тут не призывание, но изгнание враждебных духов священной силой огня, т.е. магия, а не спиритуализм. Представление о том, что огонь отгоняет злых духов, распространено чрезвычайно широко... и не является чем-либо исключительным и оригинальным. <...> Короче говоря, почитание огня противоположно вызыванию духов и по форме и по смыслу. <...> Теперь мы подошли вплотную к последнему вопросу: где же шаманская «черная вера», культ духов-помощников? Разбор вышеприведенных сведений показывает, что этой системы в VI-VII вв. у тюркютов не было, а так как в XII в. зафиксированы и термин «кам» и самое камлание, то необходимо допустить, что камлания у тюрков Джунгарии и Алтая возникли в промежутке между VII и XII вв. ...

Без сомнения, тюркоязычные племена и народности Саяно-Алтайского нагорья в качестве официальной религии имели в VI-VIII вв. развитой профессиональный шаманизм. Это позволяет предполагать, что древние тюркоязычные народности Южной Сибири исповедовали шаманизм и в более раннее время.

Итак, оба автора на основании одного и того же исторического свидетельства делают противоположные выводы. Кто же прав?

Надо сказать, что не только Л.Р. Кызласов, но и многие другие исследователи считали само описание религиозного обряда, приводимое Менандром, уже достаточным доказательством шаманизма тюркютов. Так, по мнению французского тюрколога Ж.-П. Ру, это самое раннее описание обряда очищения огнем у тюрко-монгольских народов, в котором «почти несомненно» зафиксирован шаманский обряд⁹⁴⁴. Л.П. Потапов полагал, что «Земарх довольно точно передал проводимый шаманами обряд очищения огнем, широко распространенный у различных монгольских, тюркских, в том числе у саяно-алтайских, народов. У последних было принято во время проведения обряда жечь можжевельник. Указание же на исступление "колдунов", удары в бубен лишь подтверждают то, что обряд совершался именно шаманами»⁹⁴⁵. Д.Г. Савинов все отрывочные сведения о древнетюркских обрядах отнес к разряду шаманских, в том числе и описанный Земархом⁹⁴⁶.

Еще один исследователь, В.Н. Басилов, именно в связи с «особым мнением» Гумилева писал: «Хорошо известно сообщение Земарха (568 г.) о встрече римского посла к тюркскому кагану с шаманами. <...> В этом описании справедливо видят шаманский обряд. Лишь Л.Н. Гумилев, комментируя это известие, не счел возможным связать данный обряд с шаманством, ибо в нем представлено "изгнание враждебных духов священной силой огня, т.е. магия, а не спиритуализм". Однако нельзя исключить, что исполнители обряда призывали своих духов-помощников: источник мог это не отразить. Кроме того, как показывают этнографические материалы, шаманы борются с враждебными духами

⁹⁴⁴ Roux J.-P. Fonctions chamaniques et valeurs du feu chez les peuples altaïques // *Revue de l'histoire des religions*, tome 189, n°1, 1976, pp. 67-101. P. 78.

⁹⁴⁵ Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // *Этнография народов Алтая и Западной Сибири*. – Новосибирск: Наука, 1978. С. 13.

⁹⁴⁶ Савинов Д.Г. Некоторые элементы иррациональных представлений таштыкских племен по археологическим данным // *Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным*. – Томск, 1985. С. 128-131. С. 128.

и колдовскими чарами, используя самые разные способы, в том числе холодное оружие и огонь»⁹⁴⁷.

Упоминание шаманов (кам) у кыргызов в XI в. Л.Р. Кызласов и еще ряд исследователей⁹⁴⁸ распространили на более раннее время и широкий круг народностей Саяно-Алтая, в том числе на тюркютов VI в. Однако признание шаманизма «официальной религией» тюркоязычных племен в VI-VIII вв. в первую очередь противоречит собственным взглядам Л.Р. Кызласова, которые он на протяжении не одного десятилетия отстаивал в полемике с коллегами-археологами. Так, в 1979 г. он писал: «...что общего между кыргызско-хакасскими чаа-тасами VI-IX вв., уйгурскими погребениями в катакомбах под земляными курганами, курыканскими каменными "шатрами" и древнетюркскими погребениями по обряду трупоположения с конем под каменными насыпями? А различия в их поминальных и погребальных обрядах и т.п.? Даже в одних и тех же государственных объединениях на территории Тувы... не только не произошло никакой нивелировки культурных особенностей, но, наоборот, памятники каждой этнической группы отчетливо различались и обособлялись»⁹⁴⁹. В позиции Л.Р. Кызласова ничего не изменилось и спустя почти два десятилетия: «Подменять терминами "древние тюрки"... самоназвания всех древних тюркоязычных племен и народностей и их разнородных культур ненаучно. Древние тюрки – это та этническая группа, которая сама себя в VI-VII вв. называла народом тюрк...»⁹⁵⁰.

Можно ли в таком случае, можно говорить об *одной* «официальной религии» для *разных* тюркоязычных народов? Государственный статус шаманизм получил много позже в империях Цзинь и Цин. Это, по мнению Гумилева,

⁹⁴⁷ Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1992. С. 13-14. Ср. *Его же*. «Скифская арфа»: древнейший смычковый инструмент? // Советская этнография – 1991 – №4 – С. 140-154. С. 152, 154.

⁹⁴⁸ Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма. (С древнейших времен по XVIII в.) – Новосибирск: Наука, 1980. С. 197. Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. С. 12.

⁹⁴⁹ Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 208 с. С. 141.

⁹⁵⁰ Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его роль в истории Восточной Европы. С. 24-25.

определенно указывает на Маньчжурию как на место сложения шаманизма «в узком и прямом смысле слова»⁹⁵¹.

Французский тюрколог Р. Жиро, имея в виду те же фрагменты источников, настаивал на осторожности в решении вопроса о сущности древнетюркской религии. Даже несколько раньше Гумилева он скептически высказался относительно ее шаманской природы: «На что бы мы хотели обратить особое внимание, это на опасность, скрывающуюся за простым понятием "шаманизм", настолько всеохватным, что оно становится почти бессодержательным в качестве обозначения религиозных практик, характерных для очень отдаленных друг от друга мест и самых различных эпох. <...> Думается, ту же ошибку мы совершим, если пойдем слишком далеко в сравнении "шаманизма" тюрков VIII в. с монгольским шаманизмом XIX в.»⁹⁵².

Из коллег, кажется, только М.Д. Хлобыстина и Л.Ю. Тугушева в печати, пусть и предельно кратко, поддержали взгляды Гумилева: «...вслед за Л.Н. Гумилевым мы полагаем, что "шаманизм" древних тюрков далеко не бесспорен»⁹⁵³; «Рассматривая вопрос о религии древних тюрков, Л.Н. Гумилев... показывает, что этой религии была совершенно чужда "шаманская демонолатрия"»⁹⁵⁴. Другие исследователи, из тех, кто вообще Гумилева упоминал, находили основания для несогласия⁹⁵⁵. Лишь в последнее время сибирские археологи в связи с находками петроглифов, где носящие шаманский характер

⁹⁵¹ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 300.

⁹⁵² Giraud R. L'Empire des Turcs Célestes. – Paris : Librairie Adrien-Maisonneuve, 1960. P. 114.

⁹⁵³ Хлобыстина М.Д. [Рец. на:] История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том I. Древняя Сибирь. Л., 1968 // Советская археология – 1974 – №4 – С. 290-303. С. 299.

⁹⁵⁴ Тугушева Л.Ю. Каким богам поклонялись древние тюрки? // Altaica IV. – М.: ИВ РАН, 2000. С. 154.

⁹⁵⁵ Некоторые исследователи шаманизма, ссылаясь на Гумилева, игнорировали его взгляды на шаманизм. Так, в специальных монографиях двух бурятских авторов одинаково упомянуто лишь мнение Гумилева относительно религии хуннов (Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма. С. 128. Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства. С. 19). Кроме того, приводится мнение Гумилева о протохуннском характере культуры плиточных могил (Дугаров Д.С. Ук. соч. С. 17), а также цитируется фрагмент «Древних тюрков» (с. 383), по которому можно понять, что Гумилев считал уйгуров до принятия ими манихейства шаманистами (Михайлов Т.М. Ук. соч. С. 134), хотя на самом деле он только комментировал сообщение Джувейни о религии уйгуров.

изображения перекрывают древние изображения животных, обратились к идеям Гумилева о позднем проникновении шаманизма в среду алтайских тюрков⁹⁵⁶.

Монгольский академик Б. Ринчен, с которым Гумилев состоял в переписке, убеждал своего адресата в глубоких народных корнях монгольского шаманизма. Он также уверял Гумилева в безусловном наличии шаманизма у тюркютов. Хотя ответные письма Гумилева не известны, судя по всему, они немало дискутировали на эту тему. В итоге, принимая ряд частных наблюдений⁹⁵⁷, Гумилев в целом с Б. Ринченем не соглашался.

По мнению Н.Л. Жуковской, отрицание Гумилевым и его соавтором Б.И. Кузнецовым шаманизма ранних монголов основано на «недопонимали существования шаманской религии»⁹⁵⁸. Она поясняет: «...фетишизм, анимизм и магия – это элементы, а не самостоятельные формы религии». Но ведь того же мнения придерживался и Гумилев, только наряду с перечисленными он не считал самостоятельной религией и шаманизм, специально разделяя понятия «религия» (теистические системы) и «верования» (мировоззрения, в которых отсутствует понятие «божества»). Именно это Гумилев имел в виду, когда писал: «...Веселовский ...делает ту же ошибку, смешивая в одно целое культ природы, магию, приметы и экстатические манипуляции шаманских медиумов. Подобно Банзарову, он принимает исторически сложившийся синкретизм за догматику положительной религии»⁹⁵⁹.

Интересна позиция Л.П. Потапова, который исходил из схожих с гумилевскими методологических установок, но уверенно считал шаманизм религией: «Для историков или этнографов... категория "религиозно-мифологическая" система *без классификационного обозначения* (выделено мной. – А.С.) ничего не говорит ни о форме, ни о содержании религии. Поэтому автор настоящей

⁹⁵⁶ Молодин В.И., Ефремова Н.С. Культурный комплекс Куйлю (Кучерла-1): преемственность иррационального опыта // Археология, этнография и антропология Евразии – 2008 – №1 – С. 67-78. С. 76.

⁹⁵⁷ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 97, 259.

⁹⁵⁸ Жуковская Н.Л. Народные верования монголов и буддизм (к вопросу о специфике монгольского ламаизма) // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. С. 24-36. С. 27. Ср. *Ее же*. Ламаизм и ранние формы религии. – М.: Наука, 1977. С. 95. (Ссылка в том же контексте только на Гумилева.)

⁹⁵⁹ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 281.

статьи подходит к шаманизму (в его южносибирском виде) как к религии...»⁹⁶⁰.

Методологической стороны взглядов Гумилева на шаманизм не понял В.Н. Басилов: «Но для некоторых исследователей картина мира даже заслонила собой суть шаманства, и они сводят шаманство к представлениям об устройстве мира. Так, в одной из своих работ («Старобурятская живопись», названия которой В.Н. Басилов не дает. – А.С.) Л.Н. Гумилев пишет: шаманизм – это "натурфилософское учение о трехслойном строении мира... Общение между мирами возможно и достигается путем экстаза, символизирующегося "шаманским древом"..." По его мнению, шаманизм не религия, а "практика экстаза с натурфилософской основой". Этот взгляд на шаманизм как на "философию" встретил поддержку. "Шаманизм связан с религией, но не является ею", – читаем у другого автора⁹⁶¹ <...> Все это звучит неубедительно. Конечно, связанные с шаманством верования включают в себя и представления об окружающем мире ("натурфилософию"). Но отделять на этом основании шаманство от религии неправомерно»⁹⁶².

Предвидя подобные возражения, Гумилев замечал: «...разнообразие атеистических концепций столь же велико, как и теистических. Даосизм, буддизм, конфуцианство, джайнизм, подобно шаманизму, *обладают всеми качествами религиозных доктрин*, исключая признания Бога-существа. И все они больше *отличаются от атеизма материалистов* (выделено мной. – А.С.), нежели от религиозных систем»⁹⁶³. Таким образом, говорить об отрицании Гумилевым

⁹⁶⁰ Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства. С. 5.

⁹⁶¹ Е.В. Ревуненкова, имя и работа (Народы Малайзии и Западной Индонезии. – М.: Наука, 1980) которой не названы. Неясно, на каком основании она причислена к сторонникам Гумилева: ссылок на него в ее монографии нет. Более того, она даже выступила с обличительной статьей в адрес Гумилева, якобы заимствовавшего основные положения теории этноса у С.М. Широкогорова (см. 1.2). Интересно, что в другом исследовании В.Н. Басилов (Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. С. 230) отметил сходство взглядов на шаманизм всех троих авторов, поставив имена в следующем порядке: Гумилев, Ревуненкова, Широкогоров.

⁹⁶² Басилов В.Н. Избранники духов. – М.: Политиздат, 1984. С. 74.

⁹⁶³ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 289.

наличия у шаманизма религиозных (культовых) атрибутов не приходится, но он не считал его самостоятельной религиозной системой.

Критические отклики, касающиеся разработки Гумилевым различных аспектов верований народов Центральной Азии, не ограничивались вопросом о шаманизме. Так, С.М. Абрамзон, хотя и признал, что Гумилеву принадлежит «попытка рассмотрения всей совокупности сложной системы религиозных представлений древних тюрков», в то же время счел возможным остановиться только на «сомнительном сопоставлении с верованиями нганасан, живущих за Полярным кругом». Подобно Н.Л. Жуковской, он упрекал Гумилева в отсутствии того, что, в действительности, в его работе имелось: «Более эффективным могло стать изучение религии древних тюрков как продукта естественного развития религиозных систем, господствовавших в Центральной и Восточной Азии до сложения древнетюркских объединений, и в первую очередь религии их предшественников – хуннов и сяньбийцев. Не менее важное направление – изучение тех реликтов древнетюркской религии, которые до недавнего времени сохранялись в верованиях тюркоязычных народов»⁹⁶⁴. Однако критикуемая С.М. Абрамзоном глава VII «Древних тюрков» в полной мере соответствует высказанным им пожеланиям.

Рассмотрим основные выводы этой главы. В древнетюркской религии Гумилев выделил два главных компонента: религию правящего слоя – потомков орды Ашина, которую он и сопоставил с наследием сяньбийцев (культ предков-героев, элементы тотемизма); религию местного тюркоязычного населения Алтая (культ неба – Тенгри, почитание «земли-воды» – Йер-су, духов природы), сравниваемую им с реликтами в мировоззрении современных ему алтайцев. В составе алтайцев Гумилев различал потомков племен теле, отюреченных угров и собственно тюркютов. Именно исходя из этнографического деления, Гумилев искал, что было привнесено каждым из этносов-предков в мировоззрение алтайцев.

⁹⁶⁴ Абрамзон С.М. Киргизы. – Л.: Наука, 1971. С. 275. Экземпляр книги в личной библиотеке Гумилева имеет дарственную надпись: «Льву Николаевичу Гумилеву с глубоким уважением от автора. 6.VI.1972 г. Подпись».

К тем же выводам пришел десятилетие спустя Л.П. Потапов. Анализируя взгляды Ж.-П. Ру, подобно Гумилеву видевшего в древнетюркской религии два компонента (государственный и народный), Л.П. Потапов выразил несогласие с тем, что «почитание ряда известных божеств – Тенгри, Умай, Йер-су, – относимое автором к "царской" религии, несомненно, было широко распространено и у рядовых кочевников, о чем свидетельствует почитание этих божеств у многих современных тюркских народов СССР, наблюдавшееся до недавнего времени»⁹⁶⁵. Хотя здесь на Гумилева ссылка отсутствует, сходство во взглядах очевидно.

Ж.-П. Ру, в свою очередь, однажды упомянул Гумилева в связи с вопросом о распространении христианства среди кочевников: «Несколько авторов предположили, что некоторые правители<-Сельджукиды>, носившие имена Израэль, Михаил, Моисей (Муса), являлись христианами. Лев Гумилев, со своей стороны, показал, что действительно имело место проникновение христианских ценностей в среду степных народов и что несториане были теми, кто передал тюркам отвлеченные религиозные понятия»⁹⁶⁶.

Л.Р. Кызласов, посвятивший серию статей «сибирскому манихейству»⁹⁶⁷, ни разу не упомянул о работах своего предшественника. Этот факт интересен тем, что Гумилев о начале разработки Л.Р. Кызласовым этой темы знал и, видимо, относился к ней со скепсисом. В имевшемся у него экземпляре книги «Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века» (М.: Высшая школа,

⁹⁶⁵ Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства. С. 4.

⁹⁶⁶ Roux J.-P. L'Asie Centrale: histoire et civilisations. – Paris: Fayard, 2003. P. 243. Правда, назван он «Lev Gomilow», а в указателе (p. 518) уже «Gomolov (Lev)». Интересно, что неточность была замечена рецензентом книги и перечислена в ряду других, допущенных автором: «...par exemple "Gomilov" au lieu de Gumilev...» («например, "Гомилов" вместо "Гумилев"»). См.: Aubin F. Roux (Jean-Paul). L'Asie centrale. Histoire et civilisations // Archives des sciences sociales des religions – 1998 – Vol. 104, №1 – P. 163-164.

⁹⁶⁷ 1) Кызласов Л.Р. Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение – 2001 – №5 – С. 83-90. 2) *Его же*. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1998. № 3. С. 8–35. 3) *Его же*. Тюркско-иранские культурные взаимосвязи в эпоху средневековья // Древности Алтая. № 12. – Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2004. / URL: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2004/12/15.html> (дата обращения). 4) *Его же*. Мировоззрение сибирских татар в XVI в. (Погребение Ермака) // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. – Горно-Алтайск, 2004. – 140 с. С. 97-111.

1984. С. 157) во фразе: «Показателен также факт распространения в Южной Сибири... манихейского вероучения. Как известно, манихейство, одна из великих мировых религий...», – Гумилев подчеркнул «как известно» и на полях приписал «кому?».

А.Г. Малявкин в период хорошего отношения к Гумилеву (см. параграф 1.1) разделял этот его скепсис: «Нельзя также не согласиться с Л.Н. Гумилевым, который писал, что манихейская религия оказалась чуждой рядовым кочевникам, они не понимали ее и в результате усиливался в еще большей степени существенный разлад в уйгурском обществе»⁹⁶⁸. В более ранней работе, также ссылаясь на Гумилева, он писал: «Проповедь буддизма среди уйгуров имела успех... Этот процесс происходил, по-видимому, без особых затруднений, так как основная масса уйгуров-кочевников еще не успела проникнуться идеями манихейства, которое было чуждо кочевому обществу и затронуло только верхушку Уйгурского каганата»⁹⁶⁹.

Отдельный сложный и интересный вопрос представляет дискуссия вокруг изданного Гумилевым альбома «Старобурятская живопись», во вводной части к которому он обобщил свои идеи о народных и мировых религиях в Центральной Азии и об отражении в искусстве борьбы между их приверженцами. По воспоминаниям китаеведа Б.Л. Рифтина, «книга эта, ставшая бестселлером (мои попытки приобрести ее сразу по выходе в свет оказались тщетными), представляет собой описание коллекции икон из Агинского дацана (Бурятия) ...»⁹⁷⁰.

Эмоциональный градус дискуссии вокруг этого издания и последующее его игнорирование многими специалистами, в целом, напоминают ситуацию с «Хунну», но есть и немало отличий. Так, судя по краткой записи реплик на обсуждении, в адрес автора не было сказано ни одного доброго слова⁹⁷¹. В итоге,

⁹⁶⁸ Малявкин А.Г. Китай и уйгуры в 840-848 гг. С. 66.

⁹⁶⁹ Малявкин А.Г. К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата. С. 29-35. С.30.

⁹⁷⁰ Рифтин Б.Л. [Рец. на:] Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология... // Восток – 2001 – №1 – С. 186-192. С. 191.

⁹⁷¹ Обсуждение книги Л.Н. Гумилева «Старобурятская живопись» в Музее антропологии и этнографии (Ленинград), 10 июня 1976 г. Запись И.И. Ломакиной // Гумилев Л.Н. Древний

Гумилев, к тому времени уже немолодой (63 года) и давно зарекомендовавший себя ученый, назвал это собрание провокацией и покинул его.

Обличительный характер выступлений не мог не удивить автора, ведь основные идеи книги высказывались им в статьях, выходявших в течение более чем десятилетия (с 1960 по 1972 г.), и не могли не быть известны специалистам. Удивительно, что в свое время именно Б.И. Панкратов, председательствовавший на обсуждении, написал положительный отзыв и рекомендовал к печати ту статью (см. параграф 2.1), которая, не будучи изданной в 1949 г. по причине ареста автора, легла в основу «Старобурятской живописи».

Уверенность, по крайней мере, в неполной правоте критики Гумилеву также придавало мнение Ю.Н. Рериха. Так, в письме от 03.10.1959 литературовед и хороший знакомый Гумилева Н.И. Харджиев сообщает: «Ваша статья о Тибете мною получена своевременно, прочитана, признана интересной; была направлена к Александру Андреевичу Губеру, который также нашел, что ее печатать следует. Теперь она будет направлена на рецензию к Ю.Н. Рериху»⁹⁷². О реакции последнего Гумилев узнал спустя полгода из письма известного египтолога И.С. Кацнельсона от 12.04.1960: «Вчера беседовал о Вас с Юрием Николаевичем Рерихом. Во-первых, он возьмет Вашу работу о буддийской иконографии в следующий "дальневосточный" выпуск "Кратких сообщений". Во-вторых, он согласился... обратиться в дирекцию с ходатайством о зачислении Вас в наш Институт»⁹⁷³. Получается, тибетолог с мировым именем не только рекомендовал к печати ту же статью Гумилева, но и предложил ему работу в Институте востоковедения в Москве. Внезапная смерть Ю.Н. Рериха помешала этим планам сбыться⁹⁷⁴.

Тибет. – М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 550–553. Присутствовавшая на этом обсуждении Л.Р. Павлинская в личном письме автору настоящей диссертации (от 06.02.2020) сообщила: «...насколько я помню заседание Ученого Совета с обсуждением книги Льва Николаевича, ошибки в интерпретации образов и сюжетов танок действительно были, но тон обсуждения был безобразен».

⁹⁷² Козырева М.Г. Л.Н. Гумилев и семья Рерихов // 150 лет школе выдающегося петербургского педагога-просветителя К.И. Мая. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2008. С. 434–441. С. 439.

⁹⁷³ Там же. С. 440.

В итоге, в научной среде по большей части укрепилась именно отрицательная оценка работ Гумилева о религиях монголов и тибетцев⁹⁷⁵. Отголоском этого стали предисловия учеников Б.И. Кузнецова к посмертным изданиям его работ по буддизму и истории Тибета. В них рефреном звучит мнение о несостоятельности Гумилева: «...необузданное литературно-историографическое творчество Л.Н. Гумилева часто опиралось на выверенную фактологию переводов Б.И. Кузнецова»⁹⁷⁶ или же «...то золото исторических фактов, что он <Б.И. Кузнецов> добывал, кропотливо штудировав и переводя тибетские тексты, становилось толчком для исторических гипотез Гумилева»⁹⁷⁷. Не без сожаления отмечается, что «влияние волюнтаристских трактовок истории» Гумилевым иногда «сказывалось на векторе научного поиска Кузнецова»⁹⁷⁸. При этом сообщается, что при жизни Б.И. Кузнецовым опубликовано всего «около 30» статей и «некоторые из них в соавторстве с Гумилевым»⁹⁷⁹. Этим совместных статей пять, а учитывая заметку в поддержку Гумилева в ходе дискуссии в журнале «Природа», получается шесть, т.е. 20% прижизненной библиографии (по объему печатных листов еще больше). Трудно поверить, что Б.И. Кузнецов не смог за многие годы научного сотрудничества понять «несостоятельность» Гумилева и все время поддавался его влиянию.

С критикой концепции Л.Н. Гумилева и Б.И. Кузнецова выступила Н.Л. Жуковская: «Автор не согласен с точкой зрения Л.Н. Гумилева и Б.И. Кузнецова... Отдельные элементы бон, возможно, и заимствованы у соседей (вряд ли на земном шаре сыщется народ, религия которого была бы свободна от подобных заимствований), а пророк Шенраб... вполне мог быть персом и поклонником культа Митры. Но никакой митраизм в раннеклассовом обществе тибетских кочевников не смог бы занять никаких прочных позиций и тем

⁹⁷⁴ Возможность такого развития научной биографии Гумилева предположил С.В. Селиверстов («Свой среди чужих, чужой среди своих»... С. 25), но ему осталась неизвестной публикация процитированных нами писем.

⁹⁷⁵ Сто восемь буддийских икон из собрания Института восточных рукописей РАН / А.В. Зорин, М.Б. Иохвин, Л.И. Крякина. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. С. 6.

⁹⁷⁶ Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет... С. 8.

⁹⁷⁷ Кузнецов Б.И. Бон и маздаизм. С. 16

⁹⁷⁸ Там же.

⁹⁷⁹ Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет... С. 8.

более устоять в последующей многовековой конкуренции с буддизмом, если бы не был связан с местными тибетскими культурами, которые являлись аналогом шаманству...»⁹⁸⁰.

Будучи одним из ведущих специалистов по духовной культуре центральноазиатских народов, Н.Л. Жуковская, конечно, имела право на несогласие с Л.Н. Гумилевым и Б.И. Кузнецовым. Однако если присмотреться к самой концепции внимательнее, ничего невероятного в ней не обнаружится. Ведь отождествляли же исследователи героя монголо-тибетского эпоса – Гэсэра – с персонифицированным образом римского императора – «кесаря» (как вариант – с Александром Македонским)⁹⁸¹, а в рассказе «Сокровенного сказания» о происхождении рода Борджигин, из которого происходил Чингисхан, усматривали христианское влияние⁹⁸². Верны ли эти и другие догадки о дальних связях религиозных сюжетов, в данном случае не принципиально. Важно, что взаимные религиозные влияния происходят, а идеи и верования распространяются на тысячи километров, находя почву в чуждой им изначально культуре. Стадия развития общества при этом первостепенного значения не имеет. Христианство и ислам, например, возникли в куда более архаичных обществах, чем те, на которые они распространились.

Более взвешенная оценка религиозоведческих исследований Гумилева и характера его сотрудничества с Б.И. Кузнецовым дана А.Д. Цендиной: «Значит, бон – все-таки не шаманизм? Л.Н. Гумилев, мастер нетривиальных гипотез, неоднократно писал в своих книгах о том, что бон в древности исповедовали монголы, он называет его "религией предков и потомков Чингиса"»⁹⁸³. После этих слов автор допускает два предположения, от одного из которых (об этимологии названия «бон»⁹⁸⁴) сразу отказывается: «...но Л.Н. Гумилев строит

⁹⁸⁰ Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. С. 91.

⁹⁸¹ Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 14, 28.

⁹⁸² Кычанов Е.И. Отголоски сюжета об «избиении младенцев» в рассказах о предках Чингисхана // *Mongolica* – VII. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. С. 57-58.

⁹⁸³ Цендина А. Бон – древняя религия тибетцев // *Азия и Африка сегодня* – 2000 – №10 – С. 62-66. С. 63.

⁹⁸⁴ «Возможно, его подтолкнуло к этой мысли бьющее "в уши" созвучие тибетского слова "бон"... и монгольского слова "бё" (бо), означающего "шаман"... Созвучие, действительно, впечатляющее...» (Там же). На созвучии этих слов построил концепцию бурятский исследова-

свою теорию на другом. Он вовсе не считает бон монгольским шаманизмом, а даже "совсем наоборот" – возводит обе религии к иранскому митраизму...». И это именно так. Однако затем А.Д. Цендина допускает вторую неточность. По ее мнению, Гумилев лишь поддержал «мнение известного русского тибетолога Б.И. Кузнецова». В действительности, как мы можем судить, все было наоборот. Статьи «Маздеизм в Монголии» и «Буддийская иконография Агинского Дацана» (см. параграф 2.1), легшие в основу работ Гумилева о религиях древних монголов и тибетцев, были написаны им еще во второй половине 1940-х гг., когда Б.И. Кузнецов только заканчивал среднюю школу. Скорее это о последнем нужно говорить, что он поддержал и развил идеи своего старшего коллеги⁹⁸⁵.

Доказательством последнего может служить статья коллеги Гумилева по Эрмитажу – Н.В. Дьяконовой, посвященная иконографии Центральной Азии. Завершая ее, автор высказывает мнение, что прототип одного из исследуемых образов «нужно искать в самых глубоких и древних пластах народных верований Центральной Азии, охвативших собой, по-видимому, в большей или меньшей степени все культы, религии и суеверия, возникавшие и отмиравшие в этих странах»⁹⁸⁶. Эта фраза не только типологически близка приводившимся высказываниям Гумилева, но и содержит в качестве сноски благодарность автора «Л.Н. Гумилеву, любезно предоставившему некоторые собранные им ма-

дователь Чагдуров, который, ссылаясь на различные работы Гумилева, в том числе на «Старобурятскую живопись», по-своему интерпретировал основную идею последней: иранское влияние на тибетские верования шло, по его мнению, не напрямую, а через посредство древних монголов (сяньби). См.: Чагдуров С.Ш. Происхождение Гэсэриады. – Новосибирск: Наука, 1980. С. 226-228.

⁹⁸⁵ Между прочим, первая после освобождения в 1956 г. публикация Гумилева была посвящена именно культуре Тибета. Это предисловие к сборнику «Тибетские народные песни», в котором, по словам П.Н. Савицкого, Гумилеву удалось изложить «все основное в истории Тибета за полторы тысячи лет – на двух страницах». См.: Гумилев Л.Н. Дар слов мне был обещан от природы... – СПб.: Росток, 2004. С. 593. В самом предисловии о боне сказано: «Эта еще малоизученная религиозно-философская система была основана на поклонении Матери-Земле и бесчисленному сонму разнообразных духов, причем включала в свой культ человеческие жертвоприношения и чародейство». См. Тибетские народные песни. – М.: Художественная литература, 1958. С. 6.

⁹⁸⁶ Дьяконова Н.В. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода // Труды Государственного Эрмитажа. Т. V. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 257-272. С. 271.

териалы о Бон-по». Значит, к началу 1960-х гг. Гумилев не просто самостоятельно интересовался древнетибетской религией бон, но и был в состоянии консультировать по данной теме специалиста-искусствоведа. И в этом смысле не менее интересен конечный вывод статьи Н.В. Дьяконовой: «Сопоставление подобного иконографического материала, происходящего из различных мест Центральной и Средней Азии, установление путей и закономерностей развития образов культовой иконографии древности и средневековья, представляется чрезвычайно плодотворным. Изучение его в таком аспекте позволяет сделать выводы, важные для показа *не только эволюции художественных форм, но и широкой картины культурной истории этих стран в их сложной взаимосвязи* (выделено мной. – А.С.)»⁹⁸⁷.

Помимо того, что этот вывод обобщает собственные взгляды Н.В. Дьяконовой, лучшего выражения исторического подхода к изучению религий и культового искусства, разработанного Гумилевым, не найти.

В заключение мы можем констатировать, что по вопросу распространения в степи различных религий и культов, как местных, возникших в среде одного этноса и распространившихся затем на соседей, так и привнесенных, Л.Н. Гумилевым сделано немало: проанализировано содержание и выяснен генезис религиозных представлений хуннов, тюркютов, тибетцев, монголов; установлены взаимные культурные связи указанных этносов и источники их внешних заимствований в области религии и культового искусства. Все это сделано на основе разработанной самим же автором методики, в которой исследование догматики и философии каждой религии является не самоцелью, а средством установления былых культурных связей между народами, т.е. изучение религии в «историческом аспекте».

⁹⁸⁷ Там же.

3.3. Общетеоретические вопросы кочевниковедения

Оценки востоковедного и этнологического наследия Л.Н. Гумилева чрезвычайно разнятся. К сожалению, на фоне дискуссий вокруг этих двух тем наследия ученого теряются его кочевниковедческие работы, которые слишком специальны, чтобы привлечь внимание широкого читателя, но и в силу этого не дают оснований для спекулятивных суждений. Значение работ Л.Н. Гумилева по кочевниковедению действительно велико: в них сходятся его главные ипостаси – ученого-гуманитария и ученого-естественника, – в них наиболее ясно отразился историко-географический синтез его идей. В настоящем параграфе мы постараемся показать, что нового внес Л.Н. Гумилев своими работами в эту междисциплинарную отрасль науки.

Научному изучению социальной истории кочевников положил начало В.В. Радлов. В пространном предисловии к изданию поэмы «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»), он нарисовал общую схему образования и распада кочевого государства: «Если... какому-нибудь храброму главарю племени удастся составить прочное политическое целое из отдельных племен и колен, то он при помощи своих одноплеменников принимает титул хана, который признается всеми, пока он в состоянии поддерживать спокойствие в созданном им государстве своим личным влиянием. Такая ханская власть есть всегда власть узурпированная и держится до тех пор, пока все и каждый видят в ней для себя выгоду. <...> Однако и самые страшные из таких государств исчезают бесследно лишь только личность... перестает соединять в своем лице всю государственную власть; тогда союз племен распадается и отдельные части его... примыкают к какому-нибудь новому узурпатору и образуют новое государство»⁹⁸⁸.

⁹⁸⁸ Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. – СПб., 1893. С. 74–75.

Эта схема надолго стала универсальной характеристикой кочевых объединений и в той или иной форме встречается в исторических работах до настоящего времени.

Не менее важна работа предшественника Радлова – В.В. Григорьева, в которой дана одна из первых попыток сформулировать принципы отношений кочевников и земледельцев. Исходя из положения, что «одинаковые условия порождают одинаковые явления», автор полагал, что в любом уголке земли, где имеется сочетание условий, пригодных для земледелия и кочевания, будет повторяться одна и та же история отношений кочевников и земледельцев, состоящая из набегов первых на последних с целью наживы⁹⁸⁹. Вторым выводом заключался в выяснении причины вторжений кочевников в оседлые страны, которые «не были или, по крайней мере, не всегда были произвольны, а происходили вследствие толчков, которые вторгавшиеся получали сами... от других соседних и почему-либо более сильных кочевников»⁹⁹⁰. Этим В.В. Григорьев обосновал принцип «цепной реакции», которым с тех пор обычно и объясняют разные «великие переселения народов»*.

*В.В. Григорьев поставил вопрос, почему одни кочевники так легко побеждают других, и дал на него важнейший для понимания историко-географической концепции Гумилева ответ: «Кочевники обыкновенно живут рассеянно, особенно на летних пастбищах. <...> Один небольшой аул кочует в расстоянии многих верст от другого. ...на рассеянный таким образом... кочевой народ устремляется... другой соседний кочевой народ. Этот последний, задумав предприятие, держит его втайне, собирает... военные силы свои..., и кучею этою устремляется внезапно на разбросанные аулы противников»⁹⁹¹. Однако при этом В.В. Григорьев пришел к заключению, что «полчища кочевников» – не более чем выдумка древних и средневековых авторов, которая хорошо объясняется пословицей «у страха глаза велики». Он обратил внимание, как впоследствии и Гумилев, на такой параметр как кормные ресурсы степи, которые всегда ниже, чем «в странах земледельческих и тем более промышленных». В качестве доказательства он просто привел статистику численности населения современных ему кочевых народов и получил около 4,5 млн. чел., от которых потенциально воинами является не более 10% (Гумилев говорил о 20%, но это сути не меняет). Из этого совершенного логично следовал вывод: «Нет никакого основания полагать, чтобы когда-либо в протекшие времена, народонаселение это было многочисленнее, а нам говорят чуть ли не о миллионных ратах кочевников! Да если бы, по приведенному расчету, Средняя Азия выставила всю боевую силу свою..., то и в таком... случае не простиралась бы она до полу-миллиона воинов»⁹⁹².

⁹⁸⁹ Григорьев В.В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // Журнал Министерства народного просвещения – 1875 – № 3 (март) – С. 1-27. С. 1-2.

⁹⁹⁰ Там же. С. 11.

⁹⁹¹ Там же. С. 12-13.

⁹⁹² Там же. С. 14-15.

Заметим, что работы В.В. Радлова и В.В. Григорьева для XIX в. были, в общем, единичными. В XX в. научное исследование истоков кочевого хозяйства и закономерностей истории кочевников приобрело институциональный характер. Господствующей в первые послереволюционные десятилетия являлась теория «кочевого феодализма». Термин принадлежит Б.Я. Владимирцову, который назвал так свою книгу «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм»⁹⁹³. Оценивая данную работу, А.Ю. Якубовский писал: «В книге Б.Я. Владимирцова было столько достоинств, что в первое время как-то не бросались в глаза некоторые недочеты. <...> Обнаружилось, что Б.Я. Владимирцов, несмотря на прекрасное знание обширного фактического материала: 1) зависил уровень общественного развития монголов, 2) придал монгольскому феодализму законченные "классические" формы, хорошо знакомые по французскому феодализму XIII–XIV вв.»⁹⁹⁴.

Поскольку было заявлено о феодализме у монголов, надо было искать в истории кочевников стадии, предшествующие феодализму, чем занялись С.П. Толстов и А.Н. Бернштам. Первый предполагал, что все кочевые общества прошли рабовладельческую стадию, которая господствовала в степях со II в. до н.э. по VIII–IX вв. н.э. (у скифов гораздо раньше, а у туркмен вплоть до нового времени)⁹⁹⁵. Монографию А.Н. Бернштама⁹⁹⁶ отличают довольно непоследовательные взгляды, но они будут подробно рассмотрены ниже.

⁹⁹³ Н.Н. Крадин полагает, что «кочевой феодализм» добавлен к заглавию после смерти автора «его коллегами или супругой», потому что в тексте книги почти нет следов знакомства автора с марксизмом. См. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 42–43. Однако понятие «феодализм» в своей основе не марксистское, да и текст книги пестрит «феодализмами». Например: «История монгольского кочевого феодализма и есть история общественного строя монголов» (Владимирцов Б.Я. Указ. соч. С. 3). И.Я. Златкин также считал заглавие авторским. См. Златкин И.Я. Борис Яковлевич Владимирцов – историк. С. 42. Ср. Попов А.В. Теория «кочевого феодализма» академика Б.Я. Владимирцова... С. 183–184.

⁹⁹⁴ Якубовский А.Ю. Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 31–95. С. 85.

⁹⁹⁵ Хазанов А.М. Роль рабства в процессах классового образования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства: [Сб. статей, отв. ред. А.И. Першиц] – М.: Наука, 1976. С. 249–250.

⁹⁹⁶ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Вообще, для работ того времени был весьма характерен схематизм. Авторы больше искали идеологически верные формулы, чем решали научные проблемы. Для примера процитируем С.М. Абрамзона: «...понятие "патриархально-феодальные отношения" включает в себя не только господствовавшие раннефеодальные или феодальные отношения, вынужденные облечься в старую, законсервированную патриархальную форму, но и собственно патриархально-родовые отношения, занимавшие хотя и подчиненное, но свое определенное место в системе патриархальнофеодальных отношений...»⁹⁹⁷.

Сложению ранних кочевых обществ посвятил специальное исследование М.П. Грязнов⁹⁹⁸. Его исследование значительно яснее представляет как саму проблему, так и попытки ее решения. Главные идеи М.П. Грязнова состоят в следующем. Переход обществ патриархально-родового строя к кочевому быту происходил целыми родами и племенами. Для такого перехода необходимы были благоприятствующие природные условия и экономические предпосылки. Переход к новой системе происходил в относительно короткое время (от нескольких лет до нескольких десятилетий). А произошло это в Евразии впервые с племенами андроновской культуры степей Казахстана и Южной Сибири. Первоначально она была пастушеско-земледельческой, но такая система не позволяла увеличивать поголовье стад, и поэтому «андроновцы», познакомившись с добычей животными подножного корма из-под снега, постепенно перешли к «яйляжному скотоводству» (полукочевому). Следующий этап – переход к непрерывному кочеванию, который предполагал военные столкновения в случае пересечения племенем чужих земель. Для противостояния потенциальным врагам семьи должны держаться вместе, поэтому непрерывное кочевание осуществлялось «коллективами в виде племенных орд – многолюдных коллективов с большим количеством скота». Работа М.П. Грязнова напрямую пред-

⁹⁹⁷ Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 147.

⁹⁹⁸ Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. XXIV. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 19–29.

шествует по времени исследованиям Гумилева, и многие высказанные в ней идеи близки гумилевским⁹⁹⁹.

Свою научную деятельность Л.Н. Гумилев начал с открытия, не потерявшего значение и по сию пору. Суть его состояла в том, что он, кажется, первым нашел логику в системе древнетюркского престолонаследия. Гумилев объяснил ситуацию, когда при верховном кагане обширными территориями управляют многочисленные родственники, но никто не пытается отпасть. Причина заключалась в законе, по которому каждый из братьев или племянников кагана мог стать следующим каганом, если после смерти действующего останется старшим в роду. Эту систему Гумилев сравнил с существовавшей на Руси и назвал ее по аналогии – удельно-лествичной (см. параграф 2.1)¹⁰⁰⁰.

Взгляды Гумилева на социальное устройство ранних кочевников изложены в его первых монографиях – «Хунну» и «Древние тюрки», и в них, а также в ряде его статей можно найти элементы полемики с вышеупомянутыми авторами.

Так, В.В. Радлов, по мнению Гумилева, «стоял на точке зрения элементарного волюнтаризма», считая, что всё в организации кочевого государства зави-

⁹⁹⁹ Продолжателем идей М.П. Грязнова был С.С. Черников. Его работы выходили параллельно с работами Гумилева и имели с ними черты сходства. Однако для взглядов С.С. Черникова характерна определенная эклектичность вследствие попытки совместить многие из вышеприведенных мнений в непротиворечивую концепцию. См. Черников С.С. Загадка Золотого кургана. – М.: Наука, 1965. С. 69-76.

¹⁰⁰⁰ Открытие, обнародованное сначала в форме доклада (1937 г.), затем в статье (1959 г.), так быстро стало общим местом, что его авторство даже не упоминалось. Например, сравнивая систему управления тюрков с удельным строем на Руси, А.Н. Бернштам (Социально-экономический строй... С. 112) не дает при этом никакой ссылки. Гумилев около этих строк на полях своего экземпляра книги приписал «не ново». Около другого утверждения Бернштама, что престолонаследие по старшинству в роду «было обычным еще со времен гуннов» (с. 185), он написал «неверно». О значении открытия Гумилева см.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства... – М., 1997. С. 453 (комментарий А.И. Куркчи); Кобищанов Ю.М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории. – М.: РОССПЭН, 1995. С. 281. Опора Ю.М. Кобищанова на Гумилева в характеристике древнетюркского социального строя была не просто замечена, но даже подвергнута осуждению в рецензии на второе издание книги, подготовленное уже как коллективный труд: «Раздел по тюркам следовало бы строить не на пересказе Л.Н. Гумилева, а привлечь профессионального тюрколога, того же Н.Н. Крадина». См. Щавелев А.С. История и археология полюдья: заметки на полях обобщающей монографии «Полюдь: всемирно-историческое явление / Под. ред. Ю.М. Кобищанова. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 791 с.» // Материалы по истории и археологии России. Т. 2. – Рязань: Александрия, 2012. С. 278–287. С. 286.

сит от воли вождя/хана, тогда как «настроения народа и преданность дружины делают руку хана крепкой или слабой в значительно большей степени, чем его личные качества»¹⁰⁰¹.

По поводу общественного строя тюрков позиции А.Н. Бернштама и Гумилева не соотносимы, зато в определении стадии развития хуннов взгляды обоих исследователей имеют точки соприкосновения. Первый, рассматривая раннее хуннское общество как родовое, находил, тем не менее, в нем черты классового расслоения уже во времена правления Модэ¹⁰⁰². Гумилев полагал, что хуннское государство создано еще в рамках родового строя¹⁰⁰³, а хунны, соответственно, были единым племенем, «разделенным на роды; это отличало их от племенного союза. Они имели свою внутреннюю родовую организацию, что не позволяет считать их ордой» (с. 74). «Строй, установленный Модэ и его преемниками, консервировал систему родовых отношений и может быть определен как геронтократия – власть старейших в роде» (с. 82). О том же писал Бернштам, по мнению которого, «гунны искусственно сохраняют родовой строй»¹⁰⁰⁴. Государство хуннов впервые в советской науке Гумилев определил как родовую империю (с. 83).

Дискуссия о социальном строе хуннов после работ Гумилева только усилилась. В.С. Таскин, выполнивший новые переводы отрывков о хуннах из китайских хроник, в комментариях к ним специально останавливался на ошибках, возникших вследствие неправильного понимания текста прежними переводчиками. По этому поводу археолог А.В. Давыдова, не называя имени Гумилева (см. выше параграф 2.2), но, очевидно, подразумевая его, писала: «В советской литературе давно утвердилось мнение, что основу хуннского объединения составлял военный союз 24 родов... Это мнение основывалось на данных китайского источника..., упоминающего о наличии у хунну 24 должностных лиц, которые в переводе Н.Я. Бичурина были названы старейшинами, что

¹⁰⁰¹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 99.

¹⁰⁰² Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. С. 53-54, 213-214.

¹⁰⁰³ Гумилев Л.Н. Хунну. С. 71. Далее ссылки в тексте.

¹⁰⁰⁴ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. С. 54.

и дало основание исследователям говорить о родовом строе хунну... Новый перевод источника показал ошибочность перевода Н.Я. Бичурина... Речь идет о 24 начальниках, называемых темниками»¹⁰⁰⁵. Применительно уже непосредственно к Гумилеву то же было высказано в ряде историографических обзоров: «Так В.С. Таскин опроверг точку зрения Л.Н. Гумилева о господстве родовых отношений у хуннов»¹⁰⁰⁶; «Оспорил В.С. Таскин и другое утверждение Л.Н. Гумилева о 24 родах хунну как основе их державы. Исследователь указал, что в источниках не говорится о существовании 24 родов, а упоминаются 24 начальника, называемых темниками»¹⁰⁰⁷.

Из приведенных цитат следует, что перевод В.С. Таскина доказал, что общество хуннов не было родовым. Здесь присутствует очевидное недоразумение. Достаточно свериться с текстом самого В.С. Таскина, который вовсе не отрицает наличия у хуннов родового строя¹⁰⁰⁸, а опровергает мнение Гумилева и С.И. Руденко, что государство хуннов состояло из конкретно 24 родов¹⁰⁰⁹. Именно поэтому сейчас принято говорить о конфедерации *племен*, а не родов хунну.

Однако мнение Гумилева, что хунны были *единым племенем*, поддержала С.А. Плетнева, отметившая интересную деталь: «...в письменных источниках, рассказывающих об империи Хунну, всегда упоминается только одно этническое имя – "хунну"... Победенных и присоединенных соседей не называли хунну – они именовались собственными наименованиями, а значит, не входили в состав хуннской этнической общности...»¹⁰¹⁰. Не отрицает наличие у хуннов родового строя и А.В. Давыдова, которая заключает свою статью словами:

¹⁰⁰⁵ Давыдова А.В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. С. 141-142.

¹⁰⁰⁶ Ахсанов К. Историографический обзор. С. 31.

¹⁰⁰⁷ Дашковский П.К., Васютин С.А. Социально-политическая организация кочевников... С. 180.

¹⁰⁰⁸ В.С. Таскин находил у хуннов родовую солидарность, нарушение которой каралось смертью (Таскин В.С. Материалы по истории сюнну... [Вып. 1]. С. 5, 134). Также он считал, что все представители высшей знати были родичами шаньюя (Таски В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. второй. – М.: Наука, 1973. С. 15), а занятие одной из 24 должностей как раз зависело от родственных связей с шаньюем (Там же. С. 12, 17).

¹⁰⁰⁹ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. второй. – М.: Наука, 1973. С. 14-15.

¹⁰¹⁰ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. С. 86-87.

«Таким образом, мы вправе прийти к выводу, что общество хунну более всего сопоставимо с государством, но примитивного типа, где многое еще выдает традиции родового строя»¹⁰¹¹. Не полемизирует с мнением Гумилева о родовом строе хуннов и С.Г. Кляшторный¹⁰¹². Он также полагает, что «отношения родства определяли социальное положение и политическую роль каждого, кто принадлежал к высшим слоям хуннского общества»¹⁰¹³.

О том, что у хуннов было 24 должностных лица, а не 24 старейшины было известно и ранее. Так, Э. Паркер еще в конце XIX в. писал: «...каждый из 24 служащих высшего ранга имел свою выделенную территорию...»¹⁰¹⁴. Да и цифра 24, возможно, не случайна и указывает, если не на наличие 24 родов, то на воспоминание хуннов о том, у них когда-то было столько родов. Интересно, что В.В. Бартольд находил параллель между хуннами и позднейшими туркменами: «...число 24 имело значение как в политической жизни хуннов (24 должности), так и в жизни... общины мервских туркмен (по 24 старшины у обоих главных текинских племен...)»¹⁰¹⁵.

В общем, новые переводы не столько опровергли точку зрения Гумилева на характер общественной организации хуннов, сколько внесли в нее терминологические уточнения.

Следующим этапом в истории степи было возникновение Тюркского каганата. Еще в 1949 г. Гумилев образно писал: «Тюркская орда (выделено мной. – А.С.) жила и погибла, как волк, голову которого она несла на своих знаменах, не давая и не прося пощады»¹⁰¹⁶.

В данном случае слово «орда» употреблено не в риторическом значении («кочевые орды»). Тюркютское общество VI–VII вв. Гумилев считал именно ордой, состоявшей из военной аристократии (бегов) и простого («черного») народа¹⁰¹⁷. Одновременно в государстве тюркютов начали образовываться

¹⁰¹¹ Давыдова А.В. Об общественном строе хунну. С. 145.

¹⁰¹² Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. С. 463.

¹⁰¹³ Там же. С. 465.

¹⁰¹⁴ Parker E.H. A Thousand Years..., p. 19 («each of the twenty-four officers of the first rank...»).

¹⁰¹⁵ Бартольд В.В. Сочинения... Т. V. С. 196.

¹⁰¹⁶ Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туяк-Мазара. С. 242.

¹⁰¹⁷ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. С. 60.

«племена», по-древнетюркски «oguz». Они в корне отличались от старых патриархальных родов, поскольку были основаны на принципе хозяйственной, а не исключительно родовой организации¹⁰¹⁸. Это открытие можно без преувеличения оценить как выдающийся вклад Гумилева в кочевниковедение.

Дело в том, что термин «огуз» имеет принципиальное значение в решении проблемы этногенеза всех тюркоязычных народов. Еще в XVIII в. было обращено внимание на сходство названий протоболгарских племен, известных по византийским источникам (сарагуры, оногуры и другие), с этнонимами «уйгуры» и «угры»¹⁰¹⁹. Соответственно их относили то к тюркоязычным, то к финно-угорским народам¹⁰²⁰; порой их путали, поэтому уйгурами именовали угров или же употребляли термин «игуры», смешивая в одно первых и вторых¹⁰²¹.

В упомянутой работе В.В. Радлова вторая часть перечисленных этнонимов определена как искажение от «уйгур»¹⁰²². Все эти племена, по его мнению, являлись частью гуннского объединения, а после его распада выступили под собственными именами. После VII в. они растворились среди финно-угорского населения Поволжья и Приуралья, передав одной его части только свое имя (югры, угры, ungarī = венгры), другой – язык (чуваши)¹⁰²³.

Параллельно с концепцией Радлова венгерскими лингвистами был введен условный термин «огуры», который будто бы представлял более архаичную форму по сравнению с известными по многим источникам «огузами»¹⁰²⁴. Однако без перестановок или добавлений букв (о или у) выделить «огур» из «сара-

¹⁰¹⁸ Там же. С. 61-62.

¹⁰¹⁹ Deguignes. Histoire générale des Huns... Т. I, sec. partie. – Paris, 1756. P. 316–317. Thierry Am. Histoire d'Attila et des ses successeurs. Т. I. – Paris, 1856. P. 296.

¹⁰²⁰ Klaproth J. Tableaux historiques... – Paris, 1826. P. 243, 246–247, 249, 260, 262. Европеус Д. К вопросу о народах... // Журнал Министерства народного просвещения – 1868 – №7 (июль) – С. 55–71. С. 66–67.

¹⁰²¹ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Т. 6. – М., 1885. С. 281–282.

¹⁰²² Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. С. 107–111. Ср. Кабиров М.Н. К вопросу изучения древней и средневековой истории уйгуров в отечественной науке // Материалы по истории и культуре уйгурского народа. – Алма-Ата: Наука, 1978. С. 3–21. С. 14 (названы «кут-уйгуры» и «он-уйгуры»).

¹⁰²³ Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. С. 115–116.

¹⁰²⁴ Перени Й. Угры в «Повести временных лет» // Летописи и хроники 1973. – М.: Наука, 1974. С. 92–102. С. 94–96.

гур», «оногур» и других не получается¹⁰²⁵. Форма «огур» в чистом виде и, соответственно, такой народ ни в одном источнике не упоминаются. Видимо, изобретение термина понадобилось для обоснования тюркского происхождения этнонима «венгры». Несмотря на свою искусственность, термин «огур» прижился и сразу же породил обширную библиографию¹⁰²⁶.

Согласно еще одной группе взглядов, «огуз» первоначально обозначало «племя», «союз племен» и не несло этноопределяющей нагрузки. Интересно, что единственный среди всех исследователей вопроса пантюркист – Садри Максудов – внес наибольшую ясность в проблему. Он четко разделил ее на две части: 1) соотношение слов огур/огуз и 2) их значение. В первой части его взгляды не отличались оригинальностью: он полагал, что деление на «огуры» было чертой гуннского объединения в Европе. Но в том, что касается значения слов «огуз» и «огур», им сделан важный шаг вперед. Максудов первым определил, что «слова "огур" и "огуз" не являются этнонимами народов, в названия которых они входили... Они есть не что иное, как названия структурных частей этих народов. <...> Тюркская история не знает тюрков-огузов, в ней име-

¹⁰²⁵ В этом отношении показательны ранние венгерские работы. Ни граф Гёза Кун, ни Бернат Мункачи не находили прямого упоминания огуров в источниках (называемое Феофилактом Симокаттой племя, связанное родством с аварами, они транскрибировали как «угоров» (Кун, р. LXII) или «огоров» (Мункачи, с. 367, 371)). Тем не менее, оба «огуров» упоминают. Гёза Кун, кажется, первым, еще до открытия рунических текстов, вывел название «угор»/«огур» как г-форму по отношению к сибилантному «огуз», не уточняя, какой из вариантов древнее. В качестве примера сосуществования обоих вариантов он привел имя Огузалпа, вождя огузов, и название ветви туркмен-иомутов «огурджали». Как часть имен собственных, «огур», по Куну, означает «вторую удачу» («secundam fortunam») или «доброе знамение» («bonum omen»). В свою очередь, Мункачи (с. 353–354) нашел едва ли не первое упоминание «огур» в научной литературе. Он ссылается на Ю. Клапрота, который вывел этноним «огур» из «остяцкого» языка. Клапрот особо настаивал на не связанности тюрков-уйгуров и уральских «угуров или югуров», замечая (курсив в цитате авторский. – А.С.): «Кстати, что касается имени последних, то оно вполне может происходить от местного слова *ogur* или *uog*, означающего на их языке *высокий* <hoch>. Тогда *угорцы* были бы горцами <Hochländer>, и это наименование должно быть очень подходящим, учитывая расположение их родины на Уральских горах» (Klaproth J. von. *Asia Polyglotta*. – Paris: bei A. Schubart, rue Choiseul, 4, 1823. S. 188). См. *Codex cumanicus bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum. Primum ex integro edidit. Prolegomenis notis et compluribus glossariis instruxit comes Géza Kuun*. – Budapestini: Editio Scient. Academiae Hung., 1880. P. LXII–LXIII. Munkácsi B. *Az «ugor» népnevezet eredete // Ethnographia VI. Oct.–Dec. 1895. P. 349–387.*

¹⁰²⁶ Moravcsik Dy. *Byzantinoturcica*. Bd. I. – Berlin: Akademie-Verlag, 1958. S. 65–67.

ли место только "огузы" тюрков»¹⁰²⁷. Теории миграций, основанные на одном созвучии племенных названий, Максудов считал надуманными, формулируя свое к ним отношение предельно четко: «Мы не можем допустить низведения тюркологической науки до примитивной, построенной только на принципе внешней аналогии слов "племенологии"»¹⁰²⁸.

Опираясь на выводы А.Н. Кононова («огуз» образовано от *ог* («род») + *уз* (множественное число)¹⁰²⁹, Л.Н. Гумилев определил конкретно-исторические условия возникновения термина «огуз». Он полагал, что «огузы» появились не раньше создания первого тюркского каганата, поскольку напрямую связаны с его внутренней структурой. Орде тюркютов были подчинены многие малые племена, населявшие, помимо тюрков, обширные пространства степей. Главы племен организовывали управление своими родичами по образцу удельно-лестничной системы рода Ашина. Эта новая форма организации, пришедшая на смену патриархальным родам, стала называться «огуз», а их союзы отмечались числительными по количеству составлявших их племен (токуз-огузы, уч-огузы)¹⁰³⁰. Гипотеза Гумилева подтверждается тем, что самые ранние упоминания «огузов» зафиксированы только в орхонских текстах, повествующих о событиях от возникновения каганата в середине VI в. до событий около середины VIII в., когда эти тексты были созданы. Значит, само слово, обозначая совершенно новое явление, появилось сразу в форме «огуз», не имея «архаического» предшественника «огур»¹⁰³¹.

Поскольку «огуз» значит просто «племена», Гумилев не видел оснований считать родственными «огузские» народы на западе (гузы, турки-сельджуки,

¹⁰²⁷ Максуди С.А. Тюркская история и право. – Казань: Фэн, 2002. С. 317–318. Первое издание вышло в Стамбуле в 1947 г. на турецком языке.

¹⁰²⁸ Там же. С. 384.

¹⁰²⁹ «Таким образом, слово *огуз* первоначально могло значить просто "племена", "объединение племен", которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным значением...: *токуз огуз* "девять [разных] племен", *уч огуз* "три [разных] племени"». См.: Кононов А.Н. Родословная туркмен. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 84.

¹⁰³⁰ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 61-62.

¹⁰³¹ Ср. с приведенным выше (параграф 1.1) принципом В.В. Бартольда (Сочинения. Т. V. С. 35–36) определять в поиске этимологий конкретно-исторические обстоятельства возникновения каждого названия или термина.

туркмены, печенеги) и востоке (уйгуры и другие племена теле) Великой степи¹⁰³².

Таким образом, распространение тюркоязычия и этногенез народов, ныне говорящих на тюркских языках, оказываются процессами нетождественными. Историческими реалиями являются: 1) миграция гуннов на запад¹⁰³³, с которой произошло первое проникновение архаичного тюркского языка в Восточную Европу, и 2) создание тюрками своего каганата, благодаря чему распространился не только этноним «тюрк», но и сами языки¹⁰³⁴. При таком подходе история степных народов не нуждается во введении дополнительного элемента, параллельного историческим гуннам и тюркам, но непонятно, как с ними связанного, – «огузов»**.

**Достаточно развернутую критику изложенной концепции Гумилева мы нашли только в монографии В.М. Запорожца, но и она выглядит довольно поверхностной: «В самом начале работы Гумилев, не мучаясь вопросом о соотношении тюркского и огузского этнических компонентов в составе каганата, пишет: "Тот народ, история которого описывается в нашей книге, во избежание путаницы мы будем называть тюркютами..."»¹⁰³⁵. Автор никак не комментирует эту и другие цитаты из «Древних тюрков». Далее: «Нельзя согласиться с той трактовкой, которую Л. Гумилев дает термину "огуз". По его мнению, "огуз" имеет значение "община" или союз нескольких малых племен, причем, не важно, каких в этническом отношении. <...> То есть, если 9 общин, то это уйгуры, а если 3, то – карлуки! Тему огузов Гумилев завершает следующим образом: "Впоследствии термин огуз потерял свое значение ... и превратился в имя легендарного прародителя *тюркменов* (курсив автора – А.С.)..."». Даже не касаясь своеобразия подачи критики, заметим, что ее фактическая сторона основана на незнании историографии, источников и содержания критикуемой монографии. Так, этимологии с «-огуз» принадлежат не Гумилеву, а А.Н. Кононову (см. выше). В разных рунических памятниках упоминаются то уч-огузы, то уч-карлуки, поэтому их и отождествили, причем задолго до Гумилева (Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... Т. II. С. 288–289). Наконец, «соотношению тюркского и огузского компонентов» в монографии Гумилева посвящен не один раздел (Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 61–63, 180–182), чего критик не заметил, но зато выделил опечатку («тюркмен») в современном ее переиздании (в первом издании опечатки нет).

Огузы представляли важный элемент внутреннего устройства древнетюркского каганата. Следует отметить, что «каганат» – термин поздний, сами тюрки называли свое объединение «эль»/«иль» (äl/il). Интерпретация термина

¹⁰³² Гумилев Л.Н. Соседи хазар. С. 131, 133; Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. X. – М.: Наука, 1970. С. 96; уточнение и подробная аргументация того же мнения: Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 199–204.

¹⁰³³ Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. С. 5–6.

¹⁰³⁴ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 6, 24–25. Далее ссылки на монографию даны в основном тексте.

¹⁰³⁵ Запорожец В.М. Сельджуки. – М., Воениздат, 2011. С. 28.

«эль» вызвала немалые споры. Проанализировав историографию и сами орхонские тексты, Гумилев пришел к мнению, что более всего для перевода подходит слово «держава» или латинское «imperium» (с. 101-102), оба означающие систему господства над покоренными племенами. «Главное в этом понятии – писал Гумилев – наличие завоеванных племен, принужденных уживаться в мире с ордой, которая является как бы господствующим племенем» (с. 63). Подобная форма организации не могла быть стойкой, потому что огузы всячески стремились вернуть себе независимость. Тем не менее, она «обеспечила на несколько поколений преобладание тюркютов в степи, и она же... обусловила их гибель» (с. 63).

Анализ внутреннего устройства тюркютских каганатов VI–VIII вв. позволил Гумилеву установить, что они находились на стадии военной демократии, о чем он образно написал: «...держава Ашина была некоторым подобием Спарты, но во много раз сильнее и больше» (с. 64-65). Процесс классовообразования, который все же начался у тюркютов, был прерван ходом событий. Первый каганат, сначала расколовшийся, затем уничтоженный по частям внутренними (огузами) и внешними (Китай) врагами, дальше военной демократии так и не продвинулся¹⁰³⁶.

В.В. Трепавлов видит противоречие между ранней статьей Гумилева («Орды и племена у древних тюрков и уйгуров»), в которой обосновывается широкое распространение эля среди покоренных тюрками племен, и его более поздним утверждением («Поиски вымышленного царства») о всеобщем неприятии эля вследствие жестокости этой системы¹⁰³⁷. На самом деле, в обеих работах говорится об одном и том же – тяжести эля, с одной стороны, и притягательности удельно-лествичной организации правящего рода Ашина, с другой, которую покоренные племена у тюрков заимствовали. В статье есть и прямое утверждение о тяжести тюркского управления: «Итак, эль был формой сосуществования орды и племен. Хотя в идее это существование должно было

¹⁰³⁶ Гумилев Л.Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // Гумилев Л.Н. Древние тюрки. Кн. 1. С. 77-78.

¹⁰³⁷ Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. С. 21.

быть мирным, но оно было настолько тяжело для обеих сторон, что эль был очень нестойкой формой»¹⁰³⁸. В «Поисках вымышленного царства» (с. 120) Гумилев лишь повторяет свою аргументацию, ссылаясь на страницы «Древних тюрков» (с. 101–102), основой для которых стал текст ранней статьи.

Рассмотрев основные взгляды Гумилева на социальное устройство древних тюрков, мы, наконец, можем констатировать их принципиальное отличие от взглядов А.Н. Бернштама. По «Древним тюркам» можно понять, что Гумилев оценивал монографию Бернштама в целом негативно¹⁰³⁹, но конкретно полемизировал всего по двум вопросам: 1) интерпретация понятия «эль» (с. 101–102); 2) определение стадии развития тюрков (с. 63, 270). Зато в экземпляре монографии Бернштама, хранящемся в личной библиотеке Гумилева, имеется внушительное число маргиналий и подчеркиваний, свидетельствующих о предельно внимательном ее чтении. Рассмотрим их подробнее, дабы уяснить содержание несостоявшейся, но породившей целую мифологию, дискуссии (см. параграф 1.1).

Ввиду множественности пометок, разделим их условно на несколько групп. Приведем сначала некоторые отмеченные Гумилевым фактические ошибки. Так, Бернштам называет первыми общетюркскими каганами Бумына и Истеми (с. 62), но последний – брат первого, верховным каганом никогда не был¹⁰⁴⁰. В другом месте книги подробно разбирается вопрос о реальности Бумына (Тумына в китайской передаче), на что Гумилев заметил: «Автор открывает вещи, открытые уже 200 лет тому назад и неоднократно повторенные» (с. 173). Неверно в книге идентифицированы родственные связи некоторых других каганов. Например, Бернштам считал Шаболию-хана сыном Тобо-хана (с. 174), хотя Шаболию был сыном Коло Исиги-хана. В свою очередь, последнего

¹⁰³⁸ Гумилев Л.Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров. С. 82.

¹⁰³⁹ «Мало принесли пользы науке статьи и книги А.Н. Бернштама из-за слишком вольного обращения с фактами и датами» (Древние тюрки. С. 95). В кандидатской диссертации Гумилева о том же написано осторожнее: «Проблемы, которые поставил перед собою А.Н. Бернштам, весьма широки, но лежат вне темы данного исследования». См. Гумилев Л.Н. Подробная политическая история первого тюркского каганата. С. 3.

¹⁰⁴⁰ Появление титула «каган» отнесено Бернштамом к «первобытнокоммунистической эпохе», что вызвало у Гумилева недоумение. См. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй... С. 100. Далее ссылки в тексте.

он ошибочно отождествил с Истеми. По мнению Бернштама, Шили-Дэлэ и Сы-Шеху – два разных участника гражданской войны в западном каганате (с. 187), на самом же деле это одно лицо, известное под разными именами, что для древнетюркской ономастики очень характерно. Неверно датированы некоторые ключевые события истории тюрков: начало «великой распри» в первом каганате – 580 г. вместо 584 г. (с. 185); начало подчинения восточного каганата Китаю – 600 г. вместо 630 г. (с. 178), причем в пользу 600 г. даже приведена аргументация, хотя ранее Бернштам называл верную дату (с. 108). Это далеко не все ошибки.

Теперь рассмотрим теоретические разногласия Гумилева и Бернштама. Во-первых, Гумилев, в целом, не принял схему Бернштама, оставив немало подчеркиваний и вопросительных знаков уже в ее кратком изложении (с. 8–10). Согласно этой схеме, хунны находились на стадии военной демократии (с этим Гумилев был согласен; см. выше). Базой следующего степного объединения – жужаньского ханства, – по мнению Бернштама, являлись рабы, поэтому их строй назван «примитивной формой рабовладельческих отношений», с чем Гумилев был явно не согласен. Наконец, по логике схемы тюркское общество должно было оказаться феодальным, пусть и примитивно-феодальным. Обоснованию последнего положения посвящена основная часть монографии Бернштама, а большая часть замечаний Гумилева на полях, соответственно, его опровержению.

Начнем с проблемы рабства. Наличие у тюрков рабов Гумилев не отрицал, но назвал «фантазией» мнение, что до VI–VIII вв. тюрки пережили стадию рабовладельческих отношений (с. 120) и что характерной чертой завоеваний эпохи второго каганата был увод в рабство побежденных (с. 117; на полях: «Ниткуда не следует»). На утверждение, что тюркские источники не дают указаний на количество и сферу применения рабов в хозяйстве (с. 118), Гумилев ответил: «И не могут дать, т.к. постановка вопроса автором бессмысленна». На замечание, что распространение рабства у тюрков и уйгуров явно преувеличи-

вается (с. 121), Гумилев заметил: «Верно, но опровергает все вышеизложенное».

В орхонских эпитафиях Бернштам настойчиво искал свидетельства классовой борьбы, но каждый находимый им случай Гумилев в своих пометках отклонял. Например, пространную цитату из надписи Кюль-тегина, будто бы удостоверяющую «значительное развитие классовой борьбы во времена орхонских тюрок» (с. 130), Гумилев иронически прокомментировал: «Это "классовая борьба" Тули-хана против его старшего брата Хели-хана в 630 г.». В сообщениях о более ранних событиях (междоусобице в первом каганате) Бернштам видит «растущие классовые противоречия в обществе тюрок» (с. 175), а Гумилев, в свою очередь, только «династические распри». Цитируя еще один фрагмент из надписи Кюль-тегина, о времени правления Мочжо (693-716), Бернштам заключает: «В этом чрезвычайно интересном отрывке надписи засвидетельствована классовая борьба» (с. 181), – что Гумилев, опять не без иронии, уточнил: «Борьба с иными государствами». В эпоху Мочжо, по мнению Бернштама, у тюрок шел «бурный рост феодализации» (с. 132), последние слова Гумилев подчеркнул. В другом месте правление Мочжо названо «периодом "интенсивной феодализации"» (с. 182), что Гумилев опять подчеркнул, а на полях приписал «откуда?» (с огромным знаком вопроса). Общим рассуждениям Бернштама об изначальной прогрессивности роли тюрок в истории Китая, когда тюрки поддерживали там крестьянские восстания, затем об изменении их роли в сторону реакционности вследствие оформления у них классов (с. 140), Гумилев дал такую оценку: «Факты, на которые ссылается автор, не имели места в истории. Их просто не было».

Гумилевым сделано немало пометок в местах, где речь идет о проблеме семьи и эволюции ее форм. Приведем лишь одно примечание. Бернштам, анализируя устройство семьи у гуннов, упоминает известный сюжет легенды о Модэ, предлагая свое пояснение: «...а когда еще перед восшествием на престол, Модэ убил ее <жену>, то приближенные "ужаснулись", очевидно от

необычного для того времени поступка Модэ» (с. 97). На это Гумилев заметил: «А когда обычно убивать жен?!».

Что значит эта критика? В библиотеке Гумилева не много книг, настолько испещренных пометками. Можно было бы только гадать, почему лишь малая часть критики попала затем на страницы «Древних тюрков», если бы не чрезвычайно любопытное примечание Н.Ю. Смирнова к подготовленной им и ранее не публиковавшейся статье Бернштама: «В №1 ВДИ за 1949 г. была опубликована критическая рецензия С.В. Киселева, а вот ответа А.Н. Бернштама на нее не последовало. То, что какой-то ответ... все же был, можно понять не только из публикуемого текста, но и другого... источника. Это – машинописная копия письма А.Н. Бернштама в редакцию ВДИ (еще от 6 января 1947 г.), содержащего ответ на готовившуюся тогда к публикации рецензию Л.Н. Гумилева на его работу по орхоно-енисейским тюркам. Действительно ли редакция ВДИ собиралась публиковать рецензию Л.Н. Гумилева..., достоверно неизвестно. Но текст этой рецензии точно существовал – кроме письма А.Н. Бернштама эта рецензия (и история ее передачи в библиотеку ИВ АН СССР в Ленинграде) упоминается самим Л.Н. Гумилевым в одном из вариантов его воспоминаний. В итоге рецензия Л.Н. Гумилева опубликована не была, как и ответ на нее А.Н. Бернштама, а вместо этого в ВДИ вышла рецензия С.В. Киселева»¹⁰⁴¹.

К сожалению, Н.Ю. Смирнов не дал более подробных указаний ни о содержании письма Бернштама в редакцию, ни о месте его хранения, ни о том, что это за «вариант воспоминаний» Гумилева, в котором будто бы упоминается его рецензия. Тем не менее, если соединить эти свидетельства с приведенными здесь на основе маргиналий, получится более или менее цельная картина. Многочисленные пометки, сделанные в книге Бернштама, теперь находят убедительное объяснение – Гумилев готовил на книгу рецензию, а проведенный их анализ позволяет хотя бы эскизно наметить ее содержание.

Итак, судя по критике монографии А.Н. Бернштама, Гумилев начал разработку теоретических проблем кочевниковедения задолго до публикаций

¹⁰⁴¹ Смирнов Н.Ю. Возвращенная рукопись (из публицистического наследия А.Н. Бернштама) // Археологические вести. Вып. 17. – СПб.: Наука 2011. С. 353–365. С. 358–359.

своих работ. Свои взгляды, после отдельных глав в монографиях, он обобщил в специальной статье, которой мы и будем руководствоваться¹⁰⁴². По мнению Гумилева, «попытки механически перенести закономерности европейского социального развития в Центральную Азию потерпели неудачу, так как каждая большая этнокультурная целостность имеет свои локальные особенности»¹⁰⁴³ (с. 78-79), поэтому «отдельные случаи рабовладения, или то и дело, возникавшие феодальные институты, характерные для Европы и Леванта, в Великой степи были преходящими явлениями» (с. 80). Значит, даже наличие некоторого числа рабов у кочевников не свидетельствует о рабовладельческом строе (с. 86). Феодальные институты, по мысли Гумилева, возникали лишь на окраинах кочевого мира, где кочевники вплотную вступали в контакт с земледельческими цивилизациями. В качестве примеров он приводил империю Северная Вэй, Сельджукский султанат и, конечно, Монгольскую империю (с. 80, 81).

Гумилев, сознательно дистанцируясь от марксистского обществоведения, не участвовал в дискуссиях об азиатском способе производства и проблеме кочевого феодализма. Однако приведенные фрагменты его работ и ряд других породили ошибочное представление о том, что он отрицал наличие у кочевников социального развития и классов с государственностью¹⁰⁴⁴. В этой связи напомним, что Гумилев учился в университете в то время, когда советская каноническая редакция марксизма только формировалась. С одной стороны, такие понятия, как *род*, *военная демократия*, *рабовладение*, *феодализм*, Гумилев использовал вполне традиционно для советской науки. Однако идею последова-

¹⁰⁴² Гумилев Л.Н., Эрдели И. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века // Народы Азии и Африки – 1969 – № 3 – С. 78-87. Далее номера страниц даны в тексте.

¹⁰⁴³ П.П. Иванов (умер в 1942 г.), не успевший усвоить еще не вполне устоявшиеся марксистские догмы, высказывался практически идентично: «Значительное своеобразие, свойственное как хозяйственной, так и социальной структуре кочевого общества, не позволяет нам переносить на него механически все те обобщения, какие сделаны наукой на основе наблюдения над исторической жизнью оседлых народов» (Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). – М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 28–29).

¹⁰⁴⁴ «...стабильный, предклассовый характер общественной структуры номунизма показан во многих работах Л.Н. Гумилева» (Крадин Н.Н. Кочевые общества. – Владивосток: Дальнаука, 1992. С. 37). «В работах Гумилева наиболее ярко выражена идея о доклассовом характере ранней государственности у кочевников» (Ахсанов К. Историографический обзор. С. 29). Е.И. Кычанов (История приграничных... С. 48) принял за отрицание у хуннов государства употребление Гумилевым слова «держава» по отношению к их объединению.

тельной смены формаций он, скорее всего, отрицал. Это заметно по следующим высказываниям:

«Государство – институт не этнический, а социальный. Возникая при первобытнообщинном строе, оно может охватить один этнос целиком, или несколько соседних этносов, или часть своего этноса, так как две системы отсчета – социальная и этническая – не совпадают»¹⁰⁴⁵; «В отличие от аристократических королевств Западной Европы и бюрократических империй Китая степные улусы существовали как военные демократии»¹⁰⁴⁶; «...никакого застоя в Великой степи не было. Народы там развивались не менее бурно, чем в земледельческих районах Запада и Востока. Социальные сдвиги были, хотя и не похожие на европейские, но не менее значительные...»¹⁰⁴⁷; «...хунны, будучи обществом доклассовым, создали державу, основанную на "господстве над народами". <...> Родовая держава Хунну не единственный случай в мировой истории, когда доклассовое общество создает мощную организацию»¹⁰⁴⁸; «...этнос, обретая социальные формы, создает политические институты, которые не являются природными феноменами. Римляне создали сенат, консулат, трибунат и систему права; франки – феодализм; тюрки VI в. – эль...»¹⁰⁴⁹.

Приведенные фрагменты свидетельствуют о том, что Гумилев отрицал не государственность у кочевников, а схему общественно-экономических формаций. Однако и современные исследователи все больше стали отказываться от попыток классификации обществ кочевников в рамках традиционной социальной терминологии: «...сложность интерпретации кочевых империй в рамках мировой истории, возможно, отражает неприменимость использования понятийного аппарата, разработанного на материалах оседлых обществ, к истории

¹⁰⁴⁵ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 434. На это высказывание обратил внимание А.Ю. Дворниченко, сделавший вывод: «Тут, как видим, ученый заодно с теми востоковедами и медиевистами, чьи редкие голоса во время господства "основ" осмеливались уводить государство в первобытность» (Дворниченко А.Ю. Евразийцы, Л.Н. Гумилев и проблема древнерусского государства... С. 113). Соглашаясь с А.Ю. Дворниченко в целом, отметим, что Гумилев пришел к своему мнению самостоятельно.

¹⁰⁴⁶ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 634.

¹⁰⁴⁷ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 70.

¹⁰⁴⁸ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. С. 217, 219.

¹⁰⁴⁹ Там же. С. 244.

кочевников-скотоводов»¹⁰⁵⁰; «Многовековая история монголов подтверждает специфику... кочевых обществ, в которых институты первобытного общества разложились и исчезли..., но экстенсивность экономики не позволяла изменить социальную структуру общества...»¹⁰⁵¹. Принципиальное новаторство концепции Гумилева заключалось в том, что не рабовладение и феодализм, по его мнению, определяли жизнь и строй кочевников, а сосуществование орд («дружина эпохи военной демократии») и племен, т.е. «огузов» («территориально-хозяйственных единиц»)¹⁰⁵².

И здесь мы переходим к центральному месту кочевниковедческих работ Гумилева – концепции гетерохронности увлажнения Евразии, разработанной совместно с В.Н. Абросовым. Согласно ей, помимо социально-экономических, были и иные причины сосуществования орд и племен в степи. Гумилев заметил, что такое соотношение характерно не для одной эпохи Тюркского каганата, а обнаруживается на протяжении всей истории кочевников. Причину разделения на орды и племена он связал с климатическими факторами – периодическими изменениями движения циклонов с Атлантики вглубь континента. Циклоны влияют на климат западной части Евразии, продвижение же их на восток задерживают горные системы (Тянь-Шань, Алтай, Тарбагатай). Из-за разницы в климате способы кочевания в Западной и Восточной Евразии отличались. В Монголии, где небольшой слой снега позволяет скоту пастись даже зимой, возможно круглогодичное кочевание. Значит, члены рода всегда находились вместе, что обеспечивало связь между поколениями, передачу навыков ведения хозяйства и культурных ценностей. Тем самым создавались предпосылки для формирования при определенных условиях орд (эта точка зрения обратная высказанной В.В. Григорьевым). В степях же к западу от Монголии (кроме арало-каспийских, но они засушливее) по причине обильных снегопадов перекочевки были сезонными: летом семьи разделялись, а на зиму приходилось за-

¹⁰⁵⁰ Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. – Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 23.

¹⁰⁵¹ Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Изд. 2-е, перераб. – СПб.: Евразия, 2013. С. 52.

¹⁰⁵² Гумилев Л.Н., Эрдели И. Единство и разнообразие степной культуры... С. 79.

готовлять корм, что делало быт менее подвижным, а кочевые коллективы – менее сплоченными. Из этого Гумилев делал принципиальный вывод: сильные объединения, орды, возникали только в восточной части Великой степи, а в западной части создавались непрочные конфедерации племен¹⁰⁵³.

Данная концепция позволила связать два различных аспекта истории кочевников – вопрос об их социальном строе и географию Евразии¹⁰⁵⁴. Связь общественного развития и природной среды не прямолинейна. Гумилев отрицал детерминизм и утверждал обратное: «...грандиозные стихийные бедствия не влияли ни на смену формаций, ни на культуру, ни на этногенез. Они воздействовали только на хозяйство, а через него на уровень государственной мощи кочевых держав, ибо те слабели в экономическом и военном отношении, но восстанавливались, как только условия жизни приближались к оптимальным»¹⁰⁵⁵. Конкретный пример тому – судьба хуннской империи: «...усыхание степи имело место и в древности. История хуннов отреагировала на это чрезвычайно чутко – хуннская держава погибла. Конечно, для крушения кочевой империи имелось сколько угодно внешнеполитических причин, но их было не больше, чем всегда...»¹⁰⁵⁶.

При сравнении концепции Гумилева с концепцией М.П. Грязнова мы найдем ряд схожих положений, но выводы их значительно отличаются. Принципиальное различие сводится к тому, что для М.П. Грязнова способы кочевания (яйляжное и круглогодичное) являются последовательными этапами развития кочевого хозяйства. По Гумилеву – это два синхронных способа кочевания, а выбор того или другого зависит не от стадии развития, а от природно-

¹⁰⁵³ Гумилев Л.Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период // Этносфера. С. 274-276.

¹⁰⁵⁴ По мнению В.В. Тишина, концепция возникла позже опубликования «Древних тюрок». См. Тишин В.В. Историография социальной истории... С. 114. Однако помимо лагерной переписки 1950-х гг. в архиве Гумилева сохранилось заключение на рукопись «Древних тюрок» редактора З.Д. Кастельской (от 03.12.1965) с рекомендацией: «Содержание главы II со стр. 49–77 снять, так как большая часть ее уже использована в статье "Соседи хазар"...», а часть, касающаяся климата, тоже дана автором в работе "Открытие Хазарии"...».

¹⁰⁵⁵ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – Баку: Азернешр, 1991. С. 69.

¹⁰⁵⁶ Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Ритмы Евразии. С. 298-299.

климатических условий региона, где племя обитает. Кроме того, Гумилев продемонстрировал механизм изменения и способа кочевания, и формы общества на примере орды Чеби-хана (630-е гг.), перешедшей в условиях горно-степного ландшафта Алтая от непрерывного кочевания к сезонному, и, в результате, она трансформировалась в племя – теленгитов (субэтнос алтайцев)¹⁰⁵⁷. О различии взглядов М.П. Грязнова и своих Гумилев писал: «...большая часть установленных фактов и дат остается в силе, и только понимание событий меняется коренным образом за счет того нового материала, который дает физическая география. Он механически снимает прежние точки зрения...»¹⁰⁵⁸. Эту позицию Гумилева поддержал Г.Е. Марков: «Думается, что куренная и айльная организация не исключали друг друга. <...> Такой же точки зрения придерживаются и некоторые другие исследователи. Так, Л.Н. Гумилев считает, что обе системы сменяли друг друга на протяжении веков и отнюдь не связаны с развитием или разложением родового строя»¹⁰⁵⁹.

Опираясь на выводы С.И. Руденко, Гумилев предложил несколько иную схему формирования кочевого хозяйства. Началом кочевой цивилизации он также полагал эпоху распада в конце II тыс. до н.э. андроновской культуры. Засуха и экстенсивный характер полужизнеземледельческого хозяйства потребовали адаптации к новым условиям. Часть племен (в Средней Азии) перешла к ирригационному земледелию, а другая была вынуждена осваивать новый тип хозяйства – кочевое скотоводство (начало I тыс. до н.э.). В засушливую эпоху степь не могла быть равномерно заселена, поэтому единое цивилизационное

¹⁰⁵⁷ Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюркок-тугю. С. 105-106. Высокая оценка этой работе дана Д.Г. Савиновым. См.: Савинов Д.Г. Особенности культурогенеза в условиях горных систем (алтайская модель). С. 232-236.

¹⁰⁵⁸ Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности. С. 67.

¹⁰⁵⁹ Марков Г.Е. Кочевники Азии. – М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 58, 281–282 (дискуссия с М.П. Грязновым). Многократно приводившиеся высказывания исследователей, обнаруживавших приоритет Гумилева вопреки сложившемуся стереотипу о вторичности его наследия, не обошли стороной и данный, сугубо частный, вопрос: «Но особенно отлична его <Л.Н. Гумилева> типология форм социально-политической организации у кочевников древнетюркского времени. Такими формами были "племя" и "орда". <...> В общих своих чертах она *напоминала выдвинутую позднее* (выделено мной. – А.С.) теорию Г.Е. Маркова об общинно-кочевом и военно-кочевом состоянии кочевников». См. Дашковский П.К., Васютин С.А. Социально-политическая организация кочевников... С. 26–27. «Напоминать выдвинутую позднее теорию» невозможно, но можно «предвосхищать».

пространство распалось на западный и восточный культурные ареалы – скифо-сарматский и (будущий) хуннский, которые уже никогда более не слились¹⁰⁶⁰.

Характеризуя кочевниковедческие взгляды Гумилева, необходимо упомянуть о его отношении к проблеме миграций. Он их не отрицал, но не раз подчеркивал, что все известные в истории перемещения кочевников, как правило, с миграциями не были связаны¹⁰⁶¹. Гумилев настаивал на том, что голодная армия не может совершать победы, а, значит, масштабные войны во время засух кочевники вести не могут. В этой связи совершенно иную трактовку получили походы Чингисхана. В XIII в., по мнению Гумилева, в монгольских степях были оптимальные условия для кочевого скотоводства, следовательно, «характер походов Чингиз-хана и его преемников не имел ничего общего со стихийным выселением из засушливых районов... Здесь мы видели организованные походы немногочисленных, но великолепно обученных войсковых соединений»¹⁰⁶². Что же касается численности кочевых войск и, вообще, населения степей, то, излагая взгляды В.В. Григорьева, мы уже упоминали, что Гумилев отрицал расхожие представления о «несметных полчищах кочевников». О росте населения степей он писал: «В рассматриваемый нами период население степных пространств колебалось очень незначительно: от 300-400 тыс. в хуннское время до 1300 тыс. человек в эпоху расцвета монгольского улуса»¹⁰⁶³. Из коллег, кажется, только В.П. Алексеев, ссылаясь на более общие демографические закономерности, а не конкретно на Гумилева, твердо высказался за то же: «... цифра в 500 тыс. чел. наиболее реалистична при определении численности населения в империи Чингисхана»¹⁰⁶⁴.

¹⁰⁶⁰ Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности. С. 68, 70. См. также: Гумилев Л.Н. Изменение климата и миграции кочевников // *Природа*. 1972. №4. С. 44–52. С. 48.

¹⁰⁶¹ Гумилев Л.Н., Эрдели И. Единство и разнообразие степной культуры... С. 81.

¹⁰⁶² Гумилев Л.Н., Алексин А.А. Каспий, климат и кочевники // *Татарская археология* – №1 – 1997. С. 15-16.

¹⁰⁶³ Гумилев Л.Н. Изменение климата и миграции кочевников. С. 49.

¹⁰⁶⁴ Алексеев В.П. О некоторых аспектах изучения производительных сил в империи Чингисхана // *Всемирная история и Восток*. – М.: Наука, 1989. С. 76. Имеется в виду, конечно, население только степей Монголии.

Выше уже говорилось, что именно кочевниковедческие работы Гумилева получили наибольший отклик среди коллег. Впервые с развернутой критикой «концепции Л.Н. Гумилева» выступил И.Я. Златкин¹⁰⁶⁵. Под «концепцией Гумилева» И.Я. Златкин понимал и его взгляды на развитие историографии Центральной Азии, и взгляды (изложенные предельно кратко и неточно) на влияние климата на кочевников, и положения теории этногенеза, частично к тому времени опубликованные; и понимание Гумилевым истории в целом, и его методологию (пять уровней обобщения) и методику исторического исследования (отслаивание фактов от мнений, что понято как отказ от использования источников), – т.е. всё, что было написано Гумилевым почти за десятилетие с 1961 по 1970 г. Таким образом, за концепцию выдана арифметическая сумма работ, независимо от их тематики. Столь пристрастно И.Я. Златкин не судил даже о неоднократно критикуемом им А.Дж. Тойнби, и, напротив, пытался вычлени из его многотомного сочинения связную кочевниковедческую концепцию¹⁰⁶⁶.

С резкой критикой статьи Гумилева и Эрдейи выступила С.А. Плетнева¹⁰⁶⁷. Однако спорила она лишь с выводами второй части статьи, направленной против нее, тогда как концепция гетерохронности ей представлялась перспективной¹⁰⁶⁸. Можно с уверенностью утверждать, что дискуссия, ставшая заметным научным событием¹⁰⁶⁹, в своей основе имела личный конфликт между ее участниками. В недавно опубликованных воспоминаниях И. Эрдейи под-

¹⁰⁶⁵ Златкин И.Я. Не синтез, а эклектика // Народы Азии и Африки. 1970. № 3. С. 80–88.

¹⁰⁶⁶ Златкин И.Я. Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока. – М.: Наука, 1971. С. 131–193. С. 189–190 (повторена критика Гумилева).

¹⁰⁶⁷ Плетнева С.А. По поводу статьи Л.Н. Гумилева и И. Эрдейи «Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века» // Советская Археология – 1970 – №3 – С.279–283.

¹⁰⁶⁸ Плетнева С.А. По поводу статьи Л.Н. Гумилева и И. Эрдейи... С. 280.

¹⁰⁶⁹ «В 1970 г. в СА, №3 помещена рецензия С.А. Плетневой "По поводу статьи Л.Н. Гумилева и И. Эрдейи..." Она вводит нас в курс интересной полемики, касающейся социальных и экономических процессов в истории кочевников Евразии. Дискуссия продолжена в журнале "Народа Азии и Африки" (№3, 1970 г.) в совместной статье М.И. Артамонова и С.А. Плетневой». См. Макарова Т.И. Работа сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1969–1970 гг. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 129. – М., 1972. С. 110–112.

твердил именно личностные причины конфликта с С.А. Плетневой¹⁰⁷⁰. Конечно, и сам Гумилев не был немым читателем критики в свой адрес, но не всегда ему удавалось опубликовать ответ. Так, общий ответ И.Я. Златкину, М.И. Артамонову и С.А. Плетневой¹⁰⁷¹ ему удалось провести только через «Известия ВГО»¹⁰⁷². Ответ на статью С.А. Плетневой в «Советской Археологии» остался неопубликованным. В архиве музея-квартиры Л.Н. Гумилева сохранились его рукописный и машинописный варианты¹⁰⁷³.

Впоследствии в своей главной теоретической работе С.А. Плетнева неоднократно ссылалась на Гумилева (см. параграф 1.1), фактически основывая ряд своих выводов на положениях его работ. Нельзя не отметить, что ее собственная концепция о трех стадиях кочевания – результат аналогичной Гумилеву попытки объяснить различие в формах общественной организации кочевников. С.А. Плетнева заметила, что смена способа кочевания (круглогодичного на сезонное) не происходит, как считал М.П. Грязнов, всего раз за историю, а имела место в истории многих кочевых народов. Фактически она пришла к сходному с Гумилевым выводу. Однако С.А. Плетнева не учла географического фактора, посчитав переход от одной стадии к другой исторической закономерностью, а не следствием изменений климата или миграции на территории с иными природными условиями. Ей также казался естественным переход от кочевания к земледелию, тогда как Гумилев настаивал, что это явление носило исключительный характер. Позже и сама С.А. Плетнева ссылалась на пример насильственного поселения на землю половцев в Венгрии¹⁰⁷⁴.

¹⁰⁷⁰ Эрдели И. Воспоминания о С.А. Плетнёвой (с предисловием В.С. Флёрова) // Хазарский альманах. Т. 14. – М., 2016. С. 268–284. С. 269–270, 280–281.

¹⁰⁷¹ Артамонов М.И., Плетнева С.А. Еще раз о степной культуре // Народы Азии и Африки. 1970. №3. С. 89–92. Статья следует в номере сразу за статьей И.Я. Златкина «Не синтез, а эклектика». В архиве музея-квартиры Гумилева хранятся два неопубликованных отклика на статью И.Я. Златкина, принадлежащие Б.И. Кузнецову и археологу Б.Я. Ставискому. Мнения обоих едины – основной метод критика заключается в подмене понятий.

¹⁰⁷² Гумилев Л.Н. О странном неприятии географии // Известия ВГО. 1971. Т. 103. Вып. 3. С. 263–267.

¹⁰⁷³ Рукописный текст перечеркнут карандашом, обороты листов использованы для рецензии на книгу В.П. Алексева «В поисках предков». Оба варианта текста занимают четыре отдельных листа.

¹⁰⁷⁴ Плетнева С.А. Половцы. – М., 1990. С. 180–181.

Неоднозначную позицию в этой дискуссии занял Г.А. Федоров-Давыдов. Сначала он поддержал С.А. Плетневу и отверг основные положения статьи Гумилева и Эрдейи: 1) о принудительном оседании кочевников; 2) о вечной борьбе орд и племен, возможной при различных формациях; 3) о сосуществовании орд и племен в эле; 4) авторам приписано отрицание феодальных отношений у кочевников¹⁰⁷⁵. Тем не менее, далее Г.А. Федоров-Давыдов в своей монографии последовательно согласился с каждым из отвергнутых тезисов: 1) о двух способах кочевания, сосуществующих с древности (с. 36); 2) с интерпретацией понятия эль как формы сосуществования орды и покоренных племен (с. 45); 3) с «враждебностью орды, как социальной формы, родо-племенному строю» (с. 64); 4) также он принял гипотезу Гумилева об удельно-лествичной системе древних тюрков (с. 69–70).

Приоритет Гумилева в авторстве концепции об удельно-лествичной системе, в чем по-прежнему не до конца уверен В.В. Тишин¹⁰⁷⁶, однозначно признавал М.В. Воробьев¹⁰⁷⁷. Также он принял социальную, а не этно-лингвистическую, трактовку огузской проблемы и общую концепцию Гумилева о постоянном противостоянии орд и племен в тюркских каганатах¹⁰⁷⁸.

Особо следует сказать о восприятии историко-географических работ Гумилева участниками Хорезмской экспедиции под руководством С.П. Толстова. Цели, которые ставил перед собой Гумилев, и цели экспедиции корреспондировали – это и выяснение этногенеза среднеазиатских народов, и изучение отношений кочевников и земледельцев, и изучение характера изменений ландшафта и климата; наконец, постановка вопроса о влиянии природной среды на жизнь и способы адаптации человека. Поэтому интересно, что ссылки на востоковедные работы Гумилева в публикациях «хорезмийцев» нередки и даже

¹⁰⁷⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой орды. – М., 1973. С. 17. Далее ссылки в тексте.

¹⁰⁷⁶ Ср. Тишин В.В. История изучения социальной истории Тюркских каганатов в связи с другими политическими образованиями древнетюркского круга // Журнал центрально-азиатских и евразийских исследований. 2021. Т. 1. №3. С. 5–147. С. 77–78.

¹⁰⁷⁷ Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия. С. 307.

¹⁰⁷⁸ Там же. С. 311.

положительны¹⁰⁷⁹, тогда как восприятие историко-географических работ – неоднозначно.

Подход Гумилева приветствовался в целом. Так, Б.В. Андрианов писал: «Большая заслуга автора состоит в том, что он своими смелыми построениями... привлекает внимание к этой важной проблеме исторического взаимодействия природы и общества. Его работы заставляют задумываться и историка, и палеогеографа. ...работы Л.Н. Гумилева должны заполнить образовавшийся вакуум между естественно-географическими и историческими исследованиями»¹⁰⁸⁰. Похожее мнение высказала Б.И. Вайнберг: «Попытка восстановить климатическую картину прошлых эпох, исходя из исторических и часто археологических данных, была предпринята Л.Н. Гумилевым. Можно полностью согласиться с исходной посылкой исследователя о том, что "этническая среда"... – это показатель, чутко реагирующий на изменение внешней среды, но выводы, которые он делает из конкретных исторических фактов, зачастую вызывают возражения. <...> Вместе с тем нам представляется перспективным общий подход Л.Н. Гумилева...»¹⁰⁸¹. Возражения обоих авторов сводились к одному и тому же: невниманию Гумилева к зоне полупустынь и пустынь Средней Азии и роли для их жителей ирригации; несогласию с его мнением относительно обводнения Узбоя в разные периоды; отсутствию, по их мнению, корреляции между предполагаемыми Гумилевым циклами усыхания/увлажнения и конкретными фактами миграций кочевников; указанию на наличие иных,

¹⁰⁷⁹ Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. – М.: Наука, 1969. С. 138. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М.: Наука, 1971. С. 7. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме. – М.: Наука, 1976. С. 58. Неразик Е.Е. Сергей Павлович Толстов (1907–1976) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история. – М.: Наука, 2004. С. 462–484. С. 470, 482. Андрианов Б.В. Левина Л.М. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тыс. н.э. // Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. С. 100. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. – М.: Восточная литература, 1996. С. 375. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. С. 31 (автор Е.Е. Неразик). Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. С. 290–292, 295–297.

¹⁰⁸⁰ Андрианов Б.В. Некоторые замечания по поводу статьи Л.Н. Гумилева «Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии» // История СССР – 1968 – №1 – С. 233–234. С. 233.

¹⁰⁸¹ Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. С. 58.

неучтенных Гумилевым, причин, в не меньшей степени влияющих на стабильность кочевых объединений¹⁰⁸².

На самом деле, Гумилев учитывал многие из указанных факторов. Так, по поводу гибели скота от зимней бескормицы вследствие обильных снегопадов, а не только вследствие летних засух, он писал¹⁰⁸³. Про значение ирригации как варианта адаптации в зоне полупустынь Гумилев приводил пример разделения потомков андроновцев на кочевников и земледельцев. Относительно же несовпадения циклов засух и увлажнений с фактами миграций кочевников произошло очевидное недоразумение. Б.И. Вайнберг и Гумилев ссылаются на один и тот же факт – миграцию кочевых узбеков в XVI в. в междуречье Сырдарьи и Амударьи из казахских степей. По мнению Гумилева: «Многоводье Амударьи объясняется возникновением... североиранской ветви циклонов, питающей истоки Амударьи, но не влияющей на общее климатическое состояние аридной зоны, усыхание которой в XVI в. продолжалось»¹⁰⁸⁴. Вывод из этого следующий: «Нет больше организованных военных походов..., теперь племена движутся в поисках пастбищ и водоемов для скота»¹⁰⁸⁵. Б.И. Вайнберг пишет о похолодании и увлажнении в степях Казахстана, «следствием этого стало стремление узбеков захватить вначале земли в дельтах Амударьи и Сырдарьи, а затем и в более южных районах. Дельта Сырдарьи к началу XVI в. перестала обводняться, в Присарыкамышской дельте Амударьи тогда же прекратилось течение воды... и население покинуло этот район, переселившись в более южные части оазиса»¹⁰⁸⁶. Как видно, противоречия во взглядах двух авторов нет.

Б.В. Андрианов даже раньше И.Я. Златкина высказал мнение, что нет особой разницы, что считать причиной движения кочевников – усыхание или увлажнение степи: «...гипотеза Л.Н. Гумилева мало отличается от построений

¹⁰⁸² Там же. С. 46-47, 58-59, 64-65 (на указанных страницах некоторые фрагменты текста и даже цитаты повторены дословно). Андрианов Б.В. Некоторые замечания по поводу статьи Л.Н. Гумилева. С. 234.

¹⁰⁸³ Гумилев Л.Н. История колебания уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XVI в. н.э.) // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.: Наука, 1980. С. 32-47. С. 35.

¹⁰⁸⁴ Там же. С. 44. Б.И. Вайнберг ссылается именно на эту статью.

¹⁰⁸⁵ Там же. С. 46.

¹⁰⁸⁶ Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. С. 59.

геолога В.М. Синицына, только последний объяснял "переселение народов..." процессами прогрессивного усыхания Азии, а Л.Н. Гумилев – периодическим увлажнением»¹⁰⁸⁷. Затем он поменял свое мнение: «Если В.М. Синицын связывал переселение азиатских народов с иссушением климата Центральной Азии, то позже историк Л.Н. Гумилев высказал идею о том, что... завоевательные походы кочевников... были следствием... увеличения увлажненности. В отличие от своих предшественников, Л.Н. Гумилев отрицает глобальный характер прогрессивного усыхания Азии. Он объясняет вековые колебания увлажненности перемещением путей циклонов, что, бесспорно, имеет научное основание»¹⁰⁸⁸.

Историко-географ Н.А. Хотинский, во многом следовавший в своих теоретических установках концепции гетерохронности¹⁰⁸⁹, не до конца разобрался в ее приложении к истории. Передавая, в общем, правильно основную идею Гумилева, он поменял в ее пересказе лишь несколько слов, отчего вывод из нее оказался полностью искаженным: «Таким образом, по Л.Н. Гумилеву, крупные миграции кочевых племен происходили при увлажнении степей, а мелкие – при их усыхании»¹⁰⁹⁰.

Как уже говорилось, вовсе не миграции, а завоевания, по Гумилеву, происходили в период увлажнения степей. Мигрировать (и «мелко», и «крупно») кочевников вынуждала засуха. И это совершенно логично, поскольку для кочевников не было никакого смысла переселяться из степей, способных прокормить большие стада¹⁰⁹¹. При этом вообще любые передвижения кочевников или их военную активность Гумилев жестко не привязывал к природным рит-

¹⁰⁸⁷ Андрианов Б.В. Некоторые замечания... С. 234.

¹⁰⁸⁸ Андрианов Б.В. Земледелие наших предков. – М.: Наука, 1978. С. 145-146. Заметим, что общение между учеными происходило не только на страницах научной печати. Тому свидетельство – дарственная надпись Б.В. Андрианова на монографии «Древние оросительные системы Приаралья»: «Дорогому Льву Николаевичу на добрую память о спорах и встречах. 1970. Автор».

¹⁰⁸⁹ Хотинский Н.А. Ковыль-трава на Куликовом поле. – М.: Мысль, 1988. С. 74.

¹⁰⁹⁰ Хотинский Н.А. Ковыль-трава на Куликовом поле. С. 70–71.

¹⁰⁹¹ Гумилев Л.Н. Изменения климата и миграции кочевников // Природа. 1972. № 4. С. 44–52. С. 49.

мам. Это означало бы полное игнорирование политической истории, в чем упрекать автора «степной трилогии» было бы странно¹⁰⁹².

С общей критикой концепции гетерохронности выступил также Н.Н. Крадин: «Достаточно сопоставить схемы из серии... статей Гумилева... со сводными таблицами наиболее полных современных данных..., чтобы убедиться в том, что империя кочевников могла возникнуть как в период увлажнения, так и в период усыхания степей»¹⁰⁹³. Выдержки из таблиц в книге не приводятся, но они были продемонстрированы Н.Н. Крадиным на коллоквиуме в РГПУ им. А.И. Герцена 2 октября 2012 г. в рамках конгресса к 100-летию Л.Н. Гумилева. Таблицы действительно свидетельствуют об отсутствии жесткой корреляции между изменениями климата и взлетом или падением кочевых империй. Однако, как и в критике Н.А. Хотинского, здесь не совсем верен исходный тезис.

Предвидя подобные возражения (или же отвечая на высказанные устно), Гумилев писал: «Система хозяйства... имеет свою инерцию. Если, допустим, ее расшатывают засухи, то ослабление... государства произойдет лишь тогда, когда иссякнут запасы и постоянное недоедание (а не кратковременный голод) подорвет силы нарождающегося поколения. Вскрыть этот процесс можно только путем широкой интеграции рядов исторических событий, а никак не скрупулезного коррелирования природных и исторических явлений»¹⁰⁹⁴. Похожее мнение высказала и С.А. Плетнева: «Климат резко ухудшался, наступал засушливый период или же сильное похолодание... <...> Совершенно ясно, что в этой ситуации в первую очередь гибла экономика страны, что влекло за собой все остальные несчастья»¹⁰⁹⁵.

С критикой концепции гетерохронности выступил М.В. Крюков в ряде томов серии монографий по этнической истории китайцев. Неоднозначность его позиции нами уже отмечалась¹⁰⁹⁶. Сошлемся также на мнение рецензента одно-

¹⁰⁹² Ср. «Нет никаких оснований связывать походы детей и внуков Чингиса с климатическими колебаниями». Там же. С. 50.

¹⁰⁹³ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. С. 113.

¹⁰⁹⁴ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 31-32.

¹⁰⁹⁵ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. С. 128.

¹⁰⁹⁶ Л.Н. Гумилев: pro et contra. С. 927–928. Позиция М.В. Крюкова колебалась от тома к тому.

го из томов: «...среди причин массовых миграций кочевых народов необходимо указать и изменение... естественногеографических условий, на что небезосновательно указывает Л.Н. Гумилев»¹⁰⁹⁷.

Концепцию Гумилева поддержал А.И. Першиц: «...активный сторонник этой теории <гетерохронности> Л.Н. Гумилев... заметно ее усовершенствовал. Он, видимо, правильно заключил, что развитию кочевого хозяйства и быта способствуют... и усыхание, и увлажнение аридной зоны. А стало быть, нашествия номадов в одних случаях были результатом высокого потенциала их обществ... в других же – следствием усыхания, пришедшей в степь беды...»¹⁰⁹⁸.

Л.С. Клейн, считая концепцию гетерохронности в целом достоверной, критиковал ее приложение к историческим событиям. Например, он оспаривал идею о завоеваниях монголов без миграций¹⁰⁹⁹, ссылаясь на монгольское происхождение хазарейцев Афганистана¹¹⁰⁰. Говоря о возникновении кочевого скотоводства, он отметил недостаточность одного только климатического объяснения, хотя не отрицал и его¹¹⁰¹.

Л.С. Клейна поддержал антиковед Ю.А. Виноградов. Несмотря на то, что, по его мнению, «в известном смысле Л.Н. Гумилев был, безусловно, прав» в определении монгольских походов XIII в. как завоеваний, «но все-таки идея о "завоевании без переселения" представляется немного искусственной, и ирония Л.С. Клейна по этому поводу была вполне оправдана»¹¹⁰². Тем не менее,

¹⁰⁹⁷ Джарылгасинова Р.Ш. [Рец. на:] М.В. Крюков и др. Китайский этнос на пороге средних веков. С. 177.

¹⁰⁹⁸ Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества: в 2 т. Т. II. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. С. 184.

¹⁰⁹⁹ Клейн Л.С. Генераторы народов // Бронзовый железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. С. 134.

¹¹⁰⁰ Гумилев (Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века. С. 304-305) приводил их же пример, но в подтверждение обратного – малочисленности выселившихся монголов («хэзар» – по-персидски «тысяча»).

¹¹⁰¹ Клейн Л.С. Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. – Кемерово: КемГУ. 1980. С. 30-36. С. 32.

¹¹⁰² Виноградов Ю.А. Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Вып. XXII. – Симферополь; Керчь, 2009. С. 5-90. С. 31–32.

более объективного изложения историко-географической концепции Гумилева среди работ критиков нами нигде не встречено.

Наибольшее число одобрений концепция Гумилева получила именно у археологов. Так, М.Ф. Косарев, широко использующий в своих трудах палеоклиматические исследования, привлек данные Гумилева для объяснения «этнокультурного сдвига» в Западной Сибири накануне эпохи железа¹¹⁰³. Затем для тех же региона и эпохи выводы Гумилева (и М.Ф. Косарева) применила Т.Н. Троицкая¹¹⁰⁴. На материале Восточной Сибири выводы Гумилева подтвердил Ю.С. Гришин: «Эти факты, относящиеся к Монголии и Забайкалью в изучаемый период ранней бронзы, как будто подтверждаются и данными таблицы, представленной Л.Н. Гумилевым». И ниже любопытное примечание: «Доклад А.Г. Гаэля и Л.Н. Гумилева в Институте истории 21 марта 1968 г. "Погребенные почвы Евразии и переселения народов". Таблица демонстрировалась Л.Н. Гумилевым...»¹¹⁰⁵.

Наиболее убедительным объяснением запустения Монголии после 840 г. считает заключение Гумилева П.П. Азбелев: «Л.Н. Гумилев объясняет это многолетней засухой во внутренней Азии, сделавшей кочевническую жизнь в степи невозможной; проверить эти палеоклиматологические построения мне не под силу, но я вынужден признать, что лучшего объяснения "вакууму власти" в Великой степи никто предложить пока не сумел»¹¹⁰⁶.

Имеются подтверждения концепции гетерохронности и на материале Западной Евразии. Так, Е.Е. Кузьмина, на Гумилева не ссылаясь, независимо подтвердила его выводы по климату Нижнего Поволжья для времени катакомбной (усыхание) и срубной (увлажнение) культур¹¹⁰⁷. М.Г. Мошкова в научно-популярной статье расселение сарматов в IV в. до н.э. на запад объяс-

¹¹⁰³ Косарев М.Ф. Некоторые особенности древней истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии // Советская археология – 1971 – №2 – С. 39-50. С. 45-46.

¹¹⁰⁴ Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. С. 3.

¹¹⁰⁵ Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. С. 94.

¹¹⁰⁶ Азбелев П.П. Древние кыргызы. Очерки истории и археологии. URL: <http://kronk.spb.ru/mono/5.01.htm> (дата обращения: 16.04.2010).

¹¹⁰⁷ Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шелкового пути. – М.: КомКнига, 2010. С. 22-23. Ср. Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности. С. 63, 65.

няет началом аридизации климата¹¹⁰⁸. Исследуя особенности систем адаптации средневековых алан на Кавказе, Г.Е. Афанасьев и Д.С. Коробов напрямую обратились к результатам исследований Гумилева о колебаниях уровня Каспия¹¹⁰⁹. Наличие оптимальных природных условий в монгольской степи в эпоху завоеваний Чингис-хана подтверждено американскими учеными, изучавшими годовичные кольца сибирской сосны в горах Хангая¹¹¹⁰. Для нижневолжских степей увлажнение в тот же период подтверждено отечественными палеоклиматологами, указавшими в числе предшественников своего вывода и Л.Н. Гумилева¹¹¹¹.

Кочевниковедческие труды Гумилева востребованы не только в аспекте изучения им климатических изменений в степи. Коллеги, как в советское время¹¹¹², так и в последние годы¹¹¹³ находили в них идеи для развития собственных концепций социальной истории кочевников, хотя их выводы, конечно, могли отличаться от выводов Гумилева.

¹¹⁰⁸ Мошкова М.Г. Сарматы // Родина – 2003 – №3 – С. 22-27. С. 24. Ср. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 83 (о засухе V-III вв. до н.э.).

¹¹⁰⁹ Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С. Житницы аш-тигоров и палеоклимат VII-XII вв. на Северном Кавказе // Археологические открытия 1991-2004 гг. Европейская Россия. – М.: ИА РАН, 2009. С. 299-307. С. 303.

¹¹¹⁰ URL: <http://echo.msk.ru/programs/granit/1283266-echo/#element-text> (дата обращения: 21.03.2014; ссылка более недоступна).

¹¹¹¹ Демкин В.А., Алексеев А.О., Якимов А.С., Демкина Т.С. Палеоэкологические условия нижневолжских степей в XIII–XIV вв. // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: Материалы III международной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова. – М.: Государственный Исторический музей, 2013. С. 128-132. С. 132.

¹¹¹² Еремеев Д.Е. Роль кочевников в истории // Расы и народы. Вып. 12. – М.: Наука, 1982. С. 19-42. С. 34-35. Кшибеков Д. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. – Алма-Ата: Наука, 1984. С. 33, 113-114, 165. Экземпляр книги в библиотеке Гумилева имеет дарственную надпись: «Уважаемому Льву Николаевичу в знак глубокой признательности, с пожеланием всего хорошего. Д. Кшибеков. 21.XI.1984».

¹¹¹³ Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии. С. 52, 64-71, 433-436. Васютин С.А. Внешнеполитические стратегии и организация верховной власти во II Тюркском каганате // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки – 2010 – Т. 79. №3. – С. 49-62. С. 52, 53, 56. *Его же*. Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории многолинейности) // Восток/Oriens – 2010 – №4 – С. 20-33. *Его же*. Образ правителя в ментальных представлениях кочевников Центральной Азии в период раннего средневековья // Тюркологический сборник. 2009-2010. – М.: Восточная литература, 2011. С. 79-108. *Его же*. Уйгурский каганат – цивилизационная альтернатива пасторальным империям Центральной Азии I тыс. н.э. // Вестник Томского государственного педагогического университета – 2011 – № 11 – С. 28-34. С. 28.

В заключение кратко сформулируем, в чем, по нашему мнению, состоит вклад Л.Н. Гумилева в кочевниковедение. Во-первых, еще в ранних статьях и томах «степной трилогии» Гумилев предложил независимый от марксизма взгляд на социальное развитие кочевых народов Центральной Азии. Признавая экономическую ограниченность кочевого хозяйства, он считал, что социальная история кочевников была не менее оживленной, чем у земледельцев. При этом Гумилев отвергал универсальность выделенных для Европы социальных категорий. Во-вторых, Гумилев связал характерные для кочевников формы организации (племена/огузы и орды) с особенностями природно-ландшафтной среды, которые напрямую влияют на способ кочевания (сезонное или круглогодичное): орды возникали при круглогодичном кочевании, племена при сезонном. В-третьих, многие исторические события, в том числе миграции и набеги, падения кочевых империй Гумилев связывал с изменениями климата. Считая климатические колебания важным фактором, Гумилев его не абсолютизировал, как полагали многие оппоненты.

Суммируем выводы настоящей главы:

1. Проблема культурной преемственности в степи – ключевая для понимания Евразии как цельного культурного мира. Полагая, что история культуры и этническая история лежат в разных плоскостях, Гумилев, тем не менее, признавал образование нового этноса и сложение оригинальной этнической культуры явлениями одновременными, запускаемыми пассионарным толчком. В истории Великой степи Гумилев выделял три толчка: XI в. до н.э. – скифский, III в. до н.э. – хунно-сарматский, XI в. – монголо-чжурчжэньский. Сообразно периодизации этнополитической истории Гумилев первоначально полагал, что культурная традиция в степи прерывалась дважды: первый такой разрыв – между хуннами и тюрками, второй – между тюрками (включая уйгуров) и монголами. Эволюция этого представления прослежена нами от самых ранних работ Гумилева (конец 1940-х гг.) через «степную трилогию» до первых статей по теории этногенеза (середина 1960 – начало 1970-х гг.). Впоследствии эта точка зрения была пересмотрена, и в работах конца 1980 – начала 1990-х

гг. говорилось лишь об одном разрыве традиции – между хунно-тюркской и монгольской эпохами. Время, когда произошел перелом в представлениях Гумилева, устанавливается на основе анализа «анахронизмов» в ряде его поздних работ, которые возникли по причине длительной задержки их выхода из печати.

2. Религиозный фактор – один из главных индикаторов, по которым можно судить о характере культурной преемственности. Гумилев настаивал на едином для всех народов Евразии почитании низовых духов. Что касается понятия «религия», то Гумилев предлагал применять его только к теистическим системам, а для остальных использовать «верования». К последним он относил шаманизм, уделив его изучению немало места в своих работах. В отличие от большинства исследователей, Гумилев отвергал изначальную приверженность тюркоязычных и монголоязычных народов шаманизму, полагая, что он был ими заимствован у тунгусо-маньчжуров. Соответственно, в каждом томе «степной трилогии» Гумилев посвятил отдельные главы изучению коренной религии хуннов, тюрков, монголов и тибетцев. Особое место в исследованиях Гумилева занимал вопрос о влияниях мировых и других неаборигенных религий на кочевников. Специально он изучал распространение в степи митраизма, христианства, манихейства и буддизма. По его мнению, кочевники воспринимали византийские и иранские неортодоксальные верования и использовали их как защиту против ассимилирующего воздействия китайской культуры.

3. В «степной трилогии» и в специальных статьях Гумилев разработал оригинальную систему теоретических кочевниковедческих взглядов. Их можно свести к трем аспектам: социальная история кочевников, сущность кочевого общества, проблема влияния климата на жизнь кочевников. К социальной истории кочевников Гумилев подходил не с марксистских позиций, поэтому полагал возможным относить создание кочевых империй к родовой и военно-демократической стадиям. Запутанный «огузский» вопрос Гумилев вывел из сферы этнической истории в сферу социальной истории. По его мнению, «огузами» назывались племенные союзы у разных тюркоязычных народов. На

этом основании он построил схему взаимодействия и борьбы на протяжении веков двух форм организации кочевых обществ – племен и орд. Причем предрасположенность к той или другой форме объединения, как считал Гумилев, зависела от природно-ландшафтных условий разных частей Великой степи. Смена места обитания нередко вела не только к смене системы хозяйства (круглогодичному или сезонному кочеванию), но и к трансформации орды в племя и наоборот. Полагая климатические изменения, ритм которых объясняется периодичностью эпох засух и увлажнения, важным, а иногда решающим фактором в жизни кочевников, Гумилев рассматривал действие этого фактора опосредованно (через хозяйство) и избегал говорить о прямой связи климата и истории.

Заключение

В настоящем исследовании мы стремились показать, что, если бы наследие Л.Н. Гумилева не обладало творческой оригинальностью, новизной идей, тем и подходов, то не возникло бы значительной части критики, инерционной по своей сути. Многие Гумилева не принимали в принципе: все, что он писал и говорил, было чуждо представителям «традиционных» взглядов (и в смысле догматическом, марксистском, и в совсем не марксистском – позитивистском источниковедении). Не меньшая часть критики связана с личными отношениями Гумилева и его коллег (см. 2.1). Это то, что мы назвали критикой академической (по месту работы критиков), но «внеаучной» (по характеру стоящих за ней причин).

К собственно науке может быть отнесена лишь малая часть критики (см. 2.3, 3.3). Однако мы уже замечали (см. 1.3), что, не будь у работ Гумилева научной ценности, они давно бы потеряли актуальность и были забыты.

Основной нашей задачей было выяснение научной значимости историко-востоковедных работ Гумилева, составивших базу для его теоретических разработок и в такой роли многими воспринимающимися. Мы показали, что и «степная трилогия», и пассионарная теория этногенеза изначально находились в неразрывной связи (см. 1.2), а затем по ряду причин были разделены автором. При этом традиционный монографический характер первых историко-востоковедных работ Гумилева оказался скорее достоинством, чем недостатком, поскольку позволил избежать критики тех коллег, кто никогда бы теорию этногенеза не принял, но мог бы благосклонно отнестись к конкретно-историческим разработкам.

Наука объективно нуждается в обобщающих работах хотя бы потому, что они, суммируя предшествующие исследования, дают целостное представление о предмете или целой научной области, позволяют выявить белые пятна и поставить новые цели и задачи. Охват максимально широкого круга вопросов

требует от исследователя огромного напряжения сил и огромной эрудиции, но не меньшее значение имеет его воображение, способное наполнить жизнью историческую схему. Мы оставляем в стороне коллективные монографии. Цель их – дать некую усредненную картину без противоречий, без гипотез и «белых пятен», поэтому при их чтении возникает представление об изученности темы, что не всегда верно. Иное дело авторские обобщающие работы. Такие работы не обходят острых углов и не затушевывают «белые пятна», а вплетают то и другое в схемы, как бы перебрасывая мост от достоверно известного к неизведанному (см. 1.3). Насколько мост прочен и насколько верны очерченные контуры ранее неизвестного, становится понятно лишь со временем. Этому способствуют неизменно сопутствующие масштабным исследованиям критические отклики, которые призваны проверить на прочность всю авторскую конструкцию. Они редко бывают доброжелательными и скорее стремятся разрушить новую схему. Рассмотренная нами борьба против Гумилева его оппонентов, не прекратившаяся и после его смерти, хорошо это подтверждает. Однако такое противостояние также необходимо науке, являясь частным случаем закона перехода количества (критики) в качество (новых обобщений).

Основные выводы исследования:

1. Противоречия между Л.Н. Гумилевым и рядом его коллег, вылившиеся в острые дискуссии 1960-х гг., зародились еще в середине 1930-х – второй половине 1940-х гг. Для подтверждения гипотезы о вненаучных предпосылках ранней критики Л.Н. Гумилева (в последующей значительную роль играл уже фактор инерции) в настоящей работе предпринято ее детальное рассмотрение. Нередко делаемый на основании поверхностного восприятия дискуссий начала 1960-х гг. вывод о несостоятельности всего историко-востоковедного наследия Л.Н. Гумилева не подтверждается. Нами показана неоднородность критики, которая свойственна не только разным группам авторов, но и одним и тем же авторам в разное время.

2. Вопрос об истоках основных концептуальных идей Л.Н. Гумилева поднимался неоднократно, но реальной работы по их выяснению (с необходимым для этого обращением к источникам) до сих пор не проводилось. Уже первое ознакомление с лагерной рукописью, легшей в основу книг «Хунну», «Хунны в Китае» и некоторых статей, и дополнение сведений из нее материалами переписки позволило установить важнейший для понимания всего наследия Гумилева факт: замысел теории этногенеза возник одновременно с замыслом «степной трилогии». Уже книга «Хунну» должна была стать примером синтеза истории кочевников Великой степи и разработанной Гумилевым к середине 1950-х гг. теории этногенеза. По ряду причин первоначальный замысел не осуществился, и получились две серии работ – историко-востоковедная и этнологическая.

3. Принципиальным вкладом Л.Н. Гумилева в науку является разработка новых методологических подходов к ведению гуманитарных исследований. Он предложил конкретно-историческую методiku «отслаивания фактов», сообщаемых нарративными источниками, от содержащихся там оценок, что часто неверно толкуется как отказ от использования источников вообще. Однако этот метод позволял не копировать повествование средневекового автора, а выстраивать на основе отобранных фактических данных относительно непротиворечивую (по крайней мере, отвечающую современному этапу развития науки) версию событий прошлого. В плане общегуманитарной методологии Гумилев обосновывал необходимость ранжирования концепций, методов и подходов в зависимости от масштаба изучаемой проблемы (одни закономерности понятны только «с высоты птичьего полета», но они не применимы для частных изысканий – «из мышиной норы»). В таком случае для каждого подхода – от всемирно-исторического до специального источниковедческого – найдется своя ниша.

4. Основным содержательным вкладом Л.Н. Гумилева в науку является создание связной концептуальной истории Великой евразийской степи, чему до сих пор не было дано целостной оценки. Также не претендуя на итоговое

обобщение, мы сосредоточились на нескольких сквозных темах, понимание которых возможно лишь при комплексном рассмотрении всего спектра работ Гумилева.

4.1. Проблема этнокультурной преемственности в Великой степи поднималась Л.Н. Гумилевым на протяжении всей его научной жизни. Предполагая изначально объяснять ритмы истории и культуры кочевников в рамках своей теории этногенеза, но затем будучи вынужден от этого на длительный срок отказаться, Гумилев никогда не оставлял данной темы и включил в свои поздние работы («Этногенез и биосфера Земли», «Тысячелетие вокруг Каспия») большие фрагменты из ранних рукописей. На основе выявления и анализа подобных «анахронизмов» в поздних работах Гумилева мы реконструировали эволюцию его представлений по проблеме культурной преемственности – от хуннов до монголов.

4.2. Одним из факторов, с помощью которых можно коррелировать ритмы культурно- и политогенеза в степи, является религия. Начиная с 1940-х гг., Гумилев целенаправленно изучал влияние на культуру кочевников различных религиозных систем: митраизма и манихейства, тибетского буддизма, несторианства, тунгусского шаманизма. На основании отрывочных свидетельств письменных источников и не многочисленных в его время данных археологии Гумилев пытался реконструировать собственные религиозные представления хуннов, тюркютов и монголов. Принципиальным методологическим достижением Гумилева в этой области является формулирование «исторического подхода» к изучению религии. Детали культа и догматики, ценные для этнографа, заслоняют, согласно Гумилеву, перед историком поиск внешних связей кочевников – политических и культурных, индикатором которых и являлось распространение в степи той или иной религиозной системы.

4.3. Важное место в наследии Гумилева занимают теоретические разработки в области кочевниковедения. Среди них выделяются: изучение феномена кочевничества от его возникновения до упадка, социальная история кочевников как многовековая борьба «племен» и «орд», большой и сложный «огуз-

ский вопрос», проблема влияния климата на стабильность кочевых государств, миграции кочевников. По ряду названных тем Гумилев создал оригинальные концепции, для других предложил обоснованные решения узловых проблем. В целом, комплекс кочевниковедческих работ Гумилева представляет собой синтез его конкретно-исторических наработок и теоретических идей и, между прочим, не показывает абсолютизации им фактора пассионарности.

5. Часто отмечаемая особость (и в смысле «оригинальности», и в смысле «необоснованности») взглядов, концепций, подходов Л.Н. Гумилева является искусственно выделяемой категорией. По большому числу конкретных научных проблем (этногенеза, истории, археологии, общественного строя и культуры кочевников) позиция Гумилева вполне соотносима с той или иной группой мнений, по отношению к которым никакая «особость» не выделяется. В тех областях, где Гумилевым действительно сказано новое слово, его выводы настолько же оригинальны, насколько оригинальны выводы любого новатора в науке. Таким образом, попытки вывести Гумилева за рамки академизма или, вообще, науки, как в сторону того, что он «больше, чем ученый» (апологетический поход), так и в противоположную сторону – «неученый» (скептический подход), не имеют под собой надежного основания. Л.Н. Гумилев – безусловно ученый, а его достижения и ошибки равно научны или, согласно теоретико-научной терминологии, «фальсифицируемы».

6. О том, что Л.Н. Гумилев, несмотря на критику, всегда был формально признанным ученым, свидетельствует ряд показателей, обычно упускаемых как его сторонниками, так и оппонентами. Первый – титульные листы основных его монографий (оригинальные издания). Все они изданы либо под общим грифом АН СССР, либо – Института Востоковедения / народов Азии. Второе – академическая критика. Советские академики строго соблюдали принципы иерархии и не вступали в полемику с теми, кого считали ниже себя или с теми, кого не признавали за ученых. Поэтому полемика с академиками Б.А. Рыбаковым и Ю.В. Бромлеем должна рассматриваться под совершенно иным углом – не как доказательство несостоятельности работ Гумилева, а, наоборот, – как

доказательство серьезного отношения глав советской исторической науки к Гумилеву. Третье – авторство энциклопедических статей (в Большой советской и Советской исторической энциклопедиях) и главы в университетском учебнике («История стран зарубежной Азии в средние века»). Отбор авторов для изданий такого уровня был чрезвычайно строгим, и просто невозможно допустить участие даже в одном из них «неученого фантазера», если бы Гумилева, на самом деле, таковым считали.

Таким образом, можно заключить, что научное наследие Л.Н. Гумилева представляет собой важную часть отечественной историографии и является ярким примером развития потенциально немарксистских идей в рамках системы официальной науки, которой так и не удалось их маргинализировать. Трагическую биографию Л.Н. Гумилева, историю становления его научных трудов, борьбу за утверждение концепций также можно рассматривать как отдельный предмет изучения, который далеко не исчерпал свой потенциал для дальнейшей разработки.

Библиография

1. Абдуллаев Х.П. О Бешбармакском оборонительном сооружении в связи с колебанием уровня Каспийского моря // Советская археология. 1970. № 2. С. 256–260.
2. Абрамзон С.М. Киргизы. – Л.: Наука, 1971.
3. Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 132–156.
4. Аверинцев С.С. Опыт петербургской интеллигенции в советские годы – по личным впечатлениям // Новый мир. 2004. № 6. С. 116–123.
5. Азбелев П.П. Древние кыргызы. Очерки истории и археологии / URL: <http://kronk.spb.ru/mono/mono.htm> (30.10.2023).
6. Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. – СПб., 2010.
7. Азбелев П.П. Об инновациях IX в. в южносибирских культурах // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 6. Горно-Алтайск, 2007. С. 106–115.
8. Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1972.
9. Алаев Л.Б. Всеобщая история от Леонида Сергеевича // Восток. 2009. № 2. С. 209–220.
10. Алаев Л.Б. Две новейшие концепции истории Востока и мира (О.Е. Непомнин versus Л.С. Васильев) // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 1. С. 67–83.
11. Алаев Л.Б. Проблематика истории Востока. Изд. 2-е, испр. – М.: ЛЕНАНД, 2020.
12. Алексеев В.П. О некоторых аспектах изучения производительных сил в империи Чингисхана // Всемирная история и Восток. – М.: Наука, 1989. С. 73–82.
13. Алешковский М.Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. – М.: Наука, 1971.
14. Алла Демидова: «Мне надо было все знать об Ахматовой» // Культура. № 47 (7455). 2–8 декабря 2004.
15. Алымов С.С., Перепелкин Л.С., Соколовский С.В., Тишков В.А., Шнирельман В.А., Верховцев Д.В. Этнос post-mortem: размышления и комментарии // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 102–131.
16. Андрианов Б.А.[В.] Некоторые замечания по поводу статьи Л.Н. Гумилева «Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии» // История СССР. 1968. №1. С. 233–234.
17. Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. – М.: Наука, 1969.
18. Андрианов Б.В. Земледелие наших предков. – М.: Наука, 1978.

19. Андрианов Б.В. Левина Л.М. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тыс. н.э. // Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. С. 94–100.
20. Антология советской археологии. (1930–е годы). Т. II. – М.: ИА РАН, ГИМ, 1995.
21. Антология советской археологии. (1941–1956). Т. III. – М.: ИА РАН, ГИМ, 1996.
22. Антропология академической жизни: традиции и инновации. – М.: ИЭА РАН, 2013.
23. Арнольди С.С. Задачи понимания истории. – М.: Издание М. Ковалевского, 1898.
24. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы в Азии // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975.
25. Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. – Л.: ОГИЗ, 1936.
26. Артамонов М.И. Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973.
27. Артамонов М.И., Плетнева С.А. Еще раз о степной культуре // Народы Азии и Африки. 1970. №3. С. 89–92.
28. Арутюнов С.А. [Рец. на:] Л.А. Мосионжник. Технология исторического мифа / Отв. ред. С.Е. Эрлих. СПб.: Нестор-История, 2012. 416 с. // Этнографическое обозрение. 2015. №1. С. 180–182.
29. Афанасьев В. [Рец. на:] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. «Наука». М. 1967. 504 стр. // Новый мир. 1967. №11. С. 284–285.
30. Афанасьев Г.Е. Где же была Хазария? // Достояние поколений. 2009. № 2 (6). С. 34–41.
31. Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С. Житницы аш-тигоров и палеоклимат VII–XII вв. на Северном Кавказе // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. – М.: ИА РАН, 2009. С. 299–307.
32. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алматы: Гылым, 1995.
33. Ахметшин Ш.К. Лев Николаевич Гумилев. – СПб.: Славия, 2011.
34. Балзер М.М. Новый взгляд на евразийство: от Чингисхана до Льва Гумилёва // Антропология и этнология: современный взгляд. К 80-летию академика РАН В.А. Тишкова / отв. ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. – М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 388–400.
35. Бань Гу. Хань шу («История Хань»): в 8 т. Т. 1. Хроники правления императоров (Ди цзи). Главы 1–6 / Пер. с китайского, коммент., вступит. ст. и прил. В.В. Башкеева и М.Ю. Ульянова. – М.: ИДВ РАН – Вост. лит., 2021.
36. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. – Л.: ЛИЖВЯ, 1925.
37. Бартольд В.В. Сочинения: в IX т. Т. II. Часть 1. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
38. Бартольд В.В. Сочинения: в IX т. Т. V. – М.: Наука, 1968.
39. Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / Пер. с англ. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова; науч. ред. и пре-

- дисл. Д.В. Рухлядева. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009.
- 40.Басилов В.Н. Избранники духов. – М.: Политиздат, 1984.
 - 41.Басилов В.Н. «Скифская арфа»: древнейший смычковый инструмент? // Советская этнография. 1991. №4. С. 140–154.
 - 42.Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1992.
 - 43.Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М.: Наука, 1980.
 - 44.Белков П.Л. Этнос и мифология. Элементарные структуры этнографии. – СПб.: Наука, 2009.
 - 45.Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. – М.: Наука, 1966.
 - 46.Беляков С. Книга Марка Бассина о Льве Гумилеве // URL: <https://www.istorex.org/post/сергей-беляков-книга-марка-бассина-о-льве-гумилеве-рец-bassin-m-the-gumilev-mystique> (дата обращения: 29.08.2023).
 - 47.Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева. – М.: Астрель, 2012.
 - 48.Бердинских В.А. Ремесло историка в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2009.
 - 49.Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. – Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1951.
 - 50.Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
 - 51.Биография научной теории // Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: Рольф, 2001. С. 5–14.
 - 52.Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии / Сост. Л.Н. Гумилев и М.Ф. Хван. – Чебоксары: Чувгосиздат, 1960.
 - 53.Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
 - 54.Блок М. Апология истории. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1986.
 - 55.Богомоллов А.С. Английская буржуазная философия XX века. – М.: Мысль, 1973.
 - 56.Бокщанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В. История Китая: древность, средневековье, новое время. – М.: Восточная литература, 2010.
 - 57.Большаков О.Г. Профессор А.Б. Халидов. Взгляд из Арабского кабинета // Петербургское востоковедение. Вып. 10. – СПб., 2002. С. 553–558.
 - 58.Большая советская энциклопедия. [1-е изд.] Т. 60. Холангит – Цянь. – М., 1934.
 - 59.Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 40. Сокирки – Стилоспоры, 1957.
 - 60.Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 46. Фусе – Цуруга. – М., 1957.
 - 61.Большая советская энциклопедия. Т. 24, кн. II. СССР. – М., 1977.
 - 62.Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. – М.: Наука, 1985.

63. Бондарев А.В. История и основные направления развития отечественных теоретических исследований культурогенеза: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01 / [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – Санкт-Петербург, 2008.
64. Бондарев А.В. Личность и идейное наследие Л. Н. Гумилева: мифологемы восприятия и проблемы понимания // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2012. № 1. С. 195–223.
65. Бондарев А.В. Феномен Л.Н. Гумилева // *Наследие Л.Н. Гумилёва и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы*. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2012. С. 44–69.
66. Борисковский П.И., Гурина Н.Н., Массон В.М. [Рец. на:] История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968 // *Советская археология*. 1974. №4. С. 285–290.
67. Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. – М.: Молодая гвардия, 2004.
68. Боровкова Л.А. Народы Средней Азии III–VI веков. – М. Институт востоковедения РАН, 2008.
69. Боровкова Л.А. Проблема местоположения царства Гаочан. – М.: Наука, 1992.
70. Боровкова Л.А. Царства «западного края» во II–I веках до н.э. – М.: Ин-т востоковедения РАН, Крафт+, 2001.
71. Бузин В.С. Пассионарная теория этноса Льва Николаевича Гумилева: Учеб. пособие. – СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2010.
72. В Государственном Эрмитаже и Ленинградском Отделении Института народов Азии АН СССР // *Вестник древней истории*. 1962. № 3. С. 202–210.
73. Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. – М.: Восточная литература, 1999.
74. Васильев К.В. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Хунну, Срединная Азия в древние времена, М., ИВЛ, 1960, 291 стр. // *Вестник древней истории*. 1961. №2. С. 120–124.
75. Васильев Л.С. История Востока: в 2 тт. Т. 1. – М.: Высшая школа, 1993.
76. Васильев Л.С. Природа и история в книге Л.Н. Гумилева с точки зрения синолога // *Природа*. 1976. №4. С. 154–156.
77. Васильев Л.С. Труды востоковедов Сибири // *Народы Азии и Африки*. 1977. №1. С. 159–163.
78. Васильев Л.С. Феномен феодализма // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 148–161.
79. Вассоевич А.Л. О Юрии Яковлевиче Перепёлкине и его научных открытиях // *Перепёлкин Ю.Я. История Древнего Египта*. – СПб.: Летний Сад – Нева, 2000. С. 5–55.
80. Васютин С.А. Внешнеполитические стратегии и организация верховной власти во II Тюркском каганате // *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2010. Т. 79. №3. С. 49–62.

81. Васютин С.А. Образ правителя в ментальных представлениях кочевников Центральной Азии в период раннего средневековья // Тюркологический сборник. 2009–2010. – М.: Восточная литература, 2011. С. 79–108.
82. Васютин С.А. Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории многолинейности) // Восток/Oriens. 2010. №4. С. 20–33.
83. Васютин С.А. Уйгурский каганат – цивилизационная альтернатива пасторальным империям Центральной Азии I тыс. н.э. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11. С. 28–34.
84. Ващенко Э.Д. «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XX вв. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
85. Вернадский В.И. Дневники. 1926–1934. – М.: Наука, 2001.
86. Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941. Книга 1. 1935–1938. – М.: Наука, 2006.
87. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М.: Наука, 2001.
88. Вернадский Г. Из древней истории Евразии. Хунну // Новый журнал. 1960. № 62. С. 273–283.
89. Верховцев Д.В. Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 79–101.
90. Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский и Великая степь. – СПб.: Евразия, 2023.
91. Виноградов Ю.А. Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Вып. XXII. – Симферополь; Керчь, 2009. С. 5–90.
92. Виноградов Ю.А. Монархические титулы в истории древней Греции // Проблемы культурогенеза и культурного наследия: сборник статей к 80-летию В.М. Масона. – СПб.: Инфо Ол, 2009. С. 117–128.
93. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934.
94. Вознесенский Л.А. «Можно я буду отвечать стихами?» // «Живя в чужих словах...»: воспоминания о Л.Н. Гумилеве: [Сост., вступ. ст., коммент. В.Н. Вороновича, М.Г. Козыревой]. – СПб.: Росток, 2006. С. 173–189.
95. Волков В.В. Предисловие // Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Изд-во ГМВ, 1996. С. 4.
96. Воробьев М.В. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Хунну, Срединная Азия в древние времена... // Народы Азии и Африки. 1962. №3. С. 199–201.
97. Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь. – М.: Наука, 1983.
98. Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). – Владивосток: Дальнаука, 1994.
99. Воробьева-Десятовская М.И. Предисловие / Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. – Самара: Агни, 1999. С. 5–12.

100. Воронович А.В. История издания монографий Л.Н. Гумилева, посвященных пассионарной теории этногенеза // Новейшая история России. 2013. № 1(6). С. 34–47.
101. Воронович А.В. Материалы к библиографии работ о Л.Н. Гумилеве // Л.Н. Гумилев: pro et contra. – СПб.: РХГА; НОКО, 2012. С. 861–909.
102. Воронович А.В. Материалы личного архива Л.Н. Гумилева как исторический источник: автореферат дис. ...кандидата исторических наук: 07.00.09 / [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. – СПб., 2012.
103. Воронович А.В., Козырева М.Г. Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву. 1956 год // Геополитика и безопасность. 2008. №4. С. 86–101.
104. Всемирная история. Т. III. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957.
105. Всемирная история: в 6 т. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П.Ю. Уваров. – М.: Наука, 2012.
106. Вспоминая Л.Н. Гумилева. Воспоминания. Публикации. Исследования: [Сост. и комм. Воронович В.Н., Козырева М.Г.] – СПб.: Росток, 2003.
107. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л.: Наука, 1965.
108. Гаген-Торн Н.И. [Рец. на:] Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Этнография. Выпуск 5, 1968, 200 стр. // Советская этнография. 1971. №1. С. 154–156.
109. Гадло А.В. Этническая общность барсилы // Историческая этнография: традиции и современность (Проблемы археологии и этнографии. Выпуск II). – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. С. 79–91.
110. Ганелин Р.Ш. Две страницы из жизнеописания Л.Н. Гумилева // Новейшая история России. 2013. №1. С. 7–33.
111. Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. – СПб.: Нестор-История, 2004.
112. Ганиев Р.Т. Восточно-тюркский каганат в Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине VI – первой половине VIII вв.: автореферат дис. ...кандидата исторических наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2006.
113. Ганиев Р.Т. Восточно-тюркский каганат в Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине VI – первой половине VIII вв.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2006.
114. Ганковский Ю.В. Народы Пакистана. – М.: Наука, 1964.
115. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. – М.: Наука, 1983.
116. Гафуров Б.Г. Таджики. 2-е изд. Т. I. – Душанбе: ИРФОН, 1989.
117. Гемпель К. Мотивы и «охватывающие законы» в историческом объяснении // Философия и методология истории. – М.: Прогресс, 1977. С. 72–93.
118. Герштейн Э. Мемуары. – М.: Захаров, 2002.
119. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Т. 6. – М., 1885.
120. Глебов Н.Н. Астрономическая абберация и гипотеза мирового эфира // АРАН. Фонд 518. Опись 5. Д. 31. URL:

- http://www.ras.ru/vivernadskyarchive/7_actview.aspx?id=3518 (дата обращения: 30.05.2022).
121. Гомбожапов А.Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / [Место защиты: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН]. – Улан-Удэ, 2008.
 122. Гомбожапов А.Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2008.
 123. Горбунова Н. Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии // Советская археология. 1991. №3. С. 20–30.
 124. Гордлевский В.А. Что такое «босый волк»? // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1947. Т. VI. Вып. 4. С. 317–337.
 125. Гранин Ю.Д. Этносы, национальное государство и формирование российской нации. – М.: ИФ РАН, 2007.
 126. Грач А.Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. С. 207–213.
 127. Грач А.Д. Центральная Азия – общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). – Л.: Наука, 1984. С. 113–125.
 128. Греков Б.Д. Киевская Русь. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
 129. Греков Б.Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
 130. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
 131. Григорьев В.В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. № 3 (март). С. 1–27.
 132. Гришин Ю.С. [Рец. на:] М.И. Рижский. Из глубины веков... // Советская археология. 1971. №1. С. 304–305.
 133. Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. – Москва: Наука, 1975.
 134. Грумм-Гржимайло Г.Е. Белокурая раса в Средней Азии. – СПб., 1909.
 135. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. – Л., 1926.
 136. Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. – М.: ОГИЗ, 1948.
 137. Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. II. – СПб., 1899.
 138. Грумм-Гржимайло Г.Е. Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми? – СПб., 1899.

139. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1991.
140. Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. XXIV. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 19–29.
141. Гулыга А.В. Искусство истории. – М.: Современник, 1980.
142. Гулыга А.В. Эстетика истории. – М.: Наука, 1974.
143. Гумилев Л.Н. Автонекролог // Лавров С.Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. – М.: Айрис-пресс, 2003. С. 17–36.
144. Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюркок-тугию // Советская археология. 1959. №1. С. 105–114.
145. Гумилев Л.Н. Апокрифический диалог // Нева. 1988. №3. С. 201–207; № 4. С. 195–201.
146. Гумилев Л.Н. Бахрам Чубин. (Опыт критики источников) // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 228–241.
147. Гумилев Л.Н. Биография научной теории, или автонекролог // Знамя. 1988. № 4. С. 202–216.
148. Гумилев Л.Н. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности // Византийский временник. Т. XXVI. – М.: Наука, 1965. С. 67–76.
149. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. – М.: Товарищество Клышников, Комаров и Ко, 1992.
150. Гумилев Л.Н. Великая распря в первом тюркском каганате в свете византийских источников // Византийский временник. Т. XX. 1961. С. 75–89.
151. Гумилев Л.Н. Величие и падение Древнего Тибета // Страны и народы Востока. Вып. VIII. – М.: Наука, 1969. С. 153–182.
152. Гумилев Л.Н. Викинги не солгали // Природа. 1977. №5. С. 95–99.
153. Гумилев Л.Н. Всем нам завещана Россия. – М.: Айрис-пресс, 2012.
154. Гумилев Л.Н. Г.Е. Грумм-Гржимайло – историк монгольского и калмыцкого народов // Известия Всесоюзного географического общества. 1965. Т. 97. Вып. 5. С. 445–447.
155. Гумилев Л.Н. Г.Е. Грумм-Гржимайло и рождение науки об этногенезе // Природа 1976. №5. С. 112–121.
156. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990.
157. Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности // Вестник Ленинградского университета. Серия «География». 1966. № 6. Вып. I. С. 62–71.
158. Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. – СПб.: Кристалл, 2003. С. 294–307.
159. Гумилев Л.Н. «Дар слов мне был обещан от природы»: [Полное собр. худож. творч. наследия / Вступ. статья, подготовка текста и коммент. М.Г. Козыревой и В.Н. Вороновича]. – СПб.: Росток, 2004.
160. Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // Известия всесоюзного географического общества. 1959. Т. 91, № 1. С. 17–26.

161. Гумилев Л.Н. Древне-монгольская религия // Географическое общество СССР. Доклады отделений и комиссий. Вып. 5: Этнография. – Л., 1968. С. 31–38.
162. Гумилев Л. Древняя история Серединной Азии <зачеркнуто «Опыт истории Хунну»>. Часть III. Глава I. Осколки. III век. Июнь–август 1954. (Рукопись.)
163. Гумилев Л. Древняя история Серединной Азии. Интерлюдия <первоначальное название «Опыт истории Хунну. Часть I. Глава II» зачеркнуто>. Среди неясного и нерешенного. Ди и динлины. Февраль 1955. (Рукопись.)
164. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Айрис-пресс (Рольф), 2002.
165. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967.
166. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К», 1993.
167. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. В 2-х книгах. Кн. 1 / Сост. и общ. ред. А.И. Куркчи. – М.: ДИ-ДИК, 1999.
168. Гумилев Л.Н. Древняя история Серединной Азии. Гл. I. Страна, не открытая до конца. Январь 1953 г. (Рукопись.)
169. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: АСТ, 2002.
170. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1989.
171. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1992.
172. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Товарищество Клышников–Комаров и Ко, 1992.
173. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. В 2-х книгах. Кн. 1 (1997) – М.: Институт ДИ–ДИК, 1997.
174. Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. – М.: Искусство, 1993.
175. Гумилев Л.Н. Изменения климата и миграции кочевников // Природа. 1972. № 4. С. 44–52.
176. Гумилев Л.Н. История колебания уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XVI в. н.э.) // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.: Наука, 1980. С. 32–47.
177. Гумилев Л.Н. История народа хунну: В 2-х книгах. Кн. 1. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1998.
178. Гумилев Л.Н. История Серединной Азии в связи с историей сопредельных стран. Часть I, глава IV «Среди неясного и нерешенного. Скифия и Туран». (Рукопись, не датирована. Не позднее первой половины 1950-х гг.)
179. Гумилев Л.Н. История Серединной в связи с историей сопредельных стран. Ч. III, гл. III «Отблески. V век». Январь 1955 г. (Рукопись.)
180. Гумилев Л.Н. «История Серединной Азии в Средние века». Глава «Перипл Ханьхая (песчаного моря)». (Рукопись, не датирована. Не позднее первой половины 1950-х гг.)
181. Гумилев Л. «История требует справедливости...» // Альманах библиофила. Вып. 24. Книга Монголии. – М.: Книга, 1988. С. 343–351.
182. Гумилев Л.Н. Китайская хронографическая терминология в трудах Н.Я. Бичурина на фоне всемирной истории // Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание

- сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. С. 643–673.
183. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: Рольф, 2001.
 184. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: Танаис; ДИ-ДИК, 1994.
 185. Гумилев Л.Н. Легенда и действительность в древней истории Тибета // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3. С. 103–113.
 186. Гумилев Л.Н. Люди и природа Великой степи (Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников) // Вопросы истории. 1987. №1. С. 64–77.
 187. Гумилев Л.Н. Меня называют евразийцем // Наш современник. 1991. №1. С. 132–141.
 188. Гумилев Л.Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // Народы Азии и Африки. 1970. №1. С. 85–94.
 189. Гумилев Л.Н. Миф и действительность (Южная Сибирь и Древняя Русь в XI–XIII вв.) // Проблемы реконструкций в этнографии. – Новосибирск, 1984. С. 5–24.
 190. Гумилев Л.Н. О странном неприятии географии // Известия ВГО. 1971. Т. 103, вып. 3. С. 263–267.
 191. Гумилев Л.Н. О термине «этнос» // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 3: Этнография. Л., 1967. С. 3–17.
 192. Гумилев Л.Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // Гумилев Л.Н. Древние тюрки. В 2-х книгах. Кн. 1. – М.: ДИ-ДИК, 1999. С. 75–85.
 193. Гумилев Л.Н. От Руси до России. – СПб.: Юна, 1992.
 194. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки по русской истории. 8–11 кл.: Пособие для общеобразоват. учеб. заведений / Под ред. акад. А.М. Панченко. – М.: Дрофа; Наталис, 1996.
 195. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории / Сост. Н.В. Гумилева: пред., комм., общ. ред. А.И. Куркчи. – Танаис ДИ-ДИК, 1994.
 196. Гумилев Л.Н. От Руси к России. – М.: Экопрос, 1992.
 197. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. – М.: Наука, 1966.
 198. Гумилев Л.Н. По поводу предмета исторической географии // Вестник Ленинградского университета. 1965. №18, вып. 3. С. 112–120.
 199. Гумилев Л.Н. По поводу теории этногенеза // Известия Всесоюзного Географического общества. 1987. Т. 119, вып. 3. С. 285.
 200. Гумилев Л.Н. Подробная политическая история первого тюркского каганата. 546–659 гг. – Л., 1947. (Машинопись кандидатской диссертации по истории.)
 201. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). – М.: Наука, 1970.
 202. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства: [Сост. и общ. ред. А. И. Куркчи] – М.: Институт ДИ-ДИК, 1997.
 203. Гумилев Л.Н. Посещение Асмодея (Осенняя сказка) // Петрополь–3. Альманах. – Л.: Союз кинематографистов СССР, «Аквилон», 1991. С. 67–86.

204. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М.: Экопрос, 1993.
205. Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. №1. С. 53–66.
206. Гумилев Л.Н. [Рец. на:] С.Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964 // Народы Азии и Африки. 1965. № 6. С. 175–179.
207. Гумилев Л.Н. С точки зрения Клио // Дружба народов. 1977. №2. С. 247–262.
208. Гумилев Л.Н. С.И. Руденко и современная этнография аридной зоны Евразийского континента // Этнография народов СССР – Л.: ГО СССР (Отделение этнографии), 1971. С. 6–14.
209. Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской дани // Русская литература. 1974. №3. С. 164–174.
210. Гумилев Л.Н. Соседи хазар // Страны и народы Востока. Вып. IV. – М.: Наука, 1965. С. 127–142.
211. Гумилев Л.Н. Справка «Механизм зажима публикаций Л.Н. Гумилева, доктора исторических наук с 1961 г., за период с 1975 по 1985 г.» // Вспоминая Л.Н. Гумилева. Воспоминания. Публикации. Исследования: [Сост. и комм. Воронович В.Н., Козырева М.Г.] – СПб.: Росток, 2003. С. 237–245.
212. Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туюк-Мазара // Сборник МАЭ. Т. XII. – М.-Л., 1949. С. 232–253.
213. Гумилев Л.Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е, перераб., доп. – М.: Наука, 1977. С. 484–502.
214. Гумилев Л.Н. Таласская битва 36 г. до н.э. // Исследования по истории культуры народов Востока: Сборник в честь академика И.А. Орбели. – М.-Л.: Наука, 1960. С. 161–166.
215. Гумилев Л.Н. Трагедия на Каспии и Повесть временных лет // Литература и искусство в системе культуры. – М.: Наука, 1988. С. 116–122.
216. Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. Вып. II. – М.: Наука, 1961. С. 103–111.
217. Гумилев Л.Н. Троецарствие в Китае // Геогр. общество СССР. Доклады отделений и комиссий. Вып. 5: Этнография. – Л., 1968. С. 108–127.
218. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – Баку: Азернешр, 1991.
219. Гумилев Л.Н. Удельно-лествичная система у тюрков в VI–VIII веках // Советская Этнография. 1959. №3. С. 11–25.
220. Гумилев Л.Н. Хунно-китайская война III–II вв. до н.э. // Древний мир. Сборник статей академику В.В. Струве. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. С. 410–417.
221. Гумилев Л.Н. Хунну // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. Феллахи – Чжалайнор. – М.: Советская Энциклопедия, 1973. Стб. 687.
222. Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960.

223. Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. – СПб.: Тайм-АУТ – КОМПАСС, 1993.
224. Гумилев Л.Н. Хунну. Хунны в Китае. – М.: Айрис-Пресс, 2003.
225. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. – М.: Наука, 1974.
226. Гумилев Л.Н. Черная легенда: друзья и недруги Великой степи. – М.: Айрис-пресс, 2003.
227. Гумилев Л.Н. Чтобы свеча не погасла: Сборник эссе, интервью, стихотворений, переводов. – М.: Айрис-пресс, 2002.
228. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеиздат, 1990.
229. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989.
230. Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. №2. С. 43–50.
231. Гумилев Л.Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период // Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993. С. 266–284.
232. Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР 1970. Вып. 15: Этнография. С. 143–157.
233. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993.
234. Гумилев Л.Н. Эфталиты – горцы или степняки? // Вестник древней истории. 1967. №3. С. 91–99.
235. Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник древней истории – 1959. № 1. С. 129–140.
236. Гумилев Л.Н., Алексин А.А. Каспий, климат и кочевники // Татарская археология. №1. 1997. С. 7–23.
237. Гумилев Л.Н., Крюкова Т.А., Хван М.Ф. Китайские письма на чувашской рубахе // Чувашский гуманитарный вестник. 2006. №1. С. 171–189.
238. Гумилев Л.Н., Кузнецов Б.И. Две традиции древнетибетской картографии // Вестник Ленинградского университета. 1969. № 24, вып. 4. С. 88–101.
239. Гумилев Л.Н., Смолянинова Л.А. А.Г. Грумм-Гржимайло – научная и общественная деятельность // Известия Всесоюзного географического общества. 1969. Т. 101, №3. С. 244–248.
240. Гумилев Л.Н., Эрдели И. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века // Народы Азии и Африки. 1969. № 3. С. 78–87.
241. Давыдова А.В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. Л.: 1975. С. 141–145.
242. Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. – М.: Изд-во АН СССР, 1957.
243. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. – М.: Аспект Пресс, 2001.
244. Дашкова А.А. Лев Гумилев, начало 30-х // «Живя в чужих словах...»: воспоминания о Л.Н. Гумилеве: [Сост., вступ. ст., коммент. В.Н. Вороновича, М.Г. Козыревой]. – СПб.: Росток, 2006. С. 71–77.

245. Дашковский П.К., Васютин С.А. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009.
246. Дворниченко А.Ю. Александр Вильямович Гадло (1937–2002) – исследователь древностей Крыма и Кавказа // Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 3–20.
247. Дворниченко А.Ю. Евразийцы, Л.Н. Гумилев и проблема древнерусского государства // Вестник СПбГУ. 2012. Октябрь (К 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева.). С. 108–119.
248. Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. 2-е изд. – СПб.: Евразия; М.: ИД КЛИО, 2017.
249. Дворниченко А.Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. – СПб.: Евразия, 2017.
250. Демин В.Н. Лев Гумилёв. – М.: Молодая гвардия, 2007.
251. Демкин В.А., Алексеев А.О., Якимов А.С., Демкина Т.С. Палеоэкологические условия нижневолжских степей в XIII–XIV вв. // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: Материалы III международной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова. – М.: Государственный Исторический музей, 2013. С. 128–132.
252. Деревянко Е.И. Племена Приамурья. I тыс. н.э. – Новосибирск: Наука, 1981.
253. Джарылгасинова Р.Ш. [Рец. на:] М.В. Крюков, В.В. Малявин, М.В.Софронов. Китайский этнос на пороге средних веков... // Советская этнография. 1981. №1. С. 176–179.
254. Дискуссия по статье М.В. Крюкова // Расы и народы. Вып. 18. – М.: Наука, 1988. С. 22–49.
255. Дмитриев В.А. Между Ираном и Византией: возникновение Тюркского каганата и внешнеполитическая ориентация алан в 50-е–70-е гг. VI в. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. – СПб: ИИМК РАН, 2012. С. 510–516.
256. Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник 1975. – М.: Наука, 1978. С. 102–129.
257. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. – М.: Наука, 1982.
258. Дорошенко Н.М. О методологическом наследии Л.Н. Гумилева // Петербургские исследования. Альманах. 2010. № 2. С. 190–212.
259. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969.
260. Дробышев Ю.И. Историография изучения этнической экологии монгольских кочевников Центральной Азии // Mongolica-VIII. СПб., 2008. С. 37–49.
261. Дробышев Ю.И. История взаимодействия человека и природы в Центрально-Азиатских кочевых обществах раннего средневековья: диссертация

- ...кандидата исторических наук: 07.00.03 / [Место защиты: Ин-т востоковедения РАН]. – М., 2008.
262. Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.). – М.: ИВ РАН, 2014.
263. Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства. – М.: Наука, 1991.
264. Думан Л.И. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Хунну, Срединная Азия в древние времена... // Народы Азии и Африки. 1962. №3. С. 196–199.
265. Дьяконов И. История эмоций? // Знание – сила. 1988. №5. С. 36–42.
266. Дьяконов И.М. «Огненный дьявол» // Нева. 1992. №4. С. 225–228.
267. Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. – СПб.: Европейский дом, 1995.
268. Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука, 1994.
269. Дьяконова Н.В. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода // Труды Государственного Эрмитажа. Т. V. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 257–272.
270. Европеус Д. К вопросу о народах... // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. №7 (июль). С. 55–71.
271. Егоров В.Л. Русь и ее южные соседи в X–XIII веках // Отечественная история. 1994. № 6. С. 184–202.
272. Ельницкий Л.А. Скифия Евразийских степей. – Новосибирск: Наука, 1977.
273. Еремеев Д.Е. Роль кочевников в истории // Расы и народы. Вып. 12. – М.: Наука, 1982. С. 19–42.
274. Жарких М.І. Життя і творчість Льва Гумільова. – Київ, 2004 / URL: https://www.academia.edu/26710400/Життя_і_творчість_Льва_Гумільова (дата обращения: 27.07.2022).
275. «Живя в чужих словах...»: воспоминания о Л.Н. Гумилеве: [Сост., вступ. ст., коммент. В.Н. Вороновича, М.Г. Козыревой]. – СПб.: Росток, 2006.
276. Жуков К.А. Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева. – СПб.: Алетейя, 2006.
277. Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. – М.: Наука, 1977.
278. Жуковская Н.Л. Народные верования монголов и буддизм (к вопросу о специфике монгольского ламаизма) // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. С. 24–36.
279. Заднепровский Ю.А. [Рец. на:] С.Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964 // Народы Азии и Африки. 1965. №6. С. 172–175.
280. Заднепровский Ю.А. Александр Натанович Бернштам // Краткие сообщения института археологии. Вып. 80. 1960. С. 5–8.
281. Заднепровский Ю.А. Древние номады в Центральной Азии. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 1997.
282. Заднепровский Ю.А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н.э. – V в. н.э. // Страны и народы Востока. Вып. X. – М.: Наука, 1971. С. 27–36.

283. Заднепровский Ю.А., Подольский А.Г. Александр Натанович Бернштам. К 70-летию со дня рождения // Народы Азии и Африки. 1981. №2. С. 161–168.
284. Запесоцкий А.С. Дмитрий Лихачев – великий русский культуролог. – СПб.: СПбГУП, 2007.
285. Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). – Москва – Torino: Giulio Einaudi editore, 1996.
286. Запорожец В.М. Сельджуки. – М., Воениздат, 2011.
287. Захаров И. Историческое обозрение народонаселения Китая // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. I. – СПб., 1852. С. 247–357.
288. Зеленин Д.К. Идеология сибирского шаманства // Известия АН СССР. VII серия. Отделение общественных наук. №8. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1935. С. 709–743.
289. Зелинский А.Н. Книга Л.Н. Гумилева «Хунну» // Материалы по этнографии. Вып. 2. – Л., 1962. С. 54–63.
290. Зелинский А.Н. Кушаны и махаяна // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. – М.: Наука, 1975. С. 223–236.
291. Зимин А.А. Витязь на распутье. – М.: Мысль, 1991.
292. Зимин А.А. Слово о полку Игореве. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
293. Златкин И.Я. Борис Яковлевич Владимирцов – историк // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. – М.: Восточная литература, 2002. С. 13–48.
294. Златкин И.Я. Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока. – М.: Наука, 1971. С. 131–193.
295. Златкин И.Я. Не синтез, а эклектика // Народы Азии и Африки. 1970. № 3. С. 80–88.
296. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). – М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
297. Иванов С.А. Взаимоотношения Руси и Степи в концепциях евразийцев и Льва Гумилева // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. – М.: Наука, 2001. С. 213–218.
298. Иванов С.А. Лев Гумилев как феномен пассионарности // Неприкосновенный запас. 1998. № 1. С. 4–10.
299. Ивик О., Ключников В. Хазары. – М.: Ломоносов, 2013.
300. «И все-таки я счастливый человек...» Лев Гумилев. Фотолетопись. Фотографии и документы из собрания музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме: Каталог. – СПб., 2014.
301. «И зачем нужно было столько лгать?» Письма Льва Гумилева к Наталье Варбанец из лагеря. 1950–1956: [сост. Т. Позднякова и М. Козырева]. – СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме–Агат, 2005.
302. Из выступлений при обсуждении доклада Б.Ф. Поршнева // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения / отв. ред. М.Я. Гефтер. – М.: Наука, 1969. С. 317–325.

303. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1882.
304. Иностранцев К.А. Хунну и гунны. 2-е изд. – Л.: Труды туркологического семинария I, 1926.
305. История – наука естественная, или визит к профессору Гумилеву // Сельская молодежь. 1988. № 2. С. 44–49.
306. История Востока. Т. 2. Восток в средние века. – М.: Восточная литература, 1999.
307. История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй. – М.: Восточная литература, 2004.
308. История Казахской ССР. Т. I. – Алма-Ата: Наука, 1977.
309. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. I. – Алматы: Атамура, 1996.
310. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. – Элиста: Герел, 2009.
311. История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. Т. III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907) / отв. ред. И.Ф. Попова, М.Е. Кравцова. – М.: Наука – Восточная литература, 2014.
312. История Китая с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 1974.
313. История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 1986.
314. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I. Древняя Сибирь. – Л.: Наука, 1968.
315. История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступительная статья, составление, подготовка текстов и комментарии Л.В. Соколовой. – СПб.: Пушкинский Дом, 2010.
316. История стран Азии и Африки в средние века. – М.: Изд-во Московского университета, 1968.
317. История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. I / [науч. ред. С.Г. Кляшторный; отв. ред. Р. А. Хакимов]. – Казань: Рухият, 2002.
318. История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009.
319. История Тувы. Т. I. – М.: Наука, 1964.
320. История Тувы. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Наука, 2001.
321. Исхаков Г.М., Кляшторный С.Г., Решетов А.М., Рахимов Т.Р. Достижения советских ученых в историко-этнографическом изучении уйгуров // Актуальные проблемы советского уйгуроведения: Материалы I Республиканской уйгуроведческой конференции. – Алма-Ата: Наука, 1983. С. 34–42.
322. Ищенко Е.Н. Развитие Евразийской традиции в трудах Л.Н. Гумилева и современном евразийстве: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2004.
323. Кабанов С.К. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III–VI вв. // Советская Археология. 1963. № 1. С. 219–230.

324. Кабанов С.К. Поздние кушаны в Нахшебе // Вестник древней истории. 1973. № 3. С. 159–171.
325. Кабанов С.К. Нахшебские монеты V–VI вв. // Вестник древней истории. 1961. № 1. С. 137–144. С. 143.
326. Кабиров М.Н. К вопросу изучения древней и средневековой истории уйгуров в отечественной науке // Материалы по истории и культуре уйгурского народа. – Алма-Ата: Наука, 1978. С. 3–21.
327. Казакевич Н.И. Фрагмент воспоминаний // «Живя в чужих словах...»: воспоминания о Л.Н. Гумилеве: [Сост., вступ. ст., коммент. В.Н. Вороновича, М.Г. Козыревой]. – СПб.: Росток, 2006. С. 199–211.
328. Калядина С.А. Фрагменты «дела ленинградской студенческой террористической организации» // Репрессированная наука. Выпуск 2. – СПб.: Наука, 1994. С. 193–199.
329. Камалов А.К. Древние уйгуры VIII–IX вв. – Алматы: Наш Мир, 2001.
330. Каримуллин А.Г. Лев Николаевич Гумилев. Библиографический указатель. – Казань, 1990.
331. Киркин М.А. Философско-историческое содержание теории этногенеза Л.Н. Гумилева: диссертация... кандидата философских наук: 09.00.03 / [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филос. фак.]. – М., 2011.
332. Кирчо Л.Б. Слово о юбиларе // Проблемы культурогенеза и культурного наследия: сборник статей к 80-летию В.М. Масона. – СПб.: Инфо Ол, 2009. С. 5–7.
333. Киссель М.А. Джамбаттиста Вико. – М.: Мысль, 1980.
334. Киссель М.А. Р.Дж. Коллингвуд – историк и философ // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. С. 418–459.
335. Клейн Л.С. Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. – Кемерово: КемГУ. 1980. С. 30–36.
336. Клейн Л.С. Время в археологии. – СПб.: Евразия, 2014.
337. Клейн Л.С. Генераторы народов // Древняя Сибирь. Вып. 4. Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. С. 126–134.
338. Клейн Л.С. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Нева. 1992. №4. С. 228–246.
339. Клейн Л.С. Пассионарность – красивый миф / URL: <http://antropogenez.ru/interview/717/> (дата обращения: 30.10.2023).
340. Клейн Л.С. Феномен советской археологии. – СПб.: Фарн, 1993.
341. Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина) // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 278–281.
342. Кляшторный С.Г. Геополитическое пространство и социальная структура древнетюркского мира // Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки, эволюция, проблемы восприятия. С. 201–205.
343. Кляшторный С.Г. Гуннская держава на Востоке (III–IV в. н.э.) // История древнего мира. [Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой.] Кн. 3: Упадок древних обществ. – М.: Наука, 1982. С. 170–181.

344. Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003
345. Кляшторный С.Г. О славянах Среднего Поволжья и о коллегах-славистах // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). – Самара, 2013. С. 67–72.
346. Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. – М., 2011. С. 109–114.
347. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб.: Наука, 2006.
348. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.
349. Кляшторный С.Г. Социальная стратификация и ее связь с имущественным статусом в древнетюркских племенных сообществах Центральной Азии // Восточная Европа в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто и чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. – М., 2013. С. 127–133.
350. Кляшторный С.Г., Ромодин В.А. Изучение истории тюркских народов в АН СССР // Тюркологический сборник 1970. – М.: Наука, 1970. С. 148–162.
351. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.
352. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992.
353. Кляшторный С.Г., Яцковская К.Н. Предисловие // *Mongolica*: К 750-летию сокровенного сказания. – М.: Восточная литература, 1993. С. 3–6.
354. Кобищанов Ю.М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории. – М.: РОССПЭН, 1995.
355. Ковалев А.А. Локализация народов VI–III вв. до н.э. на северных границах китайских государств // Записки ИИМК РАН. №3. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 181–202.
356. Кожин П.М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана. – М.: ИД «ФОРУМ», 2011.
357. Кожин П.М. Некоторые данные о древних культурных контактах Китая со внутренними районами Евразийского материка // Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (к 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Часть II. – М.: Наука, 1977. С. 24–41.
358. Козлов В.И. Проблематика «этничности» // Этнографическое обозрение. 1995. №4. С. 39–55.
359. Козлов В.И. О биолого-географической концепции этнической истории // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 72–85.
360. Козлов В.И. Пути околоэтнической пассионарности (о концепции этноса и этногенеза, предложенной Л.Н. Гумилевым) // Советская этнография. 1990. № 4. С. 94–110.

361. Козырева М.Г. Л.Н. Гумилев и семья Рерихов // 150 лет школе выдающегося петербургского педагога-просветителя К.И. Мая. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2008. С. 434–441.
362. Козырева М.Л. Лев и Птица // «Живя в чужих словах...»: воспоминания о Л.Н. Гумилеве: [Сост., вступ. ст., коммент. В.Н. Вороновича, М.Г. Козыревой]. – СПб.: Росток, 2006. С. 144–153.
363. Колесников А.И. Иран в начале VII в. // Палестинский сборник. Вып. 22. – Л.: Наука, 1970.
364. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980.
365. Комар А.В. «Тайны Русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е.С. Галкиной) // RUTHENICA. Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. IX. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2010. С. 185–195.
366. Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. – М.: Соцэкгиз, 1959.
367. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976.
368. Кононов А.Н. Родословная туркмен. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
369. Конопацкий А.К. Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии. Книга вторая. – М.: АИРО-XXI, Новый хронограф, 2009.
370. Концевич Л.Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии: Addenda. – М.: Вост. лит., 2011.
371. Кореняко В.А. Multum in parvo // Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. – Иерусалим-М.: Гешарим/Мосты культуры, 2001. С. 5–12.
372. Кореняко В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. – М.: Восточная литература, 2002.
373. Кореняко В.А. К критике концепции Л.Н. Гумилева // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 22–35.
374. Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. – Л.: Наука, 1987.
375. Коротаяев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. – М.: КомКнига, 2005.
376. Косарев М.Ф. Некоторые особенности древней истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии // Советская археология. 1971. №2. С. 39–50.
377. Косарев М.Ф. О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири // Советская археология. 1972. №4. С. 19–27.
378. Котеньков С.А., Соловьев Д.С. Маршрутами Л.Н. Гумилева. Новые хазарские памятники в дельте Волги // Степные миры в зеркале археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию ученого-археолога М.К. Хабдулиной. – Нур-Султан: ИП ARD-Print, 2022. С. 214–222.
379. Котов Р.Е. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Древняя Русь и Великая степь... // Вопросы истории. 1991. №4–5. С. 189–192.

380. Кочешков Н.В. Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры: проблемы историко-культурных связей на материале народного декоративного искусства XIX–XX вв. – СПб.: Наука, 1997.
381. Кравцова М.Е. Поэзия вечного просветления. Китайская лирика второй половины V – начала VI века. – СПб.: Наука, 2001.
382. Крадин Н.Н. Империя Хунну. Изд. 4-е, перераб. и доп. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2020.
383. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007.
384. Крадин Н.Н. Кочевые общества. – Владивосток: Дальнаука, 1992.
385. Крадин Н.Н. Современные проблемы хуннологии // Гумилев Л.Н. История народа хунну: В 2-х книгах. Кн. 1. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. С. 416–444.
386. Крадин Н.Н. Структура и общественная природа Хуннской империи // Вестник древней истории. №4. 2003. С. 137–159.
387. Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. – Владивосток: Дальнаука, 2004.
388. Кралин М.М. Мои воспоминания о Льве Николаевиче Гумилеве // «Живя в чужих словах...»: воспоминания о Л.Н. Гумилеве: [Сост., вступ. ст., коммент. В.Н. Вороновича, М.Г. Козыревой]. – СПб.: Росток, 2006. С. 443–453.
389. Критика и библиография // Вопросы философии. 1971. №1. С. 158.
390. Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. – М.: Красанд, 2013.
391. Кроче Б. Теория и история историографии. – М., 1998.
392. Круглов Е.В. О «курганах с ровиками», погребениях типа «соколовской балки» и некоторых иных древностях хазарского времени (к постановке проблемы) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: Материалы III международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000). – М.: ГИМ, 2013. С. 74–83.
393. Круглов Е.В. Погребение хазарского времени у с. Ильевка // Хазарский альманах. Т. 2. – Иерусалим-М.: Мосты культуры / Гешарим, 2004. С. 180–186.
394. Круглов Е.В. Погребение хазарского времени у с. Ильевка // Хазарский альманах. Т. 2. – Иерусалим-М.: Мосты культуры / Гешарим, 2004. С. 180–186.
395. Круглов Е.В. Хазары – поиск истины // Хазары (Евреи и славяне. Т. 16). – Иерусалим–М.: Мосты культуры/Гешарим, 2005. С. 427–457.
396. Крюков М.В. Этнос и субэтнос // Расы и народы. Вып. 18. – М.: Наука, 1988. С. 5–21.
397. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). – М.: Наука, 1984.
398. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979.

399. Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй / [Отв. ред. Л. С. Переломов, Н. Н. Чебоксаров]. – М.: Наука, 1983.
400. Кузнецов Б.И. Бон и маздаизм. – СПб.: Евразия, 2001.
401. Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. (История религии бон). – СПб.: Евразия, 1998.
402. Кузьмина Е.Е. А.Н. Бернштам и его место в истории Казахстана и Киргизии // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. – СПб: «Инфо-ол», 2010. С. 27–33.
403. Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шелкового пути. – М.: КомКнига, 2010.
404. Куркчи А.И. Л.Н. Гумилев и его время // Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – М.: ДИ-ДИК, 1997. С. 23–78.
405. Куркчи А.И. Последний сын Серебряного века // «Живя в чужих словах...»: воспоминания о Л.Н. Гумилеве. – СПб.: Росток, 2006. С. 499–518.
406. Куркчи А.И. Человек и природа в наследии Л.Н. Гумилева // Генетические коды цивилизаций: материалы Третьей научной конференции «Человек и природа – проблемы социоестественной истории». – М.: Московский лицей. 1995. С. 117–121.
407. Курцев Т.И. Принципы неоднородности и однородности в пассионарной концепции этногенеза: философско-культурологический анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 24.00.01 / [Место защиты: Казан. гос. ун-т культуры и искусств]. – Казань, 2015.
408. Кутимов Ю.Г. Серия «Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана» // Записки восточного отделения российского археологического общества. Т. I (XXVI). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 525–528.
409. Кшибеков Д. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. – Алма-Ата: Наука, 1984.
410. Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. – М.: Институт тюркологии, 2011.
411. Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. – М.: Восточная литература, 2006.
412. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во МГУ, 1979.
413. Кызласов Л.Р. Мироззрение сибирских татар в XVI в. (Погребение Ермака) // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. – Горно-Алтайск, 2004. С. 97–111.
414. Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для Восточной Европы // Татарская археология. 1997. №1. С. 24–31.

415. Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1998. № 3. С. 8–35.
416. Кызласов Л.Р. Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. 2001. №5. С. 83–90.
417. Кызласов Л.Р. Тюркско-иранские культурные взаимосвязи в эпоху средневековья // Древности Алтая. № 12. – Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2004. / URL: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2004/12/15.html> (дата обращения: 18.12.2022).
418. Кызласов Л.Р., Мерперт Н.Я. [рец. на:] А.Н. Бернштам. Очерк истории гуннов // Вестник древней истории. 1952. №1. С. 101–110.
419. Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010.
420. Кычанов Е.И. М.В. Воробьев – Ученый // Памяти профессора Михаила Васильевича Воробьева: К 10-летию со дня кончины. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
421. Кычанов Е.И. Отголоски сюжета об «избиении младенцев» в рассказах о предках Чингис-хана // Mongolica–VII. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. С. 57–58.
422. Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. 2-е изд., испр. и доп. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999.
423. Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги Страны снегов. 2-е изд. – СПб., 2006.
424. Л.Б. Алаев: община в его жизни. – М.: Восточная литература, 2000.
425. Л.Н. Гумилев: pro et contra [антология / вступ. статья Н.М. Дорошенко, И.Ф. Кефели; сост., коммент. Н.М. Дорошенко, И.Ф. Кефели; при участии А.В. Бондарева, А.В. Воронович, М.Г. Козыревой, А.Б. Панченко, О.В. Плетбанек, А.С. Сараева]. – СПб.: РХГА; НОКО, 2012.
426. Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. – М.: Сварог и К, 2000.
427. Лавров С.Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. – М.: Айрис-пресс, 2003.
428. Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого // Вестник Евразии / Acta Eurasica. 2001. №4 (15). С. 5–19.
429. Латынина А. «Почему между народами были и будут кровавые скандалы» // Новый мир. 2013. №3. URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2013/3/pochemu-mezhdu-narodami-byli-i-budut-krovavye-skandaly.html (дата обращения: 1.07.2023).
430. Лев Гумилев. Теория этногенеза: великое открытие или мистификация? Сборник статей к 100-летию со дня рождения ученого / Сост. М. Зильберт. – М.: АСТ, 2013.
431. Лев Николаевич Гумилев. Письма к матери брата, О.Н. Высотской, другу, В.Н. Абросову и брату, О.Н. Высотскому (1945–1991) / [сост. Г.М. Прохоров]. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008.

432. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. – М.: Наука, 1971.
433. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. – М.: Восточная литература, 1996.
434. Лившиц В.А. Согдийский посол в Чаче // Советская этнография. 1960. № 2. С. 92–109.
435. Лифанов Н.А. Ранние тюрки в Среднем Поволжье (к вопросу об установлении хазарской власти в регионе) // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Т. 1. – СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 218–221.
436. Лихачев Д.С. Раздумья о России. – СПб.: Logos, 2004.
437. Логинов А.В. Россия и Евразия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2013.
438. Логинов В.В. Локализация ставки хуннского шаньюя // Общество и государство в Китае: Т. XLII, ч. 3. – М.: ИВ РАН, 2012. С. 53–64. URL: http://www.synologia.ru/a/Локализация_ставки_хуннского_шаньюя (дата обращения: 17.11.2023).
439. Лубо-Лесниченко Е.И. Пазырык и Западный Меридиональный путь // Страны и народы Востока. Вып. XXV. – М.: Наука, 1987. С. 233–248.
440. Лурье Я.С. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилева // Звезда. 1994. №10. С. 167–177.
441. Лурье Я.С. К истории одной дискуссии // История СССР. 1990. №4. С. 128–132.
442. Лурье Я.С. Россия Древняя и Россия Новая. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
443. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. – М.: Наука, 1983.
444. Макарова Т.И. Работа сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1969–1970 гг. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 129. 1972. С. 110–112.
445. Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. 2-е изд., стер. – Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2013.
446. Максуди С.А. Тюркская история и право. – Казань: ФЭН, 2002.
447. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
448. Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. – Новосибирск: Наука, 1992.
449. Малявкин А.Г. К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата // Известия СО АН СССР. 1972. №1. С. 29–35.
450. Малявкин А.Г. Китай и уйгуры в 840–848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск: Наука, 1975. С. 65–82.
451. Малявкин А.Г. Марионетки из рода Ашина // Восточный Туркестан и Средняя Азия: История. Культура. Связи. – М.: Наука, 1984. С. 138–155.
452. Малявкин А.Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1980. С. 103–126.

453. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1983.
454. Малявкин А.Г. Уйгуры и тибетцы в Ганьсу во 2-ой пол. IX в. // Центральная Азия и Тибет. Материалы к конференции. – Новосибирск: Наука, 1972. С. 78–83.
455. Мандельштам А.М. К восточным аспектам истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана // Краткие сообщения института археологии. Вып. 154. 1978. С. 19–25.
456. Марков Г.Е. Взлет и крушение теории – немецкая этнология на рубеже веков. Лео Фробениус // Этнографическое обозрение. 1998. №4. С. 140–151.
457. Марков Г.Е. Кочевники Азии. – М.: Изд-во МГУ, 1976.
458. Марков Г.Е. Немецкая этнология. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004.
459. Марсадолов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // Археологический сборник. 25. – Л.: Искусство, 1984. С. 90–98.
460. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007.
461. Маслова Е.К. Социоестественные подходы к истории: проблема определения научности знания на примере концепций Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / [Место защиты: Национальный исследовательский Томский государственный университет]. – Томск, 2019.
462. Массон В.М. Культурогенез Древней Центральной Азии. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2006.
463. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1: Сюнну. – М.: Наука, 1989.
464. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 2: Цзе. / Пер. с кит. В.С. Таскина. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.
465. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 3. Мужуны. – М.: Наука, 1992.
466. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 4. Ди и цяны / Пер. с кит., предисл. и коммент. В.С. Таскина. – М.: Восточная литература, 2012.
467. Меликсет-Бек Л.М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И.А. Орбели. – М.-Л.: Наука, 1960. С. 112–118.
468. «Милая, дорогая мамочка... – Дорогой мой сынок Левушка...». Переписка Л.Н. Гумилева и А.А. Ахматовой (1950 – сер. 1954) // Звезда. 2007. №8. С. 122–148.

469. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Новое литературное обозрение, 2010.
470. Миняев С.С. Дырестуйский могильник. 2-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007.
471. Миняев С.С. Исследование Ван Говэя о ранней истории сюнну // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура (ЗВОРАО. Нов. сер. Т. III). – СПб.: Контраст, 2015. С. 390–394.
472. Миняев С.С. Письменные источники о ранней истории сюнну // Археологические вести. Вып. 21. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 304–327.
473. Миняев С.С. Сюнну // Исчезнувшие народы. – М.: Наука, 1988. С. 113–125.
474. Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма. (С древнейших времен по XVIII в.) – Новосибирск: Наука, 1980.
475. Михеев В.К., Тортика А.А. «Иудео-хазарский» период истории Хазарского каганата: к продолжению критического анализа концепции Л.Н. Гумилева // Хазарский альманах. Т. 2. – Иерусалим-М.: Мосты культуры/Гешарим, 2004. С. 109–116.
476. Михеев В.К., Тортика А.А. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории // Хазары (Евреи и славяне. Т. 16). – Иерусалим-М.: Мосты культуры/Гешарим, 2005. С. 175–184.
477. Михеев В.К., Тортика А.А. Концепция истории Хазарского каганата Л.Н. Гумилева: опыт критического анализа // Материалы Восьмой Ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 1. – М., 2001. С. 149–178.
478. Можейко И.В. 1185 год. Восток – Запад. – М.: Наука, 1989.
479. Молодин В.И., Ефремова Н.С. Культовый комплекс Куйлю (Кучерла-1): преемственность иррационального опыта // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №1. С. 67–78.
480. Мори М. Бёгю-каган и Поцзюй // Turcologica 1976. К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. – Л.: Наука, 1976. С. 284–290.
481. Мосионжник Л.А. Технология исторического мифа. – СПб.: Нестор-История, 2012.
482. Мошкова М.Г. Сарматы // Родина. 2003. №3. С. 22–27.
483. Мудрак О.А. Основной корпус восточноевропейской руники // Хазарский альманах. Т. 15. – М., 2017. С. 296–416.
484. Мудрак О.А. Ранние хазары с точки зрения этимологии // Хазары: миф и история. – Иерусалим-М.: Мосты культуры/Гешарим, 2011. С. 374–389.
485. Мункуев Н.Ц. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства... // Народы Азии и Африки. 1972. №1. С. 185–189.
486. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.

487. Мясников В.С., Попова И.Ф. Никита Яковлевич Бичурин (о. Иакинф) – основатель отечественной научной синологии // «Первый альбом» о. Иакинфа (Н.Я.Бичурина). Исследования и комментарии. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2010.
488. На Волге археологи нашли древний заброшенный город // URL: <https://ria.ru/20220726/belgu-1805151488.html> (дата обращения 26.07.2022).
489. На философском семинаре географического факультета // Вестник Ленинградского университета. №24, вып. 4 (Геология, география). 1975. С. 145–151.
490. Назаренко А.В. Памяти Анджея Поппэ (12 июля 1926 – 31 января 2019) опыт лирико-аналитического некролога // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 1(79). С. 183–194.
491. Нам ясен долгий путь? Дмитрий Лихачев и Лев Гумилев: дискуссия продолжается... / А.С. Запесоцкий, Ю.В. Зобнин; подгот. Я. Евглевский // Невское время. 2007. 2 февраля. С. 12. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/1924_166_lih_gum.pdf (дата обращения 12.11.2023).
492. Народы Восточной Азии. – М.-Л.: Наука, 1965.
493. Народы России: энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.
494. Насилов Д.М. [Рец. на:] И.В. Кормушин. Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования... // Вопросы языкознания. 2000. №3. С. 122–126.
495. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме. – М.: Наука, 1976.
496. Неразик Е.Е. Сергей Павлович Толстов (1907–1976) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история. – М.: Наука, 2004. С. 462–484.
497. Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990.
498. Нечаева Л.Г. Происхождение осетин (по данным погребальных сооружений) / ред. Л.И. Лавров; сост. А.А. Чижова. – СПб.: Росток, 2021.
499. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. Изд. 2-е. – М.: Наука, 1977.
500. Никифоров В.Н. Очерк истории Китая. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002.
501. Никоноров В.П. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // Записки восточного отделения российского археологического общества. Т. I (XXVI). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 221–323.
502. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989.
503. Новикова Л.И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса // Цивилизации. Вып. 1. – М.: Наука, 1992. С. 9–26.
504. Обсуждение в Ученом совете ИИМК книги А.Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов» // Советская археология. Т. XVII. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 320–326.

505. Обсуждение книги Л.Н. Гумилева «Старобурятская живопись» в Музее антропологии и этнографии (Ленинград), 10 июня 1976 г. // Гумилев Л.Н. Древний Тибет. – М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 550–553.
506. Окладников А.П., Ларичев В.Е. Предисловие // Центральная Азия и Тибет. Материалы к конференции. – Новосибирск: Наука, 1972. С. 9–12.
507. Основы этнологии: Учебное пособие / Под ред. проф. В.В. Пименова. – М.: Изд-во МГУ, 2007.
508. Очерки истории арабской культуры. – М.: Наука, 1982.
509. Павлинская Л.Р. Некоторые особенности формирования Российской империи // Сибирский сборник – 3. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 163–175.
510. Павлинская Л.Р. Сибирь в контексте евразийской теории // Евразия: Этнос, ландшафт, культура. – СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 20–83.
511. Павлов-Сильванский Н. Феодализм в Древней Руси. – Пг.: Прибой, 1924.
512. Павочка С.Г. Этнология Л.Н. Гумилева: истоки и сущность. – Гродно: ГГАУ, 2011.
513. Паркер Э. Татары. История возникновения великого народа. – М.: Центрполиграф, 2008.
514. Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий. – М.: Наука, 1978.
515. Переводчикова В.Е. Язык звериных образов. – М.: Восточная литература, 1994.
516. Перени Й. Угры в «Повести временных лет» // Летописи и хроники 1973. – М.: Наука, 1974. С. 92–102.
517. Перепёлкин Ю.Я. История Древнего Египта. – СПб.: Летний Сад – Нева, 2000.
518. Переписка А.А. Ахматовой с Л.Н. Гумилевым // Звезда. 1994. № 4. С. 170–188.
519. Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества: в 2 т. Т. II. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994.
520. Петров А.Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. №3. С. 36–59.
521. Пиков Г.Г. Запад знакомится с Востоком (Представления средневековых европейцев о восточных народах): учебное пособие. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.
522. Пилипенко А.С., Полосьмак Н.В., Коновалов П.Б., Журавлев А.А. Генофонд митохондриальной ДНК хунну Забайкалья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 222–225.
523. Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. – СПб.: Наука, 1995.
524. Пиотровский М. Музейные спутники меняют орбиты // Санкт-Петербургские ведомости. 1 марта 2023. С. 3.
525. Письма Л.Н. Гумилева П.Н. Савицкому. 1956 г. // Геополитика и безопасность. 2009. №1. С. 101–129.

526. Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву. 1958–1959 гг. // Геополитика и безопасность. 2009. №2-3. С. 129–159.
527. Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву. 1963–1964 гг. // Геополитика и безопасность. 2010. №1. С. 80–107.
528. Плетнева С.А. [Рец. на:] Артамонов М.И. История хазар... // Советская археология. 1963. №3. С. 279–283.
529. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. – М.: Наука, 1982.
530. Плетнева С.А. По поводу статьи Л.Н. Гумилева и И. Эрдейи «Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века» // Советская Археология – 1970. №3. С.279–283.
531. Плетнева С.А. Половцы. – М., 1990.
532. Плетнева С.А. Хазары и Хазарский каганат // Хазары (Евреи и славяне. Т. 16). – Иерусалим-М.: Мосты культуры/Гешарим, 2005. С. 17–24.
533. Под арабским парусом // Аргументы и факты–Петербург. 23 апреля 2003 (№ 17(506)).
534. Полосьмак Н.В. Некоторые аналоги погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. С. 101–107.
535. Померанц Г.С. Выход из транса. – М.: Юрист, 1995.
536. Пономарев А. Куман–половцы // Вестник древней истории. 1940. №3–4. С. 366–370.
537. Попов А.А. Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства Северо-Азиатских народов – Л.: НИИ Ассоциация ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1932.
538. Поршнев Б.Ф. Мыслима ли история одной страны? // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения / отв. ред. М.Я. Гефтер. – М.: Наука, 1969. С. 301–316.
539. Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. – М.: Наука, 1970.
540. Потапов Л.П. Географический фактор в традиционной культуре и быте тюркоязычных народов Алтае-Саянского региона // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). – Л.: Наука, 1984. С. 126–143.
541. Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. С. 3–36.
542. Проблема взаимодействия общества и природы в советской философской, исторической, этнографической, антропологической и археологической литературе. Библиографический указатель (1960–1981 гг.) // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным). – Л.: Наука, 1984. С. 231–261.
543. Прохоров Г.М. О письмах Льва Николаевича Гумилева к матери брата, к другу и брату // Лев Николаевич Гумилев. Письма к матери брата, О.Н. Высотской, другу, В.Н. Абросову и брату, О.Н. Высотскому (1945–1991) / [сост. Г.М. Прохоров]. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. С. 5–34.

544. Прямая речь: Павел Уваров. Историк Павел Уваров о любимых книгах, пути к профессии и образе Средневековья // URL: <https://postnauka.ru/talks/64678> (дата обращения 10.08.2022).
545. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М.: Наука, 1975.
546. Пьянков И.В. Еще раз к вопросу о динлинах // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. (Материалы конференции. Том 1). – СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 199–203.
547. Пьянков И.В. Жуны и ди, аримаспы и амазонки // Записки восточного отделения российского археологического общества. Т. II (XXVII). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. С. 215–238.
548. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. – СПб., 1893.
549. Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 100–119.
550. Решетов А.М. Наказание без преступления: из биографии Л.Н. Гумилева 1930–1956 гг. // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. (Материалы конференции. Том 1). – СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 23–27.
551. Рифтин Б.Л. [Рец. на:] Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология... // Восток. 2001. №1. С. 186–192.
552. Ростовцев М.И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // ЭКУОКА. Избранные работы академика М.И. Ростовцева (Петербургский археологический вестник. №5). – СПб.: Фарн, 1993. С. 57–75.
553. Руденко С.И. К вопросу об историческом синтезе. По поводу одной дискуссии // Доклады по этнографии (Географическое общество СССР). 1965. Вып. 1 (4). С. 59–65.
554. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
555. Руденко С.И. Отзыв на рукопись книги Л.Н. Гумилева «Древние тюрки. История, историческая география и палеоэтнография Срединной Азии на грани древности и средневековья» (28.VII.1964). (Машинопись на 4 л. Хранится в архиве музея-квартиры Л.Н. Гумилева.)
556. Рукописная книга в культуре народов Востока. Книга первая. – М.: Наука, 1987.
557. Рыбаков Б.А. О преодолении самообмана (По поводу книги Л.Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства»...) // Вопросы истории. 1971. №3. С. 153–159.
558. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». – М.: Наука, 1972.
559. Савельев А.В. О болгарском чтении восточноевропейской руники // Хазарский альманах. Т. 18. – М.: Индрик, 2021–2022. С. 171–193.
560. Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: КемГУ, 1994.
561. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

562. Савинов Д.Г. Некоторые элементы иррациональных представлений таштыкских племен по археологическим данным // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск, 1985. С. 128–131.
563. Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994.
564. Савинов Д.Г. Особенности культурогенеза в условиях горных систем (алтайская модель) // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. (Материалы конференции. Том 1). – СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 232–236.
565. Санджиев Б.С. Племена, обитавшие в степях Дешт-и-Кыпчака и на территории нынешней Калмыкии в XI–XII вв. // Записки. Вып. I. – Элиста: Калмыцкий НИИ языка, литературы и истории, 1960. С. 85–113.
566. Сарапулкин В.А., Соловьев Д.С., Котеньков С.А., Кравченко Э.Е. Поселения хазарского времени в дельте Волги // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 268. – М.: ИА РАН, 2022. С. 245–255.
567. Селиверстов С.В. «Свой среди чужих, чужой среди своих»: Л.Н. Гумилев на путях к евразийству в конце 1950-х – начале 1960-х годов // Международные исследования. Общество. Политика. Экономика. 2010. №3 (4). С. 20–29.
568. Семевский Б.Н. В редакцию журнала «История СССР» // История СССР. 1968. №1. С. 235.
569. Семенов Ю.И. Философия истории. – М.: Современные тетради, 2003.
570. Сергачев А.Ф. Пономарев Александр Иванович (1886–1942) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIX годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. II. Материалы по истории отечественного востоковедения. I. – М.: Наука, 1986. С. 48–49.
571. Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.
572. Сеницын А.А. О начале археологического пути Сергея Григорьевича Кляшторного // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура (ЗВОРАО. Нов. сер. Т. III). – СПб.: Контраст, 2015. С. 840–879.
573. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Изд. 2-е, перераб. – СПб.: Евразия, 2013.
574. Смирнов И.С. Летним утром на берегу реки Истры вспоминаю Всеволода Сергеевича // Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Вост. лит., 2003. 564–567.
575. Смирнов И.Ю. Взлеты и провалы в истории этносов. О жизни и творчестве Л.Н. Гумилева – взгляд из XXI в. – М.: ЛЕНАНД, 2016.
576. Смирнов Н.Ю. Возвращенная рукопись (из публицистического наследия А.Н. Бернштама) // Археологические вести. Вып. 17. – СПб.: Наука 2011. С. 353–365.
577. Советская историческая энциклопедия. Т. 14. – М., 1973.

578. Советская историческая энциклопедия. Т. 2. – М., 1962.
579. Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. 64. 1956. С. 3–14.
580. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999.
581. Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия. – М.: Наука, 1977.
582. Ставиский Б.Я. Между Памиром и Каспием. – М.: Наука, 1966.
583. Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев. – М.: Изд. РГГУ, 2002.
584. Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI–VIII веков. – М.: Наука, 1965.
585. Степи Евразии в эпоху Средневековья. (Археология СССР). – М.: Наука, 1981.
586. Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. – Донецк: ДонНУ, 2006.
587. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992.
588. Степугина Т.В. Предисловие // Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. – М.: Восточная литература, 1998. С. 3–13.
589. Сто восемь буддийских икон из собрания Института восточных рукописей РАН / А.В. Зорин, М.Б. Иохвин, Л.И. Крякина. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013.
590. Сюзюмов М.Я. Проблемы асинхронного развития в древности. (К постановке проблемы) // Античная древность и средние века. Вып. 13. – Свердловск, 1976. С. 30–48.
591. Тагиров Э.Р. Народ в пути. История Татарстана в контексте мировой цивилизации. – Казань: Магариф, 2008.
592. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. – М.: Наука, 1968.
593. Таскина Е.П. Русский Харбин. – М.: Изд-во Моск. Ун-та; «ЧеРо», 1998.
594. Тибетские народные песни. – М.: Художественная литература, 1958.
595. Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII вв. – М.: Наука, 1968.
596. Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X–XIV вв. – М.-Л.: Наука, 1966.
597. Тишин В.В. Историография социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / [Место защиты: Ин-т востоковедения РАН]. – М., 2015.
598. Тишин В.В. История изучения социальной истории Тюркских каганатов в связи с другими политическими образованиями древнетюркского круга // Журнал центрально-азиатских и евразийских исследований. 2021. Т. 1. №3. С. 5–147.
599. Тишин В.В. К методике прочтения памятников рунической письменности восточноевропейского ареала (на примере легенд серебряных дирхамов с руноподобными знаками) // Хазарский альманах. Т. 15. – М., 2017. С. 419–465.

600. Тишин В.В. К проблеме ранних тюрко-иранских и тюрко-монгольских связей // Восток. 2012. №2. С. 23–33.
601. Тишков В.А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву) // Этнография. 2023. 1 (19). С. 6–25.
602. Тишков В.А. Реквием по этносу. – М.: Наука, 2003.
603. Тойнби А.Дж. Постигание истории. 2-е изд. – М: Айрис-пресс, 2002.
604. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.: Айрис-пресс, 2003.
605. Томашевская З.Б. «Я – как петербургская тумба» // Об Анне Ахматовой: стихи, эссе, воспоминания, письма. – Л.: Лениздат, 1989.
606. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. – М.: Восточная литература, 1993.
607. Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. – М.: Квадрига, 2010.
608. Трепавлов В.В. Народы России в школьных учебниках по отечественной истории (до XX в.) // Отечественная история. 2003. №1. С. 114–120.
609. Трепавлов В.В. Традиции государственности в кочевых империях // *Mongolica*: К 750-летию сокровенного сказания. – М.: Восточная литература, 1993. С. 169–189.
610. Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени // Тюркологический сборник 1972. – М.: Наука, 1973. С. 351–374.
611. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979.
612. Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. X. – М.: Наука, 1970.
613. Тугушева Л.Ю. Каким богам поклонялись древние тюрки? // *Altaica IV*. – М.: ИВ РАН, 2000. С. 144–155.
614. Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические памятники из Монголии. – М.: ИНСАН, 2008.
615. Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. Пер. с англ. Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2010.
616. Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. – М.: Новое литературное обозрение, 2015.
617. Уваров П.Ю. Мир накануне раннего Нового времени. – СПб.: Евразия, 2022.
618. Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. – М.: Наука, 1974.
619. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления). – М.: ОГИЗ, 1941.
620. Ушницкий В.В. Кыргызское великодержавие IX–X вв. // Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки, эволюция, проблемы восприятия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 228–231.

621. Фахрутдинов Р.Г. Кочевой мир средневековой Евразии (Обзор археолого-исторической литературы второй половины XX в.) // Татарская археология. 1998. №2. С. 25–46.
622. Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. – М.: Изд-во Московского университета, 1978.
623. Федоров-Давыдов Г.А. Курганы, идолы, монеты. – М.: Наука, 1967.
624. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой орды. – М., 1973.
625. Федоров-Давыдов Г.А. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1984. С. 80–94.
626. Фирдоуси. Шахнаме. Т. VI. – М.: Наука, 1989.
627. Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М.: Мосты культуры/Гешарим, 2011.
628. Флеров В.С., Флерова В.Е. Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // Хазары: [сборник] / под ред. В. Петрухина и др. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. С. 185–206.
629. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. – М.: Знак, 2006.
630. Фроловская Т. Евразийский лев. – Семипалатинск: Международный клуб Абая, 2003.
631. Фрумкин К.Г. Пассионарность: приключения одной идеи. – М.: ЛКИ, 2008.
632. Фурсьев А.Г. Акациры – соседи эстиев // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 39: материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти М.Б. Щукина посвящается. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 185–196.
633. Хазанов А.М. Роль рабства в процессах классовообразования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства: [Сб. статей, отв. ред. А.И. Першиц] – М.: Наука, 1976. С. 249–279.
634. Хазанов А.М. Социальная история скифов. – М.: Наука, 1975.
635. Харнский К.А. Китай с древнейших времен до наших дней. – Хабаровск–Владивосток, 1927.
636. Хлобыстина М.Д. [Рец. на:] История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968 // Советская археология. 1974. №4. С. 290–303.
637. Хоанг М. Чингисхан. – М.: Молодая гвардия, 2016.
638. Хотинский Н.А. Ковыль-трава на Куликовом поле. – М.: Мысль, 1988.
639. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. – М.: АСТ:ЛЮКС, 2005.
640. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2009.
641. Цендина А. Бон – древняя религия тибетцев // Азия и Африка сегодня. 2000. №10. С. 62–66.

642. Цукерник Я.И. Рим, Византия, Великое Переселение народов и Северин как личность с точки зрения гумилевской этнологии – мнения Л.Н. Гумилева и мое / URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus16/Eugippius/N-03.DOC>.
643. Чагдуров С.Ш. Происхождение Гэсэриады. – Новосибирск: Наука, 1980.
644. Чемерисская М.И. [Рец. на:] Л.Н. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли... // Народы Азии и Африки. 1991. №4. С. 184–191.
645. Чемерисская М.И. Лев Николаевич Гумилев и его научное наследие // Восток. 1993. №3. С. 165–181.
646. Черников С.С. Загадка Золотого кургана. – М.: Наука, 1965.
647. Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
648. Черняк В.С. Теория научного факта // Природа. 1986. №3. С. 83–91.
649. Чивилихин В.А. Память: Роман. – М.: Современник, 1983.
650. Чикишева Т.А., Полосьмак Н.В., Волков П.В. Одонтологический материал из кургана №20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3. С. 145–151.
651. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967.
652. Чугунов К.В. Датировка Больших Пазырыкских курганов – новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. I. Барнаул: АлтГУ, 1993. С. 167–169.
653. Чудодеев Ю.В. Крах монархии в Китае. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
654. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. Т. I. 1938–1941. – М.: Книга, 1989.
655. Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. – Ташкент: «Фан», 1974.
656. Шаскольский И.П. Историческая география // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. I. – Л.: Наука, 1968. С. 95–118.
657. Шаховской Д.И. Письма к И.М. Гревсу / Публ. и комм. А.А. Златопольской // Философский век. Альманах. Вып. 26. История идей в России: материалы и исследования. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. С. 146–254.
658. Шевеленко А.Я. Природный фактор и европейское общество V–X вв. // Вопросы истории. 1969. №10. С. 88–105.
659. Шевченко Ю.Ю. Христианские пещерные святыни. Том 2. – СПб.: Наука, 2010.
660. Шер Я.А. Памятники алтайско-орхонских тюрок на Тянь-Шане // Советская археология. 1963. №4. С. 158–166.
661. Шнирельман В.А. Введение // Этнографическое обозрение. 2006. №3. С. 3–7.
662. Шнирельман В.А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. №3. С. 8–21.
663. Шнирельман В.А. Хазарский миф. Идеология политического радикализма в России и ее истоки. – М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2012.

664. Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А Шнирельмана. – М.: Наука, 2007. С. 82–102.
665. Шнирельман В.А., Панарин С.А. Лев Николаевич Гумилёв: основатель этнологии? // Вестник Евразии. 2000. №3. С. 5–37.
666. Шпринцин А.Г. Обозначения топонимов «Средняя Азия» и «Центральная Азия» в различных языках // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. – М.: Наука, 1976. С. 281–287.
667. Шумовский Т.А. Свет с Востока. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
668. Шумовский Т.А. У моря арабистики. – М.: Наука, 1975.
669. Щавелев А.С. История и археология полюдь: заметки на полях обобщающей монографии «Полюдь: всемирно-историческое явление / Под. ред. Ю.М. Кобищанова. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 791 с.» // Материалы по истории и археологии России. Т. 2. – Рязань: Александрия, 2012. С. 278–287.
670. Элез А.Й. Критика этнологии. – М: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001.
671. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXI (61). – СПб., 1900.
672. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. Т. 2. Г–И. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.
673. Эрдели И. Воспоминания о С.А. Плетнёвой (с предисловием В.С. Флёрова) // Хазарский альманах. Т. 14. – М., 2016. С. 268–284.
674. Эрлих В.А. Взаимоотношение человека и природы в бронзовом веке на территории Западной Сибири (обзор литературы) // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. С. 125–133.
675. Этнология (Этнография): учебник для бакалавров / под ред. В.А. Козьмина, В.С. Бузина. – М.: Издательство Юрайт, 2014.
676. Языки мира: Тюркские языки. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996.
677. Якобсон В.А. Игорь Михайлович Дьяконов – историк // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Т. I. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. С. 501–507.
678. Якубовский А.Ю. Из истории изучения монголов периода XI–XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 31–95.
679. Яхонтова Н.С. История изучения «Юань-чао би-ши» в России и СССР // *Mongolica: K 750-летию сокровенного сказания*. – М.: Восточная литература, 1993. С. 7–39.
680. Aubin F. L'Asie Centrale Prémoderne. [Review of Drevnie Tjurki; Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-zeit (960-1028) (Asiatische Forschungen, Bd 24), by L. N. Gumilev & E. Pinks] // *L'Année Sociologique*. 1969. Vol. 20, pp. 285–286.
681. Aubin F. Roux (Jean-Paul). L'Asie centrale. Histoire et civilisations // *Archives des sciences sociales des religions*. 1998. Vol. 104, №1. P. 163–164.
682. Bahrām VI Čōbīn // URL: <https://iranicaonline.org/articles/bahram-06>.

683. Bassin M. *The Gumilev mystique: biopolitics, Eurasianism, and the construction of community in modern Russia*. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2016.
684. Beckingham C. *Searches for an Imaginary Kingdom. The legend of the kingdom of Prester John*. By L.N. Gumilev. (Trans. R.E.F. Smith.) Pp. xix, 403, incl. 1 plate and 4 maps. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 (1988) (first publ. in Russian, 1970) // *The Journal of Ecclesiastical History*. 1989. Vol. 40. Iss. 2, pp. 306–307.
685. Chavannes Ed. *Le pays d'Occident d'après le Wei Lio // T'oung Pao*. 1905. Série II. Vol. VI. P. 520–571.
686. Clauson G. *Turkish and Mongolian studies*. – London, 1962.
687. *Codex cumanicus bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum*. Primum ex integro edidit. Prolegomenis notis et compluribus glossariis instruxit comes Géza Kuun. – Budapestini: Editio Scient. Academiae Hung., 1880.
688. Deguignes. *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tatares occidentaux...* T. I, seconde partie. – Paris, 1756.
689. *Encyclopædia Universalis*. Vol. 26 (Thesaurus). Deligne – Kuyper. – Paris, 2002.
690. Ermolaev V., Titov A. *История нескольких заблуждений // Revue des études slaves*. 2005. T. 76, fasc. 4. P. 499–510.
691. Frye R.N. *The heritage of Central Asia*. – Princeton: Markus Wiener Publishers, 1998.
692. Giraud R. *L'Empire des Turcs Célestes*. – Paris : Librairie Adrien-Maisonneuve, 1960.
693. Golden P.B. Review of 'L.N. Gumilev. *Searches for an imaginary kingdom...*' // *The Journal of Asian Studies*. 1990. №49, pp. 121–122.
694. Grousset R. *Conqueror of the World*. – New York: The Orion Press, 1966.
695. Grousset R. *Histoire de l'Extrême-Orient*. T. 1. – Paris: Paul Geuthner, 1929.
696. Grousset R. *L'Empire des steppes*. 6e ed. – Paris: Payot, 2001.
697. Gumilev Lev N. *Searches for an imaginary kingdom: the legend of the kingdom of Prester John*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
698. Hélie J. *Petit atlas historique des Temps modernes*. 2e éd. – Paris: Armand Colin, 2007.
699. *History of civilizations of Central Asia*. Vol. II. *The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250*. – Paris: UNESCO Publishing, 1994.
700. *History of civilizations of Central Asia*. Vol. III. *The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750*. – Paris: UNESCO Publishing, 1996.
701. *History of civilizations of Central Asia*. Vol. IV. *The age of achievement: A.D. 750 to the end of the fifteenth century*. Part I. – Paris: UNESCO Publishing, 1998.
702. Kara Gy. Review of Igor De Rachewiltz 'The Secret History of the Mongols' // *The Journal of Asian Studies*. 2005. №64. Pp. 742–744.
703. Klaproth J. *Tableaux historiques de l'Asie*. – Paris, Londres, Stuttgart, 1826.

704. Klaproth J. von. *Asia Polyglotta*. – Paris: bei A. Schubart, rue Choiseul, 4, 1823.
705. Laruelle M. Histoire d'une usurpation intellectuelle: L.N. Gumilev, «le dernier des eurasistes»? Analyse des oppositions entre L.N. Gumilev et P.N. Savickij // *Revue des études slaves*. T. 73, fasc. 2-3, 2001. Pp. 449–459.
706. Laruelle M. L.N. Gumilev, une oeuvre contestée: réponse aux critiques de V. Ermolaev et A. Titov // *Revue des études slaves*. T. 76, fasc. 4. 2005. Pp. 511–518.
707. Laruelle M. Lev Nikolaevič Gumilev (1912–1992): biologisme et eurasisme dans la pensée russe // *Revue des études slaves*. T. 72, fasc. 1-2. 2000. P. 163–189.
708. Lattimore O. *Studies in frontier history. Collected papers (1928-1958)*. – London: Oxford University Press, 1962.
709. Maenchen-Helfen O. *The World of the Huns: Studies in their history and culture*: [ed. by Max Knight]. – Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1973.
710. McGovern W.M. *The Early Empires of Central Asia*. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1939.
711. Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. Bd. I. – Berlin: Akademie-Verlag, 1958.
712. Morgan D. Searches for an imaginary kingdom. The legend of the kingdom of Prester John. By L.N. Gumilev, trans. by R.E.F. Smith, pp. xix, 403, front., illus., 4 maps. Cambridge, Cambridge University Press, 1987 // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1989. Vol. 121. Iss. 1, pp. 161–162.
713. Munkácsi B. Az «ugor» népnevezet eredete // *Ethnographia* VI. Oct.–Dec. 1895. P. 349–387.
714. Pelliot P. *La Haute Asie*. – Paris, 1931.
715. Průšek J. *Chinese statelets and the northern barbarians in the period 1400-300 B.C.* – Dordrecht: D. Reidel Publishing, 1971.
716. Rachewiltz Igor de. *The secret history of the Mongols: a Mongolian epic chronicle of the thirteenth century*. T. I. – Leiden-Boston: Brill, 2004.
717. Racyn M. Šestisetleté výročí bitvy na Kulikovském poli: Rusofobie a eurasijství L.N. Gumileva v 80. letech 20. století // *Studia historica Brunensia*. 2021. Vol. 68. Iss. 2, pp. 261–275.
718. Ratchnevsky P. *Genghis Khan: his life and legacy*. – Oxford: Wiley-Blackwell, 1993.
719. Roux J.-P. Fonctions chamaniques et valeurs du feu chez les peuples altaïques // *Revue de l'histoire des religions*, tome 189, n°1, 1976, pp. 67–101.
720. Roux J.-P. *L'Asie Centrale: histoire et civilisations*. – Paris: Fayard, 2003.
721. *Russia mediaevalis*. T. 1. – München, 1973.
722. Saint-Martin V. Sur les Khazars // *Nouvelles Annales des voyages*. 1851. T. 2 (XXVI). P. 129–168.
723. Thierry Am. *Histoire d'Attila et des ses successeurs*. T. I. – Paris, 1856.
724. Toynbee A. *A study of history. A new edition revised and abridged by the author and Jane Caplan*. – London: Oxford University Press and Thames and Hudson Ltd., 1972.

Приложение 1

(к параграфу 1.3)

Для Л.Н. Гумилева, если не указано иное, номер страницы соответствует монографии «Поиски вымышленного царства» (М., 1970), для Р.Дж. Коллингвуда – изданию его книги «Идея истории. Автобиография» (М., 1980). В цитатах оставлены только авторские кавычки. Полу жирным выделены наиболее значимые и близкие друг другу фрагменты. Последовательность отрывков примерно соответствует развитию идей обоих авторов.

Л.Н. Гумилев	Р.Дж. Коллингвуд
События совершаются людьми, и с этой точки зрения люди интересны историку ¹¹¹⁴ .	Какие вещи ищет история? Я отвечаю: <i>res gestae</i> – действия людей, совершенные в прошлом. С. 13
Когда возникает интерес к какому-либо предмету, когда хочется узнать о нем все: и то, что он собой представляет, и как он связан со своим окружением, и какое он имеет значение для меня и моих современников, – то прежде всего ищешь книгу, желательно одну, где бы все это было описано. Надеешься, что, прочтя ее, обрешь покой и сможешь перейти к очередным делам... <...> Авторы обзорных работ – люди дотошные. Уж если бы они могли откуда-нибудь списать... ценное сведение, ... так и списали бы его. Но, к сожалению, его нет! И мне пришлось копаться в текстах самому . С. 9 Нужный для вывода материал можно получить двумя путями: 1) непосредственно из источников... 2) из сводной исторической литературы XIX-XX вв. Второй способ имеет ряд преимуществ: он менее трудоемок; критика средневековых текстов и версий уже произведена, и повторять ее без достаточных оснований не имеет смысла... Но, увы, ограничиваться этим путем нельзя , ибо если бы в историографии все обстояло так благополучно, то не возникало бы проблем... С. 14	Допустим, кто-нибудь захотел узнать, действительно ли евклидовское доказательство так называемой теоремы Пифагора обязывает или только позволяет принять, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Что касается меня, то я могу представить себе только одну вещь, которую бы мог проделать любой разумный человек в подобной ситуации. Он попытался бы найти кого-нибудь, чье математическое образование пошло дальше 47-й теоремы 1 книги «Начал» Евклида, и спросил бы его об этом. И если бы ему не понравился его ответ, он бы поискал других знатоков и задал им тот же самый вопрос. Если же им всем не удалось бы убедить его, он бы отказался от попыток получить ответ на свой вопрос таким способом и сам занялся бы изучением элементов планиметрии. <...> Он может обозначать такой ответ любым термином, но не может изменить того факта, что единственный путь решения вопроса о неоспоримости доказательства определенного типа – научиться самому доказывать подобным образом и посмотреть, что из этого выйдет. Однако неплохо прислушаться и к словам тех, кто сам проделал эту работу . С. 250-251
... я тут же бросился искать книгу, но каково же было мое разочарование: книг оказалось больше, чем я мог бы за всю жизнь прочесть, а ответа на вопрос так-таки и не было. С. 9 ... к существовавшему тогда морю библиографии прибавилось бы 200-300 названий полемических заметок, разбросанных по разным периодическим изданиям без следов системы. Тогда просто не хватило бы времени ни у одного ученого разобратся ни в одном вопросе, так как он тратил бы силы не на продумывание предмета, а на поиски тех или иных статей ¹¹¹⁵ .	Но по любому вопросу количество существующих свидетельств ограничено, поэтому теоретически возможно исчерпать их полностью. Теоретически, но не всегда практически, ибо это количество может быть столь большим, а некоторые из документов столь трудно доступными, что ни один историк не может надеяться полностью охватить все. С. 265
Библиография по всем затронутым темам могла бы вылиться в список многих сотен статей и книг. Но из тысяч мышей нельзя сделать одной лошади. Критерий достоверности находится не в словах, а в фактах ... С. 38/ Повышенное внимание к русско-половецким отношениям породило много частных концепций... Разбор их увел бы нас из этнологии в область историографии. Но это дает повод для характеристики не славян и тюрок, а славистов и тюркологов ... ¹¹¹⁶	Указатели и библиографии источников вообще бесполезны для научного историка. Я не хочу этим сказать, что он не может пользоваться указателями и библиографиями. Он, может, и пользуется ими. Но они – указатели и библиографии не источников, а монографий и тому подобного, т. е. не оснований для суждений, а прежних дискуссий , которыми он может воспользоваться в качестве отправной точки для собственных размышлений. С. 266
Само собирание материала бывает полезно только до какой-то черты, за которой накопленная информация	Иногда можно услышать жалобы, что сейчас накоплено так много сырого исторического материала

¹¹¹⁴ Гумилев Л.Н. Троецарствие в Китае // Гумилев Л.Н. История народа хунну: В 2-х кн. Кн. 1. С. 288.

¹¹¹⁵ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 97

¹¹¹⁶ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 474.

становится необозримой и, следовательно, теряет смысл для познания. С. 347 **Еще за тысячу лет до нас проблема избыточной информации занимала лучшие умы историков...** Константин Багрянородный, столкнувшись с этой трудностью, писал: «Материал истории дорос до пределов необъятных и неодолимых; поэтому цель работы – соединить выдержки из писателей старых и новых». Этим он хотел сказать, что важным для него является, во-первых, установление факта..., и во-вторых, обнаружение связей данного факта с другими... Именно это считал он наукой – историей, а прочее, т.е. **историографию**, рассматривал как **подсобное и не всегда нужное занятие**. С. 19

ла, что полное его использование становится невозможным. <...> Все эти жалобы означают, что историк ножниц и клея поставлен ныне перед дилеммой. Если он располагает лишь небольшим количеством свидетельств..., он требует большего, ибо любое новое свидетельство... могло бы пролить иной свет на его проблему и сделать его прежнюю позицию неприемлемой. **Отсюда – каким бы числом свидетельств он ни располагал, его пыл историка заставляет его искать еще большего.** Но если он располагает достаточно большим количеством свидетельств, то настолько трудно справиться со всей их массой и построить на их основе убедительное повествование, что... ему хотелось бы, чтобы их было меньше. С. 265

Уже к концу XIX в. возникла огромная противоречивая литература на четырех языках, недоступная для начинающего исследователя. Нерешенные проблемы бросались, так как из-за притока новых материалов возникали новые вопросы и обширная библиография грозила подменить собой науку, предлагая вместо ответов на волнующие вопросы ссылки на разноречивые мнения многочисленных авторов. Так как **начинающий историк**, естественно, **не мог прочесть всех написанных о тюрках книг**, то для него **был только один путь – сужение темы**, а отсутствие общей перспективы давало, как правило, неблагоприятные результаты¹¹¹⁷.

История ножниц и клея предохраняет себя от понимания истинной ценности собственных методов тем, что тщательно выбирает предметы своего исследования. Они должны быть, так сказать, «поддающимися». <...> **Объектами исторического исследования должны быть такие предметы, о которых говорит доступное количество исторических свидетельств – не слишком малое, но и не слишком большое.** Они не должны быть настолько однообразными, чтобы историку ничего не оставалось делать, и настолько разнообразными, чтобы все попытки справиться с ними оказались тщетными. С. 265-266

Поэтому нам придется снова и снова обращаться к источникам не в плане текстологическом или литературоведческом, а на предмет проверки достоверности тех или иных сведений, возбуждающих сомнения или недоверие. **Источниковед-филолог стремится ответить на вопрос: что говорит изучаемый автор? А источниковед-историк интересуется: что из сообщаемого автором – правда, что им опущено и как было на самом деле?** Разница в аспекте очевидна. С. 14-15

...научный историк рассматривает утверждения источников не в качестве констатаций исторических фактов, а как основание для своих суждений; они для него не истинные или ложные описания исторических фактов, ...а факты совсем другого рода, которые могут пролить свет на подлинные события истории, если мы зададим им верные вопросы. <...> **Историк ножниц и клея заинтересован, так сказать, в «содержании» высказываний, в том, что они сообщают.** Научный историк – в самом факте, что они были сделаны. С. 261-262

Поэтому необходим анализ, который целесообразно проводить путем синхронистического подбора фактов, благодаря чему **легко обнаружить преувеличения и недомолвки источников, а также «белые пятна» в общей картине.** Заполнение последних возможно только путем интерполяций, восполняющих на основе причинно-следственных связей первоначальную канву событий, полученную из источников. **Степень точности при интерполяциях, естественно, снижается, но допуск невелик и общая закономерность не нарушается, зато в противном случае она теряется вообще.** С. 16-17.

Авторитеты историка рассказывают ему о той или иной фазе исторического процесса, оставляя его промежуточные этапы неописанными. Поэтому он должен сам интерполировать эти этапы. Его описание предмета, хотя и может состоять отчасти из утверждений, заимствованных... прямо из... источников, включает в себя также суждения, к которым он пришел, сделав логический вывод из высказываний источника... С. 225-226 **Если научный историк приходит к своим выводам не на основании имеющихся у него законченных высказываний, а исходя из своей самостоятельной констатации факта, что такие высказывания были сделаны, то он может придти к заключениям даже в том случае, когда у него нет никаких подобных высказываний.** С. 262 ...картина предмета исследования, создаваемая историком, ...представляет собою некую сеть, ...натянутую между определенными зафиксированными точками – предоставленными в его распоряжении свидетельствами источников; и если этих точек достаточно много, а нити... протянуты с должной осторожностью, всегда на основе априорного воображения и ни-

Расположение элементарных сведений (т.е. композиция работы). Нужно произвести отбор, а пустые места заполнить, как принято в географии, интерполяциями, под которыми понимаются не вставки в текст, а построение изолиний (так строятся изотермы и т.п.). Правда, в географии дело проще – соединяются линиями точки с одинаковыми показателями. В истории

¹¹¹⁷ Гумилев Л.Н. Древние тюрки, 95-96

<p>таких точек нет, зато есть каузальная связь событий, разрывы в которой можно восполнить таким способом, с известным допуском¹¹¹⁸.</p>	<p>когда – на произвольной фантазии, то вся эта картина будет постоянно подтверждаться имеющимися данными, а риск потери контакта с реальностью, которую она отражает, будет очень мал. С. 231</p>
<p>Следующая операция – синтез: сравнение полученной исторической канвы с аналогичными рядами фактов, установленных таким же образом в смежных науках. Синтез – констатация схождений и расхождений и объяснение того и другого, что и является целью исследования. Итак, методическая цепь четырехчленна: 1) как (написано)? 2) что (было на самом деле)? 3) почему (произошло именно так)? и 4) что к чему? – завершённый продукт производства. С. 17</p>	<p>... научная история вообще не содержит никаких готовых утверждений. <...> Сталкиваясь с готовым суждением, научный историк никогда не задает себе вопроса: «А является ли данное суждение истинным или ложным?»... Он спрашивает другое: «А что это суждение означает?» Последний вопрос в сущности эквивалентен вопросу: «Какой свет на исследуемый мною предмет проливает тот факт, что данное лицо высказало данное суждение о нем, вкладывая в него совершенно определенный смысл?». С. 261</p>
<p>Весьма распространено мнение, что ошибочность или недостаточность вывода объясняется поверхностным изучением источника. Молчаливо предполагается, что имеющиеся в научном обороте источники содержат все, что нужно для совершенного знания предмета. Достаточно лишь предельно точно перевести сочинение средневекового автора и пересказать его своими словами, чтобы любая проблема, связанная с данным сочинением, была решена. Это мнение нигде специально не сформулировано, но бытует как нечто само собой разумеющееся и не подлежащее пересмотру. При этом упускается из виду, что, слепо следуя источникам, историк только воспроизводит точку зрения древнего автора, а никак не истинное положение дела, которое самому старинному автору бывало зачастую неясно. Критика источников при таком подходе сводится к установлению их аутентичности, а противоречия нескольких, несомненно подлинных, источников составляют барьер, не всегда преодолимый. Да и как его перепрыгнуть, если для этого рекомендуется... опровергнуть все новые, да и старые исследования по истории... С. 15 Если просто собрать сведения из разных источников, то они чаще всего противоречат друг другу. Если же отобрать только те, которые между собой согласуются, то они рассыпаются, как стальные шарики, сложенные в виде пирамиды. С. 10</p>	<p>...мы снова вернулись к теории, ложность которой нам сейчас уже известна, теории, утверждающей, что истина дана нам в готовой форме в свидетельствах источников. С. 231 Существует разновидность истории, которая полностью зависит от свидетельства авторитетов. Как я уже сказал выше, в действительности это вообще не история... Метод, с помощью которого она создается, таков: сначала решают, о чем мы хотим знать, затем переходят к поиску свидетельств... устных или письменных, предположительно исходящих от прямых участников интересующих нас событий, или от их очевидцев... Обнаружив в такого рода суждении нечто, относящееся к поставленной проблеме, историк извлекает его из источника и включает, сделав, если нужно, перевод и изложив его в подобающем, по его мнению, стиле, в свою собственную историю. ...когда в распоряжении историка оказывается много высказываний такого рода, одно из них говорит ему то, чего не говорит другое. Тогда оба высказывания включаются в собственное повествование историка. Иногда же он находит, что одно из этих высказываний противоречит другому. Тогда, если у него нет способа примирить их, он должен решить, какое из них должно быть отброшено, а это, если он добросовестен, приведет его к критическому рассмотрению относительной достоверности противоречащих друг другу авторитетов. С. 245</p>
<p>...А именно это почти неощутимое и есть самое важное. Например: в источнике важнее то, о чем автор умалчивает, чем то, о чем он рассказывает. Не так ли? А это снимает позитивную методику. (Письмо П.Н. Савицкому от 3.12.1956)</p>	<p>...критерием исторической истины не может выступать тот факт, что какой-то авторитет утверждает то-то и то-то. Здесь ставится под вопрос достоверность информации, сообщаемой так называемым авторитетом; а на этот вопрос ответ должен дать сам историк, исходя из своей компетентности. С. 226</p>
<p>Поскольку у нас нет никаких прямых сведений, пойдем путем рассуждений. Кому этот слух был выгоден? Кто его мог пустить и распространить? Кого желали обмануть и зачем? Естественно, что текстов, содержащих ответы на эти вопросы, мы не найдем. В средние века люди были отнюдь не глупы и компрометирующих себя документов не оставляли. Остается применить способ криминалистики – cui bono (кому от этого польза. – <i>Лат.</i>). С. 386</p>	<p>... истина обретается не в результате проглатывания того, что говорят нам источники, а благодаря их критике. <...> Выводы этой критики могут быть проверены только обращением к самой исторической мысли. Детектив, герой романа, мыслит точно так же, как историк, когда на основании самых разных данных и показаний он создает воображаемую картину того, как было совершено преступление и кем. С. 231</p>

¹¹¹⁸ Гумилев Л.Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях. С. 92.

Как палеонтолог по двум-трем костям восстанавливает облик динозавра, как климатолог, имея данные двух-трех метеостанций, дает прогноз погоды, с каждым годом уменьшая величину ошибки, как геолог по нескольким обнажениям или разрезам определяет простирание слоев осадочных пород, так историк, применяя этнологическую методику, может описать процесс создания и разрушения великой или малой империи, княжества или вольного города. С. 386
...деление типов мышления, а тем самым – наук, по предмету изучения, – неправомерно. Гораздо удобнее деление по способу получения первичной информации. <...> При таком делении этнология... становится частью естествознания, а роль эксперимента в ней выполняет, как и в криминалистике, – экспертиза... Ведь и при расследовании преступления проводят сличение показаний, а не просто верят свидетелям...¹¹¹⁹

Как естественная наука находит соответствующий ей метод в том случае, когда... естествоиспытатель допрашивает природу, ...для того чтобы добиться от нее ответов на свои вопросы, так и история обретает соответствующий ей метод, когда историк помещает свои источники на свидетельское место и путем перекрестного допроса извлекает из них информацию, которую скрывают исходные свидетельства либо потому, что их авторы не желают ее дать, либо потому, что они не имеют ее. С. 226

Великая рекомендация лорда Актона: «Исследуйте проблемы, а не периоды»... Историки ножиц и клея изучали периоды; они собирали все существующие свидетельства об ограниченной группе фактов, тщетно надеясь извлечь что-то ценное. Научные историки изучают проблемы – они ставят вопросы и, если они хорошие историки, задают такие вопросы, на которые можно получить ответ. С. 268

«История Серединной Азии в Средние века»

глава «Перипл Ханьхая (песчаного моря)», параграф «Несвоевременные» мысли

(Подробный конспект важнейшей методологической рукописи Л.Н. Гумилева, полностью не опубликованной. Рукопись без даты, но ориентировочно (при сравнении с тематикой писем того времени) рубеж 1955–1956 гг.)

Лист рукописи / подзаголовок	Идея/проблема (в кавычках даны точные цитаты, иногда с сокращениями, вне кавычек – пересказ; все термины – авторские)
27(весь текст перечеркнут)	Контакты Китая и Рима.
4а (Дальневосточная Клио), 5-6	Единственный опубликованный в «Хунну» фрагмент ¹¹²⁰ . Даны расчеты поправок к цифрам в китайских источниках. Количество своих войск и войск противника обычно преувеличивается, зато добыча либо дается точно, либо преуменьшалась, чтобы можно было своровать ее часть. Вычисление коэффициентов и пояснения к ним.
8	Две «абберации» (именно в таком написании!) китайских историков: модернизация (поведение кочевых предводителей объясняется так, как если бы это были китайские вельможи) и прагматизм (поступки объясняются волей и характером персон без обращения внимания на их окружение).
8	Разбор хода событий = «logik of evenements» (надо или logique des événements, или logic of events) – единственный способ обойти тенденциозность источника при неимении параллельных текстов для сравнения. Поэтому «единственным приемом исторической критики будет анализ связи событий. Это способ трудный, не всем доступный, но единственный...»; «сила вещей, т.е. внутренняя логика событий»; максимальное приближение к истине перестать зависеть от источника и его оценок.
9	
10 (Европейская историография Сцилла и Харибда)	Абберация схематизма – «развитие во всех странах шло так, как оно шло в Европе и в угоду этому принципу хуннских шаньюев называют феодалами, орды – племенными союзами или племенами, а этнические группы – нациями. По этому поводу уместно привести стихи В.В. Маяковского: "Лошадь сказала увидев верблюда "Какая гигантская лошадь-ублюдок". Верблюд же вскричал "Да лошадь разве ты! Ты просто-напросто – верблюд недоразвитый". И знал лишь бог седобородый, Что это животные разной породы».
10-11	Нельзя впадать в другую крайность и утверждать, что пути различия Европы и Азии различны. Развитие идет по имманентному закону, относительно которого Европа, как и другие районы мира, является лишь частным случаем. «За вычетом всех разниц останется еще достаточно случаев сходства, чтобы уловить общую закономерность, существующую помимо нашего восприятия. При таком, тактичном, подходе исчезнет прокрустово ложе

¹¹¹⁹ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 22-23.

¹¹²⁰ Ср. Гумилев Л.Н. Хунну. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 59–62 (параграф «О древнеки-тайской методике исторического повествования»).

	схемы, но изменятся и многие привычные представления о народах Азии, прежде всего убеждение в "застойности", которую стали называть "азиатчиной"...».
11	Абберация дальности – неучёт перспективы: «... в древности развитие шло медленно, а чем ближе к нашему времени, тем быстрее. <...> Если принять этот принцип, то что же будет в 3000 г. н.э.? Абсурдность тезиса очевидна. На самом деле ритм этногенеза и становления государств действительно колеблется. Эпохи, богатые событиями, сменяются тихими эпохами в древности так же, как в наше время, в Азии так же, как в Европе...».
12	Ошибка архаизации (Мартин, Леви Брюль с концепцией «прелогического мышления», опровергнуто Штернбергом) – «молчаливо предполагалось, что древние люди думали, чувствовали, воспринимали и действовали совсем не так, как современные».
12	Ошибка – «стремление дать оценку той или другой борющимся сторонам», что всегда основано на личной симпатии. «Странно было бы, если бы физики предпочитали отрицательный полюс магнита положительному или химики – кислоту щелочи, а историки назывут хорошее прогрессивным, да и приписывают его тем из покойников, кто им по душе. <...> Прогрессивным может быть сам факт борьбы степи с городом или орды с родовым строем, но не та или другая сторона, ибо они друг без друга существовать не могли бы».
13	Предметом исследования, если оно плодотворно могут быть именно «целостности». Указанные ошибки и абберации ведут к нарушению соразмерности при описании событий и потере целостности явления.
13	«Предмет исследования не может быть избран произвольно, так например нельзя изучать действия русских в войне 1812 г., не обращая внимания на поведение французов, немцев, англичан и т.д. (а ведь как этим злоупотребляют?!».
14 (Вещи и кости)	«Понятие "археологическая культура" крайне аморфно. Оно не покрывает ни племени, ни народа, ни даже эпохи. Из одинаковых горшков едят разные люди. Сходство уздечек на большой территории легко объяснить заимствованием. Предметы искусства, обычно датируемые по стилю, часто переходят из рук в руки... Помимо этого стильные вещи копируются и в виде копий переживают породившую их эпоху. <...> Поэтому следует признать, что классификация археологических находок по формальному сходству – путь очень ненадежный...».
15	«При смене комплекса вещей мы не можем определить его причины, если у нас нет дополнительных данных. Может быть миграция, смена одного народа другим, может быть заимствование, может быть и технический прогресс... Короче говоря, вещеведение, построенное на индуктивном методе..., результата дать не может. Отсюда следует, что археология не самостоятельная наука, а вспомогательная историческая дисциплина; она может и должна быть историческим источником, но способ исследования ее – дедукция. Только тогда мы можем понять археологический памятник..., если нам известна политическая конъюнктура, как современная ему, так и предшествующая и последующая».
16	Противопоставление археологии антропологии, как более объективной и результативной. «Известно, что раса не совпадает с народом, который всегда состоит из двух и более компонентов. Но именно сочетание этих компонентов определяет габитус данного народа; оно стабильно на определенном отрезке времени».
17 (Поиск истины)	«Перед началом исследования перед нами лежит необъятное разнообразие фактов и явлений. Чтобы разобраться в них, мы классифицируем это разнообразие по тому или другому условно взятому признаку. Таким образом мы получаем группы явлений, находящихся во взаимосвязи. Это первый этап работы. Однако взаимосвязь еще ускользает от нас. Чтобы уловить ее, мы должны сделать вывод, который не дан в непосредственном опыте, не является нашим суждением. Критерием правильности нашего вывода будет соответствие его наблюдаемым явлениям. В том случае если наше суждение соответствует некоторой части наблюдаемых фактов – назовем его гипотетическим; если оно удовлетворяет всем известным нам фактам – теоретическим... Если по данному вопросу мы подобрали исчерпывающий материал... и уверены, что больше ничего существенного нет – то такое суждение можно назвать дефинитивным, т.е. окончательным».
18	Формула истины (арабской графикой), вероятно, по-персидски. Вывод из нее: чем больше индивидуальная особенность явления, тем меньше его классификационная общность и наоборот. «Это определяет принципиальную неточность любого нашего суждения», но всегда есть определенный допуск, величина которого зависит от масштаба исследуемой проблемы. «Итак, истина = периодическая дробь, к которой можно приближаться, но у которой нет конца». «Таким образом, мы не только можем, но и обязаны, задав себе масштаб, придерживаться его и пренебрегать деталями, лежащими за пределами условленного допуска; иначе мы впадем в гегелевскую "дурную бесконечность"».

19	«... дефиниция – это истина при соблюдении предварительных условий: аспекта, масштаба и допуска. Она допускает проверку – единственную из возможных – соответствие нашего суждения с наблюдаемыми и наблюдаемыми явлениями. <...> Из этого вытекает, что деление на "точные" и "гуманитарные" науки, оставшееся нам в наследство от позднего европейского средневековья, ни в коей мере не отражает реального положения вещей. Точность науки зависит от степени ее разработанности... Дефиниции – золотой фонд науки, не подлежащий переоценке; рост науки есть не что иное, как накопление дефинитивных суждений и дальнейшее их обобщение. Гипотезы следует проверять, о теориях можно спорить, а дефиниции надлежит просто усваивать».
20	«Первая стадия работы – сбор материала – дается путем непосредственного наблюдения. Вторая стадия – критическая проверка – дает дефинитивные суждения, устанавливающие существование и объем событий. Анализ – это установление причинных связей, а синтез – выявление направленности событий». Дефинитивные суждения возможны при условии правильного исследования и достаточного количества материала. Его нехватка приводит к теоретическим и гипотетическим суждениям, которые всегда необходимо оговаривать, «чтобы не вводить читателя в заблуждение». «Один исследователь никогда не охватит большого предмета целиком, но необходимо, чтобы продолжатели могли становиться ему на голову, а не повторять однажды сказанное... Искренне и целомудренное отношение к методу и материалу определяет ценность труда и научный успех автора; это два условия без которых не стоит и начинать работать».
21 (Логика событий)	«Источник – враг историка, потому что он всегда навязывает ему свою точку зрения».
21	«Поэтому наша работа распадается на две половины: 1) путем кропотливой критики мы выделяем действительно имевшие место факты и, по возможности, уточняем их даты. 2) Рассматриваем факты в хронологическом аспекте, что дает возможность уловить их причинные связи. Таким образом устанавливаются цепи событий, которые причудливо переплетаются между собой. ... здесь имеется база для исторического синтеза. Наблюденные факты группируются по принципу сходства, и мы можем обнаружить отличия между группами, т.е. нащупать правильную периодизацию, а на базе ее синтезировать направленные исторического процесса».
21	«Этот путь позволяет отказаться от рабочих гипотез, этой язвы современной исторической науки; вместо них мы получаем возможность применить метод интерполяции в тех случаях, когда источники особенно скудны. Преимущество интерполяции перед гипотезой заключается в том, что интерполяция имеет минимум 2 точки опоры: начальную и конечную, что исключает возможность произвольных толкований».
21	«Поэтому в моей книге нет взглядов, а есть выводы, нет предположений, а есть соображения, нет полета мысли, а есть расчеты и аргументы, и всё можно проверить».
22	Предестинация («... считается очевидным, что все поступки исторических персон определены железным ходом событий, и происшедшие события не могли не произойти...») или волюнтаризм (полная свобода выбора поведения)? Предестинация «очень удобна, т.к. снимает с исторических лиц ответственность... и превращает живой процесс развития в механическое, бесконечное, сплетение причин следствий». Волюнтаризм «находится в таком резком противоречии с фактами, что даже обсуждения недостойны». «Если мы предположим, что деятельность исторических лиц является результатом внешних определителей, собственной воли и давления окружающих воль, то мы получим третье решение интересующей нас проблемы».
22 об.	Формула логики событий. Поскольку все величины переменные, то возможны различные варианты их соотношения, что дает и «закономерности и личности места, положенные им природой». Если заменить принцип причинности принципом вероятности, то результат поступка будет подчиняться закону больших чисел, что устраняет альтернативу. «Но тогда отпадает и представление о непрерывности, ибо цепочки событий мы можем рассматривать как кванты закономерности. Задача исторического анализа... сводится к отысканию начал и концов... цепочек, а синтез – к определению их вектора...».
23-25	Практически дословно воспроизведены в: Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 63-65.
25-26	Ментальность. Она не связана с расой и ограничена во времени и пространстве. Ментальность – важная часть психического склада. На л. 26 об. карандашом: «А в чем состояли эти китайские ментальности?».

Вещи хунну

Подлинные вещи хуннуской знати, обнаруженные экспедицией П.К. Козлова в 1920-е гг. в горах Ноин-Ула на севере Монголии (Государственный Эрмитаж¹¹²¹), дали толчок не одной исследовательской концепции. Одно только изображение «быка» на двух серебряных бляхах дало повод А.Н. Бернштаму сконструировать впечатляющую модель этногенеза большинства тюркоязычных народов¹¹²². Л.Н. Гумилев, в свою очередь, считая образ «быка» антропоморфным, принял витые рога за прическу с пробором (полагая, что таковой была мода у хунну), а «гриву» на удлиненной шее – за пристегнутую косу (действительно, в могилах Ноин-улы были найдены косы, уложенные в футляры¹¹²³). Здесь уместно процитировать В.А. Кореняко: «Что

касается ...быков, скорее всего яков, на ноинулинских серебряных пластинах, то им вообще "везет" на противоречивые и фантастические интерпретации»¹¹²⁴. И далее в примечании: «Специалисты, обращавшиеся к ноинулинским пластинам, кажется, до сих пор не могут определить, какое млекопитающее... здесь изображено. Предлагались определения: "бык", "як", "зубр", "зебу", "зебувидный бык", "овцебык"... Кстати, последнее определение можно было бы принять (своеобразная форма рогов ноинулинских "яков" вполне совпадает с формой рогов овцебыков¹¹²⁵), если бы ареал мускусных быков выходил за пределы Арктики. Но самое фантастическое предположение высказал Л.Н. Гумилев: "Изображен бык с антропоморфной головой; на лице подчеркнута монголоидность, но длинные вьющиеся волосы расчесаны на прямой пробор... Наибольшее внимание привлекает коса, демонстративно привязанная, кокетливо свисающая с темени на правое ухо"»¹¹²⁶.

¹¹²¹ Все фотографии сделаны мной. – А.С. Стекланные пластинки с проявленными негативами предметов коллекции были переданы Л.Н. Гумилевым в дар музею-квартире П.К. Козлова (сообщено О.В. Альбедилем 18.02.2015).

¹¹²² А.Н. Бернштам считал, что шаньюи хунну принадлежали к роду Хуянь, а их тотемным животным являлся бык, изображенный на представленной бляхе. Основанием для этого стала следующая реконструкция: хуннское слово «хуянь», переданное китайскими иероглифами, на самом деле звучало как [χ]uogâg/ougeg/uogag, отсюда же название народа uigug и его более поздняя форма «огуз», – все это и означало «бык». Отсюда: «Имя фактического основателя гуннского племенного союза было Модэ, фамилия – Огуз, а в буквальном переводе бык-богатырь» (Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. С. 227–231). Однако уже в основании гипотезы заключалась главная ошибка: шаньюи принадлежали к роду Люаньди, а не Хуянь. Значит, вся дальнейшая реконструкция не имела смысла. Ср. Гумилев Л.Н. Хунну. С. 75. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 1. С. 130. Однако мнение Бернштама успело распространиться и занять свое место в историографии. См. Чагдуров С.Ш. Происхождение Гэсэриады. С. 79–80. Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. С. 76. Кычанов Е.И. История приграничных... С. 13.

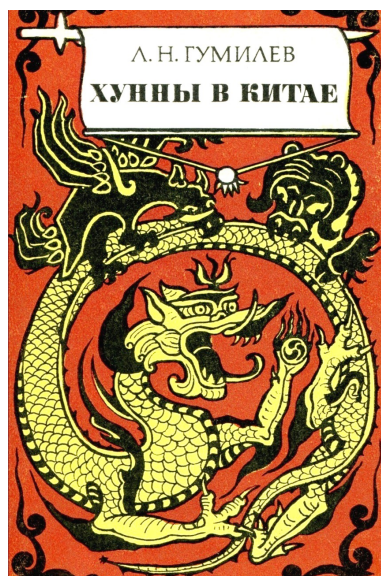
¹¹²³ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. С. 46–47. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 89–91.

¹¹²⁴ Кореняко В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. С. 28–29.

¹¹²⁵ Однако если принять, что на пластинах изображен як, то следовало бы признать и правоту определения Гумилева о прическе с пробором и короткими рогами над ней. Именно так и выглядят яки.

¹¹²⁶ Кореняко В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. С. 174.

Впрочем, эта вероятная ошибка (все же вопрос об атрибуции животного не закрыт) никак не повлияла на содержание работ Гумилева о хунну. Зато «бык» с бляхи вместе с «грифоном», терзающим оленя, с ковра из ноинулинской коллекции вдохновили Гумилева на создание аллегорического изображения для обложки монографии «Хунны в Китае»: «бык», символизирующий хуннов и сяньби, и грифон, символизирующий, по-видимому, предков тибетцев – кянов/цянов, атакуют с двух сторон свернувшегося в кольцо дракона – символ Китая. Рисунок выполнила жена Л.Н. Гумилева – художница Н.В. Симоновская.

По мнению Л.Н. Гумилева, хунны имели смешанный европеоидно-монголоидный облик¹¹²⁷. На фрагментах ковров и тканей из Ноин-Улы сохранились вышивки, изображающие, как правило, европеоидных мужчин (см. фото ниже). В описаниях Эрмитажа эти ткани значатся как бактрийские или ближневосточные. На это Н.В. Полосьмак не без сожаления замечает: «В результате в современной литературе все вышивки уже без всяких доводов фигурируют как "бактрийские"»¹¹²⁸. По ее мнению, эти ткани и ковры должны быть отнесены по сюжету изображений, одежде и технике исполнения к кругу «индо-скифских или сменивших их индо-парфянских династий»¹¹²⁹. Попасть к хунну они могли совершенно разными путями: в качестве военной добычи или дипломатического подарка, не исключено, что

¹¹²⁷ Гумилев Л.Н. Хунну // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. – М., 1974. Стб. 687.

¹¹²⁸ Полосьмак Н.В. История, вышитая шерстью // Наука из первых рук. 2011. №2 (38). С. 112–133. С. 115.

¹¹²⁹ Там же. С. 116.

«ковры могли изготавливаться в ставках самих хунну иноземными мастерами из привозных материалов»¹¹³⁰.

Среди найденных самой Н.В. Полосьмак в тех же курганах вещей есть остатки шелковых тканей со сценами охоты, напоминающие парфянские ковры и ткани: «Скорее всего, найденная вышивка – китайской работы, но создана под влиянием искусства западных вышивальщиц»¹¹³¹. Однако в отношении человеческих персонажей на этих вышивках (европеоидных мужчин, аналогичных изображенным на вышивках из коллекции Эрмитажа) Н.В. Полосьмак допускает их атрибуцию как непосредственно хуннов¹¹³².

Ткани западного происхождения их ноинулинских курганов стали одним из аргументов в объяснении Л.Н. Гумилевым миграции хунну на запад: «Самый факт перехода хуннов на запад казался невероятным, так как действительно более чем странно, что целый народ бросился бежать в "никуда". Но если допустить, что хунны знали о культуре Запада... то все сомнения в переселении их теряют силу. Предлагаемый парадоксальный тезис основан на анализе находок в кургане Ноин-ула... Ткани, аналогичные по материалу, окраске, технике тканья и вышивке, изготавливались в греческих колониях на берегу Черного моря для скифов и оттуда попадали к хуннам. А, как известно, с вещами приходят нередко и сведения о тех странах, где они сделаны, и поэтому нет никаких оснований полагать, что хунны не знали, что ожидает их на западе»¹¹³³.

Много позже Гумилев напишет еще более образно: «Широкая сухая степь от Орхона до Волги окровавлена. Горбоносые бородатые хунны покидают родную страну на берегах Селенги и Онона, а коренастые скуластые сяньбийцы гонятся за хуннами, ибо "у них кони быстрее и оружие острее, чем у хуннов". От могучей державы хуннов остались только кучки беглецов. Одна из них ищет защиты у Великой стены Китая, другая – в горных теснинах Тарбагатай, третья – на берегах Яика и Волги. Так далеко сяньбийские преследователи не дойдут»¹¹³⁴. Именно такие закованные в латы сяньбийские всадники, как на фото ниже, сокрушили державу северных хуннов во II в., а в IV в. – царства южных хуннов на территории Северного Китая, где установили свое господство на два следующих века.

Сяньбийский воин. Статуэтка (глина, со следами краски) – империя Северная (Тоба) Вэй, V в. н.э. Музей Чернуски, Париж

Фрагмент ткани (шерсть, вышивка), I в до н.э. Эрмитаж, Санкт-Петербург

¹¹³⁰ Там же. С. 124.

¹¹³¹ Полосьмак Н.В. Лица из прошлого // Наука из первых рук 2012. №1 (43). С. 78–101. С. 100.

¹¹³² Там же. С. 96–98.

¹¹³³ Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 242–243.

¹¹³⁴ Гумилев Л.Н. Этнос. Мифы и реальность // Дружба народов. 1988. № 10. С. 218–231. С. 223.

Древние тюрки?

Статуэткам конных и пеших воинов из Кунсткамеры (в начале 1930-х гг. часть их передана в Эрмитаж) Л.Н. Гумилев посвятил свою первую опубликованную статью (по материалам университетской дипломной работы)¹¹³⁵. Согласно музейной атрибуции, статуэтки представляют собой погребальные фигурки воинов X–XI вв. По мнению же Л.Н. Гумилева, статуэтки изображали древнетюркских гвардейцев и должны быть датированы II половиной VII–началом VIII в. Вывод сделан на основании исторических соображений, которые Гумилев привел в своей статье¹¹³⁶, а также по аналогии с практически идентичными статуэтками из другого турфанского погребения (Астана), изученного Аурелем Стейном и точно датированного по сохранившейся там бумаге рубежом VII–VIII вв.¹¹³⁷

Статуэтки воинов из Туяк-Мазара (Турфан). Государственный Эрмитаж

Древнетюркский панцирный всадник VI–VIII вв. (по реконструкции Ю.С. Худякова¹¹³⁸)

Несмотря на то, что эта работа не стала определяющей для Гумилева в смысле вектора дальнейшего научного поиска, тем не менее, она в самом прямом смысле открыла небольшой, но значимый цикл его исследований по искусству народов Востока. Во-первых, сам характер работы – археолого-искусствоведческий – связан с кафедрой археологии Ленинградского университета, которую окончил Гумилев¹¹³⁹. Более того, из университетских документов следует, что и обе исторические диссертации Гумилев защищал на кафедре ар-

¹¹³⁵ Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туяк-Мазара // Сборник МАЭ. Т. XII. – М.-Л., 1949. С. 232–253.

¹¹³⁶ Там же. С. 245.

¹¹³⁷ Там же. С. 247–248. Ср. Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. – М.: Наука, 1984. С. 108–120. С. 111–112 (датировка VII–VIII вв.), 232–233 (фотографии).

¹¹³⁸ Худяков Ю.С. Древние тюрки и енисейские кыргызы в войнах в Центральной Азии. – СПб.: Евразия, 2019. С. 219.

¹¹³⁹ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2003. С. 300.

хеологии, и даже какое-то время вел там спецкурсы¹¹⁴⁰. Другой аспект связан с упомянутым в статье (вероятно, и в тексте диплома) Н.В. Кюннером¹¹⁴¹, который предоставил в распоряжение своего ученика ранее не публиковавшиеся фрагменты собственных переводов с китайского (затем, уже посмертно, они составили особый «поправочный» том к переизданию Н.Я. Бичурина¹¹⁴²).

Н.В. Кюннер совмещал преподавание в Ленинградском университете с заведованием сектором Восточной и Юго-восточной Азии в Институте этнографии АН СССР (в Кунсткамере), что и позволило Гумилеву работать напрямую с хранившимися в то время там статуэтками. Сомнений, что итог работы по их атрибуции Н.В. Кюннера удовлетворил¹¹⁴³ быть не может, поскольку именно он вскоре привлек Л.Н. Гумилева к аналогичной работе, но с несравнимо более сложными экспонатами – коллекцией буддийского искусства, поступившей в Ленинград из упраздненного в конце 1930-х гг. Агинского дацана в Забайкалье¹¹⁴⁴. По-видимому, Н.В. Кюннер полагал, что после работы над атрибуцией турфанских статуэток работа по описанию коллекции буддийских икон также окажется Гумилеву по силам. Таким образом, хотя и не тематически, но обе работы – по статуэткам воинов и по монголо-тибетской иконографии – связаны напрямую обстоятельствами биографии самого их автора. Что касается оценок проведенной Гумилевым атрибуции, следует заметить, что столь же подробных специальных исследований, посвященных этим интереснейшим экспонатам (теперь уже Эрмитажа), более не появлялось. Если же сравнивать с общими работами по одежде, доспеху и вооружению тюрков, то следует признать, что своей статьей Гумилев их предвосхитил на десятилетия¹¹⁴⁵, а реконструкции, основанные на археологических находках (каковых в отношении древнетюркского вооружения к 1940-м гг. еще просто не было) дали результат, иконографически близкий статуэткам из Туяк-мазара (см. приведенные иллюстрации).

¹¹⁴⁰ Там же. С. 292–293.

¹¹⁴¹ Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туяк-Мазара. С. 242.

¹¹⁴² Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 5, 7.

¹¹⁴³ По свидетельству Р.Ш. Ганелина, бурно возражал на защите диплома только А.Н. Бернштам, давший при этом высокую итоговую оценку всей работе в целом. См. Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. – СПб.: Нестор-История, 2004. С. 56.

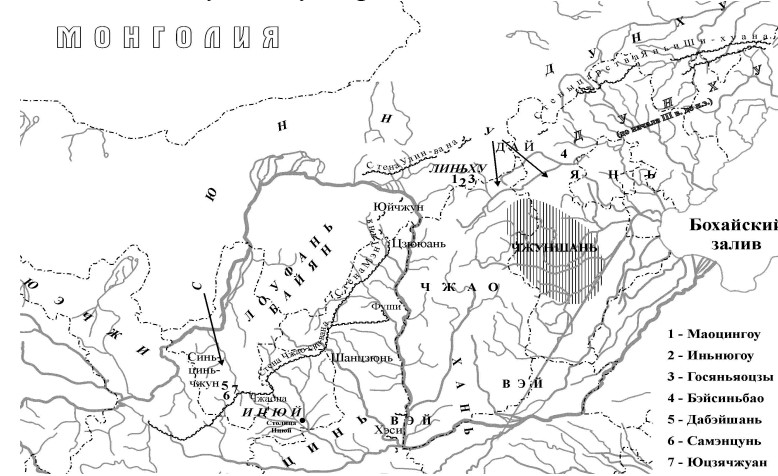
¹¹⁴⁴ Обсуждение книги Л.Н. Гумилева «Старобурятская живопись» в Музее антропологии и этнографии (Ленинград), 10 июня 1976 г. // Гумилев Л.Н. Древний Тибет. – М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 552.

¹¹⁴⁵ Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Мужская и женская одежда казахов XIX – начала XX веков // Материалы и исследования по этнографии казахского народа (Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН Каз.ССР. Т. 18). – Алма-Ата, 1963. – Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1963. С. 51–86. С. 84. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. С. 33–34. А.Д. Грач, ссылаясь на статью Гумилева, называл этих воинов неопределенно «турфанцами». Однако он преследовал конкретную цель – подтвердить свою концепцию, что каменные статуи в степи изображали не умерших знатных тюркских воинов, а главного врага каждого погребенного, соответственно, не тюрков в узком понимании термина. См. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 78–79. М.В. Крюков и С.И. Вайнштейн, сосредоточившись на разъяснении ошибочного понимания советскими археологами принципа запахивания средневековыми кочевниками халата, упустили при характеристике работы Гумилева главное – независимо от положения левой полы одеяния, общий облик воинского костюма на статуэтках не китайский. См. Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник 1966. – М.: Наука, 1966. С. 177–187. С. 182–185. С.А. Яценко, принимая атрибуцию Гумилева в общем, предлагает собственную интерпретацию связи статуэток с тюрками: согласно генеалогическим легендам, правящий род Ашина происходил из Турфана, значит, для одеяния тюркских воинов был характерен распространенный там доспех, который затем изменился под влиянием китайцев, а вновь подчинившие в конце VI в. Турфан тюрки потребовали «восстановить» древние обычаи на их исторической прародине». См. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. – М.: Восточная литература, 2000. С. 363.

Приложение 3

(к параграфам 2.2 и 3.1)

Варварские племена на северной границе китайских царств в период Чжанго
Ковалев А.А. Происхождение сюнну согласно данным истории и археологии // Европа-Азия: Проблемы этнокультурных контактов. – СПб., 2002. С. 177.

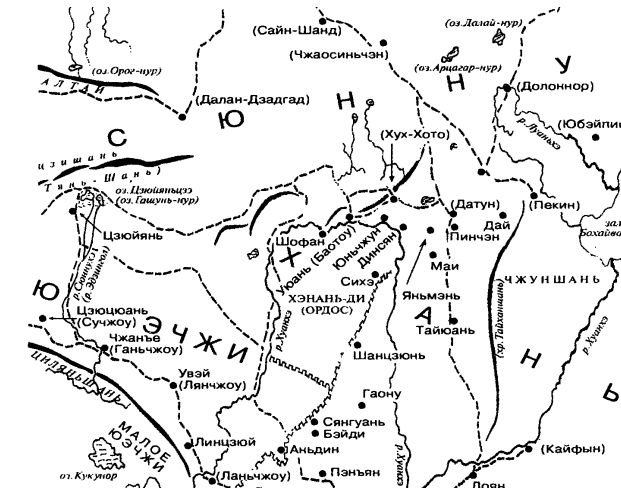

Наверху. Распространение племен в Срединной Азии около VII в. н.э.

Гумилев Л.Н. Хунну. – М., 1960. С. 26.

Внизу. Китай и хунну в эпоху Чжанго (V–III вв. до н.э.)

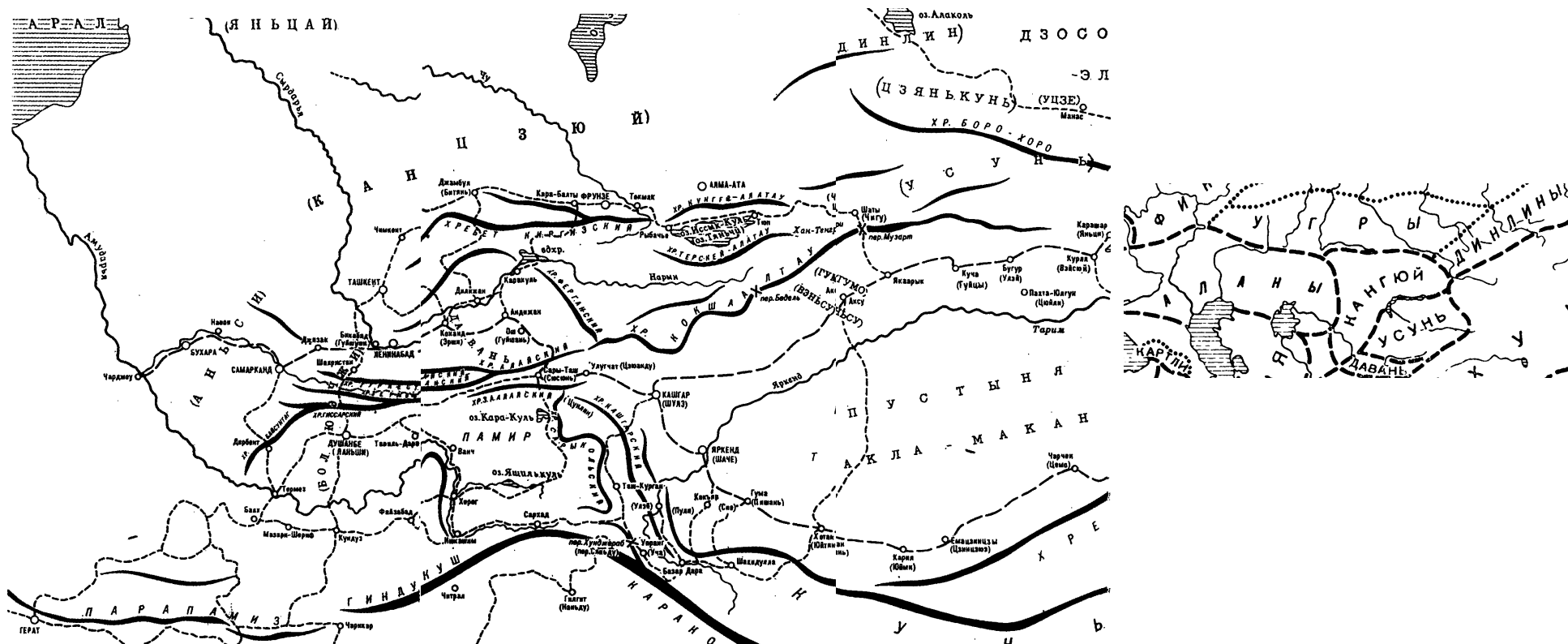
Миняев С.С. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул, 1991. С. 118.

Хунну, юэчжи и империя Хань в начале II в. до н.э.

Боровкова Л.А. Царства «западного края» во II–I вв. до н.э. – М., 2001. (Рис. 1, деталь)

Как нетрудно заметить, все приведенные выше карты по большинству деталей не совпадают, но схожи в общем представлении о расположении царств и племен Центральной и Восточной Азии. Поэтому говорить о дефектности конкретно карт Л.Н. Гумилева (Мосионжник Л.А. Технологии исторического мифа. С. 239–241) не представляется возможным. Попросту нет эталона, по которому можно было бы всё равнять.

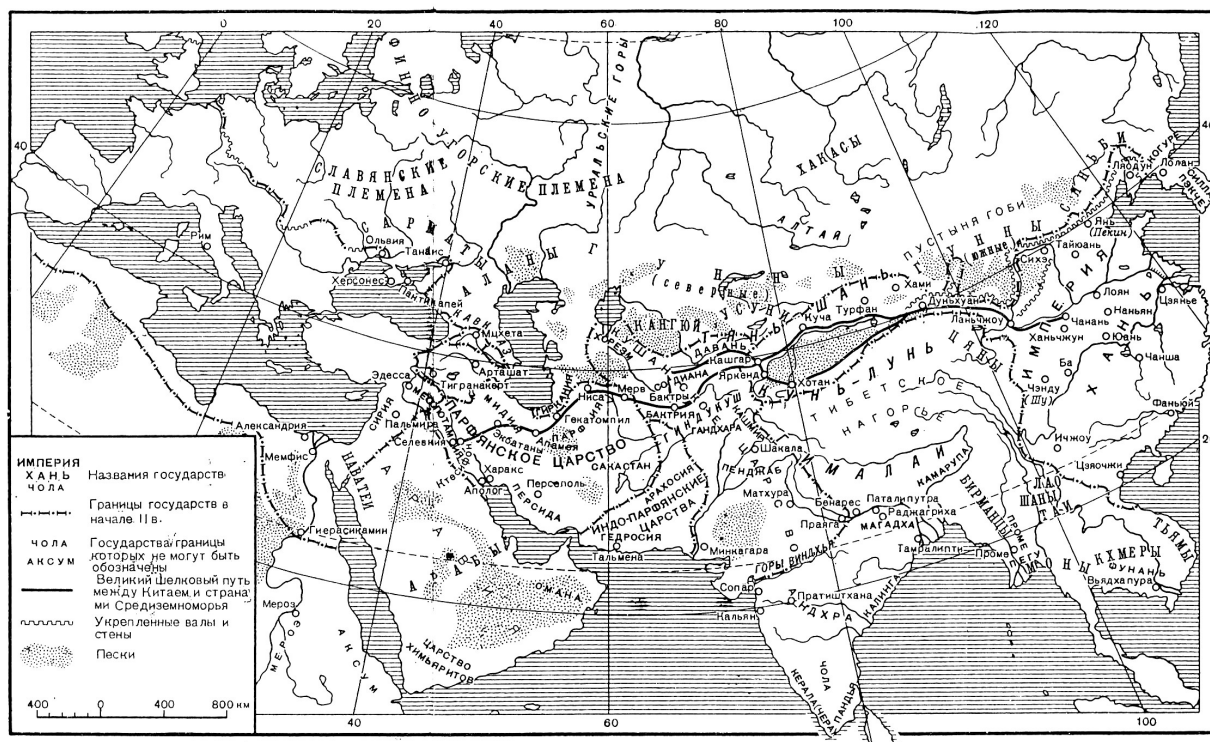
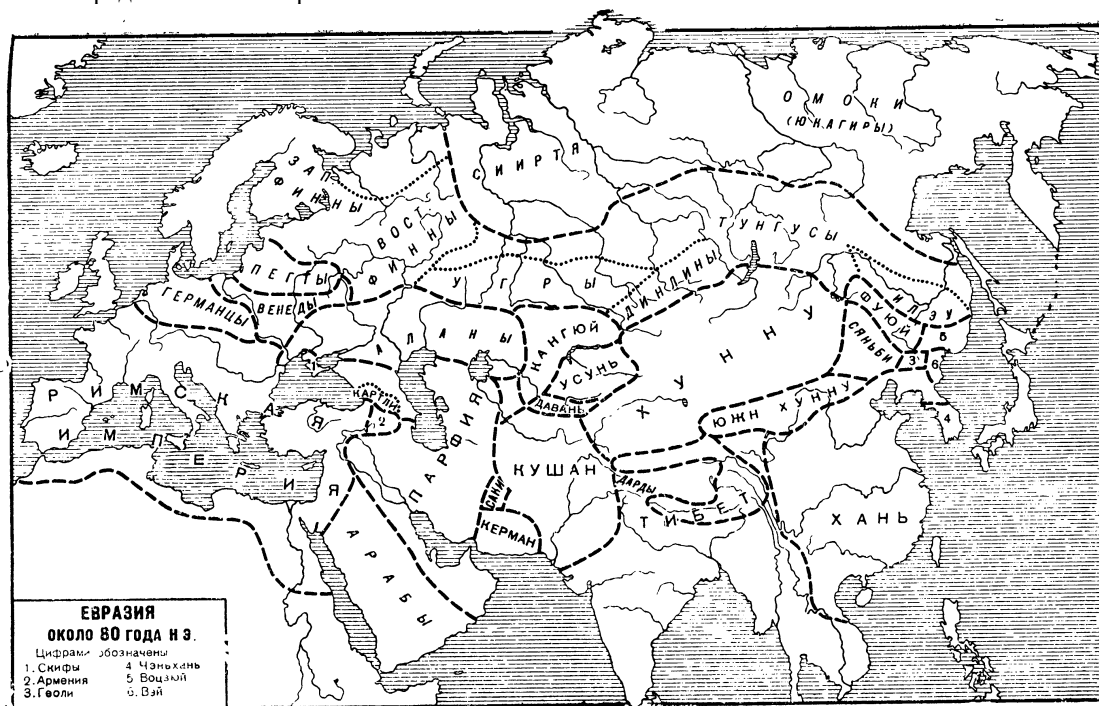

Локализация государств по «Хань шу» (I в. до н.э. – 25 г. н.э.). Боровкова Л.А. Царства «западного края» во II–I вв. до н.э. (Рис. 3, деталь)

Справа: Евразия около 80 г. н.э. (деталь карты). Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. – М., 1966. С. 91.

Учитывая разные масштабы и разную степень схематичности, тем не менее, нетрудно заметить близкое соответствие на картах в расположении Кангюя, усуней, динлинов, аланов (Яньцай) и Парфии (Аньси).

Обзорные карты Евразии – на конец I в. н.э., по Л.Н. Гумилеву (сверху, из книги «Открытие Хазарии». С. 91), и на период II–IV вв., по Б.Я. Ставискому (Между Памиром и Каспием. – М.: Наука, 1966. Карта №7 «Древний мир во II–IV вв. н.э.»). Книги Л.Н. Гумилева и Б.Я. Ставиского вышли в один год в одном и том же издательстве и в одной и той же серии «По следам исчезнувших культур Востока» (на «Открытии Хазарии» нет характерной эмблемы серии, но в аннотированном каталоге издательства книга Гумилева включена в ее состав; см. Книги Главной редакции восточной литературы издательства «Наука». 1957–1966. Аннотированный каталог. – М.: Наука, 1968. С. 138). Однако сходство карт объясняется не только этим. Авторы дружили во время совместной работы в Эрмитаже и сохраняли хорошие отношения впоследствии (см. выше с. 146, 240). По-видимому, они придерживались и схожих взглядов на историю Средней и Центральной Азии («Срединной Азии»), что и отразилось на представленных картах.

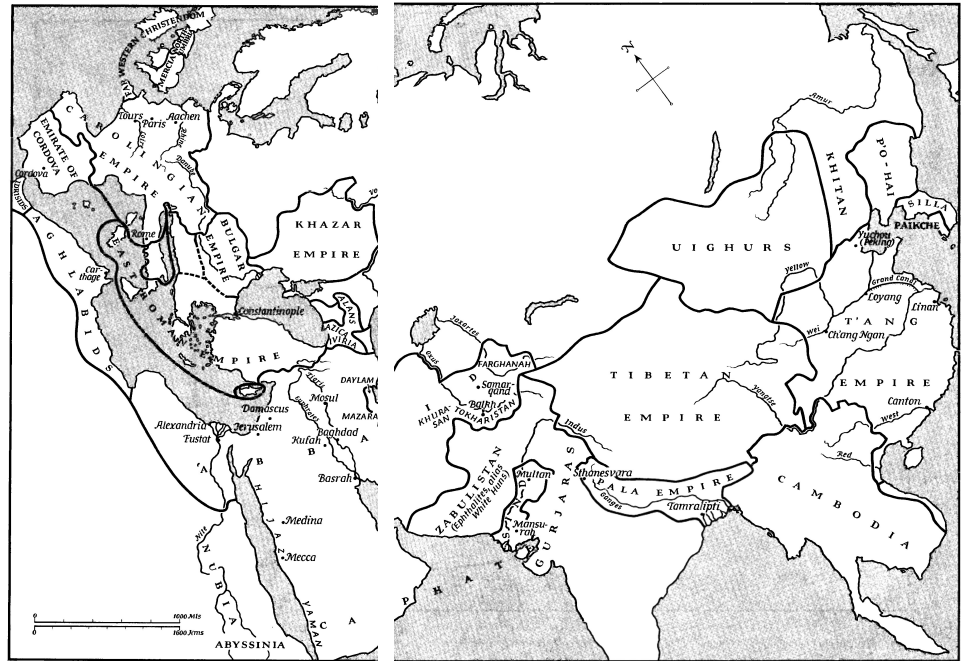

Приложение 4

(к параграфу 3.2)

Toynbee A. A study of history. A new edition revised and abridged by the author and Jane Caplan. – London, 1972. P. 512–513.

The Tang Empire, the 'Abbasid caliphate, the East roman empire, and the Carolingian empire, c. AD 815
(Империя Тан, халифат Аббасидов, Восточно-римская империя и империя Каролингов около 815 г. н.э.)

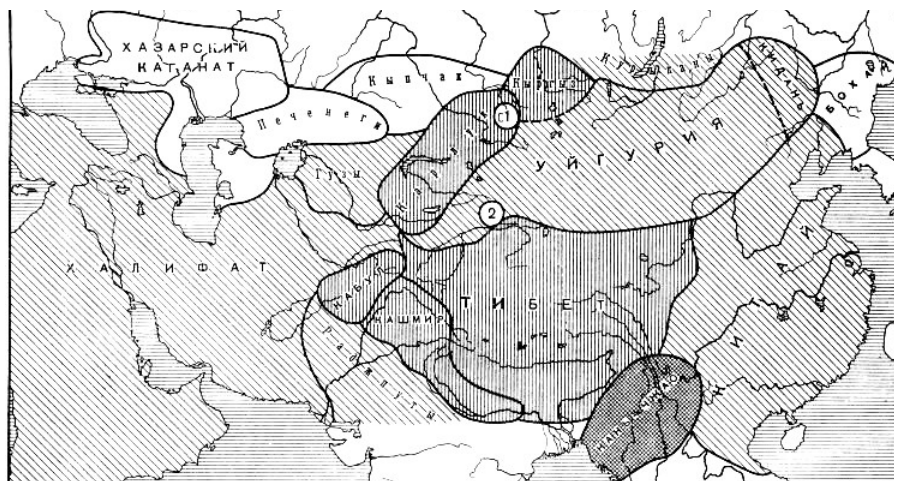

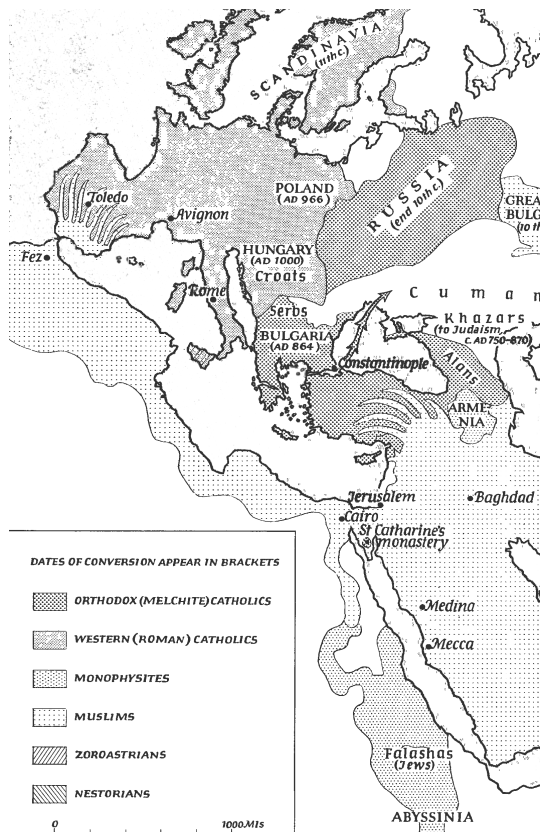
Гумилев Л.Н.
Древние тюрки. – М., 1967. С. 293.
Срединная Азия в первой половине VIII в. Полужирным выделены годы издания с целью показать, что монографии Гумилева во всех случаях предшествовали изданиям, с которыми они здесь сравниваются.

Срединная Азия в середине IX в.

Гумилев Л.Н.
Древние тюрки. С. 370

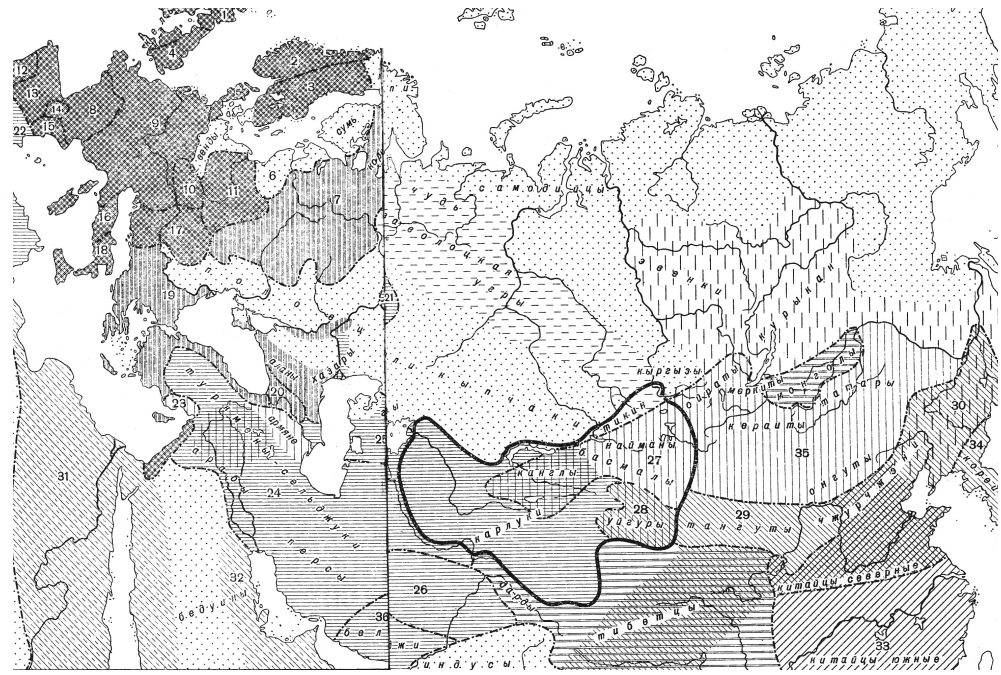

The distribution of the Judaic religions, c. AD 1200
(Распространение авраамических религий около 1200 г. н.э.)

Toynbee A. A study of history. A new edition... London, 1972. P. 518–519.

Этно-культурные целостности выделенные по конфессиональному признаку

Распространение религий в сер. XII в. (Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 368–369)

1. Королевство Шотландия.
2. Королевство Норвегия.
3. Королевство Швеция.
4. Королевство Англия.
5. Королевство Дания.
6. Прибалтийские народы: эсты, ливы, латыши, литва, пруссы.
7. Великое княжество русское.
8. Королевство Франция.
9. Священная Римская империя германских народов.
10. Королевство Богемия.
11. Королевство Польша.
12. Королевство Португалия.
13. Королевство Кастилия.
14. Королевство Наварра.
15. Королевство Арагон.
16. Папская область.
17. Королевство Венгрия.
18. Королевство Сицилийское.
19. Византийская империя.
20. Царство Грузия.
21. Великий Булгар (ханство).
22. Магриб (до 1147 г. эмират Альморавидов, потом халифат Альмохадов).
23. Царство Малая Армения.
24. Султанат Великих Сельджуков.
25. Шахство Хорезм.
26. Султанат Гуридов.
27. Ханство караки-таев.
28. Идыкуство Уйгурия.
29. Царство Тангут.
30. Империя Кинь (Цзинь).
31. Халифат Фатимидов.
32. Племенной союз бедуинов Бахрейна.
33. Империя Сун.
34. Царство Корно.
35. Племенной союз «цзубу».
36. Керман.

Successor-states of the Tang and 'Abbasid Empires, AD 1175
(Государства-наследники империй Тан и Аббасидов, 1175 г. н.э.)

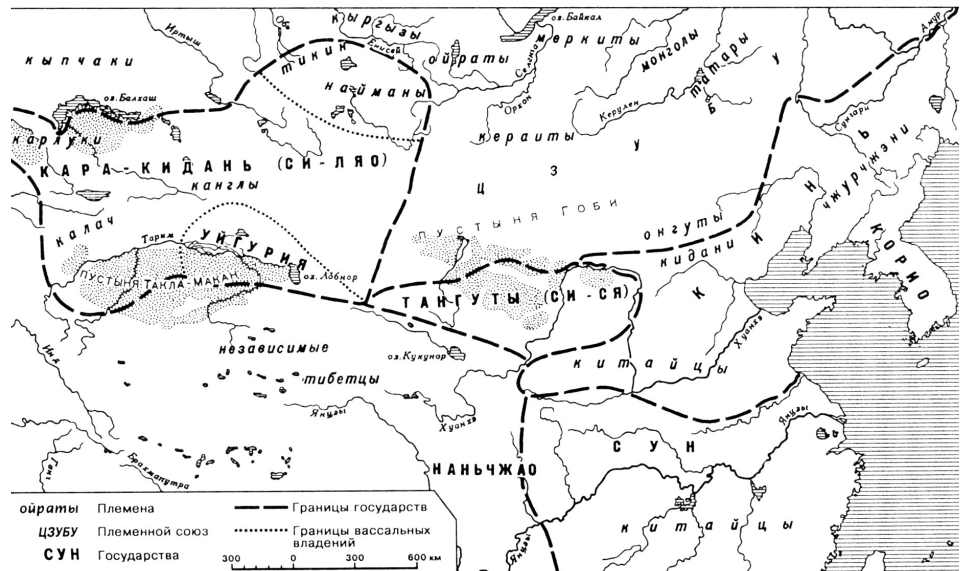
Toynbee A. A study of history. A new edition... London, 1972. P. 520–521.

Средняя Азия в XII в.

Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 366.

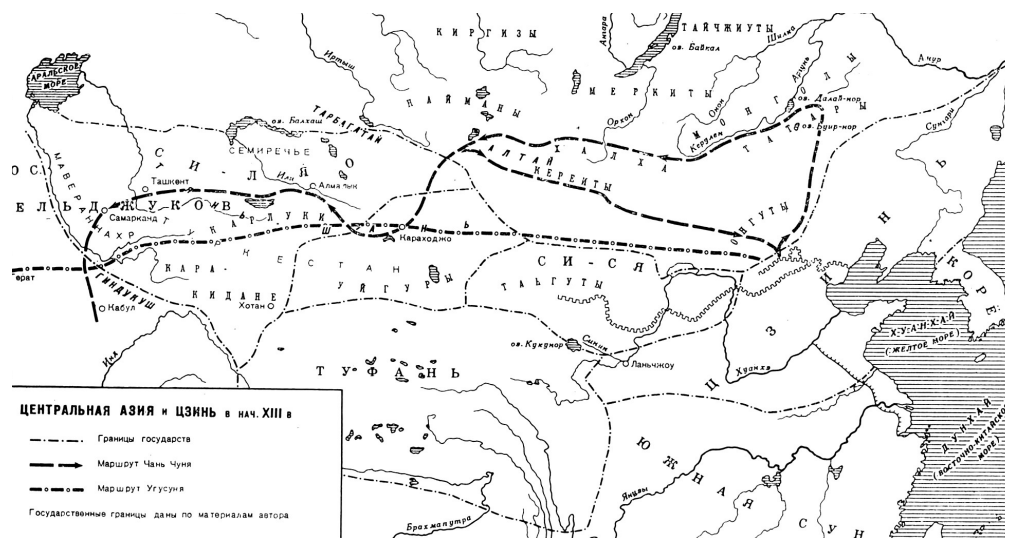
Данная пара карт Гумилева и Тойнби совпадает не только по общей стилистике, в определении границ и размещении племен, но и в такой детали, как наименование чжурчжэньской империи «Кинь» вместо «Цзинь».

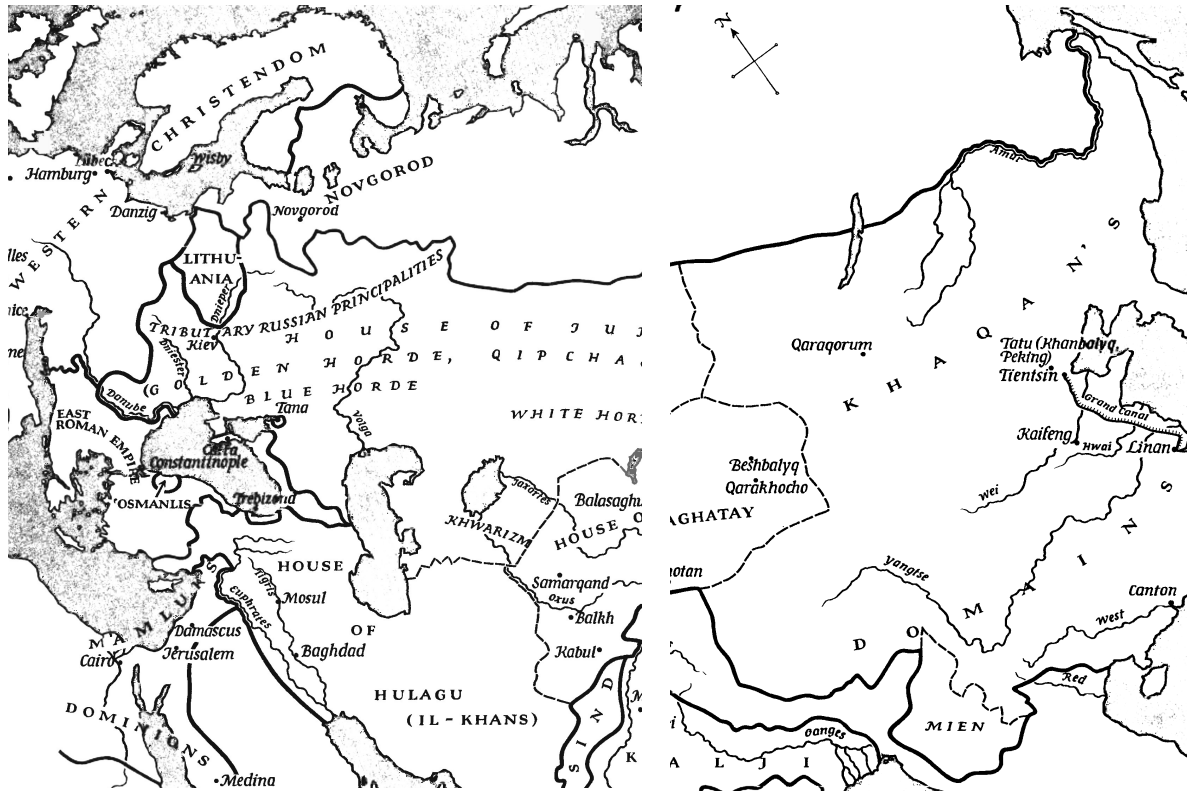

Пример аналогичной карты:

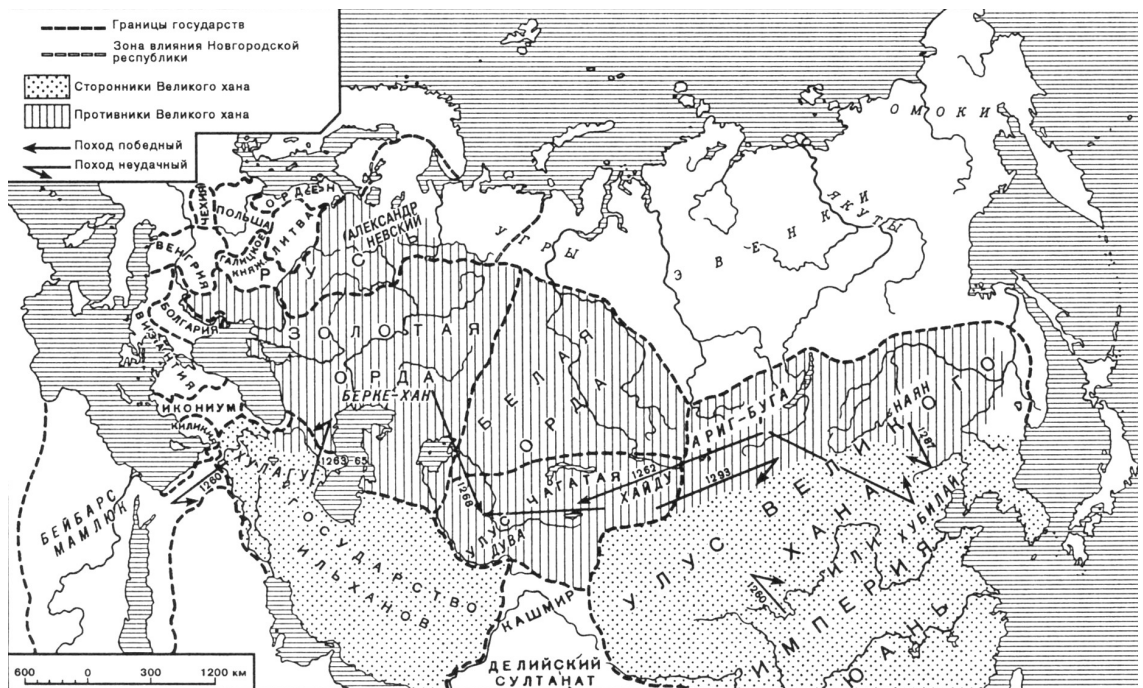
Воробьев М.В. Чжурчжэньское государство Цзинь и Центральная Азия // Страны и народы Востока. Вып. XI. – М., 1971. С. 33.

Последний случай сходства объясним, несомненно, дружеским и профессиональным общением Гумилева с М.В. Воробьевым (см. выше с. 130).

The Mongol Empire, c. AD 1310 (Монгольская Империя около 1310 г. н.э.)
 Toynbee A. A study of history. P. 522–523.

Распад монгольского улуса (1260-1300)
 Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 371.

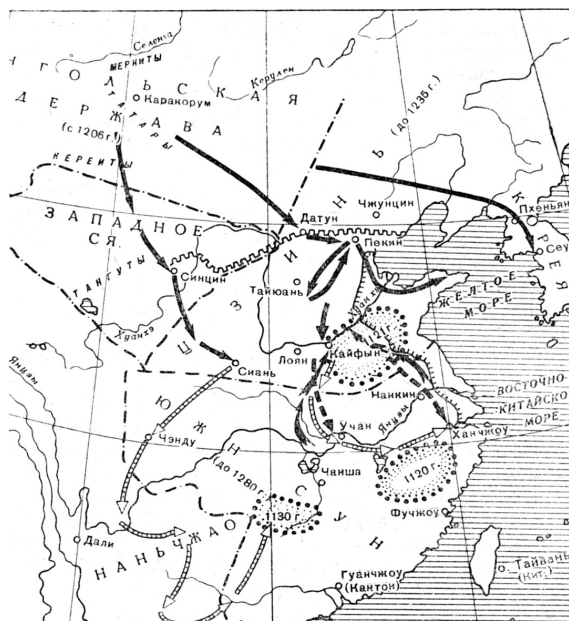
Уйгуры и их соседи в Центральной Азии
Тихонов Д.И.
Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X–XIV вв. – М.-Л.: Наука, 1966. С. 27, 42.

Карта расселения уйгуров в период 747–840 гг.

Карта уйгурского государства в X–XIV вв.

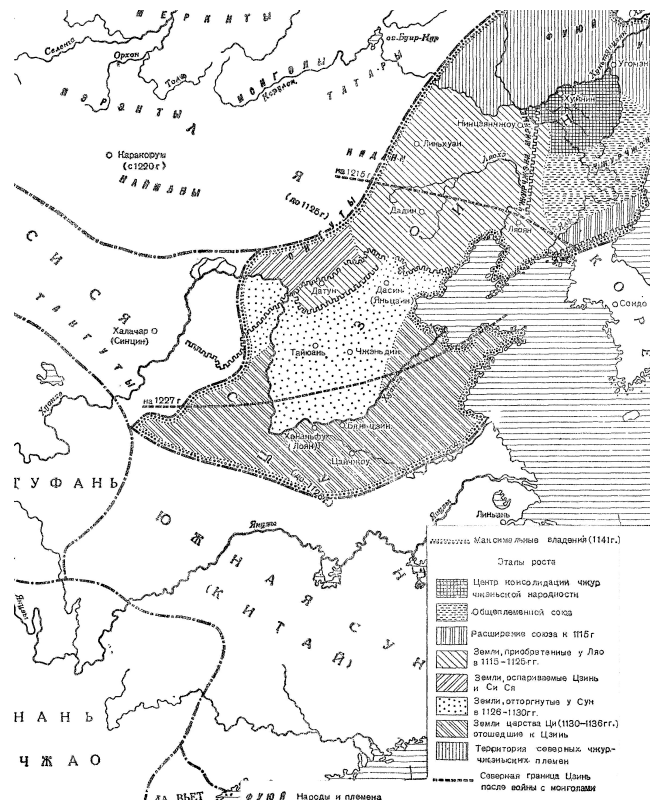

Китай XII–XIII вв.

История стран Азии и Африки в средние века. – М.: изд-во Моск. Ун-та, 1968. С. 157.

Развитие чжурчжэньского государства Цзинь

Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь. – М.: Наука, 1975 (срвана).

Вывод. По мнению Л.А. Мосионжника (Технологии исторического мифа. – СПб.: Нестор-История, 2012. С. 236–239), на картах Л.Н. Гумилева из монографии «Поиски вымышленного царства» с ошибками указаны границы тангутской империи Си-Ся, кара-киданьской империи Си-Ляо, Кореи; границы между империями Цзинь и Сун. Суровый критик не преминул заметить, что царство, «на самом деле еще в X в. переименованное в Дачанхэ, а затем в Дали» (с. 239), у Гумилева на карте «Срединная Азия XII в.» значится под старым названием Наньчжао.

Приведенные в настоящем приложении карты демонстрируют всю вариативность обозначения границ средневековых царств и империй, порой даже для работ одного и того же автора (не только Л.Н. Гумилева, но и М.В. Воробьева). При этом следует учитывать, что любые границы до XVIII–XIX вв. могут быть показаны только условно. Сложнее всего Л.А. Мосионжнику было бы придраться к картам Д.И. Тихонова. Но много ли дает подобная схематизация? Царство Наньчжао (именно под этим названием) присутствует на двух картах, в том числе в университетском учебнике, даже для начала XIII в. В целом, в той форме, в которой требования по оформлению исторических карт предъявлены Л.Н. Гумилеву, они должны быть перенаправлены всему советскому востоковедению 1960–70-х гг. (и европейскому, если судить по картам из книги А.Дж. Тойнби), что исключает какую-то «особую дефектность» работ Гумилева. Но именно это Л.А. Мосионжник стремился доказать.